

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXVII
(I)**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY XXVII (I)**

Proceedings of the 27th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

26–28 июня 2023 г. — June 26–28, 2023

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (I) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2023 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. — 698 с.

(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 27 (1), 2023).

Indo-European linguistics and classical philology XXVII (I) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. — 698 p.

(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 27 (1), 2023).

Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60970, Выдано Роскомнадзором 05 марта 2015 г.

ISSN 2306-9015 Indoevropskoje âzykoznanie i klassičeskaâ filologîâ

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp230690152701

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (главный редактор);

д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ),

Prof. Dr. V. Blažek (Brno), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),

д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),

д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),

к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)

д. филол. н. Н. П. Гринцер (РАНХиГС), Prof. Dr. H. Eichner (Wien),

к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),

к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),

Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),

д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),

д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН), к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp230690152701

© Коллектив авторов, 2023

© ИЛИ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЕВА А. А. Инфинитивы перфекта в медицинских рекомендациях трактата Цельса «О медицине».....	9
АНТОНЕЦ Е. В. Фигура <i>exprobitio</i> : риторическое украшение или инструмент воздействия? (Cic. <i>Arch.</i> 28–30 и <i>rhet. Her.</i> IV 42, 56–57).....	20
АХУНОВА О. Л. Комментируя Пиндара (<i>Pyth.</i> 11.17–22): история о том, как был спасен Орест.....	29
БАЛАХОВСКАЯ А. С. Священное Писание в «Лавсаике» Палладия Еленопольского.....	38
БЕЛИКОВ А. Е., ЛЕНЧИНЕНКО М. В., ЛЮБЖИН А. И. М. Н. Муравьев — читатель «Георгик».....	47
БОГДАНОВ И. В. К семантике царского титула <i>hm</i> «величество» в египетском языке.....	72
БОНДАРКО Н. А. Прение Соломона и Маркольфа как диалог и языковая игра.....	99
БРАГИНСКАЯ Н. В. Как звали Рассказчика-Очевидца в « <i>Passio Perpetuae et Felicitatis</i> »?	123
БРАЙЛОВСКАЯ А. А. Пространственные значения окончания -φι в микенском диалекте и гомеровских текстах	148
БРАТУХИН А. Ю. Гностические и египетские источники образа <i>σαρκικὸν πνεῦμα</i> (к вопросу о психологии Климента Александрийского).....	171
БРАТУХИН А. Ю., ЯКОВЛЕВА К. А. «Кожаные ризы» в ранней александрийской традиции.....	182
БРАТУХИНА Л. В. Пифагор и неопифагорейцы в поэме Э. Паунда « <i>The Cantos</i> ».....	191
БУЗУРНЮК Е. Н. Сфирмах, Фирмах, Клеомах: о схолиях к ст. 22 «Женщин в народном собрании» Аристофана.....	202
ВАСИЛЬЕВ А. В. <i>Exempla</i> религиозной практики гаруспиков в трактате Цицерона «О дивинации».....	216
ВЕРЛИНСКИЙ А. Л. Сократ о необходимости договора в платоновском «Кратиле» (431 d 1 – 435 c 9).....	227
ВОЛОШИНА О. А. Деванагари Индии и иероглифика Китая как отражение устной и письменной филологической традиции	259
ГАВРИЧЕНКОВ А. Н. О семантике рефлексов и.-е. корня <i>*leudh-</i> в древнегерманском и других древних индоевропейских языках	274
ГАВРЮШЕВА А. Е. <i>Konsonantengraphemsysteme in deutschsprachigen Handschriften des 15. Jahrhunderts aus dem Nürnberger Katharinenkloster</i>	280
ГОЛИКОВА М. С. <i>Inquisitor</i> в текстах древнеримских авторов.....	301
ГОЛОВИН Д. В. Типы пассива в германских языках и их грамматическое выражение.....	312

ГОРЛОВ Н. Г., МОРОЗОВА М. С., СОБОЛЕВ А. Н. Этнолингвистические группы Юго-Восточной Европы: способы презентации.....	326
ДЖАКСОН Т. Н. Что такое <i>Гандвик</i> ? несколько замечаний о практике перевода и составления указателей.....	345
ДЗИЦКОЙТЫ Ю. А. К истории лабиальных фонем в осетинском языке.....	354
ДОМОСИЛЕЦКАЯ М. В. Дополнения к семантической программе «Малого диалектологического атласа балканских языков»....	368
ДЮБО Б. А. Развитие принципа наглядности в обучении грамматике последователями лютеранского пиетиста Августа Франке...	381
ЕЛОЕВА Ф. А. Но пока мне рот не забили глиной... Кавафис дописывает Плутарха.....	392
ЕМЕЛЬЯНОВ В. В. Упомянут ли обряд отверзания уст в текстах Гудеа? (казус статуи R).....	416
ЖЕЛТОВ А. Ю., ЖЕЛТОВА Е. В. К проблеме недискретности лингвистического описания в контексте индоевропейских суффиксов и флексий.....	429
ЖУГРА А. В. Что завещают герои албанского эпоса?.....	440
ЗАБЕЛИНА Е. А. О формировании каритивной конструкции хинди с адлогом <i>binā</i> 'без'.....	456
ЗАЙКА Н. М. Источники грамматикализации полипредикативных причинных показателей и свойства причинных конструкций в индоевропейских языках	474
ИБРАГИМОВ И. И. <i>Optativus obliquus</i> в древнегреческом языке: интерпретации и перспективы исследований.....	488
ИВАНОВ С. В. Ирландская история XII века в восточнославянских переводах «Видения Тнугдала».....	498
КАЗАНСКАЯ М. Н. <i>Tmesis of Adverbs in early Epic poetry</i>	507
КАРГАЛЬЦЕВ А. В. Терминология богатства и бедности в трактатах Тертуллиана.....	520
КАРПЮК С. Г. От эвакуации к реэвакуации: московские историки древности в 1941–1943 годах.....	529
КИСИЛИЕР М. Л., СОЛЛИЕК Т. Новогреческая диалектология и диалектометрия.....	538
КОЗАК В. В. Фонологическая сложность сербохорватских говоров в контактологической перспективе.....	569
КОРСО А. Бронзовые портреты работы скульптора Феодора Парийского.....	582
КОРЧАГИН А. О. «Хозяина дома назвали Вельзевулом»: к интерпретации Мф. 10:25.....	588
КОТОВА А. В., ВАСЕВА Е. В. Сравнения в лемносском эпизоде в «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация.....	600
КОШЕВСКАЯ А. Ю. Изменения в просодии негреческих заимствований в латинском языке.....	612
КРУГЛОВА К. В. <i>Φῆρος</i> в поэмах Гомера: просодия в <i>Il.</i> 18.353 и <i>Od.</i> 8. 186 и реконструкция значения.....	621

КУЗНЕЦОВА Н. А., СМИРНОВА А. С. Цитаты из древнегреческих авторов в сочинениях М. Ломоносова: анализ исследований и комментариев.....	637
КУЗЬМЕНКО Ю. К. Употребление руны R (𐀀) для обозначения гласных в надписях младшими рунами.....	652
КУРИЛОВА А. Д. Ирония в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке.....	664
ЛАДЫНИН И. А. Война египетского царя Сесостриса со скифами в труде Мегасфена.....	672
ЛАРИОНОВА Н. Б. Гинекологические главы «Энциклопедии» Михаила Пселла.....	685
Список авторов.....	694

CONTENTS

AKHUNOVA O. L. Commenting on Pindar (<i>Pyth.</i> 11.17–22): the story of how Orestes was saved.....	29
ALEKSEEVA A. A. The perfect infinitive in the medical prescriptions in Celsus' <i>De medicina</i>	9
ANTONETS E. V. <i>Expolitio</i> : ornamental device or instrument of influence? (Cic. <i>Arch.</i> 28–30 and <i>rhet. Her.</i> IV 42, 56–57).....	20
BALAKHOVSKAYA A. S. Holy Scripture in Palladius of Helenopolis' <i>Lausiaca History</i>	38
BELIKOV A. E., LENCHINENKO M. V., LYUBZHIN A. I. M. N. Muravyov reader of the <i>Georgics</i>	47
BOGDANOV I. V. On the semantics of the royal title <i>hm</i> 'majesty' in the Egyptian language.....	72
BONDARKO N. A. The verbal contest between Solomon and Marcolf as dialogue and language game.....	99
BRAGINSKAYA N. V. What was the name of the Eyewitness and Narrator in the « <i>Passio Perpetuae et Felicitatis</i> »?.....	123
BRATUCHINA L. V. Pythagoras and the Neo-Pythagoreans in Pound's poem <i>The Cantos</i>	191
BRATUKHIN A. YU. Gnostic and Egyptian sources of <i>σαρκικὸν πνεῦμα</i> (on the psychology of Clement of Alexandria).....	171
BRATUKHIN A. YU., YAKOVLYEVA K. A. "Coats of skin" in the early Alexandrian tradition.....	182
BRAYLOVSKAYA A. A. Spatial meanings of the ending -φι in the Mycenaean dialect and Homeric texts.....	148
BUZURNYUK E. N. Sphyromachos, Phyromachos and Cleomachos: scholia on v. 22 of Aristophanes' <i>Assemblywomen</i>	202
CORSO A. The bronze sculptor Theodoros of Parion.....	582

DJUBO B. A. The development of the visualisation principle in teaching grammar by the followers of the Lutheran pietist August Francke...	381
DOMOSILETSKAYA M. V. Additions to the semasiological program of <i>Minor Dialect Atlas of the Balkan languages</i>	368
DZITSTSOITY YU. A. On the history of labial phonemes in the Ossetian language.....	354
ELOEVA F. A. Yet until brown clay has been rammed down my larynx... Cavafy continues Plutarch.....	392
EMELIANOV V. V. Is the rite of opening the mouth mentioned in Gudea's texts? (the case of Statue 'R').....	416
GAVRICHENKOV A. N. On the semantics of reflexes of the PIE root *leudh- in Ancient Germanic and other Indo-European languages.....	274
GAVRIUSHEVA A. E. Consonant grapheme systems in German-language manuscripts of the 15th century from the St. Catherine's Monastery in Nuremberg.....	280
GOLIKOVA M. S. The <i>Inquisitor</i> in the texts of the Ancient Roman authors.....	301
GOLOVIN D. V. Types of passives in Germanic languages and their grammatical expression.....	312
GORLOV N. G., MOROZOVA M. S., SOBOLEV A. N. Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation.....	326
IBRAGIMOV I. I. Oblique optative in ancient Greek: interpretations and further research.....	488
IVANOV S. V. Irish history of the 12 th century in East Slavic translations of the <i>Vision of Tnúgdalús</i>	498
JACKSON T. N. What is <i>Gandvik</i> ? Some remarks on principles of translation and indexing.....	345
KARGALTSEV A. Terminology of poverty and wealth in Tertullian's treatises.....	520
KARPYUK S. G. From evacuation to re-evacuation: Moscow historians of antiquity in 1941–1943.....	529
KAZANSKAYA M. N. Tmesis of Adverbs in early Epic poetry.....	507
KISILIER M. L., SOLLIEC T. Studies in Modern Greek dialects and dialectometry.....	538
KORCHAGIN A. O. The master of the house was called Beelzebul: on Matt. 10:25.....	588
KOSHEVSKAIA A. Y. Changes in the prosody of non-Greek loanwords in Latin.....	612
KOTOVA A. V., VASEVA E. V. The similes in the Lemnian episode of Valerius Flaccus' <i>Argonautica</i> and Statius' <i>Thebaid</i>	600
KOZAK V. V. Phonological complexity of Serbo-Croatian dialects in the light of language contacts.....	569
KRUGLOVA K. V. Φᾶρος in Homer: metre in <i>Il.</i> 18.353 and <i>Od.</i> 8. 186 and the reconstruction of meaning	621

KURILOVA A. D. Interpretation of irony in Latin handwritten rhetoric books composed in Russia in the 18 th century.....	664
KUZMENKO YU. Rune R (ᚱ) as designation of vowels in younger runic inscriptions.....	652
KUZNETSOVA N. A., SMIRNOVA A. S. The quotations from Ancient Greek authors in Mikhail Lomonosov's works: analysis of studies and commentaries.....	637
LADYNIN I. A. The war of the Egyptian King Sesostri's against Scythians in Megasthenes' Narrative.....	672
LARIONOVA N. B. Gynaecological chapters of the <i>Encyclopaedia</i> by Michael Psellos.....	685
VASILYEV A. V. <i>Exempla</i> of the religious practice of haruspices in the treatise of Marcus Tullius Cicero <i>On Divination</i>	216
Verlinsky A. L. Socrates on the need for convention in Plato's <i>Cratylus</i> (431 d 1 – 435 c 9).....	227
VOLOSHINA O. A. Devanagari of India and Hieroglyphics of China as a reflection of sounding and written philological tradition.....	259
ZABELINA E. A. On the shaping of the Hindi caritive construction with the adposition <i>binā</i> 'without'.....	456
ZAICA N. M. The diachrony of polypredicative causal markers and properties of causal constructions in Indo-European languages..	474
ZHELTOV A. JU., ZHELTOVA E. V. Towards the problem of nondiscreteness of linguistic description in the context of Indo-European suffixes and inflections.....	429
ZHUGRA A. V. Testament of a hero in Albanian epic poetry.....	440
List of authors.....	694

ИНФИНИТИВЫ ПЕРФЕКТА В МЕДИЦИНСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЯХ ТРАКТАТА ЦЕЛЬСА «О МЕДИЦИНЕ»

Статья посвящена изучению семантики и особенностей употребления инфинитивов перфекта в медицинских предписаниях в трактате Цельса «О медицине». Эти инфинитивы используются только в трех видах конструкций, с помощью которых Цельс вводит в текст указания по лечению и профилактике заболеваний: с глаголом *prodesse*, с безличным выражением *satis est* или *abunde est*. Автор настоящей статьи анализирует и сравнивает все случаи употребления инфинитивов перфекта в тексте сочинения Цельса и приходит к выводу, что у данной инфинитивной формы существуют три основных значения. Она выражает предшествование, состояние в будущем и однократность предписываемого действия.

Ключевые слова: Цельс, «О медицине», инфинитивы перфекта, *satis est*, *abunde est*, *prodesse*.

А. А. Alekseeva
Lomonosov Moscow State University/Moscow State Linguistic University. Russia.
a.alexiana@yandex.ru

The perfect infinitive in the medical prescriptions in Celsus' *De medicina*

The paper analyzes semantics and usage of the perfect infinitive in medical instructions contained in Celsus' treatise *De medicina*. This verbal form is applied only in three types of constructions, used by Celsus to introduce treatment recommendations, namely with the verb *prodesse* and with impersonal phrases *satis est* and *abunde est*. The author examines and compares all occurrences of the perfect infinitive in the text and comes to the conclusion that these infinitives have three principal meanings: they can denote a preceding action, a state in the future and a single action.

Key words: Celsus, *De medicina*, the perfect infinitive, *satis est*, *abunde est*, *prodesse*.

В трактате «*De medicina*» Цельс описывает методы лечения и профилактики заболеваний с помощью разнообразных синтаксических средств, и среди них значительную часть составляют конструкции с инфинитивом, который может зависеть от безличного глагола или выражения, например:

necesse est, opus est, oportet ‘необходимо, нужно’; conuenit ‘следует’; expedit, utile est ‘полезно’; satis est, abunde est ‘достаточно’; licet ‘можно’. С инфинитивом используются и глаголы в личных формах, выполняющие в предложении роль сказуемого, в то время как инфинитив — роль подлежащего ‘быть полезным’.

Обычно в таких конструкциях используются инфинитивы настоящего времени, однако в медицинских рекомендациях при глаголе *prodest* и выражениях *satis est* и *abunde est* встречаются **инфинитивы перфекта**, образованные от глаголов, которые могут использоваться как инфинитивы настоящего времени. *Infinitiuū perfecti* употребляются в тексте сочинения Цельса 10 раз: 2 раза — при *abunde est*, 4 раза — при *satis est*, 4 раза — при *prodest*.

Необходимо отметить, что подобные случаи употребления инфинитивов перфекта практически не рассматриваются в основных грамматиках латинского языка. Например, в «*Lateinische Syntax und Stilistik*» Гофманна и Шантыря (Hofmann, Szantyr 1972: 351–353) описывается, прежде всего, использование таких инфинитивов в поэзии. Относительно перфектных инфинитивов при безличных глаголах отмечается, что чаще в таких случаях употребляется перфектный инфинитив пассивного залога. Стоит обратить внимание и на то, что при этом не говорится о возможной связи латинских перфектных инфинитивов с аористными инфинитивами в древнегреческом языке. В «*Syntaxe latine*» Эрну и Тома (Ernout, Thomas 1964: 259–260) приводится та же информация, что и в грамматике Гофманна и Шантыря, но в более сжатой форме. При этом ни в одной из работ сочинение Цельса «О медицине» даже не упоминается. С. И. Соболевский в «Грамматике латинского языка» (Sobolevsky 2009: 300–301, 317) рассматривает инфинитивы перфекта только в инфинитивных оборотах *accusatiuus cum infinitiuo* и *nominatiuus cum infinitiuo*. В важнейшем труде Д. Лангслоу о медицинской латыни в античности не описываются интересующие нас формы инфинитивов.

Рассмотрим подробнее все случаи употребления инфинитивов перфекта в интересующих нас контекстах в трактате Цельса «О медицине».

Выражения с *prodesse*

1. *Nam si adstrictum est, ducenda aluus est, mouenda urina, eliciendus omni modo sudor. In hoc genere morborum emisisse*

sanguinem, **concussisse** uehementibus gestationibus corpus, in lumine **habuisse**, **imperasse** famem, sitim, uigiliam **prodest**. Vtile est etiam ducere in balneum, prius demittere in solium, tum ungere... (Cels. III 6, 13) «Если же пациент страдает констипацией, нужно очистить кишечник клизмой, вызвать мочеиспускание, любым способом вызвать пот. При заболевании такого рода полезно пустить кровь, встряхнуть тело энергичными прогулками на носилках, держать больного в светлом помещении, предписать ему голод, жажду, бодрствование. Также полезно водить пациента в баню, сначала сажать его в ванну, потом натирать мазями...».

Здесь Цельс описывает методику лечения лихорадки в тех случаях, когда пациент страдает констипацией. Сначала основные медицинские указания вводятся в текст с помощью второго описательного спряжения: *aluus ducenda est, mouenda urina, eliciendus sudor*; далее указания, носящие менее обязательный характер, — с помощью конструкции, состоящей из глагола *prodesse* и перфектных инфинитивов активного залога *emisisse, concussisse, habuisse, imperasse*; затем для выражения дополнительных рекомендаций (на что указывает частица *etiam*) используется безличное выражение *utile est* с инфинитивами настоящего времени. Таким образом, мы сразу обращаем внимание на то, что инфинитивы перфекта и инфинитивы настоящего времени в тексте сочинения Цельса встречаются в одном контексте. Можно предположить, что инфинитивы в перфектной форме указывают на состояние, в котором полезно находиться больному к моменту выполнения основных рекомендаций по лечению. Из этого следует, что **действия, выраженные данными инфинитивами, предшествуют** действиям, выраженным формами герундива с глаголом *esse*.

Похожий случай употребления инфинитива перфекта следующий:

2. Si uero teretes sunt, qui pueros maxime exercent, et eadem **dari possunt** et quaedam leuiora, ut contritum semen urticae aut brassicae aut cumini cum aqua, uel menta cum eadem uel absinthium decoctum uel hysopum ex aqua mulsa uel nasturcii semen cum aceto contritum. **Edisse** etiam et lupinum et alium **prodest**, uel in aluum oleum subter **dedisse**. (Cels. IV 24, 2) «Если же глисты круглые, каковые больше всего мучают детей, то нужно давать те же самые средства и некоторые менее сильные, как растертое семя крапивы, или капусты, или тмина с водой, или мята с водой, или отвар полыни, или иссоп в медовой сыте, или семя

кресса, растертое с уксусом. Полезно также есть люпин и чеснок или вводить в кишечник клизмой оливковое масло».

В этом примере даются указания по избавлению от круглых глистов. Основные рекомендации выражены с помощью конструкции с глаголом *possum* и инфинитива настоящего времени: *quaedam leuiora dari possunt*, а указания дополнительного характера Цельс приводит, используя глагол *prodest* с перфектными инфинитивами *edisse* и *dedisse*. Интересно, что здесь, как и в предыдущем примере, в одном контексте встречаются выражения с инфинитивом настоящего времени и инфинитивом перфекта, причем глагол *edo* употреблен в обеих формах. Инфинитивы перфекта могут указывать на действия, к которым полезно прибегнуть для того, чтобы привести организм пациента в то состояния, при котором основная методика лечения будет восприниматься наилучшим образом. В таком случае **перфектные инфинитивы указывают на действия, предшествующие** действию, выраженному инфинитивом настоящего времени *dari*.

3. *Vix umquam fit ne uomitus sequatur: sed etiamsi incidit, miscuisse tamen nouam materiam corruptae prodest; parsque sanitatis est uomitum esse subpressum.* (Cels. IV 18, 2) «Почти никогда не бывает, чтобы за этим не следовала рвота, но даже если так случилось, полезно смешивать в организме новое вещество с испорченным; кроме того, лечение отчасти заключается в остановке рвоты».

В данном случае приводятся указания по лечению болезни кишечника и желудка, именуемой в тексте трактата как *cholera*. Цельс сообщает, что при возникновении симптомов этой болезни — судорог в ногах и руках, жажды, обмороке — необходимо пить как можно больше теплой воды и таким образом вызывать рвоту: *aquae tepidae quam plurimum bibere oportet et uomere*. Если рвоту вызвать не удалось, то это лечение в любом случае оказывает полезный эффект, так как в организме больного к испорченному веществу будет примешиваться новое вещество, и концентрация этого испорченного вещества уменьшится: в этом и заключается цель этого метода лечения. В этом примере перфектный инфинитив не выражает предшествующее действие, и использование инфинитива *miscuisse* обусловлено тем, что он выражает состояние организма пациента, которого нужно добиться, т. е. **состояние в будущем**. Кроме того, стоит обратить внимание на особенности семантики глагола *miscere* в данном контексте. В качестве субъекта действия, выраженного

формой *miscuisse*, мыслится сам пациент. При этом глагол *miscere* не обозначает преднамеренное действие, которое бы подразумевало прямое физическое воздействие на объект (в нашем примере — *pouam materiam*), т. е. здесь не говорится о том, что пациент своими руками перемешивает вещества в своем организме, но эти вещества смешиваются сами по себе. Глагол *miscere* в таком употреблении встречается у Цельса только в данном примере, во всех остальных случаях этот глагол указывает на прямое воздействие на объект и чаще используется в тех случаях, когда речь идет о смешивании различных компонентов во время приготовления лекарств. Например:

In primo casu commodissimum est malicorium ex uino coquere, interioremque eius partem conterere et cerato miscere ex rosa facto, idque superponere... (Cels. V 26, 35 A) «В первом случае лучше всего сварить с вином корку граната, ее внутреннюю часть растереть и смешать с восковой мазью из розового масла и наложить это на рану...».

Значение инфинитива перфекта в следующем случае схоже со значением этой формы инфинитива в примере №3, который был рассмотрен нами ранее.

4. *In hoc autem affectu corporis neque ambulatione neque frictione opus est: uehiculo sedisse uel magis etiam equo prodest: neque enim ulla res magis intestina confirmat.* (Cels. IV 26, 5) «При таком состоянии организма нет необходимости ни в прогулке пешком, ни в растирании. Полезно сидеть на носилках, а еще лучше на лошади, так как ничто лучше не укрепляет кишечник».

Здесь описываются профилактические меры, которые будут способствовать «закреплению» кишечника больного при диарее: с помощью конструкции, состоящей из глагола *prodest* и перфектного инфинитива *sedisse*, сообщается о пользе катаний в повозке или верховой езды. Скорее всего, **infinitivus perfecti указывает на положительный эффект в будущем**, который проявится в результате выполнения действия, выраженного данным инфинитивом.

Выражения с *satis est*

5. *Opus est cibo infirmo maximeque sorbitione, potione aquae mulsaе, cuius ternos cyathos bis hieme, quater aestate dedisse satis est.* (Cels. III 18, 16) «Необходима легкая пища, особенно супы, из напитков — медовая сыта, которую достаточно давать зимой дважды по три киафа, летом — по четыре раза».

В этом примере речь идёт о рационе питания душевнобольного пациента, в частности, о том, как часто и в каком количестве больному следует принимать медовый напиток, смешанный с водой, в разные времена года. Как известно, перфект используется в тех случаях, когда указаны количественные характеристики времени, в течение которого продолжается действие. Поэтому перфектный инфинитив *dedisse* при безличном выражении *satis est* употреблен в связи с наличием указания на кратность выполнения действия, выраженного формой инфинитива, причем для этого используются числительные-наречия: *bis hieme* ‘дважды зимой’ (скорее всего, дважды в день) и *quater aestate* ‘по четыре раза летом’ (вероятно, по четыре раза в день).

Таким же образом употребление перфектного инфинитива можно объяснить в следующем случае:

6. *Duo aut tria coclearia uno die sumpsisse satis est* (Cels. IV 26, 6)
«Достаточно принимать две или три ложки в течение одного дня».

Здесь сообщается о том, как нужно принимать лекарство от диареи. Инфинитив перфекта *sumpsisse* при *satis est* употреблен в связи с наличием указания на конкретное время приёма данного лекарства, и в тексте это выражено количественным числительным: **uno die**.

7. *Si ex gingivis exit, portulacam manducasse satis est; si ex ore, continuisse eo merum uinum; si parum id proficit, acetum.* (Cels. IV 11, 5) «Если кровь идет из десен, достаточно пожевать портулак, если изо рта — подержать во рту неразбавленное вино, если это мало помогает, то уксус».

В этом примере говорится о том, каким образом можно остановить кровотечение из десен и изо рта, и Цельс использует безличное выражение *satis est* с перфектными инфинитивами *manducasse* и *continuisse*. Здесь *infinitivi perfecti* могут указывать на **однократное выполнение действия**, что можно объяснить самим контекстом: уксус — довольно едкое вещество, поэтому постоянное его применение может только ухудшить состояние пораженной части тела. Таким образом, перфектные инфинитивы используются, как инфинитивы аориста в древнегреческом языке и на русский язык их можно перевести глаголами совершенного вида.

8. Ex quibus, **quod** erui magnitudinem **habet, satis est deuorasse**. (Cels. V 25, 1) «Из этого достаточно проглотить пилюлю размером с горошину».

Здесь даётся способ приёма пилюли (*catapotium*), способствующей пищеварению (*ad concoquendum*), и при выражении *satis est* употребляется перфектный инфинитив *deuorasse*. Скорее всего, этот инфинитив снова выражает однократное действие: другими причинами объяснить использование этого инфинитива не представляется возможным, так как здесь, во-первых, отсутствует указание на количество времени, во-вторых, этот инфинитив не выражает предшествование по отношению к другому действию. В аналогичных контекстах, когда описываются способы применения различных видов пилюль, будут обычно использоваться другие типы конструкций, в которых глаголы, обозначающие конкретные действия ставятся в форме *praesens indicatiui* (*paululum aut deuoratur, aut aqua diluitur et potui datur* (Cels. V 25, 3B)), герундива (*quod digito excipi potest deuorandum est* (Cels. V 25, 11)); кроме того, в подобном контексте будет использоваться конструкция, состоящая из модального глагола *posse* с инфинитивами настоящего времени пассивного залога: *id autem et deuorari potest et ex aqua calida sumi* (Cels. V 25, 12).

Выражения с **abunde est**

9. Vnum autem eiusdem magnitudinis, quae supra posita est, **abunde est sumpsisse**. (Cels. V 25, 2) «Вполне достаточно принять одну пилюлю такого же размера, что был указан выше».

С помощью безличного выражения *abunde est* с перфектным инфинитивом *sumpsisse* Цельс сообщает, каким образом необходимо принимать пилюлю для сна, которая одновременно облегчает боль. Как и в предыдущих примерах с безличным выражением *satis est*, здесь употребление перфектного инфинитива может быть обусловлено лишь тем, что речь идёт об однократном выполнении действия.

10. Quod si simul et sonus est et inflammatio, laureum oleum **coniecisse abunde est**, aut id, quod ex amaribus nucibus exprimitur, quibus quidam uel castoreum uel murram miscent. (Cels. VI 7, 8D) «Если одновременно и звон в ушах, и воспаление, вполне достаточно применить лавровое масло или то, что выжимается

из горьких орехов; к этому некоторые примешивают бобровую струю или мирру».

В этом примере Цельс даёт рекомендации относительно лечения болезни ушей, при которой наблюдается воспаление и звон в ушах. Использование перфектного инфинитива *conie-cisse* связано с тем, что в данном случае снова имеется в виду однократное действие и для избавления от описываемого недуга достаточно один раз применить приведённое лекарственное средство.

Необходимо отметить, что глаголы, которые употребляются в форме перфектного инфинитива, используются в других местах трактата Цельса и в форме инфинитива настоящего времени, причем в тех же самых конструкциях. Например:

11. *Naec autem altero quoque die increscente morbo dare satis est.* (Cels. IV 14, 3) «Если болезнь усиливается, достаточно давать больному эту пищу через день».

В данном случае Цельс сообщает о том, как часто следует давать пациенту пищу, полезную при болезни, именуемой *peripneumoniae*; для этого он использует безличное выражение *satis est* с инфинитивом настоящего времени *dare*. Употребление инфинитива настоящего времени можно объяснить отсутствием указания на конкретное количество времени выполнения действия, которое в описанных нами ранее случаях с перфектными инфинитивами было выражено числительными; кроме того, действие, выраженное инфинитивом *dare* не может быть однократным, так как здесь речь идет о рационе питания, а не о применении какого-либо лекарственного средства.

12. *Sed si acutus morbus est, sicut in cholera, si febris est, ut inter horrores, asperioribus medicamentis opus non est, sicut in deiectionibus quoque supra dictum est; satisque est ea uomitus causa sumi, quae sanis quoque sumenda esse proposui.* (Cels. II 13, 2) «Но если болезнь протекает в острой форме, как при холере, если есть лихорадка, как это бывает при приступах дрожи, то, как было уже сказано выше относительно очищения желудка, не нужно прибегать к более сильнодействующим лекарствам; достаточно принять для рвоты те средства, которые, согласно моим предписаниям, должны принимать здоровые люди».

Как мы видим, в этом примере указание на то, как вызвать рвоту у пациента, страдающего от острой болезни, приводится с помощью безличного выражения *satis est* и инфинитива *sumi*.

Из контекста понятно, что Цельс дает **основные рекомендации** по применению рвоты как медицинского средства.

13. **Prodest** que in uetere quartana subinde **mutare** uictus genus, a uino ad aquam, ab aqua ad uinum, a lenibus cibis ad acres, ab acribus ad lenes transire; **esse** radicem, deinde **uomere**... (Cels. III 16, 2) «При застарелой четырехдневной лихорадке полезно часто менять виды пищи: переходить от вина к воде, от воды к вину, от нежной пищи к острой, от острой к нежной, есть редьку, затем вызывать рвоту...».

Здесь описываются меры, к которым необходимо прибегать во время лечения застарелой четырехдневной лихорадки; все они направлены на то, чтобы вывести организм из того состояния, в котором он находится, о чем Цельс сообщает далее в тексте: *per haec enim similiaque corpus agitandum est, ut moueatur ex eo statu, quo detinetur*. Из контекста очевидно, что действия, выраженные инфинитивами настоящего времени при глаголе *prodest*, представляют собой **основной способ** лечения этой болезни: факультативные указания по лечению этого недуга далее в тексте этой главы даваться не будут.

14. **Prodest** etiam **mouere** sternumenta; caput **radere**, idque **perfundere** aqua calida uel marina uel certe salsa, sic ut ei sulphur quoque adiciatur; post perfusionem iterum **perfricare**; sinapi **manducare**, eodemque tempore adfectis oris partibus ceratum, integris idem sinapi, donec adrodat, **imponere**. (Cels. IV 3, 3) «Полезно также вызвать чихание, обрить голову, полить ее горячей водой, либо морской, либо непременно соленой с добавлением серы; после обливания снова растереть голову; есть горчицу, в то же время прикладывать на пораженные части лица восковую мазь, равным образом на здоровые части — горчицу до тех пор, пока она не вызовет раздражение».

В данном примере говорится о лечении болезни лица, которая называется *κνικὸς στασις* и характеризуется острой лихорадкой, судорогами в области рта, изменением цвета лица и тела. Основные меры, применяемые для лечения, были описаны в тексте ранее и выражены безличными выражениями *optimum est* и *necessarium est* в сочетании с инфинитивами настоящего времени: *sanguinem mittere optimum est, ...ducere aluum, ...uomitum mouere* (Cels. IV 3, 2); *necessarium est uitare solem, lassitudinem, uinum* (ibid.). В рассматриваемом случае перечисляются **дополнительные способы** избавления от этой болезни, при этом используется глагол *prodesse* с инфинитивами насто-

ящего времени, среди которых — форма *infinitivus praesentis* от глагола *manduco*, который в описанном ранее примере № 7 стоял в форме *infinitivus perfecti*. Надо сказать, что этот случай очень похож на уже рассмотренный пример №1, где приводились факультативные медицинские рекомендации с помощью безличного выражение *utile est* и инфинитивов настоящего времени.

Рассмотрев все случаи употребления инфинитивов перфекта в медицинских рекомендациях при глаголе *prodesse* и безличных выражениях *satis est* и *abunde est*, мы можем заключить следующее. Перфектные инфинитивы могут указывать, во-первых, на действие, предшествующее другому действию; во-вторых, на состояние в будущем; в-третьих, на однократное действие, приближаясь по значению к аористному инфинитиву в древнегреческом языке. Перфектные инфинитивы также встречаются, если в предложении указываются конкретные количественные характеристики времени, выраженные числительными. Относительно использования перфектного инфинитива для описания предшествования необходимо отметить, что речь идет, скорее всего, о предшествовании в будущем, так как медицинские рекомендации в трактате Цельса «О медицине» никогда не даются применительно к прошлому, они всегда направлены либо на будущее, либо имеют вневременное значение.

Инфинитивы перфекта при глаголе *prodesse*, как правило, используются в тех случаях, когда описываются вспомогательные лечебные меры, способствующие более эффективному восприятию организмом пациента основных методик лечения, исключение составляет только случай №3, где форма перфектного инфинитива выражает цель лечения. Перфектные инфинитивы, употребляющиеся при безличных выражениях *satis est* и *abunde est*, чаще выражают однократное выполнение действия.

Данные инфинитивы в интересующих нас контекстах не встретились в пассивной форме, вопреки мнению Гофманна и Шантыря. Кроме того, как мы показали выше, от этих инфинитивов возможно образовать инфинитивные формы настоящего времени: в тексте сочинения Цельса известны случаи употребления одних и тех же глаголов как в форме *infinitivus praeaesentis*, так и в форме *infinitivus perfecti* в одинаковых типах конструкций.

Литература

- Brolén, C. A. 1872: *De elocutione A. Cornelii Celsi*. Uppsala.
- Daremberg, C. 1859: *De medicina libri octo*. Lipsiae.
- Ernout, A., Thomas, F. 1964: *Syntaxe latine*. Paris.
- Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck.
- Langslow, D. R. 2000: *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford.
- Marx, F. 1915: *Cornelii Celsi quae supersunt*. Leipzig.
- Sobolevsky, S. I. 2009: *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast': Morfologiya i sintaksis* [Grammar of the Latin language. Theoretical part: Morphology and syntax]. St. Petersburg.
- Соболевский, С. И. 2009: *Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис*. СПб.
- Spencer, W. G. 1935–1938: *Celsus. De medicina* (with an English translation). London.

**ФИГУРА EXPOLITIO: РИТОРИЧЕСКОЕ УКРАШЕНИЕ
ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ?
(Cic. Arch. 28–30 И rhet. Her. IV 42, 56–57)**

В настоящей статье представлен анализ случаев употребления фигуры *expolitio* («замедление») в речи Цицерона в защиту поэта Архия. Основное внимание уделено сопоставлению примеров использования этой фигуры Цицероном в *Pro Archia* и изложению способов ее употребления, представленному в «Риторике к Гереннию». Ставится вопрос об уместности «школьного» оформления одной из ключевых идей речи — рассуждения о бессмертии души и посмертной славе. Демонстрируется значение этой фигуры в композиции и замысле речи в защиту поэта.

Ключевые слова: «замедление», Цицерон, речь в защиту Архия, синонимия, парафраза, фигуры речи, аффективные фигуры.

Ekaterina V. Antonets

Lomonosov Moscow State University. Russia. evantonetz@yandex.ru

***Expolitio: ornamental device or instrument of influence?*
(Cic. Arch. 28–30 and rhet. Her. IV 42, 56–57)**

The present paper seeks to investigate how the rhetorical device called *expolitio*, or *commoratio*, is used in Cicero's speech *Pro Archia*. *Expolitio* is a restatement with a variation of the theme. Cicero often uses this figure in *Pro Archia*. *Expolitio* is the main ornamental device of expressing the idea of immortality in this speech. In the paper, Cicero's use of this figure (Cic. Arch. 28–30) is compared with the technique discussed by the author of the *Rhetorica ad Herennium*. The paper intends to investigate the aim of Cicero's 'school' composition in *Pro Archia*.

Key words: *expolitio*, *commoratio*, Cicero, *Pro Archia*, synonym, paraphrasis, figures, affective figures.

Речь Цицерона в защиту поэта Архия была произнесена в 62 г. до н. э., т. е. в следующем году после консульства Цицерона. Цицерон выступил защитником по делу греческого поэта Архия, обвиненного в незаконном присвоении права римского гражданства. Речь занимает особое место среди других речей Цицерона прежде всего потому, что значительная ее часть посвящена не юридической стороне дела, а рассуждению о пользе литературы для формирования личности оратора и государственного деятеля (Cic. Arch. 12–30). Особенностью речи

является также ее стиль, более свойственный торжественному, а не судебному красноречию (Gotoff 1979; Nesholm 2010). У Цицерона были веские причины не углубляться в юридические детали дела Архия, и отступление о пользе литературы, по всей вероятности, имело серьезные политические основания (Grammer 2012). Одной из целей выступления на процессе Архия было, по-видимому, утверждение своей собственной позиции в ситуации, когда казнь катилинариев в год консулата стала поводом для новых нападков политических противников в последующем году.

Свое выступление, посвященное защите поэта, Цицерон облекает в форму, подобающую предмету рассуждения (*Cic. Arch.* 3). Поэтому речь изобилует различными риторическими украшениями и содержит практически все риторические фигуры.

Сущность фигур очень точно сформулировал М. Л. Гаспаров: «Фигурами (*σχηματα* «позы», то есть положения тела, отступавшие от спокойной неподвижности) назывались в античности все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» (Gasparov 2000: 446).

Фигуры традиционно разделяют на фигуры мысли и фигуры слова. Грань между этими двумя категориями фигур не всегда можно четко обозначить (Lausberg 1960: 375). Среди фигур мысли выделяются фигуры, уточняющие отношение к предмету (аффективные фигуры) (Gasparov 2000: 448). Они подчеркивают важность предмета и служат для того, чтобы вызвать у слушателей определенное отношение к обсуждаемому вопросу или определенную эмоциональную реакцию на то, о чем говорит оратор. Эти фигуры являются не выражением непосредственного, искреннего и естественного чувства, а риторическим изображением и представлением этого чувства.

Аффективные фигуры могут рассматривать предмет с четырех сторон: от говорящего (*exclamatio* «восклицание»), от самого предмета (*commoratio* «задержка» и *evidentia* «наглядность»), от других лиц (*sermocinatio* «этопия, вымышленная речь» и *fictio personae* «олицетворение») и от явлений природы и бытия в целом (*similitudo* «подобие»).

Внимание настоящей заметки сосредоточено на одной из аффективных фигур — фигуре «замедления». В речи в защиту Архия эта фигура употребляется часто и имеет, по-видимому, ключевое значение. Мы попробуем рассмотреть, какую функ-

цию выполняет эта фигура в нашей речи: служит ли она исключительно для украшения или же несет некую идейную нагрузку.

В «Риторике к Гереннию» эта фигура называется *expolitio* (*rhet. Her.* IV 42, 54–45, 58); в трактате «Об ораторе» Цицерон называет ее общим именем *commotatio una in re* (*Cic. de or.* III 202). Смысл «замедления» заключается в том, чтобы представить высказанную мысль в ином словесном выражении, благодаря чему повествование замедляется и фиксируется на одной главной мысли (Lausberg 1960: 413–423).

Если эта мысль является центральной, основной мыслью речи, то фигура называется *commotatio* (*rhet. Her.* IV 45, 58). Возвращение к ключевой идее речи — одна из важнейших задач хорошего оратора, который тем самым постоянно держит внимание слушателей на главном пункте своего рассуждения. Так, например, главная мысль речи в защиту Архия, заявленная в *partitio*, состоит в том, что Архий достоин римского гражданства не только по закону, но и благодаря своему таланту и своим большим заслугам перед римским народом (*Cic. Arch.* 4a). Эта мысль в разных ее аспектах повторяется на протяжении всей речи, например: *ergo ille corporis motu...* (17); *hunc ego non diligam...* (18); *ergo illi alienum, quia poeta fuit...* (19); *ergo illum, qui haec fecerat...* (22); *itaque, credo, si civis Romanus Archias legibus non esset...* (25); *quid? a Q. Metello Pio, familiarissimo suo...* (26); *quare in qua urbe imperatores...* (27)¹.

В «Риторике к Гереннию» выделяются два вида *expolitio*: когда повторяется та же самая мысль (*eadem res*; «языковая» *expolitio*), и когда говорят об одном и том же (*de eadem re*; «смысловая» *expolitio*).

Повторить мысль можно тремя способами: либо буквально повторить фразу с другой интонацией, либо изменить способ выражения, представив эту мысль как речь другого лица или посредством апелляции к аудитории, либо воспроизвести ее на другой лад (*rhet. Her.* IV 42, 54).

Простой способ повторения мысли состоит в буквальном повторе фразы с изменением интонации. Это иллюстрируют следующие примеры: ‘*Patri*’ *inquit* ‘*non placebat.*’ *Patri non placebat?* (*Cic. Rosc. Am.* 40); *Hic tamen vivit! Vivit?* (*Cic. Catil.* I 2).

¹ В данной статье текст речи в защиту Архия приводится по изданию Г. Кастена (Kasten 1993).

Изменить способ выражения мысли можно посредством *sermocinatio* («этопеи») — вложив ее в уста вымышленного персонажа, и *exsuscatio* — оформив эту мысль как обращение к слушателям (*rhet. Her.* IV 43, 55–56).

Наконец, мысль можно повторить другими словами. Когда каждое слово основной мысли повторяется посредством употребления синонима или синонимичного выражения, то образуется фигура *interpretatio* (*rhet. Her.* IV 28, 38), которая является краткой разновидностью парафразы. Автор «Риторики к Гереннию» приводит следующий пример *interpretatio*: *rem publicam radicibus evertisti, civitatem funditus deiecisti* (*rhet. Her.* IV 28, 38). К этому примеру можно добавить известный пример «замедления» из первой «Катилинарии» Цицерона: *quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? quam diu etiam furor iste tuus nos eludet? quem ad finem sese effrenata iactabit audacia?* (Cic. *Catil.* I 1).

Яркие примеры воспроизведения сказанного с сохранением конструкции фразы и с заменой слов синонимичными выражениями находим в речи в защиту Архия: *quoad longissime potest mens mea respicere spatium praeteriti temporis et pueritiae memoriam recordari ultimam* (1); *trahimur omnes studio laudis et optimus quisque maxime gloria ducitur* (26); (*quia suppeditat nobis,*) *ubi et animus ex hoc forensi strepitu reficiatur et aures convicio defessae conquiescant* (12); *qua re quis tandem me reprehendat aut quis mihi iure suscenseat...* (13).

Повторение главной мысли может быть также расширенным, когда имеет место не буквальное воспроизведение каждого слова синонимом, а мысль повторяется более пространно. В «Риторике к Гереннию» находим такой пример:

Nullum tantum est periculum, quod sapiens pro salute patriae vitandum arbitretur. Cum agetur incolumitas perpetua civitatis, qui bonis erit rationibus praeditus, profecto nullum vitae discrimen sibi pro fortunis rei p. fugiendum putabit et erit in ea sententia semper, ut pro patria studiose quamvis in magnam descendat vitae dimicationem (*rhet. Her.* IV 42, 54).

Главная мысль выражена в первом предложении — *nullum tantum est periculum, quod sapiens pro salute patriae vitandum arbitretur*. Эта мысль повторяется в следующей фразе, причем каждому слову или выражению соответствует более развернутый оборот. Например, предложной конструкции *pro salute* соответствует придаточное предложение *cum agetur incolumitas perpetua civitatis*; существительному *sapiens* — парафраза *qui*

bonis erit rationibus praeditus; словосочетанию *nullum periculum — более пространное profecto nullum vitae discrimen* и т. д. (Lausberg 1960: 416).

Так, повтор мысли «литература сохранила примеры для подражания» встречаем в речи за Архия: *sed pleni omnes sunt libri, plenae sapientum voces, plena exemplorum vetustas; quae iacerent in tenebris omnia, nisi litterarum lumen accederet. quam multas nobis imagines non solum ad intuendum, verum etiam ad imitandum fortissimorum virorum expressas scriptores et Graeci et Latini reliquerunt!* (14). Здесь мысль сначала приводится в виде утверждения: «много примеров есть в книгах и в устной традиции», затем — в негативной формулировке: «исторические примеры были бы забыты, если бы не было литературы», а затем — в позитивной в форме восклицания (*exclamatio*): «как много примеров сохранили писатели!».

Expolitio, когда говорят об одном и том же (*rhet. Her. IV 43, 56–44, 57*), выражается не только на языковом уровне, но и на смысловом (Lausberg 1960: 418–419). В таком случае к высказанной мысли добавляется новая мысль, в которой может излагаться: причина, негативная и позитивная формулировка основной мысли с изложением мотивов для каждой из них, противопоставление, пример, сравнение, вывод (*rhet. Her. IV 43, 56*).

Автор «Риторики к Гереннию» приводит примеры на все возможные способы расширения начальной мысли применительно к исходной фразе *sapiens nullum pro re publica periculum vitabit*:

(формулировка мысли:) *Sapiens nullum pro re p. periculum vitabit*, (причина:) *ideo quod saepe, cum pro re p. perire noluerit, necesse erit cum re p. pereat; et, quoniam omnia sunt commoda a patria accepta, nullum incommodum pro patria grave putandum est.*

(негативная и позитивная формулировка:) *Ergo qui fugiunt id periculum quod pro re p. subeundum est, stulte faciunt: nam neque effugere incommoda possunt et ingrati in civitatem reperiuntur. At, qui patriae pericula suo periculo expetant, hi sapientes putandi sunt, cum et eum, quem debent, honorem rei p. reddunt, et pro multis perire malunt, quam cum multis.*

(антитеза:) *Etenim vehementer est inicum vitam, quam a natura acceptam propter patriam conservaris, naturae cum cogat reddere, patriae cum roget non dare; et, cum possis cum summa virtute et honore pro patria interire, malle per dedecus et ignaviam vivere; et cum pro amicis et parentibus et ceteris necessariis adire*

periculum velis, pro re p., in qua et haec et illud sanctissimum patriae nomen continetur, nolle in discrimen venire.

(сравнение:) Ita uti contemnendus est, qui in navigio non navem quam se mavult incolumem, item vituperandus, qui in re p. discrimine suae plus quam communi saluti consulit. Navi enim fracta multi incolumes evaserunt; ex naufragio patriae salvus nemo potest enatare.

(пример:) Quod mihi bene videtur Decius intellexisse, qui se devovisse dicitur et pro legionibus in hostis immisit medios. Amisit vitam, at non perdidit. Re enim vilissima certam et parva maximam redemit. Vitam dedit, accepit patriam; amisit animam, potius est gloriam, quae cum summa laude prodita vetustate cottidie magis enitescit.

(вывод:) Quodsi pro re p. decere accedere periculum et ratione demonstratum est et exemplo conprobatum, ii sapientes sunt existimandi, qui nullum pro salute patriae periculum vitant (*rhet. Her.* IV 44, 56–57).

Этот пример из первого римского риторического руководства особенно интересен, если сопоставить его с риторической техникой Цицерона в речи в защиту Архия. Заключительный пассаж данной речи посвящен теме бессмертия и посмертной славы (27–30). В общей логике защиты он выводится из посылки, что Архий, как и любой другой поэт, воспевая подвиги видных деятелей и полководцев, увековечивает их имена в памяти потомков. Стремление к посмертной славе свойственно всем людям, а поэт служит инструментом закрепления этой славы в вечности. Основное внимание Цицерон обращает на свои достижения на посту консула и надеется, что Архий напишет поэму в его честь.

Рассуждение о бессмертии оформлено посредством exprolitio с соблюдением всех правил, изложенных в «Риторике к Гереннию»:

Neque enim est hoc dissimulandum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: (формулировка главной мысли:) trahimur omnes studio laudis (interpretatio:) et optimus quisque maxime gloria ducitur. (пример 1:) ipsi illi philosophi etiam illis libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt: in eo ipso, in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se ac nominari volunt. (пример 2:) Decimus quidem Brutus, summus vir et imperator, Acci, amicissimi sui, carminibus templorum ac monumentorum aditus exornavit suorum. (пример 3:) iam vero ille, qui cum Aetolis Ennio comite bellavit,

Fulvius non dubitavit Martis manubias Musis consecrare <...>. (*пример 4:*) Atque ut id libentius faciatis, iam me vobis, iudices, indicabo et de meo quodam amore gloriae nimis acri fortasse, verum tamen honesto vobis confitebor <...>.

(*причина:*) nullam enim virtus aliam mercedem laborum periculorumque desiderat praeter hanc laudis et gloriae. qua quidem detracta, iudices, quid est, quod in hoc tam exiguo vitae curriculo et tam brevi tantis nos in laboribus exerceamus? (*негативная и позитивная формулировка:*) certe, si nihil animus praesentiret in posterum et si, quibus regionibus vitae spatium circumscriptumst, eisdem omnis cogitationes terminaret suas, nec tantis se laboribus frangeret neque tot curis vigiliisque angeretur nec totiens de ipsa vita dimicaret. nunc insidet quaedam in optimo quoque virtus, quae noctes ac dies animum gloriae stimulis concitat atque admonet non cum vitae tempore esse dimittendam commemorationem nominis nostri, sed cum omni posteritate adaequandam. (*антитеза:*) an vero tam parvi animi videamur esse omnes, qui in re publica atque in his vitae periculis laboribusque versamur, ut, cum usque ad extremum spatium nullum tranquillum atque otiosum spiritum duxerimus, nobiscum simul moritura omnia arbitremur? (*сравнение:*) an statuas et imagines, non animorum simulacra sed corporum, studiose multi summi homines reliquerunt: consiliorum relinquere ac virtutum nostrarum effigiem nonne multo malle debemus summis ingeniis expressam et politam? (*вывод:*) ego vero omnia, quae gerebam, iam tum in gerendo spargere me ac disseminare arbitrabar in orbis terrae memoriam sempiternam. haec vero sive a meo sensu post mortem afutura est sive, ut sapientissimi homines putaverunt, ad aliquam animi mei partem pertinebit, nunc quidem certe cogitatione quadam speque delector (Cic. *Arch.* 26–30; перевод см.: Lomonosov 1952: 188–189).

Как мы видим, сначала приводится основная мысль: «всем людям свойственно стремление к славе». Затем эта мысль изложена синонимами (*interpretatio*). Далее следуют *примеры*, причем в качестве последнего примера Цицерон приводит себя самого. *Причина* общечеловеческого свойства стремиться к памяти своего имени выражена сначала в виде утверждения, затем повторена в риторическом вопросе. Идея о существовании души после смерти представлена как *негативное* высказывание в виде ирреального условного периода, а затем выражена в форме уверенного и энергичного *утверждения*. Следующая вариация темы состоит в доказательстве бессмертия души посредством *антитезы*. Показав, что вся деятель-

ность человека направлена на то, чтобы оставить после себя память, Цицерон переходит к рассуждению о конкретном выражении этой памяти и проводит *сравнение* между произведениями искусства, в которых запечатлена внешность великих людей, и произведениями литературы, которые отражают их мысли. Завершается рассуждение осторожным и неуверенным *выводом*, оформленным как условный период. Не настаивая на бессмертии души и не отрицая его, Цицерон говорит, что ему приятно сознание сделанных им добрых дел независимо от того, ощутима ли будет память о них после его смерти.

Таким образом, все рассуждение строго следует правилам школьной риторики и могло бы иметь чисто декоративную функцию в речи. Однако композиционно этот пассаж (28–30) соответствует рассуждению о пользе наук в жизни политической деятельности Цицерона, которое открывает «отступление» (или *argumentatio extra causam*, 12–30) нашей речи. В результате «отступление» получает рамку: оно начинается с личности Цицерона (12–16) и заканчивается им же (28–30). При этом начальный и заключительный пассаж имеет одинаковый объем и гармонично закругляет всю *digressio*. Композиционная роль фигуры *exprolitio* очевидна. Идейная же ее функция еще более значима. Она служит средством выражения и укрепления в сознании слушателей уважения к поэзии и понимания ее общественной и политической значимости. В самом начале речи Цицерон говорит, что все гуманитарные науки едины (*Cic. Arch. 2*), поэтому область занятий Архия как поэта и Цицерона как оратора близки. Эта посылка позволяет, с одной стороны, показать значимость литературных занятий в жизни, карьере и достижениях Цицерона, а с другой стороны, — продемонстрировать роль поэзии и поэта в укреплении могущества государства. Защита поэзии, таким образом, тесно сливается с защитой авторитета оратора. Тема бессмертия, которое благодаря поэзии обретает не только полководец или общественный деятель, но и весь народ (включая судей), затрагивает честолюбие и тщеславие судей, слушающих речь, и побуждает их к благосклонности, к симпатии и к оправданию поэта (*Lomonosov 1952: 188–189*).

В речи в защиту Архия Цицерон впервые в публичном пространстве говорит о бессмертии души и о существовании сознания после смерти. Впоследствии эти идеи будут высказаны в знаменитом письме к Луцию Лукцею, написанном в июне 56 г. до н.э. (*Cic. fam. V 12*), в «Сне Сципиона» в трактате «О

государстве», написанном в 54–51 гг. (Cic. *r.p.* VI 9–29), и в трактате «Тускуланские беседы», законченном осенью 45 г. до н. э. (ср.: Cic. *Tusc.* I 33;² I 65).

Литература

- Gasparov, M. L. 2000: [Ancient rhetoric as a system]. In: Gasparov, M. L. *Ob antichnoj poesii [About ancient poetry: poets, poetic, rhetoric]*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 424–472.
- Гаспаров, М. Л. 2000: Античная риторика как система. В кн.: Гаспаров, М. Л. *Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика*. СПб.: Azbuka, 424–472.
- Gotoff, H. C. 1979: *Cicero's elegant style. An analysis of the Pro Archia*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.
- Grammer, F. 2012: *Cicero's Pro Archia poeta. Rezeptionsgeschichte der Verteidigungsrede vor Gericht als politische Kommunikation*. Stuttgart.
- Kasten, H. 1993: *M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia*. Fasc. 19. *Oratio pro P. Sulla. Tertium recognovit Helmut Kasten. Oratio pro Archia poeta. Post P. Reis tertium recognovit Helmut Kasten*. Lipsiae: Teubner (Nachdruck: Stutgardiae et Lipsiae, 1993).
- Lausberg, H. 1960: *Handbuch der literarischen Rhetorik*. München: Max Hueber Verlag.
- Lomonosov, M. V. 1952: *Kratкое rukovodstvo k krasnorechiju [Handbook of Rhetoric]*. In: *Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]*. T. 7. Moscow, Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR, 89–378.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоюдо красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки*. В сб.: Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 89–378.
- Nesholm, E. J. 2010: *Language and Artistry in Cicero's "Pro Archia"*. *The Classical World*. 103, 4. 477–490.

² Ср.: *sed nescio quo modo inhaeret in mentibus quasi saeculorum quoddam augurium futurorum, idque in maximis ingeniis altissimisque animis et existit maxime et apparet facillime. quo quidem dempto quis tam esset amens, qui semper in laboribus et periculis viveret?* (Cic. *Tusc.* I 33) «но в сознании людском неким образом живет какое-то предчувствие будущих веков, и чем больше дар, чем выше дух, тем тверже оно держится, тем нагляднее предстает глазам. Не будь это так, кто бы в здравом уме стал подвергать себя вечным трудам и опасностям?» (пер. М. Л. Гаспарова).

КОММЕНТИРУЯ ПИНДАРА (*Pyth.11.17–22*): ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК БЫЛ СПАСЕН ОРЕСТ¹

11-я Пифийская ода Пиндара посвящена победе фиванца Фрасидея в состязаниях в беге и датируется предположительно 474 г. или 454 г. до н. э. Уточнить датировку оды пытаются путем анализа интертекстуальных связей историей Ореста, занимающей в оде центральное место, и «Орестеей» Эсхила, поставленной в 458 г. до н. э. Нас будет занимать рассказ об убийстве Агамемнона и Кассандры и спасении Ореста, сжатый до одного предложения (ст.17–22), в котором синтаксически главным является описание действий кормилицы Арсиной, спасительницы Ореста. Ее действия соотносятся с двумя убийствами — Агамемнона и Кассандры. В зависимости от того, как мы членим текст на синтагмы и какое чтение принимаем для одной из глагольных форм, история приобретает разные очертания.

Ключевые слова: Пиндар, убийство, спасение, хитрость, Агамемнон, Кассандра, Орест.

Olga Akhunova

Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.
levinskaja@mail.ru

Commenting on Pindar (*Pyth.11.17–22*): the story of how Orestes was saved

Pindar's Pythian Eleven is dedicated to the victory of a Theban named Thrasylus in a running competition and is dated presumably 474 or 454 BC. There have been attempts to clarify the dating of the ode by analyzing intertextual links between the story of Orestes, which occupies a central place in the ode, and Aeschylus' *Oresteia*, produced in 458 BC. We will be dealing with a concise story about the murder of Agamemnon and Cassandra and the salvation of Orestes (17–22). Depending on how we divide the text into syntagmas and what reading we take for one of the verb forms, the story takes on different outlines. As usual, editors and commentators are not unanimous in their interpretations of this passage.

Key words: Pindar, murder, salvation, cunning, Agamemnon, Cassandra, Orestes.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Традиционные основы современных восточных обществ: институты, нарративы, практики», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022–2023 году.

11-я Пифийская ода Пиндара посвящена победе фиванца Фрасидея в состязаниях в беге и датируется предположительно 474 г. или 454 г. до н. э. Уточнить датировку оды пытаются путем анализа интертекстуальных связей между историей Ореста, занимающей в оде центральное место, и «Орестеей» Эсхила, поставленной в 458 г. до н. э. (Düring 1943; Norwood 1945: 245–247; Gentili 2012: 284; Finglass 2007: 11–17; Hubbard 2010: 192–193; Kurke 2013: 101–175).

Нас будет занимать рассказ об убийстве Агамемнона и Кассандры и спасении Ореста, сжатый до одного предложения (ст.17–22), в котором синтаксически главным является описание действий кормилицы Арсиной, спасительницы Ореста. Ее действия соотносятся с двумя убийствами — Агамемнона и Кассандры. В зависимости от того, как мы членим текст на синтагмы и какое чтение принимаем для одной из глагольных форм, история приобретает разные очертания. Как обычно, издатели и комментаторы не единодушны в трактовках этого пассажа.

- ¹⁷ τὸν δὴ φονευομένου πατρός Ἀρσινόα Κλυταμῆστρα
¹⁸ χειρῶν ὑπο κρατερᾶν
 ἐκ δόλου τροφὸς ἄνελε δυσπενθέος,
¹⁹ ὅποτε Δαρδανίδα κόραν Πριάμου
²⁰ Κασσάνδραν πολὺ χαλκῷ σὺν Ἀγαμεμνονία
 ψυχῇ πόρευ' Ἀχέροντος ἄκταν παρ' εὖσκιον
²² νηλῆς γυνά.

В главном предложении нас интересует сочетание Κλυταμῆστρα χειρῶν ὑπο κρατερᾶν. Его смысл сочетания можно понимать по-разному, в зависимости от смыслового членения предложения. Ряд комментаторов (Schroeder 1922: 104; Finglass 2007: 89–90; Gentili 2012: 653) рассматривает это сочетание как часть абсолютной конструкции: φονευομένου πατρός Κλυταμῆστρα χειρῶν ὑπο κρατερᾶν. Обычно при глаголах в пассивном залоге или значении genitivus с ὑπό обозначает действующее лицо, а не орудие, но Финглас, комментируя это место, приводит параллель из Гомера, где о троянцах и греках говорится, что они ἔλασχον ὑπ' Ἄρηος παλαμάων (Hom. II. 3.128). Здесь, как и у Пиндара, отмечает Финглас, «ладони» Ареса занимают позицию «действующего лица» (Finglass 2007: 89). Таким образом, оба случая можно трактовать как метонимическое обозначение убийцы. Тогда смысл всего предложения таков: «Пока

отца убивали мощные руки Клитемнестры, Арсиноя кормилица выхватила Ореста из хитрости злосчастной».

Второй способ членения ст.17–18 предложен в схолии (Drachmann 1910: 257, 25 с), где сочетание *Κλυταιμίστρας χειρῶν ὑπο κρατερᾶν* рассматривается вне абсолютной конструкции, в составе самого предложения: *τὸν δὲ... Ἀρσινόα Κλυταιμίστρας χειρῶν ὑπο κρατερᾶν ἐκ δόλου τροφῶς ἄνελε δυσπενθέος*. Такой взгляд разделяет целый ряд издателей (Heune 1807: 341; Sandys 1915: 299; Race 1997: 371; Liberman 2004: 201). В этом случае *ὑπό*, как это обычно бывает с данным предлогом при глаголах движения, может обозначать перемещение в пространстве («из-под»), и тогда смысл предложения таков: «Пока отца убивали, Арсиноя кормилица из-под мощных рук Клитемнестры выхватила Ореста из хитрости злосчастной»². Таким образом, создается иная картина: мы узнаём только о готовности Клитемнестры убить Ореста, а убийца Агамемнона остается неназванным, хотя подсказка содержится в гомеровской версии истории, где убийцей Агамемнона изображен Эгисф (*Od.* 3.266; 11.425–426).

Для Фингласса доводом против такого способа членения текста является специфическое употребление *ὑπό* + genitivus при глаголах движения у Пиндара. Оказывается, таких случаев у Пиндара всего три, и во всех трех случаях речь идет о появлении ребенка из материнского лона (Slater 1969: 522): (1) ἦλθεν δ' ὑπὸ σπλάγγων ... Ἴαμος ἐς φάος (об Иаме — *Ol.* 6. 43–44); (2) ὃν κλυτὸς Ἑρμᾶς εὐθρόνοις Ὠραῖσι καὶ Γαίᾳ ἀνελὼν φίλας ὑπὸ ματέρος οἴσει (об Аристее — *Pyth.* 9. 59–61); (3) ἐπεὶ σπλάγγων ὑπο ματέρος αὐτίκα... παῖς Διὸς φεύγων διδύμῳ σὺν κασιγνήτῳ μόλεν (о рождении Геракла — *Nem.* 1. 35–36). Кроме того, относя *χειρῶν ὑπο κρατερᾶν* к *ἐκ δόλου τροφῶς ἄνελε δυσπενθέος*, мы получаем, считает Фингласс, подряд два обстоятельства со схожим пространственным смыслом (*χειρῶν ὑπο κρατερᾶν* «из-под мощных рук» и *ἐκ δόλου* «из коварства»), но не связанных союзом, а такой асиндетон неприемлем (Finglass 2007: 89–90).

² Ср. перевод Г.Стариковского:

Пока убивали родителя, кормилица Арсиноя
выхватила Ореста из-под мощных рук
Клитемнестры, спасла от коварства горького.

С моей точки зрения, эти обстоятельства далеко не так близки по смыслу, чтобы их нельзя было расположить рядом без союза: одно подразумевает буквальное перемещение в пространстве («из-под мощных рук»), а второе — образное («из коварства»). Но вероятнее всего, «из-под мощных рук» тоже образное выражение — не стоит представлять, что кормилица выхватила ребенка прямо из рук Клитемнестры. И смысл этого образного выражения сложнее и глубже, чем просто «спасла от Клитемнестры». Я предполагаю, что если у Пиндара ὄλο + genitivus с глаголом движения ассоциируется с такой специфической областью как появление младенца из материнской утробы, то это обыгрывается и в данном случае: спасая Ореста, кормилица как бы дает ему второе рождение.

Итак, есть два способа понимания ст. 17–18:

(1) «Пока отца убивали мощные руки Клитемнестры, Арсиноя кормилица выхватила Ореста из хитрости злосчастной».

(2) «Пока отца убивали, Арсиноя кормилица из-под мощных рук Клитемнестры выхватила Ореста из хитрости злосчастной».

Независимо от того, выберем ли мы первый или второй способ членения главного предложения, не вполне понятным, на мой взгляд, остается смысл сочетания ἐκ δόλου δυσπενθέος, «из хитрости злосчастной». Если Пиндар говорит, что Агамемнона убивала Клитемнестра, то он умалчивает о том, от чьего именно коварства спасла кормилица Ореста, давая нам возможность домысливать, подразумеваются ли тут козни той же Клитемнестры или злоумышления Эгисфа. А если Пиндар, напротив, не указывает, кто убил Агамемнона, зато ясно говорит, что кормилица спасла Ореста от Клитемнестры, то ее же коварство, вероятнее всего, тут и подразумевается. Но заметим, что это коварство определяется как δυσπενθής — букв. «болезненное, мучительное». Можно предположить, что Пиндар таким определением внес в историю важный психологический нюанс: Клитемнестра (или даже Эгисф), терзались и страдали, строя козни. Возможно и другое объяснение: независимо от того, идет ли речь о хитрости Клитемнестры или Эгисфа, этот эпитет обладает прегнантным значением: δόλος окажется мучительным для обоих впоследствии, когда Орест будет мстить за убитого отца.

Картина меняется, если допустить иное толкование сочетания ἐκ δόλου δυσπενθέος, ориентированное на редкое значение

предлога ἔκ, которое проявляется в специфических наречных сочетаниях: ἔκ βίας «насиленно» (*S. Ph.* 563); ἔκ δόλου «хитро», «коварно» (*S. El.* 279); ἔκ παντὸς τρόπου ζητεῖν, «искать всеми способами» (*Pl. R.* 499a). В этом случае ἔκ δόλου δυσπενθέος может характеризовать действия кормилицы Арсинои. Это толкование предпочитают Норвуд и Мост (*Norwood* 1945: 247 п.7; *Most* 1985: 15–16 п.38). В чем именно могла состоять ее хитрость, проясняют схолии, указывая, что согласно Ферекиду, Эгисф убил сына кормилицы (здесь она названа Лаодамией), думая, что это Орест (*Drachmann* 1910: 257). Таким образом, хитрость кормилицы в том, что она обманула Эгисфа, отдав ему вместо Ореста собственного сына. Возможно, эпитетом δυσπενθής Пиндар и намекает на эту версию: хитрость кормилицы, пожертвовавшей сыном, была действительно мучительной для нее.

Придаточное предложение в ст. 19–22 выглядит так:

¹⁹ ὁπότε Δαρδανίδα κόραν Πριάμου

²⁰ Κασσάνδραν πολὺν χαλκῶ σὺν Ἀγαμέμνονιά

ψυχῆ πόρεν Ἀχέροντος ἄκταν παρ' εὐσκίου

²² νηλῆς γυνά.

Описывая смерть Кассандры, Пиндар использует глагол πορεύω, «переправлять, перевозить; отправлять». Сходным образом Гомер говорит об Ахилле, который «сбросил» (προΰψεν) в Аид множество душ героев (*Hom. Il.* 1. 3–4). В обоих случаях подчеркивается насильственность действия по отношению к душе и, следовательно, особая свирепость убийцы, потому что обычно душа умершего сама покидает тело — ср. *Il.* 16. 856–7; 22, 362; *Od.* 10. 560; 11.65. Об этом подробнее — *Bremmer* 1983: 74; *Sourvinou-Inwood* 1995: 56–9; *Finglass* 2007: 91–2.

В самой форме глагола в рукописях разночтения: πόρεν' (V F), πόρευσ' (B). Большинство комментаторов принимают чтение πόρεν' (*Heyne* 1807: 341; *Schroeder* 1922: 104; *Bowra* 1935: 110; *Snell-Maehler* 1984: 117; *Lieberman* 2004: 200; *Finglass* 2007a: 93). Финглас считает имперфект более обоснованным, так как он, обозначая действие продолжающееся, коррелирует с конструкцией φωνευομένου πατρός, подчеркивая длительность действия, обозначенного причастием.

Вместе с тем, последовательность действий, описанных в ст. 17–22, не вполне ясна. Абсолютная конструкция φωνευομένου πατρός обозначает действие, происходящее синхронно с глав-

ным (ἄνελε). Это означает, что Арсиноя «выхватила» Ореста в то время, как происходило убийство его отца. В придаточном с союзом ὅποτε описано действие, совершаемое Клитемнестрой, букв. «когда отправляла [Кассандру] на тенистый берег Ахеронта безжалостная женщина». Чтение πόρευ' предполагает, что и это действие происходит синхронно с убийством Агамемнона и спасением Ореста. При этом Клитемнестра определенно указана как убийца Кассандры, а действующим лицом в конструкции φονευομένης πατρός может быть либо та же Клитемнестра (если мы относим к этой конструкции Κλυταιμίστρας χειρῶν ὕπο κρατερᾶν), либо это лицо вообще не обозначено. Поскольку два убийства одновременно Клитемнестра совершать не могла, то при чтении πόρευ' сочетание Κλυταιμίστρας χειρῶν ὕπο κρατερᾶν не может относиться к абсолютной конструкции, т.е. в этом случае правильным является второй из двух вышеназванных способов членения текста, когда Клитемнестра не является убийцей Агамемнона.

Конечно, Пиндар в этой сжатой истории мог и не стремиться к передаче событий в строгой временной последовательности — возможно, он, напротив, хотел таким способом передать сгущенность, «тесноту», нагромождение происходящих ужасов. Так поступали и вазописцы, используя прием так называемой синоптической композиции, когда в одном изобразительном поле размещаются эпизоды с участием одного и того же героя, происходившие в разное время³.

Отсутствие временной последовательности в рассказе Пиндара не смущает и Фингласа. Вот его перевод⁴:

As his father was being slaughtered by the mighty hands of
 Clytemnestra,
 the nurse Arsinoia snatched him away from her baneful treachery,
 when with the grey bronze Clytemnestra dispatched
 Dardanid Priam's daughter, the girl Cassandra, to the
 shady shore of Acheron along with the soul of Agamemnon —
 the pitiless woman.

³ См., например, апулийский кратер с изображением истории Медеи — Apulian volute-krater attributed to the Underworld Painter. München, Antikensammlungen 3296.

⁴ Finnglass 2007: 65.

И все-таки многие издатели принимали чтение $\lambda\acute{o}\rho\epsilon\upsilon\sigma'$ (Boeckh 1811: 125; Mommsen 1864: 280; Gildersleeve 1885: 119; Christ 1896: 162; Sandys 1915: 300; Gentili 2012: 654). Теоретически аорист в придаточном времени может указывать, что действие, обозначенное этой формой глагола, предшествует действию главного предложения. У Пиндара из шести случаев употребления аориста в придаточном с $\acute{o}\lambda\acute{o}\tau\epsilon$ в четырех случаях аорист обозначает предшествующее действие⁵, а еще в двух случаях допустимо двойное толкование⁶. Таким образом, есть основания предполагать, что в нашем случае форма $\lambda\acute{o}\rho\epsilon\upsilon\sigma'$ может указывать на действие Клитемнестры как предшествующее действию кормилицы ($\acute{\alpha}\nu\epsilon\lambda\epsilon$ 'выхватила').

Исходя из этого предположения, мы увидим последовательность эпизодов скупо рассказанной Пиндаром истории: после того, как Клитемнестра убила Кассандру, кормилица спасла от угрозы Ореста, пока Эгисф (или сама Клитемнестра) расправлялись с Агамемноном. У Гомера история двух убийств рассказана подробно, но есть совпадения в интересующих нас деталях: Клитемнестра убила Кассандру раньше, чем умер Агамемнон, зарезанный Эгисфом. И очень важно, что Агамемнон у Гомера характеризует поступок Клитемнестры как более чудовищный, чем поступок Эгисфа (*Od.* 11. 409–424). И если Пиндар держал в памяти эту сцену, то сквозь ее призму можно лучше понять, что именно ужас перед жестокостью Клитемнестры заставил кормилицу кинуться спасти Ореста.

В эту последовательность событий, на первый взгляд, не вписывается указание в ст. 20: Клитемнестра отправила Кассандру на берег Ахеронта $\sigma\upsilon\nu$ $\text{\AA}\gamma\alpha\mu\epsilon\mu\nu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$ $\psi\upsilon\chi\acute{\alpha}$, и возможно, именно поэтому многие издатели предпочитают чтение с имперфектом. Вместе с тем, предлог $\sigma\upsilon\nu$ может обозначать не одновременность, а совместность — ведь Клитемнестра знает, что ждет Агамемнона, независимо от того, сама ли она намерена его убить, или это совершит Эгисф.

Преимущество чтения с формой аориста состоит в том, что оно не исключает ни первого, ни второго способа членения текста: сочетание $\text{Κλυταιμήστρας χερῶν ὕλο κρατερῶν}$ может и относиться к абсолютной конструкции (тогда Клитемнестра

⁵ *Ol.* 1.37; *Pyth.* 8, 41; *Isth.* 7,6; *Fr.* 33 d.

⁶ *Pyth.* 3. 90; *Pyth.* 12. 10.

предстает убийцей Агамемнона), и входит в состав самого предложения (тогда Клитемнестра предстает угрозой для Ореста). В любом случае картина двойного убийства и спасения Ореста не просто разворачивается во времени — на мой взгляд, ее центральное событие имплицитно мотивируется: мы можем догадаться, что смерть Кассандры от руки Клитемнестры и была толчком, заставившим кормилицу спасти ребенка. И если ἐκ δόλου δούλευθεός, как мы предположили, действительно характеризует ее поступок, то поэт вписывает в эту историю мотив трагической жертвы, принесенной кормилицей Арсинойей.

Литература

- Boeckh, A. 1811–1821: *Pindari opera quae supersunt*. I–II. Lipsiae.
- Bowra, C. M. 1935: *Pindari carmina cum fragmentis*. Oxford: Oxford Classical Textes.
- Bremmer, J. N. 1983: *The Early Greek Concept of the Soul*. Princeton University Press.
- Christ, W. von. 1896: *Pindari carmina cum deperditorum fragmentis*. Lipsiae.
- Drachmann, A. B. 1910: *Scholia Vetera in Pindari Carmina*. Vol. II: Scholia in Pythionicas. Lipsiae in Aedibus B. G. Teubneri.
- Düring, I. 1943: Klutaimestra — νηλῆς γυνά. A study of the development of a literary motif. *Eranos* 41: 91–123.
- Finglass, P. 2007: *Pindar. Pythian Eleven. Ed. with intr., transl., and comment*. Cambridge University Press.
- Gentili, B. 2012: *Pindaro, Le Pitiche. Introduzione, testo critico e traduzione a B. Gentili*. Commento a cura di P. A. Bernardini, E. Cingano e P. Giannini. Fondazione Lorenzo Valla-A. Mondadori Editore.
- Gildersleeve, B. L. 1885: *Pindar. The Olympian and Pythian Odes*. New York, Cincinnati, Chicago: American Book Company.
- Heyne, C. G. 1807: *Pindari carmina et fragmenta: cum lectionis varietate et annotationibus*. Vol. 1. Oxonii.
- Hubbard, T. 2010: Pylades and Orestes in Pindar's Eleventh Pythian: The Uses of Friendship In: *Allusion, Authority, and Truth*. P. Mitsis, C. Tsagalis eds. De Gruyter.
- Kurke, L. 2013: Pindar's *Pythian* 11 and the *Oresteia*: Contestatory Ritual Poetics in the 5th Century BCE. *Classical Antiquity* 32(1): 101–175.
- Lieberman, G. 2004: *Pindare: Pythiques*. Paris: Calepinus.
- Mommsen, C. J. T. 1864: *Pindari carmina*. Berolini: apud Weidmannos.
- Most, G. 1985: Der verschieden gesinnten Sinnesverbindung: zur poetischen Einheit der Alten. In: Gloy, K., and Rudolph, E. (eds.) *Einheit als Grundfrage der Philosophie*. Darmstadt.
- Norwood, G. 1945: *Pindar. Sather Classical Lectures 19*. Berkeley, Los

- Angeles: University of California Press.
- Race, W. H. 1997: *Pindar: Olympian Odes, Pythian Odes*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.
- Sandys, J. 1915: *The Odes of Pindar. Ed. with an introduction and an English translation*. London, New York.
- Schroeder, O. 1922: *Pindars Pythien*. Leipzig, Berlin: Teubner.
- Slater, W. J. 1969: *Lexicon to Pindar*. Berlin: De Gruyter.
- Snell, B., Maehler, H. 1984. *Pindari carmina cum fragmentis. Pars I: Epinicia*. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. 8th ed. Leipzig
- Sourvinou-Inwood, Ch. 1995: *Reading Greek Death: To the End of the Classical Period*. Oxford: Clarendon Press.

А. С. Балаховская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
a.balakhovskaya@gmail.com

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В «ЛАВСАИКЕ» ПАЛЛАДИЯ ЕЛЕНОПОЛЬСКОГО

Статья посвящена анализу использования библейского текста в произведении позднеантичной агиографии «Лавсаик» Палладия Еленопольского, созданном в 420 году и представляющем собой собрание кратких жизнеописаний египетских и палестинских подвижников. В исследовании отмечается, что Палладий Еленопольский обращается к тексту Священного Писания в нескольких случаях: во-первых, библейский текст служит для него подтверждением истинности высказанных мыслей, во-вторых, библейские слова являются для автора «строительным материалом» и становятся в повествовании его собственными словами, в-третьих, Священное Писание служит для поиска аналогий и выстраивания параллелей между библейской реальностью и реальностью жизни современного автору монашества, в-четвертых, слова Библии выступают для автора в качестве пророчеств, исполнившихся в жизни современных ему аскетов. Автор исследования приходит к выводу, что в произведении Палладия Еленопольского библейский нарратив тесно переплетается с аскетическим опытом древнехристианского монашества.

Ключевые слова: Библия, позднеантичная агиография, типология, пророчество, библейский нарратив.

Alexandra S. Balakhovskaya
A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia.
a.balakhovskaya@gmail.com

Holy Scripture in Palladius of Helenopolis' *Lausiac History*

The paper analyzes the use of the biblical text in the *Lausiac History*, a late antique hagiographic work by Palladius of Helenopolis. The *Lausiac History* is a collection of biographies of the Egyptian and Palestinian monasticism, written in 420. In this work, Palladius of Helenopolis refers to the text of the Holy Scripture in several cases: firstly, the biblical text confirms the truth of his thoughts, secondly, the biblical words are 'building material' for the author and become his own words in the narrative, thirdly, with the help of the Holy Scripture, he is searching for analogies and is building parallels between biblical reality and the reality of the life of contemporary monasticism, fourthly, the words of the Bible

serve for the author as prophecies that were fulfilled in the life of contemporary ascetics. Thus, in the work of Palladius of Helenopolis, the biblical narrative is closely intertwined with the ascetic experience of ancient Christian monasticism.

Keywords: Bible, late antique hagiography, typology, prophecy, biblical narrative.

Священное Писание — неотъемлемая часть любого агиографического произведения. Оно является его основой и руководящей нитью, пронизывающей все повествование. Связь агиографического сочинения со Священным Писанием обусловлена самим характером агиографического нарратива, задачей которого является демонстрация торжества христианской веры в жизни святых.

Существует точка зрения, что обращение к библейским текстам в агиографической литературе обусловлено, во-первых, необходимостью изображения духовного состояния героя и объяснения его поступков, и, во-вторых, стремлением просветить простых верующих, которые сами не имели возможности обратиться к тексту Библии (Sadykov 2022: 91). Без сомнения, оба названные фактора справедливы, однако существуют более глубокие причины присутствия Священного Писания в агиографических текстах.

По словам В. М. Лурье, Священное Писание следует рассматривать как «агиографический субстрат», «информационный код для трансляции определенного смысла» (Lougié 2009: 56), на уровне которого осуществляется преемство агиографии с новозаветной и ветхозаветной традициями (Lougié 2009: 68). Именно это обстоятельство является причиной того, что Священное Писание как эксплицитно, так и имплицитно присутствует в любом произведении агиографии.

Подобно В. М. Лурье, на имманентную связь агиографического повествования и библейского текста указывает и Д. Крюгер. Он говорит о том, что для агиографического нарратива характерно типологическое изображение событий, которое включает в себя «чтение истории и конструирование повествований в свете соотношений между событиями в мире и событиями в Библии, таким образом включая мир в священный текст» (Krueger 2004:17).

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть, какую роль Священное Писание играет в сочинении Палладия Еленопольского «Лавсаик», памятнике христианской агиографии, представляющем собой большой интерес и как источник по истории древнего монашества, и как образчик жанра позднеантичной коллективной биографии. Это произведение, написанное епископом Палладием в 420 г. и посвященное препозиту Лавсу, представляет собой коллекцию коротких повествований о святых, сведения о которых автор получал во время паломнического путешествия по монастырям Египта и Палестины либо при личном общении, либо через других подвижников (Butler 1898:3).

По замечанию Ю. О. Минец, в «Лавсаике» насчитывается девяносто три обращения к библейскому тексту (Mines 2010: 90). Исследовательница подразделяет все случаи обращения Палладия к Писанию на дословные библейские цитаты, на адаптированные цитаты, то есть на свободное цитирование Писания, и на библейские ссылки, когда автор не повторяет дословно цитаты, а отсылает к ней, используя сравнения и обращаясь к различным библейским образам и мотивам (Mines 2010: 88).

Один из наиболее частых случаев обращения Палладия Еленопольского к тексту Священного Писания — это подтверждение высказанной мысли ссылкой на библейский авторитет. Таких примеров встречается в «Лавсаике» множество. В качестве одного из них можно привести слова из рассказа «Об Иоанне Ликопольском», которые Палладий вложил в уста своему герою.

Герой повествования подвижник Иоанн Ликопольский, основываясь на цитате из Евангелия от Луки, назидает пришедшего к нему автора повествования, который почувствовал обиду из-за того, что знаменитый подвижник вместо беседы с ним стал разговаривать с посетившим его государственным чиновником. $\text{Τί ἄξιον βλάβης εὔρες, ὅτι ἐκεῖνα ἐλογίσω ἄπερ οὔτε ἐμοὶ πρόσεστιν οὔτε σοὶ ἐπρελεν; Ἡ οὐκ οἶδας ὅτι γέγραπται: “Ὁὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ὑγιαίνοντες ἰατροῦ ἀλλ’ οἱ κακῶς ἔχοντες;”}$ «Чего ты нашел достойного обиды, что подумал о том, что ни мне не свойственно, ни тебе не приличествует? Или ты не знаешь, что написано: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные?*

(Лк., 5:31)». (Palladio 1974: 172)¹. Это заимствование из Священного Писания предстает собой дословную цитату.

В другом рассказе, посвященном падшему монаху Птоломею, Палладий, указывая на опасность духовного превозношения, которое овладевает подвижником, когда он отвергает духовное наставничество, подтверждает свою мысль ссылкой на книгу Притч: Καὶ αὕτη δὲ ἡ συμφορὰ συνέβη Πτολεμαίῳ ἐκ τῆς ἀλόγου οἰήσεως, κατὰ τὸ γεγραμμένον: «Οἷς μὴ ὑπάρχει κυβέρνησις πίπτουσιν ὥσπερ φύλλα» «И это несчастье случилось с Птоломеем из-за неразумного превозношения, согласно сказанному: *Те, которые не имеют руководства, падают, словно листья*» (Притч., 11:14) (Palladio 1974: 142). Данное обращение к Писанию представляет собой дословную цитату, приведенную по тексту Септуагинты.

Некоторые заимствования из Священного Писания получают в Лавсаике интертекстуальную нагрузку. Подобное использование библейского текста имеет место, например, в рассказе о подвижнице Мелании: οὐκ ἐμέρισεν αὐτὴν τῆς πρὸς τὸν Χριστὸν ἀγάπης ὁ τοῦ μονογενοῦ υἱοῦ πόθος «Не отделила ее от любви ко Христу любовь к единственному сыну» (Palladio 1974: 246). Здесь Палладий опирается на фрагмент из послания апостола Павла к Римлянам, где говорится, что никакая сила не способна отлучить человека от Христа («τίς ἡμᾶς χωρίσει ἀπὸ τῆς ἀγάπης τοῦ Χριστοῦ») (Рим., 8:35).

Текст послания к Римлянам изменен Палладием лишь в небольшой степени — замена глагола χωρίζω на глагол μερίζω, использование аориста вместо будущего времени, изменение синтаксической конструкции не влияют на смысл заимствуемой фразы. Включая этот фрагмент в свой текст, Палладий словно начинает говорить словами апостола Павла, и его слова становятся словами автора. В данном примере смыслы заимствованного текста и контекста, в который он помещен, близки друг другу, и библейский текст включен в повествование, чтобы показать, что слова апостола Павла нашли воплощение в жизни подвижницы Мелании.

Однако в «Лавсаике» можно встретить случаи, когда автор помещает библейские слова в иной по смыслу контекст.

¹ Цитаты из «Лавсаика» Палладия Еленопольского приводятся в переводе автора статьи.

Например, в рассказе «Об оклеветанном чтеце», повествуя о женщине, которая должна родить внебрачного ребенка, Палладий пишет: ἐπληρώθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ τεκεῖν» «Настало время родов» (Palladio 1974: 286). Исходя из текстуальных совпадений можно выдвинуть предположение, что в этой фразе использован фрагмент из Евангелия от Луки «ἐπλήσθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ τεκεῖν αὐτήν» (Лк., 2:6), относящийся рождению младенца Христа Божией Матерью.

Но однозначно определить, являются ли эти слова заимствованием или нет, нельзя, поскольку они общеупотребительны. Однако, учитывая глубокую погруженность Палладия в Священное Писание, можно с определенной долей уверенности утверждать, что он имел в виду именно этот фрагмент Евангелия от Луки, на что и указывается в последнем критическом издании «Лавсаика» (Palladio 1974: 287). В том случае, если этот отрывок является заимствованием, то заимствованием почти буквальным (замена глагола τίμλημι на глагол πληρώω и отсутствие местоимения не меняют смысла сказанного), однако контекст, в который помещена эта фраза противоположен ей по смыслу.

Итак, если мы последуем за критическим изданием текста Палладия Еленопольского и укажем на данный фрагмент, как на библейское заимствование, то можно сделать вывод, что употребление евангельской цитаты, помещенной в противоположный по смыслу контекст, свидетельствует, что Палладий мыслит словами Священного Писания, как своими, и эти слова в его сочинении вне библейского контекста начинают жить собственной жизнью.

Авторское мышление библейскими словами и категориями наглядно проявляется также в библейских парафразах. Например, в рассказе «О Евлогии и увечном», посвященном тому, как один человек по имени Евлогий взял на свое попечение нищего калеку и стал заботиться о нем, Палладий пишет: Ἐνέγκας οὖν ὄνον ἦρεν αὐτόν, καὶ ἀπήνεγκεν εἰς τὸ ἴδιον ξενίδιον, καὶ ἦν αὐτοῦ ἐπιμελούμενος «Приведя же осла, он поднял его и увез в свое жилище и стал заботиться о нем» (Palladio 1974: 108).

Очевидно, что этот фрагмент является парафразой Лк., 10:34: ἐπιβίβασας δὲ αὐτόν ἐπὶ τὸ ἴδιον κτήνος ἤγαγεν αὐτόν εἰς πανδοχεῖον καὶ ἐπεμελήθη αὐτοῦ «И, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем». Здесь Палладий

возводит ситуацию с Евлогием и увечным к притче о милосердном самарянине, демонстрируя тем самым, что евангельская модель поведения нашла воплощение в герое его повествования.

В своем сочинении Палладий часто строит параллели между библейскими событиями и образами и событиями и образами, содержащимися в его тексте. В таких параллелях Палладий, естественно, прибегает к ссылкам на Священное Писание. Такова, например, ссылка на книгу Исхода в рассказе «О юноше Макарии», где сравниваются совершивший невольное убийство Макарий и Моисей, убивший египтянина. ... οὐκ ἂν Μωσῆς ἠξιοῦτο τῆς θεϊκῆς ὀπτασίας (καὶ τῆς τοσαύτης δωρεᾶς καὶ τῆς συγγραφῆς τῶν ἀγίων λόγων), εἰ μὴ φόβῳ τοῦ Φαραῶ διὰ τὸν φόνον ὃν ἔδρασεν ἐν τῇ Αἰγύπτῳ κατελήφει τὸ ὄρος τὸ Σινᾶ. «...Моисей бы не удостоился божественного откровения (и столь великого дара, и составления Священного Писания), если бы из страха перед Фараоном из-за убийства, которое он совершил в Египте (Исх, 2:12–15), он не ушел бы на Синайскую гору» (Palladio 1947: 64).

Здесь Макарий, который случайно во время игры убил своего сверстника и после этого укрылся в пустыне, предался подвижнической жизни и удостоился божественной благодати сравнивается с пророком Моисеем, который убил египтянина и из страха перед фараоном бежал в землю Мадямскую, где и получил божественные откровения.

В сочинении Палладия обнаруживаются и типологические параллели, в которых персонажи и события Священного Писания становятся прообразами описываемых персонажей и событий. В качестве примера сошлемся на образ подвижника Вениамина, страдавшего водянкой. Οὗτος τοίνυν ὁ τοιοῦτου χαρίσματος καταξίωθεὶς πρὸ ὀκτῶ μηνῶν τοῦ θανάτου αὐτοῦ ὑδρωπίασε, καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ὠγκώθη αὐτοῦ τὸ σῶμα ὡς ἄλλον Ἰὼβ φαίνεσθαι «Но он, будучи удостоен такого дара, за восемь месяцев до своей смерти заболел водянкой, и его тело настолько распухло, что он казался иным Иовом. (Иов., 2:7)». (Palladio 1974: 54). В этом тексте Вениамин ставится в один ряд с пораженным проказой библейским праведником Иовом, который и является его прообразом.

Другим примером может послужить рассказ о том, как Макарий Александрийский отправился в путешествие, чтобы

посетить гробницу египетских чародеев Ианния и Иамврия и отмечал дорогу стеблями тростника, чтобы не заблудиться на обратном пути, но демон, пока он спал, собрал все эти тростинки и сложил возле его головы. ... Ἀναστὰς οὖν εὗρε τοὺς καλάμους, τάχα καὶ τοῦτο τοῦ θεοῦ συγχωρήσαντος εἰς πλείονα αὐτοῦ γυμνασίαν, ἵνα μὴ καλάμοις ἐπελπίζη, ἀλλὰ τῷ στύλῳ τῆς νεφέλης τῷ ὁδηγήσαντι τὸν Ἰσραὴλ τεσσαράκοντα ἔτη ἐν τῇ ἐρήμῳ «... Встав, он нашел тростинки, хотя, пожалуй, и это Бог попустил для большего упражнения в подвиге, чтобы он возлагал надежду не на тростинки, а на столп облачный, который сорок лет воедил Израиля по пустыне (Исх., 13:21)». (Palladio 1974: 82).

В этом отрывке можно видеть, как библейская реальность вторгается в текст «Лавсаика», и странствование народа Божия под водительством столпа облачного является прообразом странствования Макария по пустыне, путеводителем которого должен выступить все тот же облачный столп, символ присутствия Божия.

К Священному Писанию Палладий обращается также в тех случаях, когда хочет засвидетельствовать исполнение библейского слова в жизни своих героев. Например, в рассказе «О слепце Дидиме», он пишет: ὃς τοσαύτη χάριτι ἐκεκόσμητο γνῶσεως ὡς καθ' ἱστορίαν πληροῦσθαι ἐπ' αὐτῷ τὸ γεγραμμένον “Κύριος σοφοῖ τυφλοῦς” «Он был настолько украшен благодатью знания, что на нём буквально исполнилось сказанное: *Господь умудряет слепых* (Пс., 145:8)». (Palladio 1974: 26).

В качестве другого примера приведем фрагмент из рассказа «О Павле Простом», когда Павел изгнал беса, превратившегося в дракона. Καὶ παραχρῆμα ἐξῆλθε τὸ πνεῦμα καὶ εἰς δράκοντα μέγαν ἑβδομήκοντα πήχεων μετεβλήθη συρόμενος ἐπὶ τὴν θάλασσαν τὴν ἐρυθράν, ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθέν. “Ἐτιδεικνυμένην πίστιν ἀπαγγελεῖ δίκαιος” «И тотчас вышел дух и превратился в огромного дракона величиной в семьдесят локтей и уполз в Красное море, чтобы исполнилось сказанное: *Явленную веру возвещает праведный* (Притч., 12:17)» (Palladio 1974: 126). В обоих приведенных случаях заимствования из Священного Писания представляют собой буквальные цитаты из книг Псалмов и Притч по тексту Септуагинты.

Тот факт, что автор «Лавсаика» видит в Священном Писании, с одной стороны, прообразы своих героев, а с другой, словесные пророчества, исполняющиеся в жизни современных ему

подвижников, свидетельствует о том, что он рассматривает историю египетского и палестинского монашества через призму библейского текста и, по сути, считает ее продолжением истории библейской².

Итак, можно выделить несколько вариантов обращения Палладия Еленопольского к Священному Писанию. Он ссылается на библейский авторитет для подтверждения истинности высказываемой мысли, а также пользуется словами и образами Священного Писания как своими. Помимо этого он устанавливает и выстраивает параллели между библейскими образами и образами современных ему аскетов и подвижников, ищет для них библейские прообразы и слова библейских пророчеств, которые исполнились в их жизни.

Таким образом, анализ использования Священного Писания в тексте «Лавсаика» показывает, что его автор мыслил библейскими категориями и моделировал действительность в согласии с образами Священного Писания. Как пишет Д. Крюгер, применительно к сочинению Феодорита Кирского «История боголюбцев», «применение библейских моделей к его (Феодорита — А.Б.) времени постулирует переплетение библейского нарратива и опыта древнего христианства» (Krueger 2004: 26). Эту характеристику в полной мере можно распространить и на «Лавсаик» Палладия Еленопольского.

Литература

- Dom, Cuthbert Butler (ed.). 1898: *The Lausiaca History of Palladius. A Critical Discussion together with Notes on Early Egyptian Monachism*. Cambridge at the University Press.
- Krueger, D. 2004: *Writing and Holiness. The Practice of Authorship in the Early Christian East*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Lourié, V. M. 2009: *Introduction to the Critical Hagiography*. Sankt-Peterburg: Axioma.
- Лурье, В. М. 2009: *Введение в критическую агиографию*. СПб, Аxioma, 2009.
- Minec, Ju. O. 2010: *Works of Palladius of Helenopolis in the Context of Forming the Ideals of Christian Life: Historical and Social Aspect*. PhD (Philology). Kiev.

² Типологический метод в агиографии на материале «Истории боголюбцев» Феодорита Кирского подробно разбирает в своем исследовании Д. Крюгер (Krueger 2004: 15–32).

- Минец, Ю. О. 2010: *Творчество Палладия Еленопольского в контексте формирования идеалов христианской жизни: историко-социальный аспект*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев.
- Palladio, 1974: *La Storia Lausiaca* (Introduzione di Christine Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink; traduzione di Marino Barchiesi). Milano, Fondazione Lorenzo Valla.
- Sadykov, P. D. 2022: [Quoting of the Holy Scripture in Hagiographical Works (on the Example of the Life of St. Stephen of Makhreshchi)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*. 5, 90–97.
- Садыков, П. Д. 2022: Цитирование Священного Писания в агиографических произведениях (на примере жития преп. Стефана Махришского). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 5, 90–97

DOI: 10.30842/ielcp230690152708

А. Е. Беликов

МГУ им. М. В. Ломоносова/ НИУ МФТИ, Москва, Россия. belikov.smu@gmail.com

М. В. Ленчиненко

Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. lenchmar@rambler.ru

А. И. Любжин

Университет Дм. Пожарского/ НИУ МФТИ, Москва, Россия. vultur@mail.ru

М. Н. МУРАВЬЕВ — ЧИТАТЕЛЬ «ГЕОРГИК»

В статье содержится полная информация о маргиналиях, оставленных выдающимся поэтом и просветителем М. Н. Муравьевым на полях «Георгик» в великолепном базельском издании Вергилия с обширными комментариями. Рассмотрены как собственные реплики М. Н. Муравьева на полях, так и отчеркнутый им текст. Прежде всего его интересуют переключки Вергилия с Лукрецием и с Тассо, а также сведения, которые Помпоний Лет сообщает о территориях, которые в эпоху Муравьева принадлежали России. В статье более подробно рассматривается третий пункт.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, Вергилий, Лукреций, Тассо, Помпоний Лет, «Георгики», маргиналии, комментарий.

Aleksei E. Belikov

Lomonosov Moscow State University/ Moscow Institute of Physics and Technology
belikov.smu@gmail.com

Marina V. Lenchinenko

Scientific Library of M.V. Lomonosov Moscow State University lenchmar@rambler.ru

Alexey I. Lyubzhin

Dmitry Pozharsky University/ Moscow Institute of Physics and Technology. vultur@mail.ru

M. N. Muravyov reader of *Georgics*

This article provides a comprehensive account of the marginalia to Vergil's *Georgics* that were left by the eminent poet and educator M. N. Muravyov in his copy of a sixteenth-century Basel edition accompanied by extensive commentaries. Both his marginal annotations and the printed text he marked are taken into consideration. Above all, Muravyov is interested in Virgil's intertextual connections with Lucretius and Tasso, as well as in the information that Julius Pomponius Laetus provides about the territories that belonged to Russia in Muravyov's time. The latter point is discussed in more detail.

Keywords: M. N. Muravyov, Vergil, Lucretius, Tasso, Pomponius Laetus, *Georgics*, marginalia, commentary

Один из самых образованных — а может быть, и самый образованный в своем поколении дворянин Российской империи — Михаил Никитич Муравьев (1757–1807) располагал чрезвычайно интересным полным базельским изданием Вергилия: P. Vergilii Maronis Opera, quae quidem extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica & Aeneida commentarijs Tib. Donati & Seruij Honorati, summa cura ac fide a Georgio Fabricio Chemnicense emendatis / Adiecto etiam ab eodem rerum & verborum locuplete in ijsdem memorabilium indice. Quibus accesserunt etiam Probi grammatici, Pomponij Sabini, Phil. Beroaldi, Ioan. Hartungi, Iod. Vvillichij, Georg. Fabricii, Bonfinis, & aliorum annotationes... Basileae: ex officina Henricpetrina [Heinrich Petri], [1575]¹. Это издание испещрено многочисленными пометами (как записями, так и отчеркиваниями), отражающими читательскую интеллектуальную жизнь М. Н. Муравьева. Данная работа будет посвящена пометам, оставленным на полях «Георгик»².

Книга 1.

Col. 117–118. В тексте комментария Сервия подчеркнуто: «Et hi libri διδασκαλικοὶ sunt, unde necesse est ut ad aliquem scribantur. Nam praeseptum & doctoris & discipuli personam requirit».

*И это дидактические книги, почему необходимо, чтобы они были кому-либо адресованы, поскольку наставление предполагается и учителя, и ученика*³.

К этому примечание-запись по нижнему полю: «Annotationem hanc generaliter sumtam probo: sane persona Audientis vel potius discentis in omni Poemate didactico necessarie supponitur.

¹ Книги М. Н. Муравьева хранятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Данное издание in folio. В конце посвящения обозначен год 1547, однако утрачен лист с колофоном, где обозначена дата выхода — 1575 год. М. Н. Муравьев, по всей видимости, этот лист видел и в описи своего книжного собрания датировал том 1575 годом: «Все Творения Виргилиевы, съ Комментаріями Доната, Сервія и новѣйшихъ многихъ въ Базель 1575. въ малой листъ». // ОР РНБ. Фонд 499. Ед. хр. 6. Л. 4. Номер по списку 135.

² Пометы на полях «Буколик»: Ленчиненко М. В., Любжин А. И. Под сенью крыл мантуанского лебедя: М. Н. Муравьев — читатель Вергилия // «Екатерина II и русская литература». Сборник статей ИМЛИ. В печати.

³ Здесь и далее наш перевод отчеркнутого текста, как и текста самого М. Н. Муравьева, будет даваться курсивом непосредственно вслед за самим текстом.

Sed cuius? Non exclusive ad individuum reducti, quamvis et hoc usitatissime; non porro certe atque nominatim indicati, quomodo vel saepius: sed etiam et indefinite et imaginarie positi, et, si placet, ad totum genus humanum extensi. Horatius inscripsit libellum suum de Arte Poetica, ad Pisones; Boileus vero, in quo similem tractavit argumentum, prefecit operi suo, abstracte tantummodo Auditorem, qualiscunq. ille sit. Pariter quidem et Ovidius in Arte Amatoria, et Racinius filius in Carmine de Religione, de Gratia, et complures alii».

В общем виде я одобрительно отношусь к тому примечанию: во всякой дидактической поэме с необходимостью предполагается лицо слушателя, или, скорее, учащегося. Но чье? Не обязательно сведенного к индивидуальности, хотя это и встречается весьма часто; и, стало быть, не обязательно указывать точно и по имени, пусть так и чаще; но можно взять и неопределенное, и воображаемое лицо, и, если угодно, распространенное на весь человеческий род. Гораций надписал свою книгу «О поэтическом искусстве» «К Пизонам»; а Буало свою, где занимался подобным предметом, предпослал своему труду читателя лишь отвлеченно, кто бы тот ни был. Равным образом и Овидий в «Науке любви», и Расин-сын в поэме «О религии», «О благодати», и многие другие.

Col. 126. В тексте комментария отчеркнуто⁴: «Thyle.] Insula est ultima Oceani Britannici. Fieri tamen potest, quod à sinistris nulla sit insula, siue flectas ad zephyrum, siue ad boream. À dextris uero inter boream & eorum nauigando ad ortum solis, multæ occurrunt insulæ post Thylem, quarum plerasque inhabitant homines minimæ staturæ: eos credunt esse Pygmæos, & pugnare cum anseribus & gruibus, quarum auium magna copia in illis regionibus est. Sed de pugna nihil certi habebatur. Fibulis exiguis utuntur quæ sunt tectæ, desuper paruum habentes foramen. cum tempestas uenit, includunt se in cymba, & operculo foramen obducunt obducunt, & permittunt se à procellis ferri, cum serenauit. Est & magna insula sub ipso septentrione, quæ ad ortum opponitur, & non longè à continenti, in qua rarò aut nunquam illucescit dies: animalia ibi omnia sunt alba, & præcipuè ursi: & aues, quas à falcatis unguibus Falcones appellamus, sub hoc aëre degere inuenimus. Prope glacialis Oceani oras, habitant sylvestres homines. Vgari siue Vgri, Scythæ quidem sunt, & à cæteris mortalibus semoti. apud eos neq;

⁴ Здесь и далее (за двумя обозначенными исключениями) приводятся комментарии Юлия Помпония Лета.

aurum neq; argentum cognoscitur, neq; æs, cum proxima gente mercimonia permutant, aut cum Zauolocensibus. Sic narrare mihi qui ad origines Tanais habitant».

Фула есть остров крайний британского океана. Быть, впрочем, может, что с левой стороны нет никакого острова, к Зефиру ли повернешь или к Борею. Справа же, если плыть между Борею и Эвром к восходу солнца, попадают многие острова и после Фулы, большинство из которых населяют люди крайне низкого роста: есть поверье, что это — Пигмеи, и они сражаются с гусями и журавлями, коих птиц большое изобилие в тех местах. Но не было никаких надежных сведений о битве. Пользуются они тонкими застезками, которые скрыты и сверху имеют маленькое отверстие. Когда надвигается буря, они прячутся в лодке и закрывают отверстие крышкой, и позволяют бурям носить себя, пока не распогодится. Есть еще большой остров у самого севера, который протягивается на восток, не далеко от континента, на котором редко или почти никогда не рассветает день: все животные там белые, особенно медведи: и мы находим, что под этим небом обитают птицы, которых мы называем Falcones (соколами) из-за серповидных (falcatis) когтей. Рядом с берегами ледяного океана живут лесные люди. Угари или угры, они суть скифы, и удалены от прочих смертных. Им не известно ни золото, ни серебро, ни медь. Они обмениваются товарами с ближайшим народом или с заволочцами. Так рассказывали мне те, кто обитают у истоков Танаиса.

Col. 133–134. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «In Scythia inveniuntur dentes serpenti, qui videntur esse æmuli dentium elephantinorum, materia tamen est spissa & ponderosa. In Oceano Scythico capiuntur monstra marina, quibus insunt dentes paulo infra magnitudinem elephantinorum. utuntur ipsi dentibus illis ad ornamentum, quemadmodum nos ebore. Cortex dentium serpentinorum, est aspera: inveniuntur nunc terram fodiendo, sed serpentes nusquam uisi fuerunt. puluis hausta in uino aut in aqua, uenenis aduersatur. sapor est amarus».

В Скифии обнаруживаются змеиные зубы, которые представляются быть соперниками зубов слоновьих, при том их вещество плотное и тяжелое. В скифском океане ловят морских чудовищ, у которых зубы величиной лишь немногим меньше слоновьих. Сами они используют эти зубы для украшения, как мы — слоновую кость. Оболочка змеиных зубов шероховатая; обнаруживаются они теперь в раскопанной земле, а сами змеи

никогда не были виданы. Порошок, принятый с вином или с водой, противодействует ядам. Вкус горький.

Col. 136. В тексте комментария отчеркнуто: «*Castorea.*] id est, testiculos fibrorum. Fibri animalia sunt in Ponto, quæ periculo urgente testiculos sibi amputant, gnari ob id se peti. medici testes castoreum uocant. Animal ipsum horridum, morsu arbores iuxta flumina, ut ferro, edit. Hæc antiqui scribunt, & nos in Scythia animal uidimus, & Itinerario nostro descripsimus. *Fiber.*] animal est paruuum, infra magnitudinem porcelli, pedes habet breuissimos: unde fit, ut currere non possit. Ventricosus est fiber. cum uocem dat, infans esse creditur. Dentes habet peracutos, sed minimè mordet. Habitat ripas Borysthenis amnis, qui è palude inacceßibili oritur. tria domicilia, id est cauernas in ripis per gradus excauat, ut cum fluuius intumescat, superiora petat. quoniam prope aquas habitare gaudet. pascitur pomis & arborum corticibus. Fibri inter se differunt in colore, pili differentia est: qui nigriores sunt, ut domini à cæteris uenerantur. proxima nobilitas illis est, qui non sunt adeò nigri. qui russescunt, serui sunt. Ita obseruandum [sic; fortasse per errorem; obseruatum in ipsius ed.⁵] est à Scythis. Hi, id est serui, poma legunt, hi cædunt cortices. inde duo iunguntur, in quorum dorsum alij ex bacillis ueluti cratem conficiunt, & postea poma et cortices superimponunt. Illi autem qui subiere, iuncti procedunt pari gressu usq; ad regiam, & ibi exonerantur. Cum domini capiuntur, mœrore quodam afficitur plebs, & luctum incessu uultuq; indicat. Si domi nutriuntur, tantus inest eis pudor, ut domum neque stercore neq; urina maculent: & si egredi non datur, queritur, clamat, donec potestas ei fiat exeundi. Et quanto nobilior, tanto modestior est fiber. Cauda fibri est pedalis, aut paulo amplius: in longitudine formam habet linguæ humanæ, sed tamen amplitudo modum non superat. Scythæ comedunt, & in delicijs habent, & etiam sale condiunt, ut nos de petasonibus. Est enim ita pinguis cauda, ut apud nos lardum. Pilos non habet: cortex uerò similis est cortici piscium, qui sunt sine squama. Fibri, si requiras similitudinem, sunt similes lutris».

Бобровая железа (castorea), то есть тестикулы бобров. Бобры суть животные в Понте, которые при возникшей угрозе удаляют себе тестикулы, ведая, что именно из-за них их преследуют. Врачи называют тестикулы бобровой железой (castoreum). Само животное косматое, деревья около рек, словно железным инструментом, укусом источает. Это

⁵ Iulii Pomponii Sabini grammatici eruditissimi, in omnia quæ quidem extant, P. Vergilii Maronis Opera, Commentarii... Basileae: S. a. [1544]. P. 60.

сообщают древние, и мы в Скифии видели животное, и в нашем Итинерарии описали. Бобер есть животное небольшое, размером меньше поросенка, ноги имеет крайне короткие: из-за этого получается, что бегать не может. Бобер пузат. Когда издает звук, кажется, что это ребенок. Имеет сверхострые зубы, но менее всего кусается. Населяет берега реки Борисфена, которая протекает из недоступного болота. Три жилища, то есть пещеры, в берегах выкапывает по уровням, чтобы по мере того, как река разливается, забираться во все более высокое, поскольку рад жить рядом с водой. Питается плодами и корой деревьев. Бобры отличаются между собой цветом, и различие шерсти такое: те, что почернее, остальными почитаемы как господа; следующая степень знатности у тех, что не столь черные; те, что рыжие, суть рабы. Такое наблюдение сделано скифами. Эти, то есть рабы, собирают плоды, эти режут кору. Затем двое соединяются, коих на спине другие делают словно бы плетенку из палочек, и после этого сверху кладут плоды и кору. Те же, что взвалили груз, соединенные идут равным шагом ко дворцу, и там разгружаются. Если ловят господ, племс охватывает некая скорбь, и они выражают горе походкой и выражением лица. Если они питаются в доме, то такой им присущ стыд, что дом они не марают ни калом, ни мочей; и если не дано возможности выйти, то жалуется и кричит, пока не дадут ему выбраться. И чем знатней, тем скромней бобер. Хвост у бобра футовый или немного длиннее; в длину имеет форму человеческого языка, но при этом ширина не превышает меры. Скифы употребляют в пищу, и считают изыском, и даже приправляют солью, как мы делаем с окороком. И хвост настолько жирный, как у нас сало. Шерсти не имеет, а кожа похожа на кожу рыб, которые без чешуи. Бобры, если взыскуешь сравнения, похожи на выдр.

Col. 152. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «In Scythia aratris non alligantur boues, sed equi, & currus paruus duarum rotarum aratrum trahit. Vomerum genere quatuor. primum, quo terra proscinditur, secundum est rostratum. tertium exiguae cuspidis. quartum acutioris mucronis, & grauis, secans radices herbarum».

В Скифии к плугу привязывают не быков, но коней, и небольшая двухколесная колесница тащит плуг. Лемех четырех видов. Первый, которым рассекается земля. Второй с загну-

тым концом. Третий с тонким наконечником. Четвертый с более острым лезвием, и тяжелый, режущий корни растений.

Col. 155–156. Под строкой 196 «Et, quamvis igni exiguo, properata maderent» перевод:

«И хотя на маломъ огнѣ ихъ варили поспѣшно».

Col. 159–160. По нижнему полю перевод строк 215–216:

«vere fabis satio; tum te quoq; Medica, putres accipiunt sulci et milio venit annua cura»:

«Весною сѣвъ бобамъ: тогда смягченны нивы,

Приемлять и тебя, трилиственникъ (мидійская трава, которой сѣмя, одинъ разъ брошенное, трижды [1 слово нрзб.] производить плодъ.)».

Col. 161–162. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «Papaue duplex est, cuius semen est album atq; nigrum. Ex semine nigro papaueis? Scythæ & Sarmatæ multa condimenta faciunt. Scythæ, ubi nos ponimus lac amygdalorum, ipsi utuntur lacte papaueis».

Мак бывает двух видов, семя его — белое и черное. Из черного макового семени скифы и сарматы делают множество приправ. Скифы, куда мы добавляем миндальное молоко, сами пользуются молоком мака.

Запись на внешнем поле: «Возможно ли столько подробностей знать сему Господину Помпонію Сабину, которые не могут къ чему другому примѣниться какъ къ Россіи? Нигдѣ не упускаетъ онъ, что нибудъ сказать о Сармаціи и Скифіи».

Col. 163–164. К строкам 242–243 «at illum Sub pedibus Styx atra uidet» (*а ее [вершину] под ногами видит черный Стикс*) подписано: «Polum australem, южной».

Col. 165–166. В тексте комментария отчеркнуто карандашом (начиная с Bene Vergilius...) и двойными черточками (полностью): «Herodotus libro quarto scribit: Ex puella filia Terræ, quæ femorum tenuis formam hominis habebat, & in reliquo formam uiperæ, & Hercule, genitos treis, Agathyrsum, Helonum & Scytham: & ex tertio nomen pro pagatum (sic) est per multas regiones. Ipsa Scythia adeò magna est, ut penè sit par Indiæ. Rhipæi montes uel Riphæi in Oriente sunt, in ea parte quæ altior est propter septentrionem. Bene Vergilius dixit in alio loco, Riphæo tunditur Euro. Ultra hos montes sunt maximi calores: homines habitant in cauernis, ut calores euitent, & propter ardorem solis est maxima aeris intemperies. & hi montes in Scythia esse intelliguntur. Sunt & alij montes, in septentrione uersus occidentem, altitudine, latitudine & longitudine æmuli Alpium nostrarum: in quibus continua est glacies, &

sempiternæ niues, ultra nihil spacij terrarum est, Oceanus obsidet. Capiuntur illic falciones nobiles id est eri qui dicuntur domini falconum. Hi montes ponuntur in superiore Noruegia, fortè Cosmographi nostri, cum dicunt Riphæos montes, de istis intelligunt».

Геродот в четвертой книге пишет: от девы-дочери Земли, которая вплоть до бедер имела вид человека, а в остальном — вид змеи, и от Геракла родились трое, Агафирс, Гелон и Скиф. И от третьего имя распространилось по многим областям. Сама Скифия настолько велика, что почти равна Индии. Рипейские или Рифейские горы суть на востоке, в той части, что выше у севера. Хорошо сказал Вергилий в другом месте: «Терпеть им удары рифейского Эвра» (Георгики, III.382. Пер. С. В. Шервинского). За этими горами невероятная жара: люди обитают в пещерах, чтобы избежать зноя, и из-за пылающего солнца невероятный жар. И эти горы, как понимают, есть в Скифии. Есть и другие горы, на севере в сторону запада, высотой, широтой и протяженностью составляющие с нашими Альпами: в них постоянный лед и вечные снега, а далее нет никакого пространства земли, всем владеет океан. Там ловят благородных соколов, то есть господ, которые называются владыки соколов (domini falconum). Эти горы помещают в верхней Норвегии. Возможно, когда наши космографы говорят о Рифейских горах, они имеют в виду эти.

Col. 172. В тексте комментария отчеркнуто карандашом: «*Torrere.*] Нис mos torrendi fruges & moliendi remansit apud Scythas, qui modò auenam, modò triticum in furnis desiccant, & inde ad cibaria militum moliunt».

Этот обычай жарить и молоть злаки остался у скифов, которые высушивают в печах то овес, то пшеницу, а затем размалывают на пайки воинам.

Col. 173–174. На внутреннем поле знаком «NB» отмечена строка в комментарии «*Te matutinus flentem conspexit Eous, Et flentem paulo uidit post Hesperus idem.*».

По нижнему полю перевод:

«И утромъ занялась, въ слезахъ твоихъ заря,

И тухъ вечерній свѣтъ тебя во плачѣ зря.

Цинна въ Смирнѣ».

Книга 2.

Col. 203. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «*Cothurnus est calciamenti uenatorij*

genus, cuius effigies in simulachris Liberi patris & Dianæ uidetur: nunc Scythæ utuntur. & ita suitur, ut utriusque sit aptus pedi».

Котурн — разновидность охотничьей обуви, чье изображение можно увидеть на статуях отца Либера и Дианы; теперь ею пользуются скифы. И шьется она так, что бы подходить для той и другой ноги.

Col. 215. *Pictosque Gelonos.*] id est, στίγματα habentes, & sunt populi Scythæ: ut, Pictiq; Agathyrsi (прим. Сербия).

Т. е., имеющие стигматы, и это скифские народы; как расписанные агатирсы.

Col. 216. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «*Gelonos pictos.*] Geloni populi sunt Scythiæ, nominati à Gelono filio Herculis. Russi sunt, & cæsijs oculis, & dites. Picti appellantur, propter uestes uersicolores (sic). & etiam Agathyrsi, qui sunt Gelonis finitimi iisdem uestibus utuntur».

Гелоны суть народ Скифии, названные по сыну Геракла Гелону. Они рыжие, с голубыми глазами и богатые. Названы расписанными из-за разноцветных одежд. И также Агафирсы, ближайшии к Гелонам, такими же одеждами пользуются.

Eoasq; domos Arabum, pictosq; Gelonos.] Sunt Scythæ, dicti ab Herculis filio Gelono, & Echidna: ut in III Herodotus refert.

Это скифы, получившие название от сына Геркулеса Гелона, и Ехидны, как сообщает Геродот в IV книге.

Col. 237–238. К строке 325 «*Tum pater omnipotens fecundis imbribus Aether*»⁶ (Тогда всемогущий отец Эфир обильными ливнями) сноски корректорским значком ꝛ по нижнему полю:

« ꝛ Postremo pereunt imbres, vbi eos pater Aether,
In gremium matris Terrai praecipitavit,
At nitidae surgunt fruges, ramique virescunt,
Arboribus: crescunt ipsae foetuiq; gravantur.

Lucretius Lib. I. V. 251.

Наконец погибают ливни, когда отец Эфир устремит их на лоно матери Земли, но поднимаются лоснящиеся злаки, зеленеют ветви у деревьев — они растут сами и отягощаются приплодом.

⁶ Этот фрагмент из 2-ой книги «Георгик» (v. 324–325, 327, 336–345) Муравьев выписал в одну из своих рабочих тетрадей, которые представляют собой смесь дневниковых записей, поэтических и прозаических набросков, рассуждений о прочитанном и т. п. // ОР РНБ. Фонд 499. Ед. хр. 30. С. 27.

Vere concordant amores,
 Vere nubunt alites,
 Et nemus comam resolvit,
 E maritis imbribus. Incert: Author Pervigilii Ven: [Pervigilium Veneris].

Весной заключаются любовные узы, весной вступают в брак птицы, и роща распускает волосы от брачных ливней.

Col. 239–240. По нижнему полю М. Н. Муравьев приводит автоцитату из 10-й оды «Весна. К Василию Ивановичу Майкову» (1775 г.), подчеркивая схожесть со строками 330–340:

«Neque hoc absimilis mihi videtur [мне кажется, весьма сходно]:

Наполнень воздухъ тамъ парами,
 И воздымилася земля,
 И межъ мѣльчайшими шарами,
 Туманъ низходитъ на поля.
 Ефирь въ объятія земныя,
 Повергъ частицы водяныя,
 Растеній сельныхъ семена;
 И се съ упитанной пылинки
 Встають колеблющисъ былинки,
 Почувъ прекрасны времена».

Col. 251–252. Крестиком отмечена строка 458 «O fortunatos nimium, sua si bona norint» (*О счастливейшие, если бы познали свои блага*). Этим же знаком на следующей странице отмечена запись по нижнему полю, где приводятся цитаты из «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо и поэмы Дж. Томсона «Времена года», созвучные строке Вергилия: «Le paisible habitant des champs n'a besoin, pour sentir son bonheur, que de le connoître. J. J. Rousseau. La Nouv. Heloise (*Мирный обитатель полей имеет нужду, чтобы почувствовать свое счастье, только в том, чтобы познать его. Ж. Ж. Руссо. Новая Элоиза*) [конец записи не читается].

Oh Knew he his happiness, of Men

The happiest he! [O! Знай он свое счастье, из людей счастливейший он! Дж. Томсона «Времена года»].

Col. 244. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «Vri.] Vros fert Sarmatia & Scythia. boues sunt syluestre:, (sic) magnitudine iuuencorum, colore inter ruffum russum & pallidum, aspectu medio inter ceruos & mulos. Miræ sunt uelocitatis: caro earum dura est, & sapida, ut in delicijs haberetur. gregatimq; incedunt, appellanturq; lingua Scythica bubri. quod

nomen immutatis literis Plinius pronunciauit, cum ait: Imperitum uulgus bubalorum nomen indidit. Per uros intelligit animalia syluestria, & boues».

*Турь. Туров порождает Сарматия и Скифия. Суть лесные быки, величиной с бычка, цветом между рыжим и желтоватым, видом между оленем и мулом. Им свойственна удивительная скорость; мясо у них жесткое и вкусное, и считалось бы среди изысков. Ходят стадами. И на скифском языке называются *bibri*, каковое имя произносил и Плиний, изменив буквы, когда сказал: несведущая толпа дала им имя «буйволов» (*bibalorum*). Под турами он имеет в виду лесных зверей и быков.*

Col. 253–254. К строке 475 «Me vero primum dulces ante omnia Musae» (*Пусть меня прежде всего первым сладостные Музы*) сноски корректорским значком F к записи по нижнему полю на предыдущей странице:

« F De laudibus Astronomiae, ita quoque cecinit Ovidius. Fast. Lib. I v. 295. (*О похвалах Астрономии, так тоже пел Овидий*)

Felices animos, quibus haec cognoscere primis,

Inq. domos superas, scandere cura fuit!

Credibile est illos pariter vitiisq. locisque

Altius humanis exseruisse caput.

Non Venus et vinum, sublimia pectora fregit:

Officiumve fori, militiaeve labor.

Nec levis ambitio, perfusaq. gloria fuco

Magnarumve fames sollicitavit opum.

Счастливы души, которые первыми позаботились о том, чтобы познать эти вещи и подняться в вышние жилища! Можно поверить, что они подняли головы выше одновременно и человеческих мест, и человеческих пороков. Ни Венера, ни вино не сломили благородные сердца, ни дела форума, ни военные труды. Их не взволновало легкомысленное честолюбие, ни слава, облитая пурпуром, ни алчба великих богатств.

Col. 255–256. К строке 495 «Felix, qui potuit rerum cognoscere causas» (*Счастлив, кто смог познать причины вещей*) сноски корректорским значком F к записи по нижнему полю:

« F Foelicitatis non minimam patrem (sic! partem) existimat Epicurus sine metu vivere, et hanc Foelicitatem sola naturae cognitione acquiri posse. (*Эпикур считает, что немалая часть счастья — жить без страха, и это счастье можно стяжать только познанием природы*).

— terrores animi tenebrasque necesseest,
Non radii solis, non lucida tela diei,
Discutiant, sed naturae species, Ratioque.

Lucret. Lib. I. v. [номер строки не читается, имеются в виду 146–148]. Vide Creech⁷.

Необходимо, чтобы страхи и сумерки души рассеяли не лучи солнца, не светлые стрелы дня, но вид природы и разум.

«Hoc Epicure [sic, ut videtur. — авторы] ipso extat expressum in Epistola ad Pythoclem⁸. Et Cicero l. I de Finibus [bonorum et malorum]: Omnium [rerum] natura cognita levamur superstitione liberamur mortis metu, non conturbamur ignoratione rerum, e qua ipsa existunt horribiles saepe (sic! saepe) formidines».

Это высказал сам Эпикур в письме к Пифоклу. И Цицерон в I кн. «О пределах»: «Познав природу всех вещей, мы избавляемся от суеверия, освобождаемся от страха смерти, нас не волнует невежество по отношению к природе, из которого самого часто вырастают ужасные страхи.

Col. 257–258. Продолжение предыдущей записи по нижнему полю: «At hic videmus plene expressam a Virgilio, istam ipsam Epicurearum. Sic alibi Lucretius:

O miserae hominum menteis! o pectora caeca!
Qualibus in tenebris vitae, quantisque periclis,
Degitur hoc aevi, quodcunque'st! nonne videre
Nil aliud sibi Naturam latrare, nisi vt cum
Corpore se junctus dolor absit, mente fruatur
Jucundo sensu, cura semota metuque. Lib. II. v. 14.

А здесь мы видим вполне выраженную Virgiliem эту самую из эпикурейских. Так в другом месте Лукреций: О бедные человеческие умы! о слепые сердца! В каких сумерках жизни, в скольких опасностях проводится тот век, который есть! Неужели не видно, что природа ничего громогласно не требует для себя, кроме того, чтобы, когда нет боли, соединенной с телом, можно было бы наслаждаться умом приятными чувствами, устранив заботу и страх.

⁷ Очевидно, Муравьев имел в виду английского филолога Томаса Крича (Creech Thomas, 1659–1700), который подготовил издание Лукреция, неоднократно переиздававшееся на протяжении XVIII в.

⁸ В библиотеке Муравьевых имеется издание Диогена Лаэртского (Diogenes Laertii De vitis, dogmatis & apophthegmatis eorum, qui in philosophia claruerunt, libri X... Genève, 1570) на греческом и латинском языках, где на с. 367–378 приводится письмо Эпикура Пифоклу.

Col. 259–260, 261–262. Продолжение предыдущей записи по нижнему полю: «hoc etiam imitavit, ille svaviissimus voluptatis Poeta, Chaulieu, in Epistola sua ad equitem de Bouillon: [он также подражал этому, поэту самых восхитительных удовольствий, Шолье, в своем письме к шевалье Бульонскому]

Heureux, qui se livrant à la Philosophie
 A trouvé dans son sein, un asile assuré
 Contre les préjugés, dont l'esprit enivré,
 De sa propre raison, lui même se defie;
 Et sortant des erreurs, où le peuple est livré
 Demêle autant qu'il peut les principes des Choses
 [261] Connoit les noeuds secrets des effets et des causes:
 Regarde avec mepris, et la barque et Caron
 Et foule aux pieds le bruit de l'avare Acheron».

[Chaulieu, G.A. Epître à Monsieur le Chevalier de Bouillon, en 1713.] *Счастлив, кто, предаваясь философии, нашел в своей груди надежное убежище от предрассудков, — дух, опьяненный ими, не доверяет своему собственному рассудку, и, выходя из заблуждений, которым предается народ, выпутывает, насколько может, первоосновы вещей, познает тайные узлы результатов и причин: и смотрит с презрением на Харонову лодку и попирает ногами шум жадного Ахерона.*

Col. 260. В тексте комментария отчеркнуто карандашом и двойными черточками: «*Dacis.*] qui non curat militare. Dacia, prouincia est citra & ultra Histrum. nostro tempore dicitur Volochia. incolæ Volochi appellantur. Volochia Italia, quia Daci Italicè loquuntur. Hister appellatur Danubius, postquam ad Vgriam uenit. habent originem ab Vgris, qui habitant ad Oceanum glaciale, & nunc sunt potentissimi».

Дакиец. Который не стремится воевать. Дакия есть провинция перед и за Истром. В наше время называется Волохия. Жители зовутся Волохами. Волохия — Италия, поскольку Даки говорят по-итальянски. Истр называется Дунай, когда доходит до Угрии. Происходят они от угров, которые живут у ледяного океана и сейчас являются могущественнейшими.

Книга 3.

Пометы М. Н. Муравьева в 3-ей книге представляют собой отчеркивания по полям в комментариях Помпония Лета. Исключение составляют два фрагмента из текста Сервия, комментатора Вергилия (col. 306).

Col. 285–286. Hyperborei sunt populi, qui habitant sub polo boreali, ut nunc Vgri. Veteres dixerunt hyperboreos esse felices, & illos posuerunt trans Rhypheos montes: quod fieri non potest, cùm Ryphei non ad boream, sed ad eorum porriganter: & trans Rypheos propter intemperiem aëris calidissimi, habitatores sunt infelices, quia parum uiuunt, & habitant in antris subterraneis.

Гипербореи — народы, живущие под северным полюсом, как ныне угры. Древние говорили, что гипербореи счастливы, и размещали их по ту сторону Рифейских гор, что невозможно, поскольку Рифейские горы простираются не на север, а на восток, и по ту сторону Рифейских гор, из-за дурного климата и жаркого воздуха, обитатели несчастны, поскольку живут недолго и обитают в подземных пещерах.

Col. 296–298. *At non quā Scythiā.*] Scythia regio est amplissima, sub qua olim magna pars Germaniæ intelligebatur, quæ trans Albim est. Postea uerò Scytharum nomen magna ex parte transitum fecit in Germanos, & in Sarmatas. deinde Scythæ quasi memores iniuriarum, & ultores patrij soli, irruerunt contra Sarmatas & Germanos, omnemquæ planiciem Sarmatarum occupauerunt, & è pulcherrima & dite regione expulerunt Germanos, nomen tamen Germanorum remansit. nam adhuc Boemi Scythæ appellantur, quoniam in ea regione Boemorum, Germanorum genus fuerat, & locus Boemium appellabatur. Germania extendit se usq; ad amnem Oderam, & ab oriente usq; ad Dacos, ab occidente usq; ad Gallos, à septentrione usq; ad Lippos & Hippodas, à meridie usq; ad Italiam. Verùm propter imperium Romanum omnis Sarmatia, & omne genus Vgrorum, secundum instituta & mores Germanorum degit: quam eandem consuetudinem, qui sunt in Scythia Lemonij, tenent. Sarmatia incipit de Odera amne, usq; ad Borysthenem. Propriè Sarmatæ nunc sunt Lituani, Poloni. quamuis in Sarmatia habitent Scythæ, militauerunt tamen sub ducibus Vandalorum: ideo plerunque eas nationes Vandalos fuisse, falso sunt opinati. sunt enim in Sarmatia uariæ linguæ 7. earum uerò maior est Scythica, quæ Rhutenica dicitur; & minor est Lectonica. Scythia uerò incipit à Borysthene, qui oritur ex palude inaccessibili: ex qua alij duo fluuij magni nascuntur, qui immerguntur in Rhodano sinu, labentes per Læmonios et Curanios. à Borysthene tenet Scythia usque ad Rhyphæos montes, qui claudunt Scythiam ab oriente, & extenditur usq; ad Septentrionem, cuius finis est congelatus Oceanus, & altissimi atq; excelsissimi montes, æmuli Alpium, qui terminantur mari, quod uergit ad Thylem. in ea ultima parte habitant Vgri, & montes inhabitat luporum genus quod est syluestre. ubi capiuntur

zobolæ, & sciuri preciosissimi, qui nunc dicuntur clossi, & sunt quatuor genera sciurorum. & apud Sybarinum est magnitudine martis, qui illic dicitur sybariscus. Paulo inferius uersus orientem, itinere ferè duorum mensium habitant Parmij, deinde Zaulozenses. Post Ryp hæos montes incipit India. Sed unum est animaduertendum, quòd in Scythia & in Sarmatia paucissimæ sunt urbes, & uillæ innumerabiles. Planitiem omnem quæ est ab Tanai usque ad Caspium mare, habitant Tartari, & supra Meotida paludem uersus Orientem sunt Cercesi. Hister] Vergilius de Scythia intelligit, secundum antiquam descriptionem, sub qua intelligebatur Dacia & magna pars Mysiæ, ubi exulauit Ouidius, supra Pontum. Mæotica] Mæotis magna palus est maris Pontici, ex parte superiori eius infunditur Tanais duobus hostijs, qui oritur ex palude, cuius in medio est incomperta profunditas. Post montes Boemiæ usq; ad Borysthenem nulli sunt montes, & etiam Saxonæ, sed parui colles, & apertissimi campi. Hister.] fluuius est qui dicitur Danubius, & oritur in Alpibus. Hister dicitur, postquam peruenit ad Vgaros. Turbidus.] tamen in æstate non est turbida aqua. Tanais semper est clara, & intrant in eum 24 flumina. Rhodope.] Pro Scythia Thraciam describit, & Mysiam, propter Getas & Dacos & Mysos, qui fuerunt è genere Scytharum.

Скифия — обширнейшая область, под которой некогда подразумевалась большая часть Германии, по ту сторону Эльбы. Потом по большей части имя скифов перешло на германцев и на сарматов. Затем скифы, будто помня об обидах и мстя за отеческую землю, устремились против сарматов и германцев и заняли всю Сарматскую равнину, вытеснили германцев из прекраснейшей и богатой области; однако же имя германцев сохранилось. Ведь до сих пор богемцы называются скифами, поскольку в этой области богемцев был род германцев, и место называлось Богемией. Германия простирается вплоть до реки Одера, и с восточной стороны до даков, с западной до галлов, с северной — вплоть до липпов и гипподов, с южной — до Италии. Но из-за Римской Империи вся Сарматия и весь род угров живет в соответствии с установлениями и нравами германцев; и лемонии, находящиеся в Скифии, придерживаются тех же обычаев. Сарматия начинается от реки Одера вплоть до Борисфена. В собственном смысле сарматы сегодня — литовцы, поляки. Хотя в Сарматии живут скифы, они сражались под предводительством вождей-вандалов; потому бытовало ложное мнение, что по большей части эти народы — вандалы. В Сарматии семь разных языков. Самый

распространенный среди них — скифский, который называется русским; а самый малый — литовский. Скифия же начинается от Борисфена, чей исток — в недоступных болотах; там же рождаются две другие великие реки, впадающие в Рижский залив, протекая через области лемониев и курааниев. От Борисфена Скифия простирается вплоть до Рифейских гор, которые запирают Скифию с востока, и продолжается до севера, чей предел — ледовитый Океан, а также высочайшие горы, соперницы альпийских, которые оканчиваются морем, обращенным к Фуле. В этой последней части живут угры, а в горах обитает лесная разновидность волков. Там ловят соболей и ценнейших пушных зверей, которые ныне называются «белками»⁹, и пушных зверей — четыре рода. И в Сибири есть величиной с куницу, который там называется сибирским. Несколько ниже к востоку, примерно в двух месяцах пути обитают пармии и затем — заволочцы. За Рифейскими горами начинается Индия. Но нужно обратить внимание на одно обстоятельство, что в Скифии и в Сарматии весьма мало городов, а хуторов — бесчисленное количество¹⁰. На всей равнине, которая простирается от Танаиса до Каспийского моря, живут татары, а над Меотийским болотом к востоку находятся черкесы. *Hister*] Вергилий под Скифией понимает то, что соответствовало античному описанию, где под ней подразумевались Дакия и большая часть Мизии, где был в ссылке Овидий, над Понтом. *Mæotica*] Меотида — большое болото Понтийского моря, с верхней стороны в него двумя устьями впадает Танаис, который имеет свои истоки в болоте, где в середине глубина неизмерима. От Богемских гор и до Борисфена нет никаких гор, а также Саксонии¹¹, но малые холмы и открытые равнины. *Hister*.] Река, которая называется Дунай, исток имеет в Альпах. Она получает название *Istra*, когда дотекает до области угров. *Turbidus*.] Летом,

⁹ Zabughin, Vladimiro. Giulio Pomponio Leto. Saggio critico. V. II. Libro II. (Seguito e fine). Grottaferrata. Luglio MCMX. P. 304: [? russ. bjëlka].

¹⁰ Ibid. P. 305. «Если бы речь шла о селениях, Помпей, конечно, сказал бы „pagi“».

¹¹ Текст не имеет смысла. Алексей Иванович Солопов при обсуждении предположил, что могла быть опечатка — *Saxoniae* вместо *saxa*, т. е. «а также скал». Возможно и другое исправление: переставить эти три слова немного назад, «*Post montes Voemiae, & etiam Saxoniae, usq; ad Borysthenem*», от гор Богемии и Саксонии, и т. д.

однако, вода не мутная. Танаис всегда прозрачен, и в него впадают 24 реки. Rhodope.] Вместо Скифии он описывает Фракию и Мизию, из-за гетов, даков и мисийцев, которые были скифского рода.

Col. 306. *Bisalthæ.*] Populi Scytharum, qui fugientes equorum sanguine aluntur, lacte permixto.

Скифские народы, которые, убегая, питаются кровью коней с добавлением молока.

Col. 307–308. & hoc propter Gelonos, qui nunc dicuntur Tartari, id est, Tartari, corrupto uerbo, qui immerso semine auenæ in lacte, ubi lac spissescit, soluunt uenas equorum, miscent spisso lacti sanguinem illum, & deinde sorbillant. in ipso autem itinere bibunt sanguinem equorum sine lacte.

И это из-за гелонов, которые сейчас называются татарами, т. е. тартарами, — слово испорчено, которые, окунув в молоко семя овса, когда молоко густеет, вскрывают вены коням и примешивают эту кровь к сгущенному молоку, а затем хлебают. В дороге же они пьют конскую кровь без молока.

Книга 4.

Col. 313–314. Запись по внешнему полю в самом начале книги: «Illust: Elias Schegel, ille qui primus atque optimus evasit Tragicus Germaniae Musarum illecebris, a tenera aetate inlectus, hunc librum, primum tentamen laborum suorum, suscipit, in gratia patris sui, apium amantissimi» (*Знаменитый Элиас Шлегель, тот трагик, кто первым и лучшим выпутался из соблазнов германских Муз, с нежного возраста не читаемый, предпринимает эту книгу, первый опыт своих трудов, ради отца, великого любителя пчел*). Запись по нижнему полю: «Celeb: Tasso Poesiam dixit esse imitationem rerum humanarum, qua definitione arctissima, invito sese, ad excludendum ex Poematibus, pulcherrimum hunc librum Georgicorum, coactus erat. Ita dixit enim: ne Poeta Virgilio descrivendoci i costumi e le legge, e le guerre dell'api. At tamen paulo post, definitionis huius oblitus, prescriptos limites transgressit, vbi Poesiae totam Naturam subjecit: "la perfettissima poesia imita le cose che sono, che furono o che possono essere"¹². Vide Poeticam cel: Marmontel. T. I. C. VIII. p. 326»¹³.

¹² Tasso T. Discorso primo del Poema eroico. Opere di Torquato Tasso. T. IV. In Firenze: M.DCC.XXIV. Nella Stamperia di S. A. R. per li Tartini,

Знаменитый Тассо сказал, что Поэзия — подражание человеческим делам, и в силу этого чрезвычайно узкого определения против собственной воли он был вынужден исключить из числа поэтических произведений эту прекраснейшую книгу Георгик. Ибо он сказал так: «ни поэт Вергилий, когда он описывал нам обычаи и законы, и войны пчел». Но несколько позже, забыв это определение, он перешел установленные пределы, где подчинил поэзии всю природу: «самая совершенная поэзия подражает вещам, которые есть, были или могут быть. См. «Поэтику» знаменитого Мармонтеля. Т. I. С. VIII. р. 326.

Col. 317–318. Отмечено в тексте комментария: «In Scythia autem aliter fiunt. eliguntur arbores oblongæ & proceræ, quibus supra mediam arborem excavaatur miro artificio alveolus, terebro per quandam fenestellam, deinde perungitur & oblinitur melle recenti & odorato, ut examina quæ à matribus recesserunt, quia alia domicilia perquirunt, hic resideant. est enim arbor illa larix, siue picea, unde resina fluit, propter quod materiam habet crassam, quæ nec calores nec frigores (sic) recipere potest. & non cæduntur arbores apud illos, & adeo [loco citato, p. 198: aliò] feruntur ad mellificationem, sed esse permittuntur in eo loco ubi natæ sunt itaque omnes sylvæ, omnia nemora & prata alvearia sunt».

В Скифии их делают по-другому. Выбираются деревья продолговатые и высокие, в которых выше середины с удивительным мастерством вырезается дупло, с помощью бурава через некое окошко, затем обмазывается и натирается свежим и душистым медом, чтобы рои, которые ушли от маток, поскольку ищут иные места, здесь расположились. Дерево это должно быть лиственницей или сосной, из которой течет смола, поскольку имеет плотное вещество, которое не пропускает ни жар, ни холод. И не вырубаются деревья у них и не переносятся в другое место ради добычи меда, но им предоставляется остаться в том месте, где рождены. Так целые леса, целые рои и луга становятся пасаками.

Col. 319–320. К строке 83 «Ingentis animos angusto in pectore versant» сноски корректорским значком + к записи по нижнему полю: «+ вь толь маленькой плоти, великий дух имѣеть. Лом: Рит: Ст: 144.»

e Franchi. Con licenza de' Superiori. P. 40. Del Poema eroico Libro Secondo. P. 366.

¹⁵ Marmontel, Jean-François. Poétique française... Т. I. Paris, 1763. P. 326.

Col. 335. Отмечено в тексте комментария: «Aethiopes non eligunt regem, nisi formosissimum: et si rex fuisset claudus, tota plebs conabatur claudicare».

Эфиопы выбирают царем только самого красивого: и если царь оказывался хромым, весь народ старался хромать.

Col. 352. Отмечено в тексте комментария: «Hypanis.] in palude Leucoscytharum ortus, miscetur Boristheni. Errat autem Herodotus, qui dicit proprio alueo Hypanim mare petere. Boristhenes prope mare itinere trium dierum saxa habet ingentia, illic nata, non ueluti à torrente deducta, quia per montes non labitur, sed per uastam planiciem: proinde est innauigabilis. est & alius Hypanis ex dextro latere maris Pontici: & fortè saxa habet, et de hoc loquitur poëta».

Гипанис. Беря исток в болоте белоскифов, сливается с Борисфеном. Ошибается Геродот, который утверждает, что Гипанис течет в море собственным руслом. Борисфен рядом с морем на расстоянии трех дней пути содержит в себе огромные камни, происходящие из того места, а не притащенные рекой, так как он течет не через горы, а через обширную равнину: поэтому он непригоден для кораблей. Есть и другой Гипанис с правой стороны Понтийского моря: возможно, он содержит в себе камни и о нем говорит поэт.

Col. 357–358. К строке 465 «Te, dulcis coniunx, te solo in litore secum» сноски корректорским значком #+ к записи по нижнему полю:

«# Печальную любовь на Лирѣ улаждая,
Тебя, сладчайшій мужь, тебя единь на брегѣ,
Тебя въ началѣ дня, тебя пѣль въ поздный вечеръ.
Ломон: Рит: стр. 201.

Simile quoddam sonat hoc Tassi:
Lei nel partir, lei nel tornar del sole,
Chiama con voce stanca, e prega e plora.
Cant: XII. Str. XC.».

Нечто подобное звучит у Тассо так: Он ее при отправлении солнца в путь и при возврате зовет усталым голосом, и просит и молит. Песнь XII. Стр. XC.

Col. 359–360. Запись по нижнему полю: «Nis alludit etiam celebris: Voltaire, ubi pulcherrimum illud certamen Allii, contra filium ejus, describit [На это намекает также знаменитый Вольтер, где описывает прекраснейший поединок д'Айи с сыном]:

Là soit que le soleil, rendit le jour au monde,
 Soit, qu'il finit sa course, au vaste sein de l'onde,
 Sa voix faisait redire aux echos attendris,
 Le nom, le triste nom, de son malheureux fils.
 Henriade. Ch: VIII».

Там, то ли солнце возвращало свет миру, то ли оно завершало свой путь на обширном лоне волн, его голос давал смягченному эхо повторить имя, скорбное имя его печального сына. Генриада, песнь VIII.

Col. 361–362. К строке 511 «Qualis populea maerens philomela sub umbra» (как соловей, тоскующий под тенью тополя) сноски корректорским значком **F** к записи по нижнему полю:

«**F** Come usignol, cui 'l villan duro invole
 Dal nido i figli non pennuti ancora;
 Che in miserabil canto afflite, e sole,
 Piange le notti, e n'empie i boschi e l'ora.
 Al fin co'l novo di rinchiude alquanto,
 I lumi e 'l sonno in lor serpe fra 'l pianto.
 Tasso Cant: XII. str: XC».

Как соловей, у которого грубый деревенщина похищает из гнезда еще не оперившихся детей, который в несчастном пении плачет целые ночи — горькие и одинокие, и наполняет ими лес и берег. Наконец, с наступлением нового дня, он несколько смежил глаза, и сон прокрадывается туда сквозь плач.

Col. 363–364. К строке 559: «Haec super arborum cultu pecorumque sanebam» (Я сочинял эти стихи о возделывании полей и уходе за скотом) сноски в виде крестика к записи на внешнем поле: «+ Epilogi huius dulcissimi, extat imitatio sequens cl: Dufresnoy in carmine suo de re graphica [Dufresnoy, Charles-Alphonse. De arte graphica.]

Haec ego dum memoror, subitura volubilis aevi
 Cuncta vices variisq. olim peritura ruinis,
 Pauca sophismata, sum graphica immortalibus ausus
 Credere Pieriis: Romae meditatus, ad Alpes
 Dum super insanas moles inimicaq. castra
 Borbonidum decus et vindex Lodoicus avorum
 Fulminat ardenti dextra, patriaeq. resurgens
 Gallicus Alcides premit Hispani ora Leonis.

Этому сладостному эпилогу есть подражание у Дюфренуа, в поэме «О графическом искусстве».

Пока я вспоминаю, что все это подвержено превратностям текучего времени и некогда погибнет в различных видах

крушения, я отважился вверить немного графических наставлений бессмертным Пиеридам: я размышлял над этим в Риме, пока по безумным громадам и сквозь враждебные силы направлял к Альпам пламенной десницей свои молниеносные удары Людовик, краса и защитник дедов-Бурбонов, и восставший ради отечества французский Геркулес сдавливает пасть испанского льва.

Запись по нижнему полю:

«Nos quoque imitavit & (?) cl: Marinius:

O, come Rossignuol tra verdi piante,

Cui de l'amata sua stirpe selvaggia,

Habbia avaro villan votato il nido,

Ferisce il ciel, di doloroso grido.

Strage de gli innocenti. Lib. III. Stanza XXIII.»

Marino, Giambattista. Strage de gli innocenti¹⁴.

Этому также подражал и знаменитый Марино: Или, как соловей среди зеленой растительности, когда жадный деревенщина опустошил его гнездо, унеся любимое лесное потомство, ранит небеса болезненным криком.

* * *

Итак, мы видим в маргиналиях М. Н. Муравьева три акцента. Два из них очевидны и не нуждаются в комментариях (или, скорее, потребовали бы отдельных работ по отношению Муравьева к соответствующим авторам, для которых еще не собраны все материалы) — это традиция Эпикура-Лукреция и «Освобожденный Иерусалим» Тассо (наряду с его теоретическими соображениями об эпической поэзии), представленный

¹⁴ По описи самого М. Н. Муравьева числятся сочинения Джамбаттисты Марини: «96. Адонись, Поема Кавалера Марини. 1680. Амст. в 2 том. in 12. [Marino, Giambattista. L'Adone: Poema del Cavalier Marino. Con gli argomenti del Conte Fortuniano Sanvitale et l'Allegorie di Don Lorenzo Scoto. Т. 1–2. Amsterdam, 1680].

103. Убіеніе невинныхъ, поэма Кав. Марини с немецким переводом г. Брокса. Гамб. 1725. in 8 [Marino, Giambattista. B[arthold] H[einrich] Brockes verteutschter Bethlehemitischer Kinder-Mord des Ritters [Giambattista] Marino: Nebst d. Hrn. Uebers. eigenen Werken [Barthold Heinrich Brockes: Gedichte], auch vorgedr. Leben des [Ritters] Marino u. beygefügten Anm. von Joh[ann] Ulr[ich von] König// Giambattista Marino. — Bey dieser 2., mit vielen eigenen Gedichten d. Hrn. Uebers. verm. Aufl. aufs neue übersehen ... von [Christian Friedrich] Weichmann. Hamburg: Kissner, 1725. 8°]» // ОР РНБ. Фонд 499. Ед. хр. 6. Л. 3.

здесь одним из самых патетических эпизодов — описанием чувств Танкреда после того, как он убил Клоринду, не узнав ее.

Третий акцент заслуживает более подробного рассмотрения. Речь идет о Джулио Помпонио Лето, чей интерес к территориям Русского царства вызвал ответный интерес Муравьева. В книге присутствует написанная его рукой биографическая справка (Р. [21–22]): «Іулій Помпоній Леть, коего также называют иные Іул. Помпон. Сабиномъ и Помп. Фортунатомъ былъ ученой писатель 15. вѣка. Родился 1425. г. въ Амендоларѣ, что въ верхней Калабріи. Сказываютъ будтобы онъ былъ побочный сынъ одного Князя Салернскаго, изъ дому Сансеверино. Ложно оклеветанъ съ другими учеными въ заговорѣ противу Папы Павла П. уѣхалъ онъ въ Венецію и потомъ опять возвратился въ Римъ, гдѣ жилъ философомъ подозрѣваемымъ въ невѣріи и безбожіи. Предъ концомъ жизни своей, извѣстно то по крайней мѣрѣ, что онъ былъ христіанинъ и вель примѣрную жизнь. Скончался 1495. г. въ 70 лѣтъ, столь крайне бѣденъ, что въ послѣдней болѣзни своей, принужденъ былъ себѣ испросить (?) мѣсто въ Гошпиталѣ. О! рокъ ученыхъ! Сочиненій его осталось 1) Сокращеніе жизней Цесарей отъ смерти Гордіана до Юстина III 2) книга de exortu Mahumadis. 3) другая о судебныхъ чинахъ римскихъ 4) de sacerdotiis; de Legibus ad M. Pantagathum 5) 10 писемъ фам. 6) Vita Statii Poetae et patris ejus; De arte Grammatica; изданія Саллюстія, [22] Плинія младшаго и нѣкоторыхъ сочиненій Цицероновыхъ. Комментаріи на Квинтилиана, Колумеллу и Виргилія и пр. Ученикъ его Сабелликъ писалъ его жизнь. Сказываютъ, что такъ были жадны его слушать, что съ полночи занимали себѣ мѣста въ его училищѣ, затѣмъ что онъ зачиналъ свои преподаванія на разсвѣтѣ. однако, что помѣшало [sic!] ему умереть въ Гошпиталѣ?»

Лаура Росси в статье, посвященной этому тому, пишет: «Муравьева не покидал интерес к России. На это указывают не только цитирование имен и стихи русских авторов... но и тщательность, с которой он отмечал все сведения о Скифии, встречающиеся в комментариях к *Георгикам* Помпонио Лета, и особенно такое „восклицание“, почти единичное среди серьезных латинских „глосс“ [см. Col. 161–162 — М. Л., А. Л.]. Здесь Муравьев проявлял удивительное чутье: как явствует из записанной им биографии Лета, он ведь об этом не знал, но гуманист действительно совершил „скифское путешествие“» (Росси 2005: 79).

Однако, Муравьев мог узнать об этом путешествии из жизнеописания Помпония, принадлежащем Сабеллику. В его домашней библиотеке в составе конволюта, некогда принадлежавшего гданьскому пастору и профессору-востоковеду Яну Фидалке (Johann Fidalcke), хранится сборник «*Vitae clarissimorum historicorum...*» Хр. Г. Будера, который открывается жизнеописанием Помпония, принадлежащим Сабеллику. Там сообщается о путешествии (Sabellicus 1740: 7): «Его настолько пленял вид города Рима, что лишь однажды в жизни он предпринял путешествие за пределы Италии, в намерении увидеть, как сам написал мне, что Страбон так и не узнал относительно Танаиса». В биографии сообщаются детали о языческих пристрастиях Помпония и его антицерковном настрое (Р. 5–6), но нет ни слова о подробностях конца его жизни, приводимых Муравьевым (напротив, речь идет о многочисленном стечении народа и почетных гостей на погребении, р. 9). В. Забугин в данном случае (Zabughin 1909: 332) ссылается на Уциелли, который пишет, что Помпоний «умер бедным, в госпитале, приняв таинства»; тот (Uzielli 1898: 134) сообщает об этом безо всяких ссылок. Забугин, кроме того, пишет, что легенда восходит к Пиерию Валериану; но его реплика (Valerianus 1664: 167–168) ничего не говорит о христианской кончине: «удрученный болезнью, он не имел, с чего питаться и лечиться, и, будучи принят в госпиталь (in xenodochio), ушел из жизни, страдая от крайней бедности, подвергаясь опасности остаться без погребения, если бы похороны не были устроены на средства друзей». Но есть и биографические издания, на которые мог опираться Муравьев; напр., знаменитый словарь Морери (Moréri 1759: 453, с библиографией): «Он умер в 1495 году, в возрасте 70 лет, подозреваемый в безбожии и нечестии... Есть, однако же, люди, утверждающие, и не без доказательств, что он обратился в последние годы своей жизни. Говорят, что он был столь беден, что были вынуждены доставить его в госпиталь во время болезни, и что он не оставил, на что похоронить, и друзья были вынуждены взять на себя этот расход». «Светочи благодати рассеяли сумерки философии, и он умер по-христиански в 1495 г., в 70 лет, в госпитале, куда его вынудила доставить бедность в последней болезни» (Nouveau Dictionnaire 1772: 1130). В словаре-дополнении к П. Бейлю, дающем довольно подробную библиографию, этой детали нет (Nouveau Dictionnaire 1778: 207): «Пиерий Валериан утверждает, что он провел жизнь в крайней бедности и во время

последней болезни он был так нищ, что его пришлось доставить в госпиталь, чтобы подать помощь, которую он не в состоянии был оказать себе сам, и что после его смерти друзья должны были похоронить его за свой счет. Не знаю, не преувеличение ли это».

Том Вергилия с многочисленными пометами позволяет причислить Михаила Никитича Муравьева к интеллектуальному межвременному сообществу *Res Publica Litterarum*, и как Помпоний Лет становится собеседником Вергилия, Плиния и Геродота, так и Муравьев через диалог с ним присоединяется к их ученой беседе.

Литература

- Le grand Dictionnaire historique, ou le mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane...* Par M. Louis Moréri... Nouvelle Édition dans laquelle on a refondu les Supplémens de M l'Abbé Goujet, Le tout revu, corrigé & augmenté par M. Drouet. T. VIII. Paris: Libraires associés. M.D.CC.LIX.
- Nouveau Dictionnaire historique, ou Histoire abrégée De tous les Hommes qui se sont fait un Nom par le Génie, les Talens, les Vertus, les Erreurs même, &c. depuis le commencement du Monde jusqu'à nos jours...* Par une Société de Gens de Lettres. T. IV. Seconde partie. Amsterdam: E. van Harrevelt. 1772.
- Nouveau Dictionnaire historique et critique, pour servir de supplement ou de continuation au Dictionnaire historique et critique de Mr Pierre Bayle* Par Jaques George de Chauffepié T. III. I–P. Amsterdam: Z. Chatelain, H. Uytwerf, F. Changuion, J. Wetstein, P. Mortier, Arkstée et Merkus, M. Uytwerf, et M. M. Rey. La Haye: Pierre de Hondt. 1778.
- Rossi, L. «Vergilij» M. N. Muravjova. K probleme gumanisma v Rossii [M. N. Muravyov's "Virgil". To the Problem of Humanism in Russia]. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. No. 33. November 2005, 73–81.
- Росси, Л. «Вергилий» М. Н. Муравьева. К проблеме гуманизма в России. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. No. 33. November 2005, 73–81.
- M. Antonii Sabellici Vita Pomponii Laeti. *Vitae clarissimorum historicorum: Pomponii Laeti, Philippi Callimachi, Ioannis Aventini, Ioannis Cuspiniani, Beati Rhenani, Bilibaldi Pirckheimeri. Ex bibliotheca et recensione Christ. Gottlieb Buderii. Ienae: Apud Ioh. Christoph. Crockerum, 1740.*
- Uzielli G. Filippo Boaccorsi "Callimaco esperiente" di San Gimignano // *Miscellanea storica della Valdesia. Periodico quadrimestrale della*

Società Storica della Valdesia. Anno sesto (1898). Castelfiorentino. 1898, 114–136.

Ioannis Pierii Valeriani Bellunensis nec non Cornelii Tollii De Literatorum Infelicitate Libelli, Bono Infelicium recus. Helmestadi: Typis Jacobi Mulleri. M.DC.LXIV.

Zabughin, Vladimiro. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico*. V. I. Libri I e II. Roma: Gennaio MCMIX.

Zabughin, Vladimiro. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico*. V. II. Libro II. (Seguito e fine). Grottaferrata. Luglio MCMX.

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. jwan.bgd@yandex.ru

К СЕМАНТИКЕ ЦАРСКОГО ТИТУЛА *hm* «ВЕЛИЧЕСТВО» В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Продолжение исследования метафорических значений слова *mwt* «мать» в египетских текстах. Основная часть данной работы посвящена анализу фразы *mwt hmwt n(w)t rhtj* «мать колотушек прачки», встречающейся в рецепте приготовления лекарства для «выведения яда» в медицинском папирусе Berlin 3038, V.11–12 (Bln 59). Делается вывод, что фразеологизм *mwt hmwt n(w)t rhtj* «мать колотушек прачки» означает обычный таз. Раскрытие содержания метафоры с термином *mwt* позволяет по-новому взглянуть на семантику термина *hm* «величество», ключевого царского титула, значение которого остается дискуссионным. Исконное именное значение термина *hm(t)* — «колотушка, палица, ствол»; от него была образована глагольная форма *hm* «полоскать» или «разрыхлять», отмеченная в текстах, в то время как исконным значением глагола *hm* было *«вырубить, вырезать», которое реконструируется согласно данным по употреблению именных значений термина.

Ключевые слова: метафора в египетском языке, фразеология медицинских папирусов, семантика титула *hm* «величество».

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg. jwan.bgd@yandex.ru

On the semantics of the royal title *hm* ‘majesty’ in the Egyptian language

The article is a continuation of the study of the metaphorical meanings of the word *mwt* ‘mother’ in Egyptian texts. The main part of this study is dealing with the analysis of the phrase *mwt hmwt n(w)t rhtj* ‘mother of the washerman’s beaters’, found in the prescription for the preparation of a remedy for ‘expulsion of the poison’ in the medical papyrus Berlin 3038, V.11–12 (Bln 59). It is concluded that the idiom *mwt hmwt n(w)t rhtj* ‘mother of washerman’s beaters’ means an ordinary basin. The disclosure of the content of the metaphor with the term *mwt* allows us to take a fresh look at the semantics of the term *hm* ‘majesty’, the key royal title, the meaning of which remains debatable. The original nominal meaning of the term *hm(t)* is ‘beater, club, shaft’; the verb form *hm* ‘to rinse’ or ‘to loosen’ was formed from it, noted in the texts, while the original meaning of the

verb *hm* was *‘to cut’, which is reconstructed according to the data on the use of nominal meanings of the term.

Keywords: metaphor in the Egyptian language, phraseology of medical papyri, semantics of the title *hm* ‘majesty’.

В двух прежних докладах, прочитанных на конференции памяти И. М. Тронского *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, я выделил несколько метафорических значений слова *mwt* «мать» в египетских текстах¹. Во всех исследованных примерах выбор термина родства «мать» для обозначения предмета был обусловлен свободными ассоциациями с его функциями по отношению к основному предмету (ядру метафоры). Термин «мать» не связан с родственными отношениями, например: крышка гроба и ее «мать» = корпус гроба; весы и их «мать» = гиря; ладан и его «мать» = курильница, и др. Связь основного предмета с его «матерью», отраженная в языке, носит функциональный поэтико-символический характер и не содержит ассоциаций с производством одного от другого.

1. «Мать колотушек прачки» в медицинском папирусе Berlin 3038

Новый, 7-й пример, который я намереваюсь рассмотреть, семантически близок примеру с ладаном и его «матерью», где термин «мать», в свою очередь, зависит от понятия *mwt* «основание, корпус». Вместе с тем, *mwt* в этом новом примере является производящим компонентом ассоциативного сочетания с метафорической функцией без отрыва от его ядра. Аналогов ему ранее я не отмечал, если не считать сочетания *mwt jnw* «мать податей», которое употреблялось для обозначения доходов государства, в полном объеме поставляемых князьями.

Речь идет о фразе *mwt hmwt n(w)t rhtj*: «мать колотушек прачки», встречающейся в одном рецепте медицинского папируса Berlin 3038, V.11–12 (Bln 59)². Этот рецепт является припиской, второй частью предшествующего рецепта приготовления лекарства для «выведения яда» (Bln 58), поэтому, объективности ради, оба рецепта следует рассматривать в совокупности.

¹ Bogdanov 2021; Bogdanov 2022a.

² Папирус обнаружен в Саккара. Датировка всего произведения по языку: Среднее царство или ранее; компиляция XVII — нач. XVIII династии; рукопись, вероятно, относится ко времени правления Рамсеса II (Wreszinski 1909: V–VI, X–XI).

P. Berlin 3038, V.9–11 (Bln 58)³:

<p><i>phrt nt dr ʕʕ n ntr nrt mwt mwt mwt drw wrd-jb [...] ʕ3tj hnʕ dr mh3wt-jb jwr3j bsbs d3rt prt dg3mw [...] mswt prt d3jsw psj k3pw z [hr=s]</i></p>	<p>Лекарство для выведения яда⁴ бога или богини, яда⁵ мертвеца или мертвой <женщины>⁶, избавления от усталости, сердечных [уколов?]⁷, избавления от рас-сеянности⁸, (состав которого): вигна⁹, растение <i>bsbs</i>¹⁰, (бобы) рожкового дере-ва¹¹, побеги¹² клещевины¹³, [...], растение [...]<i>mswt</i>, побеги растения <i>d3jsw</i>¹⁴ : сварить и окуривать [этим] человека.</p>
--	---

³ Wreszinski 1909: 11, Seite 5 (иератика); Grundriss der Medizin der alten Ägypter V: 265 (транскрипция Х. Грапова). Ср. переводы: Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1: 151; Westendorf 1999, Bd.1: 363–364; Bardinet 1995: 416.

⁴ ʕʕ «семья»: Wb. I: 166.18; Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 129–133.

⁵ Wb. II: 169.5–8; Wilson 1997: 474–475; Grundriss der Medizin der alten Ägypter VI: 292; Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 412.

⁶ В оригинале ошибочно стоит сочетание *mwt mwt* «мертвеца или мертвеца» вместо стандартного *mwt mwt* «мертвого или мертвой» (Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 409–411).

⁷ Ср. Eb 227 (45,6–8): в подобном перечне симптомов стоят сочетания *wʕr-jb dmwt-jb* «волнение, сердечные уколы»; Grundriss der Medizin der alten Ägypter V: 260; см. также Westendorf 1999, Bd. 2: 397.

⁸ Сочетания с *jb* «сердцем» — глагольное *mh jb* «забывать» и именное *mht jb* «забывчивость» — хорошо известны как варианты обычного слова *mh* «забывать» (Wb. II: 113.7–11, 15).

⁹ *Vigna unguiculata*, со стандартным наименованием *jwrjt* «вигна» (Wb. I: 56.14–15; Charpentier 1981: 56–57 (89); Germer 2008: 20–21).

¹⁰ Wb. I: 477.2–4. Идентификация растения *bsbs* с фенхелем (= укроп аптечный, *Foeniculum vulgare*) остается недоказанной (Charpentier 1981: 262–263 (424)), так как археологически использование фенхеля во II тыс. до н.э. не подтверждено (Germer 2008: 64–65).

¹¹ Wb. V: 526.5–13. Наиболее вероятно, *d3rt* — это *Ceratonia siliqua* «рождовое дерево» (Charpentier 1981: 860–861 (1477); Germer 2008: 166–170).

¹² Grundriss der Medizin der alten Ägypter VI: 199.

¹³ *dg3mw* = *dgmw* *Ricinus communis* «клещевина» (Charpentier 1981: 854–855 (1467); Germer 2008: 164–165).

¹⁴ Растение не идентифицировано («гармала», *Peganum harmala*?) (Charpentier 1981: 858–859 (1474); Germer 2008: 171–172).

P. Berlin 3038, V.11–12 (Bln 59)¹⁵:

<p><i>kt ht-ds ḥpšwt prt ḥnsʒjw dʒjsw wʒmw šmšmw mwt hmwt n(w) rhtj kʒpw z ḥr=s</i></p>	<p>Другой (состав): дерево <i>ht-ds</i>¹⁶, жуки <i>ḥpšwt</i>¹⁷, побеги брионии¹⁸; растения <i>dʒjsw</i>; растения <i>wʒmw</i>¹⁹; растения <i>šmšmw</i>²⁰: мать колотушек прачки, окуривать этим человека.</p>
---	--

Под «ядом» *ʒʒ* богов и «ядом» *mtwt* мертвецов, который вызывает симптом болезни сердца или желудка, следует подразумевать, вероятно, заражение гематурией²¹; во всяком случае, речь идет не о яде как таковом, а о магическом воздействии отравленного семени демонических божеств или мертвецов²² на внутренние органы человека, которое соответствует их инфекционному заражению. Как и для многих других рецептов, реальная польза больному от данных списков из смеси частей

¹⁵ Wreszinski 1909, 11, Seite 5 (иератика); Grundriss der Medizin der alten Ägypter V: 265 (транскрипция Х. Грапова). ср. переводы Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1: 151; Westendorf 1999, Bd.1: 363–364; Bardinnet 1995: 416.

¹⁶ Растение не идентифицировано (*Sesbania sesban*?) (Charpentier 1981: 534–535; Germer 2008: 103–105).

¹⁷ Жуки из семейства либо кожеедев (*Dermestidae*), либо мертвоедов (*Silphidae*) (Bardinnet 2015: 65–66).

¹⁸ *ḥnsʒjw = ḥʒsjt Bryonia dioica* (Charpentier 1981: 506–507 (813), 518 (842); Germer 2008: 98–100).

¹⁹ Растение не идентифицировано (Charpentier 1981: 194–195 (298); Germer 2008: 21, 49–51).

²⁰ Wb. IV: 488.3–5; растение *šmšmt* часто отождествляется с коноплей (*Cannabis sativa*: Grundriss der Medizin der alten Ägypter VI: 493; Charpentier 1981: 678–679 (1114)) или сезамом (ср. с обозначениями сезама (кунжута, *Sesamum indicum*) в афразийских языках: Vucichl 1983: 189). Ренате Гермер отвергает обе идентификации, как и вообще использование конопли в древнем Египте до римской эпохи: Germer 2008: 132–133. Волокна конопли с примесью смолистого вещества, найденные в Царской гробнице в эль-Амарне, датируются, вероятно, римским временем (Martin 1989: 62 (539), п. 4, pl. 87). Однако в известных переводах текста Bln 59 обычно предлагается перевод «конопля»: с сомнениями в Westendorf 1999, Bd.1: 364: «*šmšm.t*-Pflanze (Hanf ?)»; прямо — в Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1: 151: «Hanf»; Bardinnet 1995: 416: «chanvre».

²¹ Ср. Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1: 132–133.

²² О *mtwt* и *ʒʒ* как ядовитом семени в магических и медицинских заклинаниях см. Westendorf 1970: 145–149.

разных растений и насекомых не верифицируется. Надо полагать, что из них готовилось густое варево, которое затем поджигалось и вдыхание его дыма приносило больному облегчение. И все же сам способ лечения, описанный в заключениях двух рецептов, не так прост, как кажется.

В основной части рецепта (Bln 58) стоит традиционное *psj* «сварить», т. е. «приготовить»²³; в другой версии (Bln 59) вместо этой стандартной фразы приведено уточнение действия:

mwt ḥmwt n(w)t rḥtj «мать колотушек прачки».

После этой фразы идет прежнее заключение *k3pw z ḥr st* «окуривать этим человека». Итак, в концовке рецепта с описанием способа заменено лишь слово *psj* «сварить», и это значит, что *mwt ḥmwt nt rḥtj* «мать колотушек прачки» — не ингредиент, а часть действия со смесью ингредиентов. Между тем доньине сочетание *mwt ḥmwt nt rḥtj* и читалось иначе, и понималось именно как последний ингредиент рецепта²⁴. Вольфхарт Вестендорф считал, что колотушку строгали; он помещает такой комментарий к переводу «*mw.t*-Teil»: «Wie «Mutter geschrieben: Ob «Umhüllung», also Fasern oder Baststücke, die sich beim Gebrauch abzulösen beginnen?»²⁵. *ḥmt* «колотушка прачки» внесен как ингредиент (название лекарства) в словарь лекарственных наименований²⁶, зато отсутствует в основном словаре медицинских текстов *Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.2*.

²³ К чтению идеограммы «огонь» в медицинских папирусах как *psj* «сварить, приготовить (лекарство)» см. *Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1*: 292–296. Ср. переводы слова *psj* в *Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1*: 151; Westendorf 1999, Bd.1: 364: «werde gekocht», аналогично: Bardinet 1995: 416: «(Ce) sera cuit».

²⁴ Ср. переводы в *Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1*: 151; Westendorf 1999, Bd.1: 364: «*mw=t*-Teil der Keule des Wäschers; werde der Mann damit beräuchert»; Bardinet 1995: 416; сходно — в Bardinet 2021: 169, n. 48: «partie *mw.t* du battoir du blanchisseur. Fumiger l'homme avec cela».

²⁵ Westendorf 1999, Bd.1: 364, Anm. 554.

²⁶ *Grundriss der Medizin der alten Ägypter VI*: 340.

Конечно, использование колотушки прачки в качестве лекарства вызвало бы больше недоумения, если бы состав такого рода рецептов, замешанных на магии, сам по себе не казался полубезумным. Действительно, зачем поджигать именно колотушки прачек, если можно взять любое дерево; в чем их лечебные свойства? Возражений к пониманию выражения *mwt hmw t n(w)t rhtj* как последнего ингредиента варева предостаточно.

Прежде всего, следует отметить сразу два упущения в традиционном переводе фразы в ВIn 59: непонимание элемента *mwt* «мать» и игнорирование факта, что термин «колотушки» употребляется во множественном числе — *hmwt*: черта после слова *hmt* показывает, что перед нами предмет, после чего стоит показатель pluralis. Отсюда следует, что *mwt* — не часть колотушки прачки, а емкость, необходимая для стирки. Эта ёмкость — *mwt hmw t n(w)t rhtj* — служила вспомогательным инструментом для приготовления смеси из лекарств, а не ингредиентом самого лекарства.

В пользу этой трактовки можно напомнить и контекст употребления титула *rhtj* «прачка» в другом медицинском папирусе, Sm 22.1 (8.12), который содержит оборот *zš hr hbsw n rhtj* «разложить (лекарства для просушки) на полотенце прачки»²⁷. Сам рецепт называется *h3t-ꜥ m md3t nt jrt j3w m rnp* «Начало свитка о превращении старика в юношу» и посвящен омоложению кожи. Фраза *zš hr hbsw n rhtj* «разложить (лекарства для просушки) на полотенце прачки» встроена в текст этого рецепта (Sm 21.19–22.2), где говорится об ингредиентах, сбитых в тесто и испеченных на огне, после чего перечисляется еще ряд операций, среди которых как раз фигурирует просушка на полотенце прачки²⁸:

<i>jr jsk st kb(.w) rdj.hr.tw r ꜥndw r jꜥjt st hr jtrw</i>	Затем, когда они остынут, (их) следует поместить в сосуд, чтобы промыть их в реке.
<i>jꜥjw.hr.tw r mnḥ</i>	Затем (их) нужно тщательно вымыть.
<i>rh.tw jꜥꜥ=sn hr dp.tw dpt n3-n mw ntj m p3 ꜥndw nn dhr nb r=s</i>	Узнать, что они вымыты, можно, пробуя на вкус ту воду, что в этом сосуде, — в ней не должно быть ничего горького.

²⁷ Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.2: 592–593, 618.

²⁸ Grundriss der Medizin der alten Ägypter V: 522.

<i>rdj.hr.tw n šw zš hr hbs n(j) rhtj</i>	Затем (их) следует положить на солнце, размазав на полотенце прачки ²⁹ .
<i>jr jst st šw.w nd.hr.tw hr bnwt swgm</i>	Затем, когда они высохнут, (их) надо размолоть на жернове и растереть в порошок.

Специальное уточнение *hbs n(j) rhtj* «полотенце прачки» употреблено с целью подчеркнуть необходимость чистоты при подготовке средства для омоложения — дескать, все фазы процесса следует соблюдать с точностью до мелочей, иначе эликсира не получится.

Итак, принятое чтение «*mwt*-часть колотушки прачки» оказывается по ряду показателей неудовлетворительным. Все гораздо проще — если в рецепте из книги по омоложению старика Sm 22.1 используется чистое полотенце прачки, то в Bln 59 — другой предмет из арсенала прачки, необходимый для стирки. По аналогии с курильницей, названной в СТ 1027 «матерью» ладана, *mwt hmwt n(w)t rhtj* «мать колотушек прачки» означает обычный таз. Именно таз (очевидно, металлический) использовался для того, чтобы сваренное зелье поджечь и окуривать им больного, а колотушки-*hmwt* в этом процессе вообще не фигурировали. Зачем составители рецепта использовали не само название таза, а его функциональную характеристику в сочетании с термином родства, остается непонятным. Примеры употребления такого рода метафор («жернов» и «его сын», «крышка гроба» и «ее мать», и т. п.) показывают, что они могли быть заимствованы из народного языка спонтанно, без четких целевых коннотаций, необходимых для понимания текста, и без влияния архаических традиций составления метафор.

Текст Bln 59 — один из немногих источников, в которых термин *hm(t)* употребляется в своем исконном значении — «колотушка»³⁰. Главное его значение — в том, что раскрытие

²⁹ Ср. переводы Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1: 302: «Dann soll man (sie) an die Sonne geben, ausgebreitet auf einem Zeugstück des Wäschers»; Westendorf 1999, Bd. 2: 747: «Dann soll man (sie) an die Sonne legen, ausgebreitet auf einem Tuch des Waschers»; Bardinet 1995: 521: «Alors, (cela) devra être mis au soleil, étiré sur une toile de blanchisseur».

³⁰ Borchardt 1899: 82; Westendorf 1973: 140–143. О знаке *hm* см. также Meeks 1980: 245 (77.2699): «le battoir du foulon» («валек сукновала»).

содержания метафоры с термином *mwt* позволяет по-новому взглянуть на семантику термина *hm* «величество», ключевого царского титула, значение которого остается дискуссионным.

2. О титуле *hm* «раб/величество» в староегипетском языке

подавляющее большинство свидетельств о титуле *hm(t)* Раннего³¹–Древнего царств заключено в массе титулов, в которых элемент *hm* «раб» являлся субъектом. Их можно разделить на три категории:

1. *hm(t)* «раб/рабыня» — часть титулов жрецов *hmnw-ntr* «рабов бога» (как с элементом *ntr* «бог», так и без него, вроде *hm hkt* «раб богини-лягушки» и т. п.) и служащих частного культа *hmnw-k3* «рабов двойника»³². К ним примыкают антропонимы, построенные по модели *hm(t)-NN*³³.

2. *hm(w) nswt* «рабы царя» — категория зависимости населения, в Древнем царстве чаще всего отмечается как индивидуальный титул, причем с дополнением *nswt* «царь» он фиксируется уже при II династии³⁴. В отличие от жрецов *hmnw-ntr* и *hmnw-k3*, представители *hmnw nswt* не имели иерархии, а значит, не являлись профессиональным организмом.

3. *hm(=f)/hmt(=s)* «(его/ее) величество» — титул царя или бога³⁵, в редких случаях — частного лица³⁶. Отдельно от

Wb. III: 87, 5; Osing 1976, Bd. 2: 616, Anm. 614: *hm* «Art Keule, Schlegel (zum Schlagen der Wäsche)». копт. **ꜥꜣꜣ** «Schlegel, Hammer».

³¹ Основные источники собраны в Kahl 2002–2004, Lief. 3: 304–307.

³² Jones 2000: 499–595 [1871]–[2178]; Hannig-Lexica 4: 800–822, не считая иерархических титулов типа *shd hmnw-ntr* «инспектор жрецов», *jmj-r3 hmnw-k3* «начальник заупокойных жрецов» и т. п.

³³ Scheele-Schweitzer 2014: 538–542 [2401]–[2418].

³⁴ Jones 2000: [1884]; Hannig-Lexica 4: 800–801. Самыми ранними свидетельствами о «рабах царя» *hmnw nswt* считаются надписи на сосудах из пирамиды *dsw* (Lacau, Lauer 1965: 36 (47), 41 (70), pls. 22.8; 26.7–8), а также титул на стеле-панели *k3=j-ꜥpr* (Quibell 1923: pl. 28.1). Конец II династии. См. Kahl 2002–2004, Lief. 3: 304. В последнее время стали известны следующие источники IV династии: из гробниц 1. *hm nswt mrr-nswt* (Handoussa, Brovarski 2021: 587, Pl. 343); 2. *hm nswt htpw* (Handoussa 2010: 150, fig. 3; Handoussa, Brovarski 2021: 175–187, 625–627: Color Plate 27–30); 3. Папирусный архив из Гебелейна (P. Geb.: Posener-Kriéger 2004: passim).

³⁵ Основная сводка свидетельств Древнего царства: Hannig-Lexica 4: 822–824. Последний анализ: Windus-Staginsky 2006: 165–206.

местоимения суффикса («твое, мое, его/ее, их») или имени, связанного с ним генитивом, этот титул не употреблялся.

Слово *hm(t)* как обозначение предмета в староегипетском не засвидетельствовано. Зато сам знак *hm* «колотушка» отмечен в составе сложных знаков, детерминирующих титул *hm* «раб»:

1. Стела *hm* «раба» по имени *rwd* (=), обнаруженная в Хелуане³⁷. Поскольку этот титул читали неверно³⁸, то стелу из Хелуана не включали в число свидетельств о титуле *hm* в значении «раб» в ранней письменности³⁹. Между

³⁶ В основном в эпистолографии Древнего – Среднего царств, а также в более поздних текстах. Уникальный контекст, где титул употребляется в шутку, отмечен в гробнице *pth-špss/tmj: dj n=j hm=k pw=k ꜥwj* «дайте мне, Ваше величество, Ваши руки» (обращение маникюрщика (*jrj ꜥnt*) к старшему сыну хозяина (*z3=f smsw*) по имени *nb-jb=j: Soleiman 2014: 33, fig. 3, 34, 36. fig. 6, 38, fig. 8; Soleiman, El-Batal 2015: pls. 42–43, 45. 1-я половина VI династии). Здесь *hm=k* «Ваше величество» заменяет обычное *nb=j* «мой господин» как раз потому, что это шутка; такое обращение подчеркивает возвышенную, сверхчеловеческую природу титула *hm* «величество», причем уже в это время оно стало застывшим титулом для властелина Египта.*

³⁷ Saad 1957: 36–37, pl. 21 (17); Köhler, Jones 2009: 136–137 (EM99–7), pl. 9. II–III династии.

³⁸ Köhler, Jones 2009: 136: *hrp hnms.ww* ‘overseer of foremen’; Jones 2000: 734 [2673]: «director of companions/*hnmsw*-functionaries».

³⁹ Ср. Kahl 2002–2004, Lief. 3: 304. Приведенные Й. Калем источники, датирующиеся временами I–III династий, содержат свидетельства о *hmw* как правилу жреческого статуса, к которым можно отнести, помимо основных, также *hm pr* «раб дома» и т. п. Одно из свидетельств, которое Й. Каль читает как «Wäscherin(?)», следует исключить, так как оно является обозначением предмета в сочетании *hwt hm(t) букв.* «учреждение колотушки (для ткачества?)», а не женским титулом (Lacau, Lauer 1965: 79 (212), fig. 159; 80 (219), fig. 166), ср. титул *jmj-r3 hwt-hmt* «начальник учреждения для ткачества(?)» в гробнице *ph-r-nfr: Junker 1939: 64* (с переводом ‘Vorsteher des Hofes der Wäsche’; см. также Jones 2000: 167–168 [637]). Все связывают титул *jmj-r3 hwt-hmt* с бельем и прачками, хотя стиркой в Египте занимались преимущественно мужчины, к тому же другие титулы *ph-r-nfr* (Junker 1939: 64–72) — *jmj-r3 hwt-mhꜥw* «начальник учреждения (тканей из) льна» и *jmj-r3 hwt-smꜥt* «начальник учреждения (тканей из) южного льна» —

тем этот пример важен, ибо, хотя источники II–IV династии употребляют титул в полной форме *hm nswt*, здесь титул *hm* впервые дан в сокращенной форме, зато с особым детерминативом. После IV династии титул *hm nswt* как официальное обозначение статуса у чиновников не встречается. Это можно объяснить тем, что в архаическую и близкую ей эпоху IV династии титул *hmw nswt* «рабы царя», как и *nswtjw* «царские люди» объединяли не только массы трудящихся, но и прочих светских должностных лиц, включая знать. В том случае, если простолюдин не имел профессии, он получал непрофессиональный титул *hm nswt* «раб царя» по остаточному принципу; равным образом, если аристократ не имел должности (даже самой низкой — *rh nswt* «знакомый царя»⁴⁰), то он носил титул *hm nswt* «раб царя» как низший ранг. После IV династии титулы *hm nswt* и *nswtjw* как организационные единицы социальной страты знати практически вымерли, оставшись лишь в риторике как рудименты старой административной структуры.

2. Имя *hm-nb(=j)* «раб моего господина» на стеле *s3bw/jbbj*⁴¹.

3. в надписи *k3=j-jrr*:   *hmw* «рабы»⁴². Параллель к этому свидетельству отмечали на фрагменте декрета Шепсескафа памяти Микерина, где похожий титул, высеченный идеограм-

связывает его разностороннюю деятельность (он ведал исполнением наказаний, а также руководил пекарями, поварами, кондитерами, пивоварами и проч.) в том числе и с текстильным производством.

⁴⁰ Ранние примеры титула *rh nswt* «знакомый царя» относятся еще ко II–III династиям (Kahl 2002–2004, Lief. 3: 273). По той же причине ранг *w^cb nswt* «чистый жрец царя» (источники III династии: Kahl 2002–2004, Lief. 3: 110–111) тоже нельзя считать близким по значению титулу *hm nswt* «раб царя».

⁴¹ CG 1419 (Mariette 1889: 381, E1/2; Borchartd 1937: 96, Bl.21; El-Khadragy 2005: 198, fig. 5, Taf. 18; Fischer 1958: 136, fig. 2; см. также Scheele-Schweitzer 2014: 539 [2406]). Саккара. Датировка: *tj*.

⁴² Fischer 1958: 131, fig. 1, Taf. 11; Goedicke 1970: Taf. 11a. Saqqara.

мой, читали тоже как *hmw*⁴³, что неверно. Судя по фотографии⁴⁴, идеограмму следует читать $\text{𓏏} \text{dr}$, а не *hm*, однако, ввиду уникальности сочетания $\text{𓏏} \text{𓏏} \text{drww}$ «мемфисцы (?)», его полную интерпретацию я оставляю на будущее.

Предмет *hm(t)* в руках у мужской и женской фигур в надписи *k3=j-jrr* не только уточняет чтение знака *hm*, являясь частью мужского и женского фоно-детерминативов к слову *hmw* «рабы», но и показывает его функцию. Для того, чтобы подчеркнуть обычные занятия «рабов», мужской детерминатив A1 представлен с дубинкой в руке, а женский B1 — с веретеном на коленях, причем оба предмета выглядят совершенно одинаково.

Хотя значение «веретено» для слова *hmt* не засвидетельствовано, здесь сам предмет «веретено» входит в состав сложного детерминатива к женскому титулу *hmt* «рабыня». В иных конкретных контекстах иероглифы людей с палкой в руке также получали специфические номинации. Так, у мужчины-воина и прочих социальных модификаций знака A1 дубинка-*hm* заменялась палицей-*hd*, жезлом *hrp*, или оставалась простой палкой⁴⁵, а у женщин, занятых в производстве текстиля — жезлом *hts* вместо ожидаемого веретена, сами же пряжи получали профессиональные обозначения *htst*, *jnct*⁴⁶. Заменяя реальный предмет — дубинку и веретено — на символические предметы, составители текста стремились максимально отдалить функциональную составляющую термина от социальной. Поскольку свое ранговое содержание титул *hm nswt* «раб царя» потерял еще в конце IV династии, идеографический намек, к примеру, на причастность текстильщиц к массе рабынь-*hmwt*, выглядел не престижно.

Итак, знак *hm(t)* как элемент текста мог заменять любые схожие предметы, в основном из дерева, но его прообраз — «колотушка» в письменности засвидетельствован только в

⁴³ Эдикт Гиза I (Urk. I: 160.11; Fischer 1958: 134). X. Гёдикке (Goedicke 1967: 16–21, Abb. 1) склонялся к чтению знака как *ndm* «сладкий», хотя переводил термин как «die Diener(?)».

⁴⁴ Reisner 1931: pl. 19b; HUMFA_C286_NS: giza.fas.harvard.edu/photos/25333/full/.

⁴⁵ Fischer 1958: 135–137.

⁴⁶ Fischer 1996: 273–274; Bogdanov 2020: 78–79.

детерминативах к титулу реальных зависимых людей — «рабов»-*hmw*. Этот термин, впрочем, являлся не только атрибутом низкой профессии, но и символом самого раба, когда он обозначал некий предмет из дерева. Титул «раб», как и титул «величество», восходил к архаике. С течением времени термин для раба воспринимался по-прежнему как «дубина, болван», а для царя и богов в значении «основа» стал теологическим понятием «ипостась»⁴⁷.

⁴⁷ О понятии *hm* «ипостась» см. pBrooklyn 47.218.2, х+III, 11–12 (Guertmeur 2012: 544–545): здесь речь идет о том, что со смертью ослиц и ослят страна лишится *hm* бога Сетха. Во многих текстах в значении «субстанция, ипостась» употребляется другой термин — $\overset{\text{d}}{\text{h}}\text{c}$ $\overset{\text{d}}{\text{h}}\text{c}$ (P. Jumilhac XV.9–XVI.8 (Vandier 1961: 81–83, pls. 8–9); P. Salt 825, V.7–8 (Derchain 1965, Vol. 2: 6*), и др.). Отдельно следует отметить Календарь счастливых и несчастливых дней, где сообщается, что богиня Баст как эпидемия имеет ипостась, воплощающую победу и ярость (P. Sallier IV rto, 8.8–9; Leitz 1994, Bd. 1: 134): *3bd 3 3ht sw 20 hc hc hc pr(t) jn b3stt nb(t) nht knđ {hjt} hc n(j) ntr m hprw=sn jr ms nb m hrw pn {r} mwt=f j3dt rnpt* «3-й Месяц сева, 20-й день — трижды неопределенно. Появление Баст, владычицы победы и ярости, ипостась бога в их воплощениях. Что касается любого рожденного в этот день, то он умрет в годичную эпидемию». Вар. P. Cairo JdE 86637, 15.1–2: *pr(t) jn b3stt nbt nh-t3wj m-b3h r c knđ.tj nn hc ntr m hrww=st* «Появление Баст, владычицы города *nh-t3wj*, перед Ра, которая настолько яростна, что нет ипостаси бога в ее дни» (ср. P. Cairo JdE 86637, 26.1; 20.3; 27.8; 10.9). Прочие источники о термине *hc (n(j) ntr)* «ипостась (бога)»: Derchain 1965, Vol. 1: 159, n. 44; Osing 1998, Vol. I: 173, Anm. a); Müller-Roth 2008: 459–462; и др.; ср. von Lieven 2004: 159–169. В демотической версии главы 125 Книги мертвых выражение *hc n(j) ntr* «ипостась бога» (Stadler 2003: 66) заменяет стандартные сочетания *ksw ntrw* «скелеты богов» и *h3wt=sn* «их трупы» из параллельных деклараций пространных иероглифических изводов (Naville 1886, Bd. 2: 284–285; Lapp 2008: 44–47). Этот пример свидетельствует о близости терминов *hc* «остановка, постоянство» и *hm* «основа, ось» как стержневых сущностей человека и богов, физически соответствующих «скелету» (*ks*). Например, в споре Хора и Сетха гарпун пробует Нм противников (P. Orbiney, 9.1, 9.4: Broze 1996: 74–76, 79), но не плоть, как обычно считается, а наоборот — он впивается в сердцевину тела божества в облике (*hm*) гиппопотама. В параллельных источниках употребляется термин *hftj* «противник»; см. также P. Orbiney 13,10 (Broze 1996: 101–102). О

Репертуар текстов, сохранивших для нас надежные примеры употребления лексемы *hmt* в пределах исконной полисемии «колотушка, столб, булава» и т. п., невелик⁴⁸. Их можно разделить на 2 группы: именные и глагольные (функциональные) формы. Слово *hmt* в значении «колотушка» прачки отмечено только в тексте Vln 59, зато для фаз стирки засвидетельствованы функциональные характеристики предмета *hmt(t)* в форме глагола *hmt*, о чем речь пойдет ниже. Все остальные именные образования обозначали разные однотипные предметы с основой «столб», от которого возникло теологическое понятие «ипостась», материально представлявшаяся как стержень для живой плоти⁴⁹, подобно веретену, на которое наматывались льняные нити.

3. Именные формы лексемы *hmt* в архаическом значении

1. *hmt* «ствол дерева». Встречается в одной из легенд к сценам подношений благовоний в подвалах лабораториума Эдфу⁵⁰.

2. *hmt* «столб»:

2.1. *hmt* ḥ[∞] Огненный «столп», т.е. молния, с которой сравнивается меч царицы Хатшепсут: «[царь], ... чей меч — столп, проливающий пламя»⁵¹.

«гарпуне, ломающем скелет» (*bjḥ sd ks*) см. pRamesseum XVI (BM EA 10769) 28,2 (Meurat 2019, Vol. 1: 122, 155–156; Vol. 2: 371). Отдельный интерес представляет в этой связи глава 82 Книги мертвых (ТВ 82, 11–12: Lüscher 2006: 270–273; Mosher 2018: 157–161, 163–165), где говорится, что бог Атум *skj=f hmt hmt gbb sd(t) tp hr r3=f* «уничтожил *hmt* жены Геба, разбив (ей) голову своим изречением». Здесь под *hmt* подразумевается не «служанка» и не титул-«величество», как обычно понимают этот термин, а сама основа тела богини, ее скелет.

⁴⁸ Wb. III: 87.4–7.

⁴⁹ Близкие значения к терминам ḥ[∞] «остановка» и *hmt(t)* «столб» имеет греческое понятие ὑπόστυλις, калькированное в латинском слове *substantia*, которые оба семантически восходят к «подставке», ср. Frisk 2021: 603; Chantraine 1999: 1055; Beekes 2010: 1404 (к этимологии στήμων «подставка вертикального ткацкого станка»). В свое время на эту параллель обратил мое внимание М. В. Фионин.

⁵⁰ Edfou II.2: 202, 5 (85); Edfou XII: pl. 38. Датировка: Птолемей VI Филометор.

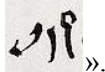
⁵¹ Красная капелла Хатшепсут. Lacaу, Chevrier 1977: 106; Lacaу, Chevrier 1979: pl.6 (bl. 166); Helck 1995: 11; Burgos, Larché 2006: 2006,

2.2. *ḥmt* «Столб» мишени для стрельбы из лука. «Стела сфинкса» фараона Аменхотепа II⁵².

3. *ḥm* «палица»:

3.1. Славословие богу Птаху. Сохранилось в 5 вариантах⁵³. Слово *ḥm* в значении «палица» упоминается в версиях Abu Simbel, стк. 21–22⁵⁴ и Serra West/Aksha, стк. 21⁵⁵ времен Рамсеса II. Перевод термина *ḥm* подтверждается вариантом из текста Med. Habu, стк. 32–33⁵⁶ времен Рамсеса III, где вместо него употребляется слово *ḥd* «булава».

3.2. Перечень предметов для погребения Рамсеса IV⁵⁷: *ḥt s^cbw m nbw ḥm 2* «палка, оправленная в золото — 2 дубины

4. *ḥmw* «свечи». Слово не отмечено в словарях; все известные мне достоверные свидетельства о свечах-*ḥmw* относятся ко временам XII династии, а также царицы Хатшепсут, и все они интерпретировались по-разному. Сырье для изготовления таких свечей мне неизвестно.

4.1. Жертвенная формула на стеле *jmj-r3 ḥnwtj* «начальника канцелярии» и *jmj-r3 t3-mḥw* «начальника Севера» *mzḥtj*⁵⁸.

4.2. Формула на жертвеннике из серого гранита, принадлежавшем *jmj-r3 pr ḥsb ḡḥsw* «начальнику дома учета газелей» *jmj-snb* сыну *jtj*⁵⁹.

33 (bl. 166). Обычная трактовка слова *Hmt* в этой надписи: «величество, раб, служба, персонификация» и т. п., только Д. Меекс дал перевод «son glaive est la pointe (?) d'une flamme» («язык (?) пламени») (Meeks 1980: 246 (77.2700)).

⁵² Urk. IV: 1280.14–1281.1. Ср. Meeks 1980: 246 (77.2700)): «poteau, piquet» со ссылкой на копт. **ḡamē** «кол» для измерения уровня нильского половодья (Crum CD: 675a; Vycichl 1983: 300a).

⁵³ KRI II: 272; ср. RITA II: 106.

⁵⁴ KRI II: 272.6.

⁵⁵ В разрушенном контексте: Vercoutter 1962: pl. 35; KRI II: 272.10.

⁵⁶ Medinet Habu II, pl.106, KRI II: 272.8.

⁵⁷ P. Torino Cat. 2002 rto II.3 (Pleyte 1869–1876, Planches: pl. 102). Дейр эль-Медина. Датировка: первый год правления Рамсеса V.

⁵⁸ Leiden V 109 = AP 69 (Boeser 1909: pl. 31 (41)). Сиут. Датировка: конец XII династии (Zitman 2010, Vol. 1: 182, 331).

4.3. Анналы Аменемхета II. Col. 11+x (M11)⁶⁰. Свечи-*hmtw* упоминаются в составе дани, доставленной из страны *wb3t-spt*⁶¹ в Нубии.

4.4. Надпись *hmtw* на крышке сосуда из диорита, в котором хранились ингредиенты(?) для свечей-*hmtw*; дар царя Аменемхета II (?) царю Библа⁶².

4.5. Надпись на стеле *sn-m-j^ch* из гробницы TT 127 в Шейх Абд эль-Гурна⁶³.

Очевидно, образования от лексемы *hmt*, несмотря на специфику, так и не стали в итоге самостоятельными лексическими единицами: все перечисленные значения сводятся к абстрактному понятию: «столб, ствол, дубина». Термин «колотушка» прачки в этом смысле не исключение из правил. Более того, судя по более поздним источникам, простейший инструмент для стирки предпочитали называть иначе, так что рецепт Bln 59 содержит пример упрощения терминологии для образования метафоры с термином родства «мать».

Что из себя представляла колотушка прачки, упомянутая в Bln 59, иллюстрирует Поучение *htj*, сына *dw3w=f* (Khety 19.6)⁶⁴:

rmj(t n)=f/k wršw (=f) (hr) mknt/mg3wt «плакать ему (вар. плакать тебе, он плачет), проводя день за колотушкой».

Текст этого поучения распадается на много редакций на папирусах и острака, однако все они единодушны в передаче термина для инструмента прачки в формах *mknt* (только на оВМ 29550) / *mg3wt/mg3jt*. Это слово восходит к семитскому *maqṣila «посох, палка» и отмечено также в формах *m3k3r3* и *mk3t* в иных рамессидских документах⁶⁵, что свидетельствует о поисках согласных в ауслауте (*3j, 3, 3r, n*) для передачи семитского /l/ в этом слове. Среднеегипетское *hmt* «колотушка» все

⁵⁹ Mit-Rahina Museum MO 58 (Moussa 1982: 257–258, pl.30; el-Sharkawy 2010: 193, 203, figs. 4a-b, Doc. 6). Телль эль-Нава (окрестности Мит Рахины). Датировка: конец XII династии.

⁶⁰ Altenmüller 2015: 38–39, 230, 316, Taf. 7, Falttafel.

⁶¹ Источники об этой стране: Cooper 2020: 460–465.

⁶² Beirut, National Museum 614/BNM 76900 (Montet, 1928–1929, T.1: 159–161, fig. 70; T. 2: pl. 91, no. 614; Flammini 1997: 15; Kopetzky 2018: 319, Fig. 10.2). Высота сосуда: 19 см.

⁶³ Urk. IV: 502.4; см. также Guglielmi 2012: 27.

⁶⁴ Helck 1970, T. 2: 109–111 (XIXg); Jäger 2004: LXVII–LXVIII; ibidem: 99.

⁶⁵ Hoch 1994: 166–167 (217).

рукописи поучения упорно игнорируют, поскольку из новоегипетского лексикона этот термин был уже вытеснен семитским заимствованием, однако в среднеегипетском протографе наверняка стоял именно *ḥmt*, а *mḥnt* / *mgʒwt* не может не быть поздним привнесением в текст поучения *ḥtj*, сына *dwʒw=f*, так как семитизм в силлабическом написании, конечно, нехарактерен для среднеегипетского обыденного пласта лексики.

Итак, слово *ḥmt* «столб, ствол, колотушка» фиксируется в текстах II тыс. до н. э. в своем исконном значении редко, вместо него предпочитали употреблять более точные синонимичные определения. Вместе с тем, это значение термина благополучно сохранялось в сознании как минимум до позднптолемеевской эпохи. Возможная причина столь редкого употребления термина *ḥm(t)* — нежелательная коннотация с термином *ḥm* «величество / раб».

4. Глагольные формы лексемы *ḥm*

1. Сцена стирки в гробнице *ḥnmw-ḥtp* II⁶⁶. Здесь прачки выполняют следующие действия с колотушкой *ḥm*:

1.1. *ḥmw* «полоскание»; в гробницах *bʒkt(j)* III⁶⁷ и *ḥtj*⁶⁸ то же действие называется просто *rḥt* «стирка». Орфография слова находит параллели в написаниях староегипетского антропонима *ḥmw*⁶⁹.

1.2. *ḥmw* «отбивание колотушками»⁷⁰: пояснение помещено под сценой растягивания полотна, которое, согласно

⁶⁶ Beni Hasan 2. Lepsius 1849–1859: Bl. 126; Newberry 1893, Vol.1: pl. 29; Kanawati, Evans 2014: 41, pl.120.

⁶⁷ Beni Hasan 15. Newberry 1893, Vol. 2: pl. 4; Kanawati, Evans 2018: 27, Pls. 9, 60.

⁶⁸ Beni Hasan 17. Newberry 1893, Vol. 2: pl. 13; Kanawati, Evans 2020: 29, Pls. 16, 22, 95.

⁶⁹ Гипокористик от имен с основой *ḥm* «раб (бога)»: Scheele-Schweitzer 2014: 541 [2416].

⁷⁰ Во всех случаях пояснения называют фазы, действия, а не функции (должности) или предметы. Ср. Wb. III: 87.6–7: «eine Keule (zum Schlagen der Wäsche)», трактует не как действие, а как предмет; Kanawati, Evans 2014: 41: *ḥmw* «washerman/fuller»: трактует не как действие, а как функцию; эта точка зрения была сформулирована еще Л. Борхардтом (Borchardt 1899: 82: «die Schläger (?)»), в связи с чем он

другим источникам, называлось *whz* «встряхивание»⁷¹. Сложив полотно и отбивая его колотушками, двое слуг его таким образом разглаживали. В гробницах *b3kt(j)* III⁷² и *htj*⁷³ термин *hmww* не упоминается, зато изображена другая работа с колотушками — *hmw*, которая называется *knkn nwt* «расплющивание узла»⁷⁴ — таков был один из этапов работы с тканями. Вероятно, эти действия могут быть сопоставлены с плоением.

Из этого следует, что *hmww* «отбивание» и *hmw* «полоскание» — разные действия. *hmww* «отбивание» образовано от сущ. *hm(w)* «колотушка, палица», а *hmw* «полоскание» — это *poen actionis* от глагола *hm* «полоскать, взбалтывать воду». Глагол *hm* известен и из другого текста, где он употребляется в близком значении для рыхления земли.

2. *hm* как глагол в сцене возведения обелисков.

В гробнице *rh-mj-r^c* XVIII династии воспроизведен ритуал, содержание которого явно глубоко архаично⁷⁵:

hm zp-4 hr jwnwj «четыре раза рыхлить то, что под двумя обелисками»⁷⁶.

Эта надпись поясняет действие, выполняемое чиновником (*r)h-nswt* «знакомым царя» при помощи мотыги; два других чиновника *h(wj)-nswt* возводят два обелиска.

Параллель к этой сцене можно найти в гробнице *mntw-hr-hpš=f*⁷⁷:

(*jrt*) *wpt B zp-4* «раскрытие земли четыре раза».

задает вопрос, злободневный и поныне: «Und ob der Ausdruck für den König etwa in alter Zeit die Bedeutung hatte «seine Keule?»

⁷¹ Wb. I: 353.7; Hannig-Lexica 5: 725 {8209}.

⁷² Beni Hasan 15. Newberry 1893, Vol. 2: pl. 4; Kanawati, Evans 2018: 27, Pls. 9, 60.

⁷³ Beni Hasan 17. Newberry 1893, Vol. 2: pl. 13; Kanawati, Evans 2020: 30, Pls. 16, 94.

⁷⁴ Иначе: Meeks 1981: 391 (78.4306): «assouplir la corde»; Merzeban 2014: 347: «frapper la corde»; Kanawati, Evans 2020: 30: «pounding the yarn».

⁷⁵ Virey 1894: pl. 26; Davies 1943, Vol.2: pl.83+80.

⁷⁶ Cp. Wb. III: 87.12: «Erde hacken (im Totenkult)»; Settgast 1963: 91: «Schlagen (viermal), das was unter den beiden Obeliskten ist»; сходно: Osing 1976, Bd. 2: 616, Anm.617; Meeks 1981: 248 (78.2680): «briser» (des mottes de terre).

⁷⁷ Davies 1913: pls. 7, 9; см. также: Bosticco, Rosati 2003: 28–29, n.28.

Это действие выполняет некий человек (изображение его не сохранилось) с большой мотыгой-*nw*; (*jrt*) *wpt t3* «раскрытие земли» означает «проведение борозды». Схожесть двух контекстов — выполнение ритуального действия четырежды, свидетельствует о синонимичности терминов *wpt t3* «открывать землю» и *hm* со значением «рыхлить».

В обоих рассмотренных примерах *hm* обозначает активное действие — «рыхление» земли, «взбалтывание» воды.

Нельзя согласиться с Ю. Озингом⁷⁸ о связи *hm* «взбалтывать воду» с копт. **ꜥꜣꜣꜣ**, **ꜥꜣꜣꜣ** «(nieder)treten, (einen Weg) betreten; keltern» и со старыми глагольными корнями *hm3/h3m/hm* «hin-unterstoßen; keltern», т. е. «толочь, давить, отжимать (например, виноград)»⁷⁹, так как глаг. *hm* в этом значении засвидетельствован со знаком *hm* «колодец», а не *hm* «колотушка» — оба знака *hm* могли сочетаться, но не чередоваться, так как были корнями разных слов, не связанных семантически. Прочие возможные глагольные реконструкции, вроде *hmj/hmw(j)*, также не продуктивны, так как изначально корень *hm* был двусогласным, а не III/IV-*infirma*. Что касается глагола *hm* «рыхлить» (землю), «взбалтывать» (воду), то эти значения следует рассматривать как вторичные.

Заключение

В египетском известно множество понятий-субъектов, передающих внутреннюю сущность божества или человека (*b3*, *k3*, *hftj*, и др.). Однако титул *hm(t)* «величество/ раб» является из них единственным, сохраняющим категорию рода. Исключениями являются также субстантивированные отглагольные образования (пассивные причастия), употреблявшиеся в антропонимах модели *nj-sw-kd=j/nj-sj-kdt=j* «тот/та, что принадлежит тому/той, кого я изваял» времен Древнего и Среднего царств⁸⁰. Это, на мой взгляд, лишний раз свидетельствует о глагольной семантике термина *hm(t)* «величество/раб». Анализируя связки глагол — существительное *kd* «строить — образ», *mnh* «стамес-

⁷⁸ Osing 1976, Bd. 2: 616–617, Anm. 617.

⁷⁹ Ср. Wb. II: 490,6; Meeks 1980: 244 (77.2688) «écraser, presser»; Kucharek 2010: 268: *hm* «zermalmen; drücken». См. также Meeks 1980: 246 (77.2708): *hm3* «fouler, piétiner»; ibidem: 237 (77.2594): *h3m* «presser le vin»; копт. **ꜥꜣꜣꜣ** (Crum CD: 674b-675a).

⁸⁰ Bogdanov 2022b: 555–557.

ка» — *smnh* «образ», *kmʒ* «бросать» — «творение», В. Вестендорф приходит к выводу, что «аналогичный путь прошли сущ. *hm* «дубина» и связанный с ним глагол *hm* «ударять» ..., т. е. от первоначальной деятельности или от орудия, используемого для этой деятельности, получил свое имя и объект этой деятельности, а именно: то, что вытесано, сформировано»⁸¹. Как и титул *hm(t)* «величество», титул *hm(t)* «раб/рабыня» был субстантивированным *part. perf. pass.* «выдолбленный/ая» от глаг. *hm* «вырезать, выдалбливать»; если этот термин субстантивировать с сохранением категории рода, получится примерное значение «болван/болванка».

Титул *hm(t)* «раб/величество», восходящий ко временам глубокой древности, возник на базе ритуалов, в которых главную роль играла «натуральная модель» существа. Понятие *hm(t)* «ствол, ось» было рудиментом магического подхода в процессе изобретения социально-политической терминологии в архаическую эпоху. Но оно сохранялось на протяжении трех с половиной тысячелетий истории фараоновского Египта в связи с консервативностью употребления традиционных титулов и названий главных социальных институтов: верховной власти (*hm(t)* «величество») и слоя зависимого населения (*hmw* «рабы»).

С течением времени термин *hm* «раб» стал употребляться в ритуальных текстах исключительно редко, но он проник в социальную сферу, превратившись в основной титул служащего, не подчиненного ни институту, ни индивиду, а являвшегося зависимым членом общества вообще, как универсальный раб, рассматривавшийся как субъект социальной стратификации, но не как организационная единица.

Титул *hm* «величество» номинировал и «облик», и «тело» царя или божества. Но и та, и другая характеристики, выдвигавшиеся в египтологии, неточно отражают суть дела. Термин *hm* не имел таких смыслов как «защитная оболочка», «божественная внешность» и т. п. Наоборот, это «стержень» царя, его неизменная, вечная духовная сущность. Вместе с тем, именно эта сущность царя является единственной смертной его субстанцией с позиции вечности. В течение всей египетской истории цари сменяли друг друга на троне, но истребить монарха как

⁸¹ Westendorf 1973: 141.

воплощение бога Хора можно было, лишь уничтожив его «ствол»-*hm*. Т.е. когда о царе говорилось как о «его величестве», то имелась в виду вечная инкарнация бога Хора, которая была облечена тленной плотью.

Общая интерпретация титула *hm* «величество» такова — это «основа» бога Хора, которая остается вечной и облекается новой плотью со смертью очередного царя. Когда действует *hm* «величество» царя — это означает, что в нем активизируется вечная субстанция бога Хора. Напротив, рабы-*hmw* были субстанциями как таковыми, т. е. зависимыми людьми, лишенными индивидуальности, и к ним этот титул применялся как к субъектам, в то время как *hm* царя был лишь частью его личности, которая обрастала не только плотью, но и многочисленными иными свойствами и качествами (титулатурой, воплощениями и силами), наделявшими его индивидуальностью.

hmw nswt «рабы царя» вовсе не рассматривались как части или скелеты царя, как можно было бы понять буквально, или части своего господина из частных лиц. Это были именно рабы — выдолбленные из дерева болваны, бесплотные и безвольные. Титул *hmw nswt* «рабы царя» был архаическим наименованием зависимого населения и первоначально *hm* был лишь формально неотделим от *nswt*, подобно тому как *hm-ntr* «раб божий» мог также фигурировать как самостоятельный титул *hm* «раб» — без объекта культа. Т. е. любые сочетания титула *hm* «раб» с объектом службы не доказывают, что его следует рассматривать как часть этого объекта и тем самым ставить его в один ряд с титулом *hm=f* «его величество». Употребление титула *hmt* «рабыня» в женском роде лишний раз это доказывает⁸². Дело в том, что титул *hmt* «рабыня» почти не встречается в форме *hm(t) nswt* «рабыня царя» (кроме как в гебелейнских папирусах времен IV династии, где он выписывается стандартно без *-t*, как в титуле *hm(t)-ntr*), поскольку женская форма была выделена из общего обозначения *hmw nswt* «рабы царя». Также и титул *hm(t)-ntr* отмечен многократно, и его нельзя понять

⁸² Hannig-Lexica 4: 801. Самый ранний пример титула *hmt* «рабыня» отмечен на рельефе из гробницы *jj-nfrt* (Karlsruhe Н. 532 / Н.1050: Schürmann 1983: 64, Abb.16a-c; Albersmeier 2007: 23–24). Датировка: V династия.

иначе как «рабыня бога»⁸³, ибо субъект *hmt* «рабыня» не может быть частью объекта культа, тем более мужских божеств.

Иными словами, титул *hm(t)* «раб/рабыня» / *hm(t)* «величество» обозначал одну и ту же сущность в низком и возвышенном значениях: первый — как стержень, собственно субстанция, лишённая иных атрибутов личности (раб); второй — также как стержень, неизменная субстанция бога (величество), в частности, Хора — последнего царя Египта из мира богов.

В отличие от так называемых мировоззренческих категорий *k3* и *b3*, *hm* не персонализируется в мифологическом пространстве. Нет источников, которые бы объясняли его сущность, он почти не упоминается в сюжетных повествованиях, кроме как в обычном абстрактном значении «его величество». Как известно, из двух компонентов религиозного сознания теология характеризует метафизическую сущность объекта, а мифология — динамику его существования. Однако в египетской религиозной мысли субстанция *hm* была исключена из хронологического процесса, который воплощался в мифологическом подходе к характеристике объекта, и рассматривалась как теологическая категория этого предмета, неизменная и вневременная⁸⁴.

Литература

- Albersmeier, S. 2007: *Ägyptische Kunst: Bestandskatalog Badisches Landesmuseum Karlsruhe*. München.
- Altenmüller, H. 2015: *Zwei Annalenfragmente aus dem frühen Mittleren Reich*. Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 16. Hamburg.
- Bardinet Th. 2015: Quelques insectes de l'Égypte ancienne. In: F. Collard, E. Samama (eds.). *Poux, puces, punaises. La vermine de l'homme. Découverte, descriptions et traitements. Antiquité, Moyen-Âge, Époque moderne*. Paris, 61–68.
- Bardinet, Th. 1995: *Les papyrus médicaux de l'Égypte pharaonique: traduction intégrale et commentaire*. Penser la médecine. Paris.
- Bardinet, Th. 2021: Quelques aspects du "monde du minuscule" dans la pensée médicale de l'Égypte ancienne. In: S. H. Aufrère, C. Spieser (eds.), *Le microcosme animal en Égypte ancienne: de l'effroi à la vénération. Études d'archéo- et ethnoarthropodologie culturelle*. Orientalia Lovaniensia Analecta 297. Leuven; Paris; Bristol, CT, 159–174.

⁸³ Засвидетельствовано в форме *hmt* в женской антропонимике Древнего царства: Scheele-Schweitzer 2014: 541–542 [2417]–[2418].

⁸⁴ Благодарю А. А. Ильина-Томича и Д. О. Сычева за помощь в работе.

- Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1–2. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 10/1–2. Leiden; Boston.
- Boeser, P. A. A. 1909: *Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches, erste Abteilung: Stelen*. Beschreibung der ägyptischen Sammlungen 2. Haag.
- Bogdanov, I. V. 2020: Review: Jánosi P., Vymazalová H. *The Art of Describing. The World of Tomb Decoration as Visual Culture of the Old Kingdom*. Studies in Honour of Yvonne Harpur. Charles University, Prague, 2018. *Bibliotheca Orientalis* LXXVII N° 1–2, januari-april, 73–82.
- Bogdanov, I. V. 2021: Egyptian kinship term *mwt* «mother» as a metaphor for an object or concept (1–5). *Indo-European linguistics and classical philology*. XXV(I), 99–135.
Богданов, И. В. 2021: Египетский термин родства *mwt* «мать» как метафора предмета или понятия (1–5). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. XXV(I), 99–135.
- Bogdanov, I. V. 2022a: Incense and its mother in the Coffin Texts (Spell 1027). *Indo-European linguistics and classical philology*. XXVI(I), 72–93.
Богданов, И. В. 2022a: Ладан и его мать в Текстах саркофагов (глава 1027). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVI(1), 72–93.
- Bogdanov, I. V. 2022b: The family of an Egyptian official of Busiris from the late Old Kingdom. *VDI* 82/3, 541–565.
Богданов, И. В. 2022b: Семья египетского сановника из Бусириса конца Древнего царства. *ВДИ* 82/3, 541–565.
- Borchardt, L. 1937: *Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo*. Teil I. *Text und Tafeln zu Nr. 1295–1541*. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, Nos 1295–1808. Berlin.
- Borchardt, L. 1899: Die Hieroglyphe 𓆎 . *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 37, 82.
- Bosticco, S., Rosati, G. 2003: Il sarcofago di Amenemhet-seneb a Firenze. *Aegyptus* 83 (1–2), 15–52.
- Broze, M. 1996: *Mythe et roman en Égypte ancienne: les aventures d'Horus et Seth dans le papyrus Chester Beatty I*. Orientalia Lovaniensia Analecta 76. Leuven.
- Burgos, F., Larché, F. 2006: *La chapelle Rouge: le sanctuaire de barque d'Hatshepsout*. Vol. 1. N. Grimal (ed.). Paris.
- Chantraine P. 1999: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle édition avec un Supplément*. Paris.
- Charpentier, G. 1981: *Recueil de matériaux épigraphiques relatifs à la botanique de l'Égypte antique*. Paris.
- Cooper, J. Ch. 2020: *Toponymy on the periphery: placenames of the Eastern Desert, Red Sea, and south Sinai in Egyptian documents*

- from the Early Dynastic until the end of the New Kingdom. Probleme der Ägyptologie 39. Leiden; Boston.
- Crum CD — Crum, W. E. 1962: *A Coptic dictionary: compiled with the help of many scholars*. Second ed. Oxford.
- Davies, N. de G. 1913: *Five Theban tombs (being those of Mentuherkhepeshef, User, Daga, Nehemawäy and Tati)*. Archaeological Survey of Egypt 21. London.
- Davies, N. de G. 1943: *The tomb of Rekh-mi-Rē' at Thebes*. Vol. 1–2. Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition 11. New York
- Derchain, Ph. 1965: *Le papyrus Salt 825 (B.M. 10051): rituel pour la conservation de la vie en Égypte*. Vol. 1–2. Mémoires de la classe des lettres (Académie Royale de Belgique), collection in-8°, 2e série 58. Bruxelles.
- Edfou II.2 Chassinat, É. 1990: *Le temple d'Edfou II,2*. 2nd ed. Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire 11. Le Caire.
- Edfou XII Chassinat, É. 2009: *Le temple d'Edfou XII*. 2nd ed. Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire 29. Le Caire.
- El-Khadragy, M. 2005: The offering niche of Sabu/Ibebi in the Cairo Museum. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 33, 169–199.
- el-Sharkawy, B. S. 2010: Sobek at Memphis, once again: further documents. In: A. Woods, A. McFarlane, S. Binder (eds.). *Egyptian culture and society: studies in honour of Naguib Kanawati*. Vol. 2. Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte 38. Le Caire, 191–204.
- Fischer, H.G. 1958: An early occurrence of *hm* "servant" in regulations referring to a mortuary estate. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 16, 131–137.
- Fischer, H.G. 1996: Notes on some texts of the Old Kingdom and later. In P. Der Manuelian, (ed.). *Studies in honor of William Kelly Simpson*, vol. 1. Boston, 267–274.
- Flammini, R. 1997: A consideration on the Egyptian word *hmw*. *Göttinger Miszellen* 157, 15–20.
- Frisk, H. 2021: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. (E-Edition), Heidelberg.
- Germer, R. 2008: *Handbuch der altägyptischen Heilpflanzen*. Philippika 21. Wiesbaden.
- Goedicke, H. 1967: *Königliche Dokumente aus dem Alten Reich*. Ägyptologische Abhandlungen 14. Wiesbaden.
- Goedicke, H. 1970: *Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich*. Beihefte zur Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 5. Wien.

- Grundriss der Medizin der alten Ägypter IV.1 — von Deines, H., Grapow, H., Westendorf, W. 1958: *Übersetzung der medizinischen Texte*. Berlin.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter V — Grapow, H. 1958: *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autographiert*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter VI — von Deines, H., Grapow, H., 1959: *Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen*. Berlin.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.1 — von Deines, H., Westendorf, W. 1961: *Wörterbuch der medizinischen Texte: Erste Hälfte (3-r)*. Berlin.
- Grundriss der Medizin der alten Ägypter VII.2 — von Deines, H., Westendorf, W. 1962: *Wörterbuch der medizinischen Texte: Zweite Hälfte (h-d)*. Berlin.
- Guermeur, I. 2012: À propos d'un passage du papyrus médico-magique de Brooklyn 47.218.2 (x+III,9 — x+IV,2). In: Chr. Zivie-Coche, I. Guermeur (eds.). "Parcourir l'éternité": hommages à Jean Yoyotte. Vol. 1. Histoire et prosopographie 8; Bibliothèque de l'École des hautes études, sciences religieuses 156. Turnhout, 541–555.
- Guglielmi, W. 2012: Zur Identifikation der *ʿnd(w)*-Bäume auf den Reliefblöcken des Sahure. *Göttinger Miszellen* 235, 19–30.
- Handoussa, T. 2010: The false door of Hetepu from Giza. In: Z.A. Hawass, P. Der Manuelian, R. B. Hussein (eds.). *Perspectives on ancient Egypt: studies in honor of Edward Brovarski*. Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte 40. Cairo, 137–152.
- Handoussa, T., Brovarski Ed. 2021: *The Abu Bakr cemetery at Giza*. Wilbour Studies in Egyptology and Assyriology 5. Atlanta, GA.
- Hannig-Lexica 4 — Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Hannig-Lexica 4. Mainz am Rhein.
- Hannig-Lexica 5 — Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Hannig-Lexica 5. Mainz am Rhein.
- Helck, W. 1970: *Die Lehre des dw³-htj*. T. 1–2. Kleine ägyptische Texte 3. Wiesbaden.
- Helck, W. 1995: *Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie: Nachträge*. Kleine ägyptische Texte 6 (2). Wiesbaden.
- Hoch, J. E. 1994: *Semitic words in Egyptian texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton, NJ.
- Jäger, St. 2004: *Altägyptische Berufstypologien*. *Lingua Aegyptia, Studia Monographica* 4. Göttingen.
- Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom. Vol. I–II*. BAR International Series 866 (1–2). Oxford.
- Junker, H. 1939: *Phrnr*. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 75, 63–84.
- Kahl, J. 2002–2004: *Frühägyptisches Wörterbuch*. Lief. 1–3. Wiesbaden.

- Kanawati, N., Evans, L. 2014: *Beni Hassan. Vol. I: The tomb of Khnumhotep II*. Australian Centre for Egyptology: Reports 36. Oxford.
- Kanawati, N., Evans, L. 2018: *Beni Hassan. Vol. IV: The tomb of Baqet III*. Australian Centre for Egyptology: Reports 42. Oxford.
- Kanawati, N., Evans, L. 2020: *Beni Hassan. Vol. VI: The tomb of Khety*. Australian Centre for Egyptology: Reports 44. Wallasey.
- Köhler, E. Chr., Jones, J. 2009: *Helwan II: The Early Dynastic and Old Kingdom funerary relief slabs*. Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens 25. Rahden/Westf.
- Kopetzky, K. 2018: Tell el-Dab'a and Byblos: new chronological evidence. *Ägypten und Levante* 28, 309–358.
- KRI II — Kitchen, K. A. 1979: *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical, II*. Oxford.
- Kucharek, A. 2010: *Altägyptische Totenliturgien 4: Die Klagelieder von Isis und Nephthys in Texten der Griechisch-Römischen Zeit*. Heidelberg.
- Lacau, P., Chevrier H. 1977: *Une chapelle d'Hatshepsout à Karnak I*. LeCaire.
- Lacau, P., Chevrier H. 1979: *Une chapelle d'Hatshepsout à Karnak II*. LeCaire.
- Lacau, P., Lauer J.-Ph. 1965: *La pyramide à degrés V: inscriptions à l'encre sur les vases*. Fouilles à Saqqarah. Le Caire.
- Lapp, G. 2008: *Totenbuch Spruch 125*. Totenbuchtexte — Synoptische Textausgabe nach Quellen des Neuen Reiches 3. Basel: Orientverlag.
- Leitz, Chr. 1994: *Tagewählerei: das Buch ḥ3t nhḥ ph.wy dt und verwandte Texte*. Bd. 1–2. Ägyptologische Abhandlungen 55. Wiesbaden.
- Lepsius, C. R. 1849–1859: *Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien II*. Berlin.
- Lüscher, B. 2006: *Die Verwandlungssprüche (Tb 76–88)*. Totenbuchtexte — Synoptische Textausgabe nach Quellen des Neuen Reiches 2. Basel.
- Mariette, A. 1889: *Les mastabas de l'Ancien Empire*. Paris.
- Martin, G. Th. 1989: *The rock tombs of el-'Amarna. Part VII: the royal tomb at el-'Amarna II. The reliefs, inscriptions, and architecture*. Archaeological Survey of Egypt 39. London.
- Medinet Habu II — Hölscher, U. 1939: *The excavation of Medinet Habu. Vol. II: the temples of the Eighteenth Dynasty*. Oriental Institute Publications 41. Chicago.
- Meeks, D. 1980: *Année lexicographique: Égypte ancienne. Tome 1 (1977)*. Paris.
- Meeks, D. 1981: *Année lexicographique: Égypte ancienne. T. 2 (1978)*. Paris.

- Merzeban, R. Y. 2014: À propos de quelques analogies iconographiques dans les tombes privées. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 114 (2), 339–363.
- Meyrat, P. 2019: *Les papyrus magiques du Ramesseum: recherches sur une bibliothèque privée de la fin du Moyen Empire*, vol. 1–2. Bibliothèque d'étude 172. Le Caire.
- Montet, P. 1928–1929: Byblos et l'Égypte: quatre campagnes de fouilles à Gebeil 1921–1922–1923–1924. T. 1. Text; 2. Album. Paris.
- Mosher Jr., M. 2018: *The Book of the Dead, Saite through Ptolemaic Periods: a study of traditions evident in versions of texts and vignettes. Vol. 5: BD spells 78–92*. SPBDStudies 5. North Charleston, SC.
- Moussa, A. M. 1982: The offering table of Imenisonb son of Ita. *Orientalia* 51 (2), 257–258.
- Müller-Roth, M. 2008: *Das Buch vom Tage*. Orbis Biblicus et Orientalis 236. Fribourg; Göttingen.
- Naville, Éd. 1886: *Das ägyptische Todtenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie. Bd. 1–2*. Berlin.
- Newberry, P.E. 1893: *Beni Hasan*. P. I–II. Archaeological Survey of Egypt 1–2. London.
- Osing, J. 1976: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. Bd. 1–2. Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 3. Mainz.
- Osing, J. 1998: *The Carlsberg Papyri 2: Hieratische Papyri aus Tebtunis I*. Bd. 1–2. CNI Publications 17. Copenhagen.
- Pleyte, W. 1869–1876: *Papyrus de Turin*, vol. 1–2. Leide.
- Posener-Kriéger, P. 2004. *I papiri di Gebelein: scavi G. Farina 1935*. Ed. by S. Demichelis. Studi del Museo Egizio di Torino: Gebelein 1. Torino.
- Quibell, J. E. 1923: *Excavations at Saqqara (1912–1914): Archaic mastabas*. Le Caire.
- Reisner, G. A. 1931: *Mycerinus: the temples of the third pyramid at Giza*. Cambridge, MA.
- RITA II — Kitchen, K. A. 1996: *Ramesside inscriptions, translated & annotated: translations. Vol. II. Ramesses II, royal inscriptions*. Oxford; Cambridge, MA.
- Saad, Z. Y. 1957: *Ceiling stelae in Second Dynasty tombs from the excavations at Helwan*. Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte 21. Le Caire.
- Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und soziokulturellen Aspekten*. Philippika 28. Wiesbaden.
- Schürmann, W. 1983: *Die Reliefs aus dem Grab des Pyramidenvorstehers Ii-nefret*. Karlsruhe.
- Settgast, J. 1963: *Untersuchungen zu altägyptischen Bestattungsdarstellungen*. Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo, Ägyptologische Reihe 3. Glückstadt.

- Soleiman, S. 2014: The hair-shaving and nail-cutting scenes in Ptahshepses' tomb at Saqqara. *Journal of the American Research Center in Egypt* 50, 31–39.
- Soleiman, S., El-Batal, A. A. 2015: *The Gisir El-Mudir Cemetery at Saqqara. Vol. IV. The Tomb of Ptahshepses. Part 1. The Tomb Owner, Architecture and Dating of the Tomb*. Cairo.
- Stadler, M. A. 2003: *Der Totenpapyrus des Pa-Month (P. Bibl. nat. 149)*. Studien zum Altägyptischen Totenbuch 6. Wiesbaden.
- Urk. I — Sethe, K. 1932–1933: *Urkunden des Alten Reichs*. Urkunden des Ägyptischen Altertums I.1–4. 2. Aufl. Leipzig.
- Urk. IV — Sethe, K. 1906–1909: *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 1–16*. Leipzig; Helck, W. 1955–1958: *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17–22*. Berlin (Urkunden des ägyptischen Altertums. Abt. 4).
- Vandier, J. 1961: *Le Papyrus Jumilhac*. Paris.
- Vercoutter, J. 1962: Preliminary report of the excavations at Aksha by the Franco-Argentine Archaeological Expedition, 1961. *Kush* 10, 109–116.
- Virey, Ph. 1894: *Le tombeau de Rekhmara, préfet de Thèbes sous la XVIIIe dynastie*. Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire 5, fasc. 1. Le Caire.
- von Lieven, A. 2004: Das Göttliche in der Natur erkennen: Tiere, Pflanzen und Phänomene der unbelebten Natur als Manifestation des Göttlichen; mit einer Edition der Baumliste P. Berlin 29027. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 131, 156–172.
- Vycichl, W. 1983: *Dictionnaire étymologique de la langue copte*. Leuven.
- Wb. — *Wörterbuch der ägyptischen Sprache. I–V. Blgst. I–V*. Hrsg. von A. Erman und H. Grapow. Vierte Ausgabe. Berlin, 1982.
- Westendorf, W. 1970: Beiträge aus und zu den medizinischen Texten: III. Incubus-Vorstellungen. IV. Feuer- und Wasserprobe. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 96 (2), 145–151.
- Westendorf, W. 1973: Zur Entstehung übertragener und abstrakter Begriffe. *Göttinger Miszellen* 6, 135–144.
- Westendorf, W. 1999: *Handbuch der altägyptischen Medizin. Bd. 1–2*. Handbuch der Orientalistik, erste Abteilung 36 (1–2). Leiden: Brill.
- Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexikon: a lexicographical study of the texts in the temple of Edfu*. Orientalia Lovaniensia Analecta 78. Leuven.
- Windus-Staginsky, E. 2006: *Der ägyptische König im Alten Reich: Terminologie und Phraseologie*. Philippika 14. Wiesbaden.
- Wreszinski, W. 1909: *Die Medizin der alten Ägypter. Bd. 1*. Leipzig.
- Zitman, M. 2010: *The necropolis of Assiut: a case study of local Egyptian funerary culture from the Old Kingdom to the end of the Middle Kingdom*. Vol. 1–2. Orientalia Lovaniensia Analecta 180. Leuven; Paris; Walpole, MA.

ПРЕНИЕ СОЛОМОНА И МАРКОЛЬФА КАК ДИАЛОГ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА*

В статье рассматриваются языковые средства семантической и синтаксической связности в средневековом диалоге особого типа. Спор главных персонажей латинского прозаического текста XII–XIII вв. “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” и его первого переложения на средневерхненемецкий язык (“*Salomon und Markolf*”, последняя четверть XIV в.) выглядит как столкновение дидактических сентенций библейского царя Соломона и грубых пословиц простонародного шута Маркольфа. Особенности речевого взаимодействия персонажей анализируются как разновидность языковой игры.

Ключевые слова: диалог, народная культура, диспут, паремии, средневерхненемецкий язык, среднелатинский язык, шутовство, средневековая Германия, языковая игра.

N. A. Bondarko
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb., Russia.
n-bond@yandex.ru

The verbal contest between Solomon and Marcolf as dialogue and language game

The article deals with semantic and syntactic coherence in a medieval dialogue of a special type. The dispute of the main persons of the Latin prose text of the XII–XIII centuries *Dialogus Salomonis et Marcolfi* and its first Middle High German adaptation (*Salomon und Markolf*, last quarter of the 14th century) looks like a clash between the didactic maxims of the biblical King Solomon and the rude proverbs of the rough peasant (but also a jester and trickster) Markolf. The characters’ speech interaction is analyzed as a kind of language game.

Keywords: dialogue, folk culture, dispute, proverbs, Middle High German, medieval Latin, buffoonery, medieval Germany, language game.

В начале книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин обратил

* Выражаю благодарность М. Ю. Реутину за привлечение моего внимания к исследуемому материалу, ценные советы и предоставление некоторых малоизвестных в настоящее время библиографических источников.

внимание на один важный для понимания смеховой культуры западного Средневековья расхожий текст — шутейное прение царя Соломона с мужиком Маркольфом:

«В очень популярных в средние века смеховых диалогах Соломона с Маркольфом высоким и серьезным (по тону) сентенциям Соломона противопоставлены веселые и снижающие изречения шута Маркольфа, переносящие обсуждаемый вопрос в подчеркнуто грубую материально-телесную сферу (еды, питья, пищеварения, половой жизни). Нужно сказать, что одним из ведущих моментов в комике средневекового шута был именно перевод всякого высокого церемониала и обряда в материально-телесный план; таково было поведение шутов на турнирах, на церемониях посвящения в рыцари и других. Именно в этих традициях гротескного реализма лежат, в частности, и многие снижения и приземления рыцарской идеологии и церемониала в «Дон-Кихоте»» (Bakhtin 1990 (1965): 26–27)¹.

Речь идет о версиях сказания о Соломоне и Маркольфе (в другом варианте имени — Морольфе), получивших распространение в странах Западной Европы еще в раннем Средневековье и — также, как и восточноевропейские версии — восходящих, по-видимому, к талмудической традиции, как предпо-

¹ Ср. взгляд современного исследователя на казус Маркольфа применительно к «карнавальной» теории М. М. Бахтина: «Новичков в этой работе часто поражает, насколько “карнавальным” или “бахтинским” является ниспровержение Маркольфом авторитета, но описание теории Бахтина как **маркольфианской** было бы более верным относительно исторической реальности. Работая над исследованием, ставшим впоследствии «Рабле и его миром» в условиях жестких ограничений в сталинской России, Бахтин имел лишь ограниченный доступ к западным средневековым источникам, а слегка непристойный и в высшей степени копрологический Маркольф выделяется среди сравнительно немногочисленных средневековых примеров, которые он цитирует, чтобы проиллюстрировать подрывной потенциал «материально-телесного низа». То, что сам Рабле упоминает диспут между Соломоном и Маркольфом, должно было сделать «Диалог» еще более важным для Бахтина как источник прослеживаемой раблезианской аллюзии на средневековую комическую и антиавторитарную традицию. Когда к этим примерам его расширенного влияния добавляется значительный интерес диалога самого по себе, появляются веские основания для более его широкого признания» (Bradbury 2008: 336). Здесь и далее перевод иноязычных цитат мой — Н.Б.

лагал еще А. Н. Веселовский². В отличие от восточных, западноевропейские варианты сказания содержат пространный, занимающий более трети всего текста, диалог-прение царя Соломона и явившегося к его двору мужика Маркольфа³.

Авторитетные свидетельства о знакомстве с текстом диалога Соломона и Маркольфа в немецкоязычном ареале появляются значительно раньше, чем дошедшие до нас записи сказания. Так, это прение кратко упоминается уже в толковании на Псалмы (Ps. 118,85) Санкт-Галленского монаха Ноткера Губастого (Notker Labeo, 950–1022) — руководителя монастырской школы и переводчика с латыни на алеманнский диалект древневерхнегерманского языка:

Soliche hábent mísseliche professiones. Judeorum literæ so gescribene hêizzent deuterosis an diên milia fabularum sint. ane den canonem diuinarum scripturarum. Sameliche habent heretici an iro uana loquacitate. Habent ouh soliche sæculares literæ. **Vuaz ist ioh anderes daz man marcholfum saget sih éllenon uuider prouerbiis salomonis?** An. diên allen sint uuort scôniù. âne uuârheit. (Цит. по изданию: Hattemer 1849: 435b; см. также Kemble 1848: 12–13).

Таким образом, от Ноткера мы узнаем, что в неких «складных», но «лживых» иудейских сочинениях Маркольф боролся против изречений Соломоновых. Около 1213 г. немецкий поэт Фрейданк (Freidank, Vřídanc) в своей поэме «Разумение» («Bescheidenheit») упоминает о том, что *Марольт* «извращал»

² «На дальнейшую литературу соломоновых апокрифов у нас сохранились одни лишь указания. На римском соборе 496 года папа Геласий относил в разряд запрещенных книг, вместе с «Физиологом» и phylacteria какую-то *Contradictio* (или *Interdictio*) *Solomonis* — вероятно, наш апокриф, перевести ли *contradictio* — прением (в мудрости) или в смысле состязания, борьбы. Содержание этой статьи нам неизвестно. В X–XI вв. мы снова встречаемся с указанием на такой же отреченный текст: Ноткер говорит о нем, как об успевшем перейти в народную литературу; антагонистом Соломона является Маркольф, остающийся с этим именем и в позднейших западных повестях о Соломоне» (Wesselowsky 1872: 136–137).

³ В настоящей статье я ограничиваюсь рассмотрением только западной традиции Сказания о Соломоне и Маркольфе. Многочисленные текстологические исследования различных версии этого памятника в восточной традиции, включая древнерусскую, существенно модифицирующие ряд выводов А. Н. Веселовского, должны остаться за пределами рассмотрения.

премудрость, которой учил Соломон: *Salmon wîsheit lêrte, / Marolt daz verkêrte; / den site hânt noch hiute / leider gnuoge liute.* (Bezenberger 1872: 81, 3–6). В эпоху Ренессанса упоминание о споре Соломона и Маркольфа встречается у Франсуа Рабле и Иоганна Фишарта.

В германских землях Сказание о Соломоне и Маркольфе/Морольфе сохранилось в различных вариантах:

1) “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” — латинский прозаический шванковский цикл XII–XIII в.; старейший из сохранившихся списков датируется лишь 1410 г.; место создания памятника в точности неизвестно⁴;

2) “*Salomon und Markolf*” — первое средневерхненемецкое стихотворное переложение «Диалога С. и М.»; его жанр в немецкоязычной исследовательской традиции определяется как *Spruchgedicht* («стихотворное сказание», «шпруховая поэма») или *Schwankroman* («шванковский роман»); время создания — последняя четверть XIV в., западносредненемецкий диалектный ареал⁵;

3) “*Salomon und Markolf*” (ок. 1450 г.) — прозаическая переработка латинского «Диалога С. и М.», старопечатные варианты которой получили известность как «народная книга» о С. и М. (подробнее см.: Curschmann 1992c);

4) “*Salomon und Markolf*” — стихотворное переложение латинского «Диалога С. и М.», выполненное Грегором Хайде-ном (Gregor Hayden) на баварском диалекте во 2-й пол. XV в. (подробнее см.: Curschmann 1978);

5) “*Salman und Morolf*” — средневерхненемецкий шпильманский эпос 2-й пол. XII в. (прирейнские земли), имеющий независимое от латинского «Диалога» происхождение и содержание (подробнее см.: Curschmann 1992d);

6) поздние переложения в жанре масленичных игр («фастнахтшпиль») XVI в. (Ганс Фольц, Ганс Сакс, Захария Блетц) (см.: Catholy 1961).

В средневерхненемецком стихотворном сказании (текст № 2 из приведенного списка) прение Соломона и Маркольфа (ст. 119–608) насчитывает 106 пар стихов и, по сравнению с

⁴ Основополагающее критическое издание: Venary 1914; новое издание, в основном, следующее за В. Бенари, с подробным реальным комментарием: Ziolkowski 2008. См. подробнее: Curschmann 1992a.

⁵ Критическое издание: Hartmann 1934. См. подробнее: Curschmann 1992b. Этот текст находится в центре нашего рассмотрения.

пространной латинской версией (140 пар стихов, количественно составляющие почти половину “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*”), представляет собой около четверти шванковского романа (см.: Griese 1999: 154). Немецкий текст характеризует относительно свободная обработка латинской основы, хотя, в целом, немецкий редактор остается близок к латинскому тексту (при этом степень последовательности и свободы обращения с исходным материалом варьируется в разных списках памятника). Некоторые изречения меняют свои места в тексте, объединяются в новые комбинации. С. Гризе отмечает 43 примера использования исходных парных реплик Соломона и Маркольфа, а на этом фоне — по меньшей мере, 25 случаев замены реплики Маркольфа при сохранении исходных реплик Соломона. Ряд сентенций и афоризмов почерпнуты из уже упоминавшейся поэмы Фрейданка «Разумение», остальные могут принадлежать и самому редактору⁶. В целом, Гризе видит в стратегии немецкого редактора стремление усилить живую диалогичность речи репликами, привязанными к конкретной ситуации и конкретным лицам. Так, Соломон обращается лично к Маркольфу, так что словопрение, как кажется, вместо абстрактности приобретает черты конкретности (Griese 1999: 157). Этим вклад немецкого редактора не исчерпывается: Гризе обращает внимание на целые темы, которые он впервые вводит в словопрение, — в частности, тему воровства и наказания воров на плахе. Добавляются примеры из области животного мира с использованием соответствующей метафорики, отчасти в виде пословиц и поговорок. Заметную роль играет общность стихотворной формы в сказании (*Spruchgedicht*) о Соломоне и Маркольфе (четырёхстопные строки с парными рифмами) и в поэме Фрейданка. Само «Разумение», с его многочисленными рядами тематически распределенных сентенций, пословиц и поговорок, служило источником подобного материала для многих средневековых авторов (см. подробнее: Griese 1999: 157–162).

В отличие от нарративной части в композиции латинских и немецких вариантов сказания о Соломоне и Маркольфе, где

⁶ Опираясь на данные Х. Суолахти (Suolahti 1946: 54-55) и комментарий М. Куршманна (Curschmann 1991: 166, прим. 28), Гризе указывает на несколько пар изречений, взятых немецким редактором из латинского текста-источника, но скомбинированных заново (Griese 1999: 156, прим. 55).

представлены диалоги между персонажами, в Прении решительно преобладает другой тип речевого взаимодействия персонажей, который был исключительно популярен в средневековой развлекательной, религиозной и назидательной литературе, — а именно, «диалог», насыщенный формами готовой речи — сентенциями, афоризмами, пословицами, цитатами из Священного Писания. В противопоставлении глубокомысленных изречений Соломона и простонародных народных пословиц Маркольфа, соотносящемся также и с внешним обликом, и с социальным статусом собеседников, В. Ленк усматривал характерный для средневековой словесности прием идеоматической антитетики (Sprichwort-Antithetik): «Библейскому царю, авторитету средневековой духовной жизни, протипоставляется крестьянин-шут, который, представляя собой тип аутсайдера средневекового миропорядка (ordo), выступал в качестве народного героя» (Lenk 1965: 153, прим. 26).

Диалог Соломона и Морольфа в латинском тексте строится, в целом, по единому принципу, а пары реплик повторяют общую схему: Соломон, который выступает в качестве инициатора диспута, или словесного состязания (altriciatio), должен задавать вопросы, а Маркольф — на них отвечать. В случае удачных ответов Маркольфа Соломон обещает щедро его наградить. Как замечает Н. М. Брэдбери, Маркольф сразу же выражает скептическое недоверие по поводу обещанной награды и тем самым не позволяет царю установить правила этой игры — и делает он это тоже при помощи пословицы: Promittit presbyter sanitatem, unde non habet potestatem («Обещает священник здоровье, которым сам распоряжаться не может») (Bradbury 2008: 347). Последующее за этим словопрение характеризуется крайней степенью текстовой открытости; обмен репликами становится «своего рода импровизационной игрой» (Ibid.), а Соломон не устанавливает строгих правил, кроме одного: на каждую его реплику должна последовать ответная реакция, основанная на собственном опыте и суждении о мире: «На самом деле Соломон не задает Маркольфу вопросов в буквальном смысле, выраженном словами «Ego te interrogabo»; вместо этого он произносит длинную серию сентенциозных утверждений, в ходе которых затрагивает большинство основных тем ветхозаветной книги Притчей Соломоновых: мудрость и глупость, брак и женская природа, добро и зло, истина и ложь, воспитание детей, важность хорошей компании, а также преимущества скромности,

умеренности, трудолюбия и принятия [социальных] иерархий. Непростая задача Маркольфа — отвечать на всю эту премудрость. Состязание при помощи пословиц — это наиболее открытая часть произведения, целиком демонстрирующая большое количество *mouvance*» (Bradbury 2008: 348).

В ходе сравнительно-исторического поэтологического и текстологического изучения вариантов сказания о Соломоне и Морольфе собственно Прение традиционно привлекало внимание исследователей, начиная с основополагающей работы Дж. М. Кембла 1848 г., охватывающей древнеанглийский, среднелатинский, старофранцузский и средневерхненемецкий материал (Kemble 1848). Текстологический и композиционный анализ латинского “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” был выполнен автором критического издания В. Бенари 1914 г., причем композиции сентенций было уделено особое внимание (Benary 1914: VII–XIII, XXXVIII). На этой основе Я. М. Желковски, выпустивший современное переиздание «Соломона и Маркольфа», составил подробный филологический комментарий и содержательное толкование каждой реплики Прения (Ziolkowski 2008).

В контексте медиевистической паремиологии среднелатинское Прение проанализировано в специальной статье Брэдбери (Bradbury 2008). В частности, исследовательница обращает внимание на неоднозначность пародийного начала в репликах Маркольфа и на особый стилистический эффект, возникающий в результате соседства его реплик с изречениями Соломона. Если речь Соломона основывается на изречениях библейской книги Притчей Соломоновых, то дерзкие ответы Маркольфа часто обнаруживают параллели в пословицах на народных языках (т. е. тип *proverbia Salomonis* оказывается противопоставлен типу *proverbia rusticorum*): «В отличие от библейской латыни Соломона, язык Маркольфа в состязании изречений изобилует новыми словами и значениями; он регенерирует статичный и стареющий дискурс, подобно тому, как осел удобряет урожай. В средневековых текстах осел и крестьянин часто отождествляются, и, таким образом, этот обмен предлагает символическое оправдание грубости ответов Маркольфа: они показывают ограниченность рассуждения Соломона, напоминая читателю о том, что оно исключает, в первую очередь, принятие падшего, животного тела как парадоксального дарителя жизни» (Brad-

bury 2008: 352)⁷. Особую остроту пародии Маркольфа принимают в тех случаях, когда копируется исходная синтаксическая структура Соломоновых изречений — Брэдбери насчитывает 28 подобных случаев (№ 12, 14, 15, 17, 26, 30–34, 38, 40, 46, 48, 69, 89, 95, 112, 116, 117, 125, 126, 128–32, 138) (Bradbury 2008: 347–348, а также прим. 55). Поляризация словоупотребления проявляется даже в использовании разных морфологических стратегий в репликах соперников: «Соломон говорит, используя императив и юссивный конъюнктив, о том, что люди **должны** делать. Маркольф, противник сентенций, использует изъяснительное наклонение в настоящем времени, чтобы отметить, что они реально **делают**» (Bradbury 2008: 354; ср. Röcke: 113).

В свою очередь, Желковски, характеризуя особенности латинской лексики в репликах Маркольфа, отмечает стремление анонимных составителей «Диалога Соломона и Маркольфа» отразить в лексике особенности устной речи на народном (одном из романских — вероятно, старофранцузском) языке, либо уже существующего в устном бытовании варианта Прения. В частности, он приводит следующий список примеров: «...bergarius (124b “shepherd”), bosa (2.3.7 “cow pie”), brico (2.8.11 “rogue”), carrada (34b “cart load”), cornarius (135b “cuckold”), follus (2b, 115b, epilogue 7, 2.1.1, 2.1.2 “fool”), griseum (2.13.14 “miniver”), ingeniosus (28a and elsewhere “clever”), lassare (125 “to let be”), leccator (2.7.10 and elsewhere “knave”), melius valere (2.4.34 and elsewhere “to count more, be worth more”), merda (10b and elsewhere “shit”), nutritura (2.4.34 and elsewhere “nurture”), pena (78b “effort”), pensare (2.4.6 and elsewhere “to think”), runcare (2.4.4 and elsewhere “to snore”), strontus (31b, 32b, 132b “turd”), sufflare (2.4.24 and 30 “to breathe

⁷ Сходным образом этот стилистически разрыв характеризует Желковски: «Таким образом, стилистический регистр показывает разрыв между торжественной и даже напыщенной стилистикой библейского языка Соломона и низкой и дерзкой приземленностью реплик Маркольфа. В целом, банальности Соломона можно охарактеризовать как благочестивые, тогда как реплики Маркольфа в лучшем случае попадают деревней, а в худшем — скотным двором. Маркольф — сельскохозяйственный рабочий, который переводит каждую свою мысль в термины, благоухающие сельскохозяйственными животными и телесными функциями. Говоря обобщенно, Маркольф овеществляет и одушевляет, тогда как Соломон спиритуализирует. Крестьянин говорит совсем приземленно, упоминая экскременты и метеоризм» (Ziolkowski 2008: 2–3).

deeply”), suppa (91ab “soup”), and varium (2.13.14 “squirrel fur”)» (Ziolkowski 2008).

На игровую составляющую Прения (как тип буффонного прения) обратил внимание М. Ю. Реутин, противопоставляя его, с одной стороны, псевдоученым диспутам («оно не маскируется под загадку»), а с другой стороны, — обрядовым агонам: «...Прение не магично и не онтологично, но сводится лишь к игровым впечатлениям» (Reutin 1996: 80). Речевая стратегия Маркольфа представляет собой травестию — «частный вид обычной пародии» (Ibid.), причем основу комического эффекта создает столкновение инокультурного (библейского и христианского) и изначально языческого, земледельческого культурных компонентов. Таким образом, согласно Реутину, «травестия есть не что иное, как хорошо нам знакомая процедура смыслового роста, которую проходит речевой фрагмент иной культуры, заданный в прении как новая подставная парадигма при традиционной синтагматике» (Reutin 1996: 81). Травестийная игровая процедура в репликах Маркольфа реализуется в двух ходах: 1) объект высказывания в реплике Соломона подменяется иносказанием с использованием сниженной образности (например, «благочестивая жена» соотносится с «кувшином, полным молока»); 2) исходная (тривиальная) библейская мораль преодолевается и отрицается (см.: Ibid.).

Текстовые варианты Прения в немецких переложениях латинского «Диалога Соломона и Маркольфа» были особенно подробно проанализированы в источниковедческом, содержательном, структурно-композиционном и стилистическом отношениях в работах И. Майнерс (Meiners 1967: 134–147) и С. Гризе (Griese 1999: 139–171). Особую ценность для последующих исследований имеет таблица II в работе Майнерс (Meiners 1967: 165–179), в которой приведены все соответствия между латинскими и средневерхненемецкими репликами Прения (в рифмованной версии Spruchgedicht XIV в.), а также указаны старые и новые данные об источниках латинских и немецких сентенций и пословиц. Текстологические расхождения в известных списках стихотворного сказания о Соломоне и Маркольфе приведены как в аппарате издания Хартманна (Hartmann 1934), так и в специальных текстологических исследованиях В. Шаумберга (Schaumberg 1876) и — главным образом — Х. Суолахти (Suolahti 1946). Таким образом, следует констатировать, что вся предварительная работа, служащая условием для собственно лингвистического анализа, уже

выполнена несколькими поколениями филологов. Между тем, последовательный анализ различных редакций и версий Прения с точки зрения особенностей языковой связности (когезии), которая только и может превратить перечень предложений в диалогические единства и комплексы, пока что, насколько мне известно, не проводился.

В центре нашего внимания находится текст Прения в стихотворной средневерхненемецкой версии Сказания о Соломоне и Маркольфе (текст № 2 — Spruchgedicht) на фоне латинского источника (“Dialogus...”). Исходя из того факта, что критически изданный текст, в общих чертах, отражает архетип памятника, подлежавший публичному исполнению и воспринимавшийся слушателями прежде всего в его синтагматическом развертывании, мы будем считать, что конкретный вариант текста должен был восприниматься как формально и содержательно связное и завершённое целое, а не как набор извлечённых из разных собраний разрозненных предложений. Тот факт, что, в первую очередь, составители латинского Прения, а впоследствии также немецкий редактор и компилятор памятника, могли работать с разной степенью последовательности и были не застрахованы от ошибок либо неудачных решений, никак не отменяет «презумпцию» текстовой связности — во всяком случае, в восприятии слушающей или читающей средневековой аудитории. Поэтому целесообразно говорить не о «нулевой», а о «слабой» или «сильной» текстовой связности, или когезии. Важным фактором, дополнительно скрепляющим текст, является его поэтическая форма — четырехстопный размер с попарно рифмованными строками. Наше знание о латинском или средневерхненемецком источниках изречений может лишь служить нам ориентиром для лучшего понимания смысла текста.

Рассмотрим в качестве примера диалогический комплекс (последовательность сентенциальных пар), расположенный в начале текста Прения⁸.

⁸ В скобках после каждого примера указывается номер страницы и строк по изданию Хартманна (Hartmann 1934). Нумерация реплик в круглых скобках отражает только последовательность рассматриваемых здесь примеров. Нумерация латинских реплик в квадратных скобках соответствует нумерации в изданиях Бенари и Желковски. Перевод средневерхненемецких примеров выполнен мною. Филологический комментарий к латинскому тексту Прения см. в издании: Ziolkowski 2008: 103–190.

- (0a) Salomon zu dem manne sprach,
da er sie beide wol besach:
„Du bist so recht von worten rich,
mich duncket gut, daz du und ich
mit worten mit ein **disputieren**.

Kanstu **min frage solvieren**,

ich wil dich riche machen

mit mancher hande sachen!“ (7, 165–172)

*Соломон сказал мужику, / Когда он как следует осмотрел их
обоих: / «Ты настолько богат словами: / мне кажется, что
было бы хорошо тебе и мне подискутировать словами друг с
другом. / Если ты сможешь разрешить мой вопрос, / то я
сделаю тебя богатым / многообразными вещами!»*

Латинская основа:

[3a] Salomon dixit, “Audiui te esse verbosum et callidum, quamvis sis rusticus et turpis. Quamobrem habeamus inter nos **altricationem. Ego te interrogabo, tu vero subsequens responde mihi.**”

[4a] Salomon: “Si per omnia poteris **respondere sermonibus meis**, ditabo te magnis opibus et nominatissimus eris in regno meo.”

В своей начальной реплике Соломон задает правила игры, а также устанавливает характер планируемого речевого взаимодействия с крестьянином Маркольфом: латинскому глагольно-именному сочетанию altricationem habeamus соответствует свн. глагол disputieren. Соломон собирается задавать вопросы (значение действия в латинской фразе Ego te interrogabo в данном случае входит в объем значения глагола disputieren в немецком тексте), на которые Маркольф должен отвечать (respondere sermonibus meis — min frage solvieren).

- (0b) Mar. Iz gelobet mancher gesundekeit,
daz an siner gewelde nit ensteit.

Der ubel singet, der singe an!

Also du tu und kom dar van! (7, 174 — 8, 176)

Маркольф: Кое-кто обещает здоровье, / что не находится в его власти. / Тот, кто скверно поет, тот пусть запекает! / Сделай же так и ты, и начни!

Латинский источник:

[3b] Marcolfus respondit: „Qui male cantat, primus incipit.”

[4b] Marcolfus respondit: “Promittit presbyter sanitatem unde non habet potestatem.”

Ср.: Gesundheit zu geben liegt oft nicht in der Macht dessen, der es verspricht (ThPMA IV, 1.5.3: 442–443).

Немецкая реплика Маркольфа объединяет две его реплики в латинском источнике. Обе сентенции имеют саркастический оттенок и демонстрируют, во-первых, презрение к риторическим способностям собеседника, а во-вторых, сомнение в его способности даровать обещанную награду. Семантическая связь с высказываниями Соломона содержится прежде всего в глаголе *santare*, который травестирует значение лексем *altriciatio* и *interrogare*. Семантика обещания, выраженная будущим временем глагола в реплике Соломона, передается глаголами *geloben* / *promittere*.

(1a) *Sal.* Ich fant daz urteil, daz **zwei wip**
kriegeten umb eins Kindes lip;

– Das ander was da bliben dot —

der muder ich daz zu geben bot. (8, 177-180)

Соломон: Я придумал приговор, когда две женщины / спорили за тело одного ребенка; / — а другой оставался мертвым — / Я предложил его (тело) отдать матери.

Латинский источник: [5a] S: “Bene iudicavi inter duas meretrices que in una domo oppresserant infantem.”

Это первая реплика Соломона в начинающемся «диспуте». Здесь царь ссылается на знаменитый эпизод своего судебного решения в споре двух женщин из-за ребенка: он считает это наиболее значимым эпизодом своей «судейской карьеры».

(1b) *Mar.* Da **vil** kuwe ist, da ist kese **vil**.

Glicher wise ich sprechen wil,

daz **wibe** claffent uzer mazen,

wo sie gent mit ein uff der strazen. (8, 181–184)

Маркольф: Где много коров — там много сыра. / Подобным образом я хочу сказать, / что женщины болтают сверх меры, / когда идут друг с другом по улице.

Латинский источник: [5b] M: “Ubi sunt auce, ibi sunt cause; ubi mulieres, ibi parabole.”

В циничном ответе Маркольфа серьезный спор женщин расценивается как чрезмерная болтовня. При этом женщины образно соотносятся с коровами, а их спор — с получаемым от коров продуктом — сыром. Возникает синтаксически изоморф-

ная оппозиция между следующими предикациями: daz **zwei wip kriegeten** umb eins Kindes lip (1a) — **wibe claffent** uzer mazen (1b).

- (2a) Sal. Got hat mir wisheit geben
vor allen luden, die da leben. (8, 185-186)

Сол.: Бог дал мне премудрость / Предо всеми людьми, что живут сейчас.

Латинский источник: [6a] S: “Dominus dedit scienciam in ore meo, ut nullus sit similis mei in cunctis finibus terre.” (Ср. 3. Reg. 3,12).

Соломон продолжает изрекать фразы, которые вовсе не свидетельствуют о его хвастовстве, а служат для его представления публике.

- (2b) Mar. Wer bose nachgeburen hat,
der lobe sich selber, daz ist mit rat. (8, 187-188)

Мар.: Кто имеет плохих соседей, / тот пусть хвалит самого себя — вот мой совет.

Латинский источник: [6b] M: “Qui malos vicinos habet, ipse se laudat.” (ср.: Kemble 62, Nr. 4).

Тем не менее, Маркольф обвиняет Соломона именно в хвастовстве. Его пословица имеет внешне обобщенный смысл, благодаря относительной конструкции с субъектным придаточным (*wer/der*). Она может быть воспринята как ответ на реплику Соломона только исходя из общего смыслового контекста — и в частности, на характер взаимодействия предыдущей пары реплик.

- (3a) Sal. Der schuldige dicke fluhet,
so nieman jagende nach im zuhet. (8, 189-190)

Сол. Виноватый часто бежит, / когда никто не следует за ним вдогонку.

Латинский источник: [7a] S: “Fugit impius, nemine persequente” (Ср.: Prov. 28,1 «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев»).

- (3b) Mar. Wer sich beschizet mit schalle,
der forchtet, die lude riechen iz alle. (8, 191-192)

Мар. Кто обделывается с (громким) звуком, / тот боится, что все люди будут это нюхать.

Источником ответной реплики должна была быть пословица: [7b] M: “Quando fugit capreolus, albicat eius culus.” Однако

немецкий перевод этого ответа содержится в другом месте Прения! Если допустить, что немецкий редактор не допустил здесь ошибки, а действовал сознательно, то на создание скатологической реплики Маркольфа должно было повлиять одно лишь латинское существительное *culus*. Однако семантическая связь в немецком тексте между глаголом *fliehen* (спасаться бегством) и обценным глаголом *sich beschizen* вполне очевидна.

(4a) Sal. **Ein gut wip und schone**,
die ist ires mannes krone. (8, 193-194)

Сол.: *Добрая и красивая жена — / это украшение ее мужа.*

Латинский источник [8a] S: “Mulier bona et pulchra ornamentum est viro suo.” (Ср.: Prov. 12,4 «Добродетельная жена — венец для мужа своего; а позорная — как гниль в костях его»).

Смысл этой реплики никак не связан с предыдущей парой. Соломон начинает произносить мудрые изречения из общего списка без обязательной смысловой последовательности. Тем не менее, здесь открывается тема, занимающая значительное место не только в Прении, но и во всем тексте Сказания, — спор о достоинствах и пороках женщин. Соломон в большинстве случаев восхваляет добродетельных женщин, а Маркольф парирует его позитивные высказывания женоненавистническими репликами.

(4b) Mar. **Ein doppen mit milch fol**
Sal man huden vor den katzen wol. (8, 195-196)

Мар.: *Миску, наполненную молоком, / следует хорошенько стеречь от кошек.*

Латинский источник: [8b] M: “Olla plena de lacte bene debet a catto custodiri.”

Здесь мы наблюдаем знаменитый пример маркольфовой травестии, в которой высокая мораль преодолевается при помощи образности, обесценивающей высокий пафос исходного изречения. При этом соотносятся между собой только логические объекты высказываний («добрая жена» — «миска с молоком»), но без предикации; синтаксический параллелизм в репликах отсутствует.

(5a) Sal. **Ein gut wip** sanffte gemut,
die ist uber alles gut. (8, 197-198)

Сол.: *Добрая жена с нежной душой, — / Она превыше всякого имущества.*

Латинский источник: [9a-1] S: “Mulier bona super omnia bona...”

Продолжение «женской» темы, начатой в предыдущей паре реплик.

(5b) Mar. Beginnet **sie** dich **schelden**,
du salt sie **loben selden**. (8, 199 — 9, 200)

Мар.: *Когда она начнет тебя ругать, / ты будешь редко ее хвалить.*

Латинский источник: реплики Соломона с таким смыслом в «Диалоге С. и М.» нет, однако существует близкая сентенция в книге Притчей Соломоновых: Prov. 25,24 «Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме».

В немецком тексте Маркольф «подхватывает» подлежащее *wir* из реплики Соломона и использует в качестве «темы» в новой тема-рематической цепи. Предложение “die ist uber alles gut” характеризуется как похвала, причем в негативном контексте, — отсюда следует совет «редко ее хвалить»: *du salt sie loben selden*.

(6a) Sal. **Eime bosen wibe** mag nit glichen
mit bosheit in allen richen. (9, 201-202)

Сол. *Со злой женой ничто не может сравниться / в злобе во всех царствах.*

Латинский источник: [9a-2] “...mulier mala super omnia mala.
Mulier mala nec defuncta credatur.”

Немецкий редактор разбивает исходную реплику Соломона [9a] на два самостоятельных высказывания и размещает в разных, но соседних парах. Таким образом обеспечивается не только смысловая целостность (когерентность) двух соседних диалогических пар, однако исходный синтаксический параллелизм обоих Соломоновых предложений оказывается утрачен. Однако основная причина выделения негативного высказывания царя Соломона о женщинах в отдельную реплику становится очевидной из ответа Маркольфа.

(6b) Mar. Stirbet **sie**, so brich ir die bein
und lege uff sie einen grozen stein.
Dan noch mastu (*sic!*) sorge han,
sie sulde wider uff stan. (9, 203-206)

Мар.: Когда она умрет, то сломай ей ноги / и положи на нее большой камень. / Даже тогда ты должен беспокоиться, / как бы она снова не встала./

Латинский источник: [9b] M: “Frange illi ossa et mitte in fossam, tunc ioca securus de morte eius!”

Связность обеих реплик обеспечивается общим логическим объектом действия — злой женой, которой Маркольф предлагает переломать кости после смерти.

- (7a) Sal. Daz wise wip buwet huse wider.
Die dorichte fellet sie dar nider. (9, 207–208)

Сол. Мудрая жена воздвигает хоромы. Глупая их разрушает.

Латинский источник: [10a] S: “Sapiens mulier edificat domum suam, insipiens vero extructam destruet manibus.” (Ср. Prov. 14,1 «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками»).

- (7b) Mar. Der kauff enwart nie glich
uff erden noch in himmelreich. (9, 209–210)

Мар. Сделка никогда не была равной / ни на земле, ни на небе.

Несмотря на карнавальную непристойность ответа Маркольфа в латинском «Диалоге» немецкий редактор заменил его на маловыразительное высказывание о «сделке» — по-видимому, имеется в виду женитьба. Ср.: [10b] M: “Olla bene cocta melius durat, et qui merdam distemperat merdam bibit.”

- (8a) Sal. Ein schones wip wol gekleidet
dicke irme manne freude bereidet. (9, 211–212)
[11a] S: “Mulier timens deum ipsa laudabitur.”

Сол. Красивая жена, хорошо одетая, / часто доставляет радость своему мужу.

Реплика Соломона представляет собой простое предложение, содержащее позитивное суждение о «красивой жене». Эта фраза является идеальным объектом для травестики.

- (8b) Mar. Eine katze, die schonez fell dreit:
des belzers herze dar nach steit. (9, 213–214)

Мар. Кошка, которая носит красивую шкуру, — / сердце скорняка расположено к ней.

Латинский источник: [11b] S. “Cattus cum bona pelle ipse exoriabitur.”

В ответе Маркольфа происходит иносказательное соотношение жены с кошкой. Однако вопреки ожиданиям, редактор не использует предоставляемой источником возможности реализовать синтаксический параллелизм — вместо этого вводится анаколупф — очевидно, в качестве имитации просторечия персонажа. Более того, вместо жесткого сарказма появляется скорее легкая ирония: «красивая жена» в роли «кошки» оказывается подвержена серьезной опасности для жизни. Здесь высмеивается не столько женщина, сколько «снижается» и развенчивается любовное влечение мужчины. Именно муж соотносится с фигурой скорняка.

- (9a) Sal. Geselle, du salt mir sagen,
des ich dich in ernste fragen:
Wo findet man **ein wip stark und stede**,
die um kein gut **missedede**? (9, 215-218)

Сол. Приятель, ты должен мне поведать / то, о чем я спрашиваю всерьез: / где сыскать человеку жену сильную и постоянную, / которая не согрешит ради никакого блага?

Латинский источник: [13a] S: “Mulierem fortem quis inveniet?” (Ср.: Prov. 31,10 «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов»).

- (9b) Mar. Obe mir **ein katze** vil eide dede,
sie enwolde fru oder spede
der milch nit bekorn,
gleubete ich ir, iz wer verlorn. (9, 219 — 10, 222)

Мар. Если бы кошка дала мне много клятв, / что она рано или поздно / не соблазнится молоком, / то если бы я ей поверил, то проиграл бы.

Латинский источник: 13b M: “Quis cattum super lac fidelem reperiet?”

Реакция Маркольфа строится схеме по несколько иной, хотя и схожей с предыдущей. «Жена сильная и постоянная» так же соотносится с образом кошки. При этом Маркольф уже не спорит с Соломоном, а лишь представляет в более резком свете его основную мысль: постоянная жена не просто редко встречается на свете. Сама возможность быть постоянной ставится под сомнение: постоянство и верность так же не свойственны природе, как кошка, не любящая молоко. Интересно также соотношение доминирующих модальностей: вопросительному предложению в реплике Соломона соответствует сложноподчиненное предложение с придаточным условия и семантикой

возможности в главном предложении. Это не соответствует вопросительной интонации латинской реплики Маркольфа, которая, в отличие от немецкой, в большей степени изоморфна высказыванию Соломона.

(10a) Sal. Wiltu bi eren verbliben,

So kere din sin von schelden wiben! (10, 223-224)

Сол. Если ты хочешь сохранить честь, / то отвори ум твой от сварливых жен!

Латинский источник: [15a] S: “Subtrahe pedem tuum a muliere litigiosa!” (Ср. Prov. 21,9 «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов»; так же и 25,24).

(10b) Mar. Die fetten wip, die fistent sere;

Dine nasen von irme loche kere! (10, 225-226)

Мар. Жирные бабы — они пердят сильно; / отворачивай свой нос от их ануса!

Реплика Маркольфа содержит две исходные реплики этого же персонажа в латинском «Диалоге»:

[14b] M: “Mulier pinguis et grossa est largior in dando iussa.”

[15b] M: “Subtrahe nasum tuum a culo iussoso!”

Здесь средством связности между репликой Соломона и ответом Морольфа служит общая восклицательная интонация и императивные формы предикатных глаголов. Более того, используется один и тот же глагол *keren* с управлением «von + объект в дативе», благодаря которому оказываются напрямую соотнесены управляемые им дополнения: «сварливые жены» и их «анус» — явная синекдоха (*pars pro toto*). В качестве новой «информации» в высказывании Маркольфа выступает скатологическая характеристика сварливых жен.

(11a) Sal. Wer da bosheit sewet,

mit rechte er alle bosheit mewet. (10, 227-228)

Сол. Кто сеет зло, / тот по праву пожнет всяческое зло.

Латинский источник: [17a] “Qui seminat iniquitatem, metet mala.” (Ср.: Prov. 22,8 «Сеющий зло пожнет зло»).

Данная сентенция никак не связана по смыслу с предыдущими, если только не предположить, что Соломон обращает ее непосредственно к Маркольфу. Однако реальных оснований для такого предположения нет.

(11b) Mar. Wo ein man sewet kabe,
der enmewet nit dan gestuppe darabe. (10, 229-230)

Мар. Если некто сеет мякину, / тот не пожнет с этого ничего, кроме пыли.

Латинский источник: [17b] M: “Qui seminat paleas metet miseriam.”

Здесь Маркольф полностью копирует синтаксическую и семантическую структуру исходного высказывания — сложно-сочиненное предложение с условно-субъектным придаточным, оформляющее обобщенное высказывание, которое ориентировано на соотнесение двух предикативных ситуаций по принципу: действие и каузируемый им результат. Высказывание Маркольфа уже не содержит критики Соломонова изречения, а лишь переводит его из плана теоретической абстракции в конкретный мир сельскохозяйственного обихода.

(12a) Sal. Wer da steit, der hude sich wale,
daz er icht nider falle zu dale. (10, 231-232)

Сол. Тот, кто тут стоит, тот пусть остерегается хорошенько, / чтобы не упасть вниз в долину.

Латинский источник: [18a] S: “Qui stat videat ne cadat.” (ср.: 1 Cor. 10,12).

Эта сентенция имеет форму охранительного совета (что человеку следует сделать, чтобы не стало хуже), поэтому ее можно соотнести по смыслу с предыдущим высказыванием (11a).

(12b) Mar. Man beset zu spade daz kloz,
so der fuz gewinnet den stoz. (10, 233–234)

Мар. Человек слишком поздно замечает бугорок, / когда стопа спотыкается.

Латинский источник: [18b] M: “Qui offendit pedem respicit ad lapidem.”

Как и в предыдущем примере (11b), Маркольф переводит смысл сентенции своего собеседника в сферу бытовой конкретики — в данном случае, используя пословицу. При этом синтаксическая симметрия, присутствующая в латинском «Диалоге», в немецкой обработке утрачивается.

(13a) Bi wilen wirt der hunt geslan
umb daz der lewe hat gedan. (10, 235–236)

Сол. Иногда собаку убивают / за то, что сделал лев.

Пословица, вложенная в уста Соломона, не имеет источника в латинском «Диалоге». Не связана она по смыслу и с предшествующей репликой Соломона.

(13b) Wan dem **wibe** ein fist engeit

Iren hunt sie darumb sleit

Und spricht: „Wol hin du sist verwazen,
du hast hinden abe gelazen.“ (10, 237-140)

Мар. Когда из жены (бабы) выходит ветер, / она бьет за это свою собаку / и говорит: «Куда тебя унесло, / ты сзади обделалась». (См. сравнительный материал в: Kemble 1848: 57, п. 14).

Реплика Маркольфа прямо реагирует на паремию Соломона. При этом конструкция с безличным пассивом “wirt der hunt geslan” обыгрывается при помощи ее перевода в активный залог и добавления субъекта действия — а именно, женщины (sie / [daz wip]). Далее количественная симметрия нарушается из-за добавления двух строк с непристойной речью жены, бьющей собаку. Становится ясно, что реплика Соломона вставлена в текст только ради возможности ввести именно такой ответ Маркольфа.

В дополнение рассмотрим еще несколько примеров обмена репликами, содержащих признаки исключительно сильной когезии, возникающей благодаря сигналам непосредственной реакции собеседников на речь друг друга.

(14a) Sal. Du engesehe nie hoher berge dri,
da enweren ie grunde bi. (14, 317–318)

Сол. Ты не увидишь никогда таких трех гор, / рядом с которыми не было бы пропастей.

Латинский источник: [48a] “Inter duos montes unam vallem reperies.” (ср.: Si mons sublimis, profundior est tibi vallis, Kemble 1848: п.33).

(14b) Mar. Die rede weiz ich selber wal:

so hoher berg, so diefer dal.

Daz versuchen duchte mich unnutze:
des scheiz ich in die dieffen putze. (14, 319-322)

Мар. Эту речь я сам хорошо знаю: / чем выше гора, тем глубже дол. / Испытывать это кажется мне ненужным: / поэтому я сру в глубокую лужу.

Латинский источник: [48b] M: “Inter duo femora magna sepe latet vulva.”

Маркольф дает прямую отсылку на реплику Соломона, притворяясь, что соглашается с ним: *Die rede weiz ich selber wal*. Точкой референции становится «речь», т.е. само высказывание. Самое интересное в этом ответе — то, что содержание немецкой реплики, как представляется, менее обценно, чем латинской. Впрочем, перевод латинской реплики [49b] также присутствует в немецком тексте, но в другом месте (13, 299–300).

Следующие два примера также показывают «сильную» когезию между репликами оппонентов: ответ Маркольфа «цепляется» за то или иное семантически нагруженное слово в высказывании Соломона и «разворачивает» его в сторону нового смысла. При этом сам Соломон обращается к Маркольфу напрямую, во 2-м лице.

- (15a) Sal. Ich **fochte**, ich verliese daran,
daz ich dich nit gezuchten kan. (19, 427-428)

Сол. Я боялся, что проиграю от того, / Что не могу тебя воспитать.

- (15b) Mar. **Fochtestu dich beschizen** doch,
so stecke ein wusche in din loch! (19, 429-430)

Мар. Если ты всё же боишься обосраться, то вставь пучок волос себе в анус.

Маркольф придирается сразу к двум глаголам в реплике Соломона: *fochten* («бояться»: его он и повторяет) и *gezuchten* («воспитать»): последний глагол он в своем ответе заменяет на обценный глагол *sich beschizen*.

- (16a) Sal. Senffte wort brechent **zorn**,
daz fruntschaff selden wirt verlorn. (19, 431-432).

Сол. Мягкие слова усмиряют гнев, / так что дружба редко утрачивается.

Латинский источник: [107a] S: “Sermo mollis frangit iram, sermo durus suscitatur furorem.” (Ср. Prov. 15,1 «Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость»).

- (16b) Mar. **Zorn** machet grae hare.
Der ars forzet, daz ist ware. (19, 433 — 20, 434)

Мар. Гнев делает волосы седыми. / Задница пердит — это правда.

Латинский источник: [107b] M: “Irasci cui non potes, **nec finge te quasi noceas!**” Вторая часть латинского предложения в

немецкой переработке устраняется, а вместо нее вводится никак не связанное с ней по смыслу предложение скатологического характера.

Прение завершается тем, что Соломон — очевидно, устав от изворотливости и многословия Маркольфа, — прекращает состязание и объявляет, что не хочет с ним «болтать» (klaffen — вместо глагола disputieren, который он употребляет до «игры»). Тем самым, он проигрывает спор:

- (17) Sal. Ich enkan dir nit gesan,
daz du din unhubscheit wollest lan.
Des enwill nit mit dir klaffen;
ich bevele dich den affen. (27, 601–604)

Сол. Я не могу тебе повелеть, / чтобы бы ты отказался от своей некуртуазности. / Поэтому я не хочу с тобой болтать; / Я передаю тебя обезьянам.

Итак, как показывает последовательный анализ даже относительно короткой партии парных реплик Соломона и Маркольфа, диалог, составленный, в основном, из готовых предложений и пословиц, функционирует не хуже диалога «естественного», основанного на взаимном реагировании участников беседы на речевые стимулы в репликах оппонента. Этот эффект достигается во-первых, с помощью общей поэтической организации текста, а во-вторых, благодаря грамматическим и лексическим средствам, обеспечивающим формальную текстовую связность (когезию). Эта связность может быть «сильной» за счет пародийного копирования синтаксической структуры исходного высказывания царя Соломона в ответах шута при явной смысловой трансформации первоначального смысла. Она может быть также и «слабой», когда синтаксические и семантические структуры двух соседних пар реплик (диалогических микрокомплексов) не обнаруживают эксплицитной языковой соотнесенности друг с другом и даже смысловой целостности (когерентности). В этом случае целостность звеньев диалогической цепи восстанавливается в рамках общего контекста Прения.

Литература

- Bakhtin, M. 1990 (1965): *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa*. [The work of François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow.

- Бахтин, М. 1990 (1965): *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Москва.
- Benary, W. 1914: *Salomon et Marcolphus. Kritischer Text mit Einleitung Anmerkungen, Übersicht über die Sprüche, Namen- und Wörterverzeichnis. (Slg. mlat Texte, Bd. 8)*. Heidelberg.
- Bezenberger, H. E. 1872: *Fridankes Bescheidenheit*. Halle.
- Bradbury, N. M. 2008: *Rival Wisdom in the Latin Dialogue of Solomon and Marcolf*. In: *Speculum*. Bd. 83, 331–365.
- Catholy, E. 1961: *Das Fastnachtspiel des Spätmittelalters. Gestalt und Funktion*. Tübingen.
- Curschmann, M. 1978: *Hayden, Gregor*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 3, Spp. 563–564.
- Curschmann, M. 1992a: *Dialogus Salomonis et Marcolfi*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 80–86.
- Curschmann, M. 1992c: *Salomon und Markolf. (Volksbuch)*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 535–542.
- Curschmann, M. 1992d: *Salman und Morolf*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 515–523.
- Curschmann, M. 1991: *Marcolfus deutsch*. In: *Kleinere Erzählformen des 15. u. 16. Jhd. (Fortuna vitrea. Bd. 8)*. Hrsg. v. Walter Haug und Burghart Wachinger. Tübingen, 151–239.
- Curschmann, M. 1992b: *Salomon und Markolf. (Spruchgedicht)*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 530–535.
- Griese, S. 1999: *Salomon und Markolf — Ein literarischer Komplex im Mittelalter und in der fruhen Neuzeit: Studien zu Überlieferung und Interpretation*. Tübingen.
- Hartmann, W. 1934: *Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf*. Hrsg. von W. Hartmann Bd. 2: *Salomon und Markolf. Das Spruchgedicht*. Halle.
- Hattemer, H. 1849: *Denkmahle des Mittelalters: St. Gallen's alteutsche Sprachschätze. Bd. 2. Notker's des Teutschen Werke*. Sankt Gallen.
- Kemble, M. 1848: *The dialogue of Salomon and Saturnus, with an historical introd.* London.
- Lenk, W. 1965: *Zur Sprichwort-Antithetik im Salomon-Markolf-Dialog*. In: *Forschungen und Fortschritte*. Bd. 39 (65), 151–155.
- Meiners, I. 1967: *Schelm und Dümmling in Erzählungen des deutschen Mittelalters*. München, Beck.
- Reutin, M. 1996: *Narodnaya kul'tura Germanii. Pozdneye Srednevekov'ye i Vozrozhdeniye [German Folk Culture. Late Middle Ages and Renaissance]*. Moscow.
- Реутин, М. 1996: *Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение*. Москва.

- Schaumberg, W. 1876: *Untersuchungen über das deutsche Spruchgedicht 'Salomon und Morolf'*. In: *PBB*. Bd. 2, 1–63.
- Suolahti, H. 1946: *Das Spruchgedicht von Salomon und Markolf*. Helsinki.
- ThPMA IV, 1996: *Thesaurus Proverbiorum Medii Aevi*. Bd. 4. Erbe — freuen. Berlin; New York.
- Wesselowsky, A. 1872: *Slavyanskije skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morolfe i Merline* [*Slavic tales of Solomon and Kitovras and Western legends of Morolf and Merlin*]. St. Petersburg.
- Веселовский, А. 1872: *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине*. Санкт-Петербург.
- Ziolkowski, J. M. 2008: *Solomon and Marcolf*. (*Harvard Studies in Medieval Latin*, 1). Cambridge, Mass.

Н. В. Брагинская
РГГУ/ВШЭ, Москва, Россия. 1satissuperque@gmail.com

КАК ЗВАЛИ РАССКАЗЧИКА-ОЧЕВИДЦА В «PASSIO PERPETUAE ET FELICITATIS»?

*Der Schriftsteller — und es ist einer von den grossen
— nennt sich nicht; er will hinter dem Stoff verschwinden
und fühlt sich nur als Werkzeug des Geistes.*

R. Reitzenstein, 1913.

Важную роль в отождествлении анонимного Рассказчика играет странная фраза, начинающая, по нашему мнению, повествование о событиях на арене с обсуждения прав повествователя на эту его роль. Однако в дошедшем до нас тексте она находится не на своем месте. Проведенная нами реконструкция первоначального состава *Passio* позволяет указать, где и какими словами, начинается текст Рассказчика.

Согласно этой реконструкции, к первоначальной версии *Passio*, сложенной из документов разного происхождения, относятся четыре части: первые две явно предваряют последующие, а последующие две откликаются на предшествующие и подхватывают их темы и последние слова. Первая часть вступления Очевидца (*Pass. Perp XVI.1*) отвечает на общую рекомендацию *Пролога*: для созидания церкви и человека записывать «новые свидетельства веры» (*nova documenta [fidei]*), или: «новые пророчества ... и новые видения» (*prophetias ... et visiones novas*) (*Pass. Perp I.1; 5*), так же как были записаны в Священном Писании пророчества древние. А вторая часть вступления сообщает, что автор берет на себя поручение, помещенное в конце *Записок* Перпетуи: дописать именно ее *Записки* как такие *documenta fidei*.

Таким образом, связностью и когерентностью обладает такой первоначальный состав: *Пролог* (I.1–6), *Записки* (III.1–10.15), *Рассказ Очевидца* (XVI.1, XIV.2–3, XV.1–6 — XXI.10), *Эпилог* (XXI.11). Дошедший до нас текст ориентирован на аудиторию вне Карфагена и включает также *Видение* Сатура, поясняющую главу 2 и целый ряд вставок и пояснений между *Прологом* и *Записками*, *Записками* и *Видением* Сатура, *Видением* Сатура и *Рассказом* Очевидца.

Анонимный Рассказчик, описавший события в тюрьме и на арене амфитеатра в Карфагене, где *ad bestias* в 203 г. были брошены четверо христиан, оставил в тексте ряд косвенных «улик», указывающих на одного из тех, кто был очевидцем событий, как на автора текста. Выявленная нами «стратегия» именованности и анонимности героев повествования делает указание имени интересующего нас персонажа

исключительным, аномальным. Вступительные слова очевидца мученичества выдают внутренний конфликт человека, избавленного волей случая от растерзания зверьми вместе с братьями и сестрами во Христе. Он ищет Божий промысел в своем избавлении и отождествляет позволение выжить как выражение «воли Святого Духа» (*permissit et permittendo voluit*) взять на себя описание мученичества. По «апологии выжившего» и другим «улика», оставленным анонимным автором, мы и обнаруживаем в тексте его сфрагиду.

Ключевые слова: «Страсти Перпетуи и Фелицитаты», первоначальный состав *Passio*, дошедший до нас второй состав *Passio* для внешнего мира, апология выжившего как «улика» и сфрагида Рассказчика-Очевидца.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44147 («Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников: перевод латинской и греческой версий произведения, сопровождаемый подробным научным комментарием, экскурсами в богословскую, историческую, литературоведческую проблематику текстов»). Приношу искреннюю благодарность всем участникам проекта (А. И. Шмаина-Великанова, П. Н. Лебедев, О. И. Ярошевская, †А. Н. Грешных, Т. А. Михайлова, М. С. Касьян, В. В. Степанов, С. Н. Давидоглы, С. В. Федорова) за ценную критику данной работы. В статье цитируется наш общий, не изданный перевод, не принявший еще окончательного вида.

N. V. Braginskaya

Russian State University for the Humanities/NRU «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia. lsatissuperque@gmail.com

What was the name of the Eyewitness and Narrator in the «*Passio Perpetuae et Felicitatis*»?

The key role in establishing the identity of the anonymous Narrator plays a strange phrase that, in our opinion, begins the narrative of events in the arena with a discussion of the Narrator's rights to his role. However, the phrase is not in its place in the text that has reached us. Our reconstruction of the original set of the documents included into *Passio* allows us to indicate the beginning of the composition by Narrator, and what his first words were about.

According to our reconstruction, the original version of *Passio*, compiled from documents of various authors, includes four parts: the first two clearly precede the subsequent ones, and the two ensuing respond to the preceding ones and pick up their themes and last words. The first part of the introduction of the Witness (*Pass. Perp* 16.1) responds to the general recommendation of the Prologue: for the building up of the church and man (*Pass. Perp* 1.3; 5) to record new documents (of fidelity and believing) and new prophecies and visions, just as ancient prophecies in the Scripture.

And the second part of the introduction informs us that the author takes upon himself the commission placed at the end of the Notes of Perpetua: to complete exactly her Notes as exactly such *documenta fidei*.

The original composition is thus coherent and consistent: the Prologue (1.1–6), the Notes (3.1–10.15), the Story of the Witness (16.1, 14.2–3, 15.1–6 — 21.10), the Epilogue (21.11). The extant text, aimed, as we suggest, at an audience outside Carthage, also includes the Vision of Satur, explaining Ch. 2, and a number of inserts and explanations between the Prologue and the Notes, the Notes and the Vision of Satur, the Vision of Satur and the Eyewitness Account plus the Epilogue.

The anonymous Narrator, who described the events that took place in the prison and in the arena of the amphitheater in Carthage, where four Christians were executed in 203 CE, left a number of indirect “clues”. They point to one of those who had watched the events as to an author of the text. The “strategy” of naming and anonymity of the characters in the narrative that we have identified makes the indication of the name of the person of interest to us exceptional, anomalous. In addition, the opening words of the eyewitness betray an inner conflict of a man saved by chance from being mauled by beasts along with his brothers and sisters in Christ. He seeks God's Providence in his rescue, and identifies the “permission” to survive and the will of the Holy Spirit to burden him with writing down the story of the martyrdom. Thanks to “survivor's apologia” and other “clues” in the story we find the author's sphragida in the text.

Keywords: The Passion of Perpetua and Felicity, reconstruction of the original set of documents, the survived second set for the outside world, beginning of the Eyewitness story, survivor's apologia as «clue» to disclose a sphragida of the Eyewitness Narrator.

1. Реконструкция первоначального состава «Страстей Перпетуи и Фелицитаты» и первых слов Рассказчика-Очевидца

Написанные на латинском языке и переведенные позднее на греческий «Страсти Перпетуи и Фелицитаты и с ними пострадавших» (Карфаген, 203 г. н. э., далее «Страсти...»)¹ состоят из нескольких частей, только две из которых имеют не анонимных авторов: *Записки* Перпетуи и *Видение* Сатура². Вопрос о том,

¹ Об исходном языке «Страстей...» см. Mazzucco 2018.

² Впрочем, свои имена как авторов ни Перпетуя, ни Сатур сами не объявляют. Перпетую называют в ее тексте другие персонажи, Сатура никто в его *Видении* по имени не называет. О том, что они авторы — сообщает некий составитель в связующих фразах. Можно предположить, что и Перпетуя и Сатур не сомневались, что их читатели сами знают, без надписаний, кому принадлежат сочинения, которые они передавали из тюрьмы на волю. Впоследствии при распространении

сколько соавторов было у Перпетуи и Сатура, обсуждается нами в отдельной статье, в которой мы выделяем еще минимум три авторских голоса, возражая при этом наиболее распространенному мнению о том, что *Пролог*, *Эпилог*, и *Рассказ* очевидца о мученичестве, как и роль составителя целого с необходимыми вставками и связками частей принадлежат одному и тому же человеку, именуемому Редактором. Мы усмотрели разительные отличия в языке и стиле, в дистанции по отношению к событиям, а также в том, в сколь различной перспективе видят прославляемых мучеников авторы *Пролога* / *Эпилога* и *Рассказа* о событиях на арене, и где в тексте перед нами Редактор-Составитель³.

Существование Повествователя, или Рассказчика, как самостоятельной анонимной фигуры отличной от автора *Пролога* и *Эпилога* признают некоторые комментаторы и авторы, пишущие о нашем памятнике. Например, Хеффернан замечает между делом о том, что Редактор и автор *Пролога* и *Эпилога* — разные персоны, оставляет и того и другого безымянными (Heffernan 2012: 3, 147).

Исходя из сказанного, мы реконструируем первоначальный состав «Страстей...», опираясь на критерий связности частей, во-первых, и неестественность именно таких связей внутри текста одного человека, во-вторых. *Пролог* явно предваряет *Записки* Перпетуи тем, что говорит о новом пророчестве и его поучительности и роли в строительстве церкви. Но он предваряет и *Рассказ* Очевидца тем, что призывает записывать документы веры для созидания человека и церкви, так как чтение подобных рассказов о примерах веры содержат как бы их воспроизведение (repraesentatio) и о том, что знакомым с событиями, напомним о них, а незнакомым позволит вступить в общение с мучениками, а через них с самим Иисусом Христом

текста по миру и расширению круга читателей потребовалось указание имен.

³ См. об этом Braginskaya; Lebedev 2023. Мы пересмотрели также число мучеников, восстановив исходный текст гл. 19.3 и обнаружив, что Revocatus — это не имя отдельного человека, но прозвище, агномен, Сатурнина, см. Braginskaya 2022. В дальнейшем мы будем без специальных оговорок исходить из того, что на арене были казнены четверо: Вибия Перпетуя, Фелицитата, Сатур и Сатурнин Ревокат, а до того в тюрьме был убит Секундул.

(I. 1 и 6)⁴. В *Эпилоге* автор откликается на темы своего собственного *Пролога*, практически повторяя свои слова о чтении примеров веры для созидания Церкви, о пророчествах как проявлениях силы Святого Духа и прославляет мучеников, описание подвигов которых только что закончилось, начиная с восклицания: «O fortissimi ac beatissimi martyres!» В свою очередь Очевидец подхватывает дважды повторенные в *Прологе* слова о силе Святого Духа, который подает мученикам дары пророческого дара (I. 6).

Завершается *Пролог* словами: «И вот то, что мы услышали, <увидели> и к чему прикоснулись, возвещаем и вам, братья и чада, чтобы те из вас, кто был при этом, вспомнили славу Божию, а те, кто сейчас, внимая [<чтению>] об этом, узнаёт, получили общение со святыми мучениками и через них — с Господом нашим *Иисусом Христом*, Кому слава и честь во веки веков. Аминь». После этого для тех, кто собрался в день ли поминования мучеников или в другой день, чтец приступает к *Запискам* Перпетуи.

В свою очередь Перпетуя заканчивает свои *Записки* словами: «Я писала это вплоть до кануна игр. А что будет на самих играх, если кто пожелает, пусть опишет» (Ho[sic] usque in pridie muneris egi; ipsius autem muneris actum, si quis voluerit, scribat. X. 15). На них Рассказчик отзывается пассажем, начинающимся с Quoniam ergo (XVI. 1), т. е. «Итак, поскольку...». Однако в ныне существующем тексте, поддержанном всеми 9-ю средневековыми рукописями и греческим переводом, эти слова никакого итога не подводят и вывода никакого не делают.

Мы полагаем (и в этом не одиноки), что *Видение* Сатура⁵, как и связующие информативные вставки между частями, были добавлены к тексту, который состоял из *Пролога*, *Записок* Перпетуи, *Рассказа* Очевидца и *Эпилога*. Никаких поясняющих вставок в нем не было, так как в Карфагенской общине в целом

⁴ Был ли очевидцем также и автор *Пролога*? Он явно относит себя к поколению «братьев», старших, однако, перефразируя 1 Ин 1:1–3 (ср. Ин 19:35) о том, что слышали видели, рассматривали и что руки осязали (audivimus — vidimus — contrectavimus), автор латинского текста опускает именно vidimus, что греческий перевод восстанавливает, следуя оригиналу 1 Ин 1:1–3.

⁵ Я. Бреммер не исключает даже отдельного издания *Видения* Сатура (Bremmer 2017: 440).

знали, о чем и о ком идет речь: они собрались помянуть и почитать своих местных святых мучеников.

Примерно так формировались и Акты Киприана Карфагенского, но в этом случае сохранились обе редакции, которые отличаются по составу. В 1-й редакции сообщается о событиях 258 г., о возвращении Киприана из ссылки, о вынесении ему смертного приговора и о его казни 14 сентября. Эта редакция составлена вскоре после событий и адресована христианам Карфагена, для которых Киприан был знатный человек и уже 10 лет их епископ. Вторая редакция добавляет рассказ о суде и приговоре к ссылке в 257 г. и о повторном аресте. Эта редакция, по Бастиансену по крайней мере, предназначалась для христиан вне Карфагена. Естественно, что именно предназначенный для рассылки текст получал более широкое распространение (Bastiaensen et al. (eds.) 1987: 197–202).

В нашем случае сохранилась, видимо, только «вторая» редакция. В имеющихся рукописях и в научных изданиях после *Записок* в рукописях следует не рассказ об играх, а *Видение Сатура* (глл. XI–XIII), добавленное тем, кто, и предварил его словами: *Sed et Satorus benedictus hanc visionem suam edidit, quam ipse conscripsit* («Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное». XI.1) и завершил словами: *Haec visiones insigniores ipsorum martyrum beatissimorum Saturi et Perpetuae, quas ipsi conscripserunt* («Таковы необыкновенные видения сих блаженнейших мучеников Сатура и Перпетуи, ими самими записанные». XIV.1). Такими же словами предваряются *Записки* Перпетуи, вместо того, чтобы просто следовать за *Прологом*: *Haec ordinem totum martyrii sui iam hinc ipsa narravit, sicut conscriptum manu sua et suo sensu reliquit* (Дальше идет уже ее собственное изложение всего мученичества по порядку, как сама она его оставила, записав собственноручно и по своему разумению. II. 3). *Рассказ* же о происходившем в тюрьме и на арене амфитеатра идет следом и занимает почти целиком главы XIV–XXI. При этом, мы считаем, что начало повествования приходится в XVI. 1, а XIV и XV дополненные вставками в начале и конце (XIV. 1 и XV. 7) перемещены со своего места где-то после XVI 1.

Иными словами, в дошедшем до нас тексте, видимо, произошел какой-то сбой⁶.

⁶ О нарушении в порядке следования глав в рукописной традиции см. в нашей статье Braginskaya, Lebedev 2023. Очевидно порядок следова-

Хотя исходное место гл. XIV. 2–3 и XV. 1–6 в *Рассказе Очевидца* неочевидно, мы полагаем, что упомянутые главы должны находится между нынешним вступлением (гл. XVI) и последней главой Очевидца (XXI. 10). Дело не только в плавных переходах, хотя и в них тоже, а в том, что эти главы, как и все описание мученичества, подчинены сквозной мысли Рассказчика. Она состоит в том, что Бог позаботился дать каждому из мучеников такой конец, которого тот желал или который отвечает его природе. В двух главах, нелепо стоящих перед вступлением, проводится та же мысль, отличие лишь в том, что в них говорится о проявлении этой милости еще в тюрьме, а не на арене. Фелицитата хотела родить до дня игр, чтобы пострадать вместе со своими (беременных не казнили), и родила преждевременно за сутки до дня казни; Секундул был убит в тюрьме сразу, тем самым, Бог избавил его от растерзания зверьми⁷. А рассказ о звероборстве Рассказчик предваряет словами из Ин 16:24: «Но Тот, Кто сказал: “Просите — и получите”, дал просящим тот конец, какого каждый желал» (XIX.1). Он сообщает затем и о том, что мученики обсуждали между собой, какой у кого «обет мученичества» (*votum martyrii*), и рассказывает, как эти обеты выполнялись. Если, Сатурнин хотел вынести нападения всех зверей по очереди, то против него были выпущены вепрь, медведь и леопард. Сатур очень боялся медведя и рассчитывал на то, что его одним ударом убьет леопард. Так и вышло: вепрь не причинил ему вреда, медведь не захотел выходить на арену, а леопард мгновенно нанес ему смертельную рану. Что же касается Секундула и Перпетуи, то первый был убит до обсуждений каких-либо желаний, а об обете Перпетуи ничего не сказано. Рассказчик поэтому сам осмысливает их конец как Божью милость. Он не поясняет, почему для Секундула милостью было не оказаться на арене со зверьми, хотя для Сатурнина — милость — это быть отданным им всем

ния глав был нарушен очень рано, еще до времени перевода «Страстей...» на греческий язык.

⁷ Представление о том, что не все по силам подростку, естественно. Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким представлением. Конечно, чаще рассказывается, что юные существа гибнут, выдержав все пытки; так в исторических источниках, например, пятнадцатилетний Понтик в «Письме Лионских мучеников» (Eus. Hist. Ecc. V, 1, 53), так и в легендарных, например, младший брат семерых братьев из Второй Маккавейской книги (2 Макк 7.30–37). Такие истории не противостоят истории Секундула, а являются другим ее вариантом.

на растерзание. Возможно, дело в его возрасте. Мы знаем только, он был *adolescens*, как и другие. Однако его имя — *Secundulus* — исключительно редкое⁸. Это диминутив от обычного имени Секунд, Второй (сын). В греческом переводе его исправили на «нормального» Секунда. Можно предположить, что Секундул — домашнее ласковое имя и что он был подростком, которому противостояние диким зверям не по силам.

Когда же приходит очередь Перпетуи, и неумелый гладиатор попадает клинком по ключице, она сама направляет его руку себе в горло (XXI.9). Рассказчик заканчивает повествование такими словами: «Быть может, столь великая женщина, которой страшился нечистый дух, не могла быть убита иначе, нежели так, как сама того пожелала?»

Таким образом, главы, в которых идет речь о милости к Секундулу и Фелицитате, а именно XIV.2–3 и XV.1–6 должны располагаться между XVI.1 и XXI.10, в череде описаний милости, проявленной к Сатуру, Сатурнину и Перпетуе, а следовательно, XVI.1 — это вступление, *quod erat demonstrandum*, прежде чем мы обсудим необычное начало этого вступления.

Если мы изыдем гл. XIV. 2–3 и XV 1–6, идущие после вставленного *Видения* Сатура, то к словам «Итак, поскольку...» появится плавный переход. А именно: сразу после предложения Перпетуи описать то, что ей описать уже не придется, вступает Очевидец с такими словами: «Итак, поскольку Дух Святой дозволил и дозволением изъявил Свою волю, чтобы было записано, что и как происходило на играх, то даже если мы и недостойны прибавить что-либо к описанию столь великой славы, тем не менее, мы исполняем то, что как бы поручила, и даже завещала нам святейшая Перпетуя, добавляя еще одно свидетельство ее твёрдости и величия души» (XVI. 1). Это предложение содержит важную «улику».

2. Рассказчик, его роль в событиях и его сфрагида

Рене Браун, посвятивший работу доказательству того, что Тертуллиан не является автором ни одной из частей «Страстей...», в конце высказал предположение, что третьим автором был кто-то из клира, знакомый с Перпетуей и взявший на себя описание того, что было на самих играх (X.15). Рассказчик во

⁸ Засвидетельствовано всего однажды в североафриканской эпитафии имперского времени: *Afrique* 1998: 570, № 1775.

вступлении к повествованию отсылает к этим словам Перпетуи как к ее *mandatum* и *fideicomissum*, то есть «поручению» и «завещательному распоряжению», такому, в котором исполнителя не называют (XVI.1). Рене Браун предложил на эту роль диакона Помпония. О нем известно только сказанное в *Записках* Перпетуи: он заботится об узниках и дает взятки тюремщикам, а в четвертом *Видении* ведет Перпетую к амфитеатру на битву с дьяволом и говорит, что будет бороться там вместе с нею (III.7; VI.7; 10.1). Таким образом, сквозь него просвечивает сам Христос, который на арене встретит Перпетую в виде гигантского Ланисты. Помпоний, образованный человек, хлопотавший к тому же об условиях содержания узников, мог быть исполнителем завещательного распоряжения Перпетуи. Но в реальности он больше никак не проявляется. Появление его в *Видении* в роли «почти Христа» спровоцировано его именем Помпоний: Проводник, Сопровождающий, Вожатый. Это может «сработать» в сновидении как бессознательная «подсказка» (провоцируемые «этимологией» имени сновидения фиксируются теми, кто изучает сны), и не может его характеризовать. Р. Браун, между тем, сомневается, чтобы автор *Пролога* и *Эпилога* стал дополнять *Записки* Перпетуи, потому что его положение священника, богослова и учителя не отвечает такой роли⁹. Но для диакона он считает такую роль возможной, тем более, что через полвека Понтий — тоже диакон, знакомый к тому же со «Страстями...»¹⁰, взял на себя увековечение мученичества и *exemplum* своего епископа Киприана, которому он и служил (Braun 1979). Вероятность, что Помпоний был автором, не больше, чем у любого другого свидетеля-христианина, бывшего в тот день в Карфагене и не оставившего улик своего авторства. Отметим в поддержку разделяемому нами мнения Брауна, что Прологист и Рассказчик — разные личности слова *Пролога* о необходимости предавать

⁹ Тем самым Р. Браун (Braun 1979) отделяет Рассказчика от автора *Пролога* и *Эпилога* и усматривает, таким образом, четыре голоса в «Страстях...». Ж. Ама называет предположение об авторстве Помпония «соблазнительным», при этом, по ее мнению, заботившийся об узниках образованный диакон Помпоний мог бы быть автором и «удивительного Предисловия» (*Пролога*), вообще всего, кроме сочинений Перпетуи и Сатура (Amat 1996: 69).

¹⁰ О влиянии «Страстей...» на «Жизнь Киприана» см., например, в Видении Киприана: Pontius. Vita. 12. 3–9; см.: Reitzenstein 1913: 49–50; Martin 1919; Aronen 1984).

письму примеры и свидетельства веры и читать их. Требование «записывать» примеры веры и подвиги мучеников обращено к общине, не к себе.

Мы выдвигаем здесь свое предположение о личности Повествователя, или Рассказчика, поведавшего о событиях в тюрьме и на арене. Наша гипотеза не может быть подкреплена внешними свидетельствами или сопоставлениями с языком других авторов. На обнаружение каких-то новых фактов едва ли можно рассчитывать. Гипотеза строится исключительно на данных самого текста. Преимущественно на рассказе Повествователя-Очевидца.

Однако в отличие от гадательного предположения о подходящей для этой роли фигуры Помпония, наша гипотеза проливает свет на 1) странную формулировку вступления к Рассказу, 2) на упоминание имени, которое по общей «стратегии» именованного, выдержанной во всех частях «Страстей...», не должно было быть упомянуто, 3) на тему смущения и вызова, о чем в своих последних словах говорит и Перпетуя и, возможно, Сатур, когда хотят ободрить и укрепить присутствующих при их последних минутах. Ценность гипотезы измеряется тем, позволяет ли она понять что-то неясное, связать между собой до того не связанное, сделать рассказанное с расчетом на аудиторию третьего века, более «проницаемым» для читателей двадцать первого. Этим путем мы и будем следовать.

Характер описания показывает, что после событий прошло немного времени. Описание создано очевидцем событий: он рассказывает о том, что видел сам и сам там определенно находился в день игр, и, по крайней мере, на следующий, когда умер от удара вепря венатор и палач Сатура¹¹.

Как нам представляется, он писал по свежим впечатлениям. Дело не только в детальности описания, не только в ярких картинах, которые можно помнить до конца дней. Что однако может заставить человека, видевшего мученичество, получившего от священника и богослова обоснование того, что новые свидетельства веры как проявления силы Святого Духа надо непременно записывать для пользы человека и церкви, познакомившегося с поручением Перпетуи продолжить ее *Записки*, принявшего на себя исполнение этого поручения, не ис-

¹¹ Он сообщает о смерти на другой день после игр венатора, который привязал Сатура к вепрю, от удара этого самого вепря.

полнять этого? И все остальные ждали, пока он соберется с мыслями или повзрослеет?

И он отнюдь не случайный зритель в толпе.

Он осведомлен также и о том, что делалось в тюрьме перед казнью, о чем говорили между собой узники, как рожала Фелицитата, что говорила Перпетуя трибуну, как вели себя узники во время *sepa libera*, которую они превратили в агапу и т. д. Это говорит о том, что он, скорее всего, был среди тех, кто, приходил в тюрьму проведать и поддержать узников, а, следовательно, мог узнать многое от них самих в часы свиданий.

Например, что говорила Перпетуя трибуну, отказываясь за всех от костюмированной казни (облачений жрецов Сатурна и Цереры) мог сообщить помощник трибуна Пудент, присутствовавший при казни, возможно, по долгу службы, но, несомненно, и с другой целью — как обратившийся.

Очевидно, что были и такие вещи, которых узники знать не могли. Едва ли у диалога некоего стражника и Фелицитаты во время родов был шанс быть кем-то подслушанным. Стражник (*quidam ex ministris cataractariorum* — «кто-то из темничных стражей», XV. 5) был не слишком груб, его слова можно счесть даже сочувственными, ведь он предлагал женщине сопоставить родовые муки с предстоящей ужасной казнью: «Если ты сейчас так страдаешь, каково тебе будет, когда тебя бросят зверям, а ты их презрела, отказываясь принести жертвы?». В поведении Фелицитаты он видел одно неразумие, так что ему едва ли могло прийти в голову передать на волю ее знаменитый ответ: «Сейчас это я терплю, что терплю; а там другой будет во мне, кто будет страдать за меня, потому что и я за него пострадать готова» (XV.6). И едва ли и роженица стала бы сама «пересказывать» свои слова, в течение суток до казни после тяжелых родов, хотя совершенно исключить этого и нельзя.

Ответ Фелицитаты Рассказчику, скорее всего, могла сообщить повитуха. Присутствие повитухи при родах — дело для Рима рядовое¹². Но мы не были бы в этом уверены, если бы ее не упомянул сам Рассказчик, когда написал, что Фелицитата шла на казнь «от крови к крови, от повитухи к ретиарию» (XVIII. 3)¹³. Поскольку известно, что некая сестра-христианка

¹² Plaut., *Capt.* 629, *Cistell.* 139; Teren. *Adelph.* 354, 618, *Andria* 299, 513; Hor. *Epod.* 17.49 etc.

¹³ Ретиарию как «низшему чину» в иерархии гладиаторов обычно поручалось добить истерзанных зверьми.

воспитала ребенка Фелицитаты как свою дочь (XV.7), то, скорее всего, повитуха не оставила его в военной тюрьме, а сразу или почти сразу унесла младенца с собой, ведь Фелицитату казнили всего через сутки (XV.2–3). Если это она запомнила и передала слова Фелицитаты, мы можем думать, что она была христианкой, и даже воображать, что она же взяла сироту на воспитание. Но это к делу уже не относится. Нам важно, что Рассказчик не только присутствовал сам при казни, но и собирал свидетельства того, чему очевидцем он не был, т.е. выполнял свою миссию очень тщательно. Как он писал о своей миссии и как он ее осмыслял, мы скажем несколько позже. Однако это не такие сведения, на которые должны уйти годы. Кроме того, рассказанное через годы, устоявшееся, не имеет лакун изложения (например, неясен порядок выпуска зверей на арену); не имеет также, говоря языком кинематографа, «крупных планов» и перескакивания с одного на другое. Рассказчик подробно описывает нападение леопарда на Сатура, сразу хлынула кровь, видимо из аорты, и он весь омылся кровью. И о последних минутах и Перпетуи, и Сатура тоже сказано. Но Фелицитата, после того как буйволица ее подбросила, а Перпеетия помогла ей встать, больше по имени не упоминается. Очевидно ее добились, как и остальных, посреди арены. О Сатурнине сказано самое важное, что он достался всем зверям, а в конце на него напал леопард. Это самое естественное для описания, созданного без большого обдумывания и планирования.

Рассказчик упоминает троих, кто своими глазами видел эти «крупные планы мученичества» во время травли зверьми, потому что находился на арене рядом с мучениками. Мы можем, разумеется, предполагать, что, помимо упомянутых трех человек, было еще сколько угодно свидетелей, так сказать, «Помпониюв», которые находились в амфитеатре и тоже могли оставить такое описание.

Нам однако представляется, что Рассказчик находился среди тех, кто был на арене и видел смерть изблизи. Их было трое: брат Перпетуи, катехумен, другой катехумен, Рустик, именуемый «неким» (XX. 8; 10) и Пудент, помощник начальника тюрьмы (IX. 1, XXI. 1;4).

Итак, первая кандидатура на роль Рассказчика – Пудент, тюремщик всех, кто был осужден *ad bestias*, для торжеств — игр в честь дня рождения цезаря Геты. Он постоянно находился при особых узниках и был потрясен силою, которую

почувствовал в христианах, и не только проникся к ним своего рода пиететом, он обратился, он уверовал. Он мог знать происходившее в тюрьме и определенно присутствовал при казни.. При этом на виду у всех, включая своих начальников, он поддерживал «преступников». Сатур перед своим концом ободрил его, попросил кольцо с его руки, обмакнул в свою кровь и дал Пуденту «в наследство» (XXI.5). Пудент мог бы быть Повествователем сам и, при его расположении к узникам, подходит для роли того, кто рассказывал родным и близким многое о происходившем в тюрьме, чего Перпетуя в своих *Записках* не касалась. Иными словами, для роли источника сведений для Повествователя-Очевидца он подходит, но едва ли он мог быть автором рассказа.

И вот почему: хотя Пудент уверовал, его обращению ко времени казни была от силы неделя. Рассказчик придает символический и литургический смысл многим событиям и обстоятельствам мученичества (Shmaina-Velikanova 2023: 336–338) и, как мы показали выше, создает целостное богословское осмысление участи каждого и предваряет его в XIX. 1 подходящей цитатой из Евангелия: «Но Тот, Кто сказал: “Просите – и получите”, дал просящим тот конец, какого каждый желал» (Ин 16:24).). Научиться самостоятельно давать событиям богословское толкование за такое время не мог бы и образованный человек, профессия же Пудента к интеллектуальным занятиям не слишком располагала. Недаром среди агиографических топов обратившегося солдата или стражника или даже гонителя не встречаются агиографы.

Остаются из троих безымянный брат Перпетуи и некто по имени Рустик. Мог ли Повествователь быть родным братом Перпетуи? Сомнительно. Он восхищается Перпетуей, преклоняется перед ней, но нет ни слова, которое говорило бы о его родстве или о близкой семейной дистанции, ни слова о ней как о сестре — с позиции близкого родича. О нем собственно совсем ничего не сказано, кроме того, что он там был.

Из тех, кто был рядом с мучениками на арене, остается Рустик. В какой огласительной группе состоял этот Рустик, если он находился там вместе с родным братом Перпетуи и тоже катехуменом? Не будет большой смелостью сказать, что брат Перпетуи, катехумен, и знакомый ему катехумен Рустик, подхвативший упавшую Перпетую, были членами одной и той же общины, а именно той, в которой Сатур проводил оглашение. Рустик был знаком Перпетуе.

Почему пятеро молодых катехуменов, к которым позднее добровольно присоединился Сатур, были схвачены и казнены, а эти двое находились в амфитеатре, но им ничто не угрожало, этот вопрос обсуждается в статье П. Н. Лебедева¹⁴. Так что этот вопрос мы здесь затрагивать не будем, признавая просто факт: карфагенские христиане, включая, вероятно, и родных Перпетуи, оставались на свободе и могли навещать узников, приговоренных к казни за исповедание своей веры.

Так или иначе, пятеро молодых людей, к которым присоединился их катехизатор, были арестованы, а эти двое катехуменов, каким-то образом избежали ареста, тюрьмы и казни и смотрели на казнь учителя, родной сестры и братьев и сестер во Христе, находясь рядом с теми, на чьем месте они сами легко могли бы оказаться. Вепрь, медведь, дикая буйволица и леопард находились с ними в одном пространстве. Рустик выскакивал на арену, чтобы поддержать Перпетую, упавшую от удара рогов буйволицы.

Перед смертью Сатур и Перпетуя говорят с этими тремя, укрепляют их и предупреждают от «смущения» и «соблазна». Перпетуя подозвала брата «вместе с тем (*illum*) катехуменом», т. е. Рустиком, чтобы сказать им свои последние слова: *In fide state et invicem omnes diligite, et passionibus nostris ne scandalizemini* («В вере стойте, друг друга любите и мучениями нашими не соблазняйтесь!»).

От чего же предупреждает Перпетуя? Конечно, Перпетуя укрепляет брата и Рустика в вере, и самое простое, что можно предположить, в словах «не преткнуться о камень» — это не испугаться и не отпасть, видя мучения и страшную смерть, которые угрожают верным. В том же как будто состоит и завещание Сатура несколькими стихами позже, обращенное к воину Пуденту: «*Vale, — inquit, — et memento fidei et mei; et haec te non conturbent, sed confirment*» («Прощай, — сказал он, — и помни о вере и обо мне, и всё это да не смутит тебя, но укрепит» XXI 4). При виде страданий невинных и дорогих людей и жестокости их палачей, возможно также и разуверение, отпадение от Бога. Но едва ли пылкие христиане Карфагена, торжествующе выходящие на арену, при их ценности страдания за веру и стремлении уподобиться Христу, могли вообразить бунт против Бога, вызванном зрелищем казни. Слово, обращенное Сатуром к Пуденту, отражает относительно

¹⁴ Lebedev 2021: 104–112.

более простую коллизию и обращено к солдату, он предупреждает от conturbatio, т. е. замешательства, смятения. Перпетуя, говоря с катехуменами, один из которых родной брат, использует весьма нагруженное слово: scandalizemini.

В фундаментальном исследовании Г. Штелина обсуждаются и исходные значения слова в языческих текстах и его новозаветные значения: (σκάνδαλίζω встречается в НЗ 30 раз, вдвое меньше σκάνδαλον, есть и другие производные)¹⁵. В новозаветном «скандале» сходятся оторопь, вызов здравому смыслу, оскорбительная провокация, нравственная апория, невыносимый внутренний конфликт, недоуменное смятение. Можно иллюстрировать это и знаменитым определением распятого Христа: «для иудеев σκάνδαλον, для язычников глупость» (1 Кор 1.23), и призывом «не смущать брата и не вводить в соблазн (или грех)» (Рим. 14.13), или, наконец, σκάνδαλον креста – вызов веры всему, что было до Христа (Гал. 5.11) и т.д.

Свидетели мученичества, Пудент, брат Перпетуи и Рустик, пережили сильнейшее душевное потрясение, в котором был не только ужас перед казнью и опасность отпадения от Бога. Речь идет о каком-то внутреннем конфликте. Каком?

Наше внимание привлекло странное, на первый взгляд неуклюжее, выражение, которым начинается вступление к повествованию в гл. XVI.

Этим началом анонимный автор, как нам представляется, «выдал себя». Впрочем, возможно, выдал он себя только нам, тогда как карфагенским христианам его имя было хорошо известно.

<p>XVI.1. <i>Quoniam ergo permisit et permittendo voluit Spiritus Sanctus ordinem ipsius muneris conscribi, etsi indigni ad supplementum tantae gloriae describendae, tamen quasi mandatum sanctissimae Perpetuae, immo fidei commissum eius exequimur, unum adicientes documentum de ipsius constantia et animi sublimitate.</i></p>	<p>Ἡμῖν δὲ ἀναξίοις οὖσιν ἐπέτρεψεν τὸ ἅγιον πνεῦμα ἀναγράψαι τὴν τάξιν τὴν ἐπὶ ταῖς φιλοτιμίαις παρακολουθήσασαν· πλὴν ὡς ἐντάλαμι τῆς μακαρίας Περπετούας, μᾶλλον δὲ ὡς κελεύσματι ὑπηρετοῦντες ἀποπληροῦμεν τὸ προσταχθὲν ἡμῖν.</p>
---	--

¹⁵ См. описание семантики соответствующих слов в Септуагинте, НЗ, и показывает, что христианское понимание сформировано библейскими контекстами, хотя обыденные не метафорические значения (палка, ловушка, подстава) продолжали существовать в языке параллельно с большим спектром значений метафорических (Stählin 1964).

<p><i>Итак, поскольку Дух Святой дозволил и дозволением изъявил Свою волю, чтобы было записано, что и как происходило на играх, даже если мы и недостойны прибавить что-либо к описанию столь великой славы, тем не менее, мы исполняем то, что как бы поручила, и даже завещала нам святейшая Перпетуя, добавляя еще одно свидетельство ее твёрдости и величия души.</i></p>	<p>Нам недостойным Святой Дух доверил записать, что и как происходило на чествовании <Геть>; мы, повинувась не только как бы поручению блаженной Перпетуи, но более того, как бы ее повелению, исполняем возложенное на нас.</p>
---	--

Интересно, что такой авторитет, как Ян Бреммер, глубоко изучивший среди прочего и «Страсти...», назвал эту фразу «наиболее примечательным утверждением всего сочинения»¹⁶. Что же ней такого примечательного?

Она состоит из двух частей, первая часть о воле Святого Духа отсылает к словам *Пролога*: «мы, кто признаёт и почитает равно обетованными как новые пророчества, так и новые видения, предназначаем и остальные проявления силы Духа Святого для наставления Церкви <...> и должны <их> записывать и во славу Божию читать вслух» (I. 5). Вторая же часть, начиная с «даже если мы недостойны» отсылает к последним словам Перпетуи.

Нас в большей мере занимает первая часть. Что касается достоинства свидетеля описать подвиг мученика, то со временем это станет агиографическим топосом. В прологе душеполезной повести «Жизнь и мученичество Галактиона и

¹⁶ «This section begins with one of the most remarkable statements of the entire Document» (Bremmer 2017: 432). Ян Бреммер считает автора *Пролога* и *Рассказчика* одним лицом, и показывает, что в повествовании *Рассказчик* подхватывает тему силы Святого Духа, его проявления в людях; ему недостаточно одного завещания Перпетуи для обоснования именно своего права продолжить ее *Записки*, поэтому он вручает решение Святому Духу, аподиктически отождествляя волю и попушение. Но в чем состоит попушение, ученый не говорит. (Ibid: 431–434). Для нас, *Пролог* писал определенно один, а повествование — другой, потому один и отсылал к авторитету другого, *Пролога*, что сам себя подобным авторитетом не считал. И хотя мы тоже считаем фразу необычной и требующей толкования, мы не нашли этому объяснения в замечательной в целом работе Яна Бреммера.

Эпистимы», которое представляет собою христианское продолжение романа Ахилла Татия и, соответственно, относится к *passion érique*, рассказчик и очевидец не только посвящает значительную часть своего введения умалению себя перед своими господами и мучениками, но и называет себя Эвтолмий, то есть «Осмеливающийся правильно». Это имя кратко выражает суть его апологии: будучи недостойн, я смею, тем не менее, говорить, чтобы подвиг Галактиона и Эпистимы стал известен братьям монахом, клиру и миру.

Может быть, и здесь речь о том, что Святой Дух позволил «мне недостойному» рассказать о виденном¹⁷? Любопытно, что греческий переводчик сохраняет самоуничижение, но убирает эмфазу, или полиптотон, и без затей сообщает о поручении или повелении Святого Духа: Ἡμῖν δὲ ἀναξίως οὖσιν ἐπέτρεψεν τὸ ἄγιον πνεῦμα ἀναγράψαι ... («Нам недостойным Святой Дух приказал записать...»). Слова о *дозволении*, или *попущении*, несмотря на недостойнство стали «лишними» и в греческий перевод уже не вошли. Иными словами, для агиографического топоса они не нужны, он прекрасно обходится без них.

На чем же зиждется убеждение Рассказчика, что Святой Дух предназначил именно его записать проявления силы Святого Духа и исполнить волю Перпетуи, которая никого по имени не назвала. Его убеждение основано, в свою очередь, на допущении, которое представляется автору очевидным. Но нам необходимо понять, что именно, по мысли Рассказчика, Святой Дух ему *позволил*. Ведь это позволение или допущение содержало в себе выражение его воли на увековечение на письме подвига Перпетуи и остальных мучеников. В сущности, Рассказчик высказывает богословское утверждение, которое касается воли Святого Духа, и при этом вовсе не самоочевидное: воля отождествляется у него с попущением или дозволением, между тем как такие богословы, причем «африканские», как Августин, а до него Тертуллиан против такого отождествления возражали.

Для Августина дозволение отослать жену из-за разврата, не означает приказания развестись с нею: *Dominus autem permisit causa fornicationis uxorem dimitti; sed quia permisit non iussit* (De sermone Domini in monte 1.45). Для нашего «региона» особенно важно, что совпадение божественного *попущения* и *воли*

¹⁷ Ян Бреммер замечает, что по данным TLL VII 1.1188.65–74 *indignus* для выражения самоуничижения слово весьма нечастое (Bremmer 2017: 434).

исключает Тертуллиан. Л. Ф. Пиццолато в своих заметках о «Страстях...» посвятил этому различию специальный раздел «Una discordanza con Tertulliano», где приводит ряд пассажей о различии дозволения и выражения воли (Pizzolato 1980: 105–108). Один такой пассаж мы процитируем:

«Итак, я утверждаю, что надлежит тщательно изучать волю Божью, и не только волю Его явную, всем нам известную, но и волю Его сокровенную. Есть вещи, на первый взгляд согласующиеся с волей Божьей, потому что Он их дозволяет; но что только дозволено, то не составляет еще прямой воли дозволяющего. Дозволение означает более снисходительность, нежели волю. Оно, конечно, дается не без участия воли, но тут воля возбуждается особою причиною, как бы принуждающей ее дозволить то, что она велеть затрудняется. Изучай волю Божью, какова она сама по себе, и старайся вникнуть в причины, заставляющие ее в известных случаях уклоняться от прямого пути. Воля Его состоит не в том, что Он по снисхождению дозволяет, но в том, что законом Его предписывается. Коль скоро Он дозволяет какую-нибудь вещь, то тем самым показывает, что Он ей другую вещь предпочитает. Не ясно ли, что нам лучше творить то, что Им предпочитается, нежели то, что Им дозволяется?» (Tert. De exhortatione castitatis 3, 1–2; перевод Е. Кареева). В следующей главе того же сочинения Тертуллиан высказался еще суровой: «Если <Господь> пожелал, он не позволил, а напротив, приказал» (Si enim vellet, non permisisset, immo imperasset. 4.4).

Получается, что греческий переводчик не случайно опустил сомнительное отождествление дозволения и воли, или приказа-ния, Святого Духа: он счел его, с одной стороны, слишком ответственным, а с другой — лишним, посторонним для топоса самоумаления.

Мы видим в словах «Итак, поскольку Дух Святой *дозволил или попустил* (permisit) и *дозволением изъявил Свою волю* (permittendo voluit) *чтобы было записано*, что и как происходило на играх», предельно сжатую апологию. Выражение это на первый взгляд плеонастическое, на второй, напротив, чрезмерно сжатое, а на третий, к которому мы пришли, оно отсылает к тому смятению или тому «скандалу», о которых говорили на пороге смерти Перпетуя и Сатур.

Итак, два катехумена, находятся на арене, где на их глазах истязают и казнят их братьев и сестер, а они сами избежали каким-то образом ареста и приговора ad bestias. Уцелевшим

случайно в массовой резне, бойне, репрессиях и тому подобном не дает покоя вопрос: «Почему не я? Почему я выжил, а они все погибли? Как мне людям в глаза смотреть?» Вспомним к тому же, что Сатур добровольно сдался властям. Чувство, которое переживают как вину за то, что выжили, рационально ложное, но этим не отменяемое. В таком переживании признавались многие выжившие даже в природных катастрофах.

И Рассказчик поэтому начинает с ответа на мучительный вопрос: «Отчего я остался цел, когда они погибли?»: Дух Святой попустил (*permisit*) ему не оказаться вместе с остальными в момент ареста и не быть брошенным ко зверям, и этим попусшением (*permittendo*) выразил свою волю сделать известными обеты мучеников, Божью милость, им дарованную, их мучения и их победу. Он преодолевает так называемую «травму выжившего» тем самым способом, к которому прибегали и прибегают выжившие свидетели насильственной гибели близких и дорогих людей или массовых убийств. Свое случайное спасение они воспринимают как выпавшую на их долю миссию — поведать миру о страшных преступлениях одних и ужасных страданиях и героизме других.

Этот феномен изучен в сравнительно недавней истории XX в. Узники лагерей смерти свидетельствовали на процессах о нацистских преступниках, после чего уходили из жизни, не желая нести далее груз пережитого. Однако явление это не является принадлежностью лишь близкого к нам времени. Скупое, но о том же явлении говорится в самом раннем «Мученичестве Поликарпа», написанном свидетелями событий: «Когда он произнес «аминь» и окончил молитву, тогда приставленные к костру разожгли огонь. Когда же огонь сильно разгорелся, то мы увидели [великое] чудо, мы, которым дано было видеть, которые и *сохранены* для того, чтобы происшедшее пересказать прочим» (οἱ καὶ ἐτηρήθημεν εἰς τὸ ἀναγγεῖλαι τοῖς λοιποῖς τὰ γενόμενα) (гл. 15, перевод А. И. Сидорова).

Обратимся теперь к анонимному «Мученичеству Святых Мариана и Иакова», карфагенских христиан, пострадавших в Нумидии в 259 г. при Валериане. Со времени П. Франки де Кавальери об этом сочинении установилось мнение как о литературном произведении, основанном на реальных событиях и заимствовавшем многие образы и литературные приемы именно

из «Страстей Перпетуи...»¹⁸. В нем также присутствует «апология выжившего», причем развернутая.

Для стяжания венца нетленного христиане отправилась в путешествие туда, где шли жестокие гонения. Об их путешествии, встрече с другими христианами, видимо, в условленном месте под названием Мугуас неподалеку от Цирты (совр. Константина в Тунисе), аресте, исповедании веры, пытках и обстоятельствах жестокой казни рассказывает один из отправившихся в Нумидию с той же целью, что остальные. Но ему поручили донести свидетельство об их подвиге до братьев, видимо, в Карфаген. Присутствие при казни мучеников и братьев, неприсоединение к ним, требовало объяснений. И аноним посвящает целую главу своего вступления объяснению того, почему он-то не пострадал вместе с остальными, чтобы достичь покоя, *in pace*, в блаженстве иного мира¹⁹. Объяснения его многословны и несколько вычурны, но сводятся к тому же: он не стал исповедовать свою веру, но не как отступник, а как очевидец, чья миссия — сообщить для укрепления христиан на родине о подвигах мучеников. Во вступлении к «Страстям Святых Мариана и Иакова» мы читаем:

¹⁸ См. Franchi de' Cavalieri 1900. Пересечения идей, образов и эпизодов обсуждалось многими исследователями особая задача, которая к тому же уже делалась не одним исследователем в видении Мариана это высокий помост, уходящий в небо (6.6–7), подобный лестнице в *Видении* Перпетуи, преторий Судии, и образ претория, в который превратилась тюрьма, когда Перпетуе оставили в тюрьме ребенка (6.11); фиал, которым Киприан во сне героя зачерпывает воду в райском месте и подает пить мученику (6.14), *locus amoenus* кипарисы до неба, когда мученик идет с Судией (6.12–13), ср. райское место в *Видении* Сатура и т. д. и т. п. ... Иаков же видит во сне юношу огромного роста в неподпоясанной белоснежной одежде, что отсылает ко Христу в образе Ланисты, ноги его не касались земли, а лицо было за облаками, что отсылает к образу Господа в *Видении* Сатура (7, 3) и т. д. О прямых заимствованиях в «Мученичестве Святых Мариана и Иакова» из других агиографических памятников см.: Agonen 1984: 169–170, особенно P. 186.

¹⁹ Ср. такое значение привычного выражения *in pace* — *в мире, в покое*, как описание жизни праведников «в руце Божией» и в небесной обители см. Премудрость Соломона 3:3: καὶ ἡ ἀφ' ἡμῶν πορεία σύντριμμα οἱ δὲ εἰσὶν ἐν εἰρήνῃ; et quod a nobis est iter exterminii illi autem sunt in pace.

<p>I.2. et nobis quoque hoc praedicandae gloriae suae munus Dei testes nobilissimi reliquerunt, Marianum dico, ex dilectissimis fratribus nostris, et Iacobum, quos mihi scitis praeter communem sacramenti religionem, vitae etiam societate et domesticis affectibus inhaesisse. 3qui contra saevientis saeculi pressuras et gentiles impetus habituri tam sublime certamen, praelium suum, quod instinctu spiritus caelestis inierunt, in notitiam fraternitatis per nos venire iusserunt, non quod in terris vellent coronae suae gloriam per iactantiam praedicari, sed ut praecedentibus experimentis multitudo plebis et Dei populus ad exemplum fidei posset armari, 4 nec inmerito id obsecuturo mihi fiducia familiaris iniunxit; quis enim dubitet quae nobis in pace vitae communitas fuerit, quando nos individua dilectione viventes unum tempus persecutionis invenerit?</p>	<p>I.2. И нас тоже самые знаменитые свидетели Бога возложили почетное бремя провозглашения их славы. Я называю имена самых драгоценных из наших братьев, Мариана и Иакова, с коими, как вы знаете, меня, кроме единых священных уз (commune religionem) таинства, связывали общая жизнь (societate) и семейные связи (domesticis affectibus). 3. Готовые к столь великому противостоянию (tam sublime) гонениям жестокого мира и натиску язычников, к своей битве, в которую они вступили побуждаемые Духом небесным, они приказали, чтобы через нас братство об этом узнало, не потому, чтобы они жаждали провозглашения на земле славы своего венца, но чтобы на опыте предшественников простой народ и народ Божий могли бы вооружиться примером веры. 4. И с полным основанием доверие близких возложило именно на меня это исполнить. Ибо кто же усомнится бы мы в мире, когда бы нас, при жизни связанных неразрывными узами любви, гонение застигло одновременно?</p>
---	--

Итак, автор утверждает, что на него «тоже» (et nobis quoque) сами мученики возложили обязанность рассказать об их подвиге. Возможно, это «тоже» отсылает нас на 56 лет назад, когда Перпетуя поручила тому, кто пожелает, рассказать о звероборстве в Ксарфагене. Он разворачивает свою апологию, потому что выжил он не случайно, и нет никаких оснований говорить о судьбе или попущении Святого Духа. И он не апеллирует ни попущению, ни к воле Святого Духа. Он был избран Марианом и Иаковом, о которых прежде всего и пишет, на роль рассказчика-очевидца. Обоснование того, что он берется писать о происшедшем — только одна из черт «Страстей...» 203 года, на которые он оглядывается в своем сочинении. Таким образом,

и образцовый для описания мученического подвига «Мартирий Поликарпа» и зависящий о «Страстей...» автор «Мученичества Святых Мариана и Иакова» содержат в первом случае кратчайшую, а во втором подробную апологию «выжившего». Ее мы усматриваем и во вступлении к рассказу Очевидца.

Есть еще одно соображение, которое позволяет считать упоминание «некоего Рустика» сфрагидой Рассказчика. Это исключительность упоминания собственного имени «такого персонажа» как Рассказчиком, так и вообще во всех текстах этого собрания документов. Наш анализ всех имен во всем корпусе «Страстей» (готовится к печати) показал, что собственное имя дается участникам событий избирательно.

По именам называются все индивидуальные мученики (неиндивидуальные — это многочисленные обобщенные обитатели Рая, старцы, ангелы), все клирики; в *Затисках* это Терций и Помпоний, у Сатура — Аспасий и Опат (эти двое живы, физически, но находятся у усыпанных розовыми лепестками свежих могил Сатура и Перпетуи, а мистически — в молитвенном общении с мучениками под розовым деревом у врат Рая); все индивидуальные обитатели иного мира (Ланиста, Пастырь, Динократ, диакон Помпоний, в роли ангела). Назван по имени солдат язычник, тюремный страж Пудент, который, обратился. Такое обращение — имеет особое значение как проявление силы Святого Духа. У Прологиста упоминается только Святой Дух, Господь, Бог, Иисус Христос. Кроме того, важны имена посясторонних гонителей и иномирных «врагов». Поэтому именованы судья Гилариан (возможно, также его предшественник), Египтянин (символически Дьявол), цезарь Гета, в его день рождения устроены игры, языческие боги Сатурн и Церера, в одеяния которых хотели на потеху облачить казнимых. Безымянны все групповые «враги» — зеваки, зрители, толпы, солдаты-взяточники, охранники-притеснители, венаторы-бичеватели, — все они безымянны. Не получают имен и родные Перпетуи, мать, тетка, отец, сын, братья, женщина, которая воспитала ребенка Фелицитаты. Перед нами две категории — полные святости и полные скверны, только их имена и должны быть увековечены.

Рустик же не попадает ни в ту, ни в другую категорию: не принадлежит ни клиру, ни мученикам, ни иному миру, как, например, покойный брат Перпетуи Динократ, ни дьявольскому отряду, включая гонителей. Появление его имени нарушает закономерность, которая проявилась невольно, показав прос-

тую, бинарную внутреннюю установку всех авторов. Но Рассказчик назвал Рустика вопреки этой (быть, может, бессознательной) установке. Кроме всего прочего, называть его нет никакой необходимости. Появление на арене обратившегося Пудента — это событие, это вмешательство Святого Духа. Но еще двое, два катехумена могли бы остаться безымянны, как остался без имени один из них, хотя он родной брат Перпетуи.

Разумеется, наше предположение о том, что Рассказчика зовут Рустик, не может быть формально доказано. Но определение того, «кто это сделал», можно представить «на суд присяжных».

Если выбирать из «подозреваемых», из как-то известных нам участников событий, то на него указывает многое.

Он несомненно очевидец казни, Рустик присутствовал прямо на арене. Необходимо, но не достаточно. Рустик катехумен и с ним бок о бок родной брат Перпетуи — другой катехумен. Схвачены были катехумены. Это не означает, что речь непременно об одной огласительной группе, но весьма вероятно это так: пятеро схвачены, двое не попались, группа из семи человек в самый раз: не слишком мала и не слишком велика. С Перепуей Рустик знаком близко: *Rusticus, qui ei adhaerebat* (XX.8), *adhaerebat* — сильное выражение, «не отходил от нее», «держался рядом». Это не значит, что он непременно был домочадцем, *domesticus*, как думает Бастиансен (Bastiansen et al. (eds) 1987, ad loc.), однако, желание выполнить волю Перпетуи было бы естественным у кого-то из близких к семье. Рустик выслушал ее последние слова, обращенные к нему и ее брату, слышал и то, что Сатур завещал Пуденту. И все понимали, что катехумен и близкий к Перпетуе человек должен был бы разделить участь своих товарищей, но Богу было угодно оставить их в живых. На это, как нам представляется, указывают утешения Перпетуи и Сатура, обращенные ко всем троим на арене. Они говорят о разрывающем душу смятении: «Зачем эта чаша миновала меня? Я слаб для такого подвига и такой победы? Или недостоин?». Но это не Пудент и не родной брат Перпетуи, остается Рустик. Он «выдал» себя в словах, отождествляющих волю Святого Духа с его попущением, и вставив в самом конце имя «некоего» («некоего!» мол, я вовсе не о себе!) Рустика, которое равно мог носить и раб, и патриций.

Р. С. В «Мученичестве Святых Мариана и Иакова», рассказывает о группе карфагенских христиан, отправившихся в

Нумидию и нашедших там свой конец 6 мая 259 года в Ламбезисе (Алжир, деревня Тазульт). Другие имена, кроме Мариана и Иакова не названы. Имена этих мучеников и еще нескольких практически неизвестных и малоизвестных имен перечислены в надписи раннего византийского времени, вырезанной на скале Руммельского ущелья возле Цирты (совр. Константины, Алжир) (Delehayе 1912: 435). Среди пострадавших вместе с Марианом и Иаковым был и «некто по имени Рустик». Как мы уже сказали, имя это распространенное. «Наш» Рустик из 203 года был молод, как и остальные оглашаемые, и мог бы дожить до гонений Валериана и быть для нового поколения христиан носителем памяти о 203 г. Это интригующе, возможно, и недоказуемо.

Литература

- Afrique. 1998: *L'Année épigraphique* 1995, 534–578.
- Epigraphische Datenbank Heidelberg*. URL: <https://edh.ub.uni-heidelberg.de/edh/inschrift/HD051211>
- Amat, J. (ed.) 1996: *Passion de Perpétue et de Félicité: suivi des Actes*. Paris: Editions du Cerf.
- Aronen, J. 1984: Indebtedness to Passio Perpetuae in Pontius' Vita Cypriani. *Vigiliae Christianae* 38, 67–76.
- Aronen, J. 1984: Marianus' Vision in the Acts of Marianus and Iacobus: An Analysis of Style, Structure and Generic Composition. *Wiener Studien* 97, 169–186.
- Bastiaensen, A. A. R. et al. (eds.). 1987: Acta Cypriani, In: *Acti e passioni dei martiri*. Milano, 193–231.
- Bastiaensen, A. A. R., (ed.). 1987: Passio Perpetuae et Felicitatis, In: *Acti e passioni dei martiri*. Roma; Milano: Fondazione Lorenzo Valla: A. Mondadori, 107–148.
- Bibliotheca sanctorum. 1964: *Bibliotheca sanctorum*. Sotto la direzione di Filippo Caraffa e Giuseppe Morelli. Presentazione di Pietro Ciriaci. Vol. 5. Istituto Giovanni XXIII nella Pontificia università lateranense.
- Braginskaya, N. V. 2022: [How many co-martyrs did Perpetua and Felicitas have?] *Acta Linguistica Petropolitana* 18 (1), 48–77. Сколько сомучеников было у Перпетуи и Фелицитаты? *Acta Linguistica Petropolitana* 18 (1), 48–77.
- Braginskaya, N. V., Lebedev, P. N. 2023: How many co-authors had Perpetua and Satorus? *Scrinium* 19 (в печати).
- Braun, R. 1979: Nouvelles observations linguistiques sur le rédacteur de la *Passio Perpetuae*. *Vigiliae Christianae* 33 (2), 105–117.

- Bremmer, J. N. 2017 *Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Delehaye H. 1912: *Les origines du culte des martyrs*. Bruxelles
- Franchi de' Cavalieri, P. 1900: *La Passio SS. Mariani et Iacobi*. Roma.
- Heffernan, T. J. 2012: *The passion of Perpetua and Felicity*. New York: Oxford University Press.
- Lebedev, P. N. 2023. [«Passion of St. Perpetui, Felicity and their fellow martyrs» and the question of the persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus. *New Historical Bulletin*. 2021. № 4 (70). P. 104–112]
- Лебедев, П. Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимиусе Севере. *Новый исторический вестник*. 2021. № 4 (70), 104–112.
- Martin, J. 1919: *Die Vita et Passio Cypriani*. *Historisches Jahrbuch* 39, 674–712.
- Mazucco, C. 2018: *Il rapporto tra la versione greca e la versione latina della Passio Perpetuae*, In: *Bilinguismo e scritture agiografiche: raccolta di studi*. A cura di V. Milazzo, F. Scorza Barcellona F. Roma: Viella, 17–75.
- Pizzolato, L. F. 1980: *Note alla Passio Perpetuae et Felicitatis*. *Vigilia Christianas* 34, 105–119.
- Reitzenstein, R. 1913: *Die Nachrichten über den Tod Cyprians: Ein philologischer Beitrag zur Geschichte der Märtyrerliteratur*. Heidelberg : Winters.
- Shmaina-Velikanova, A. I. 2023. [Motherhood and martyrdom: Thoughts on the *Passion of Saints Perpetua and Felicity* and The 19th Ode of Solomon], In: *Myth, ritual, literature: for Nina Braginskaya*. Moscow, 330–338.
- Шмаина-Великанова, А. И. Материнство и мученичество. Размышления о «Мученичестве свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними скончавшихся» и XIX оде Соломона, В сб.: *Миф, ритуал, литература: Нине Владимировне Брагинской*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 330–338.
- Stählin, G. 1964: σκάνδαλον, σκανδαλίζω, In: *Theological dictionary of the New Testament*. Vol. 7. Grand Rapids: Eerdmans, 339–358.

А. А. Брайловская
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва,
Россия. anasta.bray@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОКОНЧАНИЯ **-φι** В МИКЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ И ГОМЕРОВСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются формы на **-φι** с пространственным значением в микенских табличках и гомеровских текстах. 48 микенских примеров разделены на 2 группы: 7 входят в глагольную группу, 41 в составе именной группы. Для каждого топонима определяется локативное или аблативное значение. В микенских текстах преобладают локативные формы (44), и зафиксированы только 4 формы со значением аблатива (pa-ki-ja-pi Ma 221.2, PY Eb 338.A, ro-ra-pi PY An 1.4, ku-te-re-u-pi PY An 607.2), в гомеровских текстах зафиксировано меньше аблативных форм на **-φι** (37) по сравнению с локативными (43). Микенские примеры употребляются только без предлогов, в гомеровском употреблении локативные формы встречаются в 14 контекстах без предлога и в 29 с предлогами *ἀμφί*, *ἐν*, *ἐπί*, *παρά*, *πρό*, *ὄλο*. Из 37 примеров с аблативным значением 3 беспредложные и 34 засвидетельствованы с *ἀπό*, *ἐκ*, *κατά*, *παρά*, *ὄλο*. Больше всего примеров представлено в десятой (7), восьмой (6), и одиннадцатой (5) песнях Илиады, окончание **-φι** чаще встречается в Илиаде (56 примеров), чем в Одиссее (24 примера).

Ключевые слова: микенский диалект, локатив, аблатив, пространственные значения, склонение, морфология древнегреческого языка, Илиада, Одиссея, история древнегреческого языка.

А. А. Braylovskaya
St.Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia. anasta.bray@gmail.com

Spatial meanings of the ending **-φι in the Mycenaean dialect and Homeric texts**

The article deals with the spatial meanings of the forms in **-φι** in Mycenaean tablets and Homeric texts. 48 Mycenaean examples are divided into 2 groups: 7 occur in a verb group, 41 in a noun group. For each toponym it is ascertained whether the meaning is locative or ablative. The Mycenaean texts are dominated by locative forms (44), and only 4 forms with an ablative meaning are attested (pa-ki-ja-pi Ma 221.2, PY Eb 338.A, ro-ra-pi PY An 1.4, ku-te-re-u-pi PY An 607.2), while in Homeric texts there are more ablative (37) than locative (33) forms in **-φι**. Mycenaean examples are used only without prepositions, whereas in Homeric usage locative forms are found in 14 contexts without a preposition and in 9 with

prepositions ἀμφί, ἐν, ἐπί, παρά, πρό, ὑπό. Of the 37 examples with the ablative meaning, 3 are non-prepositional and 34 are attested with ἄπό, ἐκ, κατά, παρά, ὑπό. The most examples occur in the tenth (7), eighth (6), and eleventh (5) songs of the *Iliad*; the ending $-\phi\iota$ is more common in the *Iliad* (46 examples) than in the *Odyssey* (24 examples).

Keywords: Mycenaean dialect, locative, ablative, spatial semantics, declension, morphology of the Ancient Greek language, *Iliad*, *Odyssey*, history of the Ancient Greek language.

Окончание $-\pi\iota$ / $-\phi\iota$ / (< и-е. $*-b\eta\iota$ — Beekes 2011: 187) в микенских текстах в основном используется в формах инструментального падежа при описании декора мебели: $a-di-ri-ja-pi$ / $andriant-phi$ / ‘(украшенный) фигурками’ (греч. ὁ ἀνδριάς). Однако оно также встречается у топонимов ($pa-ki-ja-pi$ / $Sphagiam-phi$ /), и в этом случае наблюдается некоторое разнообразие грамматических значений, включая локативное и (реже и под вопросом) аблативное. В статье рассматриваются примеры с данными значениями и сравниваются с формами на $-\phi\iota$ в гомеровских поэмах.

Микенский диалект, в отличие от греческого языка первого тысячелетия, имел более развернутую систему падежей с отдельными окончаниями для инструментального падежа (Sihler 1995: 247). Во множественном числе это окончания $-\pi\iota$ / $-\phi\iota$ / в атематическом склонении и $-o$ / $-\delta\iota s$ / в тематическом, они отличаются от окончаний датива-локатива ($-o-i$ / $-oi\eta$ /, $-a-i$ / $-\tilde{a}\eta$ / в склонении на $*-eN_2$ и $-si$ / $-si$ / в атематическом склонении). Однако в единственном числе из-за условности графики невозможно различить, стоит ли за окончаниями $-o$ в тематическом склонении и $-a$ в $-eN_2$ -склонении отдельная форма инструменталиса на $-\delta\bar{o}$ < $*-o-N_1$ и $-\tilde{a}$ < $*-eN_2-eN_1$, или эти окончания в микенском являются формой синкретического датива-инструменталиса. В атематическом же склонении существует окончание $-e$ / $-\tilde{e}$ /, которое по написанию также не отличается от окончания датива-локатива $-e$ / $-ei$ /, но оно встречается реже и не чередуется с окончанием дат.-лок. / $-i$ /.

В греческом языке первого тысячелетия совпали показатели датива, локатива и инструменталиса (Rix 1992: 116), а генитив объединился с аблативом, о чем свидетельствует дельфийская форма аблатива οἴω < Foίω (где $-\omega$ < абл. $*-\delta\bar{o}$) (Solmsen, Fraenkel 1896: 303–304; Sihler 1995: 259).

Однако М. Д. Петрушевский и затем его ученик П. Х. Илиевский в 50-60-х годах высказали предположение о том, что в

микенском диалекте произошел синкретизм аблатива и инструментального падежа (Petruševski 1955: 398; Pievski 1961: 122). Окончание аблатива в тематическом склонении (-ōd / -ōt) совпало с окончанием инструменталиса в греческом сначала в единственном числе, а затем по аналогии во множественном числе. Все неинструментальные формы на -rī понимались ими как аблативные (pa-ki-ja-rī /Sphagiam-phi/ ‘из Сфагиан’): аблативный суффикс -te /-then/ (-θεν) мало представлен в микенском, поэтому аблативное значение должно было выражаться другой отдельной формой. Предполагается, что в атематическом склонении только в основах на -es- возможно разграничение форм на -ī, которые являются формами датива-локатива, и форм на -e, /-ē/ которые, согласно Илиевскому, являются формами инструменталиса-аблатива: топонимы с сигматической основой и формой датива-локатива на -ī практически не встречаются в одной табличке с топонимами на -rī, а формы на -e встречаются.

Эта гипотеза была подвергнута сомнению большинством исследователей. Морпурго Девис отмечает, что предполагаемое противопоставление форм на -rī и -e, имеющих аблативное значение, и форм датива-локатива на -sī и -ī, часто нарушается, поскольку в тексте одной таблички встречаются формы на -e и -ī (PY An 18.4 re-si-we-ī и a-se-e), и контекст не представляет возможности определить, какое значение (локативное или аблативное) имеет окончание -rī в коротких хозяйственных текстах (Morpurgo Davies 1985: 100). Вентрис и Чедвик полагают, что окончание -rī у топонимов говорит о том, что у него также есть локативное значение (Ventris, Chadwick 1973: 86). Лежен определял значение топонимов на -rī как локативное и рассматривает гомеровские формы на -φι как продолжение микенской традиции (Lejeune 1958: 184). Бернабе и Лухан считают все формы на -rī в топонимах локативными (Bernabé, Luján 2006: 288). Однако Бартошек и Ив Дюу интерпретирует формы на -rī как аблативные (Bartonek 2003: 444; Yves Duhoux 2011: 237). Голландский исследователь Ф. Ваандерс приписывает локативное значение большинству топонимов с окончанием -rī, для остальных примеров оставляет вопрос открытым, он также отмечает, что для выражения аблативного значения в микенском достаточно прилагательных, образованных от этнонимов (ra-mi-ni-ja PY Ab 186.B /lāmniai/ Лемнианки, женщины с Лемноса) (Waanders 1997: 105–06). Однако данные прилагательные имеют значение «был привезен из», а не значение «приехал

из», для которого нам кажутся более подходящими формы на *pi* с аблативным значением. Как можно видеть, ограниченное число микенских текстов затрудняет интерпретацию падежных значений, так что требуется сопоставление с употреблением гомеровских форм на -φι.

Микенские примеры (52 формы на -*pi*) разделены на две группы: глагольные (7 примеров) и именные (41 пример), вне контекста засвидетельствованы 4 формы. Не приводя здесь весь материал, ограничимся рассмотрением нескольких табличек.

Глагольная группа

1)–2). *e-ra-te-re-wa-pi* и *pa-ki-ja-pi* в тексте PY Jn 829, где описывается сбор бронзы (*jo-do-so-si* «вот так отдают») от людей разных должностей (*ko-re-te-re*, *po-ro-ko-re-te-re*, *du-ma-te*¹), в начале каждой строки приведены названия местностей.

1)–2). PY Jn 829

.1–3 *jo-do-so-si* , *ko-re-te-re* <...> *ka-ko* , *na-wi-jo* , *pa-ta-jo-i* , *e-ke-si-qe* , *a₃-ka-sa-ma* /

.4	<i>pi</i> -*82 , <i>ko-re-te</i> ,	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.5	<i>me-ta-pa</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3[] vac.
.6	<i>pe-to-no</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.7	<i>pa-ki-ja-pi</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.8	<i>a-pu₂-we</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.9	<i>a-ke-re-wa</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.10	<i>ro-u-so</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.11	<i>ka-ra-do-ro</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.12	<i>ri-ljo</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.13	<i>ti-mi-to-a-ke-e</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.14	<i>ra-lwa-ra-ta₂</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	N 3 <i>po-ro-ko-re-te</i>	AES N 3
.15	<i>sa-lma-ra</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 3	N 3 <i>po-ro-ko-re-te</i>	N 3
.16	<i>a-si-ja-ti-ja</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	N 3
.17	<i>e-ra-te-re-wa-pi</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 2	<i>po-ro-ko-re-te</i>	N 3
.18	<i>za-ma-e-wi-ja</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 3	N 3 <i>po-ro-ko-re-te</i>	N 3
.19	<i>e-re-i</i> , <i>ko-re-te</i>	AES M 3	N 3 <i>po-ro-ko-re-te</i>	N 3

jō-dōsonsi koretēres <...> *khalkon nāijion paltaiōihi-qe enkhessi-qe aiksmans* «Столько дадут коретеры <...> корабельной (или храмовой) бронзы для (изготовления) наконечников для дротиков и копий...».

jo-do-so-si – /*jō-dōsonsi*/ (частица из застывшей формы инструменталиса от относительной местоименной основы *jo-*

¹ Староста или глава в каждой местности Ближней и Дальней Провинции, двух областях Пилосского царства (Duhoux, Morpurgo Davies 2008: 133).

(Kazansky 2008: 185) и fut. act. 3 pl. от δίδομι) — понимается как «так они отдадут».

ko-re-te-re — *koretēres*, nomen agentis с суффиксом *-tēr*, «чиновник в родовых селениях, староста» (Kazanskiene, Kazansky 1986: 129). Или *κορεστήρ* < *κορέννυμι* «кормить досыта, насыщать», ср. *κόρος* «сытость» (*Dmic* I: 381).

me-ta-pa — /*metapai*/ dat.-loc. Вторая местность в *de-we-ro-a₃-ko-ra-i-ja* /*Deuro-aigolaiā*/ Ближняя Провинция. Вероятно, местность находилась в долине реки Кипариссос (*Dmic* I: 441).

pe-to-no — *Πέθνος* / *Πέφνος*. Возможно, к югу от долины реки Кипариссос.

pa-ki-ja-pi — Форма понимается как /*Sphagiān-phi*/ (или /*Sphagiām-phi*/) — Сфагианы, святилище приблизительно в 3 км к северу от Пилоса (*DMic* II, 73). У Стефана Византийского упоминается *Σφακτήρια*, местность элейцев у границы с Мессенией, и *Σφακτηρία* (также *Σφαγία*), остров недалеко от Пилоса, который также упоминается у Павсания в «Описании Эллады» (Meineke 1849: 594–595). Н. Н. Казанский предлагает отождествлять микенский топоним *pa-ki-ja-pi* с элейской местностью *Σφακτήρια*, а не с островом, так как более вероятно, что большие религиозные процессии (например, в табличке PY Tn 316) были сухопутными (Kazansky 2021: 33).

a-pu₂-we — /*aphuwei*/ . Невозможно понимать как гомеровский топоним *Αἰπύ*, так как вначале был бы знак *a₃/ai/*, и вместо знака *pu₂*, который понимается как /*phu*/, был бы использован знак *pu* /*pu*/ (Ventris, Chadwick 1973: 533).

a-ke-re-wa — от имени *a-ke-re-u*, **Ἀρη(ι)Fa*, *Ἀκρη(ι)Fa* или *Ἀχιλλη(ι)Fa* (*DMic* I: 39).

ro-u-so — **Λουσός*, ср. *Λουσοί*, местность в северной Аркадии (Bernabé, Luján 2006: 336).

ka-ra-do-ro — в основном понимается как *Χάραδρος*, от *χάραδρος*, также *χαράδρη* «ущелье», «горный поток» (*Dmic* I: 318).

ri-jo — *Ῥίον*, буквально «высокий мыс» (Kazanskiene, Kazansky 1986: 65), не можем понимать как генитив, так как в генитиве была бы форма **ri-jo-jo* (для тематического склонения) или *ri-jo-no* (для атематического склонения). У Гомера *Ῥίον* упоминается только как нарицательное существительное в значении «мыс» или «вершина»: *ἐνθα Νότος μέγα κῦμα ποτὶ σκαῖὸν Ῥίον ὠθεῖ* (*Od.* III, 295) «Там Нот устремляет огромные волны на левый мыс».

Топоним *Ῥίον* встречается как название мыса на побережье Ахайи в коринфском заливе, упоминается у Страбона (Strab.

VIII, 2, 3) и у Еврипида в трагедии *Ион*, в речи Афины к Иону и Креусе, которая говорит о том, что их сын Ахей будет править на прибрежной земле Риона: Ἀχαιός, ὃς γῆς παραλίᾳς Ρίου πέλας // τύραννος ἔσται (Eur. Ion, 1592–3). Наименование также встречается в Этолии (Xen. Hell, IV, 6, 14), на противоположном берегу от Ахейского Риона, поэтому также имеет название Ἀντίρριον. Однако микенский топоним ti-jo отождествляется с другой областью, с мысом в области Ἀσίνη на юго-востоке от Пилоса, в южной части Мессенского залива².

ti-mi-to-a-ke-e — /themistos agkehei/ Θέμιστος ἄγκος («долина Фемиды»), предположительно находилась на северо-востоке Мессенского залива, на месте современного города Нихория. Один из городов Дальней провинции, список городов которой встречается также в табличках Cn 600, Ma 123, Na 361, An 661 (DMic II, 348).

ra-jwa-ra-ta₂ — /Lauranthiai/ *Λαυράνθια, образованное от λαῦρα (улица, дорога в долине) (Kazanskiene, Kazansky 1986: 125).

e-ra-te-re-wa-pi — местность находилась в северо-западной части Дальней Провинции, в районе притоков реки Памисос) может быть образована от имени Ἐλατρεύς, в Одиссее (*Od.* VIII, 111; 129) среди феаков, участвующих в состязаниях, упоминается Элатрей (Ἐλατρεύς)³ и другие, чьи имена образованы от слов, связанных с морским делом: Ναυτεύς ‘Моряк’ (от ναῦς ‘корабль’), Πρύμνεύς ‘Кормчий’ (от πρῦμνη ‘корма’), особенно интересно имя Ἐρετμεύς ‘Гребец’ (от глагола ἐρετμόω ‘снабжать веслами’), так как также встречается в микенском как название специализации «гребец» e-re-ta /eretās/ (греч. ἐρέτης).

Неясна основа данного топонима: с одной стороны, форма gen. pl. e-ra-te-re-wa-o показывает gen. pl. на -a-o /-āhōn/, который встречается в парадигме склонения на -a (-eH₂). С другой стороны, топоним также встречается в форме dat.-loc. sg. e-ra-te-re-we, которая имеет атематическую основу (как и имена -ευς) и образовано от Ἐλατρεύς. Вентрис и Чедвик предполагали, что эта форма может быть отдельным топонимом с атематической основой (Ventris, Chadwick 1973: 417).

Если выделить суффикс *nomina agentis* -τηρ- (Chantraine 1968: 330), то форма понимается как /elater-wa-phi/, однако неясно, как понимать слог -wa-. Существительные с суффиксом

² Современное название мыса — Корони (Ventris, Chadwick 1973: 142).

³ DMic I: 236. Имена на -ευς позднее конкурировали с именами на -τηρ, -τωρ, -της (Chantraine 1968: 129).

-τηρ- имеют атематическую основу, ожидалось бы написание *e-ra-te-pi /elater-phi/. Аура Хорро предполагает форму номинатива: *Ἐλατρῆφι, тогда e-ra-te-re-wa-pi можно понимать как /Elatrēūā-pi/, с нулевой ступенью суффикса -τρ- и суффиксом -ῆϕ-. Гомеровские формы на -ηφι встречаются среди существительных с основой на -ā: εὐνήφι, (от εὐνή), κλισίηφι (от κλισίη).

za-ma-e-wi-ja – Топоним, образованный от топонима или этнонима на -ευς.

e-re-i – /elehei/, dat.-loc. sg. от τὸ ἔλος, ἔλεος «болото».

Топонимы a-pu₂-we (ст. 8), ti-mi-to-a-ke-e (ст. 13) и e-re-i (ст. 19) стоят в форме датива-локатива с окончаниями /-ei/ и /-i/, на основании этого предполагается локативное значение и для форм pa-ki-ja-pi и e-ra-te-re-wa-pi:

.7 pa-ki-ja-pi , ko-re-te AES M 2 po-ro-ko-re-te AES N 3
«в Сфагианах коретер (отдаст) БРОНЗЫ 2 кг, po-ro-ko-re-te-re (отдаст) БРОНЗЫ 750 г

3). PY Ma 221

.1 pa-ki-ja-pi *146 22 RI M 22 KE M 7 *152 10 O M 4[] ME 400[
.2 o-da-a₂ , ka-ke-we , o-u-di-do-si , *146 1 RI M 1 *152 1 O M 1 ME 20

Серия Ма посвящена сбору налогов в виде шести продуктов или предметов, точное значение идеограмм неизвестно (возможно идеограмма *146 обозначает ткань, четвертая идеограмма*152 — бычья шкура).

ka-ke-we — khalkewes/ кузнецы (Nom. pl. от χαλκεύς).

o-da-a₂ — /(*hod*)-a-hā/ понимается Н. Н. Казанским как «и вот таким образом» — комплекс частиц ὅδε hō + de < *jō (форма инструменталиса от относительной местоименной основы jo-) + δε и удвоенной частицы a-hā < *hā-hā, от основы указательного местоимения *se-/ so- (первая основа теряет придыхательность и является, таким образом, примером домикенского действия закона Грассмана) (Kazansky 1999: 514).

o-u-di-do-si /ou didonsi/ — «они не отдают» (praes. ind. act. 3 pl. от глагола δίδωμι). Всю строку Ив Дюу понимает как указание на освобождение от уплаты части налога: «кузнецы не должны платить» (при этом это количество входит в общую сумму) (Duhoux, Morgurgo Davies 2008: 313). Значение формы не вполне ясно, очевидно, что оно не соответствует презенсу: возможно, praesens pro futuro («не внесут»). Ив Дюу интерпретирует значение формы как уступительное («однако не должны платить») (Yves Duhoux 1968: 88, n. 56), что кажется наиболее вероятным. Возможно, речь идет о налоговой льготе.

Таким образом, в табличке Ма 221 во второй строке говорится о том, что кузнецы частично освобождены от уплаты налога, поэтому из ожидаемых двадцати двух предметов *146 не отдали 1 шт., из ожидаемых двадцати двух предметов RI M не отдали 1, и т. д.

	*146	RI M	KE M	*152	O M	ME
Из Сфагиан (ожидаемое кол-во налога):	22	22	7	10	4[]	400[
И вот таким образом, однако, кузнецы не платят (освобождены от уплаты)	1	1			1	20

4). PY Eb 338

.A ka-pa-ti-ja , ka-ra-wi-po[-ro pa-]ki-ja-pi , e-ke-qe , to-so-de pe-mo
 .B ke-ke-me-no , ko-to-no_ dwo , o-pe-ro-sa-de , wo-zo-e , o-wo-ze GRA[
 .A Karpathia klāwiphoros Sphagiām-phi ekhei tos(s)on-de spermon
 .B kekeimenō ktoinō dwō ophēlonsa de worzohen ou worzei ЗЕРНО

«Карпатия, носящая ключ (жрица) из Сфагианан, и имеет два участка общественной земли,
 и должна (их) обрабатывать, но не обрабатывает. ЗЕРНО x литров».

ke-ke-me-no — /kekeimenō/ асс. dual. ж.р. от медиального причастия от κέῖμαι «лежать», обозначение общественной земли, принадлежащей da-mo /dāmos/.

ko-to-no — /ktoinō/ асс. dual. от κτοῖνα, «участок земли».

o-pe-ro-sa — /ophēlonsa/ причастие ном. sg. ж.р. от ὀφείλω «быть должным».

wo-zo-e — /worzohen/ ошибочное написание формы wo-ze-e /worzehen/ inf. praes. act. От корня *Forγ-, который с другой огласовкой корня сохранился в глаголе ἔρω (ἔρῶ) «делать».

o-wo-ze — /ow-wozei/ форма praes.ind. act. 3 sg от этого же глагола с отрицанием.

Топоним входит в глагольную группу при e-ke /ekhei/ «имеет». В данном случае pa-ki-ja-pi может иметь два значения, относиться или к земле («имеет в Сфагианах столько зерна», т.е. участок земли, который можно засеять таким количеством зерна) (Ventris, Chadwick 1973: 257) или к самой жрице («жрица (которая живет) в Сфагианах») (Waanders 1997: 99). Дориа предполагал аблативное значение («жрица из Сфагиан») (Doria 1965: 127). Бернабе и Лухан интерпретируют форму pa-ki-ja-pi

как локативную (Bernabé, Luján 2006: 228). Аблативное значение представляется более вероятным, ср. во фрагменте Алкмана форма οὐρανίῃ (Fr. 50).

5). PY An 1

.1	e-re-ta , pe-re-u-ro-na-de , / i-jo-te	
.2	ro-o-wa	VIR 8
.3	ri-jo	VIR 5
.4	po-ra-pi	VIR 4
.5	te-ta-ra-ne	VIR 6
.6	a-po-ne-we	VIR 7

В тексте описываются группы гребцов (e-re-ta /eretai/ от ἐρέτης «гребец»), которые направляются в Плеврон (Πλευρών, pe-re-u-ro-na-de /Pleurōna-de/), и перечисляются населенные пункты, в которых они жили (Bernabé, Luján 2006, 252). Ваандерс оставляет открытым вопрос о значении формы po-ra-pi (локативное или аблативное значение) (Waanders 1997: 106). Аблативное значение при форме i-jo-te (/iontes/ part. praes. act. от ἵμι идти) кажется более вероятным.

Аблативное значение форм на -pi / -φι при глаголах движения имеет параллели в гомеровских текстах. Во второй книге Илиады форма ναῦφι употребляется без предлога при глаголе ἀφορμάω ‘отправляться’, ‘устремляться’: δέγμενος⁴ ὀπλότε ναῦφι ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί (Il. II, 794) ‘Прислушиваясь, когда от кораблей устремятся Ахейцы’. В Scholia minora форма ναῦφι объясняется как ἀπὸ τῶν νεῶν ‘от кораблей’ (Heune 1834: 142 (Vol. I)), таким образом подтверждается аблативное значение. Монро (Monro 1929: 275) и Латач (Brügger, Stoevesandt, Visser 2010: 258. Так же у Leaf 1900: 110) также определяют значение как генитивное, восходящее к аблативному. Форма ναῦφι также засвидетельствована при глаголах со значением ‘идти’. При ἐλεύσομαι (fut. med. от ἔρχομαι) с предлогом παρά: οὐ κόσμῳ παρά ναῦφι ἐλευσόμεθ’ αὐτὰ κέλευθα (Il. XII, 225) ‘В беспорядке от кораблей мы придем теми же путями’. После νέομαι (‘идти’, ‘отправляться’) в 14-ой песни Одиссеи с предлогом παρά: εἰ πλέοντας παρά ναῦφι ἐποτρύνειε νέεσθαι (Od. XIV, 498) ‘О если бы он приказал многим от кораблей возвратиться’. Данные

⁴ Part. Aor. med. От δέχομαι ‘принимать’, ‘воспринимать’, ‘слышать’.

формы Шантрэн рассматривал как генитивные⁵. При глаголе $\rho\acute{\epsilon}\omega$ ('течь') $\delta\rho\epsilon\sigma\phi\iota$ в аблативном значении и с предлогом $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$: $\acute{\omega}\varsigma \delta' \acute{\omicron}\tau\epsilon \chi\epsilon\iota\mu\acute{\alpha}\rho\rho\iota \rho\omicron\tau\alpha\mu\omicron\iota \kappa\alpha\tau' \delta\rho\epsilon\sigma\phi\iota \rho\acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (II. IV, 452) 'Как когда бурные реки, с гор текущие' (также $\chi\epsilon\iota\mu\acute{\alpha}\rho\rho\upsilon\varsigma \kappa\alpha\tau' \delta\rho\epsilon\sigma\phi\iota\nu$, $\acute{\omicron}\lambda\alpha\zeta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \Delta\iota\acute{\omicron}\varsigma \acute{\omicron}\mu\beta\rho\phi$ (II. XI, 493) '(как река) стремительная с гор, теснимая дождем Зевса').

6). PY Nn 228

- .1 **o-o-pe-ro-si** , $\rho\iota$ -no , o-pe-ro
- .2 u-ka-jo , SA 20 ro-o-wa , SA 35
- .3 $\rho\upsilon_2$ -ra₂-a-ke-re-u , SA 10 ke-i-ja-ka-ra-na
- .4 SA 5 di-wi-ja-ta , SA 60
- .5 a-pi-no-e-wi-jo SA 28
- .6 **ro-ra-pi** , SA 10 e-na-ro-ro , SA 33
- .7 **te-tu-ru-we** SA 38

Первая строка читается как $h\bar{o}$ $orph\bar{e}lon\bar{s}i$ $linon$: $ophelos$ («так они должны лен (в качестве налога): долг»). Далее перечисляются топонимы, один из которых стоит в форме номинатива ($\rho\upsilon_2$ -ra₂-a-ke-re-u), te - tu - ru - we – в форме локатива или в $nom. pl.$ Остальные формы топонимов (u-ka-jo, ro-o-wa, ke-i-ja-ka-ra-na, di-wi-ja-ta, a-pi-no-e-wi-jo, e-na-ro-ro) на письме не различаются в формах номинатива и датива-локатива и аблатива и являются второстепенными населенными пунктами Дальней Провинции (Melena 2001: 60).

Форму ro-ra-pi Бернабе и Лухан предлагают соотносить с топонимом $\Sigma\lambda\omicron\rho\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$ в форме / $Spor\acute{\alpha}d$ -phi/ с локативным значением (Bernabé, Luján 2006: 355; Doria 1965: 249). Мелена интерпретирует форму как $loc.$ от / $Spolai$ / с основой на $-eN_2$ (Melena 2001: 60) Ввиду наличия рядом формы $dat.$ - $loc. sg.$ кажется более вероятным локативное значение.

7). PY Na 924.B

- .A to-sa SA 10
 - .B $\rho\iota$ -sa-pi , SA 30 me-to-re , **e-re-u-te-ro-se**
- Лен в $\Lambda\iota\sigma\sigma\alpha$ ($\Lambda\iota\sigma\sigma\bar{\alpha}$ - $\phi\iota$): 30. Μετῶρης сделал свободным (от уплаты налога) столько льна: 10.

Глагол e-re-u-te-ro-se понимается как / $eleuther\bar{o}se$ / (форма аориста) 'освободил', 'предоставил освобождение' (Bernabé, Luján 2006: 313). Ив Дюю предполагает, что речь идет об

⁵ Chantraine 1958: 237. Шантрэн также отмечает, что, в отличие от $\delta\rho\epsilon\sigma\phi\iota$, метрически эквивалентная форма $\delta\rho\epsilon\sigma\sigma\iota$ используется всегда при прилагательном $\iota\beta\omicron\varsigma$ и с предлогом $\acute{\epsilon}\nu$.

освобождении от уплаты налога (Duhoux 1968: 89). Вентрис и Чедвик считали формулы e-re-u-te-ro-se и o-u-di-do-si («не отдают», т. е. «не должны платить» см. выше табл. РY Ма 221) равными по значению (Ventris, Chadwick 1973: 298). Топоним ri-sa-pi не имеет точной интерпретации. Если предположить, что он относится к топонимам на -αλις, тогда это может быть форма номинатива. Однако большинство исследователей полагает, что это форма Loc. pl. с окончанием -pi: Λίσσα-φι /lissa-phi/ (Doria 1965: 147. Bernabé, Luján 2006: 335).

Именная группа

1). РY Ad 678

po-to-ro-wa-pi ri-ne-ja-o ko-wo VIR ko-wo 1 [
po-to-ro-wa-pi lineiāhōn korwos

В местности po-to-ro-wa-pi⁶ женщин, обрабатывающих лен, сын 1

В других текстах серии Ad встречаются топонимы в форме dat.-loc. sg. на /-ei/: a-pu-ne-we (Ad 684), e-pi-ko-e (Ad 672), поэтому форма po-to-ro-wa-pi понимается как локативная.

2). РY An 607

.1a -ja
.1b me-ta-pa, ke-ri-mi-ja, do-qe-ja, ki-ri-te-wi-
.2 do-qe-ja, do-e-ro, pa-te, **ma-te-de**, ku-te-re-u-pi
<...>

В этой табличке упоминаются женщины, которые охарактеризованы с помощью формы do-qe-ja. Форма является именем богини в родительном падеже, к которой они относятся, или обозначает их профессию (соответственно, является прилагательным в форме номинатива множественного числа). Затем указывается информация об их отцах и матерях, pa-te (понимается как /patēr/) и ma-te (/mātēr/). Топоним ku-te-re-u-pi имеет несколько толкований. Первая возможная интерпретация — аблативное значение, место происхождения (вероятно, «с острова Кифера»), однако основа на -εϋ не позволяет напрямую соотносить топоним с названием Κύθηρα и с этнонимом ku-te-ra₃/Kuthera/ «Киферянки» (РY Aa 506) (*DMic* I: 413).

Другая возможная интерпретация предлагалась Ваандерсом, который полагал, что так как в тексте таблички описывается не происхождение родителей женщин, а их профессия и статус (к

⁶ Нет точной интерпретации, имеются варианты /Pontorroqā-phi/, /Bothro-wā-phi/ от βόθρος 'яма' и /Ptolowa-phi/ (*DMic* II: 164).

примеру, в соседних строчках указывается, что отцом женщины является кузнец (ka-ke-u), а матерью — рабыня (do-e-ra)). Ввиду этого он интерпретирует топоним ku-te-re-u-pi /khuṭrēu-pi/ как форму локатива от χυτρήFeς и, соответственно, «живущая среди горшечников» или «в деревне горшечников» (возможное название местности).

3). PY Cn 643

.1 a-ra-re-u-pi , pa-ra-ro , wo-ne-we [•]^m L 40 L
 <...>.5 ma-]ro-pi , pu-ma-ra-ko , we-da-ne-wo CAP^m 100

В табличке PY Cn 643 в самом начале присутствует имя в номинативе pa-ra-ro, затем существительное в форме номинатива множественного числа wo-ne-we⁷, которое является описанием молодых овец. Затем начало каждой из строк содержит топоним, за которым следует имя пастуха в именительном падеже. Последнее слово в описании является именем того, кто владеет стадом, имя стоит в форме генитива. Затем упоминается количество скота (свиней или коз) в стаде. Кроме этого, в тексте представлено другое наименование местности в форме на -pi, в пятой строке таблички. Местность a-ra-re-u-pi (форма Loc. pl. от *Άφαρέυς) к Дальней Провинции (Doria 1965: 247). ma-ro-pi предположительно является форма от *Māλών, сопоставляется с μῆλον 'яблоко', все формы ma-ro-pi в табличках серии Cn понимаются как локативные (DMic I: 427).

4). PY Cn 925

.1 da-we-u-pi , pa-ro , ko-ma-we-te SUS^m 16
 .2 da-we-u-pi , pa-ro , e-te-we SUS^f 16
 .3 da-we-u-pi , pa-ro , e-do-mo-ne-we SUS^f 28

В тексте перечисляются пастухи и количество свиней у каждого, в местности da-we-u-pi. Имена пастухов употребляются в форме датива и входят в предложную конструкцию с предлогом pa-ro. Предлог pa-ro понимается как «у кого-то». Топоним da-we-u-pi образован от основы на -ευ. Вероятнее всего, обозначает место нахождения стада, для наименования предполагается локативное значение.

5). PY Cn 595

.1 e-ra-te-re-wa-pi , ta-to-mo , o-pe-ro ,
 .2 me-ta-pa , a-we-ke-se-u VIR 1 OVIS+TA 5
 .3 ne-de-we-e OVIS+TA 9
 .4 u-de-wi-ne VIR 2 OVIS+TA 8
 .5 ma-to-ro-pu-ro OVIS+TA 1 <...>

⁷ /wornēwes/ 'молодняк' (Kazanskiene, Kazansky 1986: 71).

В табличке перечисляется долг относительно стад (ta-to-mo o-pe-ro /stathmōn (gen. pl.) orhelos/ «долг стада»), далее первое место в строке занимает название местности, за ним следует имя пастуха в номинативе и количество овец. Названия местностей с окончанием /-e/, имеющие значение локатива (ne-de-we-e, u-de-wi-ne), позволяют предположить, что форма e-ra-te-re-wa-pi (также в тексте РY Jn 829 выше, п. 1) в этом контексте также имеет локативное значение.

6). РY Cn 131

- .1 pi-*82 , we-re-ke
<...>
.6 ma-ro-pi , to-ro-wi OVIS^m 130 X pa-ro , a-no-po OVIS^m 130 X
.7 pa-ro , ke-ro-wo OVIS^m 130 X pa-ro , ra-pa-sa-ko OVIS^m 91 X

Ввиду краткости приведем только три строчки из данной таблички. Топоним ma-ro-pi упоминается в пилосском тексте РY Cn 131, который в первой строке имеет слово we-re-ke. Данное существительное интерпретируется как nom. pl. /wreges/ «загон для скота» в различных поселениях. За названиями этих поселений стоит предлог pa-ro с дательным падежом. Предложная конструкция имеет локативное значение: «у / во владениях X» (Kazansky 2006: 102). Ввиду этого можно сделать предположение, что топоним ma-ro-pi (/mārōm-phi/ форма от *Māllōv, см. выше в табличке РY Cn 643) и прочие названия местностей употреблены в форме локатива.

7). РY Cn 40

- .1 wa-no-jo , wo-wo , pa-ro , ne-ti-ja-no-re , pa-ra-jo OVIS^m 140
<...>
.8 ma-ro-pi , pa-ro , ro-ko , pa-ra-jo OVIS^m 150
.9 ma-ro-pi , pa-ro , ka-da-ro , we-da-ne-wo OVIS^m 85
.10 ma-ro , pa-ro , tu-ri-ta , a-ke-o-jo OVIS^m 80

Текст РY Cn 40 состоит из названия местности, в т.ч. wa-no-jo wo-wo, имени в дативе с предлогом pa-ro, обозначения овец pa-ra-jo /palaioi/ (старые) / wo-ne-we /wornēwes/ ‘молодняк’ в первой строке, далее вместо них имя владельца стада в генитиве. В строках 8 и 9 топоним встречается в форме Loc. pl. ma-ro-pi, в строках 10 и 12 – в форме ma-ro (номинатив рубрики).

8). РY Cn 45

- .10 pa-na-pi , e-ne-ti-jo(Dat.) , a-ko-so-ta-o(Gen.) CAP^f 3L 4 L

В тексте РY Cn 45, как и в других табличках данной серии, речь идет о стадах и их местонахождении (Palmer 1963: 164), схема текста – топоним, имя с предлогом pa-ro, имя владельца стада в генитиве. pa-na-pi (местность в Дальней Провинции)

предположительно понимают как форму Loc. pl. /Phanā-phi/ сравнимая с названием Φανά в Этолии (*DMic* II: 77). После pa-pi следует имя пастуха в дативе (e-ne-ti-jo), (возможно, пропущено pa-go перед последующим именем в Dat., так как в соседних строках pa-go X). В других строках используется конструкция с pa-go и именем в дативе и топонимом в локативе.

9). PY Gn 720

- .1 da-ka-ja-pi , pi-ke-te-i VIN 360 литров
- .2 i-ka-sa-ja , ru-ki-jo VIN 324 литра
- .1 В местности da-ka-ja-pi Филкертю ВИНО 10
- .2 В местности i-ka-sa-ja Лукию ВИНО 9

Название местности da-ka-ja-pi (топоним с неизвестным корнем и основой на -a) в форме Loc. pl., вино выдается людям, по имени pi-ke-te-i (dat. sg. /Phil-kertei/⁸) и ru-ki-jo (dat. sg. /Lukiōi/⁹), большое количество вина может указывать на то, что оно выдавалось в ритуальных целях и для распределения между общинами, которые представляют эти два человека (*Waanders* 1997: 100).

Гомеровские примеры делятся на две группы: с локативным и аблативным значением, внутри каждой группы выделяются беспредложные примеры, примеры с предлогом и с глагольной приставкой в тмесисе, поскольку не всегда возможно отличить тмесис от предложного употребления. Также встречаются формы на -φι с инструментальным значением (ἐτερῆφι «другой (рукой)» *Il.* XVI, 734) и значением собственно генитива (διὰ στήθεσφι «через грудь» *Il.* V, 41) и датива (только один случай, φρήτρφι «с фратрией» *Il.* II, 363). Беспредложные формы И.М. Тронский считал не именными, а наречными образованиями, так как при них отсутствуют определения (*Tronsky* 1960: 47). Д. Гольстин полагает, что -φι является падежным окончанием, а также, за исключением нескольких форм, создает метрически удобные дублеты (напр., δακρούφι и δακρούων) (*Goldstein* 2020: 9). В то же время есть формы на -φι, которые имеют такую же метрическую структуру, как формы на -σι: ὄρεσφι / ὄρεσσι, ναῦφι / νηυσί. В отличие от микенских текстов, формы на -φι у Гомера имеют также значение единственного числа: παλάμηφι «из руки» (*Il.* III, 368). А. Зилер считает, что это является архаической чертой, которая сохранилась в гомеровском

⁸ С неясным корнем во второй части композита — возможно, от κράτος (*Ruijgh* 1991: 262).

⁹ Вероятно, от λύκος (*Ventris, Chadwick* 1973: 581).

греческом, но не сохранилась в микенском, и соотносится с элементом *-bhi* в формах датива личных местоимений: и.-е. **tebhi*, **mebhi* (к которым восходят формы ст.-слав. *тебе*, лат. *tibi*, др.-инд. *túbhya*)¹⁰.

Аблативное значение φι

Без предлога:

1). δέγμενος¹¹ ὀπλότε **ναῦφιν** ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί (И. II, 794) «Прислушиваясь, когда от кораблей устремятся Ахейцы» (см. выше п. 5, РУ An 5).

2). ἐκ δέ μοι ἔγχος // ἤϊχθη **παλάμηφιν** ἐτώσιον (И. III, 367–368) «И у меня копье // вылетело из руки без пользы». Аблативное значение приводится и в Scholia Minora: *παλάμηφι* — ἐκ τῆς χειρός (Heune 1834 (I): 179). Кёрк определяет форму *παλάμηφι* как генитив-аблатив и предполагает, что он зависит от ἐκ, который является предлогом или приставкой глагола ἤϊχθη (Kirk 1985 (I): 319).

3). πολλὰ δὲ καὶ καθύπερθε **μελαθρόφιν** ἐξεκέχυντο (Od. VIII, 279) «И много (сетей) раскидал с кровли вниз». На аблативное значение указывается и в Scholia Graeca к Одиссее: данная строка понимается как *πολλὰ δὲ καὶ ἄνωθεν ἐκ τῆς ὀροφῆς ἐξήρτηντο, ἵνα δίκην παγίδος ἐμπέσοι αὐτοῖς* «многие же и сверху с крыши свисали, чтобы, наподобие ловушки, падали на них» (Dindorf 1855: 380 (Vol. I)). Форма является образованием от тематической основы.

С предлогом / глагольной приставкой в тмесисе — 34:

С предлогом ἀπό: **αὐτόφιν** «от них» (*χαλκὸς ἀπ' αὐτόφιν οὐρανὸν εἶσω // λάμπ', И. XI, 44–45*) «И далеко медь от них в небо // блистала». В схолиях ἀπ' αὐτόφιν интерпретируется как ἀπ' αὐτῶν (Heune 1834 (I): 495). Хейнсворт описывает форму *αὐτόφιν* как метрически удобный дублет форм gen. pl. и dat. pl. (Hainsworth 1993: 223 (Vol. III)). **ἔσχαρόφιν** (2) «от очага (жаровни)¹²» (Od. VII, 169; XIX, 389). **ἰκρίόφιν** (2) «с палубы» (Od. XII, 414, XV, 552). **κεφαλήφιν** «с головы» – τοῦ δ' ἀπὸ μὲν

¹⁰ Sihler 1995: 252, 372. Окончание *-bhi в данных местоимениях переходило в *-bhey по аналогии с формами dat. sg. -ei (Ibid.: 378).

¹¹ Part. aor. med. от δέχομαι 'принимать', 'воспринимать', 'слышать'.

¹² Это существительное встречается еще в микенском диалекте, в табличке РУ Та 719: e-ka-ra /eskhara/ 'очажок на ножках', 'переносная жаровня' в табличке РУ Та 709 (Kazanskiene, Kazansky 1986: 122).

κτιδέην κυνέην κεφαλῆφιν ἔλοντο (Il. X, 458) «А с его головы шлем меховой сняли». **ναῦφι** «от кораблей» — αὐτὰρ ἐπεὶ κ' ἀπὸ ναῦφι μάχην ἐνοπήν τε δίηται (Il. XVI, 246) «Когда же от кораблей отведет шум сражения». **νευρήφι (4)** — с предложом ἀπὸ и значением 'с тетивы' в описаниях стрельбы из лука: ἀπὸ νευρήφι (Il. VIII 300, 309; XV, 313; XVI, 773). **πασσαλόφι** при глаголе αἰρέω, ἀπὸ πασσαλόφι ζυγὸν ἦρειον ἡμίονειον (Il. XXIV, 268) «И сняли с гвоздя ярмо, надеваемое на мула (букв. «с гвоздя»)». **ὄστεόφιν** «с костей» (Od. XIV, 134). **πνυόφιν** «от вейлки» (Il. XIII, 588–589), **στήθεσφι (2)** — с глаголом со значением отвязывать / снимать с груди: ἀπὸ στήθεσφι ἐλύσατο (Il. XIV, 214), αἶνυτ' ἀπὸ στήθεσφι (Il. XI, 374). **στρατόφι** — αἰεὶ μιν ποτὶ νῆας ἀπὸ στρατόφι προτιελεῖν (Il. X, 347) «Всегда его к кораблям от войска оттеснять». **χαλκόφι** «от меди» (Il. XI, 351)¹³.

С ἐκ/ἐξ: **εὐνήφι (4)** — в словосочетании ὄρνυτ' ἄρ' ἐξ εὐνήφι «встал с ложа» (Od. II, 2; III, 405; IV, 307), а также при глаголе θρόσκω «выскочившего из норы»: ἐξ εὐνήφι θορόντα (Il. XV, 580). **Ἐρέβεσφιν** — ἐκλυεν ἐξ Ἐρέβεσφιν, ἀμείλιχον ἦτορ ἔχουσα (Il. IX, 572) «Услышала из Эреба, неумолимое сердце имея». **θεόφι** (Ἀδρήστου ταχὺν ἵππον, ὃς ἐκ θεόφιν γένος ἦεν (Il. XXIII, 347) «На быстром Адрастовом коне, который был по своему роду от бога»). Форма θεόφιν представляет собой genetivus originis. **ἐκ πασσαλόφι (2)** κρέμασεν (Od. VIII, 67; 105) 'свесил формингу с гвоздя'. Аблативное значение приводится в Scholia Graeca: καὶ δ' ἐκ πασσαλόφι — καὶ ἐκ τοῦ πασσαλόφου δὲ ἐκρέμασε τὴν φόρμιγγα (Dindorf 1855: 361 (Vol. I)). **ποντόφιν** τηλεφανῆς εἶη «чтобы был виден с моря» (Od. XXIV, 83). **στήθεσφι** — τόσσην ἐκ στήθεσφι ὄλα κρείων Ἐνοσίχθων // ἦκεν (Il. XIV, 150–151) «Столь великий вопль из груди издал владыка Землеколебатель». В Scholia minora для ἐκ στήθεσφι указывается аблативное значение: ἐκ τῶν στηθῶν (Heune 1834: 67 (Vol. II)).

С κατά: **ὄρεσφι (2)** — с при описании рек, текущих с гор: ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες (Il. IV, 452; XI, 493).

С παρά: **ναῦφιν (2)** «от кораблей» — при глаголах со значением «идти» (νέομαι, ἔρχομαι): παρὰ ναῦφιν νέεσθαι (Od. XIV, 498), παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθα (Il. XII, 225).

С ὑπό: **ζυγόφιν** «от ярма» (Il. XXIV, 576), **ὄχεσφι** — μὴ δὴ πω ὑπ' ὄχεσφι λυόμεθα μώνυχας ἵππους (Il. XXIII, 7) «Давайте не

¹³ Хэйнсворт интерпретирует форму ἀπὸ χαλκόφι как gen. sg (Hainsworth 1993 (III): 265).

будем отпрягать коней от колесниц». Ричардсон в комментариях к Илиаде полагает, что в этом примере форма ὄχεσφι имеет аблативное значение (Richardson 1993 (VI): 167).

Локативное значение

Без предлога – 14

κεφαλῆφι (3) — παρεστάμεναι κεφαλῆφι (*Od.* XX, 93–94) «стоять у головы», также κεφαλῆφιν ἐπέστη (*Il.* X, 496), κεφαλῆφιν λάβεν (*Il.* XVI, 762) «схватил за голову».

ἀγέληφι (2) — ἦϋτε βοῦς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων (*Il.* II, 480) 'Как большой бык в стаде, лучший из всех'. В *Scholia minora* ἀγέληφι объясняется как ἐν τῇ ἀγέλῃ, ἐν ᾧ πλήθει (Heune 1834: 117 (Vol. I)), что подтверждает локативное значение. Аналогичная конструкция в *Il.* XVI, 487: ἦϋτε ταῦρον ἔλεφνε λέων ἀγέληφι μετελθών — 'Словно лев поразил быка, появившийся в стаде'.

ὄρεσφι (4) — «в горах» (*Il.* XXII, 189; XI, 474; XIX, 376; XXII, 139).

παλάμηφι (3) — εἴλετο δ' ἄλκιμον ἔγχος, ὃ οἱ παλάμηφι ἀρήρει (*Il.* III, 338; XVI, 139) (*Od.* XVII, 4) — Взял же копье, которое ему было впору в руке. В *Scholia Minora* форма παλάμηφι трактуется как τῇ χειρὶ (Heune 1834: 177 (Vol. I)). **Φθίηφι** — «во Фтии» (*Il.* XIX, 323). **κλισίηφι** — «в шатре» (*Il.* XII, 168).

С предлогом / глагольной приставкой в тмесисе – 29

С предлогом ἀμφί: **στήθεσφι** — «на груди» (*Od.* XIV, 173–174). **κεφαλῆφιν** (2) — «вокруг головы» (*Il.* X, 257, 261). Шантрен понимал значения этих форм как дативные, восходящие к локативу (Chantraine 1958: 237). **ὄστεόφι** «на костях» (*Od.* XVI, 145).

С ἐν: **δεξιτερῆφι** (2) — ἐν χειρὶ δεξιτερῆφι «в правой руке» (*Il.* XXIV, 284), (*Od.* XV, 148).

С ἐπί: **κεφαλῆφιν** «на голове» (*Il.* X, 30), **νευρῆφιν** «на тетиве» (*Od.* XI, 607), **ἰκρίόφιν** (3) «на палубе» (*Od.* XV, 283; III, 353; XIII, 74). **ἔσχαρόφιν** — πῦρ μὲν ἐπ' ἔσχαρόφιν μέγα καίετο, τηλόσε δ' ὀδμῆ (*Od.* V, 59) 'Большой огонь горел на жаровне, и далеко запах (разносился)'. Хейнсворт отмечает, что точное значение формы ἔσχαρόφι неизвестно, возможно генитивное или дативное значение (Heubeck, West, Hainsworth 1988: 261 (Vol. I)). Слово ἔσχάρη засвидетельствовано еще в микенском

диалекте: e-ka-ra /eskhara/ «очажок на ножках» с определением re-de-we-sa /pedewessa/, «переносная жаровня» в табличке PY Ta 709 (Kazanskiene, Kazansky 1986: 122). *αὐτόφιν* «около него» (Il. XIX, 255).

С *παρά*: *ῥχεσφι* (5) — «у колесницы» (Il. V, 28; V, 794; VIII 565; XII, 91), «у колесниц» (Il. XV, 3). *ναῦφι* (3) — «у кораблей»: *πρὶν ὄρθαι παρὰ ναῦφι* подώκεα Πηλείωνα (Il. VIII, 474) «Прежде чем не поднимется у кораблей быстроногий Пелей». Локативное значение подтверждается *Scholia minora*: *παρὰ ναῦφι* — *παρὰ ταῖς ναυσί* («у кораблей») (Heune 1834: 391 (Vol. I)). Также в Il. XVI, 281, XVIII, 305.

С *πρό*: *ῥχεσφι* «впереди колесницы» (Il. V, 107)

С *πρός*: *κοτυληδονόφιν* «на присосках» (*Od.* V, 433)

С *ὕπο*: *ῥχεσφι* (4) — 1). ὡς εἰπὼν *ὑπ' ῥχεσφι* τιτύσκειτο χαλκόποδ' ἵπλω (Il. VIII, 41) — Так сказав, под ярмо в колеснице он запряг двух медноногих коней.

2). τὼ δ' ἵπλω δέισαντε καταπτήτην *ὑπ' ῥχεσφι* (Il. VIII, 136) — Два коня, испугавшись, пригнулись под ярмом колесницы колесницы. *Scholia minora* указывают, что *καταπτήτην* является формой от глагола *καταπτήσσω* («припадать к земле, нагибаться») (Heune 1834: 372 (Vol. I)).

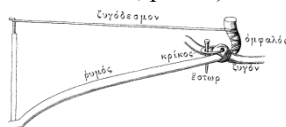
3). ἐνθ' ἔλθων *ὑπ' ῥχεσφι* τιτύσκειτο χαλκόποδ' ἵπλω (Il. XIII, 23) (Посейдон) — «Придя туда, он закрепил под ярмом двух медноногих коней»

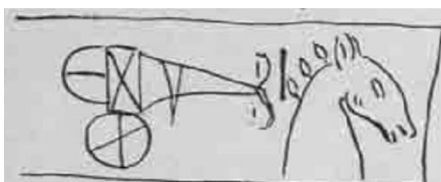
Вероятно, *ὕπο ῥχεσφι* (под колесницей) является метонимией и подразумевается «под ярмом в колеснице». В *scholia minora* к Il. VIII, 41 *ὑπ' ῥχεσφι* τιτύσκειτο понимается как *ὑπεξεύγνυε τῷ ἄρματι* («подвел под ярмо в колеснице») (Heune 1834(I): 366). Гомеровская колесница сравнивается с микенской: с дышлом и прикрепленным к нему ярмом, подобные изображения встречаются на резном сардониксе из Вафио¹⁴.

Ярмо также видно на идеограмме колесницы в микенских табличках (Lorimer 1950: 314):

¹⁴ Lorimer 1950: 311. Дышло и ярмо гомеровской колесницы реконструируется следующим образом (Цымбульский 1889: 29, рис. 8):

ῥυμός (дышло), κρίκος (кольцо), ἔστωρ (болт для скрепления ярма с дышлом), ζυγόν (ярмо), ὀμφαλός (стержень в середине ярма), ζυγόδεσμον (ярменный ремень).

4). κέλευσε // χαλκὸν ζώνυσθαι, ζεῦξαι δ' ὑπ' ὄχεσφι ἕκαστον // ἵπλους (Il. XXIII, 129–130) «Он приказал, чтобы // каждый опоясался медью и запряг под ярмо // коней».

ζυγόφι — τὸν δ' ἄρ' ὑπὸ ζυγόφι προσέφη πόδας αἰόλος ἵπλος (Il. XIX, 404) «Ему же сказал впряженный (под ярмом) быстроногий конь». **κράτεσφι** «под головой» (Il. X, 156).

В целом, можно видеть, что гомеровские примеры чаще встречаются в Илиаде (56 примеров), чем в Одиссее (24 примера). Больше всего примеров представлено в десятой (7), восьмой (6), и одиннадцатой (5) песнях Илиады. Чаще других встречаются лексемы ὄχεσφι (11), ναῦφι (7), κεφαλῆφι (7), ὄρεσφι (6), νευρῆφι (5), στήθεσφι (4). Как и в микенском диалекте, преобладают формы с атематическими основами (30), включая основы на -eH₂ (26), формы с тематическими основами — (24). Формы с атематическими основами включают в себя: ὄχεσφι (11), ναῦφι (7), ὄρεσφι (6), στήθεσφι (4), Ἐρέβεσφι (1), κράτεσφι (1). Среди основ на -eH₂ встречаются κεφαλῆφι (7), νευρῆφι (5), παλάμηφι (4), εὐνήφι (4), δεξιτερῆφι (2), ἀγέληφι (2), κλισίηφι (1), Φθίηφι (1). Тематические основы: ἰκρίοφι (5), πασσαλόφι (3), ἐσχαρόφι (3), ὄστεόφι (2), αὐτόφι (2), ζυγόφι (2), μελαθρόφι (1), θεόφι (1), χαλκόφι (1), στρατόφι (1), πτωόφι (1), ποντοόφι (1), котуληδονόφι (1).

В микенском диалекте из 48 примеров 7 входят в глагольную группу, 41 в составе именной группы. Все примеры, за исключением su-ki-ri-ta-pi (KN D1 47.2), относятся к пилосским текстам. Не имея возможности привести все микенские примеры, суммируем получившиеся данные, которые можно представить в виде следующей таблицы:

Глагольная группа

e-ra-te-re-wa-pi	PY Jn 829.7	LOC
pa-ki-ja-pi	Jn 829.17	LOC
	Ma 221.2, Eb 338.A	ABL
po-ra-pi	Nn 228.6	LOC
	An 1.4	ABL
ri-sa-pi	Na 924.B	LOC

Именная группа

a-pa-re-u-pi	PY Cn 643.1, Cn 719.10	LOC
da-ka-ja-pi	Gn 720.1	LOC
da-we-u-pi	Cn 925.1.2.3	LOC
e-ra-te-re-wa-pi	Cn 595.1	LOC
i-na-pi	An 5.8	LOC
ku-te-re-u-pi	An 607.2	ABL
ma-ro-pi	Cn 131.6, Cn 643.5, 655.1–20, 719.1.2.3, 40.8.9	LOC
mu-ta-pi	An 5.7, Cn 4.2	LOC
pa-na-pi	Cn 45.10	LOC
po-to-ro-wa-pi	Ad 678	LOC
su-ki-ri-ta-pi	KN DI 47.2	LOC

Таким образом, в микенских текстах засвидетельствовано 48 примеров с окончанием -pi. Преобладают формы с локативным значением (44) и представлено только 4 формы с аблативным значением флексии -pi (pa-ki-ja-pi Ma 221.2, PY Eb 338.A, ro-ra-pi PY An 1.4, ku-te-re-u-pi PY An 607.2). В гомеровских текстах зафиксировано немного меньше аблативных форм на -φι (37, из них 3 беспредложных и 34 с предлогами), чем локативных (33, 14 без предлога и 29 с предлогами).

	Примеры без предлога		Примеры с предлогом	
	мик.	гом.	мик.	гом.
Loc.	44	14	-	29
Abl.	4	3	-	34
Всего	48		-	80

Литература

- Bartoněk, A. 2003: *Handbuch des Mykenischen Griechisch*. Heidelberg: C. Winter.
- Beekes, R. S. P. 2011: *Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction*. 2nd ed. Revised and corrected by M. de Vaan. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Bernabé A., Luján E. 2006: *Introducción al griego micénico. Monografías de filología griega*. Zaragoza: Pressas Universitarias de Zaragoza.
- Brügger C., Stoevesandt M., Visser E. 2010: Band II. Zweiter Gesang (B). Faszikel 2: Kommentar. In.: *J. Latacz. Homers Ilias. Gesamtkommentar*. Berlin, New York: Walter De Gruyter.
- Chantraine, P. 1958: *Grammaire Homérique*. Tome I. Phonétique et morphologie. Paris: Librairie C. Klincksieck.

- Chantraine, P. 1968: *La formation des noms en grec ancien*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Dindorf, G. 1855: *Scholia in Homeri Odysseam, ex codicibus aucta et emendata*. Vol. I. Oxonii: ex typographeo academico.
- DMic I–II: *Diccionario Micénico*. Vol. I–II. Ed. Aura Jorro F. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Filología. 1985–1993.
- Doria, M. 1965: *Avviamento allo studio del Miceneo. Struttura, problemi i testi*. Roma: Edizioni dell' Ateneo.
- Duhoux, Y. 1968: Le groupe lexical de δίδωμι en mycénien. *Minos* 9. 81 – 108.
- Duhoux, Y. 2011: Interpreting the Linear B records: some guidelines. In.: *A Companion to Linear B: Mycenaean Greek Texts and their World*. Ed. Y. Duhoux, A. Morpurgo Davies. Vol. 2. Louvain-la-Neuve; Walpole, MA: Peeters Publishers.
- Duhoux, Y., Morpurgo Davies, A. 2008: *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and Their World*. Vol. 1. Louvain-la-Neuve; Dudley: Peeters Publishers.
- Goldstein, D. 2020: Homeric -φι(v) is an oblique case marker // *Transactions of the Philological Society*, 118, 343–375.
- Hainsworth, B. 1993: *The Iliad: a Commentary. Volume III: Books 9–12* / General editor G. S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heubeck A., West S., Hainsworth J.B. 1988: *A Commentary on Homers Odyssey. Volume I: Introduction and Books I–VIII*. Oxford: Clarendon Press.
- Heyne C.G. 1834: *Homerou Ilias.: Homeri Ilias. Cum brevi annotatione curante C.G. Heyne. Accedunt scholia minora passim emendata*. Vol. I. Oxonii: ex typographeo academico.
- Ilievski, Petar Hr. (1961). *Ablativot, instrymentalot i lokativot vo najstarite greki tekstovi* [Ablative, instrumental and locative in the oldest Greek texts]. E' sincretizatolo strumentralecon il dativo? Croatian. Vol. 12. Skopje: Sojuz na društva za antički studii na Makedonija.
- Kazanskiene, V. P., Kazansky, N. N. 1986: *Predmetno-ponyatiynny slovar' grecheskogo yazyka. Krito-mikenskiy period*. [The subject and conceptual dictionary of the Greek language. The Cretan-Mycenaean period]. Leningrad: Nauka.
- Казанскене, В. П., Казанский, Н. Н. 1986: *Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период*. Л.: Наука.
- Kazansky, N. N. 1999: [The initial complex of particles o-da-a₂ and a-ke-a₂ in Mycenaean Greek]. In.: *Poetika. Istotiya literatury. Linguistika. Sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova*. [Poetics. History of literature. Linguistics. Collection to the 70th anniversary of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov]. Moscow: OGI. 508–519.
- Казанский, Н. Н. 1999: Начальный комплекс частиц o-da-a₂ и a-ke-a₂ в микенском греческом. В сб.: *Поэтика. История*

- литературы. *Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*. М.: ОГИ. 508–519.
- Kazansky, N. N. 2006: [Mycenaean pa-ro with Dative and his Possible Correspondences in Homeric Greek]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 10, 102–106.
- Казанский, Н. Н. 2006: Микенское pa-ro с дательным падежом и его возможные соответствия в гомеровском греческом. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 10, 102–106.
- Kazansky, N. N. 2008: [Mycenaean initial tonic particles o- and -jo-]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] XII, 180–186.
- Казанский, Н. Н. 2008: Микенские начальные тонические частицы o- и jo-. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* XII, 180–186.
- Kazansky, N. N. 2021: [Sanctuaries of Boeotia in the Mycenaean period. Interpreting the text TH Av 104+191]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 81 (1), 23–51.
- Казанский, Н. Н. 2021: Фиванские святилища микенского времени. К интерпретации текста TH Av 104+191. *ВДИ* 81 (1), 23–51.
- Kirk, G. S. 1985: *The Iliad: A Commentary. Volume I: Books 1–4*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirk, G. S. 1990: *The Iliad: A Commentary. Volume II: Books 5–8*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leaf, W. 1900–1902: *The Iliad*, edited, with apparatus criticus, prolegomena, notes, and appendices. Vol. I–II. London: Macmillan.
- Lejeune, M. 1958: La désinence -φι en mycénien. Première série (1955–1957). In.: *Mémoires de philologie mycénienne*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 170–201.
- Meineke, A. 1849: *Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt*. Tomus prior. Berolini: Impensis G. Reimeri.
- Melena, J. L. 2001: *Textos griegos micénicos comentados*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Legebiltzarra / Parlamento Vasco.
- Monro, D. B. 1929: *Homer. Iliad, Books I–XII*. Oxford: Oxford University Press.
- Morpurgo Davies, A. 1985: Mycenaean and Greek Language. In.: *Linear B: a 1984 survey. Proceedings of the Mycenaean Colloquium of the VIIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies (Dublin, 27 August–1st September 1984)*. Louvain-la-Neuve: Cabay. 75–125.
- Palmer, L. 1963: *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxford: Oxford University Press.
- Petruševski, M.D. Големото откритие на М. Вентрис // *Živa Antika* 5.2 (1955). 387–401.

- Richardson, N. 1993: *The Iliad: a Commentary. Volume VI: Books 21-24* / General editor G.S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rix, H. 1992: *Historische Grammatik des Griechischen, Laut- und Formenlehre*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Ruijgh, C. J. 1991: Les noms en -won- (- āwon-, -īwon-), -uon- en grec alphabétique et en mycénien / *Scripta Minora af linguam Graecam pertinentia*, ed. J. M. Bremer, A. Rijksbaron, F. M. E. Waanders. Amsterdam: Gieben, 240–286.
- Sihler, A. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Solmsen F., Fraenkel E. 1896: Ein Nominaler Ablativus Singularis im Griechischen. *Rheinisches Museum für Philologie*. 51. Bd. 303-304.
- Tronsky, I. M. 1960: [Formations with -φι in Homeric Epos]. *Eirene. Studia Graeca et Latina I*, 37–50.
- Тронский, И. М. 1960: *Образования на -φι в гомеровском эпосе*. *Eirene. Studia Graeca et Latina I*, 37–50.
- Ventris, M., Chadwick, J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Waanders, Frederik M. J. 1997: *Studies in Local Case Relations in Mycenaean Greek*. Amsterdam: J. C. Gieben, Publisher.

**ГНОСТИЧЕСКИЕ И ЕГИПЕТСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ОБРАЗА *σαρκικὸν πνεῦμα*
(К вопросу о психологии Климента Александрийского)**

В статье исследуется образ «плотского духа» (*τὸ πνεῦμα τὸ σαρκικόν*), который, согласно Клименту, владеет жизненной силой, охватывающей способности питаться, расти и двигаться. Доказывается, что этот образ появился у Климента под влиянием тезиса гностиков о «плотском начале». При сопоставлении отрывков из «Стромат» (где излагается истинное, с точки зрения Климента, учение) и «Извлечений из Феодота» (где приводятся мнения еретиков) оказывается, что методы борьбы с плотскими страстями в обоих случаях очень похожи. Выдвигается гипотеза, что Климент, хорошо знавший египетскую культуру, говоря о «плотском духе», использовал некоторые черты образа «Ка» — олицетворённой жизненной силы, создание которой напоминает сотворение «плотского духа». Климент, пытаясь собрать воедино разрозненную истину, использовал элементы гностического и, отчасти, египетского учения.

Ключевые слова: Климент Александрийский, раннее христианство, психология, антропология, гностицизм, Ка.

A. Yu. Bratukhin
Perm' State National Research University, Perm', Russia. Bratucho@yandex.ru

**Gnostic and Egyptian sources of the image of *σαρκικὸν πνεῦμα*
(on the psychology of Clement of Alexandria)**

The article explores the image of the “carnal spirit” (*τὸ πνεῦμα τὸ σαρκικόν*), which, according to Clement, possesses the vital force, covering the ability to eat, grow and move. It is proved that this image appeared in Clement under the influence of the Gnostics’ thesis about the “carnal principle”. The “earthly and material soul”, “living soul” and “spiritual seed” (*ψυχὴ γεώδης καὶ ὑλική, ψυχὴ ζῶσα* и *τὸ σπέρμα τὸ πνευματικόν*) from his *Extracts from Theodotus* are compared with the “carnal spirit”, with the soul which is introduced after (*ἐπεισκρίνεται*) the formation (*ἡ πλάσις*) of man, and with the dominant principle. The Alexandrian theologian’s characterization of the “carnal spirit” is close to the Gnostics’ assessment of the “earthly soul”, called *τὸ σαρκίον*. When comparing passages from the *Stromata* (where, from the point of view of Clement, the true teaching is stated) and the *Extractions from Theodotus* (where the opinions of heretics are given), it turns out that the methods of dealing with

carnal passions in both cases are very similar. It is hypothesized that, speaking of the “carnal spirit”, Clement, who knew Egyptian culture well, also used the image of “Ka” — the personified life force, the creation of which resembles the creation of the “carnal spirit”. The connection that Clement establishes between the meaning fixed in the Egyptian religion for Ka and the function of the “carnal spirit” can also testify in favor of the dependence of the image of the latter on the image of Ka. The author of the *Stromata* did not strive to be consistent in the use of terms, but spoke about three important parts of a person: about the soul added during the creation of a person, about the leading principle not connected with conception, and about the “wordless part”. The latter (i.e., “carnal spirit”), while formally corresponding to the apostolic concept τὸ σῶμα or τὸ σῶμα τῆς σαρκός, has similarities with the Gnostic “material soul” and the Egyptian Ka. Thus Clement, trying to piece together the torn truth, even used elements of the Gnostic (heretical) and Egyptian (pagan) teachings.

Keywords: Clement of Alexandria, early Christianity, psychology, anthropology, Gnosticism, Ka.

В шестой книге «Стромат» Климент показывает, как число десять представлено в человеке: пять чувств, дар речи (τὸ φωνητικόν), способность к деторождению (τὸ σπερματικόν), <обретённое> при творении духовное начало (τὸ κατὰ τὴν πλάσιν πνευματικόν, т. е. «плотский дух»), ведущее начало души (τὸ ἡγεμονικόν τῆς ψυχῆς) и появляющаяся благодаря вере характерная особенность Святого Духа (τὸ διὰ τῆς πίστεως προσγινόμενον ἁγίου πνεύματος χαρακτηριστικόν ἰδίωμα) (Strom. VI, 16, 134, 2). Как известно, на восемь частей (πέντε μέρη τὰ αἰσθητικὰ, τὸ φωνητικόν, τὸ σπερματικόν, τὸ ἡγεμονικόν) душу делили стоики (см., например: *Stobaeus. Anthologium. I, 49, 25a*). Климент к ним прибавляет «плотский дух» и своеобразную печать веры¹.

Далее Климент продолжает: «Кроме этих десяти человеческих частей законодательство, кажется, отдаёт приказы зрению, слуху, обонянию, осязанию, вкусу и содействующим им органам, являющимся двойными — рукам и ногам. Таково образование (ἢ πλάσις) человека. Прибавляется же <к этому> (ἐπιτεσκρίνεται) душа, и сверх того добавляется (προσεισκρίνεται) ведущее начало (τὸ ἡγεμονικόν), при помощи которого мы

¹ Ср.: «О поистине святые мистерии, о чистый свет! Я несу факел, чтобы узреть небеса и Бога; посвящаясь, становлюсь безгрешным, священнодействует же Господь и, выводя к свету, отмечает посвященного печатью (σφραγίζεται) и отдает уверовавшего (τὸν πεπιστευκότα) Отцу под защиту на веки вечные» (Clem. *Protr.* 12, 120, 1).

рассуждаем, не при вбрасывании семени производимое, так что и без него получается число десять, посредством каковых <входящих в него частей> осуществляется вся деятельность человека. <...> Жизненной силой, которой охватываются способности питаться, расти, и вообще двигаться, владеет плотский дух (*τὸ πνεῦμα τὸ σαρκικόν*) <...>. Посредством плотского духа человек чувствует, желает, наслаждается, гневается, питается, растёт. Да и к действиям (*πρὸς τὰς πράξεις*), сообразным с мыслью и размышлением, им направляется, и когда побеждает вожделения, царствует ведущее начало. Итак, <заповедь> “не вожделей” говорит: не рабствуй плотскому духу, но управляй им, так как “плоть желает противного духу” и восстаёт к противному природе, дабы нарушать порядок. <...> Итак, справедливо в другом месте сказано, что две скрижали обозначают заповеди, предоставленные прежде Закона, данные обоим духам – и вылепленному (*τῷ τε πλασθέντι*) и главенствующему <...>» (Strom. VI, 16, 134, 3–136, 4).

По поводу приведённого пассажа Д. Дайнезе пишет: «Необходимость дать два различных предложения о составе человека является следствием рассмотрения души и её ведущего начала (*ἡγεμονικόν*) как частей исходной формы человека (the original configuration of man). <...> за двумя возможными формами человека скрывается одна из классических тем традиционной психологии — вхождение души в тело. <...> Климент предлагает альтернативную идею мифу о падении, чтобы объяснить отношения между душой и телом. Он предпочитает говорить о телесных страстях не как о наказании, влияющем на людей на онтологическом уровне, а в связи со способом получения Святого Духа через веру. Благодаря свободе, находящейся в *ἡγεμονικόν*, “человек живёт и живёт определённым образом”. Другими словами, человек волен выбирать или отвергать страсти. Таким образом, Климент объясняет взаимосвязь между душой и телесными страстями, избегая неуклюжей структуры гностической протологии <...>» (Dainese 2012: 228). Отметим, что здесь можно обнаружить определённое сходство с идеями Пелагия, которые критиковал бл. Иероним Стридонский, видевший в учении о возможности безгрешности для человека возрождение оригенизма и путаницу в использовании термина *apatheia* по отношению и к Богу, и к человеку (Hušek 2010: 25).

Σαρκικὸν πνεῦμα представляется нам более интересным для рассмотрения, чем *ἡγεμονικόν*, понятие, заимствованное Кли-

ментом у «внешних философов»². С. Л. Епифанович замечает: «В учении о человеке Климент первый вводит вполне определённо платоновскую трихотомию, различая плоть, душу и дух в человеке. Он признаёт две души — плотскую или чувственную (σαρκικὸν πνεῦμα) и духовно-разумную-владычественную (τὸ λογιστικὸν καὶ ἡγεμονικόν). Первая является источником органической жизни человека и низших пожеланий и стремлений (τὸ ἄλογον μέρος); вторая есть носительница разума и свободы и имеет руководящее значение в жизни человека» (Epifanovich 2010: 500).

Образ «плотского духа» (не обнаруженный нами у других авторов), на наш взгляд, появился у Климента под влиянием тезиса гностиков о «плотском начале». В «Извлечениях из Феодота» он так излагает их учение: «Взяв “прах от земли”, — часть не сухой <земли>, но многосоставного и разнообразного вещества (τῆς πολυμεροῦς καὶ ποικίλης ὕλης μέρος), — сделал душу земную и вещественную (ψυχὴν γεώδη καὶ ὕλικήν), бессловесную и единосущную душе зверей (τῇ τῶν θηρίων ὁμοούσιον). Сей есть человек “по образу”. А <человек> “по подобию” — по подобию самого Демиурга — это тот, которого в него (т. е. в человека “по образу”) <Демиург> и “вдунул”, и всеял, вложив <в него> через ангелов нечто единосущное себе. Поскольку он невидим и бестелесен, свою сущность он назвал “дыханием жизни”. Принявшее же форму стало “живой душой”; то, что это так, он сам признаёт в пророческих писаниях» (*Excerpta ex Theodoto*, 3, 50, 1–3). «Плотский дух», согласно автору «Стромат», был создан Богом при творении человека (τὸ κατὰ τὴν πλάσιν πνευματικόν) (*Strom.* VI, 16, 134, 2) похожим образом. Мы видим, что Феодотовы ψυχὴ γεώδης καὶ ὕλική, ψυχὴ ζῶσα и τὸ σπέρμα τὸ πνευματικόν (*Excerpta ex Theodoto*, 3, 53, 2)³

² Следует, впрочем, заметить, что слово ἡγεμονικόν Климент мог рассматривать как библейское: в 50-м псалме, который он цитирует (*Strom.* I, 1, 8, 4), сказано: «Воздаждь ми радость спасения Твоего и духом владычним (πνεύματι ἡγεμονικῶ) утверди мя» (Пс. 50:14).

³ В «Извлечениях из Феодота» бестелесными названы 1) единосущная зверям «вещественная душа» (3, 50, 1); 2) единосущное Демиургу «дыхание жизни» (πνοὴ ζῶης), ставшее «живой душой» (ψυχὴ ζῶσα) (3, 50, 2); 3) посеянное Мудростью «духовное семя» (τὸ σπέρμα τὸ πνευματικόν) (3, 53, 2). Ср. «Валентиниане считают, что они имеют душу от Демиурга, тело от земли (ἀπὸ τοῦ χοός), плотское (τὸ σαρκικόν) от вещества (ἀπὸ τῆς ὕλης), духовного человека от матери Ахамот» (*Iren. Adv. haer.* I, 1, 10=I, 5, 6).

сопоставимы с Климентовыми «плотским духом», душой, которая вводится после (ἐλεισκρίνεται) образования (ἡ πλάσις) человека, и главенствующим началом.

Следует заметить, что, хотя «Климент <...> не хочет отождествлять грех или зло с плотской душой или телом» (Karsavin 1994: 57), его характеристика «плотского духа» близка оценке гностиками «земной души», называемой так же τὸ σαρκίον.

<p>«Эту плоть (τὸ σαρκίον) Спаситель назвал “соперником” (Мф. 5:25), <...> Он советует “связать и расхитить сосуды” (Мф.12:29) противоборствующего небесной душе (τῇ οὐρανίῳ ψυχῇ); и советует “примириться с ним на пути, чтобы нам не быть брошенным в темницу” (Лк. 12:58) и <подвергнутым> наказанию; равным образом и “благоволить” ему, не питая и не укрепляя <его> силой грехов, но затем уже умерщвляя и являя слабым из-за воздержания от зла, чтобы в этом распаде и расхищенное, и развеянное сокрылось, но, не получив само по себе некое собственное существование, не имело бы надёжной силы при прохождении через огонь. Это называется “плевелами”, сросшимися с душой — полезным семенем; это и “семя дьявола”, как единосущное с ним, и “змея”, и “пяткокусатель (διαπτερυστής)”, и “разбойник (ληστής)” покушающийся на главу царя» (Excerpta ex Theodoto, 3, 52, 1 — 53, 1).</p>	<p>«Итак, если в потопе (ἐν τῷ κατακλυσμῷ) погибла всякая грешная плоть, когда наказание стало для них вразумляющим, то, во-первых, следует верить, что воля Божия, оказавшись воспитательной и деятельной, спасает обращающихся <к Нему>. Затем, более тонкая субстанция (τὸ λεπτομερέστερον), душа, пожалуй, никогда не может претерпеть нечто ужасное со стороны более плотной (τοῦ παχυμερέστερου) воды, будучи неодолимой благодаря <своей> тонкости и простоте, поэтому она и называется бестелесной (ἀσώματος). А то, что является плотным, уплотнившись из-за греха, — оно отвергается вместе с плотским духом, вожделеющим противного душе (ὁ δ’ ἂν παχυμερές ἐκ τῆς ἀμαρτίας πεπαχυμένον τύχη, τοῦτο ἀπορρίπτεται σὺν τῷ σαρκικῷ πνεύματι τῷ κατὰ τῆς ψυχῆς ἐπιθυμοῦντι)» (Strom. VI, 6, 52, 1–2).</p>
---	--

Согласно Клименту, «плотский дух» «отвергается» (ἀπορρίπτεται), похожая судьба ждёт «материальное» в «Извлечениях из Феодота»: «духовное спасемо по природе, душевное же, будучи самовластным (αὐτεξούσιον), имеет способность и к вере, и к нетлению, и к неверию и тлению по своему выбору

(κατὰ τὴν οἰκείαν αἴρεσιν); материальное по природе гибнет» (τὸ δὲ ὑλικὸν φύσει ἀπόλλυται) (*Excerpta ex Theodoto*, 3, 56, 3). По Феодоту, душевное самовластно, по Клименту, возможность выбора имеет руководящее начало (τὴν προαιρετικὴν δὲ τὸ ἡγεμονικὸν ἔχει δύναμιν) (*Strom.* VI, 16, 135, 4).

При сопоставлении двух отрывков из «Стромат» (где излагается истинное, с точки зрения Климента, учение) и «Извлечений из Феодота» (где приводятся мнения еретиков) оказывается, что методы борьбы с плотскими страстями в обоих случаях очень похожи:

<p>«Итак, “блаженны миротворцы”, укрощающие и приручающие (τιθασεύσαντες καὶ ἐξημερώσαντες) закон, противоборствующий (τὸν ἀντιστρατηγοῦντα νόμον) расположению нашего ума (τῷ φρονήματι τοῦ νοῦ ἡμῶν), угрозы гнева и приманки влечения и остальные страсти, что воюют с рассудком (πολεμεῖ τὸν λογισμὸν)» (<i>Strom.</i> IV, 6, 40, 2).</p>	<p>«Эту плоть <...> Павел <назвал> “законом, противоборствующим (νόμον ἀντιστρατευόμενον) закону моего ума (τῷ νόμῳ τοῦ νοός μου)” (Рим. 7:23), и Спаситель советуеет “<...> расхитить сосуды” воюющего против небесной души (ἀντιπολεμοῦντος τῇ οὐρανίῳ ψυχῇ) и <...> “примириться (ἀπηλλάχθαι) с ним на пути <...>”, равным образом и “благоволить” (εὐνοεῖν) ему <...>» (<i>Excerpta ex Theodoto</i> 3, 52, 1).</p>
---	--

Мы видим, что даже лексика в этих пассажах частично совпадает:

<p>τὸν ἀντιστρατηγοῦντα νόμον τῷ φρονήματι τοῦ νοῦ ἡμῶν πολεμεῖ τὸν λογισμὸν τιθασεύσαντες καὶ ἐξημερώσαντες</p>	<p>νόμον ἀντιστρατευόμενον τῷ νόμῳ τοῦ νοός μου ἀντιπολεμοῦντος τῇ οὐρανίῳ ψυχῇ ἀπηλλάχθαι <...> καὶ εὐνοεῖν</p>
--	--

Климент Александрийский, говоря о «плотском духе», по нашему мнению, мог использовать отдельные черты, которыми египтяне наделяли «Ка». Речь не идёт о влиянии на автора «Стромат» языческой теологии в области категорий и теологических понятий. Заимствованные без всякой системы, эти черты могли быть им использованы, в том числе в миссионерских целях, чтобы сделать христианское учение близким для читателей-египтян. Так апостол Павел прибегнул к образу жертвенника «неведомому богу» в Афинах (Деян. 17:23). Как при «корректировке» слов Христа из Мф. 12:43–45 об изгнанном из человека нечистом духе, Климент в Ес1. 12, 6–9 делает эти новозаветные стихи похожими на строки из «Государства»

(Plat. *Resp.* VIII, 560a-b), так при описании придуманного им «плотского духа» он наделяет его некоторыми сходными с Ка чертами. В самом деле, по словам Ханса Бонне, представления о Ка «коренятся в ощущении, что сознательная, деятельная жизнь (*das bewußte, tätige Leben*) не является просто функцией тела, но проистекает из высшей силы, которая действует в теле и <...> является носителем жизни. Эта сила и есть Ка. <...> характер Ка как силы изначально был настолько затемнён, что он предстаёт для египтянина в виде телесного существа (*ein körperhaftes Wesen*). <...> Понятие Ка (*Kabegriff*) характеризуется как основная причина (*Urgrund*) и олицетворение (*Inbegriff*) всех физических и психологических сил. <...> В Ка воплощаются силы, которые действуют в человеке и направляют все его действия» (Bonnet 1952: 358–360). Климент, как было сказано, писал: «Посредством плотского духа человек чувствует, желает, наслаждается, гневается, питается, растёт».

Согласно верованиям древних египтян, «человек состоял из нескольких “форм бытия”. Кроме тела и души, <...> он обладал ещё духом, силой или, может быть, “образом”, тенью, особенно же “Ка” — олицетворённой *жизненной силой* (курсив наш. — А. Б.)» (Turaev 1922: 28). По словам Германа Кееса, относительно Ка существуют две точки зрения: «Первое мнение, высказанное Масперо, которое он сам защищал до конца, исходит из понимания Ка как *двойника*, т. е. *существа, материально и по внешнему виду сходного с самим человеком*, каким обладают и все люди на земле, включая царя. Напротив, Эрман видел в нем олицетворение “жизненной силы”, ту сокровенную сущность, обладание которой отличало живых от неживых равно как у богов, так и у людей» (Kees 2005: 71).

Алан Х. Гардинер отмечал, что «современные понятия, которым иногда соответствует понятие *ка*, — это “личность (*personality*)”, “душа”, “индивидуальность”, “темперамент”; это слово может даже означать человеческое “состояние/судьбу (*fortune*)” или “положение” (Gardiner 2001: 172).

З. Моренц называл Ка «сверхфизической жизненной силой» (Morenz 1992: 170), Г. Франкфорт — «неосязаемой жизненной силой человека (*man's impalpable vital force*)» (Frankfort 1961: 91). По Клименту, как было сказано, «плотский дух владеет жизненной силой (*τῆν ζωτικὴν δύναμιν*)». Он был «вылеплен» (*πλασθέντι*) (*Strom.* VI, 16, 136, 4), похожим образом возникает Ка: «божественный ваятель Хнум вылепляет на гончарном

круге ребенка-царя, а рядом появляется и одинаковое с ним по образу Ка» (Kees 2005: 73).

«Знак Ка на письме представлял собой две поднятые вверх человеческие руки» (Kees 2005: 72): . Согласно Клименту, руки являются символом действия (πράξεως μὲν αἱ χεῖρες), (Strom. II, 19, 98, 1). Как было сказано ранее, к действиям (πρὸς τὰς πράξεις) человек направляется плотским духом. Связь, которую Климент устанавливает между знаком, закреплённым в египетской религии за Ка, и функцией «плотского духа» также может свидетельствовать в пользу зависимости образа последнего от образа Ка.

О хорошем знании Климентом древнеегипетской культуры говорят многочисленные ссылки в его трудах на её элементы. Ж. Ф. Шампольон утверждает, что из античных авторов один лишь Климент Александрийский старался дать ясное представление об иероглифическом письме и был более других осведомленным в этом вопросе (ce philosophe chrétien était, bien plus que tout autre, en position d'en être bien instruit) (Champollion 1824: 327). Э. А. У. Бадж признаёт, что высказывания Климента о египетских иероглифах представляют ценность (are of value) (Budge 1925: 134). Александрийский богослов подробно рассказывает о египетских символах и их значениях (Strom. V, 7, 41, 1–3), с привлечением мелких деталей описывает египетское ритуальное шествие (Strom. VI, 4, 35–37). Есть и другие примеры, подтверждающие хорошее знание Климентом культуры Древнего Египта. На основании этих и многих других фактов мы, придерживаясь гипотезы о египетском (а не афинском) происхождении этого христианского богослова (Bratukhin 2017: 7–16), можем предполагать отдалённое сходство между созданным Климентом «плотским духом» и древнеегипетским представлением о Ка. Разумеется, из этого ни коим образом не следует, что последние оказали влияние на христианскую психологию. Погружённость Климента в египетский материал даёт основание полагать, что он черпал свою информацию не только из вторичных источников. Когда он вслед за Геродотом⁴ говорит, что лучшие из философов, переняв прекрасное в своём учении «у нас», хвалятся этим как своим и что они взяли кое-

⁴ По свидетельству Геродота, египтяне первыми сказали, «что душа человека бессмертна, а когда тело гибнет, она проникает всегда в возникающее другое живое существо» (Her. II, 123).

что и «у остальных варваров», «прежде всего, египтян», у которых позаимствовали, в том числе, учение о переселении души (τὸ περὶ τὴν μετενσώματῶσιν τῆς ψυχῆς) (*Strom.* VI, 4, 35, 1), он, очевидно, ориентируется не только и не столько на древнегреческого историка, так как далее он пишет: «Ибо египтяне придерживаются некоей собственной философии. Это лучше всего показывает, например, их благочестивый обряд» (*Strom.* VI, 4, 35, 2). Далее следует упомянутое выше описание ритуального шествия.

Отметим, что у Климента есть высказывание, в котором он изящно совмещает трихотомию апостола Павла (τὸ πνεῦμα, ἡ ψυχή, τὸ σῶμα) (1 Фес. 5:23 ср. Евр. 4:12) с учением Платона, говорящего о вожделениях (<αἰ> ἐπιθυμίαι), гнев (ὁ θυμός) и разуме (ὁ λογισμός) (*Plat. Resp.* 440b). Александрийский богослов пишет: «Пожалуй, и по-другому может быть <истолковано число> три: как гнев (θυμός), вожделение (ἐπιθυμία) и разум (λογισμός); согласно другой точке зрения, как плоть (σάρξ), душа (ψυχή) и дух (πνεῦμα)» (*Strom.* III, 10, 68, 5). Обращается Климент и к образу «духовного тела», который использовал апостол: «сеется тело душевное (σῶμα ψυχικόν), восстаёт духовное (σῶμα πνευματικόν)» (1 Кор. 15:44). Согласно александрийскому богослову, «“соединяющийся с Господом есть один <с Ним> дух” (1 Кор. 6:17), “духовное тело (πνευματικὸν σῶμα)”» (*Strom.* VII, 14, 88, 3). Мы видим, что автор «Стромат» не стремится быть последовательным в употреблении терминов, но, так или иначе, говорит о трёх важных частях человека: о прибавляемой (ἐπιεισκρίνεται) при создании человека (ἡ πλάσις) душе, о не связанном с зачатием ведущем начале и о «бессловесной части»: «мы утверждаем, что разумная и ведущая <сила> (τὸ λογιστικόν... καὶ ἡγεμονικόν) является причиной устройства (τῆς συστάσεως) живого существа, но и неразумная часть (τὸ ἄλογον μέρος) одушевлена и составляет его <устройства> частицу (μόριον αὐτῆς)» (*Strom.* VI, 16, 135, 2). Последняя (т. е. «плотский дух»), формально соответствуя апостольскому понятию τὸ σῶμα или τὸ σῶμα τῆς σαρκός (Кол. 2:11, ср. «тело плоти <Христа>» Кол. 1:22), имеет сходство с гностической «вещественной душой».

Климент считал, что *disiecta membra* истины присутствуют и у язычников, и у еретиков: «В то время как истина одна (ведь множество ответвлений есть у лжи), школы (αἱρέσεις) варварской и эллинской философии, как вакханки, растерзавшие члены Пенфея, <растерзали единую истину>, каждая тем, что

получила в удел, хвалится, словно всей истиной; но, полагаю, утренней зарею освещается всё» (*Strom.* I, 13, 57, 1). «Итак, варварская и эллинская философия неким образом разодрали вечную истину (τὴν αἰδίον ἀλήθειαν σπαραγμὸν τινα... πελοίηται) не мифологии Диониса, но теологии вечно сущего Логоса. Будь же уверен, что вновь собравший разделённое и соединивший его будет в безопасности созерцать совершенный Логос, Истину» (*Strom.* I, 13, 57, 6). И Климент пытается вновь собрать воедино эту разорванную истину, как Исида члены Осириса. Поэтому в дело могут идти даже элементы гностического (еретического) и египетского (языческого) учения.

Литература

- Bonnet, H. 1952: *Reallexicon der ägyptischen Religionsgeschichte*. Berlin.
- Bratukhin, A. Yu. 2017: Clement of Alexandria and Egypt. In: *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury [World literature in the context of culture]*. 6 (12), 7–16.
- Братухин, А. Ю. 2017: Климент Александрийский и Египет. В сб. *Мировая литература в контексте культуры*. 6 (12), 7–16.
- Budge, E. A. W. 1925: *The Mummy. A Handbook of Egyptian Funerary Archaeology*. Cambridge. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.282268/page/n177/mode/2up?q=Clement>
- Champollion, J. F. 1824: *Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens, ou, Recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée*. Paris. URL: <https://archive.org/details/prcisusystem00cham/page/326/mode/2up?view=theater>
- Dainese, D. 2012. The Idea of Martyrdom in *Stromateis* VII: A Proposal for a Reconstruction of Clement of Alexandria's Philosophy. In: *The seventh book of the Stromateis: proceedings of the Colloquium on Clement of Alexandria* (Olomouc, October 21–23, 2010). M. Havrda, V. Hušek, J. Plátová (eds). (Supplements to *Vigiliae Christianae*, vol. 117). Leiden, Boston: Brill. 217–238.
- Epifanovich, S. L. 2010: *Lektsii po patrologii [Lectures on Patrology]*. SPb.
- Епифанович, С. Л. 2010: *Лекции по патрологии*. СПб.
- Frankfort, H. 1961: *Ancient Egyptian religion. An interpretation*. NY.
- Gardiner, A. 2001. *Egyptian grammar being an introduction to the study of hieroglyphs*. 3d edition, revised. Cambridge.
- Hušek, V. 2010: Grace, human agency and divine foreknowledge in Jerome. In: *Studia theologica*. Vol 12. Iss. 3, 19–29.
- Hušek, V. Milost, lidské úsilí a Boží předvědění podle Jeronýma. In: *Studia theologica*. Vol 12. Iss. 3, 19–29.

- Karsavin, L. P. 1994: *Svyatyye Ottsy i uchiteli Tserkvi (raskrytiye Pravoslaviya v ikh tvoreniyakh)* [*Holy Fathers and Teachers of the Church (Disclosure of Orthodoxy in Their Works)*]. Moscow.
- Карсавин, Л. П. 1994: *Святые Отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях)*. М.
- Kees, H. 2005: *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Agypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches*. SPb.
- Кеес, Г. 2005: *Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства* / Пер. с нем. И. В. Богданова; Под научн. ред. А. С. Четверухина. СПб.
- Morenz, S. 1992: *Egyptian religion*. Ithaca, N.Y.
- Turaev, B. A. 1922: *Drevniy Yegipet* [*Ancient Egypt*]. Petrograd.
- Тураев, Б. А. 1922: *Древний Египет*. Петроград.

А. Ю. Братухин

ПГНИУ, Пермь, Россия. Bratucho@yandex.ru

К. А. Яковлева

ПГНИУ, Пермь, Россия. karina.yakovleva2001@mail.ru

«КОЖАНЫЕ РИЗЫ» В РАННЕЙ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются использование образа «кожаных риз» из *Быт.* 3:21 представителями александрийской школы. Высказывается предположение, что Климент и Ориген опасались следовать Филону, писавшему о коже как о <мёртвом> теле, поскольку в этом случае душа оказывалась бы предсуществовавшей в соответствии с учением докетов-гностиков. На основании некоторых слов Климента высказывается предположение, что под одеждой, данной Богом людям, он подразумевал тленность или черты бессловесных животных. Свт. Григорий Назианзин и Свт. Григорий Нисский, следуя как Филону, так и Клименту, истолковывали «кожаные одежды» как «образ неразумной природы», «возможность к смерти». Прп. Иоанн Дамаскин принимает точку зрения александрийских авторов на рассматриваемый образ и говорит об одеждах как смертности, которая должна быть снята и заменена благолепием нетления.

Ключевые слова: Климент Александрийский, Ориген, Филон, Прп. Григорий Нисский, интерпретация, «кожаные ризы».

A. Yu. Bratukhin

Perm' State National Research University, Perm', Russia. Bratucho@yandex.ru

K. A. Yakovlyeva

Perm' State National Research University, Perm', Russia. karina.yakovleva2001@mail.ru

“Coats of skins” in the early Alexandrian tradition

The article discusses the use of the image of “coats of skins” from Gen. 3:21 by representatives of the Alexandrian school. It is suggested that Clement and Origen were afraid of following Philo, who wrote about the skin as a <dead> body (τὸν δερμάτινον ὄγκον, τὸ σῶμα), since in this case the soul would have to be considered pre-existent – in accordance with the teaching of the doctetes, the gnostics, with whom these theologians argued. On the other hand, it might have been their dependence on Philo that prevented them from offering their own interpretations. Refuting his opponents' opinion, Clement insisted that the image of animal intercourse was not initially alien to human nature, and, therefore, it is impossible to talk about the sinful assimilation of a human being to mindless creatures and his fall to their level directly at the moment of copulation, for it is

primordially the same in humans and animals. On the basis of some words of Clement, it can be suggested that by the clothes given by God to people, he meant perishability (φθορά) or the features of mindless animals. St. Gregory of Nazianzus and St. Gregory of Nyssa, following both Philo and Clement, interpreted “coats of skins” as “heavy flesh (σάρκα βαρείαν)”, as “an image of unreasonable nature (τὸ σχῆμα τῆς ἀλόγου φύσεως)”, as “the possibility of death (τὴν πρὸς τὸ νεκροῦσθαι δύναμιν)” and as “carnal thought (τὸ φρόνημα τῆς σαρκός)”. The same combination of words is found in the Clement’s writings in the context of a comparison of flesh and spirit. In the passage of St. Gregory of Nazianzus about putting on tunics, a verbal similarity with a passage from Philo’s work (νεκροφορεῖν — νεκροφόρος) is found. Didymus the Blind calls “coats of skins” dense bodies (τὰ σώματα ταῦτα τὰ παχέα). St. John of Damascus, a systematizer of the Christian tradition, accepts the point of view of the Alexandrian authors on the image under consideration and speaks of clothing as death (τῆς θνητότητος), which must be removed and replaced by the splendor of incorruption. Clement spoke of putting on Christ as putting on an imperishable chiton, replacing perishable “coats of skins”.

Keywords: Clement of Alexandria, Origen, Philo, St. Gregory of Nyssa, interpretation, “coats of skins”.

Александрийские авторы II–IV вв. неоднократно обращались к образу «кожаных одежд», в которые Бог облёк согрешивших Адама и Еву (*Быт.* 3:21). Учитывая огромное влияние представителей этой школы на последующую христианскую литературу, представляется небезытересным рассмотреть развитие интерпретации указанного ветхозаветного стиха в их произведениях. Критикуя различные объяснения слов «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их», Климент и Ориген, самые ранние представители александрийской церковной традиции, не предлагают своего толкования. Так, первый пишет: «“Кожаными одеждami (χιτῶνας δερματίνους)” Кассиан¹ считает тела (τὰ σώματα). Позднее, когда мы предпримем <попытку> истолкования рождения человека (τῆς ἀνθρώπου γενέσεως), мы покажем, что он и учащие подобно ему пребывают в заблуждении в этом вопросе <...>» (*Strom.* III, 14, 95, 2). Обещанное опровержение ереси мы, вероятно, находим в *Strom.* III, 17, 102, 1–4, где сказано: «Если же рождение — зло, тогда пусть хулители говорят, что во зле <пребывает> Господь, получивший в удел рождение, во зле — родившая <Его> Дева. Беда от злых <еретиков>! Клевета на рождение, они хулят

¹ В другом месте Юлий Кассиан назван «главой <учения> о призрачности <воплощения Христа>» (т. е. главой докетизма) (*Strom.* III, 13, 91, 1).

волю Бога и таинство творения. На этом <основано учение о> призрачности <воплощения Христа> у Кассиана, на этом — <подобное учение> и у Маркиона, и, разумеется, “душевное тело <Христа>” у Валентина, потому что они говорят: “Человек уподобился животным”, дойдя до совокупления». Климент, признавая далее, что вождедеющий чужого ложа превращается в зверя (ἐκθηριοῦται), отрицает, однако, что змей, взяв от неразумных животных образ соития (ἀπὸ τῶν ἀλόγων ζῴων τὴν ἐπιτήδευσιν τῆς συνουσίας), склонил Адама к вступлению в такую неестественную для первозданных (ὡς ἂν μὴ φύσει ταύτη κεχρημένον τῶν πρωτοπλάστων) связь с Евой. В этом случае, — считает он, — была бы хула на творение, в результате которого люди по своей природе оказались бы слабее неразумных животных. Однако, по мнению автора «Стромат», «если природа вела их, как и бессловесных животных, к чадородию, но они возбудились ранее, чем было должно, будучи прельщёнными обманом в юности, то справедлив суд Бога на не дождавшихся позволения» (*Strom.* III, 17, 103, 1). Из этой теодицеи следует, что животный образ зачатия не был изначально чужд человеческой природе, и, следовательно, о греховном уподоблении бессловесным существам и о падении до их уровня непосредственно в момент совокупления, исконно одинакового у людей и животных, говорить нельзя. Умалчивая здесь о природе «кожаных одежд», Климент лишь намекает на то, что свойства «бессловесных» были приобретены Адамом и Евой позже. В «Педагоге» Климент утверждает: «<...> когда первый человек согрешил и не послушался Бога, он был уподоблен (παρωμοίωθη), — говорит <Писание> (Пс. 48:13, 21), — скотам. Человек, согрешивший против разума (т. е. Логоса), заслуженно сочтённый неразумным, делается похожим (εἰκάζεται) на животных» (*Paed.* I, 13, 101, 3). Исходя из внутренней непротиворечивости сочинений Климента, можно сделать вывод, что это «уподобление» имело место в качестве вразумляющего наказания при получении «кожаных риз». Отметим, что Климент неоднократно сравнивал тех или иных грешников с животными. Иудеев, имеющих на устах слова Бога, но не базирующихся на вере в Отца и Сына, у него символизируют животные, жующие жвачку, но не имеющие раздвоенные копыта, еретиков, опирающихся на имя Отца и Сына, но не разжёвывающих слова Писания, — животные с раздвоенными копытами (*Strom.* VII, 18, 109, 3–5). В «Увещевании» он пишет о Христе: «Единственный из когда-либо существовавших, Он приручил самых

трудных для дрессировки животных — людей: легкомысленных — птиц, лживых — пресмыкающихся, гневливых — львов, падких до наслаждения — свиней, грабителей — волков. Камни и дерево не имеют чувств, но человек, погружённый в незнание, бесчувственнее камней» (Protr. 1, 4, 1, ср. *Paed.* III, 11, 75, 3).

Описывая учение еретиков в «Извлечениях из Феодота», Климент снова обращается к теме «кожаных риз»: «К трём бесплотным <вещественной и божественной душам и духовному семени (ὕλική ψυχή, θεία ψυχή, τὸ σπέρμα τὸ πνευματικόν)> на Адама надевается четвертое, земное, “кожаные одежды” (ὁ χοϊκός, τοὺς δερματίνους χιτῶνας)» (*Excerpta ex Theodoto* 3, 55, 1). Александрийский богослов отвергает подобную интерпретацию Быт. 3:21, поскольку она подразумевает предсуществующую душу (a pre-existent soul), и делает физическое тело результатом греха (Douglass 2007: 131–132 note 381).

О «кожаных ризах» Климент более нигде в своих сохранившихся сочинениях не пишет. Однако некоторые его пассажи позволяют предположить, что он мог иметь в виду под ними. В «Увещании к язычникам» он заявляет: «О <люди>, все образы (εἰκόνες), но не все подобия (ἑμφερεῖς)! Я хочу вас улучшить, обратившись к прообразу, чтобы вы стали похожими (οἴμοιοι) на Меня. Я умащу вас маслом веры, благодаря которому вы сбросите с себя тление (τὴν φθορὰν ἀποβάλλετε), и покажу нагое очертание праведности (γυμνὸν δικαιοσύνης ἐπιδείξω τὸ σχῆμα), с помощью которой вы поднимитесь к Богу» (Protr. 12, 120, 4–5). Эти слова, намекающие на подготовку к занятиям спортом (умажение маслом, обнажение), вызывают в памяти также последний стих из второй главы Бытия: нагими (γυμνοί) были Адам и Ева до вкушения от древа познания добра и зла (Быт. 2:25, ср. 3:7, 3:10). Об облачении во Христа, как в одежду, заменяющую, очевидно, тленные кожаные ризы, читаем в «Педагоге»: «И буду им, — говорит, — Пастырем и буду рядом с ними, как хитон близок их коже. Он желает спасти мою плоть (τὴν σάρκα), одев ее в хитон нетления (ср. *1 Кор.* 15:53), и Он умастил мою кожу (τὸν χρῶτα)» (*Paed.* I, 9, 84, 3). В *Strom.* IV, 7, 45, 3–4 приводится цитата из Эпихарма, который, говоря о природе людей, называет их «надутыми мехами (αὐτὰ φύσις ἀνθρώπων, ἀσκοὶ πεφυσημένοι)». Далее Климент заявляет: «А нам Спаситель сказал: “Дух бодр, плоть же немощна”, потому что “мысль плоти (τὸ φρόνημα τῆς σαρκός) враждебна Богу”». Так немощная и тленная плоть оказывается в сознании Кли-

мента связанной с кожаными «мехами». Отметим, что Климент употребляет слово *χρῶς* в значении «характерная черта, слог», *ἰδίωμα*: «та же самая *кожа* (*τὸν αὐτὸν χρῶτα*) обнаруживается и у этого переведённого <Лукой с еврейского на греческий> послания <«К евреям»> и у «Деяний <апостолов>» (*Fragsm.* 22). Впрочем, утверждать, что под данной людям Богом одеждой он подразумевал тленность или некое подобие бессловесных, мы не можем.

Ученик Климента Ориген задаётся вопросом, что нужно понимать под «кожаными ризами»: «Очень глупо и по-старушечьи, и недостойно Бога думать, что Бог, сняв с неких убитых или иначе как-либо погибших животных кожи, сделал образы хитонов (*σχηματα χιτῶνων*), сшив кожи наподобие сапожника. <...> Говорить, что кожаные хитоны есть не что иное, как тела — это убедительно и способно привлечь одобрение; однако как истинное не очевидно (*οὐ μὴν σαφὲς ὡς ἀληθές*). Ибо, если кожаные хитоны есть плоть и кости, то как о них Адам говорит: “Ныне это кость от костей моих и плоть от плоти моей”? Итак, некоторые, борясь с этими сомнениями, объявили кожаными хитонами смертность (*τὴν νέκρωσιν*), которую надевают погибшие из-за греха Адам и Ева. Но и таковым совсем не легко показать, как Бог, а не грех, смертность вселил в нарушившего <заповедь>. Кроме того, они будут вынуждены говорить, что плоть и кости по собственному логосу не являются тленными, если отцы наши позже через грех получили смертность (*Origenes. Selecta in Genesim. Vol. XII, P. 101*). Генри Чэдвик отмечал, что в то время как гностики интерпретировали «кожаные одежды» как тела, Ориген оставался неуверенным в этом (*Chadwick 1966: 90*). В сочинении «Против Кельса» (IV, 40) Ориген говорит, что эти одежды имеют «таинственное значение, превосходящее платоновское учение о нисхождении души». В шестой проповеди на книгу Левит (2, 7) Ориген заявляет, что «кожаные одежды» являются «символом смертности, которую Адам получил из-за своей кожи и своей немощи, происходящей от разложения плоти» (*Bagby 2013: 39, note 227*).

Мы видим, что Климент и Ориген избегают однозначно говорить о том, что надо подразумевать под «кожаными ризами». Такой «апофатизм» в объяснении «кожаных риз» объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, нежеланием Климента и Оригена признать их плотью, что было бы чревато признанием метемпсихоза, с другой стороны, их зависимостью от Филона, не дающего иных интерпретаций. О значительном

влиянии на Климента Филона (наряду с аристотелизмом, стоицизмом, средним платонизмом и неоплатонизмом) говорит Э. Итгер (Itter 2009: 1). В самом деле, Филон Александрийский не давал объяснения «кожаных риз», но сопоставлял кожу с мертвой плотью²: «<...> Бог “увидел, что Эр (Ер)³ был нечестивцем” (без <указания на> какую-либо очевидную причину <его нечестивости>) и убил его (ср. Быт. 38:7). Ибо Бог не пребывал в неведении, что наше кожаное бремя (τὸν δερμάτινον ὄγκον), тело (τὸ σῶμα) — ибо Эр переводится “кожаный” — является злым и замышляющим против души, и всегда мертвым и лишённым жизни. Ибо что иное, по-твоему, каждый из нас делает, как не носит мертвое (νεκροφορεῖν)?» (Philo. *Legum allegoriarum*. III, 69). Отметим, что Ер является транслитерацией еврейского имени עֶר [‘ēr]⁴, кожа на иврите — רִיב [‘ōr] (Быт. 3:21) (Brown 1999: 736)⁵. Согласные в этих словах одинаковые, различаются только огласовки. Вероятно, именно на Филона опирался свт. Григорий Назианзин, когда писал: «Прежде, чем должно, вкусил он плода и облекся в хитоны / Кожаные, в эту тяжкую плоть (σάρκα βαρεῖαν), <когда стал> трупоносцем (νεκροφόρος), / (Христос ведь полагает смерть пределом ошибки), пришёл он / Из роци <рая> на землю, откуда был родом, воспринял / Многострадальную жизнь»⁶.

После Григория Назианзина обратимся ещё к одному автору IV в. Свт. Григорий Нисский писал: «Ведь как если некто, имеющий на себе разодранный хитон, будет лишён (γυμνωθεῖν) покрова, уже не увидит на себе непристойность отброшенного, так и мы, когда снимем с себя тот мёртвый и уродливый хитон, из бессловесных шкур на нас накиннутый — мне кажется, что под кожей подразумевается образ неразумной природы (τὸ σχῆμα τῆς ἀλόγου φύσεως), в который мы, свыкшиеся со

² Ср. «“в тимпане и лице хвалите Его” (Пс. 150:4), — <это Он> говорит о Церкви, поучающейся воскресению плоти благодаря гудящей <мёртвой> коже <тимпана> (τῆς σαρκὸς τὴν ἀνάστασιν ἐν ἠχοῦντι τῷ δέρματι)» (Clem. Alex. *Paed.* II, 4, 41, 4).

³ В LXX — Ηρ.

⁴ Имя старшего сына Иуды Ира/Эра сопоставляют с причастием глагола רִיב ‘очнуться, просыпаться’ в пароде Qal (Brown 1999: 735).

⁵ В т. н. «свитке Севера» (Sev.) обнаруживаем אור כהנות ‘одежды света’ (Тов 2001: 114).

⁶ Gregorius Nazianzenus. *Carmina dogmatica* 8, 114–118. Рус. пер.: Григорий Богослов, свт. Догматические поэмы / Пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. СПб., 2012. С. 41 (с изменениями).

страстью, облеклись, — всё, что было на нас от бессловесной кожи при снятии хитона, отбросим от себя» (*Gregorius Nyssenus. Dialogus de anima et resurrectione* // PG. 46. Col. 148). Из этих слов следует, что Адам и Ева получили своеобразный «синтезированный» Богом покров, привходящие признаки, *συμβεβηκότα* (Bratukhin 2019: 315). Кожаные ризы, по Григорию Нисскому, сообщили человеку характерные черты животных: «Когда человек выбрал это материальное наслаждение вместо душевной радости, <Бог> оказался неким образом уступившим ему в этом желании посредством <дарования> кожаного хитона, который надел на него из-за <его> уклонения к худшему. Из-за какого-то <хитона> [к человеку оказались примешаны] особенности неразумной природы (*τῆς ἀλόγου φύσεως τὰ ἰδιώματα*); одяние для разумной природы было приготовлено мудростью Осуществляющего посредством противоположного лучшее. Ибо тот кожаный хитон, несущий в себе все особенности, которые он, охватывая неразумную природу, имел (*πάντα γὰρ φέρων ἐν ἑαυτῷ τὰ ἰδιώματα ὁ δερμάτινος ἐκεῖνος χιτῶν ὅσα εἶχε περιέχων τὴν ἄλογον φύσιν*) — и наслаждение, и гнев, и прожорливость, и ненасытность, и подобное, — даёт человеческой свободе выбора путь уклонения в обе стороны, становясь материей и для добродетели, и для порочности» (*Gregorius Nyssenus. De mortuis non esse dolendum. Vol. 9. P. 55 = PG. Vol. 46. P. 524*). В трактате «О девстве» Григорий пишет о «покровах плоти» (*τῶν τῆς σαρκὸς προκαλυμμάτων*), «кожаных одеждах» как о «плотской мысли (*τὸ φρόνημα τῆς σαρκός*)» (*De virginitate. 13, 1*). Можно вспомнить приведённый выше фрагмент из *Strom. IV, 7, 45, 3–4*, в котором встречаем это же словосочетание.

О «кожаных одеждах» как о смертности свт. Григорий Нисский пишет в «Большом огласительном слове»: «Ведь когда, — говорит <Моисей>, — первые люди предались запрещённому и стали нагими от того блаженства, Господь набросил на первозданных кожаные одежды. <...> Но так как любая кожа, снятая с животного, мертва, после этого, думаю, Лечащий нашу порочность, чтобы не всегда она сохранялась, по промыслу набросил на людей возможность к смерти (*τὴν πρὸς τὸ νεκροῦσθαι δύναμιν*), которая была характерной для неразумной природы. Ведь хитон состоит из налагаемого на нас внешнего, до нужного времени предоставляя телу пользоваться собою, не сросшийся с природой. Итак, от природы бессловесных мертвенность (*ἡ νεκρότης*) домостроительно была надета на приро-

ду, созданную для бессмертия <...>» (*Oratio catechetica magna*. 8). Похожая идея содержится в сочинениях, приписываемых свт. Афанасию Великому. Например, в «Проповеди о страсти и кресте Господнем» «кожаные хитоны, получившиеся из мертвых животных» названы символом умерщвления за грех, присоединившегося к Адаму (*Homilia de passione et cruce Domini*. Vol. 28. Col. 221).

Марк Маккормик в своём исследовании антропологии свт. Григория Нисского сопоставляет подлежащие устранению «неразумные импульсы, которые содействовали нашему возрастанию в добродетели», но стали ненужными для привлечения человечества к Богу, с «кожаными одеждами», что будут сброшены при окончательном восстановлении. «Определённые качества тел, такие как половая дифференциация (см. Гал. 3:28), рост и старение, будут отложены (*will be laid aside*) в пользу “чего-то более тонкого и эфирного”. <...> Акцент в его мысли делается на понимании того, что, хотя эти стороны воплощения (*these aspects of embodiment*) могут продолжать существовать, их функциональность больше не будет необходима для обеспечения союза с Богом» (McCormick 2019: 61).

Дидим Слепец говорит о «кожаных одеждах» как о тучных, плотных телах (*τὰ σάματα ταῦτα τὰ παχέα* (*Commentarii in Iob*. Codex. P. 277)).

Прп. Иоанн Дамаскин, в своих трудах систематизирующий христианское учение, пишет в «Проповеди на великую субботу» (24): «Облекший праотцов рода <человеческого> в кожаные хитоны, добровольно обнажается для распятия, чтобы, сняв с нас смертность (*θνητότης*), одеть в благолепие нетления (*τὴν τῆς ἀφθαρσίας εὐπρέθειαν*)» (Vol. 96. P. 624). Как мы помним, мысль об облачении во Христа, как в хитон нетления (*τὸν χιτῶνα τῆς ἀφθαρσίας*), была высказана Климентом Александрийским.

На основании рассмотренных фрагментов мы можем сделать вывод, что истолкование «кожаных одежд» как некоей тленности, предложенное Филоном, принятое Климентом Александрийским «страха ради докетска» с оговорками и лишь в намёках представленного в его трудах, было усвоено свт. Григорием Нисским и окончательно закрепилось в церковном предании ко времени прп. Иоанна Дамаскина. Такая интерпретация, с одной стороны, исключала гностическое понимание библейского текста, с другой стороны, позволяла авторам следовать в русле древней традиции.

Литература

- Bagby, R. S. 2013: *Sin in Origen's Commentary on Romans*. Durham University.
- Bratukhin, A. Yu. 2019: Review on: Khramov A. V. Monkey and Adam. Can a Christian be an evolutionist? In: *The Bible and Christian antiquity* М.: Nikeya, 308–322.
- Братухин, А. Ю. 2019: Рецензия на: Храмов А. В. Обезьяна и Адам. Может ли христианин быть эволюционистом? В сб. *Библия и христианская древность*. № 3 (3). М.: Nikeya, 308–322.
- Brown, F. 1999: *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*. Peabody, Mass.
- Chadwick, H. 1966: *Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen* Oxford.
- Douglass, J. R. 2007: *"This flesh will rise again": retrieving early Christian faith in bodily resurrection*. Duquesne University.
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. In: *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston. Vol. 97. XX.
- McCormick, M. 2019: *The Theological Anthropology of St. Gregory of Nyssa*. Memphis, Tennessee.
- Tov, E. 2001: *Textual Criticism of the Hebrew Bible*. Moscow.
- Тов, Э. 2001: *Текстология Ветхого Завета*. Пер. с англ. К. Бурмистров, Г. Ястребов. М.

Л. В. Братухина

Пермский государственный исследовательский университет. Пермь, Россия.

Loli28@yandex.ru

ПИФАГОР И НЕОПИФАГОРЕЙЦЫ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»

Статья посвящена анализу поэмы Э. Паунда «The Cantos». Предпринимается попытка проанализировать пифагорейский интертекст в Canto XCI. Рассматриваются упоминания в тексте имен Пифагора и его последователей, изображение эпизодов их биографий, цитирование отдельных положений пифагореизма. Особое внимание уделяется личности и учению Пифагора, а также Аполлония Тианского. Отмечается неоплатоническое переосмысление идей пифагореизма в сочинениях авторов Античной эпохи и Нового времени, отразившееся в произведении Паунда. Также прослеживается возможное обращение автора к священным текстам пифагорейцев — «Золотым стихам». Делается вывод о том, пифагореизм предстает как освященная древностью и укорененная в культуре мистическая школа, становящаяся одним из античных источников поэмы Паунда.

Ключевые слова: Э. Паунд, «Кантос», Пифагор, пифагореизм, Аполлоний Тианский, метемпсихоз, неоплатонизм.

L. V. Bratuchina

Perm' State National Research University, Perm', Russia. Loli28@yandex.ru

Pythagoras and the Neo-Pythagoreans in Pound's poem *The Cantos*

The article is devoted to the analysis of Ezra Pound's poem *The Cantos*, in particular Canto XCI, which is part of the cycle *Rock-Drill de los Cantares* (1953–1955). An attempt is made to explore in detail the Pythagorean intertext in Canto XCI, i.e. mentions of the names of Pythagoras and his followers, depictions of episodes of their legendary biographies and quotations of certain Pythagorean propositions. Special attention is paid to the personality and teaching of Pythagoras, as well as one of his most extraordinary admirers – Apollonius of Tyana (as described in Iambl. *De vita Pyth.* and Phil. *Vit. Apoll.*). It is shown that, in the context of Pound's poem, with its constant return to the topic of descent into the other world and obtaining sacred knowledge, one of the most important Pythagorean ideas is the doctrine of metempsychosis. In addition, attention is paid to Pound's interpretation of the Pythagoreans' worship of number four. No less significant is the analysis of evidence of the Pythagoreans' veneration of the Sun, the symbolism of which is presented in Canto XCI in an international way, with the involvement of Chinese hieroglyphs. It is

significant how the Neoplatonic reinterpretation of Pythagorean ideas, represented in works of authors of the Ancient and Modern eras, is reflected in Pound's work. The American author might have also used the sacred texts of the Pythagoreans, the *Golden Verses*. The article's conclusion is that, in Pound's work, Pythagoras and his followers symbolize one of the oldest invariants of the motif of obtaining sacred knowledge. Neoplatonic interpretations, in principle, reflect the objective continuity of the ancient philosophical tradition, which had constantly persisted in one form or another. Pythagoreanism, another ancient source of Pound's poem, appears, in contrast, as a mystical school sanctified in antiquity and deeply rooted in the European culture.

Keywords: Ezra Pound, *The Cantos*, Pythagoras, Pythagoreanism, Apollonius of Tyana, metempsychosis, Neoplatonism.

Поэма «The Cantos» имеет длительную историю создания от первых песен, написанных в 10-е гг. XX в., до заключительных, появлявшихся вплоть до последнего прижизненного издания 1970 г. В завершающих¹ поэму циклах — «Rock-Drill de los Cantares» («Рок-Дрилл», 1953–1955) и «Thrones de los Cantares» («Престолы», 1956–1958) — Паунд неоднократно обращается к идеям Пифагора, легендам о нем и его последователях. Этот интертекст вплетается в уже сложившуюся на протяжении предшествующих частей поэмы систему цитат, аллюзий, реминисценций из Гомера, Вергилия, Овидия, а также идеи Аристотеля, Платона и неоплатоников. Обычно исследователи не рассматривают «пифагореизм» Паунда, считая его учение неотличимым от философии Платона (Niven 2018: 367) или рассматривая его как «часть неоплатонической традиции» (Liebregts 2004: 296).

В рамках данной статьи анализируется входящее в цикл «Рок-Дрилл» Santo XCI, тему которого П. Либрегтс определяет в неоплатоническом духе (согласно названию своей монографии «Ezra Pound and Neoplatonism») как «переход от материального мира к духовидческому через любовь» (Liebregts 2004: 305). Одним из важнейших источников мистического знания о «духовидческом мире» у Паунда становится пифагореизм, представленный в Santo XCI подробно и разнообразно. Здесь Пифагор упоминается вместе с неопифагорейцами Океллом и Аполлоном Тианским — «Thus Apollonius / (If It was

¹ Эти циклы являются последними законченными и подготовленными к печати самим автором, позднейшие тексты — это черновики и наброски (Bronnikov 2018: 765).

Apollonius) / & Helen of Tyre / by Pithagoras / by Ocellus» (Pound 1975: 610) — что интерпретируется как изображение «паундианского рая»² (Bronnikov 2018: 760). Сближение этих персонажей может быть объяснено общностью ключевого для всех пифагорейцев учения о метемпсихозе. «Метаморфозы» Овидия содержат его изложение в поэтическом монологе самого Пифагора (Ov. *Met.* XV, 153–172). В приписываемом³ Океллу сочинении «О природе вселенной» проводится схожая мысль о бессмертии через перерождения (Losev 2000: 57). Аполлоний Тианский прославился тем, что и после смерти учил о бессмертии души, явившись одному сомневающемуся юноше (Phil. *Vit. Apoll.* VIII, 31). Учение о переселении душ является, очевидно, одним из оригинальных тезисов Пифагора, указания на который содержатся в источниках, появившихся ранее «пифагорейских» сочинений Платона и неоплатоников (Zhud 2012: 32).

Рядом с философами появляется выдаваемая Симоном-волхвом за первую Мысль (*ennoia*), нисшедшую в низшие сферы и породившую тварный мир, Елена из Тира, ранее известная как Елена Троянская (Iren. *Adv. her.* I. 23. 2; cf. Tert. *De an.* 34, 2–4). Паунд упоминает ее в таком контексте, который позволяет интерпретировать ее как образ, сотворенный Пифагором и Океллом. Так, в монологе Пифагора, приводимом в «Метаморфозах» Овидия, называется Елена, дочь Тиндара (Ov. *Met.* XV, 232), оплакивающая увядание своей красоты. Эта постаревшая «Елена Пифагора» может служить одним из примеров оппозиции бессмертной души и изменяемой, тленной и смертной материальной оболочки, важной идеи самосского философа, согласно Овидию. «Елену Окелла» можно понимать как персонификацию сексуальности из его «учения о продолжении потомства» (Losev 2000: 57). П. Либрегтс рассматривает Елену из Тира в одном ряду с другими «женщинами Любви» данного *Canto* — императрицей Феодорой, Елизаветой

² На это может указывать и упоминание рядом с именами античных философов императора Юстиниана, находящегося, согласно «Божественной Комедии», в раю на небе Меркурия (Dante. *Paradiso.* VI, 10–142).

³ Отметим, что из всех названных персоналий Окелл в отношении выражения действительно пифагорейских идей является наиболее скомпрометированным: «О природе вселенной» считается псевдопифагорейским, созданным в позднейшее время, предположительно с целью «сконструировать пифагорейский источник платоновского Тимея» (Losev 2000: 45).

Тюдор, принцессой Ра-Сет — олицетворяющими силу, возносящую к высшему миру (Liebregts 2004: 318). Однако следует учитывать двойственный характер Елены Тирской-Гроянской: вместо того, чтобы, согласно морализаторскому учению Псевдо-Окелла, иметь своей целью бесстрастное зачатие и деторождение как причащение человека к бессмертию (Losev 2000: 58–59), она может быть одним из ярчайших антипримеров страстного похотливого поведения, нарушающих гармонию семейного очага и мира в целом. Упоминая столь спорную с точки зрения учений Пифагора и «Окелла» фигуру рядом с именами философов в своеобразном раю, Паунд может намекать на скрывающуюся в образе непонятной спутницы Симона Волхва Софию-премудрость, нисшедшую до чувственного мира, но способную, следуя их учениям, выйти из падшего состояния, раскрыв свою сущность (Jonas 2001: 106–108).

Упоминание Елены из Тира рядом с именем Аполлония еще более интересно с точки зрения античных реминисценций. Некоторое сомнение — «If It was Apollonius» может указывать на своеобразное «благовещение» матери Аполлония о том, что ей предстоит родить «египетского бога Протея», прославившегося «ведением прошедшего и будущего» (Phil. Vit. *Apoll.* 1, 4). Известна также легенда о пребывании настоящей Елены у Протея (Ps.-Apol. *Epit.* III, 5; cf. Eur. *Hel.* 60–61). Елена из Тира в соположении с именем Аполлония может в этом контексте пониматься как образ подлинной сущности (истины, подлинного знания), скрываемого за меняющимися обличиями.

В *Santo* ХСІ Пифагор и Аполлоний Тианский упоминаются еще раз среди тех, кто «понимает толк в огне» (Паунд 2018: 564) («They who are skilled in fire» (Pound 1975: 651)), в качестве их искушенности приводится особым образом воспринимаемый ими китайский иероглиф, обозначающий утро, рассвет и содержащий в себе знак солнца, поднимающегося над горизонтом. Этот яркий неоплатонический символ (cf. Plotin. *Enn.* V. 5.8, 8.4) находит свое обоснование и у пифагорейцев. Так, Пифагор отождествлялся с Аполлоном (Iambl. *De vita Pyth.* 19, 91); сообщалось об одной из его сверхъестественных способностей: взирать на солнце непосредственно (тогда как обычные люди — лишь во время затмения) (Iambl. *De vita Pyth.* 25, 67), об одном из ритуалов, приписываемых пифагорейской общине под руководством философа — утренней молитве солнцу (Iambl. *De vita Pyth.* 35, 256); Пифагору приписывалось утверждение о том, что солнце является локализацией островов бла-

женных (Iambl. *De vita Pyth.* 18, 82). Аполлоний, по свидетельству Филострата, также имел обыкновение молиться Солнцу (Phil. *Vit. Apoll.* I, 16). О сокровенном смысле таких ритуалов можно судить по распорядку философа: «...любоумудрствуя по Пифагорову образцу, подобает на рассвете беседовать с богами, днем — о богах, на закате же — с людьми о делах человеческих⁴» (Ibid.). Кроме того, в описании странствий философа изображаются посещение им святилища Мемнона в Египте (подчеркивается, что Мемнон — сын Зари (Эос) и статуя его обращена к восходу солнца), где Аполлоний принимает участие в рассветном ритуале поклонения «Гелиосу-Эфиопу и Мемнону-Восходу» (Ibid. VI, 4); а также посещение индийских брахманов, молящихся Солнцу и воспаряющих к нему от земли, имеющих в своих храмах огонь, зажженный Солнцем (Ibid. I, 14). Если Ямвлиха можно упрекнуть в пристрастности как неоплатоника, то, произведение Филострата, стоящего «в стороне от всеобщего увлечения Платоном» (Strukova 2003: 266), отражает пифагореизм более объективно. Паунд, используя символ солнца, опирается не только на неоплатоническое истолкование образа, но и, включая в эту парадигму Аполлония Тианского, — на источник, подчеркивающий авторитет Пифагора.

Образы каждого из двух упомянутых персонажей представлены также в связи с подробностями их биографий. Воспроизводятся детали отдельных эпизодов «Жизни Аполлония Тианского»: беседа Аполлония с юношей, которого домогался Домициан (Phil. *Vit. Apoll.* VII, 42) («And that even in the time of Domitian / one young man declined to be buggar'd» (Pound 1975: 616)); аудиенция у Домициана, в ожидании которой философ сравнивает приемную императора с баней: «...одни спешат войти, другие выйти, иные вроде бы успели дочиста отмыться, а иные вроде бы и вовсе не умыты» (Phil. *Vit. Apoll.* VII, 31). Эта встреча с Домицианом стала преддверием суда над философом, а потому вполне оправданной выглядит фантазия Паунда, вкладывающего в уста своего персонажа фразу: «Is this a bath-house... Or a Court House» (Pound 1975: 616). Обрамление этой фразы — «Asked Apollonius / who spoke to the lion» (Ibid.) — намекает на еще один сюжет из жизнеописания философа: беседу со львом, в которого переродился египетский фараон Амасис (Phil. *Vit. Apoll.* V, 42). Этот сюжет иллюстрирует

⁴ Здесь и ниже перевод Е. Г. Рабинович.

чудесное владение Аполлоном языком животных, а также демонстрирует концепцию перерождения душ. Можно усмотреть некоторое противоречие: зная о бессмертии душ, философ, однако, не обладает полной информацией относительно собственной судьбы. Вопрос — «Is this a bath-house... Or a Court House» — можно интерпретировать как непонимание, когда совершится суд и каков будет его результат. У Филострата, подобную мысль высказывает Аполлоний своему последователю Дамиду, когда обосновывает ему необходимость быть готовым к смерти: «...и философам положено загодя позаботиться о смертном своем часе, дабы не попасться врасплох, но и не спешить навстречу гибели, а самолично избрать для кончины своей подобающий случай. Вот и я выбрал для смерти — ежели захочется кому меня убить — превосходный и согласный с философией повод» (Phil. Vit. Apoll. VII, 31). Когда Аполлоний наставляет Дамида ждать его в Дикеархии после оправдания на суде, звучит такая фраза: «...повороти к морю, в ту сторону, где остров Калипсо, чтобы увидеть, когда я к тебе явлюсь» (Phil. Vit. Apoll. VII, 41). На вопрос же Дамида о том, живым ли он вернется, следует ответ: «По-моему — живой, а по-твоему — оживший» (Phil. Vit. Apoll. VII, 41). Памятуя о том, что остров Калипсо связан с «миром смерти» (Takho-Godi 1989: 53), следует понимать слова Аполлония как приурочивание к чудесному перерождению после казни, которого, как и самой казни, не случилось. Однако совершенно неслучайно все упомянутые сюжеты из жизнеописания Аполлония связаны у Паунда с эпизодом из V книги «Одиссеи»: явления Левкофеи и спасения ею отчаявшегося Одиссея, плывущего с острова Калипсо. С учетом расположения Оигии на крайнем западе, а также говорящего имени нимфы («та, что скрывает») как относящегося к миру смерти, по мнению А. А. Тахо-Годи, эпизод поэмы Гомера следует понимать в следующем ключе: «с помощью богов Одиссей покидает Калипсо, тем самым побеждая смерть, и возвращается к миру жизни» (Ibid.). У Паунда эпизоды из жизнеописания Аполлония Тианского чередуются с цитатами и ремисценциями из V книги «Одиссеи»⁵. Ключевой же становится сентенция, открывающая это сопоставление-

⁵ П. Либрегтс интерпретирует этот пассаж вне соотнесения с жизнеописанием Аполлония: как намек на неоплатоническую метафору трудного странствия души по морю «материальной реальности» к бессмертию (Liebregts 2004: 309).

переплетение: «Waiving no jot of the arcanum / (having his own mind to stand by him)» (Pound 1975: 615). Она отражает двойственное положение Одиссея: с одной стороны, он желает поверить в чудесное спасение (в чем его должно уверять уже услышанное предсказание Тиресия о возвращении на Итаку), но с другой — опасается козней богов и не спешит выполнять советы Левкотеи (*Od.* V. 355–364). Он принимает компромиссное решение, полагаясь на собственный разум: держаться за плот до последнего, а затем, когда совсем уж нечего будет терять, воспользоваться покрывалом богини и ее советом. Недоверие Одиссея к Левкотее своеобразно оттеняет чудесный, непостижимый для обычного человека характер идеи бессмертия через перерождение, проповедуемой Аполлоном.

Таким образом, Паунд соотносит образ Аполлония с историей Одиссея, раскрывая проблему обретения сакрального знания, обозначенную еще в *Canto I*, и показывая ограниченность рационального постижения тайн жизни и смерти.

Пифагор упоминается в связи с идеей восхождения разума к неким мистическим высотам: «yet the mind come to that High City / who with Pythagoras at Taormina» (Pound 1975: 616). Первая половина фразы — измененная цитата (ср. «...the minde of man being come from that high City of Heaven» (Heydon 1662: 34)) из «Священного руководства» (*Holy Guide*, 1662) английского оккультиста Дж. Хейдона (1629–1667). Как отмечает П. Либрегтс, Паунд используя выражение «High City», подразумевает «образ высшего плана существования», указывает на возможность трансцендентного перехода, но при этом отрицает «возможное божественное происхождение человека» (Liebregts 2004: 309). Соглашаясь с пониманием общего неоплатонического контекста паундовской «коррекции» Хейдона, отмечаемым в монографии исследователя, укажем на пифагорейскую его составляющую. Во второй части цитаты используется итальянское название города — Таормина⁶, который в жизнеописаниях Пифагора Ямвлиха и Порфирия несколько раз появляется под греческим именем Тавромений. Наибольшее внимания заслуживает история о том, как Пифагор, предположительно, с помощью стрелы Аполлона преодолел в один день большое расстояние между Тавромением на Сицилии и Мета-

⁶ А. Нивен, не придавая этому названию в *Canto XCI* должного значения, считает, что, упоминая Таормину, Паунд всего лишь создает фон для «неоплатонических видений Аполлония» (Niven 2018: 367).

понтон в Италии и беседовал со своими учениками в том и другом городе (Iambl. *De vita Pyth.* 28, 136). Этот сюжет примыкает к рассуждениям о божественной природе Пифагора (Ibid. 28, 135). В произведении Паунда Таормина-Тавромений, как напоминание о месте, в котором происходило общение знаменитого философа и учеников с демонстрацией почти божественных способностей, становится символом передачи и усвоения мистического опыта. Это коррелирует со строками из пифагорейских «Золотых стихов», в которых звучит обещание, что последователь Пифагора обретет «пути достижения божественных качеств⁷» (Pyth. *Aur. carm.* 45). Примечателен комментарий неоплатоника Гиерокла к этим строкам о том, что «созерцательная философия сиянием ума и истины приводит к уподоблению богу», что понимается как способность «разумной души» «иметь связь с превосходящим ее умом» (Hierocl. *In aureum carm.* 20, 2). Это довольно близко к мысли Паунда о восхождении разума к некоему High City — «высшему плану существования». В комментариях Гиерокл сближает пассаж о пути достижения «божественных качеств» с заключительными строками «Золотых стихов», как в равной мере указующие на конечную цель учения Пифагора: «И руководствуйся подлинным знанием — лучшим возничим. / Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесешься, / Станешь нетленным и вечным и смерти не знающим богом» (Pyth. *Aur. carm.* 69–71). В тексте *Santo* содержится прямое указание на подобное вознесение: «before my eyes into the aether of Nature» (Pound 1975: 616). У Паунда между этими «пифагорейскими» реминисценциями — из биографии Пифагора и «Золотых стихов» — оказывается отсылка к произведению неоплатоника Порфирия: «Souls be the water-nymphs of Porphyrius» (Pound 1975: 616), — который, уподобляя водным нимфам-наядам души, нисходящие в бытие, противопоставлял им души, выходящие путем бессмертных. Так, образ вознесения души, почерпнутый из пифагорейских священных текстов, включается у Паунда в систему неоплатонической оппозиции: вечного «ниспадения вещества из высших его сфер в низшие» и восхождения человека «от телесной жизни к жизни души, от души к уму и от ума к тому высшему сосредоточению всего человеческого существа, которое ведет к общению с Единым» (Losev 2000: 227).

⁷ Здесь и ниже перевод с древнегреч. И. Ю. Петер.

Отметим еще одну замысловатую отсылку к идеям пифагореизма в тексте Паунда — упоминание священной четверицы: «and the whole creation concerned with “FOUR”» (Pound 1975: 616). П. Либрегтс указывает источник этой почти точной цитаты — «Священное руководство» Дж. Хейдона, подчеркивая отражаемое в нем «общее стремление неоплатоников включить пифагорейское понятие чисел в собственные верования» (Liebregts 2004: 309) и желание Паунда включить Хейдона «в конфуцианско-неоплатоническую основу поэмы» (Ibid.). Отметим, что Паунд опустил в цитате из «Священного руководства» слово *число* (ср. the whole Creation is concerned in this Number four (Heydon 1662: 39), что заставляет вспомнить строки из «Золотых стихов» — «Именем клятву даю открывшего нам четверицу, / Неиссякаемой жизни источник» (Pyth. *Aur. carm.* 47–48) — в которых называется не «число четыре», а «четверица» (тетраκτῖς, согл. LSJ, «пифагорейское наименование суммы первых четырех чисел»). В исправленном Паундом пассаже из Хейдона слово “FOUR” можно прочесть не как число 4, а как четверка — количество чисел, складывающихся в пифагорейском учении в полноту творения. Более отчетливо интерпретация четверицы как причины тварного мира, заключающая в себе его потенциальное разнообразие дается в комментарии Гиерокла: «В целом четверица охватывает все существующее... Четверица есть, как мы сказали, творец и причина всего, умпостигаемый бог, причина небесного и чувственно воспринимаемого бога» (Hierocl. *In aureum carm.* 20, 19). Паундовская редакция — «...the whole creation concerned with “FOUR”» — в соотношении с предшествующей строкой «Formality Heydon polluted Apollonius unpolluted⁸» (Pound 1975: 616) может быть интерпретирована как попытка исправить «нечистый» в смысле соответствия пифагорейским представлениям пассаж Хейдона, указав при этом на пример более аутентичного восприятия учения Пифагора.

Пифагорейская традиция представлена в *Canto XCI* разноуровневой системой отсылок: упоминаются имена знаменитого самосского философа, его учеников и почитателей, присутствуют намеки на легендарные факты их биографий, отдельные

⁸ По мнению П. Либрегтс, эта фраза означает в сочинении Хейдона «загрязнение» неоплатонизма другими учениями — «герметизмом, розенкрейцерством, еврейской теологией, нумерологией и алхимией» (Liebregts 2004: 309).

положения их учений, реминисценции из священных текстов пифагорейцев. Пифагор и его последователи у Паунда символизируют один из древнейших вариантов получения сакрального знания. Важнейшей составляющей здесь становится идея метемпсихоза как пути обретения потустороннего опыта. Не менее значимым в тексте Паунда становится соотнесение пифагореизма с литературной (Гомер, Овидий) и позднейшими философскими (гностицизм, неоплатонизм) традициями. Неоплатонические интерпретации в принципе отражают объективно существовавшую в том или ином виде преемственность античной философской традиции: «Правомерно рассматривать пифагорейские учения не как материал для дальнейшей обработки в платоническом и неоплатоническом философствовании, не как источник влияния, а как миф, понимаемый как сокровенная предыстория теологической рефлексии, требующая сохранения истолкования, развития» (Medvedeva 2001). Пифагореизм предстает как освященная древностью и укорененная в культуре мистическая школа, становящаяся одним из античных источников поэмы Паунда.

Литература

- Bronnikov, A. V. 2018: Comments on the text. In. Pound. *Kantos*. SPb: Nauka, 702–775.
Бронников А. В. Комментарии к тексту. В кн.: *Эзра Паунд Кантос*. Пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018, 702–775.
- Dante Alighieri. 1967: *Bozhestvennaya Komedia* [La Divina Kommedia]. М.: Nauka.
Данте Алигьери, 1967: Божественная Комедия. Пер. М. Лозинского. М.: Наука
- Heydon, J. 1662: *The holy guide*. London: Printed by T.M. and are to be sold by Thomas Whittlesey.
- Jonas, H. 2001: *The gnostic religion: the message of the alien God and the beginnings of Christianity*. Boston: Beacon Press.
- Liebregts, P. Th. M. G. 2004: *Ezra Pound and Neoplatonism*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press.
- Losev, A. F. 2000: *Istoria antichnoy estetiki. Pozdny ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Late Hellenism]. М.: Folio, AST.
Лосев, А. Ф. 2000: *История античной эстетики. Поздний эллинизм*. М.: Фолио, АСТ.
- Medvedeva, O. A. 2001: *Pifagoreyskoe uchenie o predele, bespredelnom i chisle v neoplatonisme* («Platonovskaya teologia» Prokla):

- avtoreferat dis... kandidata filosofskih nauk: 09.00.03 [*The Pythagorean Doctrine of the Limit, the Infinite and the Number in Neoplatonism: «Platonic Theology» by Proclus*]: abstract of the dissertation of the Candidate of philosophical sciences. SPb.
- Медведева, О. А. 2001: *Пифагорейское учение о пределе, бесконечном и числе в неоплатонизме: «Платоновская теология» Прокла*: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03. СПб. URL: <https://www.plato.spbu.ru/ DISSERTATION/ medvedeva.htm> (дата обращения 22.02.2023).
- Niven, A. 2018: To the king onely to put value': Monarchy and Commons in Pound's Canto CIX // *Glossator: Practice and Theory of the Commentary* Vol. 10 (1), 355–370.
- Pound, E. 2018: *Kantos [The Cantos]*. SPb: Nauka.
Паунд, Э. 2018: *Кантос*. Пер с англ. А. В. Бронникова. СПб.: Наука.
- Pound, E. 1975: *The Cantos of Ezra Pound*. London: Faber and Faber.
- Strukova, A. S. 2003: [The concept of the philosopher-miracle in the «The Life of Apollonius of Tyana» by Flavius Philostratus]. In: *Akademia. Materialy i issledovania po istorii platonizma [The academy. Materials and research on the history of Platonism]*.
- Струкова, А. С. 2003: Концепция философа-чудотворца в произведении Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». В сб. *Академия. Материалы и исследования по истории платонизма*. 5, 265–284.
- Takho-Godi, A. A. 1989: *Grecheskaya mifologiya [Greek mythology]*. M: Iskusstvo.
Тахо-Годи, А. А. 1989: *Греческая мифология*. М.: Искусство.
- Zhmud, L. Ya. 2012: *Pifagor i rannie pifagoreyzy [Pythagoras and the early Pythagoreans]*. M: Universitet Dmitriya Pozharskogo.
Жмудь, Л. Я. 2012: *Пифагор и ранние пифагорейцы*. М.: Ун-т Дм. Пожарского.

Е. Н. Бузурнюк

ИМЛИ им. А. М. Горького РАН / ИОН РАНХиГС, Москва, Россия.
katerinabuz@gmail.com

СФИРОМАХ, ФИРОМАХ, КЛЕОМАХ: О СХОЛИЯХ К СТ. 22 «ЖЕНЩИН В НАРОДНОМ СОБРАНИИ» АРИСТОФАНА¹

Статья посвящена рассмотрению сведений схолий к ст. 22 комедии Аристофана «Женщины в народном собрании». В рукописях содержатся имена Фироммах и Сфироммах. Об этом человеке в схолиях сказано, что он внёс некий декрет о разделении мест между мужчинами и женщинами. Кроме того, схолии рассказывают о некоем Клеомахе, который был трагическим актёром и которого высмеивали за допущенную им оговорку. Сначала в статье рассматриваются возможные варианты появления имени Клеомах в схолиях. Вторая часть посвящена обсуждению идеи В. Кулона и К. Роберта, согласно которым прозвище Фироммах получил Клеомах из-за манеры *φύρειν τὰ ὑράματα*. Автор статьи полагает, что это предположение неверно, и приводит ряд возражений. По мнению автора, имя Клеомах могло появиться на полях рукописи как параллельный случай к оговорке, совершенной Фироммахом. В третьей части статьи излагаются аргументы в пользу доверия к сведениям о Фироммахе, вопреки распространённому мнению, что этот текст был придуман схолиастом на основе текста комедии.

Ключевые слова: Аристофан, древняя комедия, Женщины в народном собрании, Экклесиазусы, схолии, Суда.

Е. N. Buzurnyuk

A. M. Gorky Institute of World Literature RAS / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. katerinabuz@gmail.com

Sphyromachos, Phyromachos and Cleomachos: scholia on v. 22 of Aristophanes' *Ecclesiazousae*

This paper examines information provided by scholia on v. 22 of Aristophanes' *Ecclesiazousae*. Scholia report that Cleomachos was a tragic actor who was ridiculed for a slip of the tongue, although the manuscripts have other readings: Phyromachos and Sphyromachos (the latter might be a scribal mistake due to dittography of sigma). On Phyromachos, scholia report that he introduced a decree about the division of seats. The author

¹ Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-571 от 3 июня 2021 г., срок реализации 2021–2023 гг.) «Цифровые комментарии к античным текстам: древнегреческая комедия»

starts by presenting the possible reasons why the name Cleomachos might appear in the manuscripts. The second part of the article focuses on a possible connection between the two names. The author disagrees with V. Coulon and C. Robert, who supposed that Phyromachos was a nickname given to Cleomachos because of his habit of *φύρειν τὰ γράμματα*, and proposes arguments against this idea. In the author's opinion, the name of Cleomachos might have appeared as a marginal note containing a parallel to the slip of the tongue made by Phyromachos. The final part of the article argues that the scholion on Phyromachos should be trusted despite the widespread opinion that it was made up by a scholiast. Therefore, Phyromachos might be remembered by the ancient tradition as an orator who introduced a decree on the separated seats for men and women. While discussing the decree, he made a slip of the tongue for which he was mocked only by Aristophanes and no other comic poet. Later someone mentioned Cleomachos in marginalia as a person who made a similar mistake, but the explanation on which the scholion is based emerged later.

Keywords: Aristophanes, the Old Comedy, Ecclesiazusae, scholia, Souda.

В комедии Аристофана *Женщины в народном собрании* в ст. 22 упомянут некий человек. Все наши сведения о нём исчерпываются сообщениями схолий, однако они не до конца ясны и требуют обсуждения. Ст. 22 является частью монолога Праксагоры, открывающего комедию.

καίτοι πρὸς ὄρθρον γ' ἐστίν· ἢ δ' ἐκκλήσια 20
 αὐτίκα μάλ' ἔσται· καταλαβεῖν δ' ἡμᾶς ἔδρας — 21
 ἄς Φυρόμαχος ποτ' εἶπεν, εἰ μέμνησθ' ἔτι — 22
 δεῖ τὰς ἐταίρας κάγκαθίζομένας λαθεῖν. 23

А дело уж к рассвету; и собрание
 Вот-вот начнётся; а нам занять седалища —
 О которых некогда сказал Фиромах, если помните —
 Следует гетерины и незаметно на них сесть.

В этом месте мы находим две проблемы: одна касается личности Фиромаха и сведений, содержащихся в схолиях, другая — интерпретации шутки, собственно, того, что именно было сказано Фиромахом и почему Аристофан его цитирует. Интерпретация шутки требует отдельного обсуждения, которое, впрочем, может быть опущено при разговоре о Фиромахе. Отмечу лишь то, что я вслед за Виктором Кулоном (Coulon 1923: 396) и Робертом Ашером (Ussher 1973: 76) полагаю, что Фиромах намеревался сказать *τὰς ἐτέρας ἔδρας*, «другие сидения», «другие места», но оговорился и произнёс *τὰς ἐταίρας*

ἔδρας «гетерины седалища». Аристофан цитирует эту оговорку в качестве шутки.

Вернёмся к Фиромаху. В шести рукописях форма имени зафиксирована как **Σφυρόμαχος** (так же и у Суды, Su. σ 1764). Однако имя **Φυρόμαχος** содержится в Равеннской рукописи — старейшей из доступных рукописей Аристофана, датируемой ок. 1000 г. Она на три столетия старше двух других рукописей — А и Г, написанных в начале XIV в., не говоря уже о четырёх рукописях гуманистического времени.

Как предполагает Роберт Ашер (Ussher 1973: 75–76), имя **Σφυρόμαχος** возникло из-за предшествующему ему в тексте местоимения ἃς в результате ошибки переписчика, написавшего две сигмы подряд. Эта форма имени с сигмой более нигде не встречается, за исключением упомянутого места Суды, который мог пользоваться в качестве источника рукописью с продублированной сигмой. В целом следует отметить, что имена на Σφυ- очень редкие. Мы имеем 4 свидетельства для IV в. до н.э. из Сицилии (Σφύρας), Аттики и Арголиды (Σφυρίδας), Карию в Малой Азии (Σφύρων).

На мой взгляд, Ашер прав, и следует читать **Φυρόμαχος**. Вероятно, некий Фиромах в конце V в. до н.э. занимал должность архонта-басилевса, о чём свидетельствует надпись IG I³ 1384: ἐπὶ Φυρομάχο βασιλεύοντος. Эта надпись близка по времени к постановке комедии, однако надёжно установить связь Фиромаха-басилевса с упомянутым Фиромахом у Аристофана не представляется возможным. До сих пор исследователям не удалось обнаружить никаких сведений из других источников, которые бы проясняли личность Фиромаха, поэтому нам остаётся разбираться со схолиями.

Вопрос об имени не исчерпывается обсуждением двух рассматриваемых вариантов.

Схолии к этому стиху содержат ещё одно имя: **Κλεόμαχος**, чья связь с Фиромахом или Сфиромахом совершенно неясна. Определить эту связь и является главной целью данной статьи.

I. Как появилось имя «Клеомах»?

Сначала рассмотрим схолий, посвящённый Клеомаху, поскольку во всех рукописях он предшествует схолию о Фиромахе.

γράφεται ΓΛ καὶ Γ «ἃς Κλεόμαχος». ΡΓΛ καὶ ΓΛ φασὶ Κλεόμαχον τραγικὸν ὑλοκριτὴν. οὗτος φαίνεται ὑλοκρινόμενός

ποτε εἰρηκέναι †ἔδρας R vel τὸ Γ vel τὶ Λ ἐν δράματι RΓΛ † καὶ ἐσκῶφθαι διὰ τὸ κακέμφατον. RΓΛ

Пишут (также) «ἄς Κλεόμαχος». (И) говорят, что Клеомах – это трагический актёр. Он, кажется, некогда, произнося реплику, сказал †сидения *или* это *или* что-то в пьесе† и был высмеян за непристойность.

Таким образом, схолиаст сообщает, что Клеомах был трагическим актёром, и некогда сказал что-то, что получило дурное (возможно, грубое или неприличное истолкование), за что его и высмеяли. Содержание сказанного из схолия неясно. Равеннская рукопись указывает ἔδρας, однако Аристофан высмеивает не столько это слово само по себе, сколько его значение в связи с τὰς ἐταίρας. Ничего неприличного в самом слове ἔδρας нет. Γ даёт τὸ (может быть, это должно отсылать к тексту комедии?) и Λ — неопределённое τὶ, «что-то». Обратим внимание на то, что автор заметки использует φασὶ «говорят» и φαίνεται «кажется, что он», которые отражают наличие как минимум двух источников для схолия.

Как имя Клеомаха появилось в античных комментариях к комедии Аристофана? Можно ли восстановить историю возникновения этого схолия? Я попробую дать ответы на эти вопросы.

Слово γράφεται (καί) в схолиях используется для описания альтернативного чтения. Иногда это касается небольших различий, заключающихся, например, в отсутствующей букве, в замене одной гласной на другую или в разных формах окончаний. Иногда с помощью этой формулы вводится альтернативный вариант разделения *scriptio continua* на отдельные слова, как в схолиях к Nu. 1273: γράφεται καὶ «ἀπ' ὄνου» καὶ «ἀπὸ νοῦ».

Однако некоторые схолии содержат альтернативный вариант, который разительно отличается от помещённого в тексте. Например, читаем в схолиях *Птицам*: Κριῶθεν: γράφεται καὶ «Θριῶθεν» (sch. ad Av. 645). Оба слова обозначают происхождение из определённого дема. Издатели комедии выбирают чтение Κριῶθεν, содержащееся в Равеннской рукописи «Птиц», наиболее авторитетной для комедий Аристофана. Для нас важно, что альтернативное чтение содержится не только в схолии: помимо Κριῶθεν дошедшие до нас рукописи имеют также Θριῶθεν и Θρίωθεν. То есть в данном случае схолиаст, вероятно, сам видел в рукописях разные варианты, что и позволило ему внести в схолий альтернативное чтение с помощью γράφεται καί.

Однако в случае с Фиромахом/Клеомахом дело обстоит иначе. Κλεόμαχος фиксируется схолиями как альтернативное чтение, однако ни в одной из 7 сохранившихся рукописей оно не стоит в тексте. Наше представление о генеалогии рукописей для «Женщин в народном собрании» далеко не полное, поэтому нельзя исключать, что до нас просто не дошли рукописи, принадлежащие к ветви с чтением Κλεόμαχος. Нельзя исключить возможность того, что автору комментария они были доступны, поэтому второе имя сохранилось в схолиях.

Мне кажется, что имя Клеомах никогда не читалось в тексте комедии. Как же оно появилось? Имя «Клеомах» могло быть записано на полях сбоку от текста или между строками основного текста. На втором этапе имя получило толкование и стало частью комментария к тексту. Можно представить, что автор заметки — происходило ли это в поздней античности или уже в средневековой Византии — пытался найти объяснение для отдельно стоящего имени, записанного на полях рукописи, хотя он сам не до конца понимал, как это имя могло быть связано с текстом комедии. Прочтя где-то о трагическом актёре Клеомахе, жившем в одно время с Аристофаном, писец или античный филолог помещает эту информацию со ссылкой φασί «говорят».

Наконец, глагол φαίνεται «кажется, что он» может указывать на то, что объяснение выведено из текста комедии. Например, во *Всадниках* упоминается Фан, ὑπογραφεὺς (*Eq.* 1256), о котором в схолии сказано: φαίνεται τις γραμματεὺς οὗτος (sch. ad *Eq.* 1256). Толкование явно основано только на строчке из комедии, поскольку γραμματεὺς, вероятно, было более понятно для схолиаста, чем ὑπογραφεὺς. Также глагол может использоваться при восстановлении элементов постановки, не упомянутых в тексте. Например, в *Th.* 717 Мнесилох заявляет, что не отдаст младенца, и схолий содержит следующее замечание: φαίνεται δὲ ἄσκὸν εἶχων (sch. ad *Th.* 717).

Древний учёный понимал, что Аристофан высмеивает Фиромаха за двусмысленную оговорку, поэтому приписал Клеомаху совершение схожей оговорки и заключил, что его за это высмеивали.

Впрочем, сообщение о Клеомахе могло быть взято из какого-нибудь труда античных филологов или из пересказа такого труда. Мы знаем из Афинея по крайней мере об одной работе, содержащей, предположительно, каталог «Лиц, упоминаемых в комедиях» (Κωμφορμένων), авторства Геродика из

школы Кратета (Ἡρόδικος ὁ Κρατήτειος, Ath. *Deipn.* 13.50; 13.60). Впрочем, до нас не дошло ни одной комедии или фрагмента, где бы высмеивался Клеомах — за исключением случаев, когда высмеивали Гнесиппа, трагического поэта или лирика, чьим отцом был некий Клеомах (PCG 4, p. 131, fr. 17). Мы не обладаем сведениями о его роде деятельности, поэтому мы не можем надёжно связать Клеомаха из схолиев с Клеомахом, отцом Гнесиппа.

II. Связь между Фиромахом и Клеомахом

Итак, в какой-то момент бытования текста комедии рядом с именем Фиромаха появилось второе имя. Почему это произошло?

Отметим сначала, что оба имени известны как обычные имена людей, причем Фиромах встречается преимущественно в Афинах (Καναου 2011: 176–77), где в период V–II вв. до н. э. засвидетельствовано 15 раз (LGPN II s.v. Φυρόμαχος). Имя Клеомах было довольно распространено (94 свидетельства), из которых 9 — для Афин с IV в. до н.э. по I в. н. э., несколько позже, чем для имени Фиромах (LGPN II s.v. Κλεόμαχος).

Попытку связать два имени между собой предпринял Виктор Кулон. Кулон утверждает, что истинное имя упомянутого человека — это Κλεόμαχος, который из-за привычки φύρειν τὰ γράμματα («смешивать буквы») получил кличку Φυρόμαχος (Coulon 1923: 370). К такому же выводу приходит Карл Роберт (Robert 1922: 343–44). Ни Роберт, ни Кулон не приводят аргументации, которая бы подтверждала эту идею. Какие аргументы за и против этого предположения можно было бы найти?

Главное достоинство этой идеи заключается в том, что она связывает два имени между собой. Однако всё равно сохраняется противоречие между двумя различными биографиями: по сообщению схолиаста, Клеомах был актёром, а Фиромах внёс некий декрет. Сам Кулон считает, что Клеомах был малоизвестным политиком, а вовсе не актёром, однако в таком случае неясно, как в схолиях появились сведения о Клеомахе-актёре, и это кажется мне ключевым недостатком идеи Кулона.

Допустим, что Φυρόμαχος стало прозвищем. Отсюда возникает следующий вопрос: это прозвище было придумано Аристофаном или Аристофан использовал прозвище, которое по отношению к этому человеку употребляли в городе? Кулон не проясняет этот вопрос. Я полагаю, что единственный воз-

можный вариант — это ситуативное создание и употребление прозвища только в этом месте у Аристофана.

Как показывает исследование Nicoletta Kanavo, посвящённое говорящим именам у Аристофана, поэт мог в персональных шутках упоминать афинян не по именам, а посредством ясных намёков, и это могло иметь более сильный комический эффект (Kanavo 2011: 14). Один из способов достижения такого эффекта — это наделение реальных людей кличками, и рассматриваемое место кажется отличной иллюстрацией этого аристофановского метода. Однако приглядимся более внимательно.

В персональных шутках очень важно, чтобы объект насмешки быстро и легко узнавался зрителем, даже если не называется прямо по имени. Ясность может достигаться благодаря использованию патронимов (сын такого-то), указанию на этническое происхождение (возможно, Σάκας в Av. 31 для насмешки над драматическим поэтом Акестором (Kanavo 2011: 110)). В качестве кличек могут выступать эпитеты, характеризующие какую-либо черту внешности, характера или рода деятельности: например, многочисленные иносказательные наименования Клеона во *Всадниках*, которые не сопровождаются личным именем, либо эпитеты в сочетании с личным именем, как Μεγαίνετος ὁ Μανῆς (Ra. 965) или Φιλόστρατος ἡ κυναλώπηξ (Eq. 1069). Любопытно, что в другой шутке про Филострата Аристофан использует только кличку κυναλώπηξ без личного имени (Lys. 957), что, вероятно, указывает на то, что в древней комедии это прозвище плотно закрепилось за этим человеком.

Три случая образования клички из личного имени мы встречаем в *Осах*: Δημολογοκλέων (V. 342) и Κομηταμυνίας (V. 466), относящихся к Бделиклеону, а также Κολακόνυμος (V. 592). Δημολογοκλέων, с одной стороны, преобразовывает имя персонажа Βδελυκλέων, меняя первый из двух корней. Тем не менее, в этом слышится и персональный выпад против Клеона (Biles, Olson 2015: 198), что позволяет понять словообразование следующим образом: δημολόγος + Κλέων. Таким образом, хор называет героя «пустословом Клеоном» или «по-клеоновски пустословным». По такой же схеме образовано Κομηταμυνίας — ещё одно прозвище, которое хор даёт Бделиклеону. Оно имеет в своём составе κομήτης «длинноволосый» и имя человека — Аминий, над которым насмеялись из-за изнеженности и позёрства (Kanavo 2011: 91–92), то есть хор называет Бделиклеона «длинноволосым Аминием» или «по-аминиевски длинново-

сым». Оба этих прозвища относятся к персонажу комедии, однако одновременно содержат насмешку, направленную против конкретных афинян.

Наконец, третий случай образования клички из личного имени кажется очень близким к случаю Клеомаха/Фиромаха. *Κολακώνυμος* составлено по следующей схеме: *κόλαξ* «льстец» + *-ώνυμος* (второй корень имени Клеоним), «Льстионим». В речи Филоклеона *Κολακώνυμος* обозначаем именно Клеонима, а не какого-то другого человека (как клички Бделиклеона, рассмотренные выше). Однако, как уже было сказано, при использовании прозвищ очень важна лёгкость узнавания. Если зрителю будет трудно разгадать прозвище, то шутка потеряет часть своей силы. Поэтому Аристофан не использует *Κολακώνυμος* само по себе, но добавляет эпитет *ἀσπίδαοβλής*, «бросивший щит», «трус», который отсылает к упоминанию Клеонима в самом начале комедии, где говорится, что *ἀσπίδα ... ἀποβαλεῖν Κλεώνυμον* (V. 17–19). Дополнительный эпитет, который одновременно отсылает к более раннему стиху той же комедии, позволяет зрителям легко распознать, к кому именно относится прозвище.

Итак, Аристофан действительно мог создавать прозвища, преобразуя часть двусоставного личного имени. *Φυρόμαχος* образовано по той же схеме, что и предполагаемое Кулоном родное имя *Κλεόμαχος*: корень + *μαχος*. Однако наша единственная параллель образования прозвища таким образом — *Κολακώνυμος* — имеет также дополнительный эпитет, который проясняет, к кому именно прозвище относится. В случае Клеомаха/Фиромаха дополнительные эпитеты отсутствуют.

Скудость сведений о личности Клеомаха/Фиромаха, доступных древним комментаторам, скорее свидетельствует о том, что этот человек был упомянут в древней комедии всего лишь один раз — в рассматриваемом месте *Ἐκκλεσιάζουσ*. В таком случае у него не могло быть устойчивого комедийного прозвища — следовательно, при использовании клички «Фиромах» Аристофану пришлось бы добавить личное имя, эпитет или дополнительное указание, которые бы полностью прояснили, что речь идёт именно о Клеомахе. Любые дополнения такого рода в комедии отсутствуют.

Следует отметить, что в *Ἄσκα* Аристофан образует прозвища с помощью двух существительных и одного прилагательного, в то время как *Φυρόμαχος* имеет первым корнем глагол *φύρω* — для такого типа образования прозвищ у нас параллелей

нет. Более того, сочетание корней в имени Фиромах позволяет расшифровать имя как «борющийся со смешением», что даёт ровно противоположный контексту смысл и, таким образом, ведёт к затруднению понимания отсылки. Если Фиромах — это истинное имя, то гораздо смешнее звучит возникающее противоречие: ибо «борющийся со смешением» как раз и допустил речевую ошибку, «смешал» звуки.

Кулон полагает, что кличка произошла от привычки *φύρειν τὰ γράμματα*, поэтому моё главное возражение против его идеи касается употребления глагола *φύρω*. Прямое значение — «смешивать что-то с чем-то» (зачастую, «смешивать что-то твёрдое с чем-то влажным») (LSJ, s.v. *φύρω*). Наиболее частое употребление — о крови (*Od.* 9.396, *A. A.* 732, *E. Alc.* 496) и слезах (*Il.* 24.162, *Od.* 18.173). Дальнейшее развитие: в значении замешивать тесто (*Hdt.* 2.36.10), а также метафорическое «спутать, лишить порядка» (*ἐκ πεφουρμένου ... διασταθμίσατο*, *E. Supp.* 202, «из смешанного... он разделил по порядку»). Употребление глагола подразумевает наличие двух или более субстанций или элементов (например, мыслей или ингредиентов), которые перестают существовать раздельно: они смешиваются между собой, нарушают прежний порядок, становятся спутанными и, как следствие, неясными. Еврипид в *Лягушках* говорит о том, как начинал трагедии, в отличие от Эсхила: *οὐκ ἐλήρουν ὁ τι τύχοιμ' οὐδ' ἐμπλεσὼν ἔφουρον* (*Ag. Ra.* 945), «я не говорил глупостей, что бы ни приходило в голову, и не смешивал, врываясь...». У Платона в *Федоне*: *ἄμα δὲ οὐκ ἂν φύροιο ὡσπερ οἱ ἀντιλογικοὶ περὶ τε τῆς ἀρχῆς διαλεγόμενος καὶ τῶν ἐξ ἐκείνης ὀρμημένον* (*Pl. Phd.* 101e), «при этом <...> ты не будешь всё перепутывать, как делают это наши спорщики, не будешь в одно и то же время говорить и об основном положении и о положениях, из него вытекающих»². Итак, может ли этот глагол употребляться в смысле «перепутать буквы», то есть заменить одно на другое, как предлагает Кулон: *φύρειν τὰ γράμματα*? Кажется, что нет.

Таким образом, если идея Кулона не получает подтверждения, то следует считать, что Фиромах — это истинное имя человека, упомянутого Аристофаном. Но какова связь между ним и Клеомахом? Я полагаю, что трагический актёр Клеомах высмеивался в комедии за то же самое, что и актёр Гегелох (*sch. ad Ra.* 303; *Su.* η 36), и наш Фиромах — за неправильное

² Пер. С. А. Жебелева.

произношение, ведущее к двусмысленности или к просто неуместному слову («ласка» вместо «тишины» у Гегелоха). Следовательно, имя Клеомах могло возникнуть в рукописи как отсылка к похожему случаю, то есть как параллель к Фиромаху.

III. Схолий о Фиромахе и сообщение Суды

Итак, последний элемент сложной картины — это схолий, касающийся Фиромаха. Рассмотрим его подробнее.

ὁ Φυρόμαχος ψήφισμα εἰσηγήσατο ὥστε τὰς γυναῖκας καὶ τοὺς ἄνδρας χωρὶς καθέζεσθαι καὶ τὰς ἐταίρας χωρὶς τῶν ἐλευθέρων. R

ὁ Φυρόμαχος ψήφισμα εἰσηγήσατο ὥστε δεῖν τὰς γυναῖκας ἐταίρας χωρὶς τῶν ἐλευθέρων καθέζεσθαι· οἱ δέ, ὅτι τὰς γυναῖκας καὶ τοὺς ἄνδρας χωρὶς καθέζεσθαι. ΓΛ

Фиромах внёс декрет о том, чтобы женщины и мужчины сидели раздельно и гетеры отдельно от свободных. R

Фиромах внёс декрет о том, что следовало, чтобы женщины-гетеры отдельно от свободных сидели; а другие [сообщают, что внёс декрет о том], чтобы женщины и мужчины сидели раздельно. ГЛ

Стоит обратить внимание, что «τὰς γυναῖκας καὶ τοὺς ἄνδρας χωρὶς καθέζεσθαι» в точно таком виде содержится в статье Суды о Сфиромахе:

Σφυρόμαχος· οὗτος ψήφισμα εἰσηγήσατο, ὥστε τὰς γυναῖκας καὶ τοὺς ἄνδρας χωρὶς καθέζεσθαι. (Su. σ 1764)

Сфиромах: он внёс декрет о том, чтобы женщины и мужчины сидели раздельно.

Итак, необходимо решить следующие вопросы: 1) что значит этот схолий? 2) какова связь между схолиями и Судой?

Схолии содержат два факта: Фиромах внёс декрет, и этот декрет был посвящён разделению мест между мужчинами и женщинами. Разделению мест где? В народном собрании, о котором идёт речь в монологе Праксагоры? Но в народном собрании могли присутствовать только граждане мужского пола. Второе возможное объяснение: речь в декрете шла о других городских мероприятиях, на которых могли присутствовать и мужчины, и женщины, и свободные люди, и неграждане (гетеры) — может быть, какие-то игры, состязания или праздники.

«Женщины и мужчины раздельно» могло быть формулой, описывающей желаемый социальный порядок. Представление о том, что мужчины и женщины должны раздельно заниматься какими-либо вещами, согласуется с характерным для древнегреческого общества разделением мужского и женского, публичного и частного. Внесение подобного декрета на рубеже V–IV вв. до н. э. могло свидетельствовать о частом нарушении этого разделения, прежде существовавшего негласно и не требовавшего официальной регламентации. То есть декрет о разделении мест в принципе не невозможен.

Или этот декрет мог касаться более частного случая, как в постановлении IG VII 235 (SEG 31.416) из Беотии. Эта надпись датируется IV в. до н. э. и регулирует обязанности жреца Амфиарая и быт паломников, прибывающих в святилище. Прочитую интересующий меня фрагмент надписи:

ἐν δὲ τοῖ κοιμητηρίο-
ι καθέυδειν χωρὶς μὲν τὸς ἄνδρας, χωρὶς γυναικας,
δὲ τὰς γυναῖκας, τοὺς μὲν ἄνδρας ἐν τοῖ πρὸ ἡ- 45
ῶς τοῦ βωμοῦ, τὰς δὲ γυναῖκας ἐν τοῖ πρὸ ἡσπέ-
ρης ...

[решено, чтобы] в комнате для сна
Спали отдельно мужчины, отдельно
женщины, мужчины с вос- 45
точной [части] алтаря, а женщины с запад-
ной [части] ...

Более сложный вопрос — это часть схолия о раздельных местах для свободных женщин и для гетер. Я полагаю, что Суда отражает то, в каком виде комментарий существовал на момент создания лексикона, а вторая часть о свободных и гетерах возникла позже и была выведена схолиастом из текста комедии, поскольку он понял ἡμᾶς в связи с τὰς ἑταίρας: «мы ... гетеры», и попытался привязать сведения о Фиромaxe к комедии непосредственно.

Заметка о раздельных местах для женщин и гетер происходит из другого источника: схолии рукописи Γ содержат эту часть как основную, а Суда цитируется с помощью οἱ δὲ, отмечающего альтернативное мнение. По наблюдениям Кэтлин Макнэми, для античных комментариев (hypomnemata) было характерно анонимное и практически бесшовное соединение разных мнений (мы видим это в схолиях Равеннской рукописи), в то время как более поздние практики подразумевали более

механистическое переписывание из различных источников с подписями, маркирующими эти различные мнения (McNamee 1995: 405).

Таким образом, я считаю, что в Суде сохранился комментарий, происходящий из работ античных филологов: Фиромах внёс декрет о разделении мест. В этом явно присутствует эллипсис: неясно, как эти сведения связаны с комедией Аристофана.

Я полагаю, что на раннем этапе ст. 21–23 комедии не требовали специального объяснения содержания шутки. Аристофан атрибутирует цитату, называя Фиромаха, и цитирует дословно его слова «ἔδρας ... τὰς ἑταίρας»), которые должны были быть понятны носителю языка без дополнительных пояснений в комментариях. Однако по мере переписывания рукописей и копирования комментариев на полях содержание шутки и вообще смысл ст. 21 и 23 становились менее понятными для переписчиков. Попытка привязать содержание заметки к контексту комедии могла привести к появлению объяснения про гетер и свободных женщин. Также и схолий о Клеомахе получил дополнительное объяснение, которое выводится из содержания комедии: οὗτος φαίνεται ὑλοκρινόμενος ποτε εἰρηκέναι ... καὶ ἐσκόφθαι διὰ τὸ κακέμφοτον.

Итак, из текста ясно, как звали человека, что он сказал и почему это было смешно. Единственная информация, которую читатель не мог вывести из текста самостоятельно (если он не жил в Афинах в 390-е гг. до н.э.), это то, кем именно был Фиромах: поэтом? актёром? политиком?

При этом с высокой вероятностью Фиромах больше ни разу не высмеивался в комедиях — ни у Аристофана, ни у других комиков, поэтому он не попал в плеяду κομφοῦμενοι — людей, выводимых в комедиях, о которых говорилось в пьесах разных комедиографов. Фиромах не высмеивался регулярно ни за свой род деятельности, ни за черту внешности или характер — Аристофан всего лишь раз припомнил ему смешную оговорку, процитировав в *Экклесиастах*.

К чему тогда сообщение о том, что Фиромах внёс декрет? Во-первых, это всё-таки обозначает род его деятельности — он был оратором, то есть политиком, но не очень известным. Более того, мы можем предположить, что он был сторонником строгой морали, раз предложил рассаживать мужчин и женщин отдельно (к какому бы пространству это ни относилось), и тем смешнее, что он оговорился, сказав τὰς ἑταίρας ἔδρας. Но это,

конечно, лишь догадка. Во-вторых, Фиромах мог оговориться как раз тогда, когда произносил речь в связи с внесением или обсуждением этого декрета.

Мнения современных комментаторов о личности Фиромаха разделились. Формат комментария не позволяет углубиться в обсуждение проблемы, поэтому не в каждом случае выбор полностью аргументирован. Альфонс Виллемс и в согласии с ним Виктор Кулон считают Фиромаха малоизвестным политиком. Карл Роберт считает, что речь идёт об актёре. Роберт Ашер описывает существующие точки зрения, но не отдаёт предпочтения ни одной из них. Алан Соммерстин предпочитает точку зрения, что Фиромах был актёром. Массимо Ветта считает схолий о Сфиромахе выдуманным схолиастом, но и не согласен с тем, что упомянутый человек был актёром.

Итак, основные выводы можно сформулировать следующим образом:

1) Фиромах — имя, которое стояло в тексте, и оно является личным именем человека, которого упоминает Аристофан. Он высмеивался в комедии один раз, поэтому античная традиция сохранила очень мало свидетельств о нём.

2) Клеомах напрямую не связан с Фиромахом. Появление этого имени в схолиях может объясняться тем, что Клеомах также был известен из-за речевой оговорки. Ничто не мешает нам считать его трагическим актёром. Его имя появилось на полях рукописи как параллель к Фиромаху. Схолий, посвящённый Клеомаху, был написан позже появления имени в маргиналиях.

3) Схолий о Сфиромахе состоит из двух частей, появившихся в разное время. Суда сохранил изначальный вариант схолия (до добавления про гетер). В схолии присутствует эллипсис мысли. Цель схолиаста заключается не в том, чтобы прояснить, что сказал Фиромах, или объяснить, за что Аристофан его высмеивает (древним это было ясно из текста комедии), а в том, чтобы сообщить информацию о роде деятельности Фиромаха.

4) Личность Фиромаха установить сложно, однако я склоняюсь к тому, что он был малоизвестным и не слишком плодовитым оратором, и запомнился древним только из-за предложенного декрета о разделении мест.

Литература

- Adler, A. (ed.) 1928–1935: *Suidae Lexicon*, 4 vols. Leipzig: Teubner.
- Biles, Z. P. (ed.), Olson, S. D. (ed.). 2015: *Aristophanes. Wasps*. Oxford, Oxford University Press.
- Coulon, V. 1923: Notes sur l' 'Assemblée des femmes' d'Aristophane. In: *Revue des Études Grecques*, t. 36, fascicule 167: 367–399.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- McNamee, K. 1995: Missing Links in the Development of Scholia. In: *Greek, Roman and Byzantine Studies* 36: 399–414.
- Regtuit, R. F. (ed.). 2007: *Scholia in Thesmophoriazusas; Ranas; Ecclesiazusas et Plutum*. Groningen: Egbert Forsten.
- Robert, C. 1922: Aphoristische Bemerkungen zu den Ekklesiazusen des Aristophanes. In: *Hermes*, 57 Bd., H. 3: 321–356.
- Sommerstein, A. (ed.). 1980: *The Comedies of Aristophanes, vol. 10: Ecclesiazusae*. Warminster: Aris & Phillips.
- Ussher, R. G. (ed.). 1973: *Aristophanes' Ecclesiazusae*. Oxford, Clarendon Press.
- Vetta, M. (ed.), Del Corno, D. (trans.). 1989: *Aristofane: Le Donne all'assemblea*. Milan: Fondazione Lorenzo Valla, Arnoldo Mondadori Editore.

А. В. Васильев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
a.v.vasilyev@spbu.ru

EXEMPLA РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ ГАРУСПИКОВ В ТРАКТАТЕ ЦИЦЕРОНА «О ДИВИНАЦИИ»*

Тема римской дивинации, тесно связанной с политической и общественной жизнью римского государства, является одной из наиболее востребованных в рамках изучения римской религиозной жизни. Значимое место в изучении данной темы занимает трактат Марка Туллия Цицерона «О дивинации». В данной статье разбираются используемые Цицероном *exempla* религиозной практики гаруспиков в их историческом контексте и сопоставляются с другими свидетельствами античной традиции по данным сюжетам. Автор приходит к выводу о том, что религиозная практика этрусских гаруспиков получила широкое распространение в Риме после Пирровой войны и поначалу касалась в основном искупления знамений, но в эпоху гражданских войн стала широко востребована в качестве неформальной религиозной экспертизы для ведущих политиков и полководцев этого времени.

Ключевые слова: религия, дивинация, Цицерон, гаруспики, Римская республика, знамения.

Andrey Vasilyev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. a.v.vasilyev@spbu.ru

Exempla of the religious practice of haruspices in Cicero's On Divination

The topic of Roman Divination, closely related to the political and social life of the Roman state, is one of the most popular ones in the studies of Roman religious life. A significant place in the study of this topic is occupied by Marcus Tullius Cicero's treatise *On Divination*. This article analyzes the *exempla* of the religious practice of haruspices used by Cicero in their historical context and compares them with other relevant evidence of the ancient tradition. The author comes to the conclusion that the religious practice of the Etruscan haruspices became widespread in Rome after the Pyrrhic War and at first concerned mainly the expiation of portents, but in the era of civil wars it became widely used as an informal religious expertise by the leading politicians and commanders of that time.

Key words: religion, Divination, Cicero, haruspices, Roman republic, prodigies.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>.

Тема римской дивинации, тесно связанной с политической и общественной жизнью римского государства, начиная с классического труда французского историка О. Буше-Леклерка (Bouché-Leclercq 1879–1882), стала одной из наиболее востребованных в рамках изучения римской религиозной жизни. В рамках данной темы исследователи особенно часто обращались к жреческой практике авгуров, поскольку именно эти жрецы отвечали за санкционирование важных государственных и религиозных актов путем птицегаданий (Catalano 1960; Linderski 1986: 2146–2312; Santangelo 2013; Smorchkov 2012: 226–264). Меньшее внимание уделено деятельности этрусских жрецов-гаруспиков, которая часто оказывается в тени авгурских гадательных практик (одним из немногих исключений является McBain 1982, но эта книга посвящена в большей степени разного рода предсказаниям).

При этом наличие уже в римской философской и религиозной мысли такого важнейшего произведения с попыткой теоретического осмысления данного феномена, как трактат Марка Туллия Цицерона «О дивинации», всегда вызывало дополнительный интерес исследователей и попытки понять отношение самого римского оратора и философа к этой религиозной практике в целом¹. В рамках данной статьи мы попытаемся обратиться к тексту трактата «О дивинации», в котором автор приводит немало римских примеров успешных гаданий, и сравнить используемые Цицероном *exempla* религиозной практики гаруспиков и их исторический контекст с теми сведениями о деятельности этрусских гадателей, которые мы встречаем в других источниках по истории Римской республики.

Начнем с того, что гаруспицина была древним учением, которое было связано с изучением внутренностей жертвенных животных и, как предполагается, появилась в Риме в период правления этрусских царей Тарквиниев (Dumézil 2018: 782;

¹ Отношение самого Цицерона к дивинации остается дискуссионным вопросом. Большинство исследователей склоняется к тому, что скептицизм Цицерона, который высказывается во второй книге его труда, отражает его истинный взгляд на проблему (Latte 1960: 285; Le Gall 1975: 143–144; Momigliano 1984: 209; Schofield 1986: 57). Иную точку зрения разделяет М. Бёрд, которая полагает, что «те, кто на основании второй книги трактата делают вывод о личном скепсисе Цицерона в отношении дивинации, игнорируют его ясно выраженный отказ от окончательного вывода и значение диалога как собрания аргументов *pro et contra*» (Beard 1986: 35).

Burkert 2005: 41; Shtaerman 1987: 79)². О происхождении гаруспицины Цицерон рассказывает, передавая известную легенду о Тагесе. Этот Тагес, выскочивший из-под плуга пахаря на земле Тарквиниев, «по наружности мальчик, но по мудрости — старец» (*puerili specie dicitur visus, sed senili fuisse prudentia*) и поведал собравшимся вокруг него то, что составило науку гаруспиций (*Cic. Div. II, 23, 50*)³. Впрочем, Цицерон упоминает о том, что гаруспики были и в других местах (у элидян, египтян, карфагенян) и они по-разному толковали показания внутренностей (*Cic. Div. II, 12, 28*). По-видимому, в данном случае Цицерон использует этрусский термин для обозначения жрецов, занимавшихся похожим видом гаданий.

В Риме гаруспики, как предполагается, находились в подчинении у авгуров, подобно некоторым другим специальным коллегиям, таким как пуллари и децемвиры священнодействий (Kofanov 2001: 63). Впрочем, деятельность гаруспиков не ограничивалась сугубо указанной выше сферой гаданий: Цицерон в трактате «О законах» указывает, что гаруспики по повелению сената толковали знамения и чудеса (*prodigia et portenta*), решали каких богов нужно умилостивить и очищали места падения молний (*Cic. Leg. II, 21*). Цицерон указывает на причину заимствования этой науки в рассматриваемом нами источнике: «Так как большое значение виделось в науке гаруспиков в тех случаях, когда нужно было испросить о чем-либо богов, и когда нужно было истолковать знамение, и принести умилостивительную жертву» (*Cumque magna vis videretur esse et impetrandis consulendisque rebus et monstris interpretandis ac procurandis in haruspicum disciplina — Cic. Div. I, 2, 3*)

В источниках не встречаются упоминания о консультациях с гаруспиками применительно к V в. до н. э., а во время последней войны с Вейями они упоминаются в связи с взятием города и здесь предсказание гаруспики, данное во время совершения жертвоприношения, оказывается роковым для Вей

² По поводу этимологии слова *haruspex* (*haruspicina*) см.: Milani 1993: 47–49. О происхождении этрусской гаруспицины см.: Weinstock 1951: 122–153; Nougayrol 1955: 509–517.

³ Важно отметить, что, передавая эту легенду, Цицерон ссылается на «этрусские книги» (*libri Etruscorum*). А. С. Пиз отмечает, что легенда о Тагесе не была заимствована Цицероном ни у Нигидия Фигула, ни у Варрона, но, возможно, источником для нее послужил А. Цецина, друг Цицерона и крупный специалист в этрусском учении (Pease 1963: 28).

(Liv. V, 21, 8; Plut. *Cam.* 5, 6)⁴. До Второй Пунической войны Рим довольно редко прибегал к их услугам. Имеется весьма интересное свидетельство Авла Геллия, причем со ссылкой на 11-ую книгу «Великих анналов», относящееся, по-видимому, ко временам ранней республики. В стацию Горация Коклеса в Риме на Комиции попадает молния, а приглашенные для принесения очистительной жертвы из-за этого знаменья гаруспики решают навредить римскому народу, посоветовав перенести стацию на более низкое место, которое никогда не освящало солнце из-за окрестных зданий. Однако злой умысел жрецов был раскрыт, и они были казнены, а статуя перенесена на возвышенность на площадь Вулкана, после чего дела у римского народа пошли благоприятно (Aul. Gell. IV, 5). Ж. Дюмезиль трактует эту историю как отражение раннего пласта отношения к гаруспикам, как к вероломным этрусским предсказателям, возникшего в те времена, когда Рим вел регулярные войны с этрусскими городами (Dumézil 2018: 783).

В Этрурии гаруспицина была уделом представителей знатных семей и частью их гражданских обязанностей. Надпись на саркофаге Ларса Пулена конца III в. до н. э. сообщает о том, что он написал *liber haruspīcinus* и был руководителем культа Вакха в Тарквиниях (CIE 5430). Его прадед, Ларис Пуле был греком и также, вероятно, жрецом (Becker 2009: 93). В некоторых культурах этрусских городов-государств доминировали представители одного единственного семейства (Jannot 2005: 82). Возрастание значения гаруспиков в официальной сфере начиная с III в. до н. э. связывается с их личными взаимоотношениями с представителями высших кругов римского общества (Rawson 1978: 132–152; Rüpke 2005: 35).

Спорным остается вопрос, были ли гаруспики объединены в коллегию в этот период. М. Торелли попытался доказать, что организация (*ordo*) гаруспиков возникла в период Средней Республики (Torelli 1975: 119–121), однако вероятнее эти жрецы выходили за рамки обычной организации римских жреческих коллегий, поскольку призывались напрямую из Этрурии (North 2008: 583–584), а *ordo ex sexaginta* появился не ранее времен Августа (Rawson 1978: 140, 147).

Помимо прочего, Цицерон в своем трактате сообщает о специальном постановлении сената, согласно которому десять сыновей знатнейших этрусских семей были переданы для обу-

⁴ Подробный разбор данного упоминания см. в: Briquel 1993: 169–185.

чения искусству толкования «чудес и знамений» (*monstris atque portentis*), чтобы данное искусство не превратилось в оплачиваемое ремесло, используемое в корыстных целях (*Cic. Div. I, 41, 92*). Точная дата принятия данного постановления неизвестна, но, по-видимому, подобные решения принимались неоднократно, так как у Тацита в «Анналах» есть указание на обращение императора Клавдия к сенату об учреждении коллегии гаруспиков, причем сообщается, что «этрусская знать, побуждаемая римским сенатом, хранила преемственность этих знаний» (*Tac. Ann. XI, 15*).

Впрочем, среди гаруспиков в Риме могли быть и люди весьма низкого социального статуса, которые толковали знаки для частных лиц за плату. Гаруспики упоминаются в комедиях Плавта: так, один из них, взявший три обола, предвещает несчастья своднику, на которого гnevаются боги (*Plaut. Poenul. 450–462*). Знания подобных шарлатанов могли быть поверхностными, так как могли опираться исключительно на пособия по гаруспицине (*Rawson 1985: 28*)⁵.

В трактате «О дивинации» несколько раз упоминаются случаи консультаций с гаруспиками и теперь мы рассмотрим их подробнее. Первый из них связан с ударом молнии в статую Суммана, стоявшую на крыше храма Юпитера Всеблагого. В результате этого события никак не могли найти отлетевшую голову статуи. Гаруспики объявили, что ее забросило в Тибр, и голову нашли именно в том месте, на которое указали жрецы (*Cic. Div. I, 10, 16*).

Сумман (*Summanus*)⁶ — бог, посылавший молнии ночью или перед рассветом, культ которого считался учрежденным Титом Тацием (*Varro LL. V, 74; Plin. HN. II, 138*). Об упоминаном здесь Цицероном событии кратко сообщается в перифразе к 14 книге труда Тита Ливия: в 278 г. до н. э. во время войны с Пирром молния опрокинула на Капитолии изваяние Юпитера и его голова была найдена гаруспиками (*Liv. Per. 14*). Б. МакБэйн полагает, что данный случай, историчность которого подтверждается посвящением храма Юпитера Суммана, был для сената эффектной демонстрацией божественной поддержки большей интеграции этрусского жречества в римскую религиозную орга-

⁵ По всей видимости, упоминание у Цицерона слов Катона Цензора, что он удивляется, как два гаруспика могли смотреть друг на друга без смеха (*Cic. Div. 2, 51*), относится именно к этой категории гадателей.

⁶ О версиях этимологии данного имени см.: *Wardle 2006: 143*.

низацию с целью укрепления положения Рима в центральной Италии (MacBain 1982: 47).

Применительно к эпохе поздней республики у Цицерона появляются упоминания о деятельности частных гаруспиков, которые находились на службе у римских аристократов. Со ссылкой на записки Гая Гракха, Цицерон сообщает, что отец братьев-реформаторов, однажды поймав в своем доме двух змей, запросил об этом гаруспиков, а они ответили, что если он отпустит на волю змею-самца, то должна умереть вскоре жена Тиберия, а если отпустит самку — то он сам. Желая защитить жену, Тиберий отпустил самку и сам умер через несколько дней (Cic. *Div.* I, 18, 36). Этот рассказ передан также в биографии Тиберия Гракха у Плутарха и в произведении Валерия Максима, которые добавляют к нему, что гаруспики запретили убивать или отпускать обеих сразу (Plut. *Tib.* 1; Val. Max. IV, 6, 1).

Как отмечает Д. Уордл, подобное поведение Гракха контрастирует с публичной отповедью, данной им гаруспикам в 163 г. до н. э. во время выборов консулов следующего года (Wardle 2006: 200). Действительно, в трактате Цицерона «О природе богов» рассказывается совсем другая история: во время сбора голосов их сборщик в первой центурии, едва успев доложить о результате, пал замертво. Это было сочтено знаменем и потому сенат обратился к гаруспикам, а они объявили магистрата, проводившего комиции, незаконным (*non fuisse iustum comitorum rogatorem* — Cic. *Nat. Deor.* II, 4, 10). Разгневанный Гракх изгнал гаруспиков, но позже уже из провинции прислал письмо в коллегию авгуров, где написал, что, читая авгурские книги (*libri augurales*), вспомнил о совершенной им перед теми выборами погрешности: он забыл совершить ауспиции после возвращения в город, пересекая померий. Сенат на основании этого письма велел, чтобы консулы сложили с себя полномочия. Завершает Цицерон характерными словами: «велик авторитет авгуров; но не правда ли, искусство гаруспиков божественно?» (*magna augurum auctoritas; quid haruspicum ars nonne divina?* — Cic. *Nat. Deor.* II, 4, 12).

Таким образом, на наш взгляд два свидетельства не противоречат друг другу: Тиберий Семпроний Гракх, отец братьев-реформаторов, в обоих предстает мужем добросовестным и набожным, который прислушивается к суждениям этрусских жрецов как на официальном, так и на частном уровне. Интересно отметить, что в данном случае знамение было истолковано гаруспиками как указание на нарушение практики проведения

ауспиций, что говорит о тесной кооперации этрусских гадателей с римскими авгурами.

Интересен также следующий упоминаемый Цицероном случай, связанный с событиями Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. Дело в том, что, по словам Квинта Цицерона, брата оратора, который приводит данный пример в трактате, сам Цицерон был свидетелем этого события. Диктатор Сулла в своей «Истории» упоминал о том, что, когда он совершал жертвоприношение в своем лагере под Нолой, из-под жертвенника внезапно выползла змея. Гаруспик Г. Постумий немедленно стал заклинать Суллу вывести войско из лагеря и дать сражение. Сулла так и сделал и в результате одержанной им победы захватил лагерь врага (Cic. *Div.* I, 33, 72). Эту историю передает также Валерий Максим, называя одержанную Суллой тогда победу «ступенью и основанием его будущего величайшего могущества» (Val. Max. I, 6, 4).

Хотя присутствие гаруспиков при армиях в IV–III вв. до н. э. зафиксировано в традиции (Liv. VIII, 6, 12; XXIII, 36, 10; XXV, 16, 15), но эти случаи в целом являются исключительными. Характерно, что оба последних связаны с Квинтом Фабием Максимом Кунктатором, известным своей осторожностью в религиозных вопросах. Как отмечает А. Кивни, отношения между Суллой и Постумием отражают личную веру будущего диктатора в божественное руководство его действиями (Keaveney 1983: 51). Постумий, который судя по имени происходил из Этрурии, был примером хорошо оплачиваемого частного гаруспика на службе римского аристократа, а не члена «ordo LX haruspicum» (Rawson 1978: 141).

В связи с детством известного римского актера Квинта Росция Галла у Цицерона упоминаются гаруспики в Солонии близ Ланувия. Возможно, речь идет о тех *haruspici vicani*, подобных которым Марк Порций Катон отказывался пускать в свое имение (Neurjon 2009: 259). Гаруспики истолковали отцу Росция знамение, связанное со змеей, однажды ночью обвившей тело мальчика, как предвестье славы и благородства (Cic. *Div.* I, 36, 79). Д. Уордл отмечает, что подобное знамение известно из мифологии (Eurip. *Ion* 21–26; *Schol. A Hom. Il.* 7. 44) и римской истории ([Sext. Aur.] *DVI* 49, 1), но в Ланувии змеи играли особую роль в культе Юноны Соспиты, что может служить объяснением особого символизма данного знака в отношении Росция (Wardle 2006: 299). Во всяком случае, это ещё одно свидетельство распространения в поздней республике

практики частных гаруспиций, причем не только среди римской знати.

Наконец, последнее упоминание Цицероном деятельности гаруспиков в первой книге «О дивинации» связано с событиями кануна Союзнической войны (91–88 гг. до н. э.). Ссылаясь на историка Луция Корнелия Сизенну, Цицерон, рассказывая о знаменьях, предшествовавших этой войне (в частности, о том, что щиты в Ланувии были изгрызены мышами), упоминает о том, что гаруспики усмотрели в этом «самое прискорбное знамение» (*tristissimum* — *Cic. Div. I, 64, 99*). Правда, во второй книге Цицерон иронизирует над этим знаменем и пишет, что по логике легковверных людей ему следует опасаться за республику из-за того, что мыши изгрызли у него трактат Платона «О государстве», а если бы изгрызли книгу Эпикура «О наслаждении» — то следовало бы предположить, что вздорно-жесткое мясо на рынке (*Cic. Div. II, 27, 59*).

Упоминания о мышах, которые изгрызли какие-то священные предметы в храмах неоднократно встречаются в источниках как дурное предзнаменование (*Liv. XXVII, 23, 2; XXX, 2, 10; XL, 59, 8; Plut. Sulla. 7, 3*). Как полагает Д. Уордл указание на Лавиний и храм Юноны Соспиты связано с тем, что эта богиня была покровительницей Латинского союза, а взаимоотношениям римлян и латинов в ходе Союзнической войны угрожала опасность (*Wardle 2006: 345*).

Перед этим последним известием об успешной дивинации гаруспиков в речи Квинта дается список из 20 пророчеств, которые выглядят как продукт гаруспициальной апологетики, возможно, также заимствованный у Сизенны (*Cic. Div. I, 43, 97–98*). Интересно повторение Цицероном сентенции о том, что «во всех этих случаях ответы гаруспиков совпадали со стихами Сивиллы⁷» (*responsa haruspicum cum Sibyllae versibus congruebant*). В историографии отмечалась конкуренция гаруспиков с децемвирами священнодействий (*Dumézil 2018: 785*), по крайней мере, применительно ко II в. до н. э. В этой связи обычно приводится свидетельство Тита Ливия о знамении накануне войны с Персеем, по поводу которого запросили обе коллегии. Суть знаменья состояла в том, что молния расколола сверху до низу ростральную колонну, установленную в честь победы консула 255 г. до н. э. Марка Эмилия. Децемвиры объявили, что над городом надо совершить очищение и устроить десятиднев-

⁷ О Сивиллиных книгах см.: Parke 1988; Orlin 1997: 76–115.

ные игры в честь Юпитера, а гаруспики истолковали, что это доброе предзнаменование (*bonum prodigium*), предвещающее расширение пределов римского государства и гибель врагов (Liv. XLII, 20, 1–4). Как отмечает Ж. Дюмезиль, здесь мы видим появление понятия «доброе предзнаменование». Однако до этого казуса на протяжении долгого времени (по меньшей мере, с 207 г. до н. э.) деятельность гаруспиков была тесно переплетена с деятельностью децемвиров священнодействий (MacBain 1982: 58–71).

Подводя итоги данному обзору сведений трактата Цицерона «О дивинации» касательно деятельности гаруспиков, мы видим, что они хорошо коррелируют с данными остальной античной традиции по этому вопросу. Мы можем отметить начало активного обращения к этой коллегии со времен Пирровой войны, что связывается со стремлением к компромиссу с этрусской знатью перед лицом внешнего врага. Деятельность гаруспиков как особой группы иностранных экспертов при римском сенате достигает расцвета в эпоху великих завоеваний, что связывают с психологическим состоянием римского общества в этот период постоянных внешнеполитических кризисов. Можно выделить несколько характерных особенностей данной группы религиозных экспертов: отсутствие коллегиальной организации (по всей видимости, до времен Августа), требования к подготовке, связанные с изучением этрусских религиозных текстов, деятельность по двум основным направлениям: искупление знамений и сопровождение полководцев на войне. В период гражданских войн гаруспицина обретает все большее значение как частный инструмент неформальной религиозной экспертизы, используемый отдельными политиками и военачальниками. По-видимому, именно это послужило одной из причин забвения общественных гаруспиций, на что явно жаловался Клавдий уже в эпоху ранней империи.

Литература

- Beard, M. 1986: Cicero and Divination: the formation of a Latin discourse. *Journal of Roman Studies* 76, 33–46.
- Becker, H. 2009: The Economic Agency of the Etruscan Temple: Elites, Dedications and Display. In: *Votives, Places and Rituals in Etruscan Religion*. Leiden-Boston: Brill, 87–100.
- Bouché-Leclercq, A. 1879–1882: *Histoire de la Divination dans l'antiquité*. 4 vols. Paris: Leroux.

- Briquel, D. 1993: A proposito della profezia dell'aruspice veiente. In: *La profezia nel mondo antico*. Milano: Vita e pensiero, 169–185.
- Burkert, W. 2005: Signs, commands, and knowledge: ancient Divination between enigma and epiphany. In: *Mantikê: studies in ancient Divination*. Ed. By S. Iles Johnston and P.T. Struck. Religions in Graeco-Roman world. Vol. 155. Leiden-Boston: Brill.
- Catalano, P. 1960: *Contributi allo studio del diritto augurale*. Memorie dell'Ist. giur. dell'univ. di Torino, serie 2, 107. Torino: Giappichelli.
- Dumézil, G. 2018: *Religiya drevnego Rima [Religion of Ancient Rome]*. Spb. Дюмезиль, Ж.: *Религия древнего Рима*. Пер. с франц. Т. И. Смоленской. СПб.: Издательский проект «Квадривиум».
- Heurgon, J. 2009: *Povsednevnaia zhishn' etruskov [Daily life of the Etruscans]*. Moscow. Эргон, Ж. 2009: *Повседневная жизнь этрусков*. М.
- Jannot, J.-R. 2005: *Religion in ancient Etruria*. Madison.
- Keaveney, A. 1983: Sulla and the Gods. In: *Studies in Latin Literature and Roman History*. Deroux, C. (ed.). Brussels, 44–79.
- Kofanov, L. L. 2001: [Augural college], In.: *Zhrechieskie kollegii v Rannem Rime*. Moscow: Nauka, 62–99. Кофанов, Л. Л. 2001: Коллегия авгуров. В сб.: *Жреческие коллегии в раннем Риме*. М.: Наука, 62–99.
- Latte, K. 1960: *Römische Religionsgeschichte*. München.
- Le Gall, J. 1975: *La religion romaine de l'époque de Caton l'ancien au regne de l'empereur Commode*. Paris.
- Linderski, J. 1986: The Augural law. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II 16.3, 2146–2312.
- MacBain, B. 1982: *Prodigy and expiation: a study in religion and politics in Republican Rome*. Latomus 177. Bruxelles.
- Momigliano, A. 1984: The Theological Efforts of the Roman Upper Classes in the First Century B. C. *Classical Philology* 79, 199–211.
- Milani, C. 1993: Note sul lessico della Divinazione nel mondo classico. In: *La profezia nel mondo antico*. Milano: Vita e pensiero, 31–49.
- Nougayrol, J.: Haruspicine étrusque et assyro-babylonienne. *CRAI*. 1955. P. 509–517.
- North, J. A. 2008: Religion in republican Rome. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2, 573–624.
- Orlin, E. 1997: *Temples, religion, and politics in the Roman Republic*. New York.
- Parke, H. W. 1988: *Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity*. London.
- Pease A. S. 1963: Introduction. In: *M. Tulli Ciceronis De Divinatione libri duo*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 9–37.
- Rawson, E. 1978: Caesar, Etruria and the Disciplina Etrusca. *Journal of Roman Studies* 68, 132–152.
- Rawson, E. 1985: *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London.

- Rüpke, J. 2005: [Divination and political decisions in Roman Republic]. *Vestnik Drevnei Istorii [Journal of Ancient History]* 1 (252), 34–48.
- Рюпке, Й. 2005: Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики. *Вестник древней истории* 1 (252), 34–48.
- Santangelo, F. 2013: *Divination, Prediction and the End of the Roman Republic*. Cambridge.
- Schofield, M. 1986: Cicero for and against Divination. *Journal of Roman Studies* 76, 47–65.
- Shtaerman, E. M. 1987: *Sotsialnye osnovy religii drevnego Rima [Social foundations of the ancient Roman religion]*. Moscow.
- Штаерман, Е. М. 1987: *Социальные основы религии древнего Рима*. М.
- Smorchkov, A. M. 2012: *Religiya i vlast' v rimskoi respublike: magistraty, zhretsy, hramy [Religion and authorities in the Roman Republic: magistrates, priests, temples]*. Moscow.
- Сморчков, А. М. 2012: *Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы*. М.
- Torelli, M. 1975: *Elogia Tarquiniensia*. Florence.
- Wardle D. 2006: *Cicero, on Divination. Book 1. Transl. with introduction and historical commentary*. Oxford.
- Weinstock, St. 1951: Libri fulgurales. *PBSR* 19, 122–153.

СОКРАТ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОГОВОРА (Plato *Cratyl.* 431 D 1 – 435 C 9)

В статье рассматриваются некоторые трудности, связанные с определением позиции Платона в изображенной им в «Кратиле» коллизии натурализма и конвенционализма. Предлагается новая интерпретация той части дискуссии, в которой, как полагают многие исследователи, Сократ делает важную, если не решающую уступку конвенционализму (431 d 1 – 435 c 9). Автор статьи доказывает, что рассуждение Сократа, напротив, строго ограничивает роль конвенции в языке теми случаями, когда сходство имени с вещью по тем или иным причинам оказывается недостаточным. Сократ признает договор как необходимое в таких случаях согласие компетентного носителя языка с тем значением слова, которое соответствует языковому узусу. Это предполагает, что узус является общезначимым для всех носителей языка, и это позволяет считать, что значения слов восходят, по мысли Платона, к древним создателям языка, стремившимся, согласно доводам Сократа в предыдущей части дискуссии, создавать слова, подобные вещам. Эти значения слов сохраняется в языке в неизменном виде, несмотря на недостатки выразительных возможностей части слов в передаче задуманного их создателями сходства, благодаря, очевидно, их авторитету. Подобное ограничение претензий того радикального натурализма, который защищает Кратил, не имеет ничего общего с переходом Сократа на позиции его антагониста, Гермогена, который допускает произвольные изменения значений слов заурядными носителями языка и считает возникающий всякий раз новый договор о значении слова достаточным условием корректных обозначений. Напротив, в тексте имеется указание Сократа (435 a 10 – b2), обычно неверно интерпретировавшееся, согласно которому только уступка Кратила в этом направлении гарантирует сохранение натуралистического принципа, согласно которому слова должны быть по возможности подобны обозначаемым вещами.

Ключевые слова: Платон, «Кратил», натурализм, конвенционализм.

A. L. Verlinsky

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. verlinsky@mail.ru

Socrates on the need for convention in Plato's *Cratylus* (431 d 1 – 435 c 9)

The article discusses some of the difficulties related to determining Plato's position in the collision of naturalism and conventionalism depicted by him in the *Cratylus*. It offers a new interpretation of the part of the discussion in which Socrates is believed to make an important, if not decisive, concession to conventionalism (431 d 1 – 435 c 9). The author of the article proves that the reasoning of Socrates, on the contrary, strictly limits the role of the convention in the language to those cases when the similarity of the name with the thing for one reason or another is insufficient. Socrates recognizes the agreement which is necessary in such cases as the consent of a competent speaker of the language with the meaning of the word that corresponds to the linguistic usage. This suggests that the usage is universally valid for all speakers of the language, and this allows us to consider that the meanings of words go back, according to Plato, to the ancient creators of the language, who, according to the arguments of Socrates in the previous part of the discussion, sought to make words resembling things which they designate. These meanings of words are preserved in the language in an unchanged form, despite the shortcomings of the expressive possibilities of some words in conveying the similarity conceived by their creators, due probably to their authority. Such a limitation on the claims of the radical naturalism defended by Cratylus has nothing to do with the transition of Socrates to the positions of his antagonist, Hermogenes, who allows arbitrary changes in the meanings of words by ordinary speakers of the language and considers a new agreement on the meaning of a word that arises every time as a sufficient condition for correct designations. On the contrary, there is an indication in the text of Socrates (435 a 10 – b2), usually misinterpreted, according to which only a concession by Cratylus in this direction guarantees the preservation of the naturalistic principle according to which the words should resemble the things they designate as far as possible.

Key words: Plato, the *Cratylus*, naturalism, conventionalism.

Несмотря на интенсивность исследований диалога «Кратил» в последние два десятилетия (а в какой-то мере, видимо, и в силу этой интенсивности), некоторые важные вопросы, связанные с этим диалогом, продолжают вызывать разногласия. К их числу относится и вопрос, сторонником какой теории соотношения слов и вещей является сам Платон и к какому выводу стремится подвести Сократ своими рассуждениями — является ли принципом обозначения вещи в языке соответствие слова денотату (то есть этимологическое или «миметическое», звуко-

символическое соответствие) или же договор носителей языка, позволяющий обозначать любую вещь любым произвольно установленным словом, либо, наконец, некий компромисс между двумя этими позициями, представленными в диалоге соответственно Кратилом и Гермогеном. Не входя в детали многолетней истории изучения диалога, можно в целом сказать, что в течение долгого времени сам упомянутый вопрос не находился в центре внимания: большинство ученых полагало, что Платон в согласии с аргументацией Сократа на протяжении всего диалога стоит на стороне натурализма, но последняя часть его рассуждения, направленная против Кратила, ведет в конечном счете к компромиссу между радикальным натурализмом и радикальным конвенционализмом. Эта позиция соответствует буквальному смыслу слов, которыми Сократ заключает свое опровержение радикальной версии натурализма, представленной Кратилом (435 b 2 – c 2)¹.

Однако не все исследователи были готовы довольствоваться этим простым решением: Вслед за Виламовицем и некоторыми другими учеными, которые находили у Платона симпатию к конвенционализму, более определенно ту же мысль выразил Ричард Робинсон, выдающийся исследователь Платона. Робинсон считает, что Платон был сторонником конвенционализма, хотя, как он признает, прямых указаний на подобное отношение в самом диалоге нет, и хотя теория языка, развиваемая Сократом в диалоге, с начала до конца «по букве» соответствует натурализму (Robinson 1969). Тем не менее, Робинсон ссылается на косвенные указания: отсутствие в других диалогах каких-либо проявлений симпатии к теории «правильности имен по природе»; в «Седьмом письме» Платона, напротив, имеется пассаж, который указывает на изменчивость слов и выражений для одних и тех же вещей (343 b), что соответствует взглядам Гермогена. Кроме того, Робинсон склонен считать, что все аргументы Сократа в защиту натурализма против Гермогена в начале диалога содержат логические ошибки, причем ошибки такого рода, которую Платон не мог не заметить. Наконец, Робинсон находит признание приверженности Платона конвенционализму в той самой части текста, которая свидетельствует,

¹ Подобного взгляда придерживались многие исследователи Платона в первой половине XIX в., среди них корифеи платоноведения — Ф. Аст, Штальбаум, Целлер, позднее П. Фридлиндер (Friedländer 1964: 197; 328 A. 28).

как будто, о том, что договор служит лишь вспомогательным средством для понимания референции слов, когда сходства слова с обозначаемой вещи оказывается недостаточным (435 а – с)².

Майкл Скофилд также полагает, что аргументы, выдвинутые Сократом против Кратила в этой части диалога, не только опровергают тот вариант натурализма, который защищает Кратил, но и дискредитируют натурализм в целом: вынужденное признание Кратилом необходимости конвенции в тех слу-

² Критическое рассмотрение всех доводов Робинсона выходит за рамки этой статьи; остановимся только на его соображении о том, что защита натурализма в «Кратиле» не имеет параллелей в платоновских диалогах. Здесь стоит вспомнить, что в платоновском «Хармиде», написанном раньше, чем «Кратил», Сократ в конце дискуссии выражает разочарование, что собеседникам так и не удалось постигнуть «вещь» для которой «законодатель» установил имя σωφροσύνη (175 b). Это место предполагает, что Сократ считает данное имя (и, по-видимому, также другие имена) установленным законодателем, а не посредством соглашения носителей языка, и имеет общую для всех референцию благодаря этому установлению, имевшему место, очевидно, в глубокой древности. Это утверждение, несмотря на его краткость, достаточно близко к сократовскому натурализму в «Кратиле». Что касается пассажа из «Седьмого письма», то, хотя акценты в нем расставлены иначе, чем в гораздо более раннем «Кратиле», он не противоречит взглядам, высказанным Сократом в этом диалоге: Сократ не спорит с Гермогеном относительно того, что практика именования и переименования вещей в обыденном языке имеет произвольный характер и, значит, нуждается в договоре носителей языка, однако он определенно не считает эту практику заслуживающей одобрения (Кратил также не оспаривает сам факт ошибочных, не соответствующих свойствам вещей, именований, см. 383 b 5–7, отказываясь, однако признавать подобные «имена» «именами», так что и он не должен оспаривать фактически представленную в существующем языке конвенцию). В «Седьмом письме» также имеется указание, что Платон не одобряет произвольные переименования: он сетует, что произвольный характер имен делает в свою очередь эпистемологически ненадежными высказывания, состоящие из ὀνόματα и ῥήματα (343 b 4 f.), что соответствует утверждениям Сократа в «Кратиле». Наконец, Платон в «Седьмом письме» высказывает уверенность, что, несмотря на дефекты обыденного языка, слова, как и составляемые из них определения, могут быть подвергнуты, вместе с равно ненадежными чувственными восприятиями, эленктической проверке, которая сделает их пригодными для познания. Это утверждение, по-видимому, проливает свет на то, как Платон мыслит использование обыденного языка в философских целях в «Кратиле».

чаях, когда дескриптивные свойства слова недостаточны для его понимания, ставит под сомнение саму необходимость подобия слова обозначаемой вещи, которую Сократ защищал на протяжении всей предшествующей части диалога (Schofield 1982).

В основе этой линии интерпретации лежит несомненно верное наблюдение, что многие аргументы Сократа не корректны, а сама натуралистическая теория, как она выступает в диалоге, содержит ряд нереалистичных требований к языку: слова («имена» в терминологии диалога) должны служить философски истинными определениями вещей, которые «кодируются» в их этимологии; создатели языка должны действовать под руководством философа-диалектика; понимание значения слов в идеале состоит не в уяснении их референции, но в декодировании их этимологии и распознавании символических значений звуков («букв» в терминологии Платона), из которых составлены простейшие слова. Кажется маловероятным, что Платон мог не заметить того, какую цену необходимо заплатить за реализацию на практике подобного воззрения.

Понятно, что подобная интерпретация диалога как скрытой защиты конвенционализма привлекательна тем, что обнаруживает у Платона большую трезвость в отношении дескриптивных возможностей языка и тем самым большую близость к нашему времени. Однако есть серьезные препятствия для того, чтобы с ней согласиться: во-первых, отсутствие прямых свидетельств в тексте, что конвенционализм в глазах Сократа в итоге одерживает верх, делает подобные построения неизбежно субъективными, опирающимися на косвенные указания, которые допускают разное толкование даже среди сторонников этой точки зрения; во-вторых, в платоновских диалогах нет ничего похожего на ситуацию, когда Сократ на протяжении всего диалога доказывал бы истинность воззрения посредством аргументов, которые сам читатель, без помощи Платона, должен признать, в конечном счете, несостоятельными; наконец, трудно себе представить, чтобы Платон, стремившийся подчинить любую область человеческой деятельности, которая попадала в сферу его интересов, авторитету носителей знания, действующего в этой области, мог смириться с тем, что в языке единственным кри-

терием правильности будет договор заурядных людей, которые способны присвоить любой вещи любое название³.

Долгое время в науке почти безраздельно господствовал взгляд на сократовские этимологии «Кратила» как пародийные, направленные против поисков высшей мудрости в языке современниками Платона. «Несерьезность» сократовской экспликации того, как именно слова могут быть подобиями обозначаемых ими вещей, бросает тень и на искренность сократовской защиты самого натуралистического принципа подобия⁴. Кроме того, в финальной части диалога Сократ демонстрирует Кра-

³ Франческо Адемолло, убежденный в том, что Платон является сторонником конвенционализма (см. далее), стремится объяснить его отход от обычного убеждения в том, что разум способен постичь любую область реальности и диктовать ей соответствующие критерии достижений и неудач: Адемолло полагает, что Платон, испытывая внутреннее тяготение к натурализму в силу своих фундаментальных предпочтений такого рода, тем не менее, пришел к выводу, что сфера соотношения слов и вещей представляет собой исключение — субъективное установление слов посредством договора вполне совместимо с пониманием реальности как независимой от субъекта (Ademollo 2022: 45–46). Вывод, который Адемолло здесь предполагает для Платона, в действительности соответствует в диалоге взглядам Гермогена (385 e – 386 a), который защищает произвольность установления имен, но отвергает при этом релятивизм Протагора. Убедительность атрибуции этого воззрения самому Платону целиком зависит от того, признаем ли мы вместе с Адемолло опровержение Сократом Гермогена, которое непосредственно следует за этим высказыванием (рассуждение об имени как «орудии», свойства которого должны объективно соответствовать его функции как «орудия», то есть определению сущности вещи, которой присвоено это имя), намеренно основанным на логических ошибках, которые должен заметить читатель диалога. Если же, как полагают многие исследователи диалога, Платон сам является сторонником учения об именах как «орудиях» и не допускает намеренных ошибок в аргументации, вложенной в уста Сократа, то у нас нет оснований приписывать Платону мысль Гермогена, но, напротив, есть серьезные основания полагать, что Платон, в отличие от Гермогена, усматривал противоречие между признанием объективной, не зависящей от субъекта реальности, и поддержкой одновременно произвольного установления имен.

⁴ Хорошо видно, что ученые, считающие Платона конвенционалистом в полном смысле, обычно ссылались на «несерьезность» сократовских этимологий.

тилу, что этимологии, по крайней мере, части слов свидетельствуют, что создатели языка не во всех случаях были сторонниками гераклитовского учения о всеобщей изменчивости, но одобряли, напротив, покой, и негативно относились к движению, откуда следует, что слова не могут быть источником непротиворечивого знания о вещах и их следует познавать прямо, не через слова. Сторонники того, что конечную победу в диалоге одерживает конвенционализм, видят в этих аргументах косвенное опровержение аргументов Сократа в первой части диалога в пользу того, что имена это орудия, которые служат наставлению о природе обозначаемых ими вещей.

Научная ситуация изменилась с конца 90-х годов прошлого столетия, после появления работ Дэвида Сэдли, который привел веские доводы против понимания сократовских этимологий как пародии: этимологии «Кратила», как показывает Сэдли, не отличаются от тех, что практиковались в античности и в Новое время вплоть до появления сравнительно-исторического языкознания; сходные с «Кратилом» этимологии имеются и в других диалогах Платона, где нет оснований предполагать их полемическое назначение; неизвестны какие-либо античные примеры критики отдельных этимологий или методов этимологизации с точки зрения их лингвистической корректности. Опираясь на эти соображения, Сэдли рассматривает этимологическую часть диалога как закономерное продолжение аргументации Сократа против конвенционализма Гермогена, где доказывалось: слова это «орудия», назначение которых состоит в различении существенных свойств вещей; поэтому слова должны создаваться в соответствии с этой функцией не обычными людьми, но сведущим «законодателем»; эти создатели языка должны воплощать в «материале» звуков ту «форму» слова, которая «от природы» соответствует называемому предмету.

Этимологическая часть демонстрирует, что означает для слова быть соответствующим предмету: слово «декодируется» путем этимологизации как описание существенных свойств предмета. Этимологии показывают, что важнейшая по своему характеру лексика греческого языка создана древними «законодателями» как сжатые определения свойств вещей, а не как произвольные обозначения, установленные посредством договора. Наконец, заключительная часть диалога, беседа Сократа с Кратилом, содержит последовательное опровержение ряда положений радикального натурализма, т. е. требование абсолютного сходства имен с обозначаемыми вещами; в ней

опровергается тезис Кратила, что этимологизация — это главный метод познания вещей, посредством доказательства, что мнения о вещах древних создателей языка нельзя считать безошибочными. Вместе с тем, как полагает Сэдли, основные положения натурализма, которые Сократ защищал в первой части диалога (назначение имен состоит в том, чтобы служить «орудиями» для различения существенных свойств вещей), ни прямо ни косвенно не подорваны этой критикой. Аналогичным образом, не ставится под сомнение и *экзегетическая* корректность сократовской этимологизации, а, значит, и его демонстрация того, что греческий язык создан согласно принципам натурализма, хотя сами значения слов, которые выявила этимологизация, оказываются, как показано в финальной части диалога, не всегда успешными определениями вещей в философском плане, так как они показывают одностороннее, гераклитовское понимание мира как находящегося в состоянии непрерывной и абсолютной изменчивости (Sedley 1998; 2003)⁵.

Эта взвешенная и глубокая интерпретация разрушает стереотипы в отношении к «Кратилу» и дает убедительные ответы на многие вопросы, давно являющиеся предметом научных споров. Она привлекательна своей последовательностью в понимании всех частей диалога как защиты натурализма: аргументация Сократа в пользу натурализма в его беседе с Гермогеном рассматривается как соответствующая воззрениям самого Платона; этимологическая часть, в большинстве случаев рассматривавшаяся ранее как критическая пародия, дискредитирующая языковые спекуляции платоновских современников (занимающая больше половины всего текста диалога!), получает у Сэдли гораздо более убедительную интерпретацию как органическая часть платоновской защиты натурализма. Последняя часть диалога, нередко воспринимавшаяся как серьезная уступка конвенционализму, а иногда даже как изощренное опровержение Сократом его собственных доводов в пользу натурализма в первой части (Р. Робинсон и М. Скофилд), обретает у Сэдли то значение, которое соответствует высказываниям самого Сократа: в ней ограничиваются претензии радикального натурализма в лице Кратила, отвергающего значительную часть языка из-за ее несоответствия его высоким

⁵ Сэдли доказывает, что приверженность Платона лингвистическому натурализму подтверждают также некоторые пассажи более позднего «Софиста» (Sedley 2019).

стандартам правильности (*splendid isolation*). Тем самым сохранен сам этот принцип как критерий, позволяющий оценивать качество соответствия имен их референтам в широком диапазоне от совершенных до негодно установленных имен.

Но несмотря на привлекательность концепции Дэвида Сэдли, мы не можем согласиться со всеми ее положениями: убедительно (для нас) доказательство того, что Платон является сторонником натурализма; более спорно, по нашему мнению, то, что этимологическую реконструкцию Сократом взглядов древних создателей языка Платон считает безусловно корректной. Сэдли, видимо, прав, что Платон не в большей степени, чем его современники, располагал критериями надежной и ненадежной этимологизации. Но существенно указание Сократа в заключительной части диалога, что, по крайней мере, одно слово, ἐπιστήμη, может быть этимологизировано иначе, чем он предлагал ранее (437 а 2 – 8), так как в нем можно усмотреть положительную оценку идеи покоя, а не гераклитовского движения. Это наводит на мысль, что, результаты этимологизирования для Платона все же ненадежны (несколько замечаний указывает на это и в ходе самой этимологизации), не в силу, однако, применения к ним лингвистических критериев, но в силу замеченной им пристрастности этимологизаторов, ищущих в языке подтверждения своим противоположным взглядам. Насколько далеко простирается это сомнение в этимологизации вообще, диалог, на наш взгляд, не стремится определить, поскольку Платона больше заботит применение стандартов натурализма к реальному языку, то есть для оценки «правильности» имен как «орудий» точного выражения философской мысли (дескриптивные слова). Реконструкция прошлого языка путем этимологизации, очевидно, в достаточной степени, по его мнению, демонстрирует, что практически все без исключения имена для основных понятий это дескриптивные слова, а не произвольные обозначения конвенционалистов. Точность же и надежность этой реконструкции менее существенна, так как Платон лишь в ограниченной степени интересуется самими отразившимися в языке воззрениями его создателей; их мнения, как и мнения вообще, для него, в отличие от Кратила, не могут сами по себе служить опорой в поисках истины: трудно решить, искренен ли Платон, изображая древних создателей языка как протофилософов с гераклитовскими и антигераклитовскими воззрениями, или специально наделяет их однозначно противоположными воззрениями, чтобы тем легче показать несосто-

тельность апелляции к авторитету языка, а заодно подвергнуть в финале критике гераклитизм Кратила. Также не лишено трудностей суждение Сэдли, что Платон в целом считает греческий язык соответствующим натуралистическому стандарту «правильности», то есть выносит своему родному языку одобрительный вердикт в плане истинности значительной части суждений его создателей, отразившихся в этимологиях (Сэдли возражает тем самым исследователям, начиная с Т. Бенфея, которые полагали, что сократовские принципы натурализма относятся к идеальному, а не существующему языку). Каких-либо признаков проекта идеального языка или реформы существующего языка в диалоге действительно нет, но в последующих диалогах не наблюдается и готовности систематически учитывать дескриптивную сторону слов, в том экзотическом варианте их «декодирования», который представлен в «Кратиле», при обсуждении философских вопросов⁶.

Истолкование философского произведения, как и художественного, в качестве целого не может быть, конечно, равно убедительным для всех исследователей, так как воссоздание системы воззрений изучаемого автора всегда отчасти гипотетично, ибо реконструкция стремится к последовательности, а мысль автора оставляет пробелы. Кроме того, трудно достичь согласия в суждениях ученых о том, как различные суждения автора согласуются между собой в рамках его общей концепции. В случае с «Кратилом» дополнительную трудность создает специфическая, но нередкая в платоноведении ситуация, когда прямые, на первый взгляд, ответы главного протагониста,

⁶ Апелляции к смелым этимологиям, раскрывающим неочевидные значения слов, которые сродни открытию «философских» воззрений древних создателей языка в «Кратиле», в других платоновских диалогах, на которые обращает внимание Сэдли (Sedley 1999: 141–142; 2003: 24–28; 38–39), все же не так многочисленны и не создают впечатления постоянного интереса. Возможно, приверженность Платона лингвистическому натурализму, который он защищает в первой части диалога скорее находит отражение в его гораздо более осторожных попытках в других диалогах переосмыслить принятое значение слов, в том числе и в направлении их этимологического значения, и вводит неологизмы (см. примеры, приведенные в книге К. Й. Классена, которые, как правило, не принимаются во внимание в современных дискуссиях о «Кратиле», Classen 1959: 85–96; 120–137), ср. далее предположение В. Гольдшмидта об интересе Платона к реформированию философского языка.

Сократа, не устраивают значительную часть исследователей, так как расходятся с их впечатлением от диалога в целом. Отсюда возникает понятное желание обнаружить в аргументации Сократа недостатки, которые можно счесть намеренно введенными Платоном паралогизмами, не замеченными участниками диалога, включая самого Сократа: эти логические ошибки должны, как полагают эти исследователи, служить указанием для читателя, что его собственные выводы не должны совпадать с теми, к которым приходят участники дискуссии.

Поэтому по-своему примечательно, что вслед за монографией Сэдли, опирающейся в первую очередь на прямые суждения и аргументы Сократа в диалоге, появился комментарий к диалогу Франческо Адемолло, использующий в значительной мере иную герменевтическую стратегию. Адемолло согласен с Сэдли, что Платон не ставит под сомнение «экзегетическую» корректность сократовских этимологий. Однако наличие в языке свидетельств того, что слова создаются в качестве описаний свойств обозначаемых ими вещей, как стремится доказать Адемолло, не служит для Платона доводом в пользу натурализма, в пользу «правильной» дескриптивности как нормы для языка. Подобно Робинсону и Скофилду, Адемолло полагает, что аргументация Сократа против Кратила ведет к полной победе конвенционализма и опровержению претензий натурализма. Однако, в отличие от этих ученых, Адемолло согласен с тем, что сами высказывания Сократа, подводящие итог его рассуждениям в этой части диалога (435 b 2 – с 6), говорят не об опровержении натурализма, но лишь об уступке конвенции определенной роли в обозначении, наряду с дескрипцией. Адемолло полагает поэтому, что Сократ как персонаж диалога в этой части беседы пока еще не сознает того, что ясно самому Платону и что должно быть понятно компетентному читателю. Согласно Адемолло, только в финале, после того как Сократ продемонстрировал, что слова не могут служить надежным источником познания вещей, конвенционализм побеждает окончательно, «так как, если имя может нести ложную информацию о референте, то ясно, что оно может обозначать этот референт только в силу конвенции» (Ademollo 2011, 419)⁷.

⁷ Обсуждение финальной части «Кратила» выходит за рамки этой статьи. Здесь ограничимся лишь констатацией того, что, по нашему мнению, эта часть не проливает свет на исход коллизии натурализма и

Подобная герменевтика, отличающая аргументы и выводы Сократа от невысказанных мыслей самого Платона, который тем самым стимулирует самостоятельный философский поиск читателя, разумеется, имеет право на существование. При этом, однако, стоит помнить, что обнаружение дефектов в аргументах Сократа не вызывает однозначного согласия у исследователей диалога, подходящих к нему во всеоружии современной логики и филологии. У нас нет, таким образом, уверенности, что эти логические ошибки сознавались самим Платоном. Кроме того, даже если Платон сознавал слабость некоторых аргументов Сократа в защиту натурализма, это еще не означает, что он сделал их некорректными намеренно. Он мог привести их за

конвенционализма в диалоге. При обсуждении слова *σκληρότης* Сократ в связи с ним и аналогичными словами действительно говорит о «правильности согласно договору» (435 а 8, б 6 – с 7), то есть о том, что использование имени регулируется соглашением, а не определяется сходством с вещью. Договор при этом служит восполнением недостатка в сходстве или заменой сходства, где оно недостижимо, и, по крайней мере, в этом плане никак не подрывает принцип сходства как стандарт для языка. Адемолло, видимо, склонен рассматривать ошибочные имена в финальной части «Кратила» как нечто в том же роде. Однако в действительности слово *σκληρότης* ошибочно только в плане неадекватной передачи верного суждения создателя языка о соответствующей вещи, тогда как имена в финальной части ошибочны как отражение ложных суждений о мире их создателей. Подобные имена, содержащие ошибочную информацию об их носителях, уже возникали в ходе дискуссии (например, имя «Гермоген», не соответствующее свойствам его носителя). Для нас сегодня это имена, ошибочные в плане дескрипции, но обеспечивающие надежную референцию в силу договора. Но у нас нет прямых указаний, считает ли Сократ подобные имена правильными в каком бы то ни было смысле: его беседа с Гермогеном показывает, во всяком случае, что ему не импонируют имена, обозначающие вещи без сходства с ними, только в силу соглашения; мы пытаемся показать, что в диалоге имеются указания подтверждающие неизменность этого суждения вплоть до конца дискуссии. Кроме того, наличие в языке имен, отражающих ошибочные мнения создателей языка о тех или иных вещах, не означает, что все имена ошибочны в этом смысле в глазах Платона. Еще меньше существование подобных слов подрывает сам натуралистический принцип, основанный для Платона не на том, каков в действительности язык, но на том, какому стандарту должны соответствовать имена в соответствии с их назначением, наставлять об истинных свойствах обозначаемых ими вещей.

неимением лучших, так как был убежден в истинности теории, которую они защищают⁸.

Появление в пределах почти одного десятилетия двух выдающихся работ, посвященных «Кратилу», приходящих к противоположным результатам, в интересующем нас вопросе, на первый взгляд, обескураживает. В действительности, однако, обе книги, Сэдли и Адемолло, содержат решение многих трудностей и выводят изучение диалога на более высокий уровень, что должно скорее вызывать оптимизм и веру в то, что и другие трудности будут решены, что приведет в свою очередь, несомненно, к появлению новых.

Последние десятилетия показывают не угасание, но скорее рост споров относительно позиции Платона в отношении натурализма и конвенционализма⁹. Наряду с теми, кто, подобно Сэдли, считает Платона натуралистом, разделяющим доводы Сократа в пользу натурализма, или конвенционалистом, который не согласен с этими доводами (Робинсон, Скофилд, Адемолло)¹⁰, стоит упомянуть ученых, которые находят у Платона более сложную версию натурализма. Давид Майсснер развивает интерпретацию, предложенную ранее Н. Крецманом и Б. Вильямсом: он доказывает, что радикальные тезисы, с которыми выступает Кратил в дискуссии с Сократом (именами могут считаться только точные подобия обозначаемых ими вещей), это естественное следствие того гипернатурализма, который сам Сократ защищал в разделах об этимологической и «миметической» правильности слов; опровержение этих тезисов свидетельствует, что лежащее в основе этих разделов

⁸ Здесь стоит напомнить, что Платон до конца жизни не сумел найти возражений против аргументов, опровергающих его теорию идей и их отношения к чувственным вещам, высказанных Парменидом в одноименном диалоге и принадлежащих, судя по всему, самому Платону. Некоторые из этих аргументов были позднее использованы Аристотелем в его критике Платона. Эти вопросы имели для Платона гораздо большее значение, чем дилемма натурализм/конвенционализм в теории языка. Но отсутствие убедительных контраргументов не помешало Платону и далее придерживаться теории идей в диалогах более поздних, чем «Парменид», вплоть до последнего диалога, «Законы».

⁹ Странники обеих противоположных точек зрения названы в статье А. Сильвермана (Silverman 1992: 25–26); более новая литература приведена в детальном обзоре Д. Майсснера (Meißner 2023).

¹⁰ В пользу конвенционализма Платона высказывается также И. Смит (Smith 2008: 2014).

воззрение ошибочно, но сохраняет силу выдвинутое Сократом в первой части против конвенционализма Гермогена положение об имени как орудии для обозначения вещей (Meissner 2022). Существуют и более сложные позиции в определении взглядов Платона. Например, Т. Бакстер считает, что аргументы Сократа против Кратила доказывают лишь, что греческий язык не соответствует стандартам натурализма, но идеальный язык может быть создан «законодателем», который будет руководствоваться наставлениями философа-диалектика, в соответствии с рассуждением Сократа в первой части диалога (Baxter 1992)¹¹. Рэчел Барни полагает, что Платон был сторонником натуралистического соответствия слова и вещи, но видел невозможность достижения этого идеала и потому вынужденно склонялся в пользу конвенционализма (платоновский «пессимизм»)¹². Некоторые ученые, очевидно, не находя возможности отдать предпочтение в этой научной дискуссии доводам одной из сторон, утверждают, что дилемма натурализм/конвенционализм применительно к диалогу не имеет решения для нас и даже не была релевантна для самого Платона¹³. Мы не можем с этим согласиться, так как устами Сократа в тексте определенно выражено отношение к этой коллизии. Как бы ни было трудно истолкование самого этого места из-за его лапидарности и сложностей соотношения его со всей дискуссией в диалоге, эта интерпретация необходима, а приближение к верному пониманию возможно.

Хотя для понимания результатов рассуждений Сократа в необходимо учитывать, разумеется, все части диалога, в этой статье мы ограничимся только беседой Сократа и Кратила и в первую очередь — в той ее части, в которой находятся прямые (и последние в диалоге) высказывания Сократа о его отношении к натурализму и конвенционализму, вызывающие разногласия у исследователей диалога. На наш взгляд, они имеют

¹¹ См. особенно: Baxter 1992: 80–85, 186. Главным предшественником Бакстера был Теодор Бенфей (Benfey 1866: 189–330); В. Гольдшмидт, а за ним Й. Дерболав были сторонниками модифицированной версии того же понимания диалога: Платон стремился к реформированию своего собственного философского языка в духе натурализма, в соответствии с теоретическими результатами «Кратила» (Goldschmidt 1940; Derbolav 1972: 57). Эти суждения, по нашему мнению, заслуживают внимания.

¹² Barney 2001: 134–142.

¹³ См. Keller 2000.

ключевое значение для понимания позиции Платона. При этом нельзя ограничиться простой, пусть и справедливой констатацией, что сами эти слова указывают на компромисс между натурализмом и конвенционализмом, так как немедленно возникает вопрос, почему этот компромисс не предполагает полного отказа от натурализма в пользу конвенционализма. Рассуждение Сократа дает, как нам представляется, ответ на этот вопрос.

Итак, обратимся к той части аргументации Сократа против Кратила, в которой собеседники возвращаются к вопросу о роли конвенции в правильном обозначении вещей. В предыдущей части беседы Сократ вынуждает своими доводами Кратила смягчить требования к соответствию языковых выражений обозначаемой ими реальности: Кратил готов теперь согласиться, что древние «законодатели», создатели языка, не были непогрешимы и созданные ими слова могут быть более и менее точными подобиями вещей (431 a8 – 433 b 7); кроме того, Кратил вынужден признать, что слова и высказывания в принципе не могут быть точным подобием вещей, и следует считать критерием истинности слова и высказывания их соответствие вещам «в общих чертах», несмотря на присутствие лишних, не соответствующих вещам элементов в словах и в речи в целом (432 с 7 – 433 а 3). Подобное воззрение оставляет место для различения истинных и ложных слов и высказываний, а внутри истинных позволяет различать более или менее «прекрасные» и «дурные», в соответствии с тем, все ли их элементы соответствуют обозначаемым вещам или таких соответствующих элементов мало (433 а 4–6). При этом Сократ настаивает на том, что чрезмерность требований к соответствию слов вещам угрожает отказом от самого этого принципа как недосягаемого (433 а 6 – b5)¹⁴. Приверженность Сократа принципу

¹⁴ Более точно дилемма, которую формулирует здесь Сократ, выглядит следующим образом: Кратил либо должен признать, что слова и высказывания обозначают вещи, даже если содержат элементы, неподобные этим вещам, до тех пор, пока они передают главные черты вещей (τύλος), при чем передают их лучше или хуже, в зависимости от того, сколь много несоответствующих элементов содержит речь, либо отказаться от самого принципа, что слово есть раскрытие свойств вещи (δῆλωμα πράγματος) при помощи букв и слогов. Иными словами, природа подражания вещам при помощи букв и слогов такова, что требование к чрезмерной точности подобия, делает само это подражание неосуществимым. δῆλωμα в диалоге не обязательно

натурализма в течение этой части дискуссии, таким образом, не вызывает подозрений.

Иначе обстоит дело с той частью рассуждения, к которой мы сейчас обратимся и в которой некоторые исследователи находят отказ Сократа от натурализма. Итак, Сократ возвращает Кратила к уже затрагивавшейся им теме — совершенно установленное имя должно состоять целиком из букв, соответствующих обозначаемой вещи, а имя отступающее от этого идеала, будет в значительной степени состоять из соответствующих букв, но будет содержать и не соответствующие (433 b 8 – с 7).

До этого момента, говоря о соответствии букв вещам, Сократ имел в виду их роль в образовании тех слов-этимонов, к которым может быть сведено анализируемое слово, и которые содержат сжатое определение вещи, которую обозначает это слово, а под несоответствующими понимались буквы, не участвующие в этимонах, т. е. паразитические. Однако теперь он переходит к значимости самих по себе букв в подражании свойствам вещей. Сократ напоминает своему собеседнику о своей гипотезе: существуют простейшие имена, которые уже не могут быть сведены путем этимологизации к другим именам. Подобные «первые имена» должны, чтобы быть правильными обозначениями, состоять из звуков, которые имитируют свойства своих референтов. В этом месте Сократ снова напоминает Кратилу, что есть два способ обозначения вещей: в соответствии с первым, который одобряют они оба, нужно стремиться сделать эти первые имена как можно более подобными вещам, которые они будут обозначать; в соответствии со вторым (учение Гермогена), имена — это предмет договора, они служат обозначением соответствующих вещей только для тех, кто заключил этот договор и кто знает заранее вещи, которые эти

подразумевает натуралистическое обозначение вещей при помощи подобных им частей языка, но имеет более нейтральное значение, соответствующее и натуралистическому и конвенционалистскому способам обозначения вещей (см. чуть далее 433 d–e). Однако вплоть до 433 d–e, где δῆλωμα приобретает нейтральное значение, слова δῆλω и δῆλωμα, хотя и употребляются иногда нейтрально, используются обычно в контексте миметического обозначения (см., напр., 422 d 1–3, 423 a 2, a 5). Во всяком случае, Кратил в этой части дискуссии еще игнорирует обозначение на основании договора. Так или иначе, дилемма, которую предлагает ему Сократ, при правильном выборе Кратила должна обеспечить «спасение» натуралистической теории от попыток довести ее до абсурда.

слова обозначают (то есть не узнают эту вещь благодаря дескриптивным свойствам имен, но знают заранее какое слово с какой вещью ассоциировано); «правильность имени» в таком случае это договор, и любое имя может сменить свое значение на любое иное, так как оно функционирует исключительно на основании договора (433 d 7 – e 9). Это, казалось бы, излишнее напоминание Кратилу, какой способ обозначения вещей тот предпочитает, нужно для того, чтобы еще подчеркнуть, что, помимо двух вариантов обозначения вещей, нет никакого иного, и что все дальнейшее рассуждение исходит из посылок натурализма. Насколько эти послылки до конца разделяются самим Сократом, нам предстоит еще взвесить.

После подтверждения Кратилом того, что он всецело одобряет сходство имен с вещами, Сократ замечает, что и здесь должен действовать тот же принцип различения более или менее «прекрасно» установленных слов — прекрасно установленные слова содержат «буквы», т. е. звуки, соответствующие своим номинатам, а менее совершенные наряду с соответствующими также несоответствующие (433 b 8 – c 7).

Приближаясь к основному аргументу, о котором сейчас пойдет речь, читатель диалога, если не сам Кратил, уже подготовлен к необходимости пожертвовать радикальностью первоначальной версии натурализма ради сохранения самого принципа этой теории. Теперь Сократ напоминает Кратилу о том, что буква «*rho*» подобна резкому порыву и движению, а также твердости (φορᾶ καὶ κινήσει καὶ σκληρότητι), «лямбда» же гладкости, мягкости, и другим схожим «вещам». Сократ предлагает Кратилу рассмотреть следствия из этой теории, которую Кратил решительно одобряет, для слова σκληρότης, «твердость»¹⁵, которое не имеет этимологии и является одним из «первых», фундаментальных для языка слов, соответствие которых обозначаемым ими вещам обеспечивается миметическими свойствами «букв», т. е. звуков, входящих в состав подобных слов. Он напоминает о том, что в ионийском диалекте Эретрии

¹⁵ σκληρότης в этом месте обычно переводят как «твердость», но само слово многозначно; в зависимости от контекста оно может соответствовать не только «твердости», но и «жесткости», а также «сухости», кроме того, «резкости» применительно к вкусовым ощущениям. Сократ в своем рассуждении о «миметических» свойствах «букв» также называет целый спектр ассоциативных значений, передаваемых каждой буквой.

(остров Евбея) аттическому σκληρότης соответствует форма σκληροτήρ, и задает вопрос, подобны ли «*ро*» и «*сигма*» одной и той вещи и обозначает ли это слово в каждом из своих вариантах эту вещь (то есть «твердость»), или же для одного из двух народов оно не имеет этого значения¹⁶. Кратил утверждает, что оно имеет одно и то же значение для обоих народов. А на вопрос Сократа, «имеют ли они одно и то же значение, поскольку «*ро*» и «*сигма*» подобны друг другу или поскольку не подобны», Кратил отвечает, что в силу их подобия. «Подобны ли они во всех отношениях?», — задает Сократ следующий вопрос. Кратил отвечает, что эти буквы подобны друг другу, по крайней мере, в том, что обе «имитируют» форá, сильное, резкое движение.

Отсутствие реакции Сократа на последний ответ Кратила дает возможность исследователям диалога по-разному оценивать этот шаг в аргументации. Скофилд, Сэдли и Адемолло считают, что вопрос задан Сократом для того, чтобы заставить Кратила признать, что «*ро*» и «*сигма*» в окончании двух вариантов слова, обозначая движение, не могут означать «твердость», но делают из этого различные выводы. Скофилд считает, что ответ Кратила опровергает саму теорию символического значения звуков, так как читателю диалога ясно, что тогда и «*ро*» в середине слова означает «движение», а не «твердость» (Schofield 1982: 75). Сэдли полагает, что вопрос и ответ необходимы Сократу для следующего шага его аргументации — Кратил, признав, что «*ро*» и «*сигма*» в конечной части слова не несут идею «твердости», вынужден далее согласиться с тем, что в слове присутствует одно «*ро*», указывающее на «твердость, и одна «*лямбда*», указывающая на противоположное свойство: буквы, указывающие на противоположные свойства, таким образом, находятся в равном числе, и слово перестает быть подобием твердости (Sedley 2004: 143–144). Адемолло справедливо, как мы полагаем, отвергает предположение, что Сократ имеет в виду количественное равенство букв (не названное в тексте), но согласен с тем, что ответ Кратила мог бы вовлечь его в фатальные для натурализма трудности, если бы Сократ не предпочел нанести по натурализму еще более сильный удар своим следующим вопросом (Ademollo 2011: 393).

Подобные суждения о вопросе Сократа и ответе Кратила представляются нам ошибочными. Нужно помнить, что рассуж-

¹⁶ Мы следуем Адемолло 392 note 16 в понимании этого предложения.

дения Сократа о «миметических» свойствах букв представляет собой не детальную теорию, но только ее набросок. Из него ясно лишь, что древний создатель языка присвоил каждой букве особую символическую функцию в соответствии с тем специфическим движением, которое совершается органами речи при ее произнесении: буквы символизируют различные виды движения (или препятствия для движения) в природе, но также свойства вещей, благодаря которым они способны осуществлять подобное движение: например, буква «*rho*», при произнесении которой язык находится менее всего в состоянии покоя, но особенно сотрясается (426 e 4–5), была использована в слове *φορά*, обозначающем резкое и сильное движение в целом, затем в словах для разновидностей подобного движения (*ῥεῖν*, *τρόμος*, *τρέχειν*) и далее для слов, которые означают «разбивать», «рубить», «крушить на мелкие части» (*θραύειν*, *θρῦπτεῖν*, *κερματίζειν*) и т. д., то есть для процессов, которые могут быть определены через движение, но для которых оно не является родовым понятием. При этом, поскольку в примерах, приводимых Сократом, буква «*rho*» обычно используется только один раз, то надо предположить, что остальные буквы этих слов символизируют уже специфические свойства отдельных разновидностей *φορά*. У нас есть также указание на символическое значение комбинации из нескольких букв: поскольку при произношении «*гаммы*» накладывается ограничение на свободное скольжение лямбды, законодатель использовал эту пару букв для слов, означающих «вязкое», «сладкое», «клейкое» (*γλίσχρον*, *γλυκύ*, *γλοιῶδες*), то есть соответствующих застывшей жидкой субстанции (427 b 4–7). В целом процесс создания «первых слов» характеризуется как их создание посредством продвижения через буквы и слова (427 c 6–8), из чего можно сделать вывод, что значение слова определяется не только символическими значениями отдельных букв, но и слогов. Говоря иначе, простейшие слова дескриптивны подобно сложным словам, которые уже можно этимологизировать, но только представляют собой определения, составленные не из слов, но из букв как естественных символов и их комбинаций.

Вернемся теперь к обсуждению собеседниками слова *σκληρότης*. Сократ, говоря, со ссылкой на свое рассуждение о символическом значении букв, что *τὸ ῥῶ τῆ φορᾶ καὶ κινήσει καὶ σκληρότητι προσέοικεν*, не вполне точен, так как *σκληρότης* не упоминалась там как одно из символических значений «*rho*». Однако идея «твердости» тесно сопряжена с процессами ломки,

рубки и т. д., в которых присутствует более общая идея резкого, сильного движения, так что развитие мысли в этом направлении вполне естественно.

Утвердительный ответ Кратила на вопрос, подобны ли «*ро*» и «*сигма*» твердости, и его следующий ответ, что они подобны друг другу не во всех отношениях, но постольку, поскольку обе обозначают форá, не содержит ни противоречия, ни угрозы для теории Сократа о символическом значении букв. Кратил делает верный вывод из прежних рассуждений Сократа, что «*ро*» и «*сигма*» символизируют общее свойство сильного резкого движения, и в этом подобны друг другу. То, что «*ро*», судя по словам Сократа, передает идею «твердости», означает лишь, что эта буква обязательный элемент для передачи более общей идеи сильного и резкого движения, специфическая же идея твердости передается комбинацией «*ро*» с другими буквами, в числе которых может быть и сигма. Конечная «*ро*» в эритрейском варианте слова не нужна для передачи идеи движения — как мы видели, для этого достаточно одного *ро*, но, благодаря своим символическим свойствам, «*ро*» в сочетании с другими буквами позволяет перейти от «движения» к более частному свойству твердости. Может ли это более частное свойство в равной степени передаваться благодаря *сигме* и *ро* в конце слова, нельзя исключить, так как Сократ не объяснял, насколько однозначными должны быть комбинации букв.

Мы полагаем поэтому, что вопрос Сократа имеет мирный характер: он нужен, чтобы подчеркнуть, что одна и та же общая идея может быть выражена разными комбинациями букв, лишь бы эти буквы по своему значению не вступали в противоречие с этой общей идеей. Именно подобный случай обсуждается в следующей, особенно важной для нас части беседы.

Но тогда, — спрашивает Сократ, — не обозначает ли «лямбда», которая присутствует в обоих вариантах слова σκληρότης, нечто, противоположное тому, что обозначает слово σκληρότης («мягкость», «гладкость» и т. п. в противоположность «твердости» и «жесткости»). Кратил легко находит выход из этой трудности, напоминая, что сам Сократ, этимологизируя слова, где необходимо, свободно добавлял и устранял буквы, восстанавливая истинную форму слова: «лямбда» «вставлена» в слово

σκληρότης ошибочно и вместо нее нужно произносить в этом слове «*ρο*»¹⁷.

Сократ готов признать наличие в слове σκληρότης ошибочной буквы, но задает вопрос: «Что же? Когда кто-нибудь произносит слово σκληρόν так, как оно произносится сейчас (т. е. с «лямбдой»), то мы не понимаем друг друга, и ты не знаешь, о чем я сейчас говорю (произнося это слово)?» Кратил отвечает: «Я без сомнения понимаю это слово благодаря обычаю» (Ἐγώ γε, διὰ γε τὸ ἔθος, ὃ φίλτατε).

Не вполне понятно, что в точности понимает Кратил под языковым обычаем, но несомненно этот ответ свидетельствует о сложном положении, в которой он оказался. Он, очевидно, стремится избежать неприятного для него ответа «благодаря соглашению», который логически следует из предшествующей дискуссии: оба собеседника признают, что возможны лишь два способа обозначения вещей — либо при помощи слов, которые обладают сходством с обозначаемыми вещами, либо при помощи слов, произвольно присвоенных вещам посредством договора¹⁸. Поскольку Кратил не разъясняет, как именно он понимает языковой обычай, остается неясным, как в точности он надеется избежать нежелательного для него вывода. Однако

¹⁷ Из ответа Кратила не вполне ясно, готов ли он теперь признать, что «законодатели», то есть первоначальные создатели языка, могли допускать ошибки, в соответствии с его вынужденным ранее согласием (431 e 6–9), или же он, продолжая испытывать неприязнь к этому навязанному ему положению (433 с 8–10), относит дефект слова σκληρότης на счет последующей его «порчи» заурядными носителями языка. Для дальнейшей аргументации Сократа это различие не имеет значения: его интересует не происхождение языковой «ошибки», но способы ее преодоления в речевой коммуникации.

¹⁸ Конвенционалистские импликации понятия «обычай», казалось бы, должны быть ясны Кратилу и читателям диалога: Гермоген, излагая свою теорию, утверждал, что «никакое слово не принадлежит никакой вещи от природы, но только в силу закона и обычая тех, кто ввел этот обычай и кто пользуется этими именами (384 d 7). Но это не означает, что Кратил, ссылаясь на языковой «обычай», использует это понятие в соответствии с теорией Гермогена: ср. рассуждение Сократа об именах, которые из поколения в поколение передает νόμος, сам же этот языковой закон-обычай установлен сведущим законодателем, создавшим слова, «от природы» пригодные для обозначения вещей, которым он их присвоил (388 d–e).

дальнейшее развитие беседы, как мы увидим, проливает свет на то, что он имеет в виду.

Сократ выражает удивление тем, что Кратил понимает под языковым обычаем нечто отличное от договора (Ἔθος δὲ λέγων οἷε τι διάφορον λέγειν συνθήκης;), но, не возражая, предлагает свое определение «обычая», которое должно быть приемлемым для Кратила: говоря об обычае, понимаешь ли ты что-то иное, чем то, что когда я произношу некое слово, я мыслю определенную вещь, а ты понимаешь, что я мыслю (ἢ ἄλλο τι λέγεις τὸ ἔθος ἢ ὅτι ἐγώ, ὅταν τοῦτο φθέγγωμαι, διανοοῦμαι ἐκεῖνο, σὺ δὲ γινώσκεις ὅτι ἐκεῖνο διανοοῦμαι; οὐ τοῦτο λέγεις).

Когда Кратил соглашается с такой интерпретацией языкового обычая, Сократ спрашивает, осуществляется ли в данном случае обозначение (δήλωμα) соответствующей вещи, коль скоро Кратил понимает что мыслит Сократ, когда тот произносит слово σκληρότης. Этот, на первый взгляд, невинный вопрос служит напоминанием о двух единственно возможных вариантах обозначения вещей — при посредстве имен, подобных обозначаемым вещам, или произвольных имен, установленных на основании договора. Утвердительный ответ Кратила позволяет Сократу немедленно сделать вывод что обозначение в данном случае достигается благодаря договору:

Ἀπὸ τοῦ ἀνομοίου γε ἢ ὁ διανοοῦμενος φθέγγομαι, εἶπερ τὸ λάβδα ἀνομοίον ἐστὶ τῆ ἢ φῆς σὺ σκληρότητι· εἰ δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, τί ἄλλο ἢ αὐτὸς σαυτῷ συνέθου καὶ σοι γίγνεται ἡ ὀρθότης τοῦ ὀνόματος συνθήκη, ἐπειδὴ γε δηλοῖ καὶ τὰ ὅμοια καὶ τὰ ἀνόμοια γράμματα, ἔθους τε καὶ συνθήκης τυχόντα; εἰ δ' ὅτι μάλιστα μὴ ἐστὶ τὸ ἔθος συνθήκη, οὐκ ἂν καλῶς ἔτι ἔχοι λέγειν τὴν ὁμοιότητα δήλωμα εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἔθος· ἐκεῖνο γάρ, ὡς εἶοικε, καὶ ὁμοίῳ καὶ ἀνομοίῳ δηλοῖ.

a) [Значит, обозначение осуществляется] посредством того, что несходно с тем, что я мыслил, произнося это слово, коль скоро «лямбда» несходна с твердостью, как ты сам утверждаешь? b) Если же дело обстоит так, то что иное происходит, нежели то, что ты договорился сам с собой и правильность имени оказывается у тебя договором — c) ибо обозначение происходит при помощи как сходных (с вещью), так и несходных букв, которые оказались частью обычая и объектом договора. d) Если же, чего доброго, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется,

пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно.

Логика этого рассуждения, на первый взгляд, ясна: Сократ стремится доказать Кратилу, что в случаях, подобных $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$, сходство имени с его референтом утрачено, и если имя, тем не менее, успешно обозначает этот референт, то это возможно только благодаря соглашению. Сократ сперва констатирует (а), что обозначение осуществляется посредством имени, которое не сходно со своим референтом, так как в нем содержится буква «лямбда», свойство которой противоположны «жесткости». Затем он делает вывод (б), что в таком случае должен действовать договор, языковая конвенция, опираясь на прямо не названную посылку, что обозначение возможно либо благодаря сходству имени с референтом, либо благодаря соглашению о значении имени.

Однако значение этого вывода для всей коллизии натурализма и конвенционализма учеными оценивается различно: Робинсон, Скофилд и Адемолло видят в этом пассаже свидетельство полной победы конвенционализма над натурализмом, Сэдли, напротив, считает, что Сократ делает лишь небольшую уступку конвенционализму, отводя договору лишь роль паллиативного средства, необходимого лишь для одной группы имен, то есть тех, в которых сходство их буквенного состава с обозначаемой вещью парализовано, как в данном случае. Позиции Сэдли несомненно сильнее в том, что касается непосредственного смысла платоновского текста: во-первых, вывод Сократа о действии договора основывается только на том, что имеет место в случае, подобном $\sigma\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$; во-вторых, ограниченная роль договора в концепции Сократа следует из его дальнейших высказываний, которые завершают дискуссию (435 b 3–6; c 2–7), к которым нам еще предстоит обратиться. Сторонники конвенционалистской интерпретации диалога имеют в своем арсенале, во-первых, фразу $\tau\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\ \eta\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\ \sigma\alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\theta\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \sigma\omicron\iota\ \gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\tau\alpha\iota\ \eta\ \acute{o}\rho\theta\acute{o}\tau\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{o}\nu\acute{o}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\theta\eta\kappa\eta$, которая может быть истолкована как констатация того, что договор встает теперь на место сходства как единственный тип языковой «правильности»; во-вторых, пусть не прямо, эта часть рассуждения, как будто, делает сходство имени с вещью излишним, коль скоро договор успешно обеспечивает коммуникацию при отсутствии сходства.

Первое из этих соображений не представляется нам веским: утверждение σοι γίνεταί ἡ ὀρθότης τοῦ ὀνόματος συνθήκη само по себе может быть и общим выводом, относящимся к языку в целом, и более частным, затрагивающим только случаи, подобные рассмотренному здесь, контекст же несомненно говорит в пользу более узкого понимания, поскольку вывод сделан лишь на основании специфического случая и подобных ему. Второе соображение — несмотря на ограниченность оснований для этого вывода, в нем содержится имплицитная мысль, что сходство излишне, и договор может полностью заменить сходство — опирается в значительной мере на другие части диалога, в которых сторонники этой точки зрения обнаруживают тенденцию к дискредитации натурализма устами самого Сократа. Разбор подобных попыток, которые мы не считаем убедительными, выходит за рамки этой статьи. Здесь мы ограничимся только соображениями, почему, на наш взгляд, разбираемая часть диалога не дает оснований говорить о полной и даже значительной победе конвенционализма.

Остановимся на тех сторонах рассуждения Сократа, которые не получили достаточного внимания у наших предшественников и были, как нам представляется, не совсем верно ими поняты. Мы имеем в виду отсылку Кратила к языковому узусу. Ее обычно истолковывают как неудачную попытку избежать вывода, что понимание значения слова σκληρότης основано на договоре. Аргумент Сократа, как полагают, пресекает эту попытку, доказывая, что обычай это ничто иное как договор. Для этого в тексте имеются, казалось бы, ясные указания: Сократ выражает недоумение, что Кратил считает обычай чем-то отличным от договора, затем быстро демонстрирует ему, что договор в обсуждаемом случае имеет место, и затем еще раз предостерегает против утверждения, что «обычай не есть договор». И все же, Сократ не может иметь в виду полное тождество двух понятий. Во-первых, Сократ дает свое пояснение, что следует понимать под обычаем, которое звучит гораздо шире, чем понятие договора: говоря об обычае, понимаешь ли ты что-то иное чем то, что когда я произношу некое слово, я мыслю определенную вещь, а ты понимаешь, что я мыслю?¹⁹. Ясно, что такое определение охватывает и те

¹⁹ Адемолло не согласен с обычным пониманием слов ἢ ἄλλο τι λέγεις τὸ ἔθος ἢ и предлагает переводить 'or is the habit you're speaking of anything but the fact', поскольку следующие слова — это не уточнение

случаи, когда между словом и вещью существует внутреннее соответствие, и к тем, когда связь между ними произвольна и основывается лишь на договоре²⁰. В действительности, однако, это сфера не так широка, как представляется. Оба собеседника только что признали, что недостаточно сходства слова *σκληρότης* со своим денотатом для его безошибочного обозначения, и именно поэтому приходится апеллировать к «обычаю». Таким образом, Сократ лишь констатирует, что обычай это нечто, природа чего неясна, но что обеспечивает понимание. Именно эта неопределенность импонирует Кратилу, который стремится избежать угрожающего вывода, что единственная альтернатива сходству слова с его денотатом это договор, как он сам ранее признал.

Во-вторых, Сократ, уже показав Кратилу, что обычай нельзя отделить от договора, делает неожиданное предостережение: «d) Если же, чего доброго, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется, пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно». Это место, в котором Сократ, казалось бы, решительно настаивает на тождестве обычая и договора, показывает на самом деле, что это различные понятия: необходимость договора доказывалась тем, что в случае со словом *σκληρότης* слово утратило сходство со своим референтом; напротив языковой обычай предполагает безразличное использование как сходных, так и несходных элементов.

термина «обычай», но описание того, что происходит, когда вступает в силу обычай. Он прав, что высказывание Сократа нельзя считать точным определением того, что такое обычай, однако ни здесь, ни далее *обычай* не определяется более точно (см. 435 а 9–10; b 2–3).

²⁰ Сэдли полагает, что такое широкое значение термина «обычай» в этом месте неправдоподобно, и поэтому понимает эту фразу как формулировку минимального условия успешной коммуникации, то есть ситуацию, при которой собеседники лишь понимают, о чем идет речь, но не передают друг другу описание свойств предмета, что равнозначно конвенционализму Гермогена (Sedley 2003: 139–140; note 23). Однако именно такое неопределенное понимание обычая устраивает Кратила, который легко соглашается с ним. Только следующий шаг Сократа демонстрирует ему, что понимание «в силу обычая» нельзя отделить от договора.

О значении этого места для исхода коллизии конвенционализма и натурализма мы скажем дальше. Пока сделаем вывод, что доказательство того, что обычай есть договор, надо понимать в более слабом смысле, чем доказательство полной взаимозаменяемости двух понятий: скорее имеется в виду, что обычай как недостаточно определенный принцип обязательно предполагает договор как нечто более определенное, соглашение с ясными условиями, компенсирующее недостаток сходства имени с его референтом. «Обычай», как его понимает Кратил, в чем с ним в целом согласен Сократ это тот реальный язык, который с детства усваивается всеми его носителями. Связь между именем и вещью в сознании носителей языка устанавливается не в силу сходства имен с вещами, но заучивается на основании традиции. В нашем современном понимании эта связь основана на конвенции, но для сторонника натурализма, как Кратил, она лишь восходит к древнему создателю языка и сохраняется по сей день, несмотря на недостатки буквенной выразительности слова. Компетентный носитель языка, каковым является Кратил, вынужден прибегать к опоре на обычай там, где он не в состоянии определить по звучанию слова его референцию.

Но каково мнение об обычае самого Сократа? В отличие от Кратила, он констатирует, что обычай предполагает договор, и тем самым, казалось бы, интерпретирует обычай в духе конвенционализма. Обратим, однако, внимание на то, что договор, который имеет в виду Сократ это не договор, соответствующий учению Гермогена, то есть договор, на основании которого любые заурядные носители языка могут установить любое имя для любой вещи и столь же свободно изменить его на другое произвольное имя. Договор, о котором говорит Сократ, это договор *с самим собой* компетентного носителя языка, его согласие с тем, что имена, символические свойства букв которых недостаточны для того, чтобы обозначать вещи в силу подобия, обозначают те вещи, с которыми они связаны в языковом обычае.

Оставляет ли такое понимание какое-либо место для произвольного установления имен путем договора? На наш взгляд, полновесный ответ на этот вопрос может быть дан только в сочетании с анализом первой части диалога: в ней Сократ доказывает, что стандартом правильных имен является дескриптивность, их способность точно описывать существенные свойства предметом. Эта способность делает имена пригодными «ору-

диями» для философского наставления и одновременно гарантирует прочность их связи с вещами, в качестве имен которых они созданы. Если, как мы думаем, эта аргументация сохраняет силу в завершающей части диалога, тогда то скромное место, которое в ней отведено договору для определенных, недостаточно совершенных «первых слов», не подрывает принцип натурализма в целом.

Здесь же укажем только на упоминавшееся выше высказывание Сократа, в котором содержится подтверждение того, что обсуждение трудностей, связанных со словом *σκληρότης*, и признание необходимости конвенции, не изменило его приверженности натурализму. Доказав, что языковой обычай предполагает договор, Сократ на мгновение допускает, что его аргументация неверна и обычай, как считал ранее Кратил, не предполагает конвенции (435 a 10):

εἰ δ' ὅτι μάλιστα μή ἐστὶ τὸ ἔθος συνθήκη, οὐκ ἂν καλῶς ἔτι ἔχοι λέγειν τὴν ὁμοιότητα δῆλωμα εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἔθος· ἐκεῖνο γάρ, ὡς εἶοικε, καὶ ὁμοίῳ καὶ ἀνομοίῳ δηλοῖ.

Если же, чего доброго²¹, обычай это не договор, то уже не будет правильным утверждать, что обозначение должно осуществляться на основании сходства, но [будет правильным утверждать], что на основании обычая: ведь он, как кажется, пользуется при обозначении как тем, что подобно [вещам], так и тем, что не подобно.

Итак, если рассуждение Сократа неверно и обычай не предполагает конвенцию своего рода, то собеседникам придется отказаться от того, что стандартом для языка является сходство имени с обозначаемой вещью. Тогда единственным стандартом станет обычай, поскольку он состоит в обозначении равно при посредстве сходных и несходных имен. Смысл этой дилеммы состоит в том, что если мы не признаем за обычаем роль стандарта только в исключительных случаях, когда апелляция к обычаю необходима из-за несходства имени и, значит, договора как паллиатива, то обычай угрожает вытеснить и сходство, и договор в качестве стандартов именно в силу своей

²¹ ὅτι μάλιστα, как справедливо отмечает Адемолло, служит обычно для введения предположения, которое говорящий не разделяет сам или даже заведомо считает неверным (Ademollo 2011: 402 n. 36, с примерами). Встречающееся понимание этого выражения здесь как «всецело», «целиком» (см. прим. 23) ошибочно.

неопределенности. Как носитель привычных связей между именами и вещами, он не различает их сходство и несходство друг с другом. Отвергая это допущение, Сократ прямо дает понять, что истинность его аргументации гарантирует сохранение натуралистического принципа²². Кратилу, таким образом, предлагается уступить соглашению некоторую роль в функционировании языка не только в силу аргументов Сократа, но и потому, что это обеспечивает сохранение дорогого для Кратила принципа подобия в качестве основного стандарта правильности имен.

С этой ограниченной уступкой конвенционализму согласуется следующий за этими словами вывод Сократа (435 b 3–d 1):

ἐπειδὴ δὲ ταῦτα συγχωροῦμεν, ὦ Κρατύλε — τὴν γὰρ σιγὴν σου συγχώρησιν θήσω — ἀναγκαῖόν που καὶ συνθήκην τι καὶ ἔθος

²² Этот шаг в аргументации Сократа и точное значение οὐκ ... ἔτι обычно не учитывается. Ученые обычно понимают эту фразу, напротив, как утверждение, что в обоих случаях, является ли обычай соглашением или нет, все равно будет неверным утверждать, что принципом обозначения является сходство. Schofield 1982: 77: “Even if habit is very far from being convention, it would still not be well to say that it is resemblance which is disclosure, but habit; for that, as it seems, discloses, and it does so by both what resembles and what does not resemble”; Reeve 1999: 87: ‘And even if usage is completely different from convention, still you must say that expressing something isn’t a matter of likeness but of usage’; Sedley 2004: 140: ‘And even if custom is not at all the same thing as agreement, it still would not be right to say that similarity is the means of indication’; Ademollo 2011: 402 f.: ‘And even if habit were not convention, still it would no longer be right to say that similarity is a means to indicate, but that habit is; for that, it seems, indicates both with something similar and with something dissimilar’. Переводы обычно игнорируют οὐκ ἔτι, которое нормально означает, что нечто уже не имеет места. Адемолло, который верно передает значение οὐκ ἔτι, тем не менее, добавляет ‘still’, которому ничего не соответствует в тексте, и понимает предложение так, что даже, если обычай отличается от договора, *все равно* уже нельзя будет утверждать, что сходство имени с денотатом служит языковым принципом. Все эти переводы придают главному предложению значение следствия, которое наступает независимо от того, имеет ли место условие, сформулированное в придаточном предложении. В действительности, однако, речь идет о следствии, которое наступает только при истинности это условия, а сама это истинность представлена как невероятное допущение. Правильный перевод см. (Dalimier 1999: 178): “D’ailleurs, à supposer que l’usage ne soit pas une convention, on ne serait plus en droit de dire que la ressemblance est le moyen de faire voire...”

συμβάλλεσθαι πρὸς δῆλωσιν ὧν διανοούμενοι λέγομεν· ἐπεὶ, ὦ βέλτιστε, εἰ
 'θέλεις ἐπὶ τὸν ἀριθμὸν ἐλθεῖν, πόθεν οἶε ἔξω ὀνόματα
 ὅμοια ἐνὶ ἐκάστῳ τῶν ἀριθμῶν ἐπενεγκεῖν, ἐὰν μὴ ἔῃς τι
 τὴν σὴν ὁμολογίαν καὶ συνθήκην κύρος ἔχειν τῶν ὀνομάτων
 ὀρθότητος περὶ; ἐμοὶ μὲν οὖν καὶ αὐτῷ ἀρέσκει μὲν κατὰ τὸ
 δυνατόν ὅμοια εἶναι τὰ ὀνόματα τοῖς πράγμασιν· ἀλλὰ μὴ ὡς
 ἀληθῶς, τὸ τοῦ Ἑρμογένους, γλίσχρα ἢ ἡ ὀλκή αὐτῆ τῆς
 ὁμοιότητος, ἀναγκαῖον δὲ ἢ καὶ τῷ φορτικῷ τούτῳ προσχρῆσθαι, τῇ
 συνθήκῃ, εἰς ὀνομάτων ὀρθότητα. ἐπεὶ ἴσως κατὰ γε τὸ δυνατόν
 κάλλιστ' ἂν λέγοιτο ὅταν ἢ πᾶσιν ἢ ὡς πλείστοις ὁμοίοις λέγηται,
 τοῦτο δ' ἐστὶ προσήκουσιν, αἰσχιστα δὲ τοῦναντίον.

(1) Поскольку мы согласились с этим, — ведь твое молчание я понимаю как согласие, — то необходимо, чтобы *также и* договор вместе с обычаем содействовали обозначению тех вещей, которые мы мыслим. (2) Ибо, дорогой мой, если тебе угодно обратиться к числам, то откуда ты возьмешь имена, чтобы их присвоить каждому из чисел в отдельности, если ты не позволишь, чтобы *твое* согласие и договор *до какой-то степени* управляли правильностью имен. (3) Я и сам привержен тому, чтобы имена были (насколько это возможно) подобны вещам, но боюсь, что в самом деле это притягивание подобия становится, по выражению Гермогена, «взяким», и что необходимо *дополнительно воспользоваться* этой грубой вещью, договором, в отношении правильности имен. (4) Ибо, пожалуй, прекраснейшим будет такой способ высказывания, когда оно выражается [элементами речи], подобными [вещам], то есть соответствующими [им] либо целиком, либо насколько можно большим их числом, а самым негодным способом будет противоположный.

В этом суждении Сократа некоторые исследователи видят указания на явный, хотя и не последовательный (Робинсон, Скофилд)²³ отход Сократа от его прежней поддержки натурализма. Другие исследователи полагают, что читатель сам при-

²³ Robinson 1969: 122 (в словах Сократа сквозит лишь «тщетное сожаление», что сходство имен с вещами желательно но недостижимо; теория договора «вульгарна», но, как подразумевает, видимо, Сократ, не имеет альтернативы); Schofield 1982: 67–68 (открытие, при обсуждении слова σκληρότης, что натуралистическая теория вынуждена полагаться на идею «чистой конвенции», создает для Сократа решающее препятствие для принятия натурализма; он все еще утверждает, что одобряет идею сходства имен с вещами, насколько это возможно, но сознает, что цена, которую необходимо заплатить для обретения уверенности в ней слишком высока.

дет к выводу, что натурализм опровергнут (Адемолло)²⁴. Все эти ученые считают, что рассуждение о σκλήρότης логически должно было бы вести к признанию, что сходство имени и вещи излишне.

Другие (Р. Барни) полагают, что Сократ, как и раньше, выражает свою приверженность натурализму, но признает, что имена, опять-таки на основании случая σκλήρότης, не могут полностью соответствовать своему назначению — быть подобиями вещей (Barney 2001: 137).

Мы, однако, согласны с Сэдли (Sedley 2004: 140–145) в том, что эти высказывания Сократа вполне соответствуют той умеренной форме натурализма, которую он защищает на протяжении всего диалога: договору отводится (см. (1) и (2)) роль лишь дополнительного средства обозначения, необходимого там, где сходство имени с вещью по тем или иным причинам оказывается недостаточным для узнавания вещи. Основание думать, что Сократ имеет в виду принципиальную недостижимость натуралистического сходства, дает только (3), если считать, что это высказывание относится к языку вообще (γλίσχρα ἢ ἡ ὀλκή αὐτῆ τῆς ὁμοιότητος). Утверждение Сократа, что ему импонирует натурализм (ἐμοὶ μὲν οὖν καὶ αὐτῶ ἀρέσκει μὲν κατὰ τὸ δυνατόν ὅμοια εἶναι τὰ ὀνόματα τοῖς πράγμασιν), можно было бы понять как признание его нереализуемости. Однако такому пониманию препятствует вывод, снова указывающий только на дополнительную роль договора (ἀναγκαῖον δὲ ἢ καὶ τῶ φρικῶ τούτῳ προσχρῆσθαι, τῇ συνθήκῃ, εἰς ὀνομάτων ὀρθότητα). Поэтому следует видеть здесь не отказ от желаемого, но недостижимого сходства, но лишь сожаление, что сходство не всегда возможно в желаемой степени и

²⁴ Ademollo 2011: 406–407, 418–421: хотя буквально слова Сократа означают лишь частичную уступку конвенционализму, роль соглашения в понимании слова σκλήρότης могла бы позволить ему высказаться в пользу полновесного конвенционализма. Отказ Платона от этого вывода нужен для того, чтобы у читателя не угас интерес к следующей части дискуссии, в которой Сократ обсуждает тезис Кратила, что знание имен обеспечивает знание самих вещей (435 d – 439 b). Опровержение этого тезиса путем доказательства, что имена могут отражать ошибочные мнения их создателей, раскрывает, наконец, читателю глаза, как полагает Адемолло, что имена обозначают свои референты на основе конвенции (см. выше прим. 7 против того, что эта финальная часть имеет отношение к коллизии натурализма — конвенционализма).

конвенции поэтому нельзя избежать. Наиболее важное указание в пользу натурализма содержит (4): если допустить, что Сократ отказался от принципа сходства имени с вещью, как мог бы он утверждать, что прекраснейший способ обозначения — это полное или насколько можно большее подобие имени и денотата, а наихудший — противоположный ему? Подобная оценка, соответствующая тому, что Сократ неоднократно утверждал ранее (433 а 4–6; 433 с 3–7), несовместима с одобрением конвенционализма как принципа; маловероятно и то, чтобы за таким высказыванием стояло убеждение, что натурализм превосходит, но неосуществим.

Этот пассаж, таким образом, не содержит внутренних противоречий и определено свидетельствует о натурализме как завершающем высказывании Сократа (а с ним и Платона) в диалоге. Мы доказывали, что предшествующее рассуждение о слове *σκληρότης* не противоречит этой позиции, но наоборот подготавливает ее, внося дополнительный, но важный компонент в концепцию Сократа, который считает недостижимым полное сходство имени с его референтом: недостаток сходства должен компенсироваться соглашением.

Соглашение понимается не как договор носителей языка между собой о произвольном значении слова, но является внутренним договором компетентного носителя языка, способного распознать сходство слова и вещи, его согласием на то, что в определенных случаях приходится полагаться на закрепленное в обыденном языке значение слова. Мысль, что сам этот языковой узус восходит не к произвольным соглашениям носителей языка, но к авторитету его древних создателей, не высказана прямо, но кажется весьма вероятной. Добавим, что трудность, представленная на примере *σκληρότης*, в силу высказанных ранее соображений, не выглядит исключительной (в этом мы согласны с оппонентами Сэдди), однако она не подрывает, в глазах Платона, сам принцип натурализма.

Литература

- Ademollo, F. 2011: *The Cratylus of Plato. A Commentary*. Cambridge.
 Ademollo, F. 2022: Intentionality and Referentiality in Plato's *Cratylus*. In: Mikeš V. (ed.) *Plato's Cratylus*. Leiden, 48–64.
 Baxter, T. M. S. 1992: *The Cratylus: Plato's Critique of Naming*. *Philosophia Antiqua* 58. Leiden, etc.
 Barney, R. 2001: *Names and Nature in Plato's Cratylus*. New York; London.

- Benfey, Th. 1866: Die Aufgabe des Platonischen Dialogs Kratylus. *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen* 12, 189–330.
- Classen, C. J. 1959: Sprachliche Deutung als Triebkraft platonischen und sokratischen Philosophierens, *Zetemata* 22. München.
- Dalimier, C. 1999: Platon: *Cratyle*. Paris.
- Derbolav, J. 1972: *Platons Sprachphilosophie im Kratylus und in den späteren Schriften*. Darmstadt.
- Friedländer, P. 1964: *Platon*. Bd. II. Berlin.
- Goldschmidt, V. *Essai sur le Cratyle*. Paris.
- Keller, S. 2000: An Interpretation of Plato's Cratylus, *Phronesis*. 50, 284–305.
- Meißner, D. 2022: Reappraising Plato's Cratylus, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, forthcoming; online: 24 March 2022. doi:10.1515/agph-2021-0017.
- Meißner, D. 2023: Plato's Cratylus. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), forthcoming URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/plato-cratylus/>>.
- Reeve, C. D. C. 1999: Plato, *Cratylus*. Translated with Introduction & Notes. Indianapolis; Cambridge.
- Robinson, R. 1969: A Criticism of Plato's *Cratylus* [1956]. In: Robinson R. *Essays in Greek Philosophy*. Oxford, 118–138.
- Schofield M. 1982: The Denouement of the Cratylus. In: M. Schofield and M. C. Nussbaum (ed.), *Language and Logos: Studies in Ancient Greek Philosophy presented to G.E.L. Owen*. Cambridge, 61–81.
- Sedley, D. 1998: The Etymology in Plato's *Cratylus*. *Journal of Hellenic Studies*. 118, 140–154.
- Sedley, D. 2003: *Plato's Cratylus*. Cambridge.
- Sedley, D. 2019: Etymology in Plato's *Sophist*. *Hyperboreus*. 25/2, 290–301.
- Silverman, A. 1992: Plato's *Cratylus*: the Naming of Nature and the Nature of Naming, *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 10, 25–72.
- Smith, I. 2008: False Names: Demonstration and Refutation of Linguistic Naturalism in Plato. *Phronesis* 53, 125–151.
- Smith, I. 2014: Taking the Tool Analogy Seriously: Forms and Naming in the *Cratylus*. *Cambridge Classical Journal* 60, 75–99

О. А. Волошина

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия / Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь,
Китай. oxanav2005@mail.ru

ДЕВАНАГАРИ ИНДИИ И ИЕРОГЛИФИКА КИТАЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье предпринимается попытка объяснения формирования системы письменности древней цивилизации в зависимости от типологии культуры с точки зрения ориентации на авторитет письменной или устной традиции функционирования текстов. Автор рассматривает систему письменности древней Индии и Китая в сопоставительном аспекте и выдвигает предположение, что ориентация на запись звучащей речи в Индии и на запись семантики слов иероглификой объясняется устной или письменной культурной традицией двух древнейших восточных цивилизаций.

Ключевые слова: деванагари, иероглифика, фонетический принцип письма, идеографическая система письма.

О. А. Voloshina

Moscow State University, Moscow, Russia / MSU-BIT University, Shenzhen,
China. oxanav2005@mail.ru

Devanagari of India and Hieroglyphics of China as a reflection of sounding and written philological tradition

The article attempts to explain the formation of the writing system of an ancient civilization depending on the typology of culture, in terms of whether the authority of the written or of the oral tradition of the functioning of texts was followed. The author examines the writing systems of ancient India and China in a comparative aspect and suggests that focusing on the recording of sounding speech in India and on the recording of the word semantics by hieroglyphics is explained by the, respectively, oral and written cultural traditions of the two oldest Eastern civilizations.

Keywords: devanagari, hieroglyphics, phonetic principle of writing, ideographic writing system.

Две древнейшие восточные цивилизации — индийская и китайская демонстрируют миру не только уникальные философские и филологические традиции, но и формальные системы репрезентации идей, а именно стилистические приемы поэтических произведений, структуру научных трактатов, а также

своеобразные системы записи текстов. Древнейшая китайская и индийская цивилизации разработали прямо противоположные системы письма — деванагари представляет собой фонетическую транскрипцию, то есть запись звучащей речи с большей или меньшей степенью точности, а китайская иероглифика представляет собой идеографическое письмо, отражающее понятия, то есть семантику отдельных слов и текста в целом.

В задачу нашей работы не входит исследование истории и взаимного влияния различных типов письма, используемых в Индии и в Китае, целью работы является сопоставление принципов письма деванагари и китайской иероглифики и попытка объяснения формирования в двух древнейших цивилизациях прямо противоположной системы письма — от транскрипции как стремления к точной записи звучащей речи до иероглифики как «зарисовки» значения слов, то есть передачи на письме отдельных понятий.

Алфавитная система письма позволяет более или менее точно записывать звучание слова, то есть графема (буква) передает на письме отдельный звук или слог (например, в русском языке буква *я* передает сочетание сонорного палатального и гласного *a* [ja])¹. Однако различные языки, использующие буквенно-звуковую систему письма, в большей или меньшей степени передают звучащую речь. Русская орфография опирается на фонематический принцип, то есть отражает на письме не реальные звуки, а фонемы (например, произносится [вада́], а пишется *вода*, поскольку в корне фонема <o>). Запись фонем позволяет отождествлять морфемы, имеющие разный звуковой состав в результате позиционных и комбинаторных изменений звуков в потоке речи, однако иногда русская орфография отражает реальное звучание, например, *сыграть* – мы слышим

¹ В этом смысле «единицей русского письма (и чтения) оказывается не буква, а графический слог — буквосочетание, обе части которого пишутся и читаются с учетом соседних букв. Такое устройство графики называется слоговым принципом. Используемый для обозначения мягкости согласных, слоговой принцип создает существенную экономию алфавитных знаков: пять «смягчающих» букв гласных (плюс буква *ь*) замещают 15 букв, которые понадобились бы для обозначения мягких согласных» (Knyazev, Pozharitskaya 211: 366). Это стремление к «экономии», то есть к сокращению количества графем русского алфавита соответствует общей тенденции рационального создания алфавита, сформулированной в работе Яковлева Н. Ф. «Математическая формула построения алфавита» (1928).

звук [ы] и пишем букву *ы*, хотя в корне фонема <и> (ср. *игры*). По словам А. А. Зализняка, «орфография — это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые представляет графическая система» (Zaliznyak 179: 151).

Живая звучащая речь постоянно изменяется, но консервативная система графики и орфографии не способна быстро реагировать на изменение произношения. Для сближения звучания речи и фиксации ее на письме периодически проводятся орфографические реформы, которые, однако, сильно отстают от изменения норм произношения. Так, уже к XI веку в русском языке завершился процесс «падения редуцированных», то есть перестали произноситься в слабой позиции сверхкраткие гласные Ъ и Ы, но их традиционное написание было окончательно отменено лишь орфографической реформой 1917 года, то есть спустя несколько сотен лет². Широко известны кардинальные расхождения звучания и записи английских слов, что объясняется традиционным принципом орфографии английского языка. Таким образом, запись слов алфавитным письмом может в той или иной степени отражать реальное звучание слов.

Рассмотрим систему письма деванагари и китайскую иероглифику с точки зрения способности отражать звучащую речь (фонетический принцип письма) или значения слов (идеографический принцип письма).

Деванагари

Алфавит деванагари традиционно использовался для записи текстов на санскрите (хотя, конечно, тексты на санскрите могли быть записаны не только письмом деванагари, но и другими системами письма). Деванагари принято называть алфавитом, то есть буквенно-звуковым письмом, хотя графические значки в системе деванагари передают не отдельный звук, а слог, поэтому деванагари часто называют слоговым письмом. Графема в деванагари может передавать сочетание согласного и гласного звука, например, согласного с гласным *a* (например, ढ *da*, ढ *ra* и т.п.), если же нужно написать не слог, а отдельный согласный звук, после графического значка согласного ставится

² Интересно, что Ъ и Ы — кириллические буквы славянского письма для сверхкратких гласных в слабой позиции после реформы орфографии стали использоваться для обозначения, например, мягкости согласного на письме — *мать* [matʲ].

специальная диакритика — наклонная черточка в нижней части знака — вирама (ॡ — ॠ).

Графема согласного оказывается центральной, а гласные обозначаются в слоге при помощи диакритических значков: ॡ रा, ॡ रā, ॡ रे, ॡ रि ri и т. д., причем очевидна логика графической системы, передающей сочетания согласных звуков с гласными. Например, сочетание согласного с кратким и долгим *i* передается одинаковыми значками, но диакритика краткого *i* предшествует графеме, передающей согласный звук, а диакритика долгого *ī* за ней следует: कि (ki) и की kī, такую же закономерность демонстрируют графические значки с другими гласными — *a* и ā, *u* и ū, *ṛ* и ṝ, *e* и ai, *o* и au. Эти графемные комплексы не входят в состав алфавита, но задаются правилами чтения и написания слогов и слов. То же касается особых графемных комплексов — лигатур, передающих сочетание согласных звуков в системе письма деванагари. Лигатура представляет собой сочетание «характерных» частей графем деванагари, отражающих сочетание согласных звуков, ॡॡ ppa, क्द kda, क्त kṛta и т. п. Специальной графемой в системе деванагари обозначается одиночный гласный, поскольку он составляет отдельный слог: अ (a) आ (ā) उ (u) ऊ (ū), इ (i) ई (ī) и т. п.

В задачу нашей работы не входит анализ графической системы деванагари, мы хотим лишь подчеркнуть принцип записи текстов на санскрите системой деванагари и выдвинуть предположение о причинах формирования такой системы письма в древней Индии. Письмо деванагари опирается на фонетический принцип, то есть графемы передают звуки речи, отражая особенности произношения звуков, фонетические процессы в потоке речи и т. п. Можно сказать, что система деванагари близка к фонетической транскрипции. Как писал А. А. Зализняк, «древнеиндийская графика (система деванагари или другие, эквивалентные ей) фиксирует санскритский текст на фонетическом уровне (т. е. разными знаками в ней передаются не только разные фонемы, но в ряде случаев и разные аллофоны одной фонемы)» (Zaliznyak 1987: 788).

Как уже было сказано, русская орфография также иногда отражает реальное произношение, придерживаясь фонетического принципа, однако чаще всего на письме отражается не конкретный звук, а фонема. Например, мы пишем *счѣт* [ш`от] или *вода* [вадá], поэтому русское письмо — фонематическое. «Фонемный, или фонематический, принцип орфографии состоит в том, что мена звукотипов при перекрещивающихся чередо-

ваниях не фиксируется на письме... Главное достоинство применения этого принципа состоит в последовательно единообразном написании морфем» (Knyazev, Pozharitskaya 211: 379).

В санскритских же текстах графическими знаками деванагари записывается звучащая речь, при этом отражаются результаты ассимиляции — частичного или полного приспособления звуков друг к другу в процессе речи. Позиционные и комбинаторные изменения звуков хорошо осознаются носителями языка и в деванагари обозначаются особыми графемами³.

Например, *шесть* в системе деванагари записывается как *ṣaṣ*, но под влиянием соседних звуков конечный согласный претерпевает различные изменения — спирант становится смычным согласным звонким, глухим или носовым сонантом под воздействием последующего звука: *ṣaḍbhuja* *шестирукий*, *ṣaḍakṣa* *шестиглазый*, *ṣaṭkaṇṇa* *шестиухий*, *ṣaṇmukha* *шестьликий* (о Шиве). Очевидно, что процессы изменения звуков в потоке речи отражаются письмом деванагари и принятой в санскритологии литинской транслитерацией деванагари.

Древнеиндийские тексты на санскрите долгое время функционировали в устной традиции, особенности звучащего текста становились предметом описания в специальных фонетических трактатах корпуса веданги — притишакхьях. В многочисленных редакциях этих трактатов предлагались разные списки звуков санскрита, позже эти разновидности звуков были зафиксированы на письме графической системой деванагари. В традиционный список варна-самагна (varṇa-samāṅgāya) были включены следующие единицы:

a, ā, i, ī, u, ū, ṛ, ṛī, ḷ, (Ḍ), e, o, ai, au
 k, kh, g, gh, ṅ
 c, ch, j, jh, ṅ
 t, ṭh, d, ḍh, ṇ
 t, th, d, dh, n
 p, ph, b, bh, m
 y, r, l, v, ṣ, ś, s, h

³ Не случайно результаты ассимиляции в системе письма деванагари обозначаются отдельными графическими значками, ведь «ассимиляция и диссимиляция — явления лингвистического, языкового уровня, они задаются правилами сочетаемости (дистрибуции) фонетических единиц в языке, ведут к чередованию звукотипов и легко осознаются носителями языка (любому носителю русского языка очевидно, что в слове *вход* первый согласный — глухой)» (Knyazev, Pozharitskaya 2011: 57).

Традиционный список варна-саманья включает 46 (47) единиц (вариативность связана с определением статуса долгого слогового \bar{I}). В Тайттирия-пратишакхье представлен более пространственный список из 60-ти единиц, в который были добавлены сверхдолгие гласные (*pluti*) и несамостоятельные звуки (*ayogavāha*) [Taitr. Pr. 1993: 10] — особые звуки, образующиеся в результате комбинаторного и позиционного изменения звуков в потоке речи⁴.

К вспомогательным звукам относятся висарга, анусвара и анунастика, которые оказываются результатом изменения звуков в потоке речи. Например, висарга — позиционный вариант звуков *s* и *r* после гласного в конце слова или в конце морфемы (то есть перед паузой), произносимый как слабое глухое придыхание (графически в транслитерации обозначается особым знаком ḥ) (Taitr. Pr.1993: 79)⁵. Например, *lobhaḥ pāpasya kāraṇam* *жадность — причина зла*, где окончание *-s* именительного падежа единственного числа слова *lobha* по законам сандхи преобразуется в висаргу.

Или анусвара — лишенный смычки носовой призывок, возникающий после гласного из *m* и *n* или после гласного в конце слова перед следующим словом, начинающимся с согласного звука (Taitr. Pr.1993: 66). Графически анусвара в транслитерации обозначается знаком *m* с точкой над или под графемой: \bar{m} или $\underset{\cdot}{m}$, в системе деванагари обозначается точкой над графемой. Например, *hastasya bhūṣaṇam dānam* *щедрость — украшение руки*, где окончание именительного и винительного падежа существительного среднего рода *bhūṣaṇa -m* по законам сандхи преобразуется в анусвару.

К «вспомогательным» звукам относятся еще четыре звука яма (*yama*) — своеобразные призывки, появляющиеся в результате комбинации звуков. Например, сварабхакти (*svarabhakti*)

⁴ Если бы мы описывали подобным образом особенности произношения звуков русского языка в потоке речи, то могли бы отметить, например, появление у-образного призвука после губно-зубного согласного перед огубленным гласным в слове *волк* [$v^u\text{olk}$]. Подобные призывки образуются в частности в результате аккомодации — приспособления гласных и согласных звуков в потоке речи.

⁵ Тайттирия-пратишакхья упоминает два варианта висарги для ведийского языка — это джихвамүлиа и упадхманя. Джихвамүлиа (обозначается как χ) — это придыхание перед глухим велярным; а упадхманя (обозначается как ϕ) — придыхание перед глухим губным (Taitr. Pr. 1993: 301).

— вставной сверхкраткий гласный, появляющийся между взрывным согласным и [r] indːra.

Здесь речь идет о звуках, их комбинаторных и позиционных изменениях в потоке речи, а вовсе не о фонемах, тогда как список фонем санскрита, предложенный А. А. Зализняком, оказывается меньше реализуемых в речи звуков, ведь некоторые звуки являются аллофонами одной фонемы. В частности, звуки *i* и *y*, *r̥* и *r*, *l̥* и *l* объединяются в фонемы /i/, /r/ и /l/. Зализняк пишет: «Слогообразующий звук (*i*, *r̥*, *l̥*) выступает в позиции между согласными, а также после согласной перед паузой и после паузы перед согласной. В прочих позициях выступает неслогообразующий звук (*y*, *r*, *l*)» (Zaliznyak 1987: 797). Висарга также представляет собой «фонологически несамостоятельный звук», поэтому он не включается в список фонем (как и его комбинаторные варианты в ведийском языке — джихвамулия и упадхманья). Носовой палатального ряда *ñ* оказывается аллофоном фонемы /n/, носовой заднеязычный также фонологически самостоятелен лишь в ограниченной степени (Zaliznyak 1987: 798). Например, в форме инструменталиса единственного числа слова *rājan rādja* на носовой согласный оказывает влияние оказавшийся рядом палатальный согласный, в результате чего носовой также становится палатальным — *rājñā*.

Конечно, в любом языке есть позиционные и комбинаторные изменения звуков в потоке звучащей речи, но именно индийская лингвистика ввела и широко использует для таких изменений звуков специальный термин — сандхи. Индийцы как будто впервые заметили это явление и сделали предметом специальной лингвистической рефлексии: звуковые изменения внутри слова на стыке морфем (внутренние сандхи), а изменения на стыке отдельных слов (внешние сандхи). В дальнейшем европейские и американские лингвисты стали активно использовать этот термин для называния фонетических изменений в словах звучащей речи. В частности, в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо много терминов, заимствованных у индийских грамматиков, в том числе *сандхи*, *сварабхакти*, *сварита* и др. (Maruso 1960: 259–260). Впоследствии термин *сандхи* стал активно использоваться при описании позиционных и комбинаторных изменений звуков в разных языках.

Таким образом, особая роль правильно произнесенного санскритского текста в контексте мифо-ритуальной древнеиндийской культуры способствовала тому, что система дева-

нагари стала опираться на фонетический принцип, фиксирующий произношение звуков речи.

Китайская иероглифика

Китайское иероглифическое письмо демонстрирует уникальную в мировой культуре ситуацию успешного использования идеографического письма — древнейшего варианта письменности, берущего начало от пиктографии, использовавшегося, например, в древнем Египте, но утраченного всеми культурами, кроме китайской.

Филология в древнем Китае развивалась как наука о правилах построения письменных текстов, включающая комментарии к текстам и объяснение иероглифов, поэтому правила интерпретации и прочтения иероглифов были главной задачей китайских ученых. Например, известны комментарии к таким авторитетным древнекитайским текстам, как «Четверокнижие» («Сы Шу») или «Пятиканоние» («У Цзин»), в которых главным объектом описания и обсуждения является иероглиф — его значение и правила прочтения.

Описывая разные типы знаков в китайской иероглифике, попробуем проследить, как в первоначально пиктографическом письме постепенно формируются механизмы передачи звучания «немых» иероглифов, звучание которых изначально никак не передавалось на письме.

Древнейшие китайские иероглифы, как известно, представляли собой рисунки предметов, животных, людей и т. п., но постепенное упрощение и комбинация черт иероглифов приводили к появлению все более символических графических изображений, значение которых могло быть «прочитано», то есть графическая форма иероглифа подсказывает значение записанного слова.

В таблице мы можем видеть изменение начертания иероглифов, первоначально представляющих собой пиктограммы⁶:

⁶ В работе с китайским материалом большую помощь автору оказали аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова Лин Ли и студент совместного университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне Чэнь Чжоюань.

Значение	Дождь	Человек	Глаз	Бык
Пиктограмма				
Современное написание	雨 [yǔ]	人 [rén]	目 [mù]	牛 [niú]

К подобным простейшим пиктограммам можно отнести слова 上 shàng *верх, подниматься* и 下 xià — *низ, опускаться* которые в составе сложных слов сохраняют свое значение: 上午 shàng wǔ *утро, первая половина дня* и 下午 xià wǔ *вечер, вторая половина дня*. Постепенно иероглифы усложнялись, некоторые теряли связь с изображаемым предметом и становились символами понятий, поэтому сейчас иероглифика состоит из знаков разных типов, демонстрирующих более или менее тесную связь означаемого (понятия) и означающего (графического изображения).

Комбинация простых иероглифов позволяет передавать более сложные понятия:

Значение	<i>Следовать; сопровождать</i>	<i>Собирать</i>	<i>Пение птиц</i>
Картинка			
Сложная пиктограмма			
Структура пиктограммы	2 человека следуют друг за другом	Верхняя часть — рука человека, нижняя — дерево с ягодами	Слева — клюв (рот) птицы справа – птица
Современное написание	从 [cóng]	采 [cǎi]	鸣 [míng]

Комбинации знаков в составных иероглифах позволяют «прочитывать» слова, угадывая значение записанных слов по изображениям. Например, иероглиф 学 хуе значит *учёба*, поэтому неудивительно, что он входит в состав терминов, называющих, например, разделы лингвистики — специальные дисциплины: филология — 语文学 (yǔ wén хуэ) — *наука о языке письменных текстов*, а грамматика — 语法学 (yǔ fǎ хуэ) — *наука о законах языка (об устройстве языка, где 语法 (yǔ fǎ) — строй языка: фонетика, лексика, грамматика)*. Такой общий иероглиф в составе слов позволяет объединять их в общую лексико-семантическую группу, формальное и семантическое единство которой отражено в общем иероглифе.

В сложных составных иероглифах выделяется главный элемент, который позволяет классифицировать иероглифы на основе их формального сходства (наличие общей графической части иероглифа) и семантической общности — это иероглифический ключ. Например, распространенный иероглиф 口 рот встречается в словах 喝 hē и 吃 chī.

Ключи позволяли классифицировать иероглифы по общему графическому (и семантическому) компоненту, но отражение звучания иероглифов на письме оказалось большой проблемой для китайских ученых, изучающих древнейшие рукописи. Значения иероглифов записывались и обсуждались в комментариях, но произношение слов никак не фиксировалось в иероглифическом (изначально рисуночном) письме, поэтому китайские ученые разрабатывали разные методы, позволявшие отразить звучание слов китайского языка.

Для пояснения произношения слов в иероглифической системе стали создаваться специальные иероглифы — фонограммы — «сложные знаки, состоящие из ключей, дающих намеки на значение слова или морфемы, и так называемых фонетиков, указывающих на точное или приблизительное звучание знака» (Solntsev 1998: 226).

Слово записывалось составным иероглифом, одна часть которого передавала семантику (была видоизмененной, схематизированной пиктограммой), а вторая «отвечала» за произношение, то есть представляла собой иероглиф хорошо известного общеупотребительного слова с таким же произношением. Например, иероглиф 菜 [cài] — *зелень, овощи* состоит из двух компонентов: верхняя часть иероглифа — это ключ со значением *травы* (++) (часть упрощенного иероглифа *травы* 艸 cǎo), а нижняя часть (фонетическая) представляет собой фонетик — иероглиф со сходным прочтением 采 [cǎi], который имеет само-

стоятельное значение *собирать, обрывать с куста ягоды или листья чая* и тоже происходит от пиктограммы (верхняя часть — *рука человека*, нижняя — *дерево с ягодами*). Или иероглиф 妈 [mā] *мать* также состоит из двух частей: значение передает левая часть 女 — женщина, а правая часть представляет собой фонетик — самостоятельный иероглиф со сходным произношением 马 [mǎ] — *лошадь* (результат преобразования

древнейшей пиктограммы). Сочетание этих двух изображений представляют собой иероглиф 妈 [mā] *мать*, две составные части которого указывают и на семантику слова, и на его произношение.

Комбинация двух частей иероглифа, одна из которых передает его значение, а другая — звучание была важной попыткой китайских ученых отразить произношение слов на письме, однако такая система не была удобной, потому что усложняла и без того громоздкий графический облик иероглифа, а также не позволяла передавать изменение звучания слов во времени. Для записи звучания «немых» иероглифов необходима была система транскрипции, которая позволяла бы удобно и точно передавать произношение.

Еще при династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) применялся древнейший метод *уподобления* (pì) (譬况法 pì kuàng fǎ), то есть чтение иероглифа описывали путем сопоставления со словами, содержащими одинаковые (или похожие) звуковые комплексы, основываясь на общих акустико-артикуляционных характеристиках звуков.

В этот же период возникает метод *аналогии* (读若法 dú ruò fǎ), который описывает произношение иероглифа путем приведения близких по звучанию иероглифов (или омофонов) из числа наиболее известных, общеупотребительных слов. Например, 珣 (xún) — *название одного из видов нефрита*, произносится как 宣 (xuān) — *объявлять*. Недостатком этого метода является отсутствие точности передачи звучания, потому что сравниваемые иероглифы часто звучат похоже, но не одинаково (например, в нашем примере слова отличаются слоговым гласным и тоном), кроме того, звучание слов менялось с

течением времени, поэтому часто новое произношение слов не отражало звучания древних иероглифов.

Для уточнения звучания слова стал использоваться еще в конце династии Хань метод *прямого произношения* (直音法 *zhí yīn fǎ*), который основан исключительно на использовании омофонического иероглифа для отражения звучания слова. Этот метод является усовершенствованным методом аналогии (读若法), он проще и точнее, потому что метод аналогии основан на сопоставлении близких по произношению иероглифов, тогда как метод прямого произношения основан на омофонах, например, 拾 (*shì*) и 十 (*shí*). Благодаря простоте и точности отражения звучания этот метод применялся долгое время и используется в наши дни, но у метода есть и недостатки. Во-первых, не каждый иероглиф имеет омофон из числа известных общеупотребительных слов. Во-вторых, произношение древних и современных иероглифов сильно отличается, что ограничивает использование современных слов для фонетического аналога словам древнего языка. В-третьих, иероглиф звучит по-разному в разных диалектах, невозможно найти иероглиф с одинаковым диалектным произношением для каждого слова.

В V–VI вв. был разработан метод *четырёх тонов* (纽四声法 *nǐu sì shēng fǎ*), при котором указывается слово с одинаковыми звуками (инициаль и финаль), но с другим тоном, поэтому для правильного произнесения нужный тон необходимо указать. Например, 刀 *dāo* произносится как 到 *dào*, но дополнительно отмечается первый тон 平声.

Достоинство этого удобного и точно передающего звучание слова метода, заключается в тщательной разработке тонов китайских слов.

Все перечисленные четыре метода не всегда легко классифицировать, потому что часто разные приемы использовались совместно при передаче звучания.

Важно отметить, что эти методы воспринимают иероглиф как нечленимое целое, тогда как следующий этап в развитии методик отражения звучания китайского слова на письме связан с членением иероглифа на части — инициаль и финаль. На этом членении и использовании частей разных иероглифов для фиксации произношения третьего иероглифа был разработан в

V–VI вв. метод фаньце (fǎn qiē 反切 *перевернутое разрезание, обратное сокращение*). Механизм транскрипции выглядит следующим образом: два иероглифа делятся на части — от одного иероглифа берется инициаль (начальный согласный), а от другого рифма, и путем сложения двух этих частей получается звучание третьего иероглифа (Yakhontov 1980: 99). Например, произношение слова 喜 (xǐ) (*радоваться*) может быть представлено путем сложения частей двух иероглифов: 虚 (xū) (*пустой*) и 里 (lǐ) (*внутри*), причем от первого иероглифа 虚 xū берут инициаль **x**, а от второго 里 lǐ — финаль и тон **ǐ**, путем сложения этих частей получается транскрипция иероглифа 喜 (xǐ). Транскрипция записывается так: 虚里切, где 切 — обозначение операции членения иероглифов — *перевернутое разрезание*.

Заслуживает особого интереса мнение некоторых китайских ученых о том, что метод фаньце был разработан благодаря знакомству китайцев с системой письма деванагари, поскольку при обозначении сочетания согласных звуков в деванагари использовались лигатуры, представляющие собой соединение части одной графемы с частью другой графемы, то есть графема членилась на сегменты, из которых составлялись разные комбинации, позволяющие записать сочетания согласных⁷.

Метод фаньце явился качественным скачком в развитии системы транскрипции китайских слов, поскольку разнообразие комбинаций инициалей и финалей позволяло точно транскрибировать звучание всех китайских иероглифов. Не удивительно, что этот метод использовался более 1700 лет. Однако и этот метод не лишен недостатков, в частности, сложно преодолеть различия между звучанием древних и современных слов, поэтому опираясь на древнейшие сокращения, мы можем неправильно интерпретировать чтение древних слов.

Метод *обратного сокращения* — это транскрипция по звуко-рифменному принципу, когда согласный звук представлен верхней частью первого иероглифа, а рифма и тон — ниж-

⁷ Ссылка на работу Л. Ли «Китайский словарь рифм и русский орфоэпический словарь: возможности сопоставления» в данном сборнике.

ней частью второго иероглифа. Следующим шагом стал принятый в 1958 году алфавит пиньин (pīnyīn), представляющий собой фонетическую транскрипцию звучащей китайской речи. В системе пиньин буквы на основе латиницы с особыми диакритическими значками передают звуки кодифицированного литературного языка.

Использование пиньин позволило решить проблему записи звучащей речи на литературном китайском языке. Китайские иероглифы не являются фонетическими знаками, и различия между древними и современными звуками и диалектами не могут быть решены ни одним из вышеперечисленных методов, но фонетический алфавит пиньин позволяет в большой степени преодолеть описанные выше временную и пространственную вариативность прочтения.

Таким образом, две древнейшие восточные цивилизации разработали прямо противоположные графические системы: фонетическая транскрипция записи звучащей речи системой деванагари и иероглифическое (понятийное) китайское письмо, для которого разработка системы записи звучания оказалась особой проблемой. Представляется, что особое внимание индийцев к звучащей речи, тщательное ее исследование и фиксация оттенков звуков на письме явилось результатом сакрализации звучащей речи в рамках традиции функционирования устных текстов в мифо-ритуальном дискурсе. Тогда как в Китае только авторитетный письменный текст издавна считался заслуживающим внимания и изучения. Ориентация китайской филологии на анализ древнейших письменных рукописей привела к тому, что китайское древнейшее иероглифическое письмо опиралось на отражение семантики слова, а не на постоянно меняющуюся и столь разнообразную в диалектах звучащую форму.

Литература

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K., 2011: [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling] *lingua litteraria russica Moderna: Phonetica, orthoepy, graphica et orthographia*. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Academic Project; Gaudeamus.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. *Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Акад. Проект; Гаудеамус, 2011.

- Li L., 2023: [Dictionary of Chinese rhymes and Russian orthoepic dictionary: possibilities of comparison]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 27, 000–000.
- Ли. Л., 2023: Китайский словарь рифм и русский орфоэпический словарь: возможности сопоставления. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 27, 000–000.
- Maruso, W. 1960: [Dictionary of Linguistic Terms] *Termes De Linguistique générale*. Moscow: Publishing House of Foreign literature.
- Марузо Ж., 1960: *Словарь лингвистических терминов* М.: Изд-во Иностранной литературы.
- Sofronov, M. V., 2007: [Chinese language and Chinese writing. Course of lectures] *Seres lingua et seres scripturam. Curriculum vitae*. Moscow: East-West.
- Софронов, М. В., 2007: *Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций*. М.: АСТ: Восток-Запад.
- Solntsev, V. M. 1998: [Chinese Writing] *Linguistica. Dictionarium encyclopedicum*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia.
- Солнцев В. М. 1998: Китайское письмо. В кн.: *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М.: «Большая Российская энциклопедия».
- Tāittirīya-prātiçākhyā, with its commentary, the Tribhāshyaratna: text, translation and notes by W. D. Whitney. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. IX. 1871 (= New York, London. 1993).
- Yakhontov, S. E. 1980: [History of Linguistics in China]. *Historia linguae doctrinam. Antiquis*. Leningrad.
- Яхонтов С. Е., 1980: История языкознания в Китае. В кн.: *История лингвистических учений. Древний мир. Ленинград*: ЛО «Наука», 92–109.
- Yakovlev, N. F. 1970: [Mathematical formula for constructing the alphabet]. In: *Reformatsky A. A. ex historia phonologiae russicae*. Moscow, 123–148.
- Яковлев Н. Ф. 1970: Математическая формула построения алфавита. В кн.: Реформатский А. А. *Из истории отечественной фонологии*. М., 123–148.
- Zaliznyak, A. A., 1979: [About the concept of grapheme] *Balkanica. Linguae investigationis*. Moscow, 134–153.
- Зализняк А. А., 1979: О понятии графемы. *Balkanica. Лингвистические исследования*. М., 134–153.
- Zaliznyak, A. A., 1978: [A grammatical sketch of Sanskrit]. In: Kochergina, V. A. *Sanskrit-Russian Dictionary*. Moscow, 787–895.
- Зализняк, А. А., 1978: Грамматический очерк санскрита. В кн.: Кочергина, В. А. *Санскритско-русский словарь*. М.: Изд-во «Русский язык», 787–895.

А. Н. Гавриченко
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
Калуга, Россия. pr_nz@mail.ru

О СЕМАНТИКЕ РЕФЛЕКСОВ И.-Е. КОРНЯ *LEUDH- В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ И ДРУГИХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Значения производных от и.-е. корня *leudh- (*h₁leud^h-) ‘расти’, ‘вырастать’, ‘возникать’, а именно греческого термина *ἐλεύθερος* и латинского *liber* ‘свободный’, лат. *liberī* ‘дети’, *Liber* ‘бог плодородия’; германских производных *leudan ‘расти’, *leudi ‘люди’, *ludjō ‘лицо’, *laudiō ‘образ’, сравн. также авест. *raodha* ‘рост’, ‘вид’, и др. восходят не к «социализированному понятию роста» как «роста определённой категории людей, совместно родившихся и развившихся» (Э. Бенвенист), т. е. не к началу социального роста или к так называемому «этническому корню», а к понятию естественного роста как достижения состояния взрослой телесности, т. е. к завершению процесса роста. Свободный (*leudheros), значит, обретший своё тело, вид, облик, достигший зрелости, завершённой развитости.

Заметные расхождения в семантике индоевропейских производных от и.-е. корня *leudh- связаны с амбивалентностью данного корня, совмещающего в себе противоположные значения начала (рождения) и завершения процесса роста.

Ключевые слова: индоевропейский корень *leudh, семантика, семантический переход, производные, амбивалентность, энантиосемия.

A. N. Gavrichenkov
Kaluga State Tsiolkovsky University, Kaluga, Russia. pr_nz@mail.ru

On the semantics of reflexes of PIE the root *leudh- in Ancient Germanic and other Indo-European languages

The meanings of derivatives from the Indo-European root *leudh- (*h₁leud^h-) ‘to grow’, ‘to grow up’, namely the Greek and Latin terms *ἐλεύθερος*, lat. *liber* ‘free’, lat. *liberī* ‘children’, *Liber* ‘god of fertility’, Germanic derivatives *leudan ‘to grow’, *leudi ‘people’, *ludjō ‘face’, *laudiō ‘image’, avest. *raodha* ‘growth’, ‘appearance’, etc. do not go back to the “socialized concept of growth” as “the growth of a certain category of people who were born and developed together” (E. Benveniste), i. e. not to the beginning of social growth or to the so-called “ethnic root”, but to the concept of natural growth as the progress of adult physicality, i.e. to the completion of the growth process. The adjective *leudheros ‘free’ means that someone has got their body or appearance, has reached maturity or the

complete form of development. The observed semantic discrepancies in the Indo-European derivatives of the root **leudh-* are associated with the ambivalence of this root, which combines the opposite meanings of the beginning (i. e. birth) and completion of the growth process.

Keywords: Indo-European root **leudh*, semantics, semantic change, derivatives, ambivalence, enantiosemy.

Э. Бенвенист, исследуя в «Словаре индоевропейских социальных терминов» (Benveniste 1995: 212–219) различные способы обозначения понятия «свободный человек» в индоевропейских языках, рассматривает, в частности, историю греческого термина *ἐλεύθερος* ‘свободный’, восходящего к индоевропейскому корню **leudh-* (**h₁leud^h-*). Этот корень, засвидетельствованный многочисленными производными в древних индоевропейских языках Запада и Востока, имеет значение ‘*emporgewachsen*’, ‘*hochkommen*’, т. е. ‘вырастать’, ‘возникать’ (Pokorny 1959: 684–685). Родство греч. *ἐλεύθερος*, лат. *liber* ‘frei’ (‘свободный’) < **leudheros*, с лат. *liberī* ‘Kinder’ (‘дети’), др.-в.-нем. *liut*, др.-англ. *leod* ‘Volk’ (‘народ’), ср.-в.-нем. *liute*, др.-англ. *leode*, нем. ‘*Leute*’ (‘люди’), ср.-в.-нем. *lūt*, *luit* ‘Mensch’ (Schade 1866: 373), нем. диал. *das Leut* ‘Person’ (‘лицо’), нижн. нем. *lud*, *lüt* ‘Weibsperson’ (‘женщина’), ‘Mädchen’ (‘девушка’), бургундск. *leudis* ‘der Gemeinfreie’ (‘свободный общинник’) с и.-е. **leudh-* не подлежит сомнению. Однако заметное расхождение указанных значений, прежде всего, значения **leudheros* ‘свободный’, с исходной семантикой **leodh-* ‘расти’, сравн. также др.-инд. *rōdhati* ‘steigt’ (‘поднимается’), ‘wächst’ (‘растёт’), авест. *raodaiti* ‘wächst’ (‘растёт’), лат. *Liber* ‘Gott des Wachstums, der Zeugung, Anpflanzung’ (‘бог роста, рождения’), гот. *liudan*, др.-в.-нем. *liotan*, др.-сакс. *liodan*, др.-англ. *leodan* ‘расти’ нуждается в объяснении. Э. Бенвенист не только обозначает данную проблему, но и предлагает её решение.

Э. Бенвенист, прежде всего, сопоставляет указанные германские и индоиранские глагольные формы. Он считает, что значение гот. *liudan* и скр. *rudh-* ‘расти’ связано, по его словам, с «образом завершённого процесса роста» (Benveniste 1995: 213), поскольку в готском языке имеется производное от *liudan* имя женского рода *laudi* ‘Gestalt’ (‘облик’), а также сложные имена *jugga-laups* (‘юноша’), т. е. ‘по-молодому статный’, *sama-laups* ‘gleich groß’ (‘того же роста’), *swa-laups* ‘so groß’ (‘той же величины’) (Streitberg 1910: 80). Кроме того, в

авестийском засвидетельствовано *raodah-* ‘рост’, ‘телосложение’, ‘облик’. Э. Бенвенист полагает далее, что завершённый процесс роста, результатом которого являлось телосложение и лицо человека, даёт собирательное понятие ‘родство, корень, происхождение’, которое впоследствии становится обозначением «этнической группы, совокупности людей, совместно родившихся и развившихся» (Benveniste 1995: 213). Именно социальный характер значения основы **leudho-*, по его мнению, облегчает переход к значению герм. **leod* ‘народ’, ст.-слав. *ljudije* ‘люди’. А от существительного **leudho-* или **leudhes* так же легко осуществляется переход к **(e)leudhero-* (греч. *ἐλεύθερος*) — к обозначению принадлежности к «этническому корню» и к обозначению состояния свободного человека. Понятие ‘свобода’ формируется, таким образом, на основе социализированного понятия ‘роста’, а именно, роста определённой социальной категории людей, развития определённого коллектива» (Benveniste 1995: 213).

Надо отметить, что Э. Бенвенист вносит изменение в традиционную концепцию происхождения семантики греч. *ἐλεύθερος* и лат. *liber* ‘свободный’. Согласно точке зрения, высказанной О. Шрадером (Schraeder 1898: 172) и поддержанной другими исследователями (например, Pokorný 1959: 684; Walde 1910: 426), греч. *ἐλεύθερος* и лат. *liber* первоначально означали ‘Volksgenosse’ (‘соотечественник’), затем ‘der freie Mann’ (‘свободный человек’), т. е. ‘свободный’, потому что, условно говоря, ‘народный’ (принадлежащий к социальному коллективу). Этот вывод делается на основании наличия, например, в бургундск. *leudis* ‘der Gemeinfreie’ (‘свободный общинник’, т. е. не раб). Так же и в древнеиндийском: *āryaḥ* первоначально — ‘Arier’ (‘ариец’), а затем — ‘Freier’ (т. е. ‘свободный’) (Walde 1910: 425).

В понимании Э. Бенвениста ‘свободный’ (**e-leudhero-*), как уже отмечено, означает состояние свободного человека в связи с его принадлежностью к *этнической* группе (Benveniste 1995: 213). Э. Бенвенист, таким образом, говорит о ‘свободном’ не только как о принадлежащем к социальному коллективу (народу), а о принадлежащем к общему развитию, росту, корню (Benveniste 1995: 212), т. е. о принадлежности к растущему из одного этнического корня социальному коллективу. «Все люди, происходящие из этого корня, из того, что по-английски называется ‘stock’ (‘ствол’; ‘род’, ‘племя’), наделяются качеством **e-leudheros*» (Benveniste 1995: 213).

Однако, как традиционная точка зрения, так и концепция Э. Бенвениста в целом, представляются малоубедительными. Первая вызывает сомнение в связи с тем, что оставляет в стороне объяснение расхождения в значениях родственных латинских терминов *liber* ‘свободный’, с одной стороны, и *liberi* ‘дети’, *Liber* ‘бог оплодотворения’, с другой стороны. Из концепции Э. Бенвениста неясно, как мог осуществиться семантический *переход* от «образа завершённого процесса роста» (каковым являются ‘телосложение, лицо’) к понятию ‘родство, корень, происхождение’, ведь это понятие (родство и проч.) относится не к завершению, а к началу процесса роста. Данное обстоятельство ставит, в свою очередь, под сомнение возможность другого семантического перехода, то есть перехода от обозначения понятия роста к обозначению понятия этнической группы людей, «совместно родившихся», т. е. к обозначению народа. В связи с этим, сомнение может вызывать и предложенное Э. Бенвенистом объяснение происхождения семантики греческого и латинского прилагательных *ἐλεύθερος*, *liber*.

Эти сомнения побуждают к поиску иных объяснений происхождения семантики рефлексов и.-е. корня **leudh-* в индоевропейских языках вообще и в германских языках в частности.

Так, ничто в семантике указанных германских и славянских форм (Торп 1909: 190) не указывает на то, что основа **leudho-* была обозначением этнической группы людей, объединённых общностью происхождения из одного «корня». Скорее всего, данная основа обозначала людей *взрослых*, так как и.-е. **leudh-* (> **leudho-*) означает ‘steigen’ (Торп 1909: 375), т. е. ‘подниматься’, ‘увеличиваться’, ‘возрастать’. Не столько «телосложение или лицо человека», как полагает Э. Бенвенист, сколько его рост (нем. *Wuchs*) является «образом завершённого процесса роста». Завершением процесса роста становится именно *взрослость*. Поэтому **leudho-* — это изначально ‘Erwachsene (Leute)’, т. е. ‘взрослые (люди)’. С взрослостью (завершением процесса роста) явно связаны понятия ‘телосложение’, ‘облик’. На эту связь указывает также авестийское имя *raodha* ‘Wuchs’, ‘Ansehen’ (Pokorny 1959: 684; Benveniste 1995: 213; Торп 1909: 375), где соответствующая именная основа означает и ‘рост’, и ‘облик’. Значения ‘взрослые’, ‘взрастающие’ (нем. *Erwachsene*) не противоречат значениям других производных от данного корня, включая и понятие ‘рождение, происхождение’, сравн. алб. *lenj* ‘werde geboren, entstehe’ (‘рождаюсь, возникаю’) <

**leudh-n-, lind* ‘gebäre’ (‘рождаю’), *vëla* ‘Bruder’ (‘брат’), сравн. **sue-londhā* ‘Sippengenosse’ (‘родственник’); *kë-lüsh* ‘Geschlecht’ (‘род’) (Pokorny 1959: 685). Значение ‘Erwachsene’ (‘взрослые’) указывает, таким образом, одновременно и на результат (завершение), и на источник, начало роста (рождение). Значение лат. *liberī* ‘Kinder’ (‘дети’), казалось бы, должно противоречить понятию взрослости, но это не так. В древности возрастные границы между взрослыми и детьми не были столь чёткими, как в настоящее время. *Liberi* ‘Kinder’ (‘дети’), скорее всего, следует интерпретировать как ‘взрослеющие’ или ‘подрастающие’ (подростки). Именно так трактует этот термин А. Вальде, т. е. как ‘Heranwachsende’ (‘подрастающие’) (Walde 1910: 426). Семантика греч. *ἐλεύθερος* ‘свободный’ также согласуется с семантикой взрослости. Переход от значения ‘взрослые (люди)’ к значению ‘свободные’ вполне возможен, поскольку состояние роста, взросления в известном смысле предполагает освобождение. Впоследствии понятие ‘свободный’ социализируется, поскольку служит уже для обозначения свободных людей в отличие от рабов. Греческое имя *ἐλεύθερος* значит ‘свободный’ уже в широком смысле слова, в том числе, ‘свободный от’ (Weissmann 1899: 413). И.-е. **leudhero-* означает ‘свободный’ не потому, что ‘zum Volk gehörig’, т. е. принадлежащий к народу (Pokorny 1959: 684) или к этнической группе и «этническому корню» (Benveniste 1995: 214), а потому что ‘взрастающий’, ‘взрослый’, возможно, ‘растущий’, ‘(свободно) развивающийся’. Вряд ли засвидетельствованные обозначения древнегреческих богов *Ζεὺς Ἐλευθέριος*, *Διόνυσος Ἐλευθερέυς* и древнеримского бога *Liber* (Вакха) можно связать с исходным значением **(e)leudheros* ‘принадлежащий этническому корню’ или ‘законнорожденный’ (Benveniste 1995: 212). Дионис, он же Вакх — бог плодородия и растительности. Поэтому эпитеты богов указывают скорее на понятия рождения и роста.

Наличие в индоевропейских языках, с одной стороны, производных со значением рождения, происхождения, а, с другой стороны, со значением ‘рост, телосложение облик’ связано с особенностями семантики и.-е. корня **leudh-*. Надо полагать, что семантика этого корня объединяла в себе противоположные значения завершения и начала роста, то есть корень **leudh-* был, по всей видимости, амбивалентным. Налицо, таким образом, энантиосемия и.-е. **leudh-*, свойственная, между прочим, многим индоевропейским корням. Это объясняет кажущиеся столь необычными семантические различия рефлексов данного

корня в древних индоевропейских языках, в частности, значения родственных греческих и латинских терминов: *ἐλεύθερος* ‘свободный’, *liberi* ‘дети’, *Liber* (имя бога плодородия), а также значения германских производных: существительного герм. **leudi* ‘люди’ и гот. прилагательного *-laups* ‘большой’.

Литература

- Benveniste, É. 1995: *Slovar' indoevropskikh sotsialnyh terminov* [*Dictionary of the Indo-European social terms*]. Moscow.
Бенвенист, Э. 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс.
- Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern und München: Francke Verlag.
- Schade, O. 1866: *Altdeutsches Wörterbuch*. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- Schrader, O. 1898: *Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*, Bd. IX.
- Streitberg, W. 1910: *Die gotische Bibel. Zweiter Teil. Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Torp, A. 1909: *Wortschatz der Germanischen Spracheinheit*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Walde, A. 1910: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Weissmann, A. D. 1899: [*Greek-Russian Dictionary*]. St.-Petersburg.
Вейсман, А. Д. 1899: *Греческо-русский словарь*. С.-Петербург.

**KONSONANTENGRAPHEMSYSTEME
IN DEUTSCHSPRACHIGEN HANDSCHRIFTEN
DES 15. JAHRHUNDERTS AUS DEM NÜRNBERGER
KATHARINENKLOSTER¹**

Статья посвящена исследованию систем согласных в немецких рукописях 15 века. На материале переводов трактата Давида Аугсбургского (†1272) «О формировании внешнего и внутреннего человека» осуществляется описание системы согласных каждого писца, участвовавшего в составлении исследуемых рукописей, выявление особенностей, свидетельствующих о влиянии монастырского узуса, городского письменного языка или местного диалекта на формирования графика-орфографического портрета писца. Полученные результаты сопоставляются с данными о тенденциях в письменном узусе верхненемецкого ареала, а именно в восточно-франкском, северно-баварском языковых ландшафтах и письменном языке Нюрнберга.

Ключевые слова: графика-орфографические системы, узус, система согласных, аллографы, графемы.

А. Е. Gavriusheva
Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia. alexandra-gavr@mail.ru

**Consonant grapheme systems in German-language manuscripts of the
15th century from the St. Catherine's Monastery in Nuremberg**

The article is dedicated to the study of graphic and phonetic aspects of the written language usage of Nuremberg in the 15th century and of the consonant systems in German manuscripts of the 15th century. The description of the system of consonants of each scribe who participated in the compilation of the manuscripts under study is performed on the basis of

¹ Dieser Beitrag wurde mit Unterstützung des Deutschen Akademischen Austauschdienstes und der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg im Rahmen des Forschungsstipendiums vorbereitet. Ich danke Frau Prof. Dr. Habermann (Friedrich-Alexander-Universität Erlangen), Herrn Prof. Dr. Müller (Friedrich-Alexander-Universität Erlangen), Frau Prof. Ganslmayer (Friedrich-Alexander-Universität Erlangen) und Herrn PD Dr. Bondarko (Institut für linguistische Forschungen der Russischen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg) für die Beratung und wertvolle Hinweise zu meiner Arbeit.

the translations of the treatise of David of Augsburg (†1272) *De exterioris et interioris hominis compositione*. The features of the system are identified, indicating the influence of the monastic usage, urban written language or local dialect on the formation of graphic and phonetic system of the scribe. The results obtained are collated with data on the tendencies in the written language usage of the High German area, especially in the East Franconian and Northern Bavarian linguistic landscapes and in the written language of Nuremberg.

Keywords: graphic and orthographic systems, usage, consonant system, allographs, graphemes

Einleitung und Problemstellung

Der Versuch, den Anteil Nürnbergs an der entstehenden neuhochdeutschen Schriftsprache genau zu bestimmen, reicht bis in die Zeit des Humanismus zurück. Rudolf von Raumer (1863: 200) bezeichnete die Stadt als ein mögliches Zentrum von Ausgleichsvorgängen. Er ging davon aus, dass die Zusammensetzungen und Geschäftsbehandlungen der Reichstage und die Stätten ihrer Zusammenkunft von großem Einfluss auf die werdende Reichsprache gewesen wären (Strassner 1977: 57).

Die Position als Wirtschaftsmetropole und Nachrichtenzentrum, die Nürnberg seit dem 14. Jahrhundert einnahm, gehört zu den Ursachen des Mischcharakters der Nürnberger Mundart und der Stadtschriftsprache neben der stetig wachsenden Zahl deutschsprachig erscheinender Schriften, die auf eine überregionale Leserschaft gerichtet waren, und der geographischen Grenzlage zwischen bairischem und ostfränkischem Sprachraum. A. Gebhardt (1907: 6) weist die Nürnberger Mundart nach ihren Hauptmerkmalen dem Oberpfälzischen und somit dem Nordbairischen zu. Zu solchen Merkmalen zählt er unter anderem die Bewahrung des Unterschiedes zwischen mhd. *a* und *ā* und die Umstürzung der alten steigenden Diphthonge. Andererseits weist er auf die Annäherung der Mundart dem Fränkischen hin, was sich durch Fallenlassen des Stoßtons und durch Annahme der Aussprache des *g* als *x* im Auslaut und in vielen Fällen des Inlauts bestimmen lässt. C. Tullos (1983: 94) kommt ebenfalls zu dem Ergebnis, dass die Nürnberger Geschäftssprache eine Mittelposition zwischen dem Mitteldeutschen und dem Oberdeutschen einnimmt. Es handelt sich auf der phonologisch-graphematischen Ebene um folgende Merkmale: die neuhochdeutsche Diphthongierung, die neuhochdeutsche Mono-

phthongierung, die gelegentliche Kennzeichnung der Länge in offener Silbe bzw. der Kürze in geschlossener Silbe, die graphematische Neutralisierung der Auslautverhärtung, die graphische Kennzeichnung des Wandels von [s] zu [ʃ] vor bestimmten Konsonanten, der Verlust des Reibelautcharakters bei <h> im Inlaut².

Die überregionale Ausrichtung vieler Texte des 14. und 15. Jahrhunderts könnte eine allmähliche Auflösung der engräumigen Besonderheiten und das seltenere Vorkommen der markanten Nürnberger Dialektmerkmale verursachen (Müller 2002: 65, 69; Tullos 1983: 271). Desweiteren folgt die Schriftsprache Nürnbergs des 15. Jahrhunderts nicht immer dem Entwicklungsweg der Stadtmundart nach, und dialektnahe Schreibungen werden in mehreren Texten dieser Periode gemieden (van der Elst 1986: 210).

Vor dem Hintergrund der Schriftsprache, die ein insoweit heterogenes Gefüge darstellt, scheint es komplizierter, Eigenschaften eines bestimmten Usus oder individualsprachliche Eigenheiten eines Schreibers abzusondern. Trotz dem Mischcharakter der Mundart und der graphisch-phonetischen Variabilität der Sprache dieser Periode kann eine Untersuchung von Texten, die gleichzeitig und am gleichen Ort verfasst wurden, einige Besonderheiten des Sprachgebrauchs oder des graphischen Systems eines Schreibers oder eines Klosterusus bestimmen helfen.

Untersuchungsmaterial

Der Einfluss anderer Mundarten auf die Entwicklung der Nürnberger Schriftsprache lässt sich in den geistlichen Texten der Handschriften klösterlicher Provenienz dank der Zunahme der Schriftproduktion, der Vergrößerung der Klosterbibliotheken, dem relativ hohen Ausbildungsniveau der Schreiber und dem großen Umfang von Textkorpora besonders deutlich aufzeigen. Sie sind jedoch in den Forschungen über die Geschichte der Schreibsprache Nürnbergs im Spätmittelalter und der Frühen Neuzeit im Vergleich zu Privatkorrespondenz, Kanzleitexten, Chroniken und Druckschriften unterrepräsentiert.

In der frühen Neuzeit nimmt der Orden der Dominikaner, besonders dessen Frauenklöster für den Gebrauch der deutschen

² Zu den phonologisch-graphematischen Besonderheiten der Nürnberger Mundart siehe: van der Elst 1987: 104.

Sprache immer mehr an Bedeutung zu (Pfanner 1954). Zu den größten Bibliotheken des 15. Jahrhunderts gehörte die Bibliothek des Katharinenklosters. Durch Abschriften im Skriptorium, durch Mitgiften der Schwestern und durch Schenkungen wurde der deutschsprachige Buchbestand des Klosters systematisch ausgebaut (Willing 2012: XI), was die Klosterbibliothek mit ihren ca. 500-600 nachweisbaren Bänden zu der größten dokumentierten deutschsprachigen Klosterbibliothek des 15. Jahrhunderts gemacht hat. Die Schreibsprache der im Klosterskriptorium entstandenen Handschriften bzw. der von bestimmten Schreiberhänden stammenden Texte wurde aber bisher noch kaum systematisch untersucht³.

Die Notwendigkeit einer schreiberbezogenen Graphemanalyse ergibt sich daraus, dass Texte der frühen Neuzeit nicht nur Schreibgewohnheiten einer ganzen Sprachepoche sowie einer Region oder Institution, sondern auch die Tätigkeit schreibender Individuen widerspiegeln (Mihm. 2001 a: 569). W. Fleischer (1966/67: 113) sieht den Vorteil der Schreiberdifferenzierung vor allem in der Möglichkeit, die Grenzen der individuellen Variation bestimmen zu können und damit Einblicke in die kommunikative Funktion historischer Schreibsprachen zu erhalten (Elementaler 2003: 32).

Im vorliegenden Beitrag wird eine Beschreibung der Konsonantengraphemsysteme einzelner Schreiber des Katharinenklosters anhand der Handschrift *Nu* (Cod. Cent.VI.43h, Stadtbibliothek Nürnberg⁴) geliefert.

Das zu untersuchende Manuskript entstand im Skriptorium des Katharinenklosters und stellt eine Abschrift zweier verschiedener Übersetzungen des Traktats „De exterioris et interioris hominis compositione“⁵ von David von Augsburg dar. Es geht dabei um die vollständigste hochdeutsche Übersetzung dieses Werkes. Früher wurden nur die Einzelteile des Traktats in unterschiedliche Dialekte des Hoch- und Niederdeutschen übertragen (Ruh 1955: 80–81;

³ Vgl. die bibliographische Liste zur Geschichte der Nürnberger Stadtsprache bei Müller 2002: 70–72; Van der Elst 2003: 2352–2354.

⁴ Die aus drei selbständigen Bestandteilen in der Mitte des 15. Jh. zusammengebundene Hs. ist von K. Ruh (Ruh 1980: 49) erwähnt, ausführlich beschrieben bei Schneider 1965: 102–105

⁵ Die letzte lateinische Ausgabe: Frater David ab Augusta, De exterioris et interioris compositione hominis libri tres. Quaracchi 1899 (ferner wird als Comp. zitiert).

1980: 49), die beiden ersten vollständigen hochdeutschen Übersetzungen wurden im Skriptorium des Katharinenklosters erstellt.

Die nur teilweise erhaltene Übersetzung I ist in der Handschrift auf Bl. 186v-211v (laut K. Schneider von Hand 1 geschrieben⁶) erhalten. Die zweite Hälfte der Übersetzung II wird auf Bl. 212r-262v (von Dorothea Schurstabin, † 1476, geschrieben⁷) überliefert. Die Handschrift wurde insgesamt von drei Händen geschrieben (Hand 1 Bl. 87v-146r, 158v-212v; Hand 2 Bl. 146r-158v; Hand 3, Dorothea Schurstabin Bl. 212r-262v). Die gewählte Handschrift stellt ein besonders wertvolles Untersuchungsmaterial dar, weil sie aufgrund desselben Textes die Besonderheiten des Graphemsystems jeder Schreiberin klar feststellen lässt und die gemeinsamen für den Klosterusus charakteristischen Züge sichtbar macht.

Es ist hinlänglich bekannt, dass deutschsprachige Texte zumindest bis in die frühe Neuzeit beim Abschreiben wie beim Abdrucken dem Schreib- und Sprachsystem der Zeit und des Ortes angepasst wurden⁸. Bei der Textproduktion konnten einige Schreiber auch die für ihre eigenen Mundarten charakteristischen Besonderheiten entlehnen und sie mit den Zügen des Nürnberger Dialekts kombinieren. Zu den **Aufgaben des Beitrags** gehört demgemäß der Versuch, Schreibsysteme der Konsonanten einzelner Schreiber systematisch zu beschreiben; Züge abzusondern, die den Klosterusus charakterisieren können, und zu bestimmen, welche Besonderheiten der Nürnberger Mundart und anderer Dialekte in den behandelten Texten vorkommen.

Um die Züge zu bestimmen, die nicht für den Klosterusus, sondern für die Schreiberin oder die Handschrift charakteristisch sind, seien auch einige Besonderheiten der Konsonantensysteme anderer Abschriften der Übersetzungen des Traktats von David von Augsburg (*Ba* — Staatsbibliothek Bamberg, Msc. Patr. 65, früher Q.V.6⁹, die wohl aus dem Klaraklosterskriptorium stammt und *Be*

⁶ Siehe Schneider 1965: 103. Im vorliegenden Beitrag beziehen sich die Ergebnisse der graphematischen Analyse nur auf die Hand 1.

⁷ Siehe Schneider 1965: 105; zu Dorothea Schurstabin siehe auch Ibid.: XXI–XXII

⁸ Vgl. z.B. die Bemerkungen in Grosse 1964, S. 59 über die Abschriften von Rechtsbüchern, außerdem Besch 1967, S. 71 über das Verhältnis mittelalterlicher Kopisten zum Original. Siehe dazu auch Glaser 1985: 15.

⁹ Siehe eine Katalogbeschreibung in: Leitschuh, Fischer 1903: 437. Die Hs. ist erwähnt in: Ruh 1980: 49, nachträglich auch in: Die deutsche Literatur

— Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, mgq 1421¹⁰, die im Katharinenkloster geschaffen wurde) zum Vergleich herangezogen. In *Be* ist nach dem Befund von N. Bondarko dieselbe Version enthalten (der ganze Text von *Be* entspricht *Nu*, Bl. 186v-197v)¹¹. Die Übersetzung II ist vollständig in *Ba*, seine zweite Hälfte ist in *Nu* auf Bl. 212r-262v (von Dorothea Schurstabin, † 1476, erhalten¹² und entspricht *Ba*, Bl. 162r-259v). Laut Bondarko sollte die Schreiberin von *Be* eine vollständige Vorlage *x* vor sich gehabt haben.

Von den sonstigen Handschriften aus dem Klosterskriptorium, mithilfe deren sein Usus erforscht sein könnte, wurden folgende zur Untersuchung herangezogen:

A — Nürnberg, Stadtbibliothek, Amb. 67 quart.¹³;

Ce — Nürnberg, Stadtbibliothek Cent. IV, 14¹⁴.

des Mittelalters. Verfasserlexikon. 2., völlig neu bearb. Aufl. Hrsg. v. K. Ruh, B. Wachinger u. a. Bd. 11. Nachträge und Korrekturen. Berlin; New York, 2004. Sp. 343.

¹⁰ Die Hs. ist im Degerings Katalog verzeichnet: Degering 1926: 239. Es liegen zwei unveröffentlichte handschriftliche Beschreibungen der Hs. vor: eine bibliotheksinterne (unterzeichnet: Harterich, 2.X.1913) und eine von Kurt Vogtherr (1936) (siehe: <http://dtm.bbaw.de/HSA/berlini.html>), aufbewahrt im Archiv der Arbeitsstelle Deutsche Texte des Mittelalters der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (freundlicher Hinweis von N. Bondarko).

¹¹ Mündliche Mitteilung von Dr. N. Bondarko (St. Petersburg). Die Erwähnung von *Be* unter Überlieferungszeugen mit vollständiger Übersetzung bei K. Ruh (Ruh 1955: 80) bedarf somit eines korrigierenden Hinweises auf den fragmentarischen Charakter der Überlieferung.

¹² Siehe Schneider 1965: 105; zu Dorothea Schurstabin siehe auch *Ibid.*: XXI–XXII

¹³ Siehe Schneider 1965: 428; Amb. 67 quart. stellt eine Sammelhandschrift dar, die folgende Texte enthält: Regel St. Augustins; Konstitution für Schwestern des Predigerordens; Ordination des Bartholomäus Texery für das Katharinenkloster.

¹⁴ Siehe eine Katalogbeschreibung in: Schneider 1965: 11; Cent. IV, 14 stellt eine Sammelhandschrift dar, die folgende Texte enthält: Johannes Nider: Die 24 goldenen Harfen; Vom Abschreiben deutscher Bücher; Humbertus de Romanis: Von den drei wesentlichen Räten; Matthäus von Krakau: Zwiegespräch von Vernunft und Gewissen über das Abendmahl; Meinungen verschiedener Lehrer über die Häufigkeit der Kommunion; Raymund von Capua: Leben der hl. Katharina von Siena.

Alle Handschriften wurden wie *Nu* im Katharinenkloster im 15. Jahrhundert geschaffen, sie enthalten geistliche Texte und ihre Übersetzungen, von denen einige wohl im Klosterskriptorium erstellt wurden. Viele graphematische Besonderheiten des Klosterusus und der Nürnberger Mundart lassen sich in den Texten dank der Korporagröße obengenannter Handschriften und der Tatsache, dass sie Sammeltexte darstellen und von verschiedenen Schreiberhänden geschrieben wurden, repräsentiert werden, was sie zum wertvollen Komparationsmaterial für die Untersuchung macht.

Untersuchungsverfahren

Die graphematische Analyse soll dabei auf drei Ebenen erfolgen, die von M. Elmentaler (2003: 104) für Systemuntersuchungen vorgeschlagen wurden:

1. Die Ebene der Graphien. Hier wird danach gefragt, welche Graphien ein Schreiber verwendet und ob er bestimmte Graphentypen favorisiert. Mithilfe der Distributionsanalyse kann es ermittelt werden, in welchen Morphemen und Umgebungen eine Graphie innerhalb eines Schreibsystems verwendet werden kann und wie häufig sie dort auftritt.

2. Die Ebene der Graphemvarianten. Durch quantitative Analyse wird ermittelt, in welchen Graphemklassen sich eine systematische Verteilung von graphematischen Varianten auf bestimmte Wortpositionen feststellen lässt.

Für die vergleichende Analyse graphematischer Varianten, die von den Schreibern benutzt wurden, wird in Entsprechung mit der üblichen Praxis (vgl. z.B. Koller 1989; Glaser 1985) ein rekonstruiertes Phonemsystem herangezogen, das für das Frühneuhochdeutsche im südöstlichen Oberdeutschland gilt. Als Referenzsystem wird nicht ein abstraktes, lautetymologisch definiertes System angesetzt (wie bei Elmentaler 2003), sondern das Lautsystem eines historischen Basisdialekts. Eine solche Vorgehensweise hat den Vorteil, dass es die graphematische Analyse sichtbar machen kann, in welchen Fällen es um eine anzunehmende gesprochene Bezugsvarietät eines Textes, um den Basisdialekt oder um eine supradialektale Sprechsprache gehandelt hat.

Das Konsonantengraphieninventar besteht hauptsächlich aus den folgenden monographischen Basisgraphien: <*b*>, <*p*>, <*d*>, <*f*>, <*g*>, <*h*>, <*j*>, <*k*>, <*l*>, <*m*>, <*n*>, <*r*>, <*s*>, <*t*>, <*w*>, <*z*> und

die Graphien <ch> und <pf>, die zusammen 89% der Konsonantenbelege ausmachen, doch decken die restlichen 11 % ein so breites Spektrum an Graphien ab, dass insgesamt der Eindruck eines weit aus komplexeren und variantenreicheren Schreibsystems entsteht. Prinzipiell bietet ein Konsonantengraphieninventar mit 47 Einheiten günstige Möglichkeiten zur Kennzeichnung lautlicher Differenzierungen.

Ins Methodenprofil lassen sich demgemäß in Entsprechung mit der Forschung der graphischen Systeme (vgl. Glaser 1985; van der Elst 1989; Elmentaler 2003) solche Verfahren wie Systembezug; Schreiberseparierung; eine präzise Quantifizierung der Graphiendistribution und die Verwendung eines lauthistorischen Referenzsystems einsetzen.

Distributionsanalyse der Konsonantengraphemsysteme

b/p

Auf Bl. 87v-146r kommen *b* und *p* in medialer und finaler Position in freier Variation nebeneinander vor, wobei *p* im Teil, der von Hand 2 geschrieben ist, nur wortgebunden belegt ist.

Dorothea Schurstabin gebraucht *p* und *b* in Variation auch in initialer Position (z.B. *brot/prot*), wobei sie in den meisten Fällen die Form mit *p* bevorzugt (*puch* und *pawm* und ihre Varianten kommen nur mit *p* vor), was auf bair. Einfluß hinweisen kann (Moser 1951: 103). Nur *p* erscheint auch in vielen Namen sowie in den Fremd- und Lehnwörtern: *apotheken*, *apokalipsz*, *person*, *peter*, *paulus*. In einigen Fällen kommen jedoch beide Graphien fakultativ nebeneinander vor. *b* kommt bei Dorothea Schurstabin öfter vor, nur weil es in Präfixen wie *be-* belegt ist.

Bei Schreiberin 1 dominiert in Initialstellung *b*. Zwei gegenläufige Strömungen treffen hierbei aufeinander: die eine kommt vom Bair., das "eine gewisse Vorliebe für den Anlaut *p* (hat)" (Michels 1979: 193; Koller 1989: 108, vgl. auch von Bahder 1890: 32, 224, 228), während im Ostfränkischen grundsätzlich *b* benutzt wird. Dagegen kommt das Präfix *be-* nie mit *p* vor.

Die nachfolgenden Beispiele stehen repräsentativ für die Verteilung von *b* am Wortanfang:

In *Be* und *Ba*, wie auch bei Hand 1 in *Nu*, dominiert *b* in den meisten Initialstellungen (mit wenigen Ausnahmen von *pawm/bawm* in beiden Handschriften und *puch/buch* in *Ba*), wobei die *p*-Variante

in einigen Fällen überhaupt nicht erscheint, was auf den Vorzug der Ostfränkischen Variante hinweist.

In *A* und *Ce* kann man das gleiche Verteilungsbild beobachten: *b* dominiert in Initialstellungen (65% gegen 35% der *p*-Schreibungen).

In *Nu* dominiert *p* bei Dorothea Schurstabin medial erwartungsgemäß nicht nur bei Namen und in Fremdwörtern. In einigen Fällen wie in *gebot/gepot* kommt die *b*-Variante nicht vor.

In vorkonsonantischer Inlautstellung ging meistens *b* bei nachfolgenden *t*, *s* zu *p* über (Moser 1951: 120). In *Nu* ist das nicht der Fall, *p*-Varianten erscheinen bei keiner Schreiberin, wie auch in *Ba*, wo in allen Fällen nur *b* vorkommt. Nur in *Be* ist *p* neben *b* mit gleicher Häufigkeit verwendet (wie in *heupt/heubt*), was auf den bair. Einfluss hinweist, wo *p*- und *b*-Formen nebeneinander stehen (siehe dazu: Moser 1951: 121).

p kommt bei allen Schreiberinnen meistens nach *m* vor (*geformpt*, *nympt*, *ampt*). Medial steht es überwiegend vor Dental: *ampt*, *kumpt*. Vor anderen Konsonanten markiert es die Morphemgrenze. Nach V. Moser erfolgte der Einschub von *b p* zwischen dem Labialnasal *m* und allen Dentalkonsonanten (*n*, *l*; *d*, *t*, *s*) „zur Bezeichnung des phonetischen Übergangslautes, der sich schon zuweilen Ahd. und dann häufiger im Mhd. findet, seit dem 14. Jh. schriftsprachlich in ausgedehntem Masse“ (1951: 22). Prävokalisch taucht *p* in *nympt* und in entlehnten Wörtern, wie *tempel* auf. Auch in *Ba* und besonders in *Be* erscheint *p* als Übergangslaut zwischen *m* und Dentalkonsonanten. *b* kommt in der gleichen Position in *A* vor.

In *Nu* verwendet Dorothea Schurstabin *b* medial nach *m* und vor Vokal, wie in *dorumbe*. Final wird meistens *b* verwendet: *ymb*, *hirymb*, *dorymb*. Im Textteil, der von Hand 2 geschrieben ist, kommt *mb* aber nie vor. Die Anfügung eines *b* an ein in- und besonders auslautendes *m* entstand durch Analogie nach der orthographisch fortbestehenden historischen Verbindung *mb* (siehe dazu: Moser 1929: 43).

Im Gegensatz zu früheren Nürnberger Schriften, wo auch final „wohl meist noch als Auslautverhärtung“ (Pfanner 1954: 68) überwiegend *p* steht, kommt bei den Schreiberinnen meist *b* am Wortende vor, obwohl *p* bei Hand 1 und Hand 3 eine häufige Variante ist. In einigen Wörtern kommen *p*, *b* und *pp* am Wortende in freier Variation vor: *lip*, *lipp*, *lib*; *lop*, *lopp*, *lob*.

Bei E. Straßner (1977: M101) werden und <p> zwar als eigenständige Grapheme geführt, doch unterliegt ihr Gebrauch noch großen Schwankungen.

pp

Der Digraph findet sich bei allen Schreiberinnen durchweg in medialen und finalen Positionen mit Ausnahme von *ppussen* bei Dorothea Schurstabin, die *pp* in Medial- und Finalpositionen der *p*- oder *bb*-Variante bevorzugt, was dem obd. Vorzug von *pp* entspricht (siehe dazu Moser 1951: 119). In medialer Stellung steht *pp* intervokalisch: *vppige* und nach *l*: *czwelppoten*. Final kommt *pp* in freier Variation mit *b* und *p* vor: *lipp*, *lopp*, *gropp*, *staupp*.

In *Ba* und *Be* erscheint *pp* eher selten, wortgebunden und meistens in intervokalischen Positionen, dabei fast nie die intervokalische Geminata *bb* bezeichnend.

bb ist nur bei Dorothea Schurstabin in wenigen entlehnten Wörtern belegt: *Sabbatū*. In anderen Fällen markiert es die Morphemgrenze.

w ~ b

Der im Bair. wie im Ostfr. häufig vorkommende Wechsel zwischen *b* und *w* (Moser 1951: 115-116) lässt sich in dieser Handschrift nur bei Hand 1 in einer Reihe von Schreibungen belegen: *offenbar*, *offenwar*, *albeg*, *alweg*, *geben*, *gewen*.

In anderen Handschriften aus dem Katharinenkloster erscheint die Neutralisation¹⁵ fast durchaus mit Ausnahme von A.

ch

Alle Schreiberinnen benutzen *ch* nur medial und final ohne Varianten. Die einzige Neutralisation kommt im Textteil vor, der von Hand 3 geschrieben ist, und stellt <g> ~ <ch> dar. In der Handschrift finden sich mit der Aufhebung der Opposition <g> ~ <ch> eine Reihe von Belegen, am häufigsten im Suffix *-lich* vor *-keit*, was auch für einige andere Handschriften des Skriptoriums charakteristisch ist (A, Ce).

d

Für den dentalen Bereich lassen sich zwei Grapheme unterscheiden. In Initialstellung ist <d> bei allen Schreiberinnen häufiger belegt als <t>. Das beruht auf den hochfrequenten Strukturwörtern, z.B.: *der*, *die*, *das* sowie dem Präfix *do-*. Darüber

¹⁵ Unter Neutralisation versteht man die Aufhebung eines kontrastiven Merkmals durch einen phonologischen Prozess (Fleischer 1966: 16)

hinaus sind häufiger *ding*, *dick* belegt, vor Konsonant kommt *d* in *drey* und in der zugehörigen Ordinalform *drit-* vor.

dt

Medial kommt *dt* meistens nach Nasalen oder in intervokalischen Positionen vor. Final kommt *dt* nur einmal bei Dorothea Schurstabin vor: *cleidt*. In allen anderen Fällen markieren *dt* und *td* Morphemgrenzen.

<*t*> ~ <*d*>

Die Wechselschreibung wird initial in *drucken* ~ *trucken* und Varianten belegt. Entgegen der ostfr. Gepflogenheit, finden sich einige Beispiele, in denen die Schreiberinnen *tr* für *dr* schreiben, was für die obd Hss. charakteristisch ist (E. Hartmann 1922: § 57). Es handelt sich hier nur um den Anlaut: *trucken*, *drucken*. Besonders oft kommen *t*-Varianten bei Dorothea Schurstabin initial und gedeckt initial vor (62% gegen 38% von *d*-Schreibungen), wobei *t*-Schreibung nur einmal initial bei Hand 1 erscheint. *Ba* demonstriert auch Dominanz von initialer *d*-Schreibung, wobei in *Be* beide Schreibungen in freier Varianz vorkommen. Für die Nürnbr. Schriften ist diese Besonderheit eher an der Wende zum 16. Jh. charakteristisch (Moser 1951: 145), und die *t*-Schreibungen erscheinen auch im Ofr. nur vereinzelt, so kann man vermuten, dass es sich eher um bair. Einfluss handelt.

Prä vokalisches tauchen aber *t*-Schreibungen in *Nu* nicht auf, *t* erscheint in der Nürnberger Schriftsprache des 14. und 15. Jh.s in dieser Position offenbar wesentlich seltener, als vor Liquida.

In Finalstellungen kommt *d* bei Hand 1 und Hand 2 nach Nasalen und Liquiden wesentlich öfter als *t* vor: *bild 54*, *bilt 1*. Bei Dorothea Schurstabin ist *t* öfter belegt, was dem bair. Übergang *d* > *t* entspricht (Moser 1951: 156).

f ist bei allen Schreiberinnen die häufigste Variante in Medial- und die zweithäufigste Variante in Initialstellungen. In medialer Stellung variieren Einfach- und Doppelschreibung.

Am Wortende überwiegt *ff* bei Hand 1 und Hand 3 mit deutlichem Abstand vor *f*. Im Textteil, der von Hand 2 geschrieben ist, kommt *ff* nur in Medialstellung in freier Variation mit *f* vor.

f und *v* sind im Anlaut zwei völlig gleichwertige Zeichen für ein und denselben Labialspiranten. Für den graphischen Gebrauch der beiden Zeichen gilt in den Hss. und Drucken des 14. und 15. Jh.s noch vielfach die mhd. Schreibregel, dass gewöhnlich *f* vor Konsonanten (*l*, *r*) und *u*, dagegen *v* vor allen übrigen Vokalen

gebraucht wird. *f* steht auch in *forcht*, *fauler*: also auch vor übrigen Vokalen, neben *v*.

Demgegenüber stellen *f* und *v* im Inlaut zwischen Vokalen (in Fremdwörtern auch nach Konsonanten) zwei lautlich verschiedene Zeichen dar, indem ersteres einen stärkeren, letzteres einen schwächeren Laut repräsentiert (Koller 1989: 118). Die obd. Scheidung von intervokalisches *v* : *f* als Lenis : Fortis, die in Übereinstimmung mit dem Bair. auch für Nürnb. charakteristisch ist, erscheint in allen Handschriften des Skriptoriums.

v ist insgesamt am häufigsten belegt. Sehr zahlreich sind die Präfigierungen mit *ver-* und *vor-*. *v* findet sich sehr häufig in initialer Position, teils fakultativ mit dem Allograph *f* variierend, teils wortgebunden. Nur bei Hand 2 ist *v* die zweithäufigste Variante in Initialstellungen nach *f*. Präkonsonantisch erscheint *v* nur bei Hand 1 vor *r*. In allen anderen Verbindungen entspricht *v* immer dem Lautwert /u/. Prävokalisch tritt es vor <ö>, <ü>, <aw>, <ei>, <ew> nicht auf.

ff erscheint in allen Positionen, überwiegend medial (bei allen Schreiberinnen) und final (bei Hand 1 und Hand 3), bei Hand 2 dominiert *ff* medial mit großem Abstand als Variante von *f*. *ff* nimmt eine Sonderstellung ein, weil es nicht nur als rein graphische Häufung oder zur Bezeichnung der vorausgehenden Vokalkürze, sondern z.T. auch daneben zur Bezeichnung eines besonderen Lautwerts der beiden Spiranten selbst gebraucht wird (Moser 1929: 53–54). In *Ba* dominiert *ff* medial und final und ist die zweithäufigste Variante nach *f*. In *Be* erscheint *ff* nur selten, wortgebunden und meist in Finalstellungen.

u kommt in *Nu* nur bei Hand 1 und Hand 3 als allographische Variante des Graphems <*f*> vor. *u* findet sich initial und gedeckt initial vor <a>, <e>, <o>. Anlautend steht es nur großgeschrieben am Satzanfang, häufiger kommt es gedeckt initial vor. Neben den meist in Einzelbelegen erscheinenden Formen sind die Varianten von *douon* bei Hand 1 häufiger belegt. Final kommt es nicht vor.

ph tritt in allen drei Positionen auf und beschränkt sich im Wesentlichen auf Fremdwörter und -namen.

ǣ kommt nur bei Hand 1 initial und nur wortgebunden vor.

Die Alternation <*pf*> ~ <*f*> findet sich in *scharpff* — *scharpf*.

g erscheint als Leitvariante bei allen Schreiberinnen. Die für Nürnb. charakteristische *j*-Schreibung kommt bei keiner Schreiberin

vor, erscheint auch in *Ba* und *Be* nicht, taucht aber in anderen Handschriften aus dem Klosterskriptorium (*A* und *Ce*) öfters auf. Die Bezeichnung des stimmlosen Spiranten mit *ch* nach Tonsilbe, die im 15. Jh. selten sein soll (Koller 1989: 144), erscheint in Einzelfällen in *Ce*.

gk erscheint in *Nu* bei Hand 1 medial vor den Suffixen *-heit* und *-lich* und im Wort *argkwanig* immer als Variante von $\langle g \rangle$, oft kommt es in Finalstellungen vor. Bei Dorothea Schurstabin erscheint *gk* nur in wenigen Belegen in Finalstellung. *gk* dominiert in *A* und *Ce* in Medialstellungen und kommt auch in wenigen Belegen final vor.

gh findet sich nur bei Hand 1 im einzigen Beleg *saghñ*. *gh* ist ein md. Zeichen zur genaueren Kenntlichmachung des spirantischen Charakters von *g*, das für die mfr. Hss. charakteristisch ist (Koller 1989: 144).

Die Opposition $\langle b \rangle \sim \langle g \rangle$ ist nur bei Hand 1 aufgehoben in *benugē* ~ *genug*.

In folgenden Beispielen wird die Opposition von $\langle ch \rangle \sim \langle g \rangle$ neutralisiert: Neben der Schreibung mit $\langle g \rangle$ finden sich auch *billich*, *mutwillich*, *pillich*. Die *ch*-Schreibung kommt häufiger bei Dorothea Schurstabin bei nichtflektiertem Suffix *-ig* und darum fast ausschließlich beim Adjektiv vor.

Die Aufhebung der Opposition $\langle k \rangle \sim \langle g \rangle$ dürfte auf hyperkorrekter Schreibung beruhen¹⁶. Die *k*-Schreibung kommt nur in Finalstellungen und an Morphemgrenzen vor (wie in *lanck*, *anfanck*, *lanckmutiglich*).

h wird in offener und gedeckter Initialstellung in der ganzen Handschrift und in anderen Hss. des Skriptoriums prävokalisch ausschließlich durch *h* repräsentiert.

j wird nur von Hand 1 und Hand 3 benutzt. Präkonsonantisch und medial steht es korrespondierend mit $\langle i \rangle$. Nur in Initialstellungen kommt es für $\langle j \rangle$ vor. Oft tritt es in synkopierten Formen (*jglich*) auf. *jh* findet sich nur bei Dorothea Schurstabin im einzigen Beleg medial (*czwejhē*).

y erscheint ausschließlich vor $\langle e \rangle$: *ye*, *yeder* und in synkopierten Formen *yder*, *ydoch*. Bei Hand 1 und Hand 2 kommt *y* nur initial

¹⁶ Siehe zu den übergeneralisierten Korrespondenzen zwischen der eigenen und einer weiteren Sprachvarietät: Müller 2002: 63.

vor, Dorothea Schurstabin benutzt *y* medial in intervokalischen Positionen.

y̆ ist die einzige Variante, die bei Hand 1 in allen Positionen erscheint. Initial *y̆* kommt es nur vor *e* vor, medial meist in Eigennamen *moyses*, *ysaŷa*. Final tritt es nur als Bestandteil von <ei> wie in *geschay̆*. *y̆* kommt auch bei Dorothea Schurstabin vor, ausschließlich in Medialstellungen.

Nur vereinzelt findet sich prävokalisches *i* am Wortanfang: *iar*.

k steht als häufigste Variante für das entsprechende Graphem. Intervokalisch ist es aber nur selten belegt. Hier überwiegt *ck*. Final erscheint die Variante in den wenigen Einzelbelegen.

ck dominiert in Mittel- und Finalstellung bei Hand 1 und Hand 3. Nach N.R. Wolf dürfte die Variante "darauf zurückzuführen sein, dass das Phonem /k/ im In- und Auslaut nach Vokal nur in kurzen Silben stand." (1975:183)

c repräsentiert prävokalisches eine Variante von <*k*> ausgenommen vor <*e*>, <*i*>, initial und medial steht es fast ausschließlich in Fremd- und Lehnwörtern sowie in Namen. Final steht es nur in sehr wenigen Belegen und nur in Namen. *c* wird anlautend sehr häufig vor *l* und *r* gebraucht (z.B. *closter*, *cristo*).

Bei Hand 1 kommen auch andere Varianten von <*k*> vor: *cc* kommt nur in *Ecclesiastici* und Varianten vor; *ckc* erscheint in *mercklichñ*; *ckk* wird nur in zwei Belegen (*erquickkung*, *merckkūg*) verwendet. *kk* gebraucht man nur initial in *kklerug*.

Der für die Südbair. Mundarten charakteristische Übergang von anlautendem *k* zur Affrikate *kχ* kommt nur in einer der untersuchten Handschriften vor (*Ce*).

l und *m* kommen in allen Positionen und bei allen Schreiberinnen vor. Bei Dorothea Schurstabin erscheint medial und final auch *ñ*. *ll* markiert intervokalisch vorhergehenden Kurzvokal. Die Opposition *l* ~ *ll* ist funktional wenig belastet. *mm* erscheint auch nur vereinzelt.

n erscheint in allen Positionen. Im Textteil, der von Hand 2 geschrieben ist, ist *ñ* in Medialstellung als Variante für *n* (*vñd*) benutzt. In medialer und finaler Stellung kommt die Doppelschreibung hinzu, die Verteilung von Einzel- und Doppelschreibung erscheint

oft willkürlich, intervokalisches bezeichnet *nn* überwiegend vorhergehenden Kurzvokal.

pf

pf ist bei Hand 1 und Hand 3 als häufigste Variante in allen drei Positionen belegt. Initial kommt das Graphem nur in dieser Schreibung vor. Von Hand 2 ist *pf* nur medial benutzt, öfter als *ppf*. Bei Dorothea Schurstabin dominiert *ppf* am Wortende. *pf* mit der gedoppelten ersten Komponente kommt nur bei Hand 1 in einzelnen Belegen (*tappferkeit*) vor. Die Verschiebung *p* > *pf*, die sich im Mfr. erst am Ende des 15. Jahrhunderts verbreitet hat, erscheint schon in meisten Handschriften des Skriptoriums (mit Ausnahme von *Ce*). Ein unverschobenes *p* erscheint in beschränktem Maße nur in *wappen*, *woppen* in allen Handschriften.

r erscheint als Hauptvariante in allen Texten. *rr* benutzen alle Schreiberinnen nur in medialen und finalen Positionen. Die Doppelschreibung erfolgt relativ selten und bezeichnet meist vorhergehenden Kurzvokal.

s kommt bei allen Schreiberinnen in allen Positionen vor, der dentalen Spirans entsprechen auf der Schreibungsebene mehrere Zeichen (kombinationen). Die ursprünglichen Bezeichnungen von *s* und *z* vertauschen miteinander bei keiner Schreiberin (mit Ausnahme von *grose* bei Dorothea Schurstabin), dasselbe gilt auch für andere Abschriften der Übersetzungen des Traktats von David von Augsburg. In *Be* und *Ba* kommen *ss* und *sz* neben *s* und *z* in Medialstellungen vor.

ss benutzen alle Schreiberinnen von *Nu* außer Dorothea Schurstabin, In allen Texten kommt *ss* nur in Medialstellungen vor, von Hand 1 ist *ss* auch in Finalpositionen benutzt.

z steht als Allograph von <*s*> bei allen Schreiberinnen in Finalstellung (wortgebunden in *daz*).

sz kommt bei allen Schreiberinnen medial und final vor. Von Hand 1 ist *sz* wortgebunden auch in Initialstellung (*szűszikait*) gebraucht. *ssz* ist nur in Textteilen verwendet, die von Hand 1 und Hand 3 geschrieben sind, und nur in Medialstellung.

sch ist in allen Positionen dominant. Initial ist *sch* nur vor Vokalen belegt.

t erscheint in allen Positionen als mit großem Abstand häufigste Variante. Initiales <*d*> erscheint bei Hand 1 in den Varianten *dapffer*, *dapfferkeit*, was für Nürnberger und Bairische Mundarten

nicht charakteristisch ist, die Fortis bewahrten und *t* durchweg festhielten (Moser 1951: 159). *d* ist initial im 15. Jh. kaum belegt. Es könnte auf den Einfluss des Ndal. hinweisen, wo *t* schon spmhd. zur stimmlosen Lenis *d* erweicht worden war, was auch in der Schreibsprache widerspiegelt war. Regelmäßig taucht *d* initial auch in *Ba* auf.

Nach Nasalen war *t* obd. und in den Übergangsgebieten schon seit spahd. Zeit und dann im Mhd. zur Lenis übergegangen, und das Nürnbr. schließt sich dem Bair. an, was auch in der behandelten Handschrift repräsentiert ist. Bei Hand 1 erscheinen *hinten* neben *hinden* nebeneinander. Bei Dorothea Schurstabin erscheinen fast ausschließlich die Formen *vnder* und *hinder*. In *Ba* und *Be* kommen die beiden Varianten vor, mit Vorzug von *d*-Schreibung, was auch in anderen Handschriften aus dem Katharinenkloster des 15. Jh.s der Fall ist und den Nürnberger Mundartbesonderheiten entspricht.

Im unmittelbaren Auslaut einer Haupttonsilbe beginnt *t* allmählich dem *d* zu weichen, doch dauert *t* überall bis ins 3. Viertel des 15. Jh.s ganz gewöhnlich fort (siehe dazu die Beschreibung der Verwendung von *d* in der Handschrift und Moser 1951: 184–185).

Wie es für die Nürnberger Mundart charakteristisch ist, kommt *t* als die häufigste Variante vor *w* vor, nach V. Moser (1951: 144–150) tritt *z* zunächst in der ersten Hälfte des 15. Jh.s nur vereinzelt auf.

tt ist als zweithäufigste Variante medial und final belegt (von Hand 2 ist *tt* nur medial verwendet). Doppelschreibung zur Bezeichnung der Vokalquantität ist nur ansatzweise realisiert. Einzel- und Doppelzeichen stehen noch in freier Variation nebeneinander. Final steht der Digraph häufig nach *e* und *i*, wie in *hett*, *dritt*. Postkonsonantisch kommt *tt* nicht vor.

th erscheint bei Hand 1 und Hand 3 zunehmend in allen Positionen, bei Hand 2 kommt *th* nur initial und medial vor, aber ist insgesamt nur wenig belegt. Neben einigen Personennamen wie *Thymotheo*, *Thobie* begegnet initiales *th* vor allem in den verschiedenen Formen von *tun*: *gethan*, *thun*, *thu* und im Wort *thor*. Vorkonsonantisch kommt es nie vor.

In Mittel- und Endstellung verwendet man *th* meistens nur in Eigennamen, wie *Matheus*, *Judith*.

w wird von einigen Fremdwörtern abgesehen, durch *w* repräsentiert. Es erscheint häufig in offener und gedeckter Initialstellung. Medial kann *w* präkonsonantisch in einer Diphthong-Verbindung auftreten. Final erscheint es ausschließlich bei Dorothea Schurstabin

als <u>-Allograph in <aw> und <ew>. In Fremdwörtern und -namen findet sich auch Schreibung mit *u* und *v*: *nouicen*, *couent*, *vicarier*, *Dauid*.

z erscheint bei allen Schreiberinnen initial und medial oder in gedeckter Initialstellung. Final und medial dominiert *cz* mit großem Abstand. Von Hand 1 und Hand 3 ist *cz* auch initial wortgebunden in *czu* und Varianten gebraucht. In Lehn- und Fremdwörtern steht *c* vor <*e*> und <*i*>, final begegnet es nicht, wobei *c* nur gering belegt ist. Bei verschiedenen Schreiberinnen kommen auch andere Varianten von *z* vor. Von Hand 1 ist medial meist *tcz* und *tz* (*gentczlich*, *gentzlich* in verschiedenen Varianten) gebraucht.

Im Teil, der von **Hand 1** geschrieben ist, kommen Schreibungen und Schreibvarianten vor, die in den meisten Fällen auch mit den Schreibungen in *Be* übereinstimmen und für das Ofr. und Nürn. charakteristisch sind. Wenn wir davon ausgehen, dass die Gemeinsamkeiten der Handschriften aus dem Klosterskriptorium dem Klosterusus entsprechen, benutzt die Schreiberin oft nur die Züge, die für den Usus charakteristisch sind.

In diesem Teil dominieren ostfränkische Elemente, dazu gehören:

1) Dominanz von *b*-Schreibungen in Initialstellungen, wobei die *p*-Schreibung mit einem geringen Abstand folgt;

2) Neutralisation <*w*> ~ <*b*>, die in der ganzen Reihe der Belege vorkommt;

3) Neutralisation <*t*> ~ <*d*>, die nur in wenigen Einzelbelegen erscheint;

4) Verwendung von *gh* in Medialstellung für die genauere Kenntlichmachung des spirantischen Charakters von *g* (*sagh[e]n*).

In einer Reihe der Belege taucht eine Besonderheit auf, die dem Ostfränkischen widerspricht und für das Alemannische charakteristisch ist:

5) Verwendung von *d* statt *t* in prävokalischen Initialstellungen (*dapffer*, *dapfferkeit*), die auch in *Ba* erscheint.

Da der Teil, der von **Hand 2** geschrieben ist, nur sehr wenige Kapitel umfasst, stellt er nicht alle möglichen Schreibvarianten der Konsonantengrapheme dar, und nicht alle Besonderheiten des Graphemsystems der Schreiberin können vorhanden sein. Dieser Teil lässt darum die Einflüsse anderer Mundarten kaum feststellen.

Für den Teil, der von Dorothea Schurstabin (**Hand 3**) geschrieben ist, ist ein sehr starker Einfluss vom Bairischen charakte-

ristisch, der in anderen Handschriften des Klosterskriptoriums nicht in solchem Maß vorkommt:

1) Dominanz von *p* am Stammanfang, wobei die *b*-Varianten oft ignoriert werden;

2) Einschub von *b p* zwischen dem Labialnasal und Dentalkonsonanten;

3) Vorzug von *pp* in Medialstellungen;

4) Dominanz von *t*-Varianten initial und gedeckt initial;

5) Vorzug von *t* im unmittelbaren Auslaut;

6) Dominanz von *ppf* am Wortende.

Es kommen aber in diesem Teil auch einige Besonderheiten des Nürnbergischen vor, von denen einige nur für diese Schreiberin charakteristisch sind:

1) Vorzug von *s* in intervokalischen Positionen (*grose* statt *grosse*);

2) *ch*-Schreibung bei nicht flektivem Suffix *-ig*.

Bei allen Schreiberinnen kommen auch gemeinsame Züge vor, die für die Nürnberger Mundart und den Klosterusus charakteristisch sind:

1) Prävokalisch findet sich die Neutralisation <*d*> ~ <*t*> nur in wenigen Einzelbelegen;

2) Neben der Schreibung mit <*g*> erscheint im Auslaut die Schreibung mit <*ch*>;

3) Vor *w* kommt *t* als die häufigste Variante vor, die *z*-Schreibung taucht in sehr wenigen Belegen auf.

Einige Besonderheiten, die in allen Textteilen erscheinen, widersprechen den Mundart- und Klosterususbesonderheiten. Dazu gehören:

1) Dominanz von *b*-Schreibungen am Wortende;

2) Die für die Nürnberger Mundart charakteristische *j*-Schreibung für *g* erscheint bei keiner Schreiberin;

3) Die Vertauschung der ursprünglichen Bezeichnungen von *s* und *z* miteinander findet sich in der Handschrift nicht (mit Ausnahme von Einzelbelegen).

Diese Züge können als Handschriftbesonderheiten bezeichnet werden.

Fazit

Der Vergleich der Schreibgewohnheiten jeder Schreiberin und die quantitative Analyse lassen einige Besonderheiten jedes

Graphemsystems beschreiben. Die Selbständigkeit der Schreibsysteme jeder Schreiberin scheint besonders wirksam zu sein, weil keine allgemeinverbindliche Schreibnorm eingeführt ist, und in der Schreibung des gleichen Wortes Schwankungen auftreten können (Strassner 1977 : 1).

Die Analysenergebnisse lassen folgende Grundmerkmale der Schreibsysteme feststellen:

Teil 1

1) Tendenz zu frnhd. Elementen (wie schwache Repräsentation von Neutralisation <*t*> ~ <*d*>);

2) Dominanz von den für das Ofr. charakteristischen Schreibungen (wie Neutralisation <*w*> ~ <*b*> und häufiger Gebrauch von *p* neben *b* in Initialstellungen);

3) Gebrauch von einigen alemannischen Zügen (wie Verwendung von *d* statt *t* in prävokalischen Initialstellungen), diese Besonderheit des graphischen Systems könnte vom Geburts- oder Ausbildungsort der Schreiberin verursacht sein;

4) schwächere Prägung vom Nürnbn.;

Teil 2 demonstriert einige frnhd. Züge, die geringe Größe des Textes lässt uns aber keine Hauptmerkmale des Schreibsystems feststellen.

Teil 3

1) häufiger Gebrauch von mhd. neben frnhd. Elementen (wie der Vorzug von *t*-Schreibung vor *w*; Neutralisation <*t*> ~ <*d*> und der Vorzug von *t* im unmittelbaren Auslaut);

2) Tendenz zu den für das Bair. charakteristischen Schreibungen (wie Dominanz von *p* am Stammanfang; Dominanz von *t*-Varianten initial und gedeckt initial; Dominanz von *pff* am Wortende);

3) stärkere Prägung vom Nürnbn. (wie der Vorzug von *s* in intervokalischen Position und *ch*-Schreibung bei nicht flektivem Suffix *-ig*).

Jeder behandelte Textteil demonstriert demgemäß die Eigenheiten, die für sein graphisches System markant sind und die seine Selbständigkeit beweisen. Dabei weisen alle Textteile gemeinsame Züge auf, die sich als Handschriftbesonderheiten bezeichnen lassen und zu denen unter anderem das Fehlen der ausgeprägten Dominanz der Nürnbergschen Elementen gehört.

Es muss aber berücksichtigt werden, dass in jedem System eine starke Varianz vorhanden ist und dass sich historische Texte durch ein mehr oder weniger reichhaltiges Inventar von Schreibvarianten auszeichnen. Die Schreibsprache zeigt nach Pfanner insgesamt konservativen Charakter, hält noch lange an den hergebrachten, in

der gesprochenen Sprache zum Teil schon veralteten Formen fest und nimmt sprachliche Neuerungen nur sehr spät und zögernd auf (Strassner 1977: 75). Dieser Umstand dient als einer der Gründe des Nebeneinanders von frnhd. und mhd. Varianten (wie *nymp*t und *nimt*) mit der in vielen Fällen ausgeprägten Dominanz der frnhd. Elemente. Dies gilt auch für die Neutralisation <t> ~ <d>, die nur in wenigen Einzelbelegen erscheint, sowie für den Vorzug von t im unmittelbaren Auslaut. In einigen Fällen geben die Schreiberinnen aber den mhd. Varianten den Vorzug, wie bei der t-Schreibung vor w als die häufigste Variante. Die z-Schreibung taucht dabei in sehr wenigen Belegen auf. Aber die Tendenz zu den frnhd. Elementen lässt sich schon deutlich bemerken.

Literaturverzeichnis

- Bahder, L. 1890: *Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems. Beiträge zur Geschichte der deutschen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert.* Straßburg.
- Elmentaler, M. 2003: *Struktur und Wandel vormoderner Schreibsprachen.* Berlin.
- Fleischer, W. 1966/67 Frühneuhochdeutsche Geschäftssprache und neuhochdeutsche Norm. In: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.* Halle, 107–246.
- Gebhardt, A. 1907: *Grammatik der Nürnberger Mundart.* Unter Mitwirkung von Otto Bremer. Leipzig.
- Glaser, E. 1985: *Graphische Studien zum Schreibsprachwandel vom 13. bis 16. Jahrhundert.* Heidelberg.
- Hartmann, E. 1922: *Beiträge zur Sprache Albrecht Dürers.* Dissertation Halle.
- Koller, G. 1989: *Der Schreibusus Albrechts Dürers. Graphematische Untersuchungen zum Nürnberger Frühneuhochdeutschen.* Stuttgart.
- Michels, V. 1979: *Mittelhochdeutsche Grammatik.* 5. Aufl., hrsg. von Hugo Stopp. Heidelberg (Germainsche Bibliothek — Neue Folge. 1. Reihe: Grammatiken).
- Mihm, A. 2001: Das Aufkommen der hochmittelalterlichen Schreibsprachen im nordwestlichen Sprachraum. In: K. Gärtner, G. Holtus, A. Rapp, H. Völker (Hrsg.). *Skripta, Schreiblandschaften und Standardisierungstendenzen. Urkundensprachen im Grenzbereich von Germania und Romania im 13. und 14. Jahrhundert.* Beiträge zum Kolloquium vom 16.-18. September 1998 in Trier. Trier, 563–618.
- Müller, P. O. 2002: Usus und Varianz in der spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Schreibsprache Nürnbergs. In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 30, 56–72.
- Moser, V. 1929: *Frühneuhochdeutsche Grammatik.* Bd. I: Lautlehre. Heidelberg.

- Moser, V. 1951: *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Bd. I: Lautlehre. Heidelberg.
- Pfanner, J. 1954: *Die deutsche Schreibsprache in Nürnberg von ihrem ersten Auftreten bis ungefähr zum Jahre 1400*. Dissertation (masch.) Erlangen.
- Raumer, R. 1863: Über die Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. In: *Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften*. Frankfurt/M./Erlangen, 189–204.
- Ruh, K. 1955: David von Augsburg und die Entstehung eines franziskanischen Schrifttums in deutscher Sprache. In: *Augusta 955–1955. Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs*. Hg. von H. Rinn. Augsburg, 71–82.
- Schneider, K. 1965: *Die deutschen mittelalterlichen Handschriften*. (Die Handschriften der Stadtbibliothek Nürnberg I). Wiesbaden.
- Straßner, E. 1977: *Graphemsystem und Wortkonstituenz. Schreibsprachliche Entwicklungstendenzen vom Frühneuhochdeutschen zum Neuhochdeutschen — untersucht an Nürnberger Chroniktexten*. Tübingen.
- Tullos, C. J. 1983: *The Language of The Nürnberg City Chancery of 1519 and its Position in the Development of Modern Standard German*. Diss. University of Tennessee.
- Van der Elst, G. 1989: *Aspekte zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache*. Verlag Palm & Enke Erlangen.
- Van der Elst, G. 1986: In welchem Maße ist das Nürnberger Frühneuhochdeutsch um 1500 auch nürnbergisch? In: *Bayerisch-österreichische Dialektforschung. Würzburger Arbeitstagung 1986*. Herausgegeben von Erwin Koller, Werner Wegstein, Norbert Richard Wolf. Königshausen & Neumann, 194–211.
- Willing, A. (Hg.). 2012: *Die Bibliothek des Klosters St. Katharina zu Nürnberg. Synoptische Darstellung der Bücherverzeichnisse*. Bd. 1. Berlin 2012.
- Wolf, N. R. 1975: *Regionale und überregionale Norm im späten Mittelalter. Graphematische und lexikalische Untersuchungen zu deutschen und niederländischen Schriftdialekten*. Innsbruck.

М. С. Голикова
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия. golikoff@list.ru

INQUISITOR В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРИМСКИХ АВТОРОВ

Статья посвящена исследованию слова *inquisitor* (следователь, исследователь, сыщик, шпион) в древнеримских текстах. В статье обобщается информация лексикографических источников, проанализирована этимология, примеры использования античными авторами и эпиграфические данные. Выделены основные характеристики понятия, составлен портрет людей, которые могли быть названы *inquisitor* в древнем Риме. Автор приходит к выводу, что в эпоху поздней Республики и ранней Империи слово *inquisitor* употреблялось для обозначения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: инквизитор, сыщик, следователь, инквизитор Галлии, Корнелий Фагита, Фений Руф, Норбан Лициниан, *inquisitor*, *inquisitor Galliarum*, *nomina agentis*.

Maria S. Golikova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, golikoff@list.ru

The *inquisitor* in the texts of Ancient Roman authors

The article studies the word *inquisitor* (investigator looking for material for prosecution, tracker, scout, spy, detective, researcher, hunter, slanderer, inquisitor) in ancient Roman sources. The author summarizes information from lexicographic sources, analyzes etymology, examples of use by ancient authors, and data from epigraphic sources (*inquisitor Galliarum* as an official post). The author highlights the main characteristics of the concept, draws up a portrait of people who could be called *inquisitor* in ancient Rome, and gives a version of the dictionary entry based on professional activity as the dominant one. The author comes to the conclusion that the word *inquisitor* was used to denote professional activity in the era of the Late Republic and Early Empire. Understanding the original meanings of the use of *inquisitor* is relevant for interpreting the use of the word by ancient Roman authors and revealing its meaning in subsequent eras.

Key words: inquisitor, detective, investigator, Cornelius Phagita, Fenius Rufus, Norbanus Licinianus, inquisitor, inquisitor Galliarum, *nomina agentis*.

Слово «инквизитор» прежде всего вызывает ассоциации со средневековой католической инквизицией и судебными процессами над еретиками. Однако *inquisitor, oris m.* происходит

именно из классической латыни и впервые встречается у древнеримских авторов. Привязка этого слова к средневековой настолько сильна, что *inquisitor* зафиксирован в латинских словарях и тезаурусах, но до сих пор нет отдельных исследований, посвященных его истории в античных источниках.

Thesaurus Linguae Latinae указывает, что *inquisitor* — тот, кто ищет 1) ради понимания, знания; 2) для обладания, поимки (TLL 1934: 1822). Тут речь не идет об *inquisitor* как профессии. Напротив, лексические значения, зафиксированные в переводных словарях, представлены широким спектром узкопрофессиональных определений: это следователь, подыскивающий материал для обвинения, выслеживатель, разведчик, шпион, детектив, сыщик, исследователь, охотник, клевет, соглядатай, инквизитор (Lewis, Short 1879; OLD 2012: 1011; Dvoretzkiy 1976: 531). Переводы настолько детализированы, что возникает вопрос: *inquisitor* — это любой человек, который в определенной ситуации ведет наблюдение, слежку, преследование, поимку кого-либо или чего-либо или профессия (работа, ремесло, основной род занятий) одной из эпох Древнего Рима? Целью данного исследования стал анализ слова *inquisitor* в классических латинских текстах и попытка сформировать портрет человека, который мог стоять за этим названием в древнем Риме.

Этимология *inquisitor*

Этимологические словари реконструируют следующую схему развития слова *inquisitor*. Согласно де Ваану, от протоиндоевропейского *k^weh₂-i- (приобретать) через протоиталийское *k^wai-s-e/o образуется глагол *quaero, quaesivi, quaesitum, quaerere* ‘искать, разыскивать, спрашивать’ (De Vaan 2008: 503). От *quaero* при помощи приставки *in-* происходит глагол *inquiero, sivi, situm, ere* (возможные формы *in-quaero/ inqu(a)ero*) 1. ‘искать, разыскивать, отыскивать’; 2. юр. ‘искать основания для жалобы, искать поводы к обвинению’; 3. ‘вникать, рассматривать, исследовать’.

Inquisitor образуется от основы супина глагола *inquiro* — *inquisitum* и суффикса *-tor-, который является основным способом образования *nomina agentis* в латинском языке (Watmough 1995: 82). Существительное-агент обозначает человека (или одушевленное существо) как того, кто выполняет определенное действие. Согласно Эмилию Бенвенисту и его последователям, которые исследовали праиндоевропейские

суффиксы *-ter- и *-tor-, последний преимущественно имеет значение профессиональной деятельности: «лицо, которое совершает действие, совершает его либо регулярно, либо от него ждут этой деятельности» (Benveniste 1948: 62; Tichy 1992: 414). Этот суффикс имеет выраженное значение ремесла, профессии или социальной функции (Watmough 1995: 82). Такая форма словообразования косвенно указывает на то, что слово *inquisitor* могло обозначать человека, который время от времени, но достаточно регулярно выполняет определенную функцию.

Использование слова *inquisitor* древнеримскими авторами

Согласно данным частотного анализа *inquisitor* встречается в латинских источниках менее 50 раз (с учетом позднеантичных, христианских и раннесредневековых текстов) (Perseus Word Frequency). Это соответствует общей тенденции: древние литературные источники в основном предлагают лишь приблизительные термины и оценочные суждения о людях, выполняющих работу (Verboven, Laes 2016: 1). В корпусе классических древнеримских текстов PHI Latin Text *inquisitor* встречается у авторов 12 раз: у Цицерона (*Ac.* 2, 9, 6; *Ver.* 1, 2, 6), Сенеки (*Ben.* 5, 25, 2; *Nat.* 6, 13, 2; 7, 3, 3), Плиния Старшего (*H. N.* 8, 147), Плиния Младшего (*Ep.* 3, 9, 29), Тацита (*Ann.* 15, 66, 3), Светония (*Cl.* 16, 3, 2; *Jul.* 1, 2, 6; 67, 1, 2), Ювенала (4, 49) (The Packard Humanities Institute 2011). В 6 случаях *inquisitor* используется применительно к профессиональной деятельности и 6 раз в переносном значении (из них 2 случая, когда люди ведут себя *подобно inquisitor*¹, 1 раз как *характеристика поведения животного*, собаки, выслеживающей добычу (Plin. *Nat.* 8, 147), 3 раза *inquisitor* используется для обозначения познавательной деятельности человека, особой философской работы — *исследователь вещей, скрупулезный исследователь*)². Все эти тексты одного хронологического периода I в. до н.э. — начала II в. н.э.

На основе выделенных примеров можно составить общий портрет инквизитора.

¹ Sen. *Ben.* 5, 25, 2; Suet. *Jul.* 67, 1, 2.

² Sen. *Nat.* 6, 13, 2; 7, 3, 3; Cic. *Ac.* 2, 9, 6.

1. В 8 случаях из 12 *inquisitor* имеет активный характер деятельности. Это слежка³, поиск доказательств⁴, выслеживание, розыск, поимка⁵, расследование (Cic. *Ver.* 1, 1, 6), сбор информации или допрос (например, сведения о жизни членов сената: состоят ли в браке, есть ли дети, уровень жизни, поведение)⁶.

Комментатор Светония Исаак Казобон отмечает, что греческим аналогом *inquisitor* является φυγάδοθήρας ου, ὁ (φυγάς + θηράω) — тот, кто охотится, выслеживает, ловит беглецов (Casaubon 1708: 4).

2. Инквизитор работает по найму за деньги. В большинстве случаев употребления *inquisitor* связан с темой вознаграждения за услуги⁷. Аналогичное использование: император Тиберий упрекается в том, что давал оплату друзьям, словно инквизиторам (Sen. *Ben.* 5, 25, 2). Это является важным указанием на профессиональную деятельность в античном значении и на отличие этой трудовой занятости от просто работы (Verboven, Laes 2016: 2).

3. *Inquisitor* — это человек обладающий специальными профессиональными навыками и опытом (Cic. *Ver.* 1, 1, 6). Эти люди многократно привлекались к подобной работе. В 3 случаях из 12 речь идет о группе *inquisitores*⁸. Иногда у них есть глава, с которым ведутся переговоры, заключаются договоренности об условиях и сроках, осуществляется передача оплаты (Suet. *Jul.* 1, 2, 6). Возможно, имела место конкуренция среди профессионалов-одиночек, специализирующихся на этой работе⁹. Не существовало жестких профессиональных критериев,

³ Juv. 4, 49. Этот отрывок Ювенала имеет разные толкования. В словаре Льюиса-Шорта для этого места дается значение: «те, кто ищут водоросли» (Lewis, Short 1879). Ратледж предполагает, что здесь Ювенал имеет в виду Армиллата, который при Домициане, настаивал на законе, согласно которому все, что исходит из моря, принадлежит императору. Инквизиторы скрывались в высокой прибрежной траве, чтобы выследить рыбаков-браконьеров (Rutledge 2002: 198).

⁴ Plin. *Ep.* 3, 9, 29; Cic. *Ver.* 1, 1, 6.

⁵ Suet. *Jul.* 1, 2, 6; Suet. *Jul.* 67, 1, 2.

⁶ Suet. *Cl.* 16, 3, 2; Cic. *Ver.* 1, 1, 6; Tac. *Ann.* 15, 66.

⁷ Cic. *Ver.* 1, 1, 6; Suet. *Jul.* 1, 2, 6.

⁸ Juv. 4, 49; Suet. *Cl.* 16, 3, 2; Suet. *Jul.* 1, 2, 6.

⁹ Когда я испросил для себя очень малый срок, чтобы произвести следствие в Сицилии, он немедленно нашел человека, который для расследования дела в Ахайе потребовал для себя срок, меньший на два дня. Cic. *Ver.* 1, 1, 6.

важнее было иметь желание, возможность и фактические результаты¹⁰.

4. Инквизитор всегда связан со сферой судопроизводства и суда, но не принимает в нем непосредственного участия. *Inquisitor* ведет досудебное расследование: разыскивает, допрашивает, ищет доказательства для обвинения¹¹. Хотя сфера деятельности инквизиторов широка, однако, их работа всегда связана с законом. В этом отличие *inquisitor* от более частотных синонимов *speculator* — разведчик, лазутчик (встречается более 5140 раз); *explorator* — исследователь, разведчик, соглядатай, шпион (более 4449) — и *vestigator* — ищущий по следам охотник, производящий розыск, шпион (менее 50) (Perseus Word Frequency). В отличие от этих слов *inquisitor* имеет четкую цель поиска, связанную с судебной сферой, с восстановлением законности, и семантическое значение преследования, поимки и добычи, а не просто наблюдения или разведывания.

5. Негативная коннотация. Слово *inquisitor* имеет стабильно неодобрительную окраску, которая выражается через различные аспекты. Отрицательные характеристики: мелочность, вездесущность, доносительство. Критике подвергается способ ведения работы: недобросовестный, медлительный, ненастойчивый, сроки работы нарушены, неусердный, назойливый. Неудовлетворительный результат работы: собранная информация оказалась неточной, полученные данные не оказались действительными на суде. Недостойные порицаемые поступки инквизиторов: корыстность, коррупция, сговор с противником, жестокость, нечестность, инквизитор как антоним друга. Плохой конец жизни инквизиторов: наказание, казнь, бесславная смерть.

Однако порицание направлено только на инквизитора-исполнителя, но не на розыскную деятельности в целом. Это может быть связано с отрицательным опытом контакта с инквизиторами, что опосредованно опять указывает на профессиональную составляющую понятия. *Inquisitor* в широком смысле как исследователь, как занятый философским познанием, напротив, имеет положительную окраску. Тот, кто изучает и исследует, характеризуются авторами положительно: *человеку прежде всего свойственно исследовать (inquisitio) и изучать*

¹⁰ Лициний Нарбон имел возможность найти доказательства и стал инквизитором. Plin. Ep. 3, 9, 29, 4.

¹¹ Cic. Verr. 1, 2, Plin. Ep. 3, 9, 29; Sen. Ben. 5, 25; Tac. Ann. 15, 66.

истину (Cic. *Off.* 1, 4, 13), исследователь вещей должен быть мудрым (Cic. *Ac.* 2, 9, 6), исследователь вещей, скрупулезный исследователь (Cic. *Ac.* 2, 9, 6; *Sen. Nat.* 6, 13, 2), *inquisitor* как характеристика охотничьей собаки (Plin. *Nat.* 8, 147). Сенека использует *inquisitor* применительно к философу Стратону и ученому Конону (*Sen. Nat.* 6, 13, 2; 7, 3, 3).

Впоследствии слово *inquisitor* в таком положительном значении активно используется христианскими авторами: добрый христианин призван быть *исследователем* веры и жизни¹².

Имена инквизиторов

Фигуры инквизиторов так незначительны, что в большинстве источников их имена не указаны. Тем важнее три случая упоминания конкретных людей и связанные с этим события.

1. *Cornelius Phagita* (Suet. *Jul.* 1, 2, 6; Plut. *Caes.* 1, 2). Корнелий Фагита, вольноотпущенник Суллы, был предводителем отряда, который охотился на людей, внесенных в проскрипционные списки. Цезарь, причисленный к противникам диктатора Суллы, был вынужден скрываться в земле сабинян. Несмотря на мучившую его лихорадку, он был должен почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от *inquisitores*. Позже Светоний упоминает имя главаря: «Корнелию Фагите, к которому он, больной беглец, когда-то ночью попал в засаду и лишь с трудом за большие деньги умолил не выдавать его Сулле, он (Цезарь) не сделал потом никакого зла» (Suet. *Jul.* 67, 1, 2). Фагита прожил долгую и заметную жизнь — это исключение. В этой истории счастливый исход должен особо подчеркнуть милосердие Цезаря (Lyubimova, Tariverdieva 2015: 90). Внимание читателя несколько раз заостряется на значительной сумме, согласно Плутарху — два таланта, которые пришлось дать как взятку (Plut. *Sull.* 31, 40).

2. *Faenius Rufus* (Tac. *Ann.* 15, 66, 3). Префект претория Луций Фений Руф был участником «заговора Пизона» против Нерона в 65 г. После того как заговор был раскрыт, его не сразу опознали как участника. Фений Руф активно выступил на стороне следствия, даже начал вести досудебное расследование (*percontatio* — предварительное дознание, опрос внесудебного заседания) (Tac. *Ann.* 15, 58, 3) и применил пытки к своим же

¹² Aug. *cons. euang.* 3, 13, 49; Petr. Chrys. *serm.* 96; Tert. *adv. Marc.* 5, 1; Cassiod. *psalm.* 46, 4.

сотоварищам. Возмущенные друзья-заговорщики обличили Фения Руфа, тот был схвачен и впоследствии казнен. В данном случае *inquisitor* относится к человеку высокого социального статуса, но это можно интерпретировать как нелестное сравнение с низшим наемным работником суда для унижения предателя.

3. *Norbanus Licinianus* (Plin. *Ep.* 3, 9, 29). Норбан Лициниан стал инквизитором для судебного процесса, который инициировали жители провинции Бетика на рубеже I и II веков. После того как губернатор Цицилий Классик измучил вверенную ему область коррупцией и вымогательством, представители провинции Бетика решили попытаться предать Классика суду. Норбан, который когда-то был изгнан Классиком и лично был заинтересован в деле, присоединился к усилиям по привлечению губернатора к суду и взял на себя ведущую роль в сборе доказательств и обмене сообщениями между провинцией Бетика и членами прокуратуры. Однако на процессе он сам был обвинен в сговоре с женой подсудимого Кастой. Отстраненный от процесса Норбан понес наказание в виде ссылки. В этом эпизоде прослеживается два важных момента. Включение в работу инквизитора было неформальным. Бессмысленно назначать человека, если он не проявляет себя в деле или не имеет возможности добыть искомое. Как и во всех остальных случаях инквизитор оценивается отрицательно: согласился участвовать в процессе из-за личной мести, дело не довел до конца, вел себя недостойно.

Негативное смысловое значение достигается также противопоставлением *inquisitor* и остальных действующих лиц: взяточник Фагита и милостивый Цезарь, ненавистный Норбаний и жители Бетики, жаждущие правосудия; предатель Фений Руф в роли инквизитора и его верные делу друзья-заговорщики. Инквизитор обычно получает негативную оценку окружающих: «так жарка была ненависть к этому человеку» (Plin. *Ep.* 3, 9, 29), «который возбудил их ненависть» (Tac. *Ann.* 15, 58, 3). Критическое отношение к инквизиторам подкрепляется традиционным мотивом наказания за их деятельность: они либо казнены, либо наказаны.

Эпиграфические источники — *inquisitor Galliarum*

Среди классических источников, в которых используется *inquisitor*, выделяются шесть почетных надписей, в которых

фигурирует *inquisitor Galliarum* или *inquisitor Trium Galliarum*. Эти памятники с перечислением заслуг были найдены на территории Нарбонской Галлии. *Inquisitor Galliarum* — это загадочная и не повсеместная должность с неясными функциями. Небольшая группа административных служащих, обслуживавших федеральный центр Лугдунум как *iudex arcae Galliarum*, *allectus arcae Galliarum* и *inquisitor Galliarum* (Fishwick 2002: 49). Памятники позволяют реконструировать имена людей, имеющих должность *inquisitor*: Quintus Otacilius Pollinus (CIL 13, 5116), Lucius Cassius Melior (CIL 13, 1690), Quintus Iulius Severinus (CIL 13, 1695), Paternius Ursus (CIL 13, 1703), Caius Suiccus Latinus (CIL 13, 3528), Lucius Lentulius Censorinus (CIL 13, 1697). Все надписи относятся ко второму веку или более позднему времени. D. Fishwick предполагает, что эти чиновнические должности могли быть учреждены в связи с реформой Адриана или в ранний период Флавиев. Их существование связано с *stips annua* — налоговым сбором, впервые засвидетельствованного при Веспасиане (Fishwick 2002: 46). По-видимому, одна из обязанностей *inquisitor* заключалась в проверке счетов *arca Galliarum* и надзором за тратой средств, выделенных на определенные проекты, нужен был контролер «на месте», который разбирался бы в практической стороне трат (Fishwick 2002: 51).

Несмотря на то, что в данных шести случаях речь идет о специфическом новом использовании понятия *inquisitor*, тем не менее прослеживается ряд параллелей с характеристиками профессиональной деятельности инквизиторов. *Inquisitor Galliarum* — должность, связанная с юридической сферой. В данном случае мы можем предположить, что имеет место метафорический перенос: классический образ римского суда с традиционным набором действующих лиц проецировался на область Галлии.

Должность инквизитора была более низкого ранга, с невысоким статусом и не предполагала никакого карьерного роста. Нет никаких свидетельств какой-либо карьерной лестницы, связывающей эти посты, нет перехода от, скажем, *inquisitor* к *adlectus*, затем к *iudex* и, наконец, к *sacerdos* (Drinkwater 1979: 96). Эти должности занимали состоятельные люди, происходящие из разных социальных слоев. Поэтому в отличие от записей, посвященных *iudex* или *allectus arcae*, почетные надписи, установленные советом для инквизитора, регулярно опускают родство (Fishwick 2002: 53). Хотя некоторые из них относились

к провинциальной знати: К. Юлий Северин, высокопоставленный аристократ из секванов, куратор речных грузоперевозок на Соне и Роне или К. Отакилий Поллин от гельветов (Verboven, Laes 2016: 200). Однако принципиальным требованием соответствия этой должности был именно опыт ведения местных муниципальных дел и торговли. Небольшое количество лиц в этой должности позволяет сделать вывод, что инквизитор даже не назначался ежегодно, это также указывает на важность для этой должности профессиональных компетенций для осуществления проверок и контроля над императорскими проектами в провинции.

Мы можем заключить, что авторы, используя слово *inquisitor*, часто имели в виду человека, обладающего профессиональными навыками для определенной работы, а не просто характеристику деятельности. На основе анализа текстов можно заключить, что *inquisitor* в I в. до н. э. — I–II вв. н. э. — как сыщик, дознаватель, следователь были реальной фигурой древнеримской социальной жизни. Это был человек невысокого статуса, но обладающий профессиональными навыками и получающий оплату за свой труд. В период поздней Республики и ранней Империи занятие это было непочетным. Эта должность связана с юридической системой, однако нет свидетельств, что *inquisitor* был участником суда.

На основе контекстного анализа, выделяя профессиональную сущность слова, мы можем уточнить лексические значения *inquisitor*:

1) человек, который выискивает людей, улики, подозреваемых (сыщик, детектив, преследователь, ищейка, шпион);

2) в судебной сфере (следователь, дознаватель);

3) в негативном аспекте: а) как жестокий дознаватель (истязатель); б) в переносном значении: как человек проводящий должностное расследование в противовес дружескому; недостойное, разочаровывающие поведение (соглядатай, клевет, стукач).

4) в переносном значении: тот, кто собирает, ищет и изучает информацию (исследователь, экзаменатор, наблюдатель).

Полученные данные могут помочь скорректировать русский перевод слова *inquisitor* в текстах древнеримских писателей I в. до н. э. — I–II вв. н. э. К сожалению, созданная в исследовании картина ограничена небольшим количеством данных и источников: неясно как заключался договор между нанимателем и инквизитором, какая была оплата работы, как люди оказыва-

лись в этой сфере деятельности. Тем не менее полученные данные о классическом этапе развития лексемы *inquisitor* и понятия, скрывающегося за ней, открывают перспективу для дальнейшего исследования позднеантичного использования слова *inquisitor* в раннехристианской литературе и средневековье.

Литература

- Benveniste, E. 1948: *Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*, Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Casaubon, I. 1708: Commentarii. In: *C. Suetonius ex recensione Joannis Georgii Graevii cum eiusdem animadversionibus ut et commentario integro Laevini Torrentii, Isaaci Casauboni, Theodori Marcilii et cum notis ac numismatibus quibus illustratus est a Carolo Patino*. Trajecti ad Rhenum: Apud Guilielmum à Poolsum.
- De Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill.
- Drinkwater, J. F. 1979: A Note on Local Careers in the Three Gauls under the Early Empire. *Britannia* 10, 89–100.
- Dvoretzkiy, I. Kh. 1976: [*Latin-Russian dictionary*]. Moscow: Izdatel'stvo «Russkii yazyk».
- Дворецкий И. Х. 1976: *Латинско-русский словарь*. Москва: Издательство «Русский язык».
- Fishwick, D. 2022: *The imperial cult in the Latin West: studies in the ruler cult of the western provinces of the Roman Empire*. Vol. 3.2. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Rutledge, S. H. 2002: *Imperial Inquisitions: Prosecutors and Informants from Tiberius to Domitian*. London, New York: Routledge.
- Lewis, C. T., Short, C. 1879: *A Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
URL:
<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059%3Aentry%3Dinquisitor> (accessed: 20.03.2023).
- Lyubimova, O. V., Tariverdieva, S.E. 2015: [Caesar's conflict with Sulla: an adventure novel, propaganda or reality?] *Studia Historica* №14, 66–97.
- Любимова, О. В., Таривердиева, С. Э. Конфликт Цезаря с Суллой: приключенческий роман, пропаганда или действительность? *Studia Historica*, № 14, 66–97.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*, ed. P. G. W. Glare, 2012.
- Perseus Word Frequency — Perseus Digital Library. Ed. Gregory R. Crane. Tufts University. URL: <http://www.perseus.tufts.edu> (accessed: 20.03.2023).
- PHI Latin Texts 2011: *PHI Latin Texts*. The Packard Humanities Institute. URL: <https://latin.packhum.org/> (accessed: 5.03.2023).

- Tichy, E. 1992: Zur Rekonstruktion der Nomina agentis auf *-tér- und *-tor-, in: *Rekonstruktion und Relative Chronologie, Akten der VIII. Fachtagung der Indo- germanischen Gesellschaft*, Innsbruck, 411–420.
- TLL — *Thesaurus Linguae Latinae* I - Intervulsus. 1934, Vol.7.1. Leipzig: Teubner. URL: <https://thesaurus.badw.de/tll-digital/tll-open-access.html> (accessed: 20.03.2023).
- Verboven, K., Laes Ch. 2016: Work, Labour, Professions. What's in a Name? In: *Work, Labour, and Professions in the Roman World*, The Netherlands: Brill.
- Watmough, M. 1995: The Suffix -tor-: Agent-Noun Formation in Latin and the Other Italic Languages. *Glotta*, 73 (1/4), 80–115.

ТИПЫ ПАССИВА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ¹

В статье рассмотрено грамматическое выражение в 10 германских языках разных типов пассива, которые были выделены по признаку центральной семантической роли, выражения действия или результата, возможности построения предложного пассива, способа образования, а также иные выделяемые типы (за исключением безличного). Целью статьи является обзор существующих описаний таких грамматических конструкций и выявление тенденций их распределения в германской ветви индоевропейской семьи в западногерманской и северогерманской группах. Исследованные языки демонстрируют схожие черты в соответствующих группах, хотя английский и исландский имеют черты, которые выделяют их на фоне своей группы.

Ключевые слова: пассив, пассив реципиента, пассив пациента, пассив состояния, пассив действия, предложный пассив, германские языки.

D. V. Golovin

HSE University, Moscow, Russia. golowindmitrij24@gmail.com

Types of passives in Germanic languages and their grammatical expression

The article reviews the grammatical expression of different types of passive voice in 10 Germanic languages. The types of passives are distinguished by the following traits: the central semantic role in the sentence, the expression of process or result, the ability to form the prepositional passive, the way of formation of passive, and some other identified types (with the exception of the impersonal passive). The article aims to review these grammar constructions and to find some common features regarding the representation of these types in the Germanic branch of the Indo-European language family as a whole and in its groups; West and North Germanic. To illustrate the results found, a table has been made that shows the distribution of the mentioned constructions. The researched languages demonstrate similarities in the corresponding group with English and Icelandic having traits that distinguish them from their group.

Key words: passive voice, recipient passive, patient passive, stative passive, dynamic passive, prepositional passive, Germanic languages.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации, договор №404 от 30.12.2021.

1. Введение

В германских языках существует грамматическая категория страдательного залога, которая имеет разные способы выражения, и по которой были проведены исследования, включавшие как сплошной анализ примеров из всех германских языков (например, Toyota, 2009), так и сравнение данных по категории пассива (например, Alexiadou 2020; Waubert de Puiseau, 2013; Norén, 2014; Kordoni & van Noord, 2009) или определенного типа пассива (например, Engdahl & Laanemets, 2015; Nübling, 2010). Насколько мне известно, до сих пор не было попыток обзора конструкций и морфологических форм, выражающих страдательный залог в германских языках, учитывая разные его типы и построение. Некоторые определения пассива в предыдущих работах требуют уточнения: так, Тойота (Toyota, 2009) выделяет пассив с вспомогательным глаголом, который означает «получать» («get»), лишь в английском, нидерландском и норвежском (Toyota 2009: 206), хотя найти аналогичные конструкции можно и в остальных германских языках, как будет показано в данной статье, где рассмотрены западногерманские (английский, немецкий, нидерландский, нижненемецкий, западнофризский, люксембургский) и северогерманские, они же скандинавские, (шведский, норвежский букмол и новонорвежский, датский и исландский) языки. Предметом исследования является рассмотрение грамматического разделения в языке на пассив состояния и пассив действия, а также отдельной конструкции для пассива реципиента, предложного пассива, иных пассивов и пассивоподобных конструкций (безличный пассив не рассматривается). Отдельно рассмотрен способ образования пассива: флективный (на самом деле, аффиксальный) vs. аналитический.

Целью данного исследования является фиксация общих грамматических черт среди всех современных германских языков. Предполагается, что типы и способы образования пассивных форм совпадают с общим делением на ветви, которое нарушают только особое положение английского языка в западногерманской группе и исландского в скандинавской группе.

2. Определение типов пассива

На основании грамматической конструкции можно сформулировать основную характеристику пассива — субъектом является не агенс. Агель (Agel 1996: 48–49) разделил пассив на три

типа в зависимости от того, какая семантическая роль стоит в центре синтаксической конструкции на месте субъекта предложения: (а) бессубъектный, он же безличный пассив, (b) пассив пациенса (*Patienspassiv*)² и (с) пассив реципиента (*Rezipientenpassiv*).

Для подразделения пассива на пассив состояния и пассив действия следует иметь в виду, что пассив действия «процессуален и не агенсоориентирован» (*Vorgangspassiv*), в то время как пассив состояния (*Zustandspassiv*) «не процессуален и не агенсоориентирован» (Hinrichs 1999: 350). Таким образом, и пассив пациенса, и пассив реципиента могут быть далее разделены на эти две категории.

Предложный пассив (*prepositional passive*) Цен определил как такой тип пассива, «где субъект в пассивной конструкции соответствует дополнению с предлогом в родственной активной структуре» (Tseng 2007: 272). Так как данный тип пассива определяется только на основании того, каким членом предложения в аналогичном предложении является субъект в активном залоге, он рассматривается отдельно от вышеназванных типов.

На основании способа образования пассива — с помощью флексий или аналитически — можно выделить флективный пассив и аналитический пассив.

3. Пассив в западногерманских языках

Стандартная схема построения пассивной конструкции в английском языке состоит из пациенса в роли субъекта, вспомогательного глагола *to be* и второго причастия:

(1a) I read the book ‘Я читаю книгу’ > (1b) The book is read ‘Книга читается’.

Вместо вспомогательного глагола *to be* в пассивной конструкции может также использоваться глагол *to get*:

(2) The boy was dressed by his mother ‘Мальчика одела его мать’.

(3) The boy got dressed by himself ‘Мальчик оделся сам’.

Get-пассив в отличие от *be*-пассива совместим с категорией рефлексива, как в примере (3), но при этом имеет существенные

² Из-за более частого использования именно пассива пациенса, далее в статье пассив пациенса будет именоваться просто пассивом.

ограничения в дистрибуции и не является полностью продуктивным (Alexiadou 2005: 15–17).

Be-пассив не различает пассив действия (4) и пассив состояния (5) грамматическими средствами, хотя их и возможно выделить семантически:

(4) The book is written every day ‘Книга пишется каждый день’.

(5) The book is written (and I can breathe freely) ‘Книга написана (и я могу вздохнуть свободно)’.

При этом *get*-пассив имеет более выраженную динамическую окраску (Toyota 2008: 149) и может выражать пассив действия в английском языке, например:

(6) The footballer got hurt during the last match ‘Футболист получил травму во время последнего матча’.

Пассив реципиента в (7b) можно противопоставить пассиву пациенса в примере (5), хотя формально конструкции идентичны (как пациенс, так и реципиент могут быть субъектом пассивной конструкции):

(7a) They told me the truth ‘Они сказали мне правду’ > (7b) I was told the truth ‘Мне сказали правду’.

Отдельными лингвистами выделяется так называемый *have*-пассив (Moreb 2016: 10), который также является конструкцией с пассивом реципиента, ср.:

(8) He had his wallet stolen last week ‘Его кошелек украли на прошлой неделе’.

Возможно построение предложного пассива, когда на место субъекта пассивной конструкции ставится предложное дополнение активного залога:

(9a) I slept in the bed ‘Я спал в кровати’ > (9b) The bed was slept in ‘В кровати спали’.

В английском языке возможно лишь аналитическое построение пассива.

В немецком языке существуют отдельные грамматические конструкции для пассива состояния и пассива действия как с пациенсом, так и реципиентом в роли субъекта (Gärntner 1993: 285). Отдельное место занимает т. н. *bleiben*-пассив, который получает оттенок длительности, имея также и черты пассива состояния (Gärntner 1993: 294). Стандартный пассив состояния

с пациенсом в качестве субъекта строится с помощью вспомогательного глагола *sein* и второго причастия, в то время аналогичный пассив действия использует вспомогательный глагол *werden*, ср.:

- (10a) Er liest das Buch ‘Он читает книгу’ > (10b) Das Buch ist gelesen (пассив состояния, субъект — пациенс) ‘Книга прочитана’ /
 (10c) Das Buch wird gelesen (пассив действия, субъект — пациенс) ‘Книга читается’.

Пассив реципиента в немецком языке также разделяется на пассив состояния и пассив действия, где для первого используется вспомогательный глагол *haben* со вторым причастием, а для последнего — глагол *bekommen*, *kriegen* или *erhalten*, причем выбор глагола зависит от стиля (Diedrichsen 2008: 89), ср.:

- (11a) Sie schenken ihm ein Buch ‘Они подарили ему книгу’ > (11b) Er bekam / hat ein Buch geschenkt (пассив действия, субъект — реципиент) / Er kriegte ein Buch geschenkt (пассив действия, субъект — реципиент, разг.) / Er erhielt ein Buch geschenkt (пассив действия, субъект — реципиент, книжн.) ‘Ему подарили книгу’.

Bleiben-пассив занимает особое положение, так как показывает продолжение определенного состояния и имеет в качестве аналога как *sein*-пассив, так и *werden*-пассив с отрицанием (Nicolay 2012: 214):

- (12) Die Schule bleibt geöffnet ‘Школа остаётся открытой’.
 (13) Die Schule ist geöffnet ‘Школа открыта’.
 (14) Die Schule wird nicht geschlossen ‘Школа не закрывается’.

Отдельно стоит упомянуть т. н. *gehören*-пассив, который обладает модальным значением необходимости или принуждения (Lasch 2018: 169) и синонимичен пассивным конструкциям с модальными глаголами *müssen* и *sollen*, а также конструкциям со вспомогательными глаголами *sein* и *haben* с инфинитивом с *zu* (Stathi 2010: 324), например:

- (15) Die Aktion gehört verboten / Die Aktion muss verboten werden / Die Aktion ist zu verbieten ‘Мероприятие нужно запретить’

В нидерландском языке выделяются два основных типа пассива: *zijn*-пассив (пассив состояния) и *worden*-пассив (пассив действия), а также *krijgen*-пассив для конструкции с реципиентом (Van Noord, Kordoni 2005: 411–412), например:

(16a) Hij opent de deur ‘Он открыл дверь’ > (16b) De deur is geopend (пассив состояния) ‘Дверь открыта’ / (16c) De deur wordt geopend (пассив действия) ‘Дверь открыли’.

(17) Hij krijgt een boek geschonken (пассив реципиента) ‘Ему подарили книгу’.

Заслуживают внимания пассивоподобные конструкции с глаголами *blijven*, *raken*, *liggen*, *zitten* и *staan* и вторым причастием, которые, однако, не классифицируются нидерландскими лингвистами как пассив, ср. примеры из (Cornelis, Verhagen 1995: 51–58):

(18) De deur blijft geopend ‘Дверь остаётся открытой’.

(19) Hij gaakte opgesloten ‘Его заперли’.

(20) Donegal ligt aangevlijd (...) ‘Донегол примыкает к (...)’.

(21) (...) een entrecôte die (...) stond aangekondigt (...) ‘антрекот, который был объявлен (...)’.

(22) Rosen zaten vastgeknoopt ‘Розы были перевязаны’.

Пассив в нижненемецком слабо изучен в силу того, что этот язык не распространен в письменной форме и является языком, на котором преимущественно говорят, а не пишут (Berg 2011: 1). Тем не менее, возможно выделить как минимум три типа пассива: пассив состояния (вспомогательный глагол *wesen/ween/sein*), пассив действия (вспомогательный глагол *warrn*) и, отдельно, пассив реципиента (с глаголом *kriegen*) (Berg 2011: 18):

(23a) He leest dat Book ‘Он читает книгу’ > (23b) Dat Book is leest (пассив состояния) ‘Книга прочитана’ / (23c) Dat Book wartt leest (пассив действия) ‘Книга читается’.

(24) He kreeg een Book aangeboden (пассив реципиента) ‘Ему предложили книгу’.

Все виды пассива в нижненемецком строятся также аналитически, предложный пассив отсутствует.

В западнофризском языке выделяют три вида пассива: пассив состояния (вспомогательный глагол *wêze*), пассив действия с глаголом *wurde* и пассив реципиента с глаголом *krije* (Hitoshi 2021: 63), ср.:

(25a) Hy lêst it boek ‘Он читает книгу’ > (25b) It boek is lêzen (пассив состояния) ‘Книга прочитана’ / It boek wurdt lêzen (пассив действия) ‘Книга читается’.

(26) Hy krijt/krijet in boek oanbean (пассив реципиента) ‘Ему предложили книгу’.

В люксембургском выделяются аналогично три типа пассива: пассив состояния (вспомогательный глагол *sinn*), пассив действия с глаголом *ginn* и пассив реципиента с глаголом *kréien* (Döhmer 2020: 61):

- (27a) Hien liest d'Buch 'Он читает книгу' > (27b) D'Buch ass gelies (пассив состояния) 'Книга прочитана' / (27c) D'Buch gëtt gelies (пассив действия) 'Книга читается'.
 (28) Hien krut en Buch geschenkt (пассив реципиента) 'Ему подарили книгу'.

Во всех западногерманских языках пассив строится аналитически, а возможность построения предложного пассива существует только в английском.

4. Пассив в скандинавских языках

В шведском языке выделяются флективный пассив действия и два вида аналитического пассива: пассив действия и пассив состояния. Флективный и аналитические пассивы действия в основном взаимозаменяемы, хотя первый является более употребительным, и есть случаи, когда его нельзя заменить аналитическим пассивом (Engdahl 2008: 24). Флективный пассив действия образуется путем присоединения суффикса *-s* к глаголу, аналитический пассив действия состоит из вспомогательного глагола *bli* и второго причастия; аналитический пассив состояния — из вспомогательного глагола *vara* и второго причастия:

- (29a) Han läser boken 'Он читает книгу' > (29b) Boken läses (флективный пассив действия) / (29c) Boken blir läst (аналитический пассив действия) 'Книга читается' / (29d) Boken är läst (пассив состояния) 'Книга прочитана'.

Пассив реципиента в шведском может быть построен с помощью стандартных конструкций с реципиентом в качестве субъекта, ср.:

- (30a) Han erbjöds en bok / (30b) Han blev erbjuden en bok / (30c) Han var erbjuden en bok 'Ему предложили книгу'.

Отдельными лингвистами (Larsson 2012: 28) выделяется пассив реципиента с глаголом *få*:

- (31) Jag fick betalt 'Мне заплатили'.

В шведском возможно построение предложного пассива (Engdahl, Laanemets 2015: 285), ср.:

(32a) Jag har sovitt i sängen ‘Я спал на кровати’ > (32b) Sängen har sovitts i ‘На кровати спали’.

В норвежском языке (в обоих его письменных вариантах) имеется три вида пассива: флективный пассив действия (с суффиксом -s у глагола в букмоле и суффиксом -st в новонорвежском), аналитический пассив действия (с глаголом *bli*) и аналитический пассив состояния (с глаголом *være* в букмоле или *vera* в новонорвежском). В новонорвежском флективный пассив действия ограничен лишь формой инфинитива (Lundquist 2016: 2) и потому образуется со вспомогательным глаголом. Первое предложение приведено в букмоле, второе — в новонорвежском:

(33a) Han leser boken / Han les boka ‘Он читает книгу’.

(33b) Boken leses / Boka kan lesast (флективный пассив действия) ‘Книга читается’.

(33c) Boken blir lest / Boka blir lese (аналитический пассив действия) ‘Книга читается’.

(33d) Boken er lest. /Boka er lese (пассив состояния) ‘Книга прочитана’.

Пассив реципиента в норвежском образуется стандартно:

(34) Han er foreslått en bok / Han er foreslått ei bok ‘Ему предложили книгу’.

Как и в шведском, отдельными лингвистами выделяется пассив реципиента с глаголом *få* (Norén 2014: 18; Askedal 2012: 1289):

(35) Han fikk betalt / Han fekk betalt ‘Ему заплатили’.

Возможен в норвежском и предложный пассив:

(36a) Jeg sov i sengen / Eg sov i senga ‘Я спал в кровати’ > (36b) Sengen ble sovett i / Senga blei или vart soven i ‘В кровати спали’.

В датском языке также выделяются три вида пассива: флективный пассив действия с суффиксом -s, аналитический пассив действия со вспомогательным глаголом *blive* и аналитический пассив состояния с глаголом *være*:

(37a) Jeg læser bogen ‘Я читаю книгу’ > (37b) Bogen læses (флективный пассив действия) ‘Книга читается’ / (37c) Bogen bliver læst (аналитический пассив действия) ‘Книга читается’ / (37d) Bogen er læst (пассив состояния) ‘Книга прочитана’.

Пассив реципиента в датском образуется стандартно, см. пример (38), возможна разновидность с глаголом *få*, как в примере (39) (Müller, Ørsnes 2014: 303):

(38) Han er tilbydt en bog 'Ему предложили книгу'.

(39) Jeg fik betalt 'Мне заплатили'

В датском существует предложный пассив:

(40a) Jeg sov i sengen 'Я спал в кровати' > (40b) Sengen blev sovet i 'В кровати спали'.

В исландском языке пассив строится с помощью вспомогательного глагола *vera* или *verða* со вторым причастием, согласованным с субъектом. Вспомогательный глагол *verða* характеризует действия в будущем, в то время как *vera* используется в настоящем и прошедшем времени (Sigurðsson 2010: 35):

(41a) Ég les bókina 'Он читает книгу' > (41b) Bókina er lesin 'Книга читается'.

(42) Bókina verður lesin 'Книгу будут читать'.

Отдельно некоторыми лингвистами выделяется пассивная конструкция со вспомогательным глаголом *fá* для пассива реципиента (Sigurðsson, Wood 2012: 270):

(43) Hann fékk bókina senda 'Ему отправили книгу'.

Предложный пассив отсутствует (Maling, Zaenen, 1990: 155). В исландском пассив строится только аналитически.

5. Результаты

Данные о разнообразии и представленности пассивных конструкций в германских языках могут быть собраны в Таблице 1 (см. ниже), где «+» означает наличие конструкции, а «-» — ее отсутствие. В случае наличия приводится вспомогательный глагол или флексия, которые в ней используются.

Из таблицы видно, что западногерманские языки за исключением английского и континентальные скандинавские языки выражают большую схожесть внутри своих групп, включая способ построения пассивной конструкции и наличие предложного пассива.

Так, в западногерманских языках типично разделение пассива пациенса на пассивы состояния и действия, с наличием отдельной конструкции, выражающей пассив реципиента со вспомогательным глаголом, родственным нем. *kriegen*. Испол-

зуется лишь аналитические конструкции. Предложный пассив в большинстве западногерманских языков отсутствует. Английский язык выделяется из всех остальных западногерманских языков: пассивы состояния, действия и реципиента выражаются единой конструкцией (несмотря на различия между *be-* и *get-* пассивами, они оба могут выражать и действие, и состояние как с пациенсом, так и с реципиентом). Кроме того, в английском возможно образование предложного пассива. Последняя черта является типичной для континентальных северогерманских, но не западногерманских языков. Так же стоит выделить немецкий язык *gehören*-пассивом, который имеет модальное значение.

Таблица 1/ Table 1

“+” stands for existence of a grammatical construction, “-” — for its absence. In case of existing of a constructure, the auxiliary or suffix is given.

	Пассив состояния	Пассив действия	Пассив реципиента	Предложный пассив	Другое
Англ.	+, be/get		+, be/get/have	+	
Нем.	+, sein	+, werden	+, bekommen/kriegen/erhalten — пассив действия; haben — пассив состояния	-	bleiben-пассив, gehören-пассив
Нид.	+, zijn	+, worden	+, krijen	-	blijven, raken, liggen, zitten, staan
Нижнем.	+, wesen/ween/sein	+, warnn	+, kriegen	-	
Запфр.	+, wêze	+, wurde	+, krije	-	
Люкс.	+, sinn	+, ginn	+, kréien	-	
Шв.	+, vara	+, -s/bli	+, -s/bli/vara/fã	+	
Норв. букмол	+, være	+, -s/bli	+, -s/bli/være/fã	+	
Новонорв.	+, vera	+, -st/bli	+, -st/bli/vera/fã	+	
Дат.	+, være	+, -s/blive	+, -s/blive/være/fã	+	
Исл.	+, vera/verða		+, fá	-	

Отдельно стоит упомянуть выделяемый некоторыми немецкими лингвистами *haben*-пассив, который является пассивом состояния с реципиентом на месте субъекта конструкции. Аналогичная конструкция с глаголом *have* очень редко выделяется в работах по английскому языку, и почти все из этих немно-

гочисленных работ лишь упоминают данную конструкцию, но не анализируют ее. Так, Омотсунде и Акинвоту, говоря о *have*-пассиве, утверждают, что «обнаружили тип пассива, которого, возможно, еще нет в литературе» (Omotsunde, Akinwotu 2018: 101). В связи с тем, что пассивные конструкции со вспомогательном англ. глаголом *have* изучены хуже, чем подобные конструкции с нем. *haben*, можно сделать предположение о наличии сходных пассивных конструкций с *hebben* в нидерландском и остальных западногерманских языках, которые еще не были описаны.

Конструкция с глаголом *bleiben* и вторым причастием может быть отнесена в немецком языке к пассивным (Gärtner 1993). Тем не менее, подобная конструкция с *blijven* в нидерландском определяется как «пассивоподобная» (Cornelis, Verhagen 1995) и не выделялась до сих пор в качестве отдельного типа пассива. Данное различие вполне можно объяснить теоретическими положениями, которыми руководствуются лингвисты, что обуславливает трактовку подобных конструкций как пассивных, либо как подобных пассиву.

Континентальные скандинавские языки отличаются тем, что они имеют два способа образования пассива: флективный и аналитический, что отличает их от остальных германских языков. Также они, как уже было сказано, характеризуются возможностью построения предложного пассива, что отсутствует в большинстве западногерманских языков и в исландском.

Исландский язык занимает обособленное положение среди остальных северогерманских языков не только потому, что в нем отсутствует предложный и флективный пассив, но и по причине отсутствия грамматического разделения на пассивы состояния и действия (как в английском языке). Более того, уникальное положение исландского языка демонстрирует также то, что для сообщения о действиях в будущем в нём используется иной вспомогательный глагол, чем в настоящем и прошедшем временах. Стоит добавить, что несмотря на то, что в исландском пассив образуется лишь аналитически, в языке присутствует медий (средний залог), который как раз и образуется флективно с помощью суффикса *-st*. Он является родственным суффиксам, формирующим флективный пассив в континентальных скандинавских языках (Wiskandt 2019: 184).

6. Заключение

Германские языки, как правило, имеют разделение пассива пациенса на пассив состояния и действия и отдельную конструкцию, выражающую пассив реципиента. Тем не менее, ясно видны и отличия между двумя группами данной языковой ветви: западногерманские языки, в основном, не имеют предложного пассива, в то время как в большинстве северогерманских языков данная конструкция присутствует, а пассивные формы образуются с помощью суффикса. Но внутри данных групп английский и исландский отличаются, что подтверждает высказанное в начале статьи предположение.

Литература

- Alexiadou, A. 2005: A note on non-canonical passives: the case of the get-passive. *Organizing grammar: Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 13–21.
- Askedal, J. O. 2012: Norwegian få ‘get’: A survey of its uses in present-day Riksmål/Bokmål. *Linguistics* 50, № 6. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 1289–1331.
- Ágel, V. 1996: Passiv und kein Ende: Rezipientenpassive. *Deutschunterricht für Ungarn*. Budapest: Ungarischer Deutschlehrerverband, 48–62.
- Berg, K. 2011: Das Passiv im Niederdeutschen: Wer wird geholfen? *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1–24.
- Cornelis, L., Verhagen, A. 1995: Does Dutch really have a passive. *Linguistics in the Netherlands*. 12, №. 1. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 49–60.
- Diedrichsen, E. 2008: The grammaticalization of the bekommen-passive. *New applications of role and reference grammar: Diachrony, grammaticalization, romance languages*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 87–145.
- Döhmer, C. 2020: Aspekte der luxemburgischen Syntax. Esch-sur-Alzette: Melusina Press
- Engdahl, E. 2006: Semantic and syntactic patterns in Swedish passives. *Demoting the Agent: Passive, middle and other voice phenomena*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 21–45.
- Engdahl, E., Laanemets, A. 2015: Prepositional passives in Danish, Norwegian and Swedish: A corpus study. *Nordic Journal of Linguistics*. 38. №. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 285–337.
- Gärtner, E. 1993: Das Passiv im Deutschen, Portugiesischen und Spanischen. *Studien zum romanisch-deutschen Sprachvergleich*. Tübingen: Niemeyer, 285–301.

- Hinrichs, B. 1999: Passivstrukturen im Spanischen und im Deutschen. *Informationen Deutsch als Fremdsprache*. 26. №. 4. Berlin: De Gruyter, 348–354.
- Hitoshi, S. 2021: On the krije-passive in West Frisian. 東京外国語大学 Tokyo University of Foreign Studies URL: <http://www.tufs.ac.jp/ts/personal/kazama/shigen/17/Sata.pdf> (accessed: 01.06.2023), 63–80.
- Larsson, I. 2012: Inte helt passiv: konstruktion med fä+ particip i tal och skrift. *Språk och stil*. 22, №. 2. Uppsala: Swedish Science Press, 27–61.
- Lasch, A. 2018: „Diese gehören kalt zu geben“. Die Konstruktion „gehören“ mit Qualitativ. *Sprachwissenschaft*. 43 №. 2. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 159–185.
- Lundquist, B. 2016: The role of tense-copying and syncretism in the licensing of morphological passives in the nordic languages. *Studia Linguistica*, 70, №.2. Hoboken: Wiley, 180-220.
- Maling, J., Zaenen, A. 1990: Preposition-stranding and passive. *Modern Icelandic Syntax*. Leiden: Brill, 153–164.
- Moreb, B. 2016: *The frequency of the passive voice in freshman academic books*. Electronic Theses and Dissertations. 5429. URL: <https://stars.library.ucf.edu/etd/5429> (accessed: 01.06.2023).
- Müller, S., Ørnsnes, B. 2014: *Danish in head-driven phrase structure grammar*. Humboldt-Universität zu Berlin URL: <https://hpsg.huberlin.de/~stefan/Pub/danish.pdf> (accessed: 01.06.2023).
- Nicolay, N. 2012: *Aktionsarten im Deutschen: Prozessualität und Stativität*. Thübingen: Niemeyer.
- Norén, R. 2014: *Finite English passives and their Norwegian correspondences in original and translated fiction: A study based on the English-Norwegian Parallel Corpus*. DUO URL: https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/40741/Noren_Master.pdf?sequence=1 (accessed: 01.06.2023).
- Omotunde, S. A., Akinwotu, S. A. 2018: A Functional Analysis of Passive Clauses in Selected Independence Speeches of Nigerian Heads of Government. *Journal for the Study of English Linguistics*. 6. №. 1. Macrothink Institute URL: <https://www.macrothink.org/journal/index.php/jsel/article/view/13629> (accessed: 01.06.2023), 94–113.
- Sigurðsson, E. F., Wood, J. 2012: Case alternations in Icelandic ‘get’-passives. *Nordic Journal of Linguistics*. 35. №. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 269–312.
- Sigurðsson, H. Á. 2010: Mood in Icelandic. *Mood Systems in the Languages of Europe*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 33–55.
- Stathi, K. 2010: Is German gehören an auxiliary? *Grammaticalization: Current Views and Issues*. 119. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 323–342.

- Toyota, J. 2008: Get-passive. *Diachronic Change in the English Passive*. London: Palgrave Macmillan, 148–184.
- Toyota, J. 2009: Passive as a tense-aspectual construction revisited: the case of Germanic languages. *GAGL: Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*. 49. University of Groningen Library URL: <https://ugp.rug.nl/GAGL/article/download/30507/27807/36391> (accessed 01.06.2023), 200–214.
- Tseng, J. L. 2007: English prepositional passive constructions. In: *Proceedings of the 14th international conference on head-driven phrase structure grammar*. Stanford CA: CSLI Publications, 271–286.
- Van Noord, G., Kordoni, V. 2005: A raising analysis of the Dutch passive. In: *The Proceedings of the 12th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*. Stanford CA: CSLI Publications, 410–426.
- Wiskandt, N. 2019: Middle voice in Scandinavian languages? The suffix-s(t) and its functions. In: Zabelina, E. A. (ed.). *16th Conference on Typology and Grammar for young scholars*. St.Petersburg, November 21–23, 2019. SPb.: ILI RAS, 184–187.

DOI: 10.30842/ielcp230690152723

N. G. Gorlov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb.
nikita@iling.spb.ru

M. S. Morozova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb.
morozovamaria86@gmail.com

A. N. Sobolev

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb.
sobolev@staff.uni-marburg.de

ETHNOLINGUISTIC GROUPS OF SOUTHEASTERN EUROPE: WAYS OF PRESENTATION

The experimental article discusses the problem of uniform analysis, digitalization and proportional presentation (visualization) of information available in scientific publications about modern ethnolinguistic groups in Southeastern Europe (Balkan and Carpathian-Danube areas). Based on the results of a systematic analysis and digitization of data sources, 200 ethnolinguistic groups and 50 linguistic varieties (languages) were found in the region. In a specially developed web application, digital methods for presenting these groups and languages in the form of interactive electronic graphs and geographical maps were selected and practically applied. The problems of providing comprehensive lists of ethnolinguistic groups and languages are discussed. The prospects for the development of quantitatively substantiated approaches to the compilation of representative *linguistic samples* for the region are outlined.

Keywords: ethnic groups of Southeastern Europe, languages of Southeastern Europe, Balkan Sprachbund, linguistic samples, visualization

Acknowledgements: This work has been carried out within the framework of the “Atlas of the Balkan Linguistic Area” project supported by the French National Research Agency (ANR-21-CE27-0020-ABLA) granted to Evangelia Adamou and the Russian Science Foundation (22-48-09003) granted to Andrey Sobolev.

The authors wish to express their gratitude to Professor Dr. Biljana Sikimić of the Balkanology Institute at SANU in Belgrade, Serbia, for providing valuable critical feedback on the initial version of this article.

Disclaimer: The authors disclaim any responsibility for errors or omissions in the political maps’ content. The information presented in the maps regarding political borders, including partially recognized borders, is accurate as of 1.1.2014.

Н. Г. Горлов

ИЛИ РАН, СПб, Россия. nikita@iling.spb.ru

М. С. Морозова

ИЛИ РАН, СПб, Россия. morozovamaria86@gmail.com

А. Н. Соболев

ИЛИ РАН, СПб, Россия. sobolev@staff.uni-marburg.de

Этнолингвистические группы Юго-Восточной Европы: способы презентации

В экспериментальной статье обсуждается проблема единообразного анализа, цифровизации и пропорциональной презентации (визуализации) имеющихся в научных изданиях сведений о современных этнолингвистических группах Юго-Восточной Европы (Балканского и Карпатско-Дунайского ареалов). По итогам системного анализа и перевода источников материала в цифровой формат в регионе установлено проживание 200 этнолингвистических групп и бытование 50 идиомов (языков). В специально разработанном веб-приложении произведен отбор и практически применены цифровые методы презентации этих групп и языков в виде интерактивных электронных графиков и географических карт. Обсуждены проблемы инвентаризации этнолингвистических групп и языков. Намечены перспективы разработки количественно обоснованных подходов к составлению репрезентативных *лингвистических выборок* по региону.

Ключевые слова: языки Юго-Восточной Европы, этнические группы Юго-Восточной Европы, балканский языковой союз, лингвистические выборки, визуализация

Introduction

This article examines potential methodologies and preliminary findings for the uniform analysis, digitalization, and proportional presentation (i.e. visualization) of data relating to modern ethno-linguistic groups in Southeastern Europe, specifically the Balkan and Danube-Carpathian areas. The data, which are available in authoritative scientific reference publications, currently exist only in analog formats, such as reference texts and numerous geographical maps, and are quantitative, spatial and qualitative in nature. In addition to fulfilling the methodological, practical, and informational objectives of the study, this experimental work also outlines initial approaches for developing quantitatively substantiated approaches of compiling representative *linguistic samples, specifically areal-linguistic (linguogeographic) samples*, for the region under investigation. Such samples are essential and commonly used, either explicitly or by default, in the creation of

linguistic atlases. It should be noted that this paper's scope is limited to exploring only a few approaches and techniques, without offering a comprehensive and fully systematic and structured presentation of information. Furthermore, the primary sources were not cross-checked during this study, nor were any additional sources used by the authors.

The article's first section addresses the problem of presenting and visualizing information concerning the ethnolinguistic groups of Southeastern Europe in the digital era and sets the task required to resolve this issue. The second section discusses the sources of information available for presenting and digitizing this data, while the third section concentrates on the selection and practical application of digital presentation and visualization techniques, implemented through a specially designed web application. The conclusion of the article summarizes key findings and identifies future research opportunities, including the discussion of potential problems and perspectives.

The Problem of Presenting Information on Ethnolinguistic Groups

The linguistic samples forming the basis of the lists of locations for cross-border linguistic atlases covering the region under consideration and not limited to the data about one language family, such as *Atlas Linguarum Europae* (Alinei et al. 1975), *Atlante linguistico mediterraneo* (Deanović 1964), the *General Carpathian dialectological atlas* (Bernshtejn et al. 1987), the *Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages* (Sobolev 2003), the *World Atlas of Linguistic Structures* (Dryer, Haspelmath 2020), and the less-known latest *Mouton Atlas of Languages and Cultures* (Carling 2019), do not reflect the complete local linguistic and ethnolinguistic diversity of the region. Moreover, they disproportionately represent the linguistic varieties (languages, dialects, and idioms) in terms of the number of speakers, not to mention the varying degrees of linguistic differentiation. Regarding the latter, we confine ourselves to paying attention to *WALS* (Gil 2020), which allows synchronous mapping at the same taxonomic level of data for several dialects of the German language, designated as German (Mansfeldisch), German (Riparian), etc., for the German standard language (linguonym German) and for several particular idioethnic languages of Eastern Europe (with linguonyms Albanian, Bulgarian, Romanian, Russian, etc.). Reference cartographic editions, such as Asher and Moseley's (2007), present arbitrary depictions of linguistic reality. For

example, Modern Greek is placed in the Western European area (Lachlan 2007), while the other Balkan languages and idioms are attributed to the languages of North Asia and Eastern Europe (Comrie 2007). The *Atlas Linguarum Europae*, as known, maps the territories of nation-states as a monolingual space of the language of the titular ethnic groups, ignoring the numerous idioms of minorities (see, for example, the set of data points in the Hellenic Republic).

The inadequate and biased representation of ethnolinguistic groups, languages, and dialects in Southeastern Europe cannot solely be attributed to linguistic atlases. Rather, it is reflective of the general state of affairs in the field of European history and ethnography, Balkan areal-typological linguistics, and world linguistics in general. Recent well-documented work (Demeter, Bottlik 2021) convincingly demonstrates that historically, the mapping of ethnic groups in Southeastern Europe has always reflected not the objective state of affairs in specific regions, but rather the political intentions of nationally, if not nationalistically oriented geographers, including staunch national socialists (Krallert 1941). Although nowadays the replacement of archaic national biases with politically correct, minority-oriented ones (Magoczi 2018; Kamusella 2021) has added important details to the overall picture, it does not solve the general problem. The main issue lies in the technical limitations of analogue printing, which prevent ethnographic and generalizing linguistic maps, including those that are politically neutral (Straka 1979), from including and objectively, visually, and proportionally presenting all relevant information. Thus, such maps are incomplete by definition.

Despite the fact that achieving ideal linguistic sampling, which includes compiling representative lists of locations for linguistic atlases, was unattainable in the past and is unlikely to be feasible in the near future, given the current state of affairs in Balkan linguistics, the goal of achieving a sufficient, maximally comprehensive and proportional, as well as reliable representation of the diversity of linguistic (and relevant ethnographic) facts, taking into account the different degrees of dialect differentiation on the ground, raises questions about the methods of compilation and digitalization, as well as ways to visualize the results in the new international project, the *Atlas of the Balkan Linguistic Area* (Adamou, Sobolev (Eds.) 2023)¹. Is it possible to find ways to correlate the available unstable politico-geographical (Dami 1976),

¹ See also the developments of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences: <https://minlang.iling-ran.ru>.

often estimative quantitative ethnographic, very fragmented demographic and ethnographic, and only partially available sociolinguistic information (such as “on the territory of states X, Y there is a number of N representatives of the ethnic group Z”) with the qualitative linguistic one (like “on the territory of Ω there are linguistic varieties $\alpha, \beta, \gamma...$ ”), to visualize it on linguistic and ethnolinguistic maps, and use it to create representative linguistic samples for further in-depth research? Until these tasks are resolved, many far-reaching generalizations can be considered premature, particularly the quest for regular relationships between ethnographic, sociolinguistic, and proper linguistic information (Scherbakova et al. 2023), at least for Southeastern Europe, which still retains some of the characteristics of terra incognita in the 21st century.

The first move towards achieving this ambitious goal can be made by addressing two challenges: compiling a comprehensive inventory of available reliable information and visualizing it in digital format. To address the first task, we draw on the material from two academic sources (Jordan 2006; Kahl 2014), while for the second task, we compile diagrams and graphs and use mapping tools.

It is important to note that in this article, we are not attempting to solve the ontological problem of enumerating and inventorying all the ethnolinguistic groups of Southeastern Europe (we leave this task to geography, demography, ethnography, descriptive linguistics, and sociolinguistics). Instead, we aim to address the methodological and applied technological problem of creating a convenient and interactive visualization of the results of such an enumeration and listing, with the aim of further creation of representative linguistic samples for the region.

Compiling and Digitizing Information on Ethnolinguistic Groups

From a methodological perspective, the following steps are distinguished as important for solving the task. Firstly, it is essential to ensure that the sample is comprehensive in terms of including all the ethnolinguistic groups of Southeastern Europe that are known to science. If we compile even a representative sample of only those groups currently of interest to a certain circle of scholars², we may

² This approach is often used in linguistic atlases and databases. Cf. the WALs sample, which includes a total of 2,662 languages and dialects, but at the same time represents a selected set of language types that reflect the behavior of individual interesting parameters of interlingual variation.

find that the observed distributions are far from fully corresponding to reality. The region under study poses a particular challenge in presenting certain groups, such as Aromanians or Roma, where even the approximate size of the group is difficult to determine. Secondly, an approach to quantitatively assess the number of ethnolinguistic groups must be developed, which adequately considers both relatively precise data and rough estimates.

The authoritative “Atlas of Eastern and Southeastern Europe” (Jordan 2007) was the primary source of data for our study. This atlas contains information about the ethnic composition of the population in countries belonging to these regions, approximately at the end of the 20th and beginning of the 21st century. The compilers of the Atlas used first of all the official population censuses conducted in 2001–2004 as the primary sources of information. Occasionally, the authors of sections on individual countries also provided other quantitative data from literature on ethnography and anthropogeography. For Kosovo, information on the ethnic groups was based on estimates from UNHCR, OSCE, and KFOR as of 31.8.1999. One of the challenges we faced while working with the Atlas was to compile a comprehensive list of ethnolinguistic groups in Bosnia and Herzegovina. We had to rely on incomplete estimates for the territory of the Federation of Bosnia and Herzegovina as of 31.12.2003. In the future, we aim to consider the ethnolinguistic composition of Republika Srpska, as well as the number of speakers of Romani, Sephardic, Italian, German, Ukrainian, Czech and other languages throughout the country once reliable information becomes available.

As the Atlas does not include data for the Turkish and Greek Republics, and does not always provide information on the smallest ethnic groups, which are often classified as “Other” in the results of population censuses, we used an additional source — the publication by Thede Kahl, one of the compilers of the Atlas (Kahl 2014). This publication attempts to provide a comprehensive list of the idioethnic languages and corresponding populations of Southeastern Europe. Quantitative estimates are often approximate (e.g., the number of Italian speakers is “several tens of thousands”) or absent (e.g., Arabic-speaking Muslims in Cyprus, Turkey, Greece, and Romania).

It is important to note that using an additional source did not allow us to compile an exhaustive list of ethnolinguistic groups residing in Southeastern Europe. Our sources, as well as censuses and other publications on population composition that served as

primary sources for them, do not take into account a range of groups that are officially recognized or unrecognized as ethnic (national) minorities. For instance, Croats (Letnica, Janjevo) and Bosniaks of Kosovo (not mentioned in our data), Bunjevci in Hungary (not yet recognized as a minority), Bulgarians in North Macedonia (usually from Eastern Serbia, where they are recognized as a minority), Bulgarians in Hungary (“Bashtovans”, a recognized minority), [Balkan] Egyptians in southern Serbia and Montenegro, and many others. Therefore, it will be necessary to search and select a larger number of sources in the future to achieve the goal of comprehensively and reliably reflecting ethnic and linguistic diversity.

The data extracted from both sources were collated in an Excel spreadsheet. In accordance with the methodology adopted by the sources, ethnolinguistic groups were categorized based on the political-administrative principle, i.e. by the countries where they were registered or mentioned. For their linguistic varieties, language families and language groups were also indicated. However, this approach did not allow us to consider some of the quantitative estimates given in our sources without distribution by country, such as the total number of Aromanian speakers, which is estimated at 400,000 in (Kahl 2014: 97).

The German ethnonyms and linguonyms found in the sources, as well as the self-denominations of groups and their varieties (if mentioned), were recorded in separate columns of the table. English translations were identified for the German terms, and were used for captions on graphs and maps during subsequent data visualization experiments.

The resulting table contains information on 200 ethnolinguistic groups and 50 linguistic varieties (idioethnic languages) in South-eastern Europe. At this stage of work, in case of any discrepancies between the data of our sources and information from others, we relied on the estimates and terminology of the former. For instance, separate positions in the list of groups are given to “Romanians (Timok Vlachs)” in Serbia and Bulgaria, “Romanians” of Serbian Banat, “Aromanians”, etc. — which corresponds to Germ. “Rumänen” (“Timok-Vlachen”), “Rumänen”, “Aromunen” mentioned in our two sources.

As separate “languages”, the speakers of which constitute a specific ethnic group, we distinguished, for example: the linguistic varieties spoken by the two historical Albanian diasporas — the Arvanites of Greece and the Arbëresh of Italy (along with the Albanian language); Cretan and Cypriot dialects of the Greek

language, Greek varieties spoken by Pontic Greeks, Romaniotes and Istanbul Karaites, Karakachans, Valahads, Tsakonian Greeks (along with the Greek language); Gorani language and Pomak variety; Italian and Istro-Romance (Istriot); (Daco)-Romanian (together with Moldavian), Aromanian, Megleno-Romanian and Istro-Romanian. Conversely, the umbrella term “BCMS” (Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian) is used for the “language” spoken by multiple groups, including Serbs, Croats, Bosniaks, Montenegrins, “Muslims”³, Šokci, Bunjevci, and Burgenland Croats, as identified by our sources and their primary sources. While it would be preferable to clearly distinguish and evaluate the number of speakers of specific languages or language variants by country, this is often impossible due to the lack of reliable information in sources about the linguistic affiliation of groups like “Muslims”, Serbs, and Montenegrins (as in Montenegro).

In the table, quantitative data extracted from sources is presented as follows. In general, missing data is marked as NA (not available), while census data and other specific estimates of varying degrees of accuracy are reproduced unchanged. For approximate estimates, we use forms of numerical expression like “more/less/about [1,000/10,000]” = “[1,000/10,000]” and “several tens/hundreds/thousands/tens of thousands” = “50/500/5,000/50,000.” For example, the approximate number of Cretan Greek-speaking Muslims in Turkey is 50,000 people (“several tens of thousands,” according to Kahl 2014), while the number of Greek Cypriots is 0.5 million (“more than 500,000 thousand,” according to the same source). For some groups, the size remains unknown due to insufficient data from two sources, such as the number of Istriot speakers in Croatia, Aromanian speakers in Greece, Gorani language speakers (who did not appear as a separate ethnic group in censuses until the 2010s) and Turkish speakers in Turkey. The latter is due to the absence of data on the Republic of Turkey in Jordan et al. 2007 and the decision not to provide data on the number of Turkish speakers in Kahl 2014⁴.

³ Denomination of Slavic-speaking Muslims in the former Yugoslavia; currently used by some groups as a self-denomination. This term hereinafter appears in the text of this article in quotation marks.

⁴ “Die Zahl der Türksprecher in der Türkei ist aufgrund der hohen Zahl von Zweitsprechern anderer ethnischen Herkunft (v.a. Kurden) schwer zu ermitteln” (Kahl 2014: 114).

We were required to adopt a special approach for certain groups due to the specific nature of their ethno-linguistic consciousness and its presentation by official sources. These groups include the Albanian-speaking Ashkali and [Balkan] Egyptians residing in Albania, Kosovo, and North Macedonia; Serbo-Croatian-speaking minorities (Bunjevci, Šokci), as well as “Muslims” in the former Yugoslavia member states and Pomaks of Bulgaria. The Ashkali and Egyptians are not represented as separate ethnic minorities in the late 20th and early 21st-century population censuses. Before appearing in the censuses, both groups tended to identify themselves as Albanians. Additionally, Ashkali occasionally self-identify as Roma, while Egyptians never do so, but in Yugoslavia they could unconditionally be counted as Roma. Hence, we classified the number of Ashkali and Egyptians in their respective countries of residence as unknown (NA), and official estimates of the number of Albanians in these countries, derived from sources, were interpreted in the table — and subsequently in the captions on graphs and maps — as follows: Albanians_with_Egyptians (Albania, 2,763,959 people; North Macedonia, 509,083 people), Albanians_with_Egyptians Ashkali (Kosovo, 1,564,000 people).

Similarly, we accounted for the total number of “Muslims” in countries such as Montenegro, Serbia, and North Macedonia, based on available census data, but differentiated separate groups with an unknown number, such as Gorani and Macedonian-speaking Muslims in the Reka and Župa regions of North Macedonia (in the 2002 Macedonian census, “Muslims” who spoke Serbo-Croatian and Macedonian were combined into a single “ethnic group”). Bunjevci and Šokci in the official censuses of Serbia (2002) and Hungary (2001) were categorized as a Croatian-speaking group with Croats (Croats_with_Bunjevci_Shokci, 76,312 and 25,730 people, respectively). However, for our calculations, they were considered as distinct groups with an unknown number, as in the two previous cases. Lastly, estimating the number of Pomaks in Bulgaria was complicated because Slavic-speaking Pomaks can classify themselves or be classified as Bulgarians, whereas the Turkic-speaking ones can identify as Turks. Therefore, the data on the ethnic composition of the population from the 2001 Bulgarian census used in our study were interpreted as follows: Bulgarians_with_Pomaks — 6,655,210 people, Turks_with_Pomaks — 746,664 people, Pomaks (Bulgarian-speaking) — NA, Pomaks (Turkish-speaking) — NA.

In terms of linguistic differentiation among identified groups and the further visualization of linguistic diversity, one particular challenge was to present the number of Romani speakers residing in Southeastern European countries. A comparison of census data, which reflect the ethnic and linguistic makeup of the population, reveals that not all individuals who identify as Roma necessarily speak the Romani language fluently or at all. For instance, in Romania, the 2002 census recorded 535,140 Roma, but only around 238,000 individuals reported Romani as their mother tongue. Consequently, we had to distinguish Hungarian-speaking (in Hungary), Romanian-speaking (in Romania), Turkic-speaking (in Turkey and Bulgaria), and other Roma groups, without indicating their size, as we were unable to obtain such data from our sources.

Digital Methods for Presenting Information on Ethnolinguistic Groups

The use of modern digital tools has made it possible to conveniently represent data on the number and distribution of studied ethnolinguistic groups through graphical means, such as point representations of the distribution territories. This includes also the choice of character size for the developed scale, taking into account the difference between the minimum and maximum values of the group size. Using the tools described below, we conducted a series of experiments to visualize the political-geographical, estimated ethnographic, and sociolinguistic information that we collected.

These experiments were based on an Excel table containing data on 200 ethnolinguistic groups and 50 language varieties in Southeastern Europe. We utilized the programming language R (R Core Team 2023) as a toolkit, which provides a wide range of possibilities for statistical processing, visualization of data, as well as exporting and publishing the resulting visualizations due to the language's basic functionality and add-on packages that extend it.

The source table was imported into the R environment using the *readxl* package (Wickham, Bryan 2023). We then made several changes to the resulting data frame (data table) to ensure adequate and convenient visualization of data, including redefining the formats of its columns (text and numeric), and conventionally marking the size of all ethnic groups whose numbers were originally listed as unknown (NA) with the number 1,000.

The data visualizations, generated using the functionality of various R packages, are HTML widgets that can be exported as separate files or integrated into web pages and applications. To

provide free access to the results of our data visualization experiments, we utilized the functionality of the R shiny package (Chang et al. 2022) to create an interactive web application. This application generates the required visualizations and displays them for users to interact with. The web application is hosted on the server of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Gorlov et al. 2023).

We utilized the *plotly* package (Sievert 2020) to create an interactive bar chart as the first way to visualize our data. This package allows for the creation of various interactive charts, including bar charts, line charts, histograms, correlation charts, etc. The interactivity of charts generated with this package includes features such as

- scaling, both general (using corresponding interface buttons or scrolling the mouse wheel) and local (using the mouse to select a specific area on the chart),
- visual movement through the chart,
- selection of individual elements using “square” or “lasso” tools,
- exclusion and inclusion of individual elements in the overall visualization by clicking on elements of the chart legend,
- viewing detailed information by hovering over columns with the mouse pointer after selecting either “Show closest data on hover” or “Compare data on hover” in the interface of the chart, and
- saving the chart in its current configuration as a static image.

We have incorporated the plots generated using the *plotly* package into the first tab of our application, named “Barplots”. The displayed graphs have been divided into two groups, which can be toggled by the user in the control panel located in the upper left corner of the tab.

The first group comprises bar charts that present information on the ethnolinguistic composition of countries and the size of their respective ethnolinguistic groups, using data extracted from the source spreadsheet. To visually differentiate the groups and column segments, we have used a partially modified ready-made palette from the *pals* package (Wright 2021). The control panel located to the left of the generated graphs has toggle switches that enable users to define the following parameters not regulated by the interactive graph interfaces themselves:

- Y-axis type (linear or logarithmic);
- the order of data output on the X-axis (alphabetical or descending column heights);
- the type of data on the X-axis (countries or ethnic groups).

The second group includes charts that display information about the ethnolinguistic diversity of the countries presented in the source Excel spreadsheet, i.e., the number of ethnic groups and languages found in each of the countries. In this case, toggle switches have been added to the control panel, making it possible to define the following chart parameters:

- Y-axis type (linear or logarithmic);
- the order of data output on the X-axis (alphabetical or descending column heights);
- the type of data on the Y-axis (the number of languages or the number of ethnic groups found in countries).

The next method of data visualization that we explored was digital cartography. The functionality of the R language and the downloadable leaflet package (Cheng et al., 2023) enabled us to create interactive digital maps that display various graphic elements, such as markers, polygons, and legends, and have basic features like map scaling, movement, and interaction with displayed graphic elements. Such maps, along with plotly graphs, can be embedded in a shiny web application. Using information from the source spreadsheet, we have displayed two maps on the second tab of our application, titled “Maps”. Switching between them is possible through the control panel located in the upper left corner of the tab.

The first map visualizes data on the ethnic and linguistic diversity of countries, with country boundary polygons being used as the format for the visual representation of these countries. We obtained publicly available cartographic information in the GeoJSON format for these polygons from the geoBoundaries database (Runfola et al., 2020), and imported the data into the R environment using the geojsonio package (Chamberlain et al., 2023). The resulting polygons were assigned manually specified colour tints according to the number of ethnic groups (ranging from 3 to 26) and the number of languages (ranging from 1 to 23) found in a particular country. In addition to the polygons, we added the following functions to the map:

- an explanatory legend located in the upper right corner of the map;
- a toggle switch located in the lower right corner of the map for displaying either ethnic or linguistic diversity;
- pop-up fields which show the exact number of ethnic groups or languages found in a particular country when hovering the mouse over its territory, along with a full list of groups or languages on click.

In our second map, we opted to display information derived from the data in the source Excel spreadsheet concerning both the ethnic diversity of countries and their precise ethnic composition. To accomplish this, we used pie charts positioned over each country according to the coordinates of their approximate geographic centers or “centroids”, obtained from the downloadable *CoordinateCleaner* package (Zizka et al. 2019). The charts were created using the *leaflet.minicharts* package’s features (Bachelier et al. 2021) and coloured using the previously mentioned *pals* package’s palette. Each pie chart illustrates the percentage of the total population of the country belonging to each ethnic group. We chose to display information about the ethnic diversity of countries using varying diameters of these pie charts. Additionally, we added the option to view the precise information regarding the size of ethnic groups in a pop-up field that appears after clicking on a particular chart.

Finally, on the third tab of our application, “Table”, we presented our initial data in an unaltered tabular format (specifically, unknown values for the number of ethnic groups are not represented as 1,000, as was the case for visualizations in graphs and maps). We accomplished this using the R *reactable* package (Lin 2023). The resulting interactive table enables users to conduct full-table searches, search by individual columns, and sort the entire table by values in a specific column.

Conclusions

The primary data from both sources have been extracted and presented in digital form, allowing for convenient visualization of the information contained within. It is obvious that in the digital era, the gradual splitting of large and medium ethnolinguistic groups, up to the indication and visualization of infinitely small ones, is not a technical problem as any groups can be combined into any groups according to any relevant feature and visualized in any way.

In the digital age, there is no need to establish a quantitative limit and exclude even the smallest groups from consideration, such as the Istro-Romanians (with less than 1,000 people) or the Turks (with less than 400 people) of Croatia. However, it would be incorrect to mechanically attribute the entire number of representatives of any group to the speakers of the corresponding language, in specific cases such as Istro-Romanian and Turkish, and even more so to the speakers of one of the dialects of these languages. For instance, among the Turks of Croatia, there may be both Muslims

and non-Muslims, speakers of various Turkic varieties, and speakers of South Slavic varieties.

The digitalization and visualization tools chosen in this work are ergonomic, accurate, and convenient. The results of the synthesis of primary data in graphs and on geographical maps are clear, and the interface is user-friendly. Continued work with the R software package, which has a number of advantages over similar tools such as Wordpress and Drupal, can be considered a promising direction.

In contrast to the analogue publications of the Vienna Atlas, our visualization result is not only for the first time made using digital technologies and presented in digital form, but it also fully includes the Hellenic Republic, which is rarely considered, perceived and presented as a country distinguished by ethnolinguistic and linguistic diversity in Western science. Additionally, we introduce an index of ethnolinguistic diversity in our work. Although we have to apply it to individual states at the present stage, in the future, it can be introduced for various regions of Southeastern Europe, regardless of political boundaries. Despite the unavoidable incompleteness of the primary data at present and the inability to accurately localize a significant part of them in geographic space, a certain general opposition can be distinguished between the ethnolinguistically and linguistically more uniform western part of the Balkan Peninsula with its dispersed, often very small ethnic groups, and the northeast, east, and south of the entire Southeast European area with compact subareas of residence of large ethnolinguistic groups numbering hundreds of thousands of people. The geographical distribution of quantitatively different groups may indicate different ways of forming the ethnolinguistic landscape, including migrations and various models of colonization, such as Hellenic, Roman, Slavic, Ottoman, Habsburg, and others.

The mechanical enumeration of the number of points for a hypothetical Linguistic Atlas of Southeastern Europe, aimed at reflecting the ethnolinguistic diversity of the territory as fully as possible, results in either a “politically correct” outcome of 200 ethnolinguistic groups, or a “typologically oriented and quantitatively disproportionate” outcome of 50 purely linguistic entities, or, if we consider an ethnolinguistic group of 5,000 as the minimum unit, an idealistic outcome of several thousands. Our analysis reveals that, in reality, ethnic and linguistic groups of people are treated separately, as different entities, in modern reference scientific literature, despite declarations of an integrated approach to them. Meanwhile, linguists, who typically deal with the latter, have to rely

on incomplete, imperfect, and often unreliable information about the former.

We can formulate a problem that arises at the intersection of different sciences and is relevant to linguistics: how to quantify knowledge about linguistic entities (different forms of the existence of languages that are not national standards) and visualize this knowledge in lists, tables, graphs, diagrams, and maps? Currently, on the basis of the quantitative and geographical data available in world science, we cannot draw generalizations about a number of ethnolinguistic groups (including quite large ones like the Aromanians); the quantitative aspect of the actual linguistic diversity of ethnolinguistic groups (for example, how many Croats currently speak Chakavian varieties or spoke them in the mid-20th century, how many Bulgarians speak Mysian, how many Albanians speak the Labëri subdialect, etc.); or how to account for and visualize the quantitative aspect of dialectal and sociolinguistic variation in the languages of these groups. It is also difficult to determine how these data vary across sub-regions of Southeastern Europe and how they can be mapped regionally.

Therefore, we face, in particular, the problem that the analogue dialectological maps of the idioethnic languages of Southeastern Europe are currently not correlated with quantitative data on the corresponding ethnolinguistic groups. Consequently, we cannot *quantify* the linguistic differentiation within an ethnic group and calculate the relationship between linguistically differentiated ethnic groups. At the same time, the depth of dialect differentiation and fragmentation of the dialect division of different idioethnic languages and different parts of the dialectal landscape of one language can vary significantly, and for some cases, such as the Greek language, this is still unknown. It is also impossible to distinguish between ethnolinguistic groups where this distinction is not explicitly provided in our sources (for example, this concerns the separate representation of Ashkali and Egyptians in Kosovo, Albanian-speaking Egyptians and Ashkali in Montenegro, Romanian-speaking and other Banyashi in Serbia, Hungarian- and Serbian-speaking Jews in Serbia, “Yugoslavs”, and other speakers of the Serbo-Croatian language, etc.). A particular problem arises due to the fact that linguistically (primarily contactologically) interesting peripheral idioms, including diasporas, have a very small number of speakers.

It is highly possible that the exhaustive identification, compilation, and explication of all the factors affecting the “number

of speakers” in L1, L2, and so forth, in historical dynamics, social stratification, and uneven geographical distribution is a task that may not be feasible even for “long- and well-studied” regions such as the bilingual cantons of Switzerland in Western Europe. Complicating the matter further is the overlapping of dialects by standard languages, regiolects, and koines, which is already widespread in Southeastern Europe since the latter half of the 20th century. For instance, the number of speakers of the basic Rhodopean or basic Tran Bulgarian dialect in Bulgaria in the 21st century tends to zero, while a century ago, the entire population of the corresponding region could be counted as such speakers (bearing in mind that linguistic and administrative borders usually do not coincide). Additionally, it is equally difficult to consider the changing parameters of bilingualism during significant political transformations. For example, should all Albanians of Kosovo be considered speakers of Serbo-Croatian as L2 from 1913 to 1999, and Albanians of present-day North Macedonia as speakers of Serbian and then Macedonian as well? Finally, to what extent can both of these ethnolinguistic groups be considered speakers of the standard Albanian language as of 1972?

Digital tools that we use can offer the possibility of producing both generalizing graphs of the entire region without taking into account its political fragmentation and mapping the regional, cross-border distribution of ethnolinguistic groups. Both approaches can be useful in visualizing information on groups like Aromanian speakers. To do this, the list of data sources must be expanded, constantly structured, and verified, clarified, updated, and supplemented according to the most reliable, depoliticized academic publications (Sorescu-Marinković et al., 2020). We are confident that the direct replenishment of primary data using information from national censuses and international and local public organizations is possible, provided they are confirmed by the independent *scientific, academic* community in authoritative peer-reviewed scientific publications.

It is evident that more research is required to achieve the aim of presenting and visualizing the diversity of linguistic and ethnolinguistic facts comprehensively, reliably, and proportionally, taking into account the varying depths of dialect differentiation on the ground in Southeastern Europe. In the future, compiling genuinely representative and inclusive *linguistic and areal-linguistic (linguogeographic) samples* for the region is desirable. While

automating this process seems to be a matter of the distant future, expert evaluation remains the most critical tool.

Bibliography

- Adamou, Evangelia (Ed.). 2008: *Le patrimoine plurilingue de la Grèce*. Leuven: Peeters.
- Adamou, Evangelia. Sobolev, Andrey N. (Eds.). 2023: *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. <https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/> (Last accessed 2023-04-26)
- Alinei, Mario A. et al. (Eds.). 1975: *Atlas Linguarum Europae (ALE): Introduction*. Assen: Van Gorcum.
- Asher, Robert E. Moseley, Christopher. (General Editors). 2007: *Atlas of the World's Languages*. Second Edition. London and New York: Routledge.
- Bachelier, Veronique et al. 2021: *leaflet.minicharts: Mini Charts for Interactive Maps*. R package version 0.6.2. <https://CRAN.R-project.org/package=leaflet.minicharts>. (Last accessed 2023-04-26)
- Bernštejn, Samuil B. et al. (Eds.). 1987: *Atlas dialectologique des Carpathes. Tome introductif*. Skopje: MANU.
- Carling, Gerd (Ed.). 2019: *Mouton Atlas of Languages and Cultures*. Berlin; New York: de Gruyter Mouton.
- Chamberlain, Scott. 2023: *geojsonio: Convert Data from and to 'GeoJSON' or 'TopoJSON'*. R package version 0.11.0. <https://CRAN.R-project.org/package=geojsonio>. (Last accessed 2023-04-26)
- Chang, Winston et al. 2022: *shiny: Web Application Framework for R*. R package version 1.7.4. <https://shiny.rstudio.com/> (Last accessed 2023-04-26)
- Cheng, Joe et al. 2023: *leaflet: Create Interactive Web Maps with the JavaScript 'Leaflet' Library*. R package version 2.1.2. <https://CRAN.R-project.org/package=leaflet>. (Last accessed 2023-04-26)
- Comrie, Bernard. 2007: Northern Asia and Eastern Europe. In Asher, Robert E. Moseley, Christopher. (General Editors). *Atlas of the World's Languages*. Second Edition. London and New York: Routledge, 231–240.
- Dami, Aldo. 1976: *Les frontières européennes de 1900 à 1975 : histoire territoriale de l'Europe*. Genève: Médecine et hygiène.
- Deanović, Mirko. 1964: Deux atlas plurilingues et la slavistique. In *Revue des Études Slaves*. 40, 55–60.
- Demeter, Gábor. Bottlik, Zsolt. 2021: *Maps in the service of the nation : the role of ethnic mapping in nation-building and its influence on political decision-making across the Balkan Peninsula (1840–1914)*. Berlin: Frank & Timme.

- Dryer, Matthew S. Haspelmath, Martin. (Eds.). 2020: *WALS Online* (v2020.3) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <http://wals.info/chapter/54>, Accessed on 2023-04-03.)
- Gil, David. 2013: Distributive Numerals. In Dryer, Matthew S. Haspelmath, Martin. (Eds.). *WALS Online* (v2020.3) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <http://wals.info/chapter/54>, Accessed on 2023-04-03.)
- Gorlov, Nikita G. Morozova, Maria S. Sobolev, Andrey N. 2023: Web Only Supplemental Material (Open Access). Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation. In *Indoeuropejskoje âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ* [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]. https://shiny.iling.spb.ru/Gorlov_et_al_2023/ (Last accessed 2023-04-26)
- Jordan, Peter et al. (Eds.). 1995: *Atlas Ost- und Südosteuropa. Ethnische Struktur Südosteuropas um 1992*. Wien: Österreichisches Ost- und Südosteuropa-Institut Wien.
- Jordan, Peter et al. (Eds.). 2006: *Atlas Ost- und Südosteuropa. Ethnisches Bewusstsein in Mittel- und Südosteuropa um 2000*. Wien: Österreichisches Ost- und Südosteuropa-Institut Wien.
- Kahl, Thede. 2014: Ethnische, sprachliche und konfessionelle Struktur der Balkanhalbinsel. In Himstedt-Vaid, Petra et al. (Eds.). *Handbuch Balkan*. Wiesbaden: Harrassowitz, 87–134.
- Kamusella, Tomasz. 2021: *Words in Space and Time : A Historical Atlas of Language Politics in Modern Central Europe*. Budapest; Vienna; New York: Central European University Press.
- Krallert, Wilhelm. 1941: *Volkstumskarte von Jugoslawien*. Wien: o. Verl.
- Lachlan, Mackenzie J. 2007: Western Europe. In Asher, Robert E. Moseley, Christopher. (General Editors). *Atlas of the World's Languages*. Second Edition. London and New York: Routledge, 259–264.
- Lin, Greg 2023: *reactable: Interactive Data Tables for R*. R package version 0.4.4. <https://CRAN.R-project.org/package=reactable>. (Last accessed 2023-04-26)
- Magoczi, Paul Robert. 2018: *Historical Atlas of Central Europe: Third revised and expanded Edition*. Toronto: University of Toronto Press.
- R Core Team. 2023: *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing. <https://www.R-project.org/>. (Last accessed 2023-04-26)
- Runfola, Daniel et al. 2020: geoBoundaries: A global database of political administrative boundaries. In *PLoS ONE*. 15(4): e0231866.

- Scherbakova, Olena et al. 2023: Societies of strangers do not speak grammatically simpler languages. In *Sciences Advances*. Submitted manuscript. DOI:10.31235/osf.io/svfdx
- Sievert, Carson. 2020: *Interactive Web-Based Data Visualization with R, plotly, and shiny*. Florida: Chapman and Hall/CRC. <https://plotly-r.com>. (Last accessed 2023-04-26)
- Sobolev, Andrey N. (Ed.). 2003: *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov (MDABYa)* [Minor dialectological Atlas of the Balkan languages (MDABL)]. München: Verlag Otto Sagner; St. Petersburg: Nauka.
- Sorescu-Marinković, Annemarie. Mirić, Mirjana. Ćirković, Svetlana. 2020: Assessing Linguistic Vulnerability and Endangerment in Serbia. A Critical Survey of Methodologies and Outcomes. In *Balkanica*. LI, 65–104.
- Straka, Manfred. 1979: *Völker und Sprachen Europas unter besonderer Berücksichtigung der Volksgruppen*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt.
- Wickham, Hadley. Bryan, Jennifer. 2023: *readxl: Read Excel Files*. R package version 1.4.2. <https://readxl.tidyverse.org>, <https://github.com/tidyverse/readxl>. (Last accessed 2023-04-26)
- Wright, Kevin. 2021: *pals: Color Palettes, Colormaps, and Tools to Evaluate Them*. R package version 1.7. <https://CRAN.R-project.org/package=pals>. (Last accessed 2023-04-26)
- Zizka Alexander et al. 2019: CoordinateCleaner: standardized cleaning of occurrence records from biological collection databases. In *Methods in Ecology and Evolution*. 10(5), 744–751. DOI:10.1111/2041-210X.13152. <https://github.com/ropensci/CoordinateCleaner> (Last accessed 2023-04-26)

Interactive digital appendix to this article: Gorlov, Nikita G. Morozova, Maria S. Sobolev, Andrey N. 2023. Web Only Supplemental Material (Open Access). Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation. In *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaâ filologija* [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook] is located on the link https://shiny.iling.spb.ru/Gorlov_et_al_2023/ (Last accessed 2023-05-11).

Т. Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.
Tatjana.Jackson@gmail.com

ЧТО ТАКОЕ *ГАНДВИК*? НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА И СОСТАВЛЕНИЯ УКАЗАТЕЛЕЙ

Речь в статье идет о гидрониме *Gandvík* ‘Колдовской залив’, фигурирующем в значительном числе памятников древнескандинавской письменности. Издатели и переводчики этих текстов традиционно отождествляют *Gandvík* с Белым морем, хотя, как показывает материал источников, оснований для этого в средневековых текстах практически нет. *Gandvík* служит обозначением водных массивов за северной оконечностью Скандинавского полуострова, включающих и Северный Ледовитый океан, и его моря: Белое и Баренцево. На ментальной карте древнеисландских авторов всё это водное пространство представляло собой огромный залив, располагавшийся к северу от Норвегии и Финнмарка и ограниченный с севера какими-то неизвестными землями, протянувшимися в северную сторону от Бьярмаланда. Наравне с гидронимом *Gandvík* в этом значении выступали гидронимы *Dumbshaf* ‘Море туманов’ и *Sinus septentrionalis* ‘Северный залив’, а также композит *hafsbötn* ‘морской залив’. В статье предлагается объяснение того, почему *Gandvík* ошибочно вошел в переводы и географические указатели к ним как ‘Белое море’.

Ключевые слова: древнескандинавские письменные памятники, Белое море, Северный Ледовитый океан, историческая география, практика перевода

Tatjana N. Jackson
Institute of World History, RAS, Moscow, Russia. Tatjana.Jackson@gmail.com

What is *Gandvík*? Some remarks on principles of translation and indexing

The article deals with the hydronym *Gandvík* ‘Sorcerer’s Bay’ which appears in a big number of Old Norse-Icelandic texts. Publishers and translators of these texts traditionally identify *Gandvík* with the White Sea, although, as the source material demonstrates, there are practically no grounds for this in medieval texts. *Gandvík* serves as a designation of water bodies beyond the northern tip of the Scandinavian Peninsula, including both the Arctic Ocean and the White and Barents Seas belonging to it. On the mental map of the Old Icelandic authors, all these waters formed a huge bay located to the north of Norway and Finnmark and bounded from the

north by some unknown lands stretching north from Bjarmaland. Along with the hydronym *Gandvik*, hydronyms *Dumbshaf* ‘Sea of fogs’, *Sinus septentrionalis* ‘Northern bay’ and a composite *hafsbötn* ‘sea bay’ could be used in this meaning. The article offers an explanation of why *Gandvik* was erroneously translated and, correspondingly, entered the geographical indexes to those translations as the ‘White Sea’.

Keywords: Old Norse-Icelandic literature, White Sea, Arctic Ocean, historical geography, principles of translation and indexing

В памятниках древнескандинавской письменности нередко встречается гидроним *Gandvik*, служащий обозначением каких-то водных массивов за северной оконечностью Скандинавского полуострова. Его буквальное значение — ‘Колдовской залив’. По одной, как бы самой очевидной версии, это название происходит от весьма редкого и трудно определяемого слова *gandr*, m, которое означает нечто связанное с колдовством, чаще — магический посох, и слова *vík*, f «залив» (Tiander 1906: 76; Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 188; и др.). По второй версии, у которой сторонников несколько больше, в основе гидронима *Gandvik* лежит местное финское название Канта-лакшского залива Белого моря *Kanta-lahti* (Lidén 1896: 115; Mikkola 1942: 54; de Vries 1957–1961: 155; Holmberg 1976: 171–172; Pritsak 1981: 134, n. 75; Koskela Vasaru 2011: 176–177 и др.).

Однако в определении того, к чему относится гидроним *Gandvik*, составители словарей, издатели и переводчики древнескандинавских текстов практически единодушны: они дружно отождествляют *Gandvik* с Белым морем (см.: Holmberg 1976: 171: «*Gandvik*... Vita havet, som namnet allmänt kommenteras» [«*Gandvik*... Белое море, как обычно комментируют это имя»]). Приведу мнение нескольких очень известных авторов словарей древнеисландской прозы и поэзии: Sveinbjörn Egilsson 1860: 222: «mare album, pars oceani glacialis»; Sveinbjörn Egilsson, Finnur Jónsson 1931: 170: «Det hvide hav (vel egl. ‘trolddomskunsternes vig’, idet inbyggerne ansås for at være mestre i trolddom)»; Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 188: «‘*Gand*’ bay, i.e. *Magic bay*, the old name of the *White Sea*, for the Lapps were famous sorcerers»; de Vries 1957–1961: 155: «‘das Weisse Meer’, durch volksetym. anlehnung an *gandr* < finn. *Kantalahti*»; Ásgeir Blöndal Magnússon 1989: 229: «fnorr. heiti á Hvítahafi. Ummyndun á finnska nafninu *Kantalahti*; *lahti* ‘vík’»).

На это мнение издателей и переводчиков текстов мы посмотрим через призму самих этих текстов. Самые ранние

источники — это стихи исландских скальдов X–XI вв., сохранившиеся в качестве вставок/цитат в сагах записи конца XII–XIII в. На весь корпус скальдической поэзии имеется лишь три упоминания Гандвика (*Gandvík*). Начнем с висы (строфы) исландского скальда Эйюльва Вальгердарсона (ум. ок. 985), одного из самых влиятельных хёвдингов Исландии своего времени, представителя Северной четверти острова. В гл. 33 «Саги об Олаве Трюггвасоне» по «Кругу Земному» ее автор Снорри Стурлусон рассказывает, как датский конунг Харальд Гормссон (ок. 940–985) собирался отправиться с войском из Норвегии в Исландию. Причиной было то, что наместник этого конунга, ярл Биргир, присвоил себе груз разбившегося у берегов Дании исландского корабля, а конунг не стал возмещать ущерб, когда его о том попросили, и тогда исландцы на альтинге постановили сочинить в адрес конунга Харальда «по хулительной висе с носа». Сохранилась лишь одна строфа этого коллективного нида. Подробнее всех данную историю излагает Снорри Стурлусон, а вслед за ним автор «Саги о Кнютлингах» (сер. XIII в.) и составители «Большой саги об Олаве Трюггвасоне». В датируемой концом XII в. «Саге о йомсвикингах» по рукописи AM 291 4° (ок. 1275–1300) в аналогичный рассказ о планах Харальда Гормссона включена, кроме нида, еще и строфа Эйюльва Вальгердарсона, свидетельствующая о воинственных намерениях датского конунга (Poluektov 2018: 31–37; Jvs 1969: 100). Согласно саге, узнав, что его слуга продал свою секиру в обмен на плащ, в то время когда в Исландии стало известно о предполагаемом походе Харальда Гормссона, Эйюльв произнес вот такую вису (даю ее прозаический перевод):

Пусть никто не продает своего оружия; битва будет, если удастся; мы должны изо всех сил стремиться к битве; мы должны окрасить [кровью] наше оружие. Мы должны дожидаться сына Горма из древнего туманного края Гандвика (*af gǫmlu Gandvíkr þokulandi*); есть надежда, что битва будет.

Как указывает новейший издатель этой строфы Д. Уэйли, выражение «*af gǫmlu Gandvíkr þokulandi*» плохо поддается толкованию по той причине, что предлог *af* «из» может указывать как на ту страну, из которой ожидали Харальда, так и на то место, в котором ждали его нападения и где находился скальд (Whaley 2012). «Древний туманный край Гандвика» чаще трактуется исследователями как Норвегия, вероятно, не в

последнюю очередь потому, что и Снорри, и автор «Саги о йомсвикингах» говорят, что во время этих событий Харальд находился на островах Солундир у побережья Норвегии. В географическом указателе к изданию «*Fornmanna sögur*» высказано предположение, что имеется в виду не Норвегия, а Финнмарк (Stephán Eiríksson, Finnur Magnússon 1837: 289). А в словаре языка скальдов «*Lexicon poeticum*» «туманный край Гандвика» отождествляется с Исландией (Sveinbjörn Egilsson 1860: 914). Издатель «Саги о йомсвикингах» Оулавюр Хатльдоурссон тоже понимает это выражение как указание на Исландию и делает соответствующую эмендацию в строфе, заменяя предлог *af* на *að* (Jvs 1969: 211). В любом случае, будь то Норвегия или Исландия, трудно даже предположить, чтобы *Gandvík* здесь относился к Белому морю. Гидроним выступает у Эйольва обозначением Северного Ледовитого океана, а вовсе не Белого моря. И тем не менее в комментарии Д. Уэйли к данной строфе *Gandvík* почему-то совершенно однозначно трактуется как «Белое море» (Whaley 2012).

Следующий скальд, упомянувший *Gandvík*, — Эйлив Годрунарсон. Его поэма «Драпа о Торе» (ок. 1000 г.) — одна из немногих скальдических поэм, посвященных этому богу. В строфе 2 рассказывается о поездке богов Тора и Локи к великанам, а о Торе говорится, что он был «могущественнее скотов Гандвика» («*ríkri Skotum Gandvíkr*»). Кеннинг *Skotar Gandvíkr* «скоты (шотландцы) Гандвика» издатель этой поэмы, Э. Марольд, прочитывает как обозначение великанов-ётунов, чье место обитания, Ётунхеймы, находится на четко не локализуемых пространствах за северным пределом Норвегии, но при этом тоже, как ни странно, трактует гидроним *Gandvík* как «Белое море» (Marold 2017: 77).

Наконец, третий скальд — это Снорри Стурлусон. Кроме свода королевских саг «Круг земной», он также написал «Младшую Эдду» (1222–1225), учебник поэтического искусства, одна из трех частей которого, «Перечень стихотворных форм», представляет собой хвалебное стихотворение из 102 строф, составленное в честь молодого короля Норвегии Хакона Хаконарсона (1217–1263) и его регента и тестя ярла Скули Бардарсона. В первой строфе поэмы Снорри указывает, что «этот молодой вождь, сам правит землей от Гандвика вплоть до [Гаут-]Эльва» (Gade 2017: 1104). Скальдическая строфа Снорри, сочиненная более чем на два века позднее, чем строфы Эйольва и Эйлива, не приписывает Гандвику никакого мисти-

ческого значения — он не исчезает в тумане и не связан с великанами-ётунами. Он просто выступает — в соответствии с ментальной картой того времени, в которое жил Снорри Стурлусон, — в качестве северной границы Норвегии (которая никогда не доходила до Белого моря). Однако К. Э. Гаде сопровождает новейшее издание этого текста английским переводом «between the White Sea and the Götaälv», из которого следует что *Gandvik* она тоже прочитывает как «Белое море» (Gade 2017: 1104).

Аналогично в качестве северной границы Норвегии *Gandvik* выступает в исландском географическом трактате последней четверти XII в. «Описание Земли I» по рукописи AM 194, 8° (1387 г.): «Норегом зовется [земля] с севера от Вэгистава — там Финмёрк, это около Гандвика — на юг до [реки] Гаут-Эльв. Таковы границы этого государства: Гандвик с севера, а Гаут-Эльв с юга, [лес] Эйдаског — с востока, а Пролив острова Энгюль — с запада» (Kálund 1908: 11), однако О. Прицак переводит *Gandvik* в этом фрагменте как «Kandalakša Bay and the White Sea» (Pritsak 1981: 542) а Е.А. Мельникова в указателе к своему изданию пишет: «Гандвик *см.* Белое море» (Melnikova 1986: 221). Так же описаны границы государства конунга Олава Харальдссона (1014–1028) в своде исландских королевских саг «Красивая кожа»: «Конунг Олав Толстый подчинил тогда себе весь Норег с востока от [реки] Эльв и на север [вплоть] до Гандвика» (Bjarni Einarsson 1985: 178), впрочем в указателе к своему английскому переводу А. Финли указывает, что *Gandvik* — это «the White Sea» (Finlay 2004: 142). Из текстов со всей очевидностью следует, что под Гандвиком в этом контексте средневековые авторы понимали необозримые водные просторы далекого Севера, т. е. Северный Ледовитый океан, но не Белое море, как один за другим повторяют издатели и переводчики этих текстов. Лишь издатель «Красивой кожи» Бьярни Эйнарссон снабдил толкование «Белое море» знаком вопроса (Bjarni Einarsson 1985: 383: «Hvítahaf (?)»), чем выразил некоторое сомнение относительно его уместности.

И все же есть среди королевских саг один текст, который, *казалось бы*, явно указывает на отождествление Гандвика и Белого моря. Но так ли всё однозначно? Речь идет о рассказе «Саги об Олаве Святом» (гл. 133) по «Кругу Земному» о том, как некий норвежец Карли из Холугаланна со своим братом Гуннстейном и Ториром Собакой, взяв с собой около ста человек, отправились по поручению конунга Олава Харальдссона на

север в Бьярмаланд (Vjarni Aðalbjarnarson 1945: 227–234). Их маршрут прослеживается по нескольким маркирующим точкам в повествовании. Из Нидароса (Тронхейма) они плывут в Халогаланд (Холугаланн), а оттуда в Финнмёрк и дальше в Бьярмаланд. После окончания торговли они уплывают «прочь по реке Вине». Решив вернуться ради грабежа, они разграбили капище местного бога Йомали и пошли к кораблям. Корабль Карли «быстро вышел в открытое море». Вскоре и Торир со своими людьми «подняли парус». «Поплыли тогда и те, и другие по Гандвику (*yfir Gandvík*)» и плыли, пока не пристали однажды вечером «к какому-то острову». Если мы предположим (в полном согласии с большим числом исследователей), что Бьярмаланд на реке Вине — это Нижнее Подвинье, то тогда *Gandvík* мог бы быть обозначением Белого моря. Но это вовсе не обязательно! Дело в том, что на пути саговых персонажей не так уж много маркирующих точек, и они, как правило, отмечают достаточно большие регионы/области/пространства/отрезки пути. Вернемся к тексту саги. «Так они плыли, пока не достигли Гейрсвера (Йесвера. — Т. Д.). Это — первая стоянка для кораблей, плывущих с севера». Там Торир Собака убил Карли, а «Гуннстейн приплыл в Ленгьювик (Ленвик. — Т. Д.)». Догнав его и затопив его корабль, но не найдя его самого, «Торир и его люди уплыли домой на Бьяркейар (Бьяркёй. — Т. Д.)». Гуннстейн и его люди, передвигаясь ночью на маленьких лодках, миновали Бьяркёй, выбрались из владений Торира, и «Гуннстейн сначала отправился домой на Лангей», а потом поплыл к конунгу в Тронхейм. Итак, последовательность опорных точек на обратном маршруте такова: Двина, Гандвик, Йесвер, Ленвик, Бьяркёй. Ничто в тексте не дает оснований для абсолютной уверенности в том, что на ментальной карте автора саги (а только о ней и может идти речь) Гандвик находился ближе к Двине, чем к Йесверу, деревушке на острове Магерёйа в Баренцевом море, т. е. что Гандвик — это внутреннее (Белое) море, а не внешнее (Баренцево) море Северного Ледовитого океана.

Приведенный обзор источников должен, как мне кажется, убедить в том, что исходное значение гидронима *Gandvík*, отразившееся в письменных источниках, — это «Северный Ледовитый океан», а отнюдь не «Белое море». Обращение к сагам о древних временах и прядям, где тоже упоминается Гандвик, перемещает нас из поля реальной географии в поле мифологическое, где за северным пределом известных и засе-

ленных земель располагаются царства великанов и троллей, живущих вокруг Гандвика («Колдовского залива»), локализовать который вообще нелегко. Почему же переводчики и составители указателей к текстам саг упорно трактуют *Gandvík* как обозначение «Белого моря»? Думаю, здесь срабатывает то, что я называю инерционной силой авторитета, — информация повторяется без дополнительной проверки в силу авторитетности того, кто раньше то или иное суждение высказал.

В попытке обнаружить источник этого заблуждения мне удалось уйти на пару веков назад. В 1837 г. появились два 12-томных издания саг — одно в оригинале, другое — в датском переводе. Оба сопровождаются географическими указателями с обширными комментариями. Как следует из предисловия к исландскому изданию, его указатель составлялся Стефаном Эйрикссоном на основании указателя к датскому изданию, но по причине болезни и смерти составителя окончен не был; работу довели до конца два студента, чьи имена даже не называются, а потом она была проверена профессором Финнуром Магнуссоном. Напротив, датский указатель составлен Н. М. Петерсеном, автором опубликованного в 1833 г. фундаментального трактата «*Danske og norske Stednavnes Oprindelse og Forklaring*» («Происхождение и объяснение датских и норвежских топонимов»), в котором он заложил основы топонимики в Дании. И именно у Петерсена мы находим отождествление Гандвика и Белого моря, причем не «голословное», а со ссылкой на авторитетный труд конца XVIII в. — диссертацию 1794 г. (Jak. Fred. Neikter. *Observationes Historico Geographicae de Terris ad Mare Album, quæ in Sagis Islandorum Memorantur*): «Гандвик — так называется Белое море по Колдовскому Заливу, так что имя означает Залив Троллей, главным образом из-за троллей или колдунов, которые, как считалось, там жили. Он лежал между Финмаркеном и Бьярмеландом, прямо напротив Хельсингеботна или Ботнического залива. Нейктер (с. 8) полагает, что это именно тот залив Белого моря, который русский Лапмарк образует с противоположным берегом возле Двины» (Petersen 1837: 107). Думаю, именно это авторитетное суждение и легло в основу последующих ошибочных утверждений. Слабая попытка исландских ученых выправить ситуацию («Гандвик — море между Финмёрком и Бьярмаландом, напротив Хельсингьяботна, [тянущегося] с запада; теперь Белое море» — Stephán Eiríksson, Finnur Magnússon 1837: 289) успеха не имела.

Источники и литература

- Ásgeir Blöndal Magnússon 1989: Íslensk orðsifjábók. Reykjavík: Orðabók Háskólans.
- Bjarni Aðalbjarnarson 1945: Snorri Sturluson. *Heimskringla* 2. Ed. by Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit 27). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag.
- Bjarni Einarsson 1985: *Fagrskinna — Nóregs konunga tal*. Ed. by Bjarni Einarsson (Íslenzk fornrit 29). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag.
- Cleasby, R., Gudbrand Vigfusson 1957: *An Icelandic-English Dictionary*. Initiated by Richard Cleasby, Revised, Enlarged and Completed by Gudbrand Vigfusson. 2nd Edition with a Supplement by Sir William A. Craigie. Oxford: Clarendon Press.
- Finlay, A. 2004: *Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway*. Tr. with introduction and notes by A. Finlay. Leiden, Boston: Brill.
- Stephán Eiríksson, Finnur Magnússon 1837: Registr yfir landa-, staða-, þjóða- og fljóta-nöfn í fornmannna sögunum. *Fornmannna sögur eptir gömlum handritum útgefnar að tilhlutun Hins konungliga norræna fornfræða félags* 12. Kaupmannahöfn: Popp, 258–454.
- Gade, K. E. 2017: Snorri Sturluson. Háttatal. Ed. by K. E. Gade. *Poetry from Treatises on Poetics. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* 3. Ed. by K. E. Gade, E. Marold. Turnhout: Brepols, 1094–1209.
- Petersen, N. M. 1837: Geografisk register. *Oldnordiske Sagaer* 12. Kjøbenhafn: Andreas Geidelin, 25–430.
- Holmberg, M.-L. 1976: Om Finland och övriga finnländer i den isländska fornlitteraturen. *Arkiv för nordisk filologi*. 1976. B. 91, 166–191.
- Kålund, Kr. 1908: *Alfræði Íslenzk. Islandsk encyclopædisk litteratur* 1. Ed. by Kr. Kålund (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur; 37). København: Møller.
- Koskela Vasaru, M. 2016 *Bjarmaland* (Acta Universitatis Ouluensis. B: Humaniora; 145). Oulu: Oulun Yliopisto.
- Lidén, E. 1896: Vermischtet zur Wortkunde und Grammatik. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. B. 21. H. 2.
- Marold, E. 2017: Eilífr Goðrúnarson, Þórsdrápa. Ed. by E. Marold. *Poetry from Treatises on Poetics. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* 3. Ed. by K. E. Gade, E. Marold. Turnhout: Brepols, 68–124.
- Melnikova, E. A. 1986: *Drevneskandinavskije geograficheskiye sochine-niya. Teksty, perevod, kommentariy*. Moscow: Nauka.
Мельникова, Е. А. *Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий*. М.: Наука.
- Mikkola, J. J. 1942: *Lännen ja idän rajoilta*. Porvoo: WSOY.
- Poluektov, Yu. A. 2018: *Jómsvíkinga saga*. Tr. by Yu. A. Poluektov. Moscow, Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo.

- Полуэктов, Ю. А. 2018: *Saga o йомсвикингах*. Пер. с др.-исл., статьи, коммент. Ю. А. Полуэктова. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Pritsak, O. 1981: *The Origin of Rus'. Vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Sveinbjörn Egilsson 1860: *Lexicon Poëticum antiquæ linguæ septentrionalis*. Hafniæ: Typis J. D. Qvist.
- Sveinbjörn Egilsson, Finnur Jónsson 1931: *Lexicon Poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog*. Oprindeligt forfattet af Sveinbjörn Egilsson. 2. udgave ved Finnur Jónsson. København, 1931.
- Tiander, K. F. 1906: *Poyezdki skandinavov v Beloye more*. Saint-Petersburg: Tipografiya N. N. Skorokhodova.
- Тиандер, К. Ф. 1906: *Поездки скандинавов в Белое море*. СПб.: Типография Н. Н. Скороходова.
- Vries, J. de 1957–1961: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill
- Whaley, D. 2012: Eyjólfur Valgerðarson, Lausavísa. Ed. by D. Whaley. *Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1*. Ed. by D. Whaley. Turnhout: Brepols, 275–276.

Ю. А. Дзиццоиты
Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия,
dzicc@mail.ru

К ИСТОРИИ ЛАБИАЛЬНЫХ ФОНЕМ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В научной литературе сохраняются соответствия между осетинскими лабиальными фонемами и их предполагаемыми праиранскими прототипами, установленные еще В. Ф. Миллером в конце XIX в. В статье рассматриваются рефлексы праиранских **b* и **p* в интервокальной позиции. Согласно традиционной схеме, праиранский **b* отразился в осетинском в виде *b*, который иногда переходит в *v*, а праиранский **p* — в виде *v*. Между тем, в ряде исследований показано, что праиранский **p* в интервокальной позиции переходит сначала в **b*, а затем сливается с рефлексом праиранского **b*. В то же время этот промежуточный **b* не всегда подвергается спирантизации.

Ключевые слова: осетинский язык, лабиальные фонемы, рефлексы праиранских **b* и **p*.

Yu. A. Dzitsoity
South Ossetian State University, Tskhinval, South Ossetia. dzicc@mail.ru

On the history of labial phonemes in the Ossetian language

In the scholarly literature, the correspondences between Ossetian labial phonemes and their supposed Proto-Iranian prototypes established by V. F. Miller in the 19th century are still regarded as valid. In this study two of them are considered, namely the reflexes of Proto-Iranian **b* and **p* in the intervocalic position. According to the traditional view, Proto-Iranian **b* is reflected in Ossetian as *b*, which sometimes turns into *v*; the Proto-Iranian **p* as *v*. Meanwhile, a number of modern studies have shown that Proto-Iranian **p* in the intervocalic position first changes into **b*, and then merges with the reflex of Proto-Iranian **b*. At the same time, this intermediate **b* not always undergoes spirantization. The article considers cases of preservation of intervocalic *b* and explains the reasons for its preservation.

Keywords: Ossetian labial phonemes, reflexes of Proto-Iranian **b* and **p*.

История изучения лабиальных фонем в осетинском языке начинается с известной работы В. Ф. Миллера (1882: 84–85), установившего следующую схему соответствий. Праиранские **p* и **b* отразились в осетинском соответственно в виде *f* и *b*, а праиран. **p* после гласного и сонорного — в виде *b*. Кроме

того, осет. *b* в интервокальной позиции иногда переходит в *v*. В последующем исследовании было установлено, что праиран. **p* дал в осетинском три рефлекса: *f* (в начале слова), *v* (после гласных) и *b* (после сонорных) (Miller 1962: 61–64); а праиран. **b* отразился в виде *b*, который между сонорными иногда чередуется с *v* (Там же: 61–62); праиран. **b* после сонорных переходит в *v* (Там же: 63–64). Эта схема с некоторыми оговорками принята и в современных исследованиях по истории осетинского консонантизма (Abaev 1965: 33–35; Bielmeier 1977: 34–35; Isaev 1987: 567; Thordarson 1989: 464; Chyong 2008: 25). Отмечены также исключения из этой схемы, обобщенные в Dzitstsoity 2021: 279–284¹. Здесь мы рассматриваем два вопроса, не получивших удовлетворительного решения: 1) переход **p* > *b* в интервокальной позиции, и 2) сохранение *b* в той же позиции без перехода в *v*.

1.1. Говоря о переходе **p* > *b* после сонорных, В. Ф. Миллер в числе прочего привел и праиран. префикс **upa-* > осет. *ba-*, а также праиран. **upa-had-* > осет. *badyn* ‘сидеть’ (Miller 1962: 62). Оба примера признаны абсолютно надежными (Abaev 1958: 230–231; Chyong 2008: 119; EDIL, III: 310), а впоследствии подкреплены другими примерами: праиран. **upā-padam* (или **upa-ati-pada-* — Chyong 2008: 238) > осет. *bajvæd* ‘по своим следам’ (Abaev 1958: 232), праиран. **upa-āsa-* (или **upa-āsjā-* (Chyong 2008: 119, или **upa-āśa-* — EDIL, I: 235) > осет. *bas* ‘похлёбка’ (Abaev 1958: 239), праиран. **upasta-* (или **upastai* — Chyong 2008: 242) > осет. *bæstæ* ‘страна’ (Abaev 1958: 254–255)², др.-иран. **upā-ɣara-* > осет. *bwar* | *bawær* ‘тело’ (Abaev 1958: 275), др.-иран. **ā-* + **puz-* > осет. *abuzyn* | *abuzun* ‘вздуваться’ (Abaev 1958: 24–25; EDIL, VI: 262) и т. п.

1.2. Как видно из этих примеров, переход **p* > *b* в осетинском свершился не только после сонорного, но в первую очередь в интервокальной позиции. А учитывая дальнейшую судьбу интервокального *b*, схема преобразований праиран. **p* на осетинской почве выглядит так: «[в] положении между гласными обычно **p* > **b* > *v*» (Edelman 1986: 185–186). Между

¹ Здесь мы не рассматриваем переход праиран. **p* > осет. *w* (Abaev 1989: 72, 148; EDIL, IV: 233), а также сохранение праиран. **p* в осетинском языке без изменений как в анлауте, так и в инлауте (Bailey 1958: 538–539).

² Об этимоне и дальнейших связях на индоиранской и кельтской почве см. Falileyev 2022: 1161.

тем, согласно Дж. Чёнгу, праиран. «интервокальное **-p-* в осетинском дает звонкий *-v*» (Chyong 2008: 207–208)³. В то же время, обсуждая происхождение слова *ruvas*, *rubas* | *robas* ‘лиса’ из праиран. **raupāša-* (об этимоне см.: EDIL, V: 79 и сл.), Дж. Чёнг пишет: «иронский вариант *ruvas* озадачивает: он до сих пор не имеет убедительного объяснения» (Chyong 2008: 311–312). Т. е., в фонетической эволюции праиранского **raupāša-* на осетинской почве закономерным признается развитие **-p- > -b-*, тогда как неясным и требующим объяснения — появление *-v-* в иронском диалекте. Это полностью противоречит позиции В. И. Абаева, для которого неясными и требующими объяснения являются как раз случаи сохранения интервокального *-b-* без перехода в *-v-* (см. ниже).

1.3. Противоречие между двумя исследователями требует своего объяснения. Следует при этом подчеркнуть, что в приведенных выше примерах, подтвержденных и Дж. Чёнгом, речь идет именно о переходе **p > b* в интервокальной позиции. Оказавшись со временем в абсолютном начале слова, осетинский *b-*, вышедший из праиран. **p*, не перешел в **v-*, как это имело место в тех случаях, когда тот же **b*, оставаясь в интервокальной позиции, спорадически изменялся в *v*.

Этот же **b*, оказавшись, по крайней мере, в иронском диалекте в абсолютном конце слова, изменялся в *v*, ср. осет. *æxsæv* | *æxsævæ* ‘ночь’ из праиран. **xšapā-* (Chyong 2008: 207–208), а не **xšap-* (Абаев 1989: 231).

Косвенным подтверждением того, что праиран. **p* в интервокальной позиции на осет. почве перешел сначала в **b*, а затем — в *v*, помимо приведенных выше примеров, является и осет. *avg* | *avgæ* ‘стекло’, возводимое к др.-иран. **āp(a)kā-* (Абаев 1958: 84–85; Chyong 2008: 25; EDIL, I: 313). Судя по адыгскому заимствованию *abž* | *apč* ‘стекло’ (Shagirov, I: 55), аланскую форму этого слова следует реконструировать в виде **abg(æ)*.

1.4. Таким образом, развитие праиран. **p > осет. *b* в интервокальной позиции вряд ли может быть оспорено. Оно представляется нам наиболее вероятным вариантом развития еще и потому, что находит параллели в памирских языках (Edelman 1986: 183–185), хотя отсутствует в ягнобском (Там же: 185).

³ Высказано также мнение о возможном переходе праиран. **p* в этой же позиции в осетинский *f*, примеры см.: Абаев 1958: 30–31, 32, 33–34, ср. возражения Chyong 2008: 207–208.

Возможно, перед нами одна из многочисленных осетино-памирских изоглосс.

2. Такая же картина вырисовывается и в некоторых праиранских кластерах с участием **p*. Считается, что праиран. кластер **pt* дал в осетинском языке рефлекс *ft*, который в большинстве современных слов перешел в *vd*. Именно так трактуется история этого кластера на осетинской почве В. И. Абаев, например, при анализе праиранского числительного **hapta* ‘семь’ (об этимоне см. также EDIL, III: 362), скифский рефлекс которого он усматривает в имени *Ἀρθαίμακος*, *Ἀρθείμακος* (**hapta-ma-ka*) ‘Septimius’⁴, а аланский — в топониме *Ἀρδάβδα* «место, посвященное семи *ard*’ам» (Абаев 1949: 167). Дж. Чёнг реконструировал для осет. *avd* ‘семь’ этимон **hafta* (Chyong 2008: 216), а для *ævdaj* ‘семьдесят’ — **haftāti-* (Там же: 230). Однако есть основания полагать, что в скифском языке не было перехода **pt > ft*, и, следовательно, для указанных имен следует искать другую этимологию. В действительности речь должна идти о развитии **pt > *bd > vd*, при допущении, что в отдельных случаях последний кластер оглушался в *ft*. Об этом говорит сванское *t’ebdi* ‘теплый’, заимствованное из осет. *tævd* | *tævdæ* ‘горячий’ (Абаев 1979: 283; Isaev 1998: 207–215), что, на наш взгляд, указывает на аланскую форму **tæbdæ*. Между тем, осетинское слово возводят к др.-иран. **taftā-* (Абаев 1979: 283; Chyong 2008: 326), что предполагает обратное направление развития: **ft > vd*. Соответствия к этому слову в древних индоиранских языках говорят в пользу праиран. формы **taptā-*, ср. авест. *ham.tapta-*, санскрит. *taptā-* ‘знойный, жаркий, раскаленный’ (Chyong 2008: 326). А если учесть еще и сванское заимствование, то история рассматриваемого кластера на осетинской почве выглядит как: **pt > *bd > vd*. Это подтверждается и осетинским *ævdaj* ‘семьдесят’, заимствованным в балкарский язык в двух формах — *bədaj* и *uvdaži* id., допускающих две аланские формы — **æbdaj* и **ævdaž* (Абаев 1958: 195), распределение которых, очевидно, шло по диалектам или говорам аланского языка. Этот пример позволяет также сделать вывод о том, что переход **bd > vd* наметился уже в аланское время.

3.1. Нашему выводу противоречит целый ряд осетинских глаголов, в которых праиранский интервокальный **p* отразился в виде *-f-*. Однако по заслуживающему доверия мнению Дж. Чёнга, эти примеры следует объяснять парадигматическим

⁴ Об именах, образованных от числительных, см. Kazansky 1995.

выравниванием по форме причастия прошедшего времени, исходящего на *-ft* (Chyong 2008: 305, 312–313): *safyn* : *sæft* ‘терять’, *wafyn* : *wæft* ‘ткать’ и пр. Добавим, что и в этих случаях ничто не мешает предположить развитие $*pt > bd > vd > ft$. Во-первых, причастие прошедшего времени у некоторых глаголов до сих пор имеет две формы: *sk'æfyn* | *sk'æfun* ‘хватать; похищать’ — *sk'aft* / *sk'avd* (Абаев 1979: 121), *kafyn* | *kafun* : *kaft* | *kaft* / *kavd* ‘танцевать’⁵. Из двух дигорских форм причастия прошедшего времени исходной следует признать формы *sk'avd*, *kavd*, а вторичными — *sk'aft*, *kaft*. То что в этом и подобных примерах речь должна идти об оглушении первоначально звонкой группы *-vd-* > *-ft-* видно и по аналогии с развитием $*-kt-$ > $-gd-$ > $-γd-$ > $-xt-$ в слове *сyxт* | *ciγd* ‘сыр’ при др.-инд. *tikta-* ‘острый, горький’: «в дигорском диалекте сохраняется более старая форма» (Edelman 1986: 150).

3.2. Таким образом, появление *-f-* в причастиях прош. времени — явление сравнительно позднее, обязанное своим происхождением преобразованию кластера $*-pt-$ > $*-bd-$ > $-vd$ > $-ft$ с последующим выравниванием основы инфинитива по *-f-*. К этой же категории основ относятся глаголы *k'æfyn* : *k'æft* ‘лизать’, *særfyn* : *særaft* ‘вытирать’, *st'æfyn* : *st'æft* ‘вздрагивать’, *tælfyn* : *tæft* ‘ёрзать, дёргаться’, *ulæfyn* : *ulæft* ‘дышать’, *xafyn* : *xaft* ‘тереть, стирать’, *x^wyfyn* : *x^wyft* ‘кашлять’ и пр. В другой группе причастий кластер $-vd$ (из $*-bd-$ < $*-pt-$) сохраняется и, соответственно, сохраняется *-v-* в инфинитиве: *ælqivyn* : *ælqvvd* ‘сжимать, сдавливать’, *kuvyn* : *k^wyvd* ‘молиться’, *ruvyn* : *ryvd* ‘полоть’ и пр. Причина сохранения кластера $-vd$ в одних случаях и его оглушения в других нам не известна. Насколько можем судить, та группа глаголов, в которой кластер $-vd$ подвергся оглушению, обладает экспрессивной коннотацией. Возможно, это и стало причиной оглушения указанного кластера.

3.3. Вместе с тем, в осетинском языке имеется кластер $-ft-$, происхождение которого совершенно иное. Например, в слове *ræftæ* ‘полдень’ < $*rapitwā-$ (Абаев 1973: 365–366; Chyong 2008: 305; EDIL, VI: 76), где *f*, очевидно, непосредственно из праиран. $*p$ под влиянием соседнего $*i$. Точно такое же происхождение имеет *f* в гидрониме *Æræf* | *Iræf*, который мы возвели

⁵ Основу глагола *kafyn* мы связываем с праиран. $*ka(m)p-$ ‘качать(ся), дрожать, трясти(сь)’, о котором см.: EDIL, IV: 199, а кабардинское *qafæn* ‘плясать’, вслед за Л. Лопатинским (Lopatinskiy 1891: 114), считаем заимствованием из осетинского.

к праформе **ɣ-apa-* ‘текущая вода’. Отталкиваясь от нашей этимологии, А. И. Илиади возвел компонент *араб* в украинском гидрониме *Старый Арабь* — приток Горохуватки — к аланскому **ar-ab*, который рассматривает как «вариант с диалектной трактовкой **apa-* как **ab*, отличной от продолжения того же **ɣ-apa-* в осетинском гидрониме *Æraef*» (Илиади 2021: 503). Между тем, как мы видели выше, адыгское *абдж*, заимствованное из осет. *avg* ‘стекло’, подсказывает, что аланским рефлексом иранского **apa-* было именно **ab*, а не **æf*. Поэтому украинский гидроним является вполне закономерным рефлексом древнеиранской основы, тогда как компонент *æf* в *Æraef* следует возвести к форме женского рода **āpi-* от той же иранской основы **apa-*.

3.4. Аналогичное развитие можно видеть в кластере **pti > *bzi > vʒ: stivʒ* ‘шкворень’ < **stipti-* (Абаев 1979: 152).

4. Выше мы отметили, что переход **b* в *v* мог наметиться уже в аланское время. Следует уточнить, что речь идет о переходе в кластере **bd > vd*. Что касается интервокального **b* (из **p*), то его спирантизация произошла намного позже. Это видно как из сохранения интервокального *b* в некоторых говорах и диалектах осетинского языка, так и в словах с экспрессивным значением (подробнее — ниже). Обратимся к уже знакомому нам примеру.

Осетинское *ruvas* | *robas* ‘лиса, лисица’ (из праиран. **raupāša-*) вплоть до недавнего времени в иронском диалекте также было представлено в форме *rubas*. Эту форму в середине XIX в. зафиксировали А. Шёгрэн (1844, I: 556; II: 124) для иронского диалекта, и Г. Розен (Rosen 1846: 394) для «юго-осетинского». Иронская форма *rubas* ‘лисица’, наряду с *ruvas*, зафиксирована и В. Ф. Миллером (1882: 85), хотя в его «Осетинско-русско-немецком словаре» (Miller 1929, s.v.) представлена форма *ruvas*, а форма *rubas* добавлена редактором А. А. Фрейманом с отсылкой к основной форме *ruvas*. В Словаре В. И. Абаева встречается только форма *rūvas*, а форма *rubas* даже не упоминается (Абаев 1973: 433–434). Очевидно, это решение продиктовано формой *ruvas*, представленной в переводах Евангелия, выполненных в первой трети XIX в. (Там же: 433). Между тем, форма *rubas* дожила до наших дней. Она зафиксирована автором этих строк в некоторых сёлах Южной Осетии, находящихся в ареале квайсинского говора кударского диалекта и чисанского говора иронского диалекта (оба — в Южной Осетии). Кроме того, З. Д. Цховребова зафиксировала

топоним *Rubasy fætk'wυ* 'Лисья яблоня' в Южной Осетии — пашня в окр. сел. Армаз. Зафиксировано также ласкательное наименование лисицы — *rubæga* (Qodzaty 1991: 82), которое трудно отделить от праиранского **raupa-ka-*, о котором см. (EDIL, V: 81).

5. Таким образом, мы имеем надежное свидетельство эволюции **p > *b > v* в интервокальной позиции на осетинской почве. Спирантизация *b* (из **p*), несомненно, связана с аналогичным процессом, имевшим место в рефлексах интервокального праиранского **b* на осетинской почве, к рассмотрению которых мы и переходим.

6. Развитие праиран. **b > осет. v*, отмеченное в свое время В. Ф. Миллером (1882: 87), ни разу не ставилось под сомнение. Приводим наиболее убедительные примеры.

æværyn 'класть' < **a-bar-* (Abaev 1958: 194) «при возможной контаминации с аналогичным образованием с провербами **ui-* или **aɥa-*» (EDIL, II: 89)

davyn 'красть' < **dāb-* (Abaev 1958: 348; EDIL, II: 275)

ivajyn 'бледнеть' < **ui-bā-* (Abaev 1958: 553; Chyong 2008: 272; EDIL, II: 155)

ivazyn 'тянуть' < **ui-bāz-* (Abaev 1958: 554; Chyong 2008: 272; EDIL, II: 154)

lævar 'дар; подарок' < **fra-bār-* (Abaev 1973: 35; Chyong 2008: 282)

minævar 'посол; посланник' < **maŋja-bāra-* (Abaev 1973: 120–122; Chyong 2008: 288; EDIL, II: 103)

nyv | *nivæ* 'изображение; рисунок' < **ni-bā-* (Abaev 1973: 210–212) или **naiba-* (EDIL, V: 435)

nyvændyn 'натягивать пряжу на колышки' < **ni-band-* (Abaev 1973: 212–213; EDIL, II: 71)

nyværzæn 'изголовье' < **ni-barzana-* (Abaev 1973: 213; Chyong 2008: 295; EDIL, II: 125)

nyvond 'жертва' < **ni-banda-* (Abaev 1973: 214–215; Chyong 2008: 295; EDIL, II: 74)

qavyn 'целиться; метить' < **gāb-* (Abaev 1973: 270–271) или **gab-* (EDIL, III: 95)

syvæ 'материнская утроба; матка' < **su-bara-* (Abaev 1979: 213; Chyong 2008: 322; EDIL, II: 103) и т. п.

Эволюция **-b- > -v-* прослеживается и в ряде кластеров:

а) **bd* / **db > vd*: *stavd* 'толстый' < **stabda-* (Abaev 1979: 145) (у Дж. Chyonga (2008: 317) **stafta-*); *qævdyn* 'щенок' <

**gadba-* + суффикс (Абаев 1973: 299) или **gadɥa-* (Chyong 2008: 300; EDIL, III: 103)

б) **bn* > *vn*: *arɥævnæ* ‘клещи’ < **ā-grab(a)na-* (Абаев 1958: 66; Chyong 2008: 212–213; EDIL, III: 280)

в) **br* > *rv*: *arv* ‘небо’ < **abra-* (Абаев 1958: 71–72; EDIL, I: 74) (у Чёнга (2008: 214–215) **ha-abra-*); *ælvynyn* ‘стричь’ < **brina-* (Абаев 1973: 48; EDIL, II: 167); *ærvad* ‘брат; родич’ < **brātar-* (Абаев 1973: 437–439; Chyong 2008: 228; EDIL, II: 179); *carv* ‘топленое масло’ < **čarba-* (?) (Абаев 1958: 290–291) или **čarpa-* (Chyong 2008: 245; EDIL, II: 233).

г) **zb* / **bz* > *vz*: *ævzær* ‘плохой’ < **zbara-* (Абаев 1958: 210–211); *ævz-* ‘пчела’ < **uabza-* (Абаев 1958: 208); *ævzag* ‘язык’ < возможно, **zbāka-*, а не **zwāka-* (Абаев 1989: 279) и т. п.

Такие же рефлексы дают сочетания праиранского преверба **abi-* с консонантным анлаутом.

ælvysin ‘прясть’ < **ævlisin* < **abi-rais-* (Абаев 1958: 132) или **abi-uraisa-* (Chyong 2008: 222), ср. (EDIL, VI: 353–354)

ærgævdyn ‘резать; закалывать’ < **ævgærdyn* < **abi-kart-* (Абаев 1958: 175; EDIL, IV: 313)

ævdærzyn ‘натирать (кожу)’ < **abi-darz-* (Абаев 1958: 197; EDIL, II: 370) или **apa-darzaia-* (Chyong 2008: 231)

ævdisyn ‘показывать’ < **abi-dais-* (Абаев 1958: 198–199; Chyong 2008: 231) или **apa-daiš-* (EDIL, II: 302) и т. п. Очевидно, в этих примерах следует предполагать синкопу срединного *i-* в сочетании **biC*.

7.1. Таким образом, история рассматриваемых фонем представляется нам в следующем виде. Праиранский интервокальный **b* в осетинском языке обычно переходит в *v*. Праиранский интервокальный **p* в среднеосетинском перешел в **b*, после чего разделил судьбу рефлекса праиранского **b*, преобразовавшись в большинстве слов в *v*. На этом фоне незакономерными являются случаи сохранения *-b-* в целом ряде слов, два из которых рассмотрены в нашей статье, написанной совместно с А. И. Фалилеевым (Dzitsstsoity, Falileyev, в печати). Весьма показательны следующие замечания В. И. Абаева. Говоря о невозможности возведения осет. *læbæz* ‘ягодица’ к древнеиранскому **fra-barziš-*, он резонно замечает, что «в этом случае ожидали бы **lævæz*» (Абаев 1973: 16). Однако осет. *læburyn* ‘нападать’ он возводит к др.-иран. **fra-baur-* (Абаев 1973: 16–17), *læburyn* ‘оползать’ — к **fra-bur-* (Там же: 17), осет. *ræbyn* ‘подножие’ выводит из др.-иран. **fra-buna-* (Там же: 359), никак не комментируя сохранение в них срединного *-b-*. Кроме

того, наличие в осетинском слове неспирантизированного *-b-* в одних случаях служит для В. И. Абаева причиной усомниться в справедливости предлагаемой этимологии, а в других — поводом для признания в соответствующем слове заимствования. Так, говоря об этимологии осет. *tæbyn* ‘шерстяная нить’, возводимого к др.-иран. **tab-*, он добавляет: «ожидали бы **tævyn ...*» (Абаев 1979: 244, прим. 1), а для таких слов, как *qæbær* ‘крепкий’, *qæbys* ‘лоно’ и т. п. даже не пытается предложить иранский этимон. Однако, количество слов с иранской этимологией, в которых сохранился интервокальный *-b-*, намного больше тех, на которые указал В. И. Абаев (*læburyn*, *læbyryn*, *ræbyn*). В этих абсолютно надежных случаях сохранение интервокального *-b-* никак не объясняется.

Можно выделить несколько причин сохранения интервокального *-b-*, одна из которых уже была отмечена в научной литературе.

7.2. Переход **-b- > -v-* носит диалектный характер: он представлен, прежде всего, в иронском диалекте, тогда как в дигорском не очень активен (Абаев 1949: 381–382; Edelman 1986: 185; Thordarson 1989: 464). Правда, встречаются исключения из этого правила. Во-первых, отмечено обратное соответствие: ирон. *tibyng*, диг. *tevingæ* ‘кожаные лопасти, подвешенные по бокам седла’ (Абаев 1979: 290–291). Во-вторых, иногда в иронском диалекте представлены две формы: ирон. *зувур*, *зубыр*, диг. *zubur* ‘соха’ (Абаев 1949: 381), *zavad*, *zabad* ‘молодые ростки, побеги, стебли’ (Абаев 1989: 289) и т. п. В-третьих, две формы иногда представлены в дигорском: ирон. *бæуæмвад*, диг. *bæуænvad*, *bæуænbad* ‘босой’ (Абаев 1949: 382). В-четвертых, добавим от себя, что и в кударском диалекте этот переход не всегда срабатывает: из приведенных В. И. Абаевым примеров, как минимум, два встречаются исключительно с интервокальным *-b-*: ирон. *зувур*, *зубыр*, диг. *zubur*, кудар. *žybyr* ‘соха’; ирон. *sælavyr*, *sælabyr*, диг. *salaur* (Абаев 1979: 61), кудар. *sælabyr* ‘куница’.

7.3. Перехода **-b- > -v-* никогда не происходит в кластере *-mb-*: *æmbaj* ‘ровесник’, *æmbal* ‘товарищ; друг’, *æmbaryn* ‘понимать’, *æmbawun* ‘гноить’, *æmbælyn* ‘встречаться’, *æmbærзун* ‘покрывать’, *æmbæxsun* ‘прятать’, *æmbis* ‘половина’, *æmbond* ‘ограда; стена’, *æmbudyn* ‘обонять; чуют’, *zæmbu* ‘лапа’, *læmbynæg* ‘тщательно’, *zæmbyn* ‘зевать’ и т. п.

7.4. Перехода *-b- > -v- не происходит:

а) в звукоподражательной лексике:

bær-bær (с параллельной, еще более экспрессивной, формой *p'ær-p'ær*) 'болтовня', *c'ybar-c'ybur* 'чирикание', *dybyl-dybyl* 'детский лепет', *gybar-gybur* 'грохот', *k'ybar-k'ybur* 'шум выстрелов', *sybar-sybur* 'шёпот', *sybyrtt* 'звук; шёпот' и т. п.

б) в звукоизобразительной лексике (идеофоны):

sybur 'короткий', *č'ybyla* 'ушат, кадушка', *gubakk* 'куча; кочка', *guboraē* 'небольшой чурек, пирожок', *gwybyn* 'живот', *gwybyr* 'сгорбленный', *k'æbæl* 'втулка', *k'æbyr* 'скалистый выступ', *k'æbut* 'затылок', *k'ubal* 'шея', *k'ubus* 'выступ; шишка', *qabolæ* 'утолщение кости в сочленении', *sæbækk* 'расплющенный', *tæbækk* 'расплюснутый', *tybar-tybur* 'сверкание', *zæbul* 'отвисший' и т. п.

в) в словах из «детской» речи:

gæbi, *gæbo* 'объятия', *gobi* 'немой' (< *ægomyg* id. (Абаев 1958: 521)) и т. п.

г) в деминутивах:

baba 'дедушка', *k'æbær* 'крошка; кусок хлеба', *k'æbyla* 'щенок', *k'æbys* 'щенок', *qæbul* 'дитя; ребенок', *qybyl* 'поросянок' и т. п.

7.5. Не происходит указанного перехода и в композитах, которые легко можно разложить на составные части:

abon 'сегодня' < *a-* 'этот' + *bon* 'день'; *x^uycawbon* 'воскресенье' < *x^uycaw* 'бог' + *bon* 'день' и т. п.

В этом же ряду следует рассматривать сочетания провербов, исходящих на гласный, с глаголами, начинающимися на *bV-*: *badyn* 'сидеть' — *a-badyn* 'пересесть', *ra-badyn* 'встать' и т. п. Аналогично ведут себя и старые образования проверба с глаголом, которые настолько срослись, что их невозможно разложить на составные части. Так, глагол *abuzyn* 'вздуться, вспучиваться' состоит из проверба *a-* и несохранившегося в свободном употреблении глагола **buzyn* (Абаев 1958: 24–25)⁶.

7.6. Не происходит указанного перехода и в относительно поздних заимствованиях:

abana 'баня' (Абаев 1958: 23), *abazi* 'монета в 20 копеек' (Там же: 24), *abyræg* 'разбойник; абрек' (Там же: 25), *babyz* 'утка' (Там же: 230) и т. п.

⁶ Любопытен обратный перебой -v- > -b- в слове *wælivyx*, *wælibyx* 'ритуальный пирог с сыром' (Абаев 1989: 80–81), который можно рассматривать как гиперкоррекцию.

Исключение составляют заимствования из кабардинского языка, в оригинале которых содержится кластер *bž*: *ag^wyvzæ* ‘стакан’ < каб. *hägwəbžæ* (Абаев 1958: 37), *lyvzæ*, *lybzæ* ‘мясное рагу’ < каб. *ləbžä* (Абаев 1973: 59).

7.7. С учетом сказанного можно попытаться объяснить и примеры, приведенные В. И. Абаевым. Не исключено, что в слове *læbyryn* смычный *-b-* сохранился благодаря переосмыслению и под влиянием *byryn* ‘сползать; скользить’, а в *ræbyrn* — из-за ощущения наличия в нем слова *byn* ‘низ; дно’. Что касается слова *læbyryn*, то оно несет в себе экспрессивную коннотацию.

Приведенными причинами можно объяснить сохранение *-b-* и в некоторых других словах. Так, осет. *k'abaz* ‘конечность; ветвь’ связывают с греческим *σκάπτος*, латинским *scopa* ‘небольшая ветка’ (Bailey 1980: 242). Надо полагать, что и в данном случае сохранению интервокального *-b-* способствовало наличие в исходной семантике идеи «маленький».

Еще один случай сохранения интервокального *-b-* (из **-p-*) находим в слове *k'wybar* ‘ком, комок’, корень которого, по мнению Д. И. Эдельман, восходит к праиран. **kaup-* (Edelman 1986: 137). Этот случай можно отнести к идеофонам.

8. Подведем итоги. Праиранский интервокальный и постсонорный **-p-* в осетинском обычно переходит в *-b-*, который, слившись с рефлексами праиранского интервокального и постсонорного **-b-*, обычно подвергается спирантизации.

Праиранский кластер **pt* отражается в виде **bd*, который обычно переходит в *vd*, а этот кластер иногда подвергается оглушению *ft*.

Источники и литература

- Abaev V. I. 1989: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. IV. Leningrad: Nauka.
- Абаев В. И. 1989: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. Л.: Наука.
- Abaev, V. I. 1949: *Osetinskij jazyk i fol'klor* [Ossetian Language and folklore]. Vol. I. Moscow; Leningrad.
- Абаев, В. И. 1949: *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Abaev, V. I. 1958: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I. Moscow; Leningrad.

- Абаев, В. И. 1958: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Abaev, V. I. 1965: *Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [*Scythian-European Isoglosses. At the Crossroads of East and West*]. Moscow: Nauka.
- Абаев, В. И. 1965: *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада*. М: Наука.
- Abaev, V. I. 1973: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [*Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*]. Vol. II. Leningrad.
- Абаев, В. И. 1973: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. Л.: Наука.
- Abaev, V. I. 1979: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [*Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*]. Vol. III. Leningrad: Nauka.
- Абаев, В. И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. III. Л.: Наука.
- Bailey, H. W. 1958: Arya. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. Vol. XXI, Pt. 3, 522–545.
- Bailey, H. W. 1980: Ossetic (Nartä). In: Hainsworth J. B., Hatto A. T. (eds.). *Traditions of Heroic and Epic Poetry*. London: MHRA, 236–267.
- Bielmeier, R. 1977: *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas: Lang.
- Chyong, Dzh. 2008: *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [*Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*]. Vladikavkaz, Tskhinval: Izd.-pjligrاف. predpriyatие im. V. Gassieva.
- Чёнг, Дж. 2008: *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал.
- Dzitssoity, 2021: *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov*. Vol. 6. [*Etymological Dictionary of Iranian languages*]. *Nartamongæ*. Vol. 16, 260–287.
- Дзищойты Ю. А. 2021: *Этимологический словарь иранских языков Т. 6. Nartamongæ*. Т. 16, 260–287.
- Dzitssoity, Yu., Falileyev, A. *Some Ossetic etymologies* (in print).
- Edelman, D. I. 1986: *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya* [*Comparative Grammar of East Iranian Languages. Phonology*]. Moscow: Nauka.
- Эдельман, Д. И. 1986: *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. М.: Наука.
- EDIL (I–III) — Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Vol. I–III. Moscow: Vost. lit.

- ЭСИЯ (I–III) — Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. ТТ. I–III. М.: Вост. лит., 2000, 2003, 2007.
- EDIL (IV–VI) — Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Vol. IV–VI. Moscow: Vost. lit.
- ЭСИЯ (IV–VI) — Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. ТТ. IV–VI. М.: Вост. лит. 2011, 2015, 2020.
- Falileyev, A. I. 2022: Ceito-Iranica. I. K voprosu ob izoglossakh i paralleyakh v morfologii [Ceito-Iranica. I. Isoglosses and morphological parallels, revisited]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXVI (1), 1149–1165.
- Фалилеев, А. И. 2022: Celto-Iranica. I. K voprosu ob izoglossakh i paralleyakh v morfologii. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVI (2). СПб.: ИЛИ РАН, 1149–1165.
- Iliadi, A. I. 2021: Iranica v toponimii Podneprov'ya [Iranica in the toponimy of Dnepr region]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXVI (1), 502–513.
- Илиади, А. И. 2021: Iranica в топонимии Поднепровья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXV(1). СПб.: ИЛИ РАН. С. 502–513.
- Isaev, M. I. 1987: *Osetinskiy yazyk* [Ossetian language]. In: *Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Eastern Group*. Moscow: Nauka, 537–643.
- Исаев, М. И. 1987: Осетинский язык. В сб.: *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. М.: Наука, 537–643.
- Kazansky, N. N. 1995: Indo-European Onomastics as an Historical Source. *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 23. № 1/2, 157–177.
- Klimov, G. A. 1998: Kartvel'skie analogii indoevropeyskogo *tep- 'byt' goryachim, tyoplym' [Kartvelian analogies to indo-european *tep- 'to be hot, warm']. In: *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*. Rome, 207–215.
- Климов, Г. А. 1998: Картвельские аналогии индоевропейского *tep- 'быть горячим, теплым'. В сб.: *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*. Rome, 207–215.
- Lopatinskiy, L. 1891: *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [A short Grammar of Kabardian Language]. In: *The Collection of materials for describing the Areas and Tribes of the Caucasus*. Vol. 12, Pt. 2. Tiflis.
- Лопатинский Л. 1891: Краткая кабардинская грамматика. В сб.: *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XII, отд. 2. Тифлис.

- Miller, V. F. 1882: *Osetinskiye etyudy* [*Ossetian Studies*]. Vol. 3. Moscow: Миллер В. Ф. 1882: *Осетинские этюды*. Ч. II. М.: Типография А. Иванова.
- Miller, V. F. 1929: *Osetinsko-russko-nemetskiy slovar'* [*Ossetian-russian-german Dictionary*]. Vol. 2. Leningrad: AN SSSR. Миллер В. Ф. 1929: *Осетинско-русско-немецкий словарь*. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР.
- Miller, V. F. 1962: *Yazyk osetin* [*Language of Ossetians*]. Moscow; Leningrad: Nauka. Миллер В. Ф. 1962: *Язык осетин*. М.; Л.: Наука.
- Godzaty, A. 1991: *K'ostai khadzar* [*The house of K'osta*]. Dzaudzhikau: Ир. Хъодзаты, А. 1991: *Къостайы хæдзар*. Дзæуджыхъæу: Ир.
- Rosen, G. 1846: Über die Ossetische Sprache. *Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 361–403.
- Shagirov, A. K. (I): *Etimologicheskiy slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [*An Etymological Dictionary of Adige (Circassian) Languages*]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1977. Шаги́ров, А. К. (I): *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. I. М.: Наука, 1977.
- Shyogren, A. 1844: *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiyskim i rossiysko-osetinskim* [*Ossetian Grammar with a Concise Ossetian-Russian and Russian-Ossetian Dictionary*]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk. Шёгрен А. 1844: *Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским*. Ч. I (грамматика); Ч. II (словарь). СПб.: Имп. акад. наук.
- Thordarson, F. 1989: *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 456–479.

М. В. Домосилецкая
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
marinaling@mail.ru

ДОПОЛНЕНИЯ К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ «МАЛОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ»

Статья основана на полевых материалах МДАБЯ, частью уже опубликованных в томах 2003–2018 гг., а также на находящемся в разработке томе «Молочное производство и молочная пища». На базе их сопоставления и с учетом вновь обнаруженного материала даны дополнения к пяти ранее опубликованным семантическим картам: субстр. [čuka] и [pVrVi], лат. *fortūna*, тур. *teneke* и *tencere*. Приведены две сводные карты.

Ключевые слова: Малый диалектологический атлас балканских языков МДАБЯ, балканизмы, семантические карты, изосемия.

M. V. Domosiletskaya
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. marinaling@mail.ru

Additions to the semasiological program of the *Minor Dialect Atlas of the Balkan languages*

This paper's findings are based on the field materials and the data of the previously published MDABL volumes (*Minor Dialect Atlas of the Balkan languages*) (2003–2018), as well as on the data of a volume under development — “Terminology of dairy production”. While comparing some earlier published maps and taking into account the newly discovered material, the author gives many additions to five maps which saw the light previously, namely: Substratum [čuka] and [pVrVi]; Lat. *fortūna*; Turk. *teneke* and *tencere*. On two of these balcanisms, at the end of the article there are completed and consolidated maps, showing their spatial distribution with their specific local meanings. They are: Substratum [pVrVi] (‘mobile water masses’; ‘rise in the water level due to heavy precipitation’; ‘sediments after the water receded’; ‘ravine’; absence of the word) and Lat. *fortūna* (‘rain with strong wind’; ‘snow with strong wind’; ‘rain’; ‘cold and wet weather’; ‘strong wind without rain’; ‘thunderstorm’; ‘stormy night’; absence of the word).

Keywords: Minor Dialect Atlas of the Balkan languages (MDABL), lexical balcanisms, semasiological maps, isosemy.

В основе современных антропоцентрических лингвистических исследований лежит положение о том, что способ концептуализации действительности в каждом языке и универсален, и специфичен. При этом самым оптимальным способом исследования отражения национального менталитета в языке каждого народа является, естественно, сравнение и сопоставление его с менталитетом других народов, с универсальными системами внеязыковых ценностей и специфическими у каждого народа системами понятий. Обширное поле для подобной деятельности предоставляет «Малый диалектологический атлас балканских языков» (МДАБЯ), который уже более 20 лет создается силами «балканской группы» ИЛИ РАН во главе с А. Н. Соболевым. Вопросники по сбору полевого материала были опубликованы еще в 1997 г. С тех пор была проведена огромная экспедиционная, аналитическая и синтезирующая (картографическая) работа по единообразному описанию системы сходств и различий между основными диалектами Балканского полуострова на синхронном уровне. Поиск новых балканских тождеств и верификация прежде выявленных параллелей касались не только синтаксиса и морфологии, но и словарного состава на его современном срезе, причем как с точки зрения отражения в лексике диалектов относительно универсальных понятий, так и с точки зрения семантического развития одной и той же исходной лексемы.

Семантический вопросник к МДАБЯ («Что у вас означает слово...?»), составленный в свое время Г. П. Клепиковой и базирующийся на семасиологическом подходе, представляет собой отдельную рубрику и состоит из 73 вопросов: 33 грецизма, 10 латинизмов, 17 турцизмов, 4 славизма и 9 субстратных элементов (Domosiletskaya, Zhugra, Klepikova 1997: 70–73). Весь материал по балканской лексической семантике, полученный *на основе этого вопросника* в ходе экспедиций на Балканы в 1997–2003 годах¹, уже был картографирован и опубликован А. Н. Соболевым в «Пробном выпуске» (Sobolev 2003: 204–349) в виде 73 карт.

Однако при дальнейшей углубленной работе над материалом (анализ заполненных в поле лексических вопросников и расшифрованных нарративов) появилась возможность, во-первых, верифицировать и дополнить семантическую ампли-

¹ Список обследованных пунктов, экспедиций и их участников см., к примеру, в: Domosiletskaya 2018: 38.

туду и набор значений уже выявленных балканизмов; во-вторых, как и предполагала Г. П. Клепикова, при работе по методу «от значения к слову» могут «всплыть» еще некоторые балканизмы, не предусмотренные семантической частью вопросника (Domosiletskaya, Zhugra, Klerikova 1997: 8), **что и случилось**. В процессе анализа диалектной лексики тематических разделов «Человек», «Ландшафт», «Метеорология», «Животноводство», «Полеводство. Огородничество», «Пчеловодство», «Молочное производство и пища» было выявлено еще 37 «общих» слов разного происхождения. В результате каждый опубликованный том лексической серии атласа включал в себя несколько *отдельных семантических карт*. См., к примеру, в томе «Ландшафт» карты: субстр. [pVrVi]², греч. λιβάδα, слав. [*bara], [*trapъ], [*virъ], тур. bayır, bunar, hendek, kaldırım (Domosiletskaya 2010: 105, 320–339), в томе «Метеорология» карты: лат. fortūna, тур. gazap, tufan (Domosiletskaya 2012: 226–231), в томе «Пчеловодство» карты: греч. μάννα / лат. manna, слав. [*bodъ], тур. teneke, тур. torba (Domosiletskaya 2018: 224–231).

В настоящей же статье уточнение «внутреннего наполнения» балканизмов было направлено по другому руслу, а именно — на фоне уже всего обработанного (опубликованного и неопубликованного) материала по 12 пунктам атласа провести верификацию и расширение семантики давно общепризнанных, «кодифицированных» «общих» слов. Наложены материалы «Пробного тома» и последующих опубликованных томов, а также находящихся в работе. Важно заметить, что в пилотном томе атласа не фигурируют материалы по южно-греческому селу Кастелли (Пелопоннес), экспедиция в которое состоялась позже (Leluda-Foss 2006). Здесь же они полностью учтены.

Ниже рассматриваются семантические дополнения к пяти картам «Пробного выпуска»: субстр. [čuka], субстр. [pVrVi], лат. fortūna, тур. teneke, тур. tencere (Sobolev 2003: 276–277, 320–323, 336–337, 342–343). В конце статьи для наглядности приведены две карты, одновременно уточняющие и обобщающие.

² Система условных записей семантических вопросов была разработана Г. П. Клепиковой и носит уже традиционный для МДАБЯ характер.

1. Субстр. балканизм [čuka] (Sobolev 2003: 336–337) представлен на карте № 160 «Пробного выпуска», где отмечено отсутствие лексемы в болг. Равне и разнообразие значений, объединённых все же одним микрополем в 10-ти пунктах МДАБЯ (кроме Каstellи) — «Одиноко возвышающаяся, выделяющаяся горная возвышенность, пик, вершина, скала». Слово предположительно экспрессивного первичного происхождения. В двух пунктах фигурирует только как топоним: в макед. Пештани *č'uka* (редко) 'скала' и в арум. Крании *č'uke* 'вершина горы'. См. распределение семантики: 'вершина горы' — по населённым пунктам Мухурр, Лешня, Эратира, Кранеа, 'холм; скала и т.п.' — в селах Оток, Завала, Каменица, Пештани, 'отдельно стоящая гора' — в селе Гега (*čuk'ar*).

Результаты новых исследований — 1. Лексема была картографирована также в томе «Ландшафт» (Domosiletskaya 2010: 104–105). Весь материал по 12 пунктам МДАБЯ можно найти в приложении к карте №39, отражающей микрополе «Вершина горы». Собранный в селе Каstellи полевой материал все равно не обнаружил следов данного балканского субстратного элемента. Подтвердилось и отсутствие лексемы в Равне. При анализе ответов на лексические вопросы («А как у вас называется...?») удалось выявить следующие дополнительные семы, которые покрывает субстратное [čuka] и которые не были отражены в 2003 г. в разделе «Лексическая семантика». Во-первых, это «обслуживание» довольно абстрактных понятий: 'вышина (пространство, расстояние от земли вверх)' (Лешня) и 'верх (наиболее высокая, расположенная над другими часть чего-либо)' (Мухурр). Во-вторых, это более конкретные понятия 'отдельно стоящая гора' и 'небольшая гора' (Оток); 'небольшая возвышенность, холм', 'пригорок в равнинном лесу' (Эратира). Таким образом, можно установить дополнительный изосемантизм между Гегой и Отоком ('отдельно стоящая гора'), между Эратирой, Отоком, Каменицей, Завалой и Пештани ('холм').

2. Субстр. [pVrVi] представлено на карте № 163 «Пробного выпуска» (Sobolev 2003: 342–343) и дополнено объемным материалом на карте № 155 тома «Ландшафт» (Domosiletskaya 2010: 336–337). В пилотном томе МДАБЯ установлено, что слово не фиксируется в хорв. Отоке и черногор. Завале. В остальных пяти славянских пунктах имеет форму *poroї* со следующей семантикой: 'нанос (после воды)' (Каменица), 'поток, ручей (после дождя, от таяния снега)' (Пештани),

‘ливень’ (Гега), ‘поток’ (Гела), ‘поток; горный поток’ (Равна). В алб. словах *pru/;* *pru/ue*, *-oi* (Мухурр) *përr/ua*, *-oi* (Лешня) совпадающие значения ‘ручей; речка’. Северно-греч. *porus* (Эратира) имеет довольно отличное значение ‘брод’. В половине говоров лексема моносемична (Каменица, Пештани, Гега, Гела, Эратира), в половине обладает двумя значениями (Равна, Краеа, Мухурр, Лешня).

Соотнесённые на понятийном уровне на карте № 163 «Пробного выпуска» с лексемой [pVrVi] арум. *ar'uu*, *ar'uurr'* ‘ручей; речка’ (Краеа) и греч. *p'orus* (Эратира) ‘брод’, конечно, иного происхождения: *ar'uu* < лат. *rivus* ‘ручей; канава; канал; поток; течение, ход’, *p'orus* < др.-греч. *πόρος* ‘место переправы; перевоз; пролив; море (как проход или путь); искусственная переправа, мост; дорога, путь’.

Результаты новых исследований — 2. Углубленная работа над темой «Ландшафт» позволила прийти к повторяющимся «Пробный выпуск», а также — преимущественно — дополнительным выводам.

2.1. Действительно, в Отоке, Завале, а также южно-греч. Каstellи рефлекс лексемы [pVrVi] не встречаются.

2.2. Действительно, только албанские пункты обозначают данной лексемой (небольшую) речку и ручей, причем во всех его разновидностях: ‘лесной ручей’: *pru/ue*; *pru/;*, *-oi* Мухурр, *përr'ua* и *p'yllit* Лешня букв. «ручей горы»; ‘высохший ручей’: *pru'oi* и *th'at* (Мухурр), *përr'ua* и *th'atë* (Лешня) букв. «ручей сухой»; ‘горный ручей’: *pru/ue*; *pru/;*, *-oi* (Мухурр), *përr'ua* и *m'alit* (Лешня) букв. «ручей горы».

2.3. В целом подтвердились и значения макед. (Пештани) *p'oroj*, *p'orojče* ‘ручеек после дождя’, ‘ручей, образовавшийся от таянья снега’, однако семантическую параллель этому удалось впервые найти в алб. Мухурре — *pru/ue*, *-oi* ‘ручей, образовавшийся от таянья снега’.

2.4. Полностью подтвердилось общее значение ‘поток (стремительно текущая водная масса)’ в болгарских Равне и Геле, а также ‘горный поток’ в Равне, что, как оказалось, объединяет в некоторой степени этот говор с говором албанской Лешни, где для отражения этого понятия употребляется атрибутивное словосочетание *përr'ua* и *m'alit* букв. «ручей горы».

2.5. Говор Мухурра отличается тем, что использует *pru/ue*, *-oi* как опорную лексему в микрополе «Овраг» со слабым различием следующих значений: ‘овраг’, ‘овраг с пологими склонами’, ‘овраг с крутыми склонами’, ‘овраг с (непро-

ходимым) кустарником' (*prrr'oi i keq* букв. «плохой овраг»), 'овраг с ручьем на дне' (см. также *p'oroini dol* в макед. Пештани). Происходит это в связи с нетипичностью там самой реалии: овраг как глубокая незадернованная ложбина на возвышенных равнинах или холмах, образованных размываемыми породами. По всей видимости, овраг в *горном* североалбанском ландшафте Мухурра и Пештани воспринимается как небольшая ложбина среди крепких магматических пород после прохода сильного водотока, обычно почти полностью пересыхающего.

2.6. В говоре Мухурра *prrr'ue; prrr/u;* *-oi* обслуживает также микрополе «Приток»: 'приток (река, впадающая в основную реку)', 'левый приток', 'правый приток', что вполне оправдано спецификой местности, где в качестве притока фигурируют лишь небольшие горные ручьи, часто к осени исчезающие.

2.7. Вновь обнаруженными сегментами значения [pVrVi] следует полагать: 'дождевые паводки (поднятие уровня воды в реке от ливней)' — Пештани и Лешня.

2.8. Что касается «метеорологического» использования [pVrVi], то есть для обозначения атмосферных дождевых осадков, то, помимо указанного в «Пробном выпуске» значения 'ливень' в Геге, подобное найдено в говоре Равны — *por'oien daz* букв. «ручейный дождь», а также *por'oi* 'дождь, падающий тонкими струйками'. Прилагательное от [pVrVi] есть для обозначения сильного ливня и в болг. Геле — *por'oien doz* 'дождь, размывающий землю' букв. «ручейный дождь».

Таким образом, по результатам заполнения в полевых условиях всего лексического вопросника МДАБЯ получается, что общее понятие «ручей» здесь объединяет оба албанских говора, «поток талой воды» — Мухурр и Пештани, «дождевой поток» — Пештани и Лешню, «речной поток» — Гелу и Равну, «сильные ливневые осадки» — Гегу и Равну. Самый широкий спектр значений субстр. [pVrVi] — в алб. Мухурре, только там эта лексема обслуживает микрополя «Овраг» и «Приток». Результаты исследований представлены на карте №1 — распространение лексемы [pVrVi] на Балканском полуострове в ее использовании для отражения общих понятий, включающих весь описанный семантический спектр.

3. Лат. *fortūna* ('судьба, случай, участь; исход, успех' и др., включая имя богини судьбы). Несомненный латинский этимон, но, судя по семантике, на Балканах, скорее всего, уже более позднего западно-романского происхождения, занесенный в

восточное Средиземноморье венецианскими и генуэзскими купцами в XIII–XIV вв.: см. итал. *fortunale* adj. устар. ‘случайный, бурный’; м. ‘буря’ < *fortuna* ‘судьба; счастье, везение’ < лат. *fortūna* (Meyer-Lübke 1935: #3458; Topalli 2017: 512)³. Кроме того, по мнению Э. Чабея, слово не могло проникнуть непосредственно из латыни, поскольку тогда *ī* должно было бы закономерно дать алб. у (Çabej 1996: 227). Полагаем данный балканизм изначальным несомненным латинизмом с не совсем ясными и незадокументированными путями проникновения в балканские языки.

Слово в семантической части атласа представлено на карте № 130 (Sobolev 2003: 276–277). Оно характерно почти для всех пунктов МДАБЯ, не зафиксировано только в хорватском Отоке и сербской Каменице. См. значения: *fortuna* ‘буря (с ветром, дождем)’ (черногор. Завала), *fertuna* ‘1. буря (с ветром, дождем); 2. гроза’ (макед. Пештани), *fartuna* ‘сильный ветер’ (болг. пирин. Гега), *fertuna*, *fartuna* ‘буря; снежная буря’ (болг. родоп. Гела), *fertuna* ‘буря; снежная буря’ (болг. мизийск. Равна), *fortun*, *furtun*, *fërtun* ‘сильная метель’ (алб. гег. Мухурр), *fërtunë* ‘сильный ветер; буря (в т.ч. снежная)’ (алб. тоск. Лешня), *furtuna* ‘буря’ (сев-греч. Эратира), *furtune* ‘буря’ (южноарумын. Кранеа).

Результаты новых исследований — 3. Как показал материал, собранный, опубликованный и отображенный на карте № 105 в соответствующем томе МДАБЯ «Метеорология» (Domosiletskaya 2012: 226–227), слова действительно нет ни в хорватском Отоке, ни в сербской Каменице. Удалось добавить материал по южногреческому пункту Каstellи: *furtuna* ‘гроза; грозовая ночь’, таким образом, латинизм охватывает 10 из 12 пунктов сетки. Обнаружено много дополнительных значений, которыми может обладать эта латино-романская лексема в исследуемом регионе.

Есть уникальные номинации, использующие данную лексе-му и встречающиеся в 1–2 пунктах. См.: ‘ненастье, мокрая дождливая погода (не обязательно с ветром)’ (Завала), ‘осенний дождь (т.е. холодный, затяжной)’ (Кранеа), ‘вихрь (порывистое круговое движение ветра)’ (Равна), ‘метель, вьюга’ (Гела, Мухурр), ‘сильный ветер (не обязательно с осадками)’ (Гега,

³ См. даже нгр. *φουρτούνα* ‘шторм, буря; несчастье, беда; сильный насморк’ < визант. греч. < итал. *fortuna* (Andriotis 1967: 410).

Лешня), ‘дождь, сопровождаемый ветром’ (Мухурр, Кранеа), ‘грозовая ночь’ (только греческие пункты).

Наиболее широко разбросаны по карте значение ‘гроза’ (Пештани, Гела, Мухурр, Кранья и оба греческих пункта) и лексикализованное латинизмом *fortūna* представление о любой разновидности снегопада, сопровождаемого сильным ветром (албанские и арумынский пункты, болгарские Равна и Гела). Результаты исследований представлены на карте № 2 — распространение репрезентантов лат. *fortūna* на Балканском полуострове.

4. Тур. *tencere*. См. значение в современном турецком — ‘кастрюля, (металлический) горшок’, в том же значении диал. и архаич. формы *tencire, çemcere, çencire, çençere, çençeri, çendire*. Слово в семантической части атласа представлено на карте №153 (Sobolev 2003: 322–323). Оно так же, как и лат. *fortūna* представлено почти во всех пунктах МДАБЯ — отсутствуют сведения только по хорватскому говору Отока и, как и пока на всех картах 2003 года, по южногреческому Кастелли. Во всех говорах обозначает исключительно кастрюлю, кроме арум. Крании, где может значить также ‘котел’, т. е. в любом случае, металлический сосуд, соприкасающийся с огнем. В хорват. Отоке встречается только как патроним.

Результаты новых исследований — 4. Одна из карт пока еще не опубликованного тома «Молочное производство и молочная пища» должна продемонстрировать, что слово не встретилось ни в Отоке, ни в Завале, ни в Кастелли, то есть в самом южном и в самых северо-западных пунктах сетки. Помимо указанного выше самого общего значения ‘кастрюля’ (Каменица *t'enžera*, Гега *t'enžere*, Гела *t'en'žura*, Пештани *t'enžere*, Равна *t'enžera*, Мухурр и Лешня *te(n)h'er/e, -ja*, Эратира *t'enžirs, t'enžiris*, Кранеа *t'enžiri*), турцизм *tencere* обладает среди говоров МДАБЯ следующей специфической семантикой: *t'enžere, t'enžerina* ‘металлический подойник для овец; металлический подойник для коров; котел для кипячения сыворотки; воскотопка’ (макед. Пештани); *t'enžera* (болг. Равна) и *texh^{sl}'er/e, -ja* (алб. гег. Мухурр) ‘котел для кипячения сыворотки’, *tenxh'er/e, -ja* ‘металлический подойник для коров’ (алб. тоск. Лешня). Ход семантического развития при заимствовании турцизма ясен: с обозначения металлического сосуда, соприкасающегося с огнем (кастрюля, котел), происходил перенос на металлические емкости для доения. Котлы разного назначения — для подогрева первичной сыворотки, для

топки воска, — в Пештани, Равне и Мухурре, скорее всего, обозначаются общим словом «котел».

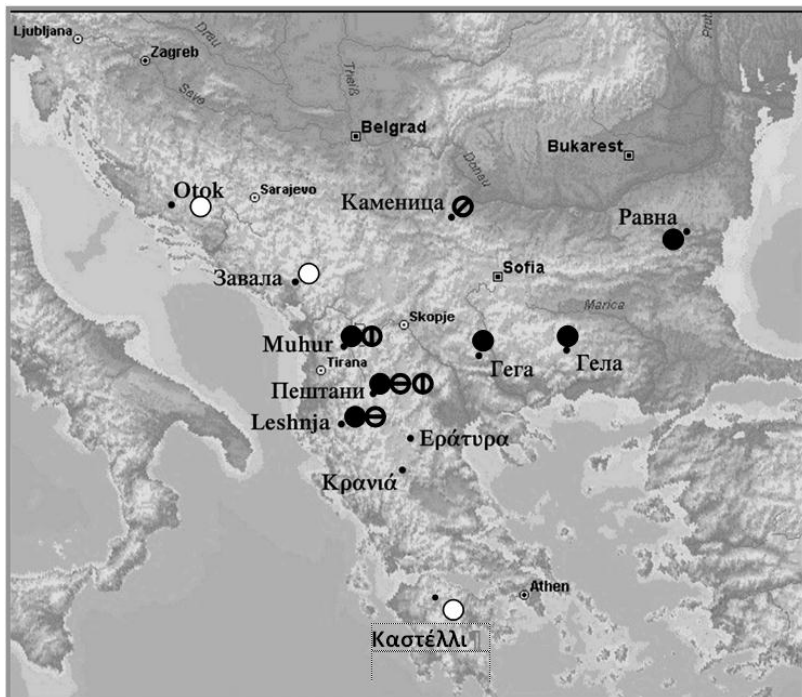
5. Тур. *teneke* ‘жесть; (жестяной) бидон; жестяной’. Турцизм в семантической части МДАБЯ представлен на карте №152 (Sobolev 2003: 320–321). Как и везде в этом томе, не отражены данные по Каstellи. Слово не зафиксировано в Отоке (хорв.) и Каменице (серб.). Три пункта (Мухурр, Лешня и Кранеа) повторяют семантику турецкого слова в полном объеме: ‘жесть; жестяной сосуд’, четыре славянских пункта (Завала, Пештани, Гега и Равна) сужают семантику до материала — ‘жесть’, два пункта (Гела и Эратира) — до ‘жестяной сосуд’.

Результаты новых исследований — 5. Дополнительные материалы были найдены при изучении лексики молочного производства (пока не опубликованы) и пчеловодства (Domosiletskaya 2018: 226–227, карта № 93). Отсутствие слова достоверно подтверждено в Отоке, Каменице, а также дообследованном южногреческом селе Каstellи. Общее название ‘жестяной сосуд’ конкретизируется как: ‘дымарь — прибор для окуливания пчел’ *tānāk'e* (Кранеа), ‘металлический подойник для овец’, ‘металлический подойник для коров’ *tinik'es* (Эратира).

Таковы результаты проверки семантической амплитуды ряда уже ранее выделенных и картографированных лексических балканизмов. Можно полагать, что если бы в программу сбора лексического материала входили еще и другие тематические разделы, отсутствующие в Вопроснике МДАБЯ (например, «Дикая растительность», «Животный мир», «Строительство жилья», «Рыболовство» и др.), то, вероятно, картина семантического спектра лексем могла бы получиться еще более полной и могли бы обнаружиться и другие семантические параллели между пунктами атласа.

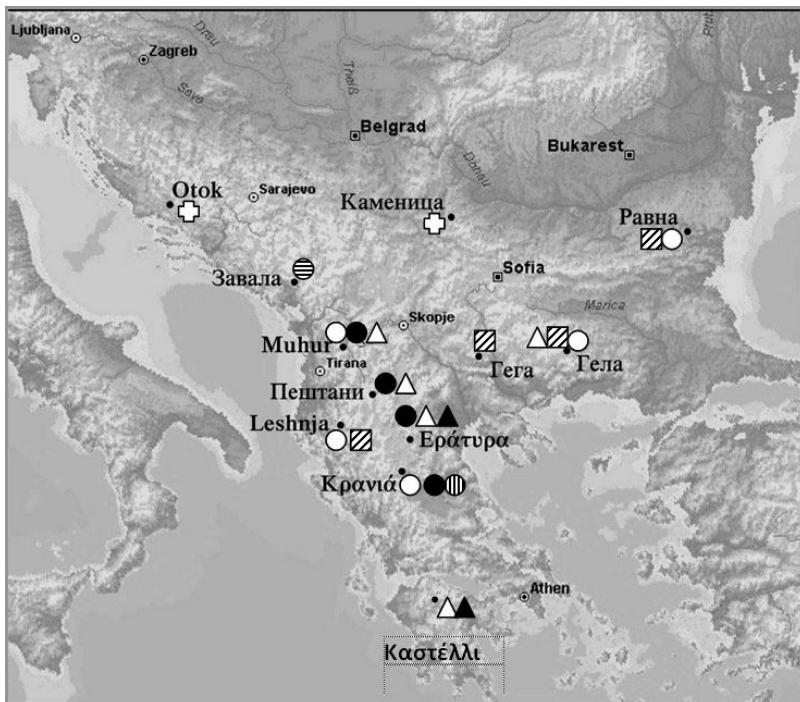
Подобные уточнения важны для описания динамики балканистических процессов, в частности, для реконструкции стадий развития значений первичных лексем, для определения центров иррадиации семантических инноваций, а также для изучения следов прошлых и актуальных межъязыковых контактов. Кроме того, они немаловажны для установления общего и различного в способах концептуализации окружающей действительности балканскими крестьянами, которые проживают (в рамках МДАБЯ) в 12-и весьма удаленных друг от друга селах полуострова, но являются носителями репрезентативных национальных диалектов.

Карта №1
Субстр. [pVrVi]

- Движущаяся водная масса (поток на земле, дождь/ливень)
- ⊖ Поднятие уровня воды в результате обильных осадков
- ⊘ Нанос после спада воды
- ⓪ Овраг, ложбина
- Отсутствие лексемы

Карта №2 Лат. FORTUNA

- Дождь с сильным ветром
- Снег с сильным ветром
- ⊗ Дождь
- ⊖ Мокрая и холодная погода
- ▨ Сильный ветер (без осадков)
- △ Гроза
- ▲ Грозовая ночь
- ⊕ Отсутствие лексемы

Литература

- Andriotis, N. P. 1967: *Etimogiko leksiko tis koinis neoellinikis* [Etymological Vocabulary of Modern Greek]. Thessaloniki.
Ανδριώτης Ν. Π. *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής*. Θεσσαλονίκη, 1967.
- Çabej, E. 1996: *Studime etimologjike në fushë të shqipës*. Vël. IV (DH-J). Tiranë: Akademia e shkencave e RPS të Shqipërisë. Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.
- Domosiletskaya, M. V. 2018: *Malyy dialektologicheskij atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya. Tom VII. Pchelovodstvo* [Minor Atlas of Balkan languages. Lexical series. Vol. VII. Beekeeping terminology] / ed. A. N. Sobolev. St-Petersburg: "Nauka".
Домосилецкая, М. В. 2018: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том VII. Пчеловодство*. Под ред. А. Н. Соболева. СПб: «Наука».
- Domosiletskaya, M. V. 2012: *Malyy dialektologicheskij atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya. Tom V. Meteorologiya* [Minor Atlas of Balkan languages. Lexical series. Vol. V. Meteorology]. St-Petersburg: "Nauka" — München: Verlag Otto Sagner.
Домосилецкая, М. В. 2012: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том V. Метеорология*. СПб: «Наука» — München: Verlag Otto Sagner.
- Domosiletskaya, M. V. 2010: *Malyy dialektologicheskij atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya. Tom IV. Landshaft* [Minor Atlas of Balkan languages. Lexical series. Vol. IV. Landscape]. St-Petersburg: "Nauka" — München: Verlag Otto Sagner.
Домосилецкая, М. В. 2010: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том IV. Ландшафт*. СПб: «Наука» — München: Verlag Otto Sagner.
- Domosiletskaya, M. V., Zhugra, A. V., Klepikova G. P. 1997: *Malyy dialektologicheskij atlas balkanskikh yazykov. Leksicheskaya programma*. [Minor Atlas of Balkan languages. Draft of the lexis.]. St-Petersburg: ILS RAS.
Домосилецкая, М. В., Жугра, А. В., Клепикова, Г. П. 1997: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа*. СПб: ИЛИ РАН.
- Leluda-Foss, Ch. 2006: *Die südgriechische Mundart von Kastelli (Peloponnes). Morphosyntax und Syntax. Lexik. Ethnolinguistik. Texte*. München.
- Meyer-Lübke, W. 1935: *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 3. vollständig neuarbeitete Auflage. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

- Sobolev, A. N. 2003: *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov*. / ed. A. N. Sobolev. *Probnyy vypusk* [Minor Atlas of Balkan languages. A Trial Edition]. München: Biblion Verlag.
- Соболев, А. Н. 2003: *Малый диалектологический атлас балканских языков* / Под ред. А. Н. Соболева. Пробный выпуск. München: Biblion Verlag.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipes*. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМИ ЛЮТЕРАНСКОГО ПИЕТИСТА АВГУСТА ФРАНКЕ

Рассматривается вопрос о том, как визуальный метод обучения лютеранского пиетиста Августа Германа Франке (August Hermann Francke) (1663–1727) получил дальнейшее развитие у его последователей. Обнаружено, что проводимая пиетистами реформа преподавания предполагала включение наглядного метода не только для изучения естественных наук, как это было главным образом у вдохновителя пиетизма Августа Германа Франке, но и в преподавании грамматики. Используя таблицы для обучения языкам, пиетисты избегают, однако, таких средств визуализации как изображения. Если для Франке визуализация способствовала более быстрому заучиванию материала и долговому сохранению его в памяти, то для пиетиста Иоганна Фридриха Хена согласно его методу начальных букв (Literal-Methode) и использованию таблиц важно, чтобы учащиеся не просто выучили грамматические правила наизусть, но выучили их в логичной взаимосвязи и «смогли научиться думать и понимать все более основательно».

Ключевые слова: пиетисты, А. Г. Франке, обучение грамматике, визуализация, метод начальных букв, таблицы.

The development of the visualisation principle in teaching grammar by the followers of the Lutheran pietist August Francke

The article considers how the visual method of teaching applied by the pietist August Hermann Francke (1663–1727) was further developed by his followers. The pedagogical and grammatical works of A. G. Francke and his admirers Joachim Lange (1670–1744) and Johann Friedrich Hähn (1710–1789) served as material for the research. It was discovered that the reform of teaching carried out by pietists assumed the inclusion of a visual method not only for the study of natural sciences, as was mainly the case with the inspirer of pietism August Hermann Francke, but also in teaching grammar. Using tables to teach languages, pietists avoid, however, such visualization tools as images. The pietist Johann Friedrich Hähn made a subsequent contribution to the development of Francke's initiatives in the

field of education reform. For Francke, visualization contributed to faster learning of grammatical material and long-term storage of it in the memory. For Hähn, according to his method of initial letters (*Literal-Method*) and the use of tables, it is important that students not only learn grammatical rules by heart, but learn them in a logical relationship and “be able to learn to think and understand more thoroughly”.

Keywords: pietists, A. H. Francke, grammar teaching, visualization, *Literal-Method*, tables.

Визуальный метод обучения лютеранского пиетиста Августа Германа Франке (August Hermann Francke) (1663–1727), используемый на уроках естественных наук, получил дальнейшее развитие у его последователей в области изучения языков и использовался для представления грамматических явлений. Материалом исследования послужили педагогические и грамматические труды А. Г. Франке и его почитателей Иоахима Ланге (Joachim Lange) (1670–1744) и Иоганна Фридриха Хена (Johann Friedrich Hähn) (1710–1789).

Пиетизм был верой, «направленной на религиозное и социальное обновление и завершение Реформации <...> Центральную роль в практике пиетистов (*praxis pietatis*) играло улучшение мира посредством деятельного благочестия и глубоко религиозной практической деятельности. В их задачу входило и создание приютов для подкидышей и сирот» (Lambers 2018: 77). Август Герман Франке был одним из главных представителей пиетизма в Галле и основателем Фонда Франке в Галле-андер-Заале в 1698 году. В школах, основанных пиетистами, педагогика служила тому, чтобы превратить злобного, своенравного ребенка в хорошего, трудолюбивого и верующего в Бога (Sesink 2007: 91).

Высокая значимость реалий как иллюстративного материала в педагогике Франке

Франке создал новаторскую систему школ; введенный им в качестве обязательного образцовый для того времени канон обучения включал, в частности, реальные дисциплины (Menck 2001: 3). По мнению Франке, содержание урока должно быть передано чувственно, поэтому он придавал большое значение использованию на занятиях реальных предметов и иллюстративного материала. По словам Франке, маленьким детям нужны твердые установки, которыми они должны научиться руководст-

воваться. Они создаются в первую очередь образцами для подражания и их ближайшим окружением. Дети склонны «подражать всему, что видят, и поскольку все, что они видят и слышат, для них еще ново, им легче это запомнить» (Francke 1885: 42; см. также Kotsch 2011: 208).

В «реальной школе» Франке впервые в истории школьного образования постоянно используются на уроке настоящие предметы в виде материалов, моделей, произведений искусства и обыденных вещей. Реалии были частью учебной программы, «когда стало возможным прямое, не опосредованное книгами, знакомство с вещами» (Pfister 2011: 271, 267). С точки зрения педагогики и дидактики Франке был новатором своего времени. Благодаря созданию кабинета естествознания и поучительным прогулкам на природе он всегда стремился к наглядности на уроках (Lamberts 2018: 83). Придавая большое значение реалиям и требуя сделать уроки как можно более понятными, Франке следовал Яну Коменскому (Kotsch 2011: 202).

Наглядность была методом передачи содержания и помогла познанию. Франке, чья педагогика была сосредоточена на практическом использовании образования, стремился к тому, чтобы изученный материал можно было использовать разумно и чтобы знания были приспособлены к повседневной жизни. Прежде всего, уроки были «построены по принципу: выучить — понять — применить. Многие заучивали наизусть, но заботились и о том, чтобы к знаниям добавлялось понимание» (Velten 1988: 61). А вот на уроках немецкого языка и математики Франке еще не реализовал свое стремление, чтобы усваивали материал, следуя за ходом мыслей учителя. Здесь, как это было еще принято в то время, продолжало доминировать простое заучивание наизусть грамматических и математических правил (Kotsch 2011: 226).

Предложения Франке по использованию иллюстративного материала были учтены и получили в области преподавания языков и грамматики дальнейшее развитие. Решающую роль в этом сыграли его верные последователи Иоахим Ланге и Иоганн Фридрих Хен.

Включение таблиц в латинскую грамматику И. Ланге

При исследовании визуальных средств следует уделить особое внимание учебникам по грамматике, поскольку связь между вербальным текстом и изобразительными графическим

средствами и рисунками определяется в первую очередь типом текста и может быть описана только при обращении к свойствам типа текста (см. Stöckl 2004: 23; Gläser 1990: 148). Хотя конкретные изображения возможны не для всего изучаемого грамматического материала, визуальные представления, несомненно, имеют большое значение для процесса обучения грамматике. Герман Функ (Hermann Funk) и Майкл Кениг (Michael Koenig) провели описание и классификацию различных видов визуализации, объяснили специфическую функцию грамматико-дидактической визуализации: «Визуализировать грамматику – это продемонстрировать отвлеченное наглядно» (Funk; Koenig 1991: 55).

Иоахим Ланге, профессор богословия в Галле, среди прочего написал широко используемую латинскую грамматику. Между первой публикацией в 1703 г. и последней в 1819 г. вышло 60 изданий этой грамматики (Grote 2018: 127). Сам Франке высоко ценил эту грамматику и писал: «Во всех 7 классах полезна только одна, а именно латинская грамматика г-на доктора Ланге» (Francke 1885: 290).

Работы Иоахима Ланге не содержат рассуждений общетеоретического характера, к которым обращались, например, в так называемых общих или философских грамматиках и которые включали для рассмотрения грамматических явлений философские вопросы или толкования. Чтобы применить идеи и методы пиетистов, Ланге решил изменить практическое преподавание грамматики, ибо одни учебники того времени «были слишком краткими, другие — очень подробными» (Lange 1755, Vorrede: 43–44). Он решил создать свою собственную новую грамматику, используя множество немецких или написанных по-немецки, а также латинских учебников. Он «сопоставил ее с Санчесом (Sanctio) и Шоппе (Scioppio), отчасти также с Фоссом (Vossii ars grammatica) и в основном обнаружил с ними очень точную гармонию» (Lange Vorrede 1755: 44)¹.

Франке, реализовав метод наглядности в преподавании лишь естественных наук, видит возможность использовать и при изучении языков иллюстративный материал в виде таблиц. По словам Франке. «Упрощенная латинская грамматика»

¹ Имеются в виду сочинения Франсиско Санчеса (лат. Sanctius, исп. Francisco Sanchez) (1523–1601), Каспара Шоппе (1576–1649) (Caspar Schoppe), Гергарда Иоганна Фосса (Gerhard Johannes Vossius) (1577–1649).

Кристофа Целлариуса (Christoph Cellarius, Merseburg: Forberger, 1689) была необходима при изучении латыни. Ученики должны открывать таблицы, например, «когда они прошли склонение (Declinationes), то занимаются родом имен (Genera Nominum) и показывают на специальной таблице» (Francke 1885: 252). Коллега Франке и его поклонник Иоахим Ланге как раз использовал такие таблицы в своем сочинении «Улучшенная и облегченная латинская грамматика». Ланге пишет об используемых им таблицах: «Однако эти парадигмы можно легко понять и по окончаниям, представленным в таблице, особенно когда они изображены на доске и постоянно торчат перед глазами» (Lange 1755: 52). Например, склонение представлено в виде таблицы (Ланге 1755:8), в каждой таблице склонения даны примеры: (Lange 1755: 10). Есть также таблицы спряжения, где примеры объясняют и закрепляют грамматические правила.

Содержание его грамматики подчинено основной цели — содействовать совершенствованию школьной системы. Этому посвящено предисловие к грамматике Ланге. Заглавие учебника 1707 г. говорит о том, что вместе с правилами латинского языка, которые изложены кратко и полно, имеется «Предисловие об улучшении школьного образования» (Lange 1707: 5–62). Другие издания также содержат это предисловие (ср. Lange 1755: 5–49). Особенность его учебника состоит в том, что Ланге посвящает специальный раздел методике его применения на практике: «Метод как использовать грамматику» (Lange 1755: 52–58). Эти методологические идеи определяют и оформление учебника Ланге. Для него большое значение имеет не только установление правил грамматики, но и применение методики преподавания грамматики. В главе «Метод как использовать грамматику» объясняется порядок, в котором следует использовать таблицы, в частности: «Если намереваются понять различие между временами по этой новой схеме, тогда проходят сами парадигмы; но так, чтобы во всех временах сначала заканчивают индикатив, а затем прежде всего берутся за конъюнктив, стоящий рядом с ним» (Ланге 1755: 53). Например, Ланге включает парадигмы, которые представлены как стоящие рядом друг с другом таблицы образования индикатива и конъюнктива (Lange 1755: 54, 56).

Методологическое обоснование грамматических таблиц Иоганном Фридрихом Хеном

В то время как Ланге посвящает методу преподавания лишь специальный раздел своей грамматики, то протестантский теолог и школьный инспектор основанной в Берлине в 1747 году реальной школы (Realschule) Иоганн Фридрих Хен опубликовал отдельные сочинения в журнале «*Agenda scholastica*» (Nähn 1750–1752) и «Подробный трактат о методе начальных букв» (Nähn 1777), где подробно представлены и обоснованы возможности реформы образования в пиетистском духе и, в частности, усовершенствованный метод обучения грамматике.

Одной из основных особенностей пиетистского метода обучения, предусматривающего наглядность, был метод начальных букв и таблиц Иоганна Фридриха Хена, который он назвал «методом начальных букв» (Literal-Methode). В 1733–1736 годах он учился в университете в Йене и привык использовать буквы для выражения не только математических величин, но и других вещей, а именно учить произносить буквы алфавита и читать (Nähn 1777: 1–2): «Потому что, был я в то время по счастью студент богословия, поэтому мне не было стыдно научиться произносить буквы алфавита и читать так, чтобы этому можно было бы легко, приятно и быстро основательно научить детей» (Nähn 1777: 2).

В сочинении Хена «Подробный трактат о методе начальных букв» есть следующее определение: «Метод начальных букв — такой вид обучения, посредством которого с помощью начальных букв определенных слов можно одновременно обучать всех детей класса, у которых один и тот же урок. Можно обучать наукам и искусствам основательно, четко, последовательно, легко и приятно с заметным выигрышем во времени и усилий и способствовать росту знаний» (Nähn 1777: 18). Согласно «методу начальных букв» Хена учитель записывает первые буквы слов, которые вы хотите произнести и тем самым назвать вещи. «Но он также говорит и объясняет вам, что означает буква, какое слово она вам напоминает и о какой вещи она должна навести вас на размышления» (Nähn 1777: 27). Хен познакомил учителей и учащихся со своим «методом начальных букв» между 1738 и 1749 годами в Клостерберге и Магдебурге, а после 1750 года — в реальной школе в Берлине (Nähn 1777: 8–10).

Этот метод стал известен и практиковался не только в немецких протестантских школах, но и под названием «Саганский метод» в католических школах Силезии, и даже в школах императорских и королевских наследственных земель Габсбургов благодаря аббату фон Фельбигеру» (Hähn 1777: 69)².

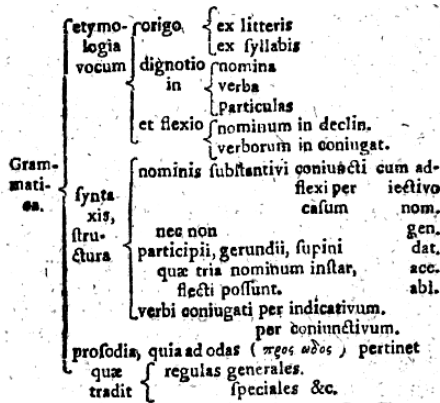
Метод начальных букв привел Хена к использованию таблиц, потому что правильное расположение есть не что иное, как «таблица» (Hähn 1777: 4). Использование таблиц как одна из «основных частей», важных для «метода начальных букв», может способствовать следующему: «Даже при изучении азбуки и чтению по буквам детей следует учить воспринимать все как взаимосвязь главных и второстепенных частей и легко охватывать это единым взором» (Hähn 1777: 28). По словам Хена, содержание учебной программы не только лучше закрепляется в памяти с помощью таблиц, «но ученики стали <...> активными и натренированными, чтобы излагать на бумаге многое в правильном порядке, в точной взаимосвязи, кратко и ясно, чтобы часто это повторять и размышлять об этом далее, и при этом хорошо упражнять память и ум» (Hähn: 1777: 5).

В «Подробном трактате о методе начальных букв» он пишет об использовании таблиц для обучения грамматике гораздо более обстоятельно, чем в одном из сочинений журнала «Die agenda scholaistica». Согласно Хену, составление таблицы — это то же самое, что возведение здания из отдельных камней: «Что произойдет, если каждый день доставлять в большом количестве камни, выгружать их, но оставлять лежать без дела, не построив из них при этом настоящего здания? Груда камней и ничего более. Укладывайте камни правильно по хорошему плану, стройте серьезно; так что доставка камней предстанет как полезная, как необходимая, как незаменимая вещь. И какой смысл держать в памяти большой словарный запас, если ты не

² В своем «Подробном трактате о методе начальных букв» Хен перечисляет книги, в которых этот метод рассматривается более обстоятельно: 1) Die agenda scholaistica, wo in allen io Theilen das Vornehmste davon angeführet worden, als pag. 5–12. 100–130. 292–332. 386–403. 678–715. 734–770. 2) Das Berlinische Schulbuch im zweyten, vornehmlich — im dritten Theil. 3) Des Herrn Abts und Prälaten von Felbiger Schulbuch, von den Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtschaffener Schulleute, von p. 35–110 und noch weiter. 4) Des Königl. Preuß Ober-Confistorialraths Silberchlags zwey Lesenswürdige Programmata vom Jahr 1771 (Hähn 1777: XXXVI).

научишься составлять из него некую структуру (*comparinemetum*) и представлять искусства и науки как единое целое?» ?^с (Hähn 1752 (6): 387–388).

Чтобы хорошо представить все разделы грамматики, Хен приводит таблицу во втором номере журнала: «Мы хотели добавить нижеследующую таблицу, чтобы увидеть общее деление грамматики в целом» (Hähn 1751 (2): 20). Хен делит латинскую грамматику на три «основные части»: I. а) «этимология» («происхождение слов из букв и слогов»), б) «различие между именами» (*Nenn = Worte, (nomina)*, глаголами (*Haupt = Worte (verba)*), частицами (*Bey = Worte (particulae)*) в) «изменение или склонение слов»; II. «синтаксис» («как правильно составлять вышеназванные слова»); III. «Просодия», «потому что она относится к сочинению стихов и од» (Hähn 1751 (2): 19).

Илл. 1. Три основные части грамматики (Hähn 1751 (2): 20).

В своем журнале «*Die agenda scholastica*» Хен пишет о том, как следует изучать и использовать правила и таблицы. Например, именительный падеж не следует подвергать подробному рассмотрению в течение полугода: «Поэтому целесообразно все делать понемногу и помнить урок старых опытных схоластов: *non multa; sed multum*» (Hähn 1751 (2): 26), т. е. не много, но многое, немного по количеству, но много по значению). В том же журнале он дает подробные методические указания по работе с таблицами: «Вы можете либо начать с первой части таблицы, либо перейти к самой дальней и самой маленькой части, но всегда в постоянном контексте; или берут одну из самых отдаленных частей и идут от этого звена ко всем другим

связанным звеньям этой цепи истины, представленной в таблице, назад с чего начали, или вы берете часть из середины и присоединяете предыдущую и последующую» (Hähn 1751 (2): 36). Хен вставляет таблицы в такие свои учебники, как: 1) *Lateinische Syntax in Tabellen*. 1754; 2) *Berliner ABC-, Buchstaben- und Lehrbuchlein von 1757* (BBHS 1996: 20).

Причины преимущественного использования таблиц в качестве наглядного пособия в грамматиках пиетистов

В рассматриваемый период в учебниках использовались различные средства визуализации для обучения грамматике. Включая таблицы для обучения языкам, пиетисты избегают, однако, таких средств визуализации как изображения. В пиетистских грамматиках мы не встречаем ни визуальных метафор, отображающих идеи текста в сжатой форме, ни визуальных метонимий, конкретизирующих абстрактные понятия посредством наглядных примеров. Впрочем, картинки не предназначались на уроках латыни не только в пиетистских латинских школах, но и в гуманистических гимназиях, ибо считалось, что язык есть единственный носитель интеллектуального содержания. «В этом смысле каждая иллюстрация является чуждым тексту элементом, который мешает читателю полностью сосредоточиться на тексте» (Rothenburg 2009: 50).

Можно также предположить, что в грамматических произведениях пиетистов изобразительный материал отсутствовал потому, что он предполагал игровую деятельность. Благочестивое аскетическое воспитание не допускало веселого обучения. Игра была «запрещена детям во всех школах в соответствии с содержанием Евангелия <...> они найдут свою истинную радость и сладостное удовлетворение сердца только в своем добром и милостивом Спасителе» (Ziegler 1909: 193). Одна из главных причин отсутствия изображений в пиетистских грамматиках, вероятно, не в прямой неприязни к картинкам, как это было, например, у кальвинистов. Скорее всего причину следует искать в том, что как грамматические учебники, так и Библии, предлагались пиетистами по низкой цене и оформление их должно было быть недорогим (о Библиях см.: Mühlen 2001: 93).

Выводы. Грамматика Иохима Ланге содержит традиционно теоретический материал в форме правил, но при этом включает в себя таблицы с примерами в качестве практикуемого пиетистами наглядного объяснения, которые способствуют закреплению материала. Из этого следует, что проводимая пиетистами реформа преподавания предполагала включение наглядного метода не только для изучения естественных наук, как это было главным образом у вдохновителя пиетизма Августа Германа Франке, но и в преподавании грамматики. Кроме этого методологического подхода структуру грамматики Иохима Ланге определяет и то, что его грамматика содержит подробные практические инструкции о том, сколько и в каком порядке изучать материал, в том числе таблицы, в соответствии с уровнем и способностями учащегося.

Преподаватель реальной школы в Берлине Иоганн Фридрих Хен внес дальнейший вклад в развитие начинаний Франке в области реформы образования. Если для Франке визуализация способствовала более быстрому заучиванию материала и долгому сохранению его в памяти, то для Хена согласно его методу начальных букв и использованию таблиц важно, чтобы учащиеся не просто выучили грамматические правила наизусть, но выучили их в логичной взаимосвязи и «смогли научиться думать и понимать все более основательно».

Литература

- BBHS = *Bio-bibliographisches Handbuch zur Sprachwissenschaft des 18. Jahrhunderts. Die Grammatiker, Lexikographen und Sprachtheoretiker des deutschsprachigen Raums mit Beschreibungen ihrer Werke*, 1996. Hrsg. von H. E. Brekle, E. Dobnig-Jülch, H. Jü. Höller und H. Weiß. Bd 4, H. I. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Felbiger, J. I. 1768: *Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechts-recht-chaffener Schulleute*. Sagan: Verlag der katholischen Trivialschule.
- Francke, A. H. 1885: *A. H. Francke's pädagogische Schriften: nebst der Darstellung seines Lebens und seiner Stiftungen*. Hrsg. von G. Kramer. Langensalza: Hermann Beyer & Söhne.
- Funk, H., Koenig, M. 1991: Grammatik sehen. Visualisierung von Grammatik und Übungssequenzen. *Fremdsprache Deutsch*. 5, 55–58.
- Gläser, R. 1990: *Fachtextsorten im Englischen*. Tübingen: Narr.
- Grote, S. 2018: Domesticating Religious «Fanaticism» in Eighteenth-Century Germany. A Tale of Two Books. *Church History and Religious Culture*. 98 (1), 111–138.

- Hähn, J. F. (Hrsg.) 1751, 1752: *Die agenda scholastica*. Berlin: Verlag Real-Schule. 2. Stück, 6. Stück.
- Hähn, J. F. 1777: Ausführliche Abhandlung der Literal-Methode, Berlin: Verlag der Buchhandlung der Real-Schule.
- Kotsch, M. 2011: *August Hermann Francke. Pädagoge und Reformier*. Dillenburg: Christliche Verl.-Ges.
- Lambers, H. 2018: *Geschichte der Sozialen Arbeit: wie aus Helfen Soziale Arbeit wurde*. Bad Heilbrunn: Verlag Julius Klinkhardt.
- Lange, J. 1755: *Verbesserte und Erleichterte Lateinische GRAMMATICA mit einem Paradigmatischen und Dialogischen TIROCINIO. Dreyßigste Edition, Mit stehend bleibenden Schriften aber mit mehrerer Richtigkeit willen*. Halle: Waisenhaus, (Erste Ausgabe: 1705).
- Menck, P. 2001: *Die Erziehung der Jugend zur Ehre Gottes und zum Nutzen des Nächsten: die Pädagogik August Hermann Franckes*. Tübingen: Verl. der Franckeschen Stiftungen Halle im Max-Niemeyer-Verl.
- Mühlen, R. 2001: *Die Bibel und ihr Titelblatt: die bildliche Entwicklung der Titelblattgestaltung lutherischer Bibeldrucke vom 16. bis zum 19. Jahrhundert*. Würzburg: Stephans-Buchhandlung Mittelstädt.
- Pfister, S. 2011: Religion an Realschulen. Eine religionspädagogische Analyse des mittleren Schulwesens. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 10 (2), 265–277.
- Rothenburg, K.-H. 2009: *Geschichte und Funktion von Abbildungen in lateinischen Lehrbüchern*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Sesink, W. 2007: *Das Pädagogische Jahrhundert. Skript zur Vorlesung im SS 2007 TU Darmstadt*. Retrieved from <https://docplayer.org/74681390-Das-paedagogische-jahrhundert.html>
- Stöckl, H. 2004: *Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache: Zur Verknüpfung von Sprache im massenmedialen Text; Konzepte, Theorien, Analysemethoden*. Berlin [u.a.]: de Gruyter.
- Ziegler, T. 1909: *Geschichte der Pädagogik*. München: Beck.

Ф. А. Елоева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
fatimaeloeva@yandex.ru

НО ПОКА МНЕ РОТ НЕ ЗАБИЛИ ГЛИНОЙ... КАВАФИС ДОПИСЫВАЕТ ПЛУТАРХА

Предметом рассмотрения данной статьи стали три текста, связанные между собой в хронологическую и смысловую цепочку: «Жизнь Антония» из Сравнительных жизнеописаний Плутарха (45–125 н. э.), стихотворение Константина Кавафиса (1863–1933) «Оставляет бог Антония», основанное на диалоге с Плутархом, и стихотворение Иосифа Бродского (1940–1996) «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», которое, как доказывается, непосредственно связано с текстом Кавафиса. Также выявляется специфика интертекстуальной связи между стихотворением Кавафиса «Конец Антония» и трагедией Шекспира «Антоний и Клеопатра».

Анализ этой цепочки текстов показывает некоторые особенности проявления интертекстуальности и специфику рецепции в свете установок reader-response theory, а также демонстрирует, каким именно образом, умный читатель (в терминологии Умберто Эко) становится писателем и творцом и к каким именно последствиям это приводит (Есо 2000). Для автобиографического стихотворения И. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» предлагается новая интертекстуальная коннотация.

Ключевые слова: Константин Кавафис, Плутарх, Иосиф Бродский, интертекстуальность, рецепция, перевод, Марк Антоний, Антоний и Клеопатра.

F. A. Eloeva

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. fatimaeloeva@yandex.ru

Yet until brown clay has been rammed down my larynx... Cavafy continues Plutarch

The subject of this article are three texts, interconnected in a chronological and semantic chain: *The Life of Antony* from the *Parallel Lives* of Plutarch (45–125 AD), the poem *God Forsakes Anthony* by Constantine Cavafy (1863–1933), based on the dialogue and partial quotation of Plutarch, and the poem *I entered the cage instead of a wild beast...* by Joseph Brodsky (1940–1996), which is proposed to be considered directly related to the text of Cavafy. It is also important to identify the specifics of

the intertextual connection between Cavafy's poem *The End of Antony* and Shakespeare's tragedy *Antony and Cleopatra*.

It seems that the analysis of this chain of texts gives us the opportunity to identify, in the light of the reader-response theory, some aspects of how intertextuality manifests itself and how reception works, as well as demonstrates how exactly a smart reader (in the terminology of Umberto Eco) becomes a writer and creator and to which exact consequences it leads (Eco 2000). A new intertextual connotation is proposed for Joseph Brodsky's autobiographical poem *Instead of a wild beast I entered a cage...*

Keywords: Constantine Cavafy, Plutarch, Joseph Brodsky, intertextuality, reception, translation, Mark Antony, Antony and Cleopatra

Предметом рассмотрения данной статьи¹ стала специфика проявления интертекстуальности и рецепции на примере

¹ Начальным вариантом этой статьи было сообщение на юбилейном заседании кафедры классической филологии памяти Александра Иосифовича Зайцева в январе 2022 года. Я сочла возможным воспроизвести короткое обращение к памяти А. И. Зайцева, предшествовавшее тексту доклада.

Я часто вспоминаю Александра Иосифовича. Собственно, любое соприкосновение с темой античной Грецией обычно заставляет меня подумать о нем — и следует сказать, что его облик совершенно не стирается из памяти — я явственно представляю его, задумчивого и сосредоточенного, бродящего со своим неизменным портфелем по коридорам филфака, где некогда гулял и я и откуда многие из нас волею судеб были перемещены в виртуальное пространство.

Александр Иосифович безусловно был одним из самых необыкновенных и, я бы сказала, загадочных из встреченных мною людей. Заметим, что факт его величия всегда воспринимался как данность. Поражала его удивительная способность знать все и интересоваться всем, в частности, и новогреческими сюжетами.

Очевидно, что в нашем восприятии личности и научного творчества Зайцева важную роль играли факты его трагической, драматической биографии — А. И. Зайцев принадлежал к сидевшему поколению, пережил арест родителей, расстрел отца, собственный арест, тюремно-психиатрическую Казанскую больницу; все это сформировало то, что Бродский называл дикцией — сейчас, видимо, мы уже свыклись с мыслью, что автор, вопреки утверждению Барта, не умирает — биография писателя накладывается на его текст и создает некий резонанс; вне всякого сомнения это определенным образом работает и применительно к ученым. Все знавшие Александра Иосифовича помнят, каким особенным образом он произносил слово «узилище». Очевидно, что в его прочтении Апология Сократа, Критон или Федон приобретали особенное звучание и в силу его биографии.

нескольких текстов, связанных между собой в хронологическую и смысловую цепочку. В этом аспекте в статье будет рассматриваться «Жизнь Антония» из Сравнительных жизнеописаний Плутарха (45–125 н.э.), стихотворения Константина Кавафиса (1863–1933) «Конец Антония» и «Бог оставляет Антония», основанные на диалоге с Плутархом и его частичным цитировании, а также стихотворение Иосифа Бродского (1940–1996) «Я входил вместо дикого зверя в клетку...»², которое я считаю непосредственно связанным с текстом Кавафиса.

Представляется, что внимательный анализ этой цепочки текстов дает нам возможность выявить некоторые особенности проявления интертекстуальности и специфику рецепции в свете установок reader-response theory, а также демонстрирует, каким именно образом *умный читатель* (в терминологии Умберто Эко) становится писателем и творцом и к каким именно последствиям это приводит (Есо 2000)³. Для автобиографического стихотворения И. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» предлагается новая интертекстуальная коннотация с Кавафисом.

Плутарх — Кавафис. Некоторые точки схождения

Сложно сказать, сколько именно стихотворений Кавафиса явились прямым откликом или даже пересказом текстов Плутарха. 11 стихотворений из его основного корпуса прямо цитируют Плутарха, но значительно больше стихотворений опосредованно связаны с его творчеством (Paschalis 2020: 641). Задачей данного раздела является попытка выявления причин особого притяжения Кавафиса к Плутарху и дополнительных точек схождения между двумя выдающимися греками.

Представляется уместным посвятить его памяти текст статьи, в которой разбирается специфика взаимодействия истории, биографии и поэзии.

² Alles Vollkommene in seiner Art muß über seine Art hinausgehen, es muß etwas anderes, Unvergleichbares werden (Goethe 1963) «Все совершенное в своем роде должно стать выше своего рода, оно должно стать чем-то другим, несравнимым» (Пер. А. В. Федорова, Goethe 1978).

³ Авторы, участвующие в рассматриваемой нами интертекстуальной игре, не могут пожаловаться на недостаток внимания исследователей, поэтому в данной работе мы сочли возможным ограничиться лишь самой необходимой библиографией и комментариями.

В истории мировой литературы Плутарх занимает особое место (Beck 2014). С XVI до XVII вв. Плутарх является наиболее читаемым античным автором (Oikonomopoulou, Xenophontos: 2019). Веками Запад видел свое классическое прошлое прежде всего глазами Плутарха. «Сравнительные жизнеописания» стали главным источником нескольких пьес Шекспира — «Юлия Цезаря», «Антония и Клеопатры», «Кориолана» и «Тимона Афинского»⁴.

С. С. Аверинцев, посвятивший Плутарху свою первую монографию (Averincev 1973), попытался определить секрет его огромной литературной славы, поставив вопрос о границах его творчества и природе его индивидуальности. Монография Аверинцева имеет подзаголовок «К вопросу о месте классика жанра в истории жанра». Аверинцев замечает, что классик — это вовсе не типичный представитель жанра, а, напротив, явный аутсайдер, выходящий за границы жанра, он цитирует Гете: «Все совершенное в своем роде должно выйти за пределы своего рода» и задается вопросом: «Если же мы от общих понятий обратимся к конкретному случаю Плутарха, снова и снова всплывает вопрос: положим, биографии Плутарха написаны совершенно так же, как биографии некоего эллинистического автора NN — но почему тогда случилось, что “Параллельные жизнеописания” остались в числе переписываемых и читаемых книг, а труды NN были заброшены?» (Averincev 1973: 6).

Аверинцев сравнивает свой подход к изучению Плутарха с прочерчиванием силуэта на некоем фоне — он пытается определить характер «инаковости» херонейского писателя и приходит к парадоксальному выводу о том, что традиционность Плутарха является лишь кажущейся — «характерное для Плутарха использование биографической формы для философски-психологических этюдов на материале политической истории является единственным в своем роде явлением и прямо противоречит традиции жанра». В основе стиля Плутарха лежит интонация «доверительной раскованной беседы, живого голоса, зримого жеста» (Averincev 1973: 10). Кажется, что сам Плутарх прекрасно отдавал себе отчет в загадке своего писательского обаяния, в часто цитируемом вступлении к жизни

⁴ Шекспир читал Плутарха в переводе Томаса Норта (Thomas North) (1579), который, в свою очередь, пользовался переводом Жака Амио (J. Amyot) (Dimitrova 2019: 473; Farsier, Guerrier 2019: 421–436).

Александра Македонского из «Параллельных жизнеописаний» он пишет о важности выразительной детали, которую он предпочитает подробной биографии, поскольку именно деталь может дать нам представление о характере человека.

«Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-то ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов» (Plutarch 1994: Alexander, 1).

Создается впечатление, что Плутарх становится классиком жанра, именно нарушая жанровую цельность и расшатывая каноны, внося домашнюю интонацию в политический дискурс; биография в его исполнении становится точкой пересечения разных силовых полей, превращается в своеобразную метафору.

Константин Кавафис — одно из главных имен мировой поэзии. В 1935 году после смерти «александрийца» (так называли прожившего всю жизнь в Александрии Кавафиса его греческие читатели) были опубликованы 154 стихотворения, сделавшие его знаменитым. Характерно, что при жизни Кавафис практически не публиковал своих стихотворений, хотя сложно найти поэта, который бы так последовательно и продуманно шел к своему будущему успеху⁵. По словам В. Н. Топорова, «Кавафис начал смыкать ту великую, от Гомера до Каллимаха и разорванную дугу с вновь выстраиваемой ее частью» (Торогов 2000: 491). Однако гораздо больше классической античности Кавафиса занимал эллинистический период, по свидетельству друзей, он постоянно читал Плутарха и Палатинскую антологию: «Особенно он любил Плутарха; он знал его всего практически наизусть и в разговоре часто цитировал, с некоторым тщеславием упоминая, из какой главы они взяты (Sareyannis 1983: 110). Многие лучшие стихотворения Кавафиса написаны по следам Плутарха (Pontani 1991: 51–70, 189, 235).

Поразителен греческий язык Кавафиса, его идиолект образованного александрийца-космополита. Пожалуй, Кавафис единственный греческий поэт нового периода, для которого характерна абсолютная свобода языкового выражения, кажется,

⁵ Часто он сам переписывал стихи и дарил ближайшим друзьям. Большая часть поздней лирики была выущена малыми тиражами на отдельных листах.

что он просто игнорирует знаменитый греческий языковой вопрос. Греческий язык Кавафиса можно назвать панхроническим, он свободно комбинирует цитаты и легко инкорпорирует их в свой текст, сочетая архаизмы и инновации. Сходное бесстрашие и свобода отличают и восприятие поэтом истории. Это отчасти напоминает высказывания исследователей о языке Плутарха⁶.

«В своих исторических стихах, — писал Бродский, — Кавафис пользуется тем, что Кели называет “общественными метафорами”, то есть метафорами, основанными на политическом символизме» (Brodsky 2000: 489). Помимо языкового своеобразия, особенной интонации и использованию биографии как политической метафоры обоих поэтов отличает привязанность к хронотопу (термин Бахтина) (Bakhtin 1975, Bakhtin 1981). И один и другой, в силу разных обстоятельств, провели всю жизнь в тоже же самом городе и в своих текстах перемещались в родном пространстве по оси времени. Провинциальная Херонея и космополитическая Александрия играют очень важную роль в творчестве обоих авторов, создавая постоянно меняющийся, но узнаваемый и бесконечно важный контекст. Интересно, что критики часто сравнивают Кавафиса с Плутархом, несмотря на несхожесть их дикции⁷.

Мы сознательно не включили в свою цепочку Бродского, к нему мы обратимся несколько позже. Влияние Кавафиса на Бродского или, точнее, отношение Бродского к Кавафису — тема, которую следует рассматривать отдельно. На эту тему существуют огромное число работ. Ограничимся лишь одной цитатой из статьи Т.В. Цивьян «Кавафис и Бродский»: «Было бы неосторожно вторгаться в чужой душевный мир, особенно тогда, когда его владелец уже не может себя защитить. И все же, когда Бродский пишет о Городе Кавафиса, нельзя не думать

⁶ Ср. у С. И. Соболевского о языке Плутарха: «выбор слов у него похож на мозаику, собранную из выражений разных времён и жанров» (Plutarch 1961: Т. 1). Э. Л. Боуи пишет: «Эссе Плутарха не написаны в единообразном или постоянно высоком стиле, и при этом они не являются чисто “популярными”. Скорее, они демонстрируют ряд регистров, от возвышенного литературного языка до разговорной речи и даже сленга» (Bowie 1979: 1).

⁷ «Он высвечивал обстоятельства, сводившие в драматическом противостоянии языческое и христианское, гедонистов и святых, богатых и бедных, греков и не-греков, молодых и старых... «Кавафис был Плутархом своего времени» (Leontis, Talalay, Taylor 2003: 20).

о том, что свой Город был и у Бродского, и если Кавафис выбрал Александрию, чтобы остаться, то Бродскому был навязан (или определен) противоположный выбор. Возможно, на Александрию, воспринятую через Кавафиса, каким-то образом накладывается образ другого Города, переживаемого в узнаваемых деталях, в точных знаках, идущих не только из собственного опыта, но и из литературы, и того особого текста, в котором этот Город говорит своими улицами, зданиями, мостами, реками, каналами — и облаками» (Цивьян, 2000: 271).

«Бог покидает Антония». Close Reading

Первыми в рассматриваемой нами последовательности взаимосвязанных текстов являются два отрывка из «Антония» из «Параллельных жизнеописаний» Плутарха. (Plut. *Ant.*, 77, 3–4; 75, 3–4). Мы сознательно нарушим хронологию и начнем с пассажа, повествующего о гибели Антония:

...περιερρήξατο τε τοὺς πέπλους ἐπ’ αὐτῷ, καὶ τὰ στέρνα τυπτομένη καὶ σπαράττουσα ταῖς χερσί, καὶ τῷ προσώπῳ τοῦ αἵματος ἀναματτομένη, δεσπότην ἐκάλει καὶ ἄνδρα καὶ αὐτοκράτορα· καὶ μικροῦ δεῖν ἐπιλέληστο τῶν αὐτῆς κακῶν οἰκτῶ τῶν ἐκείνου. καταπαύσας δὲ τὸν θρήνον αὐτῆς Ἀντώνιος ἤτησε πιεῖν οἶνον, εἴτε διψῶν, εἴτε συντομώτερον ἐλπίζων ἀπολυθῆσεσθαι. πῶν δὲ παρήνεσεν αὐτῇ τὰ μὲν ἑαυτῆς, ἂν ἢ μὴ μετ’ αἰσχύνης, σωτήρια τίθεσθαι, μάλιστα τῶν Καίσαρος ἐταίρων Προκλήτῳ πιστεύουσιν, αὐτὸν δὲ μὴ θρηνεῖν ἐπὶ ταῖς ὑστάταις μεταβολαῖς, ἀλλὰ μακαρίζειν ὃν ἔτυχε καλῶν, ἐπιφανέστατος ἀνθρώπων γενόμενος καὶ πλείστον ἰσχύσας καὶ νῦν οὐκ ἀγεννῶς Ῥωμαῖος ὑπὸ Ῥωμαίου κρατηθεῖς.

«...(Клеопатра) растерзала на себе одежду и била себя в грудь и раздираала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором. Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных. Утишив ее жалобы, Антоний попросил вина — то ли потому, что действительно хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его конец. Напившись, он увещевал ее подумать о своем спасении и благополучии, если только при этом окажется возможным избежать позора, и среди друзей Цезаря советовал больше всего доверять Прокулею. А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжелых превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало ему на долю — ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы,

чтобы погибнуть смертью римлянина, поверженного римлянином.»

(Пер. С. П. Маркиша под ред. С. С. Аверинцева)

Речь идет о моменте, когда, по приказу Клеопатры, Марку Антонию передают ложное извещение о ее самоубийстве и он пытается покончить с жизнью, но верный Антонию слуга отказывается заколоть его, предпочтя собственную смерть. Антоний падает на меч, истекает кровью, но остается жив. В отчаянии он просит отвести его к царице, Клеопатра поднимает его на веревках в свои покои, и на ее руках Антоний умирает. Эта одна из самых драматических сцен у Плутарха, она, как это часто свойственно Плутарху, обладает кинематографической зримостью. Шекспир, читавший Плутарха в переводе (см. сноску 3), по мнению критиков, практически ничего не поменял в тексте, создав в результате одну из своих самых блистательных трагедий. Этим он многократно увеличил славу Плутарха. Как это часто бывает в случае удачной рецепции, многие читатели вновь обратились к чтению оригинала; по крайней мере, в случае «Антония и Клеопатры» Шекспира так именно и произошло. На настоящий момент «Антоний», видимо, самый известный из текстов Плутарха.

Триумвир Антоний — человек огромной физической храбрости и военной доблести, опытный политик, в нем есть простота и неприхотливость, он умеет признавать свои ошибки, он очень обаятелен. При этом он часто бывает безрассудным, непоследовательным, грубым, он обожает пирушки, чревоугодничает, пьет, увлекается женщинами, подвержен разнообразным страстям. Кажется, что Плутарх из многочисленных своих ипостасей выбирает роль моралиста и в конце трагедии показывает нам гибель человека, ставшего рабом страстей и отказавшегося от идеалов римской доблести. Но в полном соответствии с логикой приведенных выше рассуждений Аверинцева, все гораздо сложнее, и здесь Плутарх-философ вступает в очевидное противоречие с Плутархом-моралистом. Именно эта диалектика и делает Плутарха гениальным писателем. Предсмертные слова Марка Антония Ῥωμαῖος ὑπὸ Ῥωμαῖου κρατῆεις — «Римлянин, поверженный римлянином», кажется, возвращают Антония в лоно римской доблести и римской законности и говорят о его верности римским идеалам. Эти слова вкладывает в уста умирающего Антония и Шекспир: *a Roman by a Roman valiantly vanquished*, их дословно повторит и

Кавафис *Ρωμαίος από Ρωμαίο νικημένο*. «Римлянин, побежденный римлянином»⁸.

Но Плутарх снова меняет ракурс и в действительности все оказывается еще сложнее, потому что, как в тексте Плутарха, так и в трагедии Шекспира как постоянная музыкальная тема проходит линия трагической и неотвратимой и в то же самое время возвышенной любви Антония и Клеопатры, удивительной прелести самой царицы (*infinite variety* [бесконечной изменчивости]), как ее характеризует Энобарб у Шекспира и пленительной роскоши жизни египетской Александрии. В Александрии и в Клеопатре есть красота, которой нет в Риме. И, хотя Шекспир, следуя за Плутархом, действительно ничего не меняет и ничего не привносит в текст трагедии, он иначе расставляет акценты, меняет освещение, и для всего мира «Антоний и Клеопатра» наряду с «Ромео и Джульеттой» становятся главными историями, рассказанными о великой любви. Об этом явственно свидетельствует история дальнейшей рецепции «Антония и Клеопатры» — многочисленные театральные постановки, фильмография, изобразительное искусство, где Клеопатра выходит на первый план и фактически переигрывает Антония.

История рецепции «Антония» свидетельствует о возможности *умного читателя* (термин Умберто Эко) воздействовать на судьбу текста, меняя его последующее восприятие. Шекспир оказался *поразительно умным читателем*, при последовательном перечитывании текста Плутарха и трагедии «Антоний и Клеопатра», становится очевидным, что, почти ничего не меняя, Шекспир, тем не менее, рассказывает нам иную историю.

Обратимся к тексту Шекспира *Antony and Cleopatra* 4.16.42–61:

ANTONY.

I am dying, Egypt, dying.

Give me some wine, and let me speak a little.

CLEOPATRA.

No, let me speak, and let me rail so high

That the false hussy Fortune break her wheel, Provoked by my offence.

ANTONY.

One word, sweet queen. Of Caesar seek your honour, with your safety. O!

CLEOPATRA.

They do not go together.

⁸ Для Кавафиса очень важна идея о возможности изменить жизнь в любой момент, даже в момент смерти. Этой теме посвящены многие стихотворения.

ANTONY.

Gentle, hear me. None about Caesar trust but Proculeius.

CLEOPATRA.

My resolution and my hands I'll trust, None about Caesar.

ANTONY.

The miserable change now at my end
Lament nor sorrow at, but please your thoughts
In feeding them with those my former fortunes,
Wherein I lived the greatest prince o'th' world,
The noblest; and do now not basely die,
Not cowardly put off my helmet to My countryman;
a Roman by a Roman valiantly vanquished.
Now my spirit is going; I can no more.

Перевод Б. Л. Пастернака:

АНТОНИЙ

Моя египтянка, я умираю.

Я умираю. Дай глоток вина.

Мне надобно сказать тебе два слова

КЛЕОПАТРА

Нет, говорить дай мне, и я судьбу

Сведу с ума беспечностью беседы.

АНТОНИЙ

Защиты в будущем себе ищи

У Цезаря, царица.

КЛЕОПАТРА

Это вряд ли

Соединимо.

АНТОНИЙ

Клеопатра, верь

Из Цезаревых только Прокулею.

КЛЕОПАТРА

Не Цезаревым слугам, а одним

Рукам своим и смелости доверюсь.

АНТОНИЙ

Не думай про печальный оборот

И смерть мою, но возвращайся мыслью

К минувшим, более счастливым дням,

Когда, владея величайшей властью,

Я благородно пользовался ей,

Да и теперь кончаюсь не бесславно

И не прошу пощады, снявши шлем

Пред земляком, но римлянином гибну

От римских рук. Захватывает дух.

Я больше не могу.

Следует отметить, что при сопоставлении пассажа Плутарха и текста Шекспира возникает ощущение, что Шекспир несколько сдвигает акценты и меняет характер Клеопатры. Клеопатра Шекспира гораздо более сдержанна в проявлении горя, она более горда и более царственна.

Клеопатра у Шекспира не рыдает, не раздирает на себе одежду, не расцарапывает лицо до крови, как у Плутарха. В ответ на совет Антония искать защиты у Цезаря, она холодно отвечает, что это вряд ли соединимо. Наконец, когда Антоний советует ей доверять Прокулею, она отвечает, что не может доверять никому, тем более «цезаревым слугам», а доверится лишь своим рукам, намекая на будущее самоубийство. Ранее мы отмечали, что Шекспир практически ничего не меняет в тексте Плутарха. В действительности, даже в данном примере, речь идет не о кардинальном изменении, а о высвечивании иных сторон описываемого объекта. Все качества Клеопатры, которые подчеркивает Шекспир, — ее мгновенная реакция, отвага и чувство собственного достоинства, бесстрашие, способность адекватно оценить ситуацию и, не впадая в отчаяние, принять оптимальное решение, — описаны уже у Плутарха. Но именно у Шекспира Клеопатра становится главной героиней повествования, у Плутарха главный герой — сам Антоний.

Свое стихотворение «Конец Антония», вдохновленное тем же пассажем Плутарха, Кавафис написал в 1907 году, но был им недоволен и не стал его издавать. Текст был напечатан лишь в 1968 году:

Το τέλος του Αντωνίου.

Αλλά σαν άκουσε που εκλαίγανε οι γυναίκες
και για το χάλι του που τον θρηνούσαν,
με ανατολίτικες χειρονομίες η κερά,
κι οι δούλες με τα ελληνικά τα βαρβαρίζοντα,
η υπερηφάνεια μες στην ψυχή του
σηκώθηκεν, αηδίασε το ιταλικό του αίμα,
και τον εφάνηκαν ξένα κι αδιάφορα
αυτά που ως τότε λάτρευε τυφλά –
όλ' η παράφορη Αλεξανδρινή ζωή του –
κι είπε «Να μην τον κλαίνε. Δεν ταιριάζουν τέτοια.
Μα να τον εξυμνούνε μάλλον,
που εστάθηκε μεγάλος εξουσιαστής,
κι απέκτησε τόσ' αγαθά και τόσα.
Και τώρα αν έλεσε, δεν πέφτει ταπεινά,
αλλά Ρωμαίος από Ρωμαίο νικημένος.

Конец Антония⁹

Но когда он услышал как рыдали женщины
 И причитали о его беде,
 Их госпожа с восточным
 Заламыванием рук,
 Рабыни с их варварским греческим,
 Восстала гордость в душе,
 Возмутилась и вскипела его итальянская кровь,
 Вдруг показалось чужим и ненужным все то,
 Чему он слепо поклонялся прежде —
 Вся его безумная александрийская жизнь —
 Тогда он проговорил: Пусть перестанут плакать. Не пристало.
 Уж лучше пусть они его прославят,
 Он ведь правителем был всемогущим,
 И много всяких благ добился
 А если пал, то ведь унижен не был
 Он в схватке пал как равный
 Как римлянин, что римлянином был повержен.

Стихотворение «Конец Антония», напрямую связанное с Плутархом, сильно расходится с версией Шекспира. Формально, Кавафис достаточно точно следует Плутарху, однако он фактически выключает Клеопатру из повествования, она для него не важна, или, возможно, просто раздражает его. Он лишает ее имени и называет ее керá «госпожа»¹⁰, несколько брезгливо подчеркивая ее восточную экзальтированность — με ανατολικές χειρονομίες — «с восточными жестами». И далее у Кавафиса следуют «рабыни — δοῦλες — с их варварским греческим», оскорбляющие слух Антония. Служанки оплакивают χαλί — Антония, это слово также несет разговорный оттенок, стилистически снижено и ощущается как турецкое заимствование, мы перевели это как «беда», но, скорее, это «бедственное положение». Сложная модальность повествования Плутарха как это ему свойственно, предполагает наложение разных планов — любовь Антония и Клеопатры приводит к их саморазрушению, жизнь становится праздником на грани гибели, он осуждает своих героев, но и восхищается ими. У Плутарха (так же, как и у Шекспира), умирая, Антоний думает о Клеопатре, он пытается сделать все, чтобы облегчить ее участь, и, конечно,

⁹Привожу свой собственный, приближенный к дословному перевод (Ф. Е.).

¹⁰ Слово керά «хозяйка, госпожа» имеет разговорно-просторечные коннотации в новогреческом.

мы не можем вычитать из текста, что ее «восточные жесты» раздражают Антония, он умирает с именем египетской царицы на устах.

«Конец Антония» — это вариант прочтения Плутарха Кавафисом. Стихотворение, от которого Кавафис впоследствии отказался и не стал публиковать, позволило ему подойти к одному из самых пронзительных своих стихотворений «Покидает бог Антония». Здесь Кавафис также прибегает к редукции, сосредотачиваясь на эпизоде мистического ухода Диониса из осажденной войсками Октавиана Александрии, к рассмотрению этого текста мы обратимся далее.

Часто цитируется замечание Т. С. Элиота о том, что Шекспиру удалось получить от Плутарха больше знаний об истории, чем большинству людей от всего Британского музея¹¹. Цитируя Элиота, английский исследователь Кавафиса Дэвид Рикс (автор статьи о рецепции Кавафиса в издании Brill — Ricks 2019: 573) замечает, что с еще большим основанием нечто подобное можно утверждать и о Кавафисе. Рикс высказывает мнение (как мы попытаемся показать ниже, не обоснованное) что Кавафис, не получивший в силу семейных обстоятельств университетского образования, не мог читать античные тексты в оригинале и создавал свои стихотворения, пользуясь английскими переводами Плутарха или непосредственно обращаясь к Шекспиру (Ricks *ibidem*) Забегая вперед, заметим, что это элитарное недоверие напоминает отказ самому Шекспиру (сыну перчаточника) в возможности написать произведения шекспировского канона (anti-Stratfordian Theory). Нам представляется, что Рикс неправ. Кавафис, очевидно, прекрасно чувствовал древнегреческий, Плутарх и Палатинская антология были его любимым чтением, в его александрийском детстве у него были разнообразными учителя, и, хотя нам неизвестно, какое именно образование он получил, когда учился семь лет в школе в Ливерпуле, можно предположить, что древнегреческий там присутствовал. Очевидно, присутствовал он и в лицее «Гермес», основанном известным филологом, поклонником античности и афинской демократии Папазисом, в котором учился Кавафис, вернувшись в Александрию (Pjinskaja 2000: 285).

Однако помимо фактологических доказательств того, что Кавафис хорошо знал древнегреческий, можно привести текс-

¹¹ “Shakespeare acquired more essential history from Plutarch than most men could from the whole British Museum” (Eliot 1920:47).

тологические обоснования. Выше мы уже показали, что у Шекспира и Кавафиса образ Клеопатры расходится и это расхождение имеет, как кажется, принципиальный характер. Первым, насколько нам известно, это мнение обосновал Михаил Пасхалис¹². Он указывает, что впервые точка зрения о непосредственном влиянии отрывка (4,16,53–61) из «Антония и Клеопатры» Шекспира на «Кончину Антония» была высказана Филиппо Мария Понтани в 1970 году (Pontani 1970). По мнению Пасхалиса, эта гипотеза была обусловлена полным совпадением заключительного монолога Антония у Шекспира (4.16.52–61) и у Кавафиса. Этой точки зрения придерживаются многие исследователи. Она была принята Г. П. Саввидисом, подготовившим первое издание неизданных стихотворений Кавафиса (Savvidis 1977) и Димитрисом Димирулисом (Dimiroulis 2015).

Пасхалис отвергает эту гипотезу. С его точки зрения, импульс к написанию «Конца Антония» дало Кавафису непосредственное чтение Плутарха. К интересным выводам приходит Пасхалис, рассматривая соотношение английского перевода Томаса Норта, являющегося переводом Амио (сноска 3), и, собственно, текста Плутарха, находя дополнительные доказательства того, что Шекспир читал английский перевод, а Кавафис — оригинал. Впрочем, как справедливо замечает Пасхалис, мы находимся здесь на сложном пересечении тропинок интертекстуальности, поэтому в многочисленных зеркальных отражениях Плутарха в Кавафисе и Шекспире легко можно запутаться (Πασχάλης 2020).

«Покидает бог Антония»

В 1911 году Кавафис публикует одно из своих самых известных стихотворений «Покидает бог Антония». Он продолжает читать Плутарха и перемещается на две главы назад. Мы последуем его примеру.

¹² Я хотела бы поблагодарить Михаила Пасхалиса за любезно присланную неизвестную мне статью в ответ на мой вопрос о его мнении о степени знания Кавафисом древнегреческого языка. Из этой статьи стало ясно, что большинство моих возражений Риксу Пасхалис уже сформулировал, возражая против точки зрения, принятой многими исследователями Кавафиса о непосредственном влиянии Шекспира на «Кончину Антония».

ἐν ταύτῃ τῇ νυκτὶ λέγεται μεσοῦση σχεδόν, ἐν ἡσυχίᾳ καὶ κατηφείᾳ τῆς πόλεως διὰ φόβον καὶ προσδοκίαν τοῦ μέλλοντος οὔσης, αἰφνίδιον ὀργάνων τε παντοδαπῶν ἐμμελεῖς φωνὰς ἀκουσθῆναι καὶ βοήν ὄχλου μετ' εὐασμῶν καὶ πηδήσεων σατυρικῶν, ὥσπερ θιάσου τινὸς οὐκ ἀθουρύβως ἐξελαυνοντος· εἶναι δὲ τὴν ὀρμὴν ὁμοῦ τι διὰ τῆς πόλεως μέσης ἐπὶ τὴν πύλην ἕξω τὴν τετραμμένην πρὸς τοὺς πολεμίους, καὶ ταύτῃ τὸν θόρυβον ἐκπεσεῖν πλείστον γενόμενον. ἐδόκει δὲ τοῖς ἀναλογιζομένοις τὸ σημεῖον ἀπολείπειν ὁ θεὸς Ἀντώνιον, ᾧ μάλιστα συνεζομοιῶν καὶ συνοικειῶν ἑαυτὸν διετέλεσεν. (Plut. Ant. 75, 5)

«Около полуночи, как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздалась стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла через середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением». (Пер. С. П. Маркиша под ред. С. С. Аверинцева)

Итак, мы продвигаемся обратно по оси времени. Прочитанный выше пассаж Плутарха рассказывает об удивительном событии, свидетелями которого стали жители Александрии в 30 г. до н. э., в ночь, когда город ждал вторжения войск Октавиана в осажденную Александрию, которую защищал Антоний. Это явление интерпретировалось как божественный знак, Дионис, которого Антоний всегда считал своим покровителем, оставлял его, уходя из города со своим фиасом (θιάσος), слово, которое до сих пор обозначает в новогреческом театральную труппу¹³. Этот пассаж весьма необычен для Плутарха, это один

¹³ Θιάσος — слово, используемое в греческом на протяжении тысячелетий — это группа последователей какого-то культа. В частности, последователи культа Диониса в современном греческом языке обозначают театральную труппу. Учитывая культовые истоки театра и его связи с Дионисом, несложно понять эту семантическую непрерывность. «Слово θιάσος вообще означает общество или группу, но преимущественно религиозного характера и притом для служения таким божествам, культ которых сопровождался оргиастическими церемониями (например, Дионису)» (Latyshev: 220). Ср. стихотворение Кавафиса «Свита Диониса» (пер. С. Ошерова) (Шjinskaja 2000: 49).

из немногих эпизодов, где автор переводит повествование на метафизический уровень, проявляя свою связь с культом Дельфийского Аполлона, жрецом которого Плутарх был.

В контексте нашего рассуждения важно, что у Плутарха соратник Цезаря, полководец, триумвир Марк Антоний постоянно сопоставляется с Гераклом, но с момента его прибытия на Восток — с Дионисом. «Когда Антоний вступал в Эфес, впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчики в обличии панов и сатиров, весь город был в плюще, в тирсах, повсюду звучали псалтерии, свирели, флейты, и граждане величали Антония Дионисом — Подателем радости, Источником милосердия» (Plut. *Ant.* 24. 1–2).

В стихотворении «Покидает бог Антония» Кавафис снова прибегает к редукции, ограничиваясь лишь пересказом о мистическом уходе Диониса из осажденной войсками Октавиана Александрии. Кавафис здесь пересказывает Плутарха с намеренными лакунами, этим он прямо подталкивает читателя к тому, чтобы обратиться к тексту Плутарха. Подобная эллиптичность текста является важным риторическим приемом.

Умберто Эко по этому поводу пишет, что всякое повествование «неизбежно должно быть стремительным, потому что рассказчик хоть и строит мир со своими событиями и персонажами, но не может сказать об этом мире всего. Он намекает, а в остальном просит читателя сотрудничать, заполняя пустые места (перевод Ф.Е.)¹⁴ (Есо 2000:13).

Название стихотворение «Покидает бог Антония» в действительности не может быть точно переведена на русский, поскольку содержит форму древнегреческого инфинитива — таким образом паратекст прямо заявляет о своей цитатной сущности.

Приведем это стихотворение в оригинале и в переводе С. Б. Ильинской (Ijinskaja, 40)¹⁵.

¹⁴ Ora però vorrei dire che ogni finzione narrativa è necessariamente rapida perché mentre costruisce un mondo coi suoi eventi e i suoi personaggi-di questo mondo non può dire tutto. Accenna e per il resto chiede al lettore collaborare colmando una serie di spazi vuoti

¹⁵ Απολείπεινο Θεός Αντώνιον [1911]
 Σαν έξαφνα, ώρα μεσάνυχτ', ακουσθει
 αόρατος θίασος να περνά
 με μουσικές εξαίσιες, με φωνές –
 την τύχη σου που ενδίδει πια, τα έργα σου
 που απέτυχαν, τα σχέδια της ζωής σου

Покидает бог Антония

Когда внезапно в час глубокой ночи
 услышишь за окном оркестр незримый
 (божественную музыку и голоса) –
 судьбу, которая к тебе переменялась,
 дела, которые не удались, мечты,
 которые обманом обернулись,
 оплакивать не вздумай понапрасну.
 Давно готовый ко всему, отважный,
 прощайся с Александрией, она уходит.
 И главное — не обманись, не убеди
 себя, что это сон, ошибка слуха,
 к пустым надеждам зря не снисходи.
 Давно готовый ко всему, отважный,
 ты, удостоившийся города такого,
 к окну уверенно и твердо подойди
 и вслушайся с волнением, однако
 без жалоб и без мелочных обид
 в волшебную мелодию оркестра,
 внемли и наслаждайся каждым звуком,
 прощаясь с Александрией, которую теряешь.

Стихотворение «Покидает бог Антония» многократно переводилось на русский язык, этот текст переводили М. Л. Гаспаров, Дмитрий Быков и многие другие. И в полном соответствии с reader-response theory каждый автор предлагал свое про-

πού βγήκαν όλα πλάνες, μη ανωφέλετα θρηνήσεις.
 Σαν έτοιμος από καιρό, σα θαρραλέος,
 αποχαίρετά την, την Αλεξάνδρεια που φεύγει.
 Προ πάντων να μη γελασθείς, μην πεις πώς ήταν
 ένα όνειρο, πώς απατήθηκεν η ακοή σου
 μάταιες ελπίδες τέτοιες μην καταδεχθείς.
 Σαν έτοιμος από καιρό, σα θαρραλέος,
 σαν που ταιριάζει σε που αξιόθηκες μια τέτοια πόλι,
 πλησίασε σταθερά προς το παράθυρο,
 κι άκουσε με συγκίνησην, άλλ' όχι
 με των δειλών τα παρακάλια και παράπονα,
 ως τελευταία απόλαυσι τους ήχους,
 τα εξάισια όργανα του μυστικού θιάσου,
 κι αποχαίρετά την, την Αλεξάνδρεια που χάνεις.

Обратим внимание на то, что ἀπολείπειν, форма инфинитива настоящего времени, указывая на незавершенность грамматической конструкции, отсылает читателя к древнегреческому тексту Плутарха.

чтение. Следует отметить, что эти прочтения очень различаются. В данном случае существенно, что переводы различаются не только стилистически, очень разнятся передаваемые ими смыслы. Кажется, что это связано именно с «лакунностью» стихотворения Кавафиса.

Ниже приводится перевод стихотворения, сделанный Геннадием Шмаковым и отредактированный Бродским. В этом переводе, как справедливо отметила Ильинская, чувствуется поэтика Бродского. Здесь мы вступаем на зыбкую почву, поскольку поэтика Бродского формировалась отчасти и на текстах Кавафиса, которого Бродский безмерно любил. И отчасти поэтому при переводе Кавафиса Бродским возникал эффект резонанса, интонация Бродского вытесняет голос Кавафиса. В одном из интервью Бродский сказал следующее: «Если в моих стихах находят его [Кавафиса] влияние — для меня это лучший комплимент. Однако я не считаю, что это влияние было столь существенным... Невозможно находиться под влиянием Кавафиса. Его можно любить, но использовать его как образец нельзя, потому что он неповторим» (Polukhina 2008: 25).

Бог покидает Антония

Когда ты слышишь внезапно, в полночь,
незримой процессии пенье, звуки
мерно позвякивающих цимбал,
не сетуй на кончившееся везенье,
на то, что прахом пошли все труды, все планы,
все упования. Не оплакивай их впустую,
но мужественно выговори «прощай»
твоей уходящей Александрии.
Главное — не пытайся себя обмануть, не думай,
что это был морок, причуды слуха,
что тебе померещилось: не унижай себя.
Но твердо и мужественно — как пристало
тому, кому был дарован судьбой этот дивный город, —
шагни к распахнутому окну
и вслушайся — пусть с затаенным страхом,
но без слез, без внутреннего содроганья, —
вслушайся в твою последнюю радость: в пенье
странной незримой процессии, в звон цимбал
и простиись с навсегда от тебя уходящей Александрией.
(пер. Г. Шмакова под ред. И. Бродского)

Отказываясь от предыдущего варианта «Конец Антония», буквально воспроизводящего Плутарха, Кавафис переходит на следующий уровень абстракции. Следует заметить, что при чтении Кавафиса неизменно действует одно правило. Обычно его стихотворение способен воспринять любой, даже самый неискушенный читатель. При этом чем более образован и способен думать читатель, тем лучше он представляет себе исторический контекст, тем больше может открыть ему Кавафис. Очень часто (как, например, в стихотворении *Анна Далассина*), обратившись к византийской истории читатель выясняет, что кажущееся вариантом японского хайку стихотворение, написанное на абсолютно прозрачном для современного грека аттическом диалекте и повествующее об огромной сыновней любви, в действительности говорит прямо противоположное, рассказывая о сыне, восстающем против гнета деспотичной матери.

При чтении «Покидает бог Антония» также возникает ощущение недосказанности, некоторой «паузы», отчего сила эмоционального воздействия стихотворения вырастает. Неясно, кто обращается к Марку Антонию. Возможно, сам автор (или это к автору обращается некий божественный голос). Видимо, это не может быть Дионис, который в это время со своим **фиасом** удаляется из города, но и в этом мы не можем быть вполне уверены.

Большая часть стихотворения посвящена описанию божественной музыки незримых музыкантов, возгласов сатиров и вакханок Диониса. Тема музыки, раздающейся ночью, одна из любимых тем Кавафиса, она звучит в финале стихотворения Кавафиса *Φωναί γλυκεῖαι* (1894) (Savvidis 1985: 184) и *Φωνές* (1904) (Savvidis 1985: 183) «Чудные голоса (звуки)», «Голоса, звуки» написанные последовательно на кафаребусе и на димотике. Оба стихотворения строятся на том, что *φωνή* по-новогречески означает и звук и голос.

Родные голоса... но где же вы? —
одни давным-давно мертвы, другие
потеряны, как если бы мертвы.

Они порой воскреснут в сновиденьях,
они порой тревожат наши мысли
и, отзвуком неясным пробуждая
поэзию минувшей нашей жизни,
как музыка ночная, угасают...

(Пер. Р. Дубровкина)

Кавафис очень часто завершает свои стихотворения звучащими дидактически парадоксальными заключениями, в случае «Оставляет Бог Антония» Кавафис не изменяет этому правилу. Бог покидает тебя, это очевидно, простись с Александрией, но простись радостно — потому что ты — избранник судьбы, тебе выпало жить в этом городе, тебе была дарована Александрия! Дионис покидает тебя, но ты слышишь божественную музыку, затихающую в ночи, и должен быть благодарен. Тебе был дарован счастливый миг, а будущего нет и не может быть, если ты смертен. Но за выпавший тебе опыт ты должен быть благодарен.

Поразительно, насколько отличается прочтение Кавафисом Плутарха в двух рассмотренных выше «Конец Антония» и «Покидает бог Антония». Герой стихотворения «Конец Антония» отторгает от себя восточную роскошную экзальтированную культуру. Он остается римлянином и находит в себе мужество «умереть достойно от руки римлянина». Интересно, что фактически Антоний погибает в результате попытки самоубийства, но при этом говорит, что пал от руки Октавиана.

В стихотворении «Оставляет бог Антония» также нет упоминания о Клеопатре и роскоши экзотического Востока. Однако здесь шекспировские реминисценции гораздо сильнее. В трагедии Шекспира благодаря Клеопатре Антоний пережил абсолютное счастье. Умирая, он вспоминает об этом. У Кавафиса воплощением чуда существования становится его родная, ненавистная и обожаемая Александрия.

По этому поводу Бродский пишет следующее: «Метафора обычно образуется из двух составных частей: из объекта описания («содержания», как называет это И. А. Ричарде) и объекта, к которому первый привязан путем воображения или просто грамматики («носитель») Связи, которые обычно содержатся во второй части, дают писателю возможность совершенно неограниченного развития. Это и есть механизм стихотворения. Почти с самого начала своей поэтической карьеры Кавафис концентрируется непосредственно на «носителе»; развивая и разрабатывая впоследствии его подразумеваемую зависимость от первой части метафоры, но не озабоченный возвращением к ней как к самоочевидной. «Носителем» была Александрия, «содержанием» — жизнь» (Brodsky 2000: 483).

В моем представлении, идеальным переложением на русский «Покидает бог Антония» является не какой-то из переводов, а стихотворение Иосифа Бродского «Я входил вместо

дикого зверя в клетку...», написанное сорокалетним Бродским. Я убеждена, что читать эти стихи нужно вместе. Это, безусловно, самое кавафианское стихотворение Бродского. Оно отвечает канону поэтического творчества Кавафиса даже формально — дидактически звучащий и совершенно неожиданный вывод следует за перечислением эпизодов из жизни героя. И это вывод о *благодарности*.

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнова входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной телью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
*Но пока мне рот не забил глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность*¹⁶.

Литература

- Bakhtin, M. M. 1981: Forms of time and of the chronotope in the novel. Dialogic Imagination. *Four Essays by M. M. Bakhtin*. Austin: Univ. Texas Press, 84–258
- Beck M. (ed.). 2014: *Companion to Plutarch*. Malden; Oxford: Wiley Blackwell.
- Bloom, H., Heims, N. 2008: *Antony and Cleopatra*, New York.
- Brodsky, I. 2000 [On the Side of Cavafy *Na storone Kavafisa* [Russian Cavafiana] *Russkaja kavafiana* 2000 O.G.I. 482–489 Russian Cavafiana. М.: OGI, 2000.
- Иосиф Бродский. На стороне Кавафиса. Ильинская С. Б. (ред.). Русская Кавафиана. М.: OGI,

¹⁶ Курсив мой (Ф. Е.).

- Bullough, G. 1977: *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*, vol. 5, London and New York.
- Burrow, C. 2013: *Shakespeare and Classical Antiquity*. Oxford.
- Cavafis, C. P. 2003: *154 Poems*. Translated by Evangelos Sakhperoglou, Athens.
- Deats, S. M. 2004: *Shakespeare's Anamorphic Drama: A Survey of Antony and Cleopatra in Criticism, on Stage, and on Screen*. In: S. M. Deats (ed.), *Antony and Cleopatra: New Critical Essays*, New York and London, 1–93.
- Dimiroulis, D. 2015: Κ. Π. Καβάφης, *Τα ποιήματα*. Δημοσιευμένα και Αδημοσίευτα, Athens.
- Dimitrova, M. D. 2019: Taking Centre Stage: Plutarch and Shakespeare. In: Xenophontos, S., Oikonomopoulou, K. (eds.). Brill's *Companion to the Reception of Plutarch*, Leiden, 493–511.
- Eco, U. 2000: *Sei passeggiate nei boschi narrativi*. Harvard University, Norton Lectures, 1992–1993. Bompiani, Milano.
- Eliot, T. S. 1920. *The Sacred Wood*. London: Methuen.
- Farsier, F., Guerrier, O. 2019: Plutarch's French Translation by Amyot. In: Xenophontos, S., Oikonomopoulou, K. (eds.). Brill's *Companion to the Reception of Plutarch*, Leiden, 421–436.
- Goethe, J. W. 1963: *Die Wahlverwandtschaften. Mit einem Nachwort von Paul Stöcklein*, dtv, München.
- Goethe, J. W. 1978: [*Collected works in 10 vols.* Vol. 6. A. Anikst, N. Vilmont (eds.)]. Moscow.
- Гете И. В. 1978. *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Т. 6 Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта М.: «Худож. лит.».
- Ijinskaja, S. B. 2000: [The First Step] Первая ступень [Russian Kavafiana]. *Russkaja kavafiana*. Ильинская, С. Б. Русская Кавафиана. М.: ОГИ, 284–392.
- Keeley, E. & P. Sherrard 1992: C. P. Cavafy: *Collected Poems*, edited by George Savidis, revised edition, Princeton.
- Latyshev, V. V. 1997: [*Description of Greek antiquities. Liturgical and scenic antiquities.*] SPb., 1997.
Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб.
- Leo, F. 1901: *Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form*. Leipzig, 1901.
- Leontis, Artemis Talalay Lauren E., Taylor Keith 2003: Introduction. Cavafis, C. P. 2003 154 Poems. Translated by Evangelos Sakhperoglou, Athens
- Paschalis, M. 2015: Κ. Π. Καβάφης, Η ποιητική του μεταχρυσίου, *Ποιητική* 15, 63–84.
- Paschalis, M. 2020: Plutarch's Life of Antony between Cavafy and Shakespeare. In: *Τιμητικός τόμος για την καθηγήτρια Κατερίνα Συνοδίνου*, 639–655.
- Pelling, C. B. R. 1988: *Plutarch: Life of Antony*, Cambridge.

- Plutarch 1968: *Plutarch's lives*. An English translation by Bernadotte Perrin in eleven volumes. Vol. IX. Harvard University Press of the Loeb Classical Edition, London.
- Plutarch 1988: *Life of Antony*. C. B. R. Pelling (ed.). Cambridge: UP.
- Plutarch 1994 [Plutarch's Parallel Lives in two volumes] *Sravnitelnyje zhizneopisanija v dvukh tomakh*, M.: "Nauka", 1994. Translated by S. P. Markish, reedited by S. S. Averintsev, comments by M. L. Gasparov.
- Плутарх 1994. Сравнительные жизнеописания в двух томах, М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Перевод С. П. Маркиша, обработка перевода для настоящего переиздания С. С. Аверинцева, переработка комментария М. Л. Гаспарова.
- Plutarch's *Lives of the Noble Grecians and Romanes* Englished by Sir Thomas North anno 1579, with an Introduction by George Wyndham, 6 vols., London.
- Polukhina, V (comp.). 2008 [Interview book. Joseph Brodsky] *Kniga intervju*. M.: Zakharov.
- Полухина, В. (сост.). Книга интервью / 2008 Иосиф Бродский. М.: «Захаров».
- Polukhina, V. (ed.) 2008: *Interview book. Joseph Brodsky*. Moscow: Zakharov, 2008.
- Полухина, В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М.: издательство Захаров, 2000.
- Pontani, F. M. 1991: *Επτά δοκίμια και μελετήματα για τον Καβάφη* (1936–1974), Athens.
- Pontani, F. M. 1970: *Motivi classici e bizantini negli inediti di Kavafis*, in: *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze. Lettere ed Arti. Classe di Scienze Morali, Lettere ed Arti* 127.
- Ricks, D. 2019: *Plutarch and Cavafis*, 2019, M. Beck Companion to Plutarch, 573–590.
- Σαββίδης, Γ. Π. 1985: *Διαβάζοντας τρία «σχολικά ποιήματα» του Καβάφη*. («Φωνές», «Απολείπειν ο Θεός Αντώνιον», «Αλεξανδρινοί Βασιλείς»). Μικρά καβαφικά Τόμος 1 Ερμής, 181–210.
- Sareyannis, J. A. 1983: «What was most precious: his form», *Grand Street* 8.3, 108–126.
- Savidis, G. P. 1977: *Κ. Π. Καβάφη ανέκδοτα ποιήματα (1882–1923)*, Athens.
- Savidis, G. P. 1991: *Κ. Π. Καβάφη. Τα ποιήματα*, 2 vols., Athens.
- Scott, M. 1983: *Antony and Cleopatra: Text and Performance*, Houndmills, Basingstoke and London.
- Топоров, В. Н. 2000: [The Phenomenon of Cavafy]. In: Пјинскаја 2000.
- Топоров, В. Н. 2000: Явление Кавафиса. Ильинская, С. В. *Русская Кавафиана*

- Tsivjan, T. V. 2000: [Brodsky and Cavafy], In *Russian Literature*. VII, 2000, 261–272.
Цивьян Т. В. Бродский и Кавафис. Русская литература, VII, 2000, 261–272.
- Xenophontos, S., Oikonomopoulou, K. (eds.). 2019: Brill's *Companion to the Reception of Plutarch*. BRILL. (= Brill's Companions to Classical Reception, 20).

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

УПОМЯНУТ ЛИ ОБРЯД ОТВЕРЗАНИЯ УСТ В ТЕКСТАХ ГУДЕА? (КАЗУС СТАТУИ R)¹

К 90-летию Олега Дмитриевича Берлева

Статья написана к 90-летию великого русского египтолога Олега Дмитриевича Берлева, который консультировал её автора по египетскому обряду отверзания уст и был заинтересован в сравнительном исследовании аналогичного обряда в Месопотамии. В статье рассматривается казус статуи R Гудеа. Согласно Э. Солльберже, Х. Штайблю и Г. Зельцу, в надписи на этой статуе впервые упомянут обряд отверзания уст. В результате чтения этой надписи по новым фотографиям, любезно предоставленным автору статьи сотрудниками Музея древнего Ближнего Востока при Гарвардском университете (HMANE), показано, что два первых знака в строке IV 4 следует читать не KA.DU₈ «отвержание уст» (как это делали раньше), а du₁₁-gaba, как предложил Д. О. Эдцард в издании корпуса текстов Гудеа (1997). Лексика надписи на Статуе R частично совпадает с лексикой надписи на Статуе E, где написано u₄-du₁₁-gaba; при этом формула du₁₁-gaba получает объяснение в надписи Gudea 99, где стоит u₄-du₁₁-ga-ba «в назначенный день». Таким образом, следует признать, что сведений об обряде отверзания уст у статуи в текстах Гудеа нет. Кроме того, у Гудеа не было божественного статуса, а потому его статуи не могли претендовать на такой обряд при его жизни. Его проводили для статуй обожествлённого Гудеа уже после его смерти в эпоху III династии Ура.

Ключевые слова: Гудеа, Статуя R, обряд отверзания уст, Э. Солльберже, Д. О. Эдцард.

¹ Благодарю профессора Бенджамена Фостера (Йельский университет), который любезно прочел статью перед отправкой в печать и согласился с ее основным выводом. Выражаю сердечную благодарность докторам Эндрю Ричарду Поторффу и Адаму Джонатану Айе (Гарвардский музей древнего Ближнего Востока) за предоставленные фотографии статуи.

V. V. Emelianov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. banshur69@gmail.com

**Is the rite of opening the mouth mentioned in Gudea's texts?
(the case of Statue R)**

On the 90th anniversary of Prof. Oleg D. Berlev

The article is dedicated to the 90th anniversary of Prof. Oleg D. Berlev, a great Russian Egyptologist who used to advise its author on the Egyptian rite of opening the mouth and was interested in a comparative study of the analogous rite in Mesopotamia. The article deals with the case of Gudea's Statue R. According to E. Sollberger, H. Steible and G. J. Selz, the inscription on the statue contains the first mentioning of the rite of opening the mouth. Based on the reading of this inscription from its new photographs, kindly provided to the author of the article by the researchers from the Harvard Museum of the Ancient Near East (HMANE), it is shown that the first two characters of Line IV 4 should be read *du₁₁-gaba*, as it was proposed by D. O. Edzard in his edition of Gudea's texts (1997), rather than *KA.DU₈* 'the opening of the mouth' (as it used to be read before). The vocabulary of the inscriptions on Statue R partially coincides with that on Statue E, where *u₄-du₁₁-gaba* is written, and the *du₁₁-gaba* formula is explained from Gudea's Inscription 99, where *u₄-du₁₁-ga-ba* 'on the appointed day' is written. Consequently, it should be recognized that no information about the rite of opening the statue's mouth is contained in Gudea's texts. Besides, Gudea did not enjoy a divine status; therefore, he could not claim that such a rite be held for his statues during his lifetime, as it had been assigned for the statues of the deified Gudea after his death in the era of the Third Dynasty of Ur.

Keywords: Gudea, Statue R, the rite of opening the mouth, E. Sollberger, D. O. Edzard.

Мое общение с великим русским египтологом О. Д. Берлевым продолжалось 8 лет (1992–2000). После написания дипломной работы «Заклинание как часть шумерского обряда освящения воды» я занялся изданием заговора на освящение воды, содержавшегося в шумеро-аккадском тексте обряда омовения и отверзания уст бога (Emelianov 1993: 247–264). Следовало проверить, насколько месопотамский ритуал отличается от египетского. С этой целью я обратился за консультацией к О. Д. Берлеву. В 1992–1993 гг. мы разобрали египетские надписи на жертвенниках, имевшие отношение к освящению воды, и источники, связанные с обрядом отверзания уст. Я познакомил Берлева со всеми известными мне текстами обряда на аккадском языке. После этого Олег Дмитриевич, понимая, что сравнительная статья Блэкмана (Blackman 1924: 47–59) устарела, вы-

сказал пожелание, чтобы я написал сравнительное исследование египетского и месопотамского обрядов отверзания уст на новых материалах². Однако я отказался от этого предложения, предпочтя углубленное исследование клинописных источников, и через некоторое время опубликовал полный перевод вавилоно-ассирийского обряда (Emelianov 2003: 154–161, 286–291). А затем заинтересовался проблемой существования обряда в шумерских источниках.

Если в эпоху III династии Ура обряд назывался только ka-du₈-ha «отверзание уст», то в текстах I тыс. до н. э. его полное название записывалось: KA.LUH.U₃.DA KA.DUH.U₃.DA «об омовении уст, об отверзании уст» (шум.) = *mīs pī pīt pī (ilī)* «омовение уст, отверзание уст (богов)» (акк.) (Walker, Dick 2001: 8–20). Обряд был связан с изготовлением новой статуи божества и состоял из трёх частей:

1) вынесение статуи бога из мастерской и её разлучение с мастерами;

2) consecрация статуи на берегу реки и заговоры на вхождение божества в статую;

3) внесение статуи в храм и её «социализация» среди статуй других богов.

Отдельные формулы и предметы данного обряда известны из заговоров начиная ещё со старошумерского времени (Cunningham 1997: 75, 163). Как показали К. Уокер и М. Дик, издатели текстов обряда, важнейшим его действием было омовение уст статуи, для которого специально освящали воду. Впро-

² Хорошо известно, что египтолог О. Д. Берлев после окончания ЛГУ был ассистентом академика В. В. Струве и писал для него карточки по ономастике раннединастического Лагаша. Однако заслуживает внимания примечание 63 к статье Струве «К проблеме частного землевладения в Шумере»: «О. Д. Берлев продолжает свою кропотливую работу над анализом содержания документов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба» (Струве 1959: 22). Из примечания следует, что Берлев работал не только над росписью данных по карточкам, но и над анализом их содержания. Это как минимум означает, что Струве учил Берлева шумерскому языку и что Берлев избрал свою методику росписи египетских имен собственных Среднего царства на карточки в результате учебы у Струве. Поэтому неудивительно, что Берлев, читавший и по-египетски, и по-шумерски, предложил мне написать сравнительное исследование обряда по источникам Месопотамии и Египта. Сам он при наличии свободного времени, несомненно, справился бы с такой задачей.

чем, такого омовения заслуживали статуи не только богов, но и людей: для этой цели в шумерских храмах существовало *ki-a-na* «место напоения водой» — иначе говоря, место поминовения умерших, которым туда приносили еду и питьё.

Впервые о расположении статуи в месте поминовения мы узнаём из хозяйственного текста 3-го года Лугаланды (Allotte de la Fuÿe, 1912, *Tabl.* 53: II 10, IX 11–14), однако проводимые обряды там не упомянуты. Мы знаем о них только из надписей на статуях и цилиндрах Гудеа. В надписи на Статуе В правителя сказано, что она будет стоять в «месте напоения водой», а в тексте Цилиндра А есть эпизод, когда правитель поворачивает статуи существ, убитых богом Нингирсу в сражении с Асагом, ртами к «месту напоения водой» и тем самым обеспечивает их поминовение (St. В VII: 55; *Cyl.* А XXVI: 15–16; Edzard, 1997: 36, 85).

Встаёт вопрос о том, есть ли обозначение обряда отверзания уст в самих надписях Гудеа. До сих пор Э. Солльберже, Х. Штайбль и Г. Зельц давали на этот вопрос смелый ответ: в 4-й строке IV-й колонки Статуи R Гудеа сочетание знаков KA.DU₈ можно прочесть как «отверзание уст», из чего следует, что данная статуя правителя прошла обряд, характерный для статуй богов. В этом случае упоминание названия обряда на Статуе R можно было бы считать самым ранним для всего корпуса клинописных текстов, однако такое чтение нуждается в проверке: для этого необходимо подробно изучить сам шумерский памятник со всеми его надписями.

В конце 1930-х годов профессор Р. Х. Пфайффер приобрёл у неустановленного лица для Harvard Semitic Museum (ныне HMANE) диоритовую статуэтку высотой 185 мм (110 мм по бокам, 65 мм сзади, 50 мм спереди), позже условно названную «Gudea R». Она изображает человека, одетого в юбку, со скрещёнными на груди руками в сидячей позе; голова и часть правой руки с предплечьем не сохранились. На левой стороне тела и на спине, а также на задней части сиденья есть надписи, в которых можно найти имя Гудеа, правителя II династии Лагаша (около 2143–2123 годов до н. э.). Из наличия имени Гудеа можно заключить, что статуэтка изображает именно его.

Первые фотографии памятника даны в книге А. Парро (Parrot 1948: 171, pl. XVII). Первое издание транслитерации надписей на статуе и её качественные фотографии с трёх ракурсов (слева, спереди и справа) дал Э. Солльберже (Sollberger 1956: 11–13). В дальнейшем анализ и переводы надписей на

статуе публиковали Х. Штайбль и Д. О. Эдцард (Steible 1991: I 240–243, II 79–84; Edzard 1997: 59–60). Коллацию фрагментов для издания Эдцарда сделал П. Стайнкеллер. Транслитерация надписей на этой статуе имеется в базе данных CDLI. Однако до сих пор не опубликованы современные фотографии всех надписей на статуе. По моей просьбе, их сделали сотрудники HMANE доктор Эндрю Ричард Поторфф и доктор Адам Джонатан Аяа, которые любезно прислали мне фотографии для исследования текстов. Они же сообщили, что музейный номер статуэтки HSM 8826 изменился на HMANE.1936.5.1. Руководствуясь цветными фотографиями хорошего качества, можно теперь дать новую транслитерацию к тексту Статуи R Гудеа с переводом и комментарием.

(Надпись на спине)

I

1. Gu ₃ -de ₂ -a	Гудеа —
2. ensi ₂	Энси
3. Lagaš ^{ki}	Лагаша;
4. sipa zi inim gi-na	Праведный Пастырь, верный приказам
5. ^d Nin-ĝir ₂ -su-ka-ke ₄	(бога) Нингирсу;
6. lu ₂ be ₆ -lu ₅ -da dingir-re-ne-ke ₄	человек, что обряды богов
7. si bi ₂ -sa ₂ -sa ₂ -a	исполняет.
8. u ₄ E ₂ -ninnu	Когда (храм) Эннину
9. [^d]Nin-ĝir ₂ -su-ka	(для бога) Нингирсу

II

1. in-du ₃ -a-ta	он построил —
2. Nam-ha-ni gala-mah	Намхани, главному певчому
3. Munus-gil-sa-a-ka-ra	(дома) Мунусгильса,
4. ku ₃ -babbar zabar	(с тем чтобы за) серебром,
бронзой,
5. dusu sahar-ra	корзинами с землёй
6. u ₃ niĝ ₂ en-na gal ₂ -la-aš	и за всем остальным имуществом
7. e ₂ -a-na lu ₂ nu-ku _x -ku _x -de ₃	в дом его никто не входил,
8. ama-ar-gi ₄ -bi mu-[ĝar]	«Возвращение к матери» он [дал].
9. mu-bi-a 6(bur ₃) gibil E [?] -gaba
GAN ₂	В год этот шесть буров новой
земли на поле Эгаба
10. inim mu-na-gi	он за ним закрепил.

III

1. [...]
2. [...] [X X X X X]
3. NI [...] [x]
4. TUR [...] U[R ...]
5. m[u ...]

6. m[u ...]
 7. [...] (Надпись на задней части сиденья)
IV
 3. E₂-Munus-gil-sa-a-ka в Эмунусгильса
 4. DU₁₁.GABA mu-[na]-ni-DU в назначенный день он ему (её) воздвиг.
 5. alan-ba У статуи этой
 6. [Gu₃]-de₂-a ma-[ba[?]] «Гудеа мне дал (?)» —
 7. mu-bi имя её.

I 1-3 Надпись на спине указывает на человека, которого изображает статуэтка. Текст начинается не с имени бога, которому она посвящена (как в большинстве случаев в корпусе надписей на статуях Гудеа), а с имени самого правителя. Посвятительной формулы у неё нет.

I 4-5 KA (inim) gi-na-^dNin-ĝir₂-su-ka-ke₄ «Истинное слово Нингирсу» я понимаю как «верный приказам (бога) Нингирсу».

Впервые этот эпитет встречается в надписи Энметены, обозначая твёрдое слово бога:

^dEn-lil₂ lugal kur-kur-ra ab-ba dingir-dingir-re₂-ne-ke₄
 inim gi-na-ni-ta ^dNin-ĝir₂-su₂ ^dSara₂-bi ki e-ne-sur³ «Энлил, царь стран, отец богов, своим истинным словом между Нингирсу и Шарой границу провёл» (Ent. 28: I 1–7).

В надписи Урукагины сказано:

^dBa-U₂ du₁₁-ga-Uru-inim-gi-na-ka mu-gi «Бау слово Урукагины сделала истинным» (Ukg. 49: 1; Behrens, Steible 1983: 137).

Однако в надписи на Статуе Е Гудеа читаем:

^{gis}dur₂-ĝar Lagaš^{ki}-ka suhuš-bi gi-na-da Gu₃-de₂-a ensi₂ Lagaš^{ki}-ka ĝidru inim gi-na šu-na ĝal₂-la-da «Чтобы основание трона Лагаша укрепить, в руку Гудеа, энси Лагаша, скипетр истинного слова вложить» (E VIII: 2–8).

К. Леммерхирт приводит аккадские эквиваленты из силлабариев: lu₂-inim-gi-na = *kat-tu-[u]* «Garant», «the one who guarantees»⁴ (Lämmerhirt 2010: 104), inim-gi-na = *a-wa-tu[m ki-* «verlässliches Wort»⁵, антоним

³ Здесь и далее транслитерации шумерских царских надписей даются по фото- и автографиям табличек в CDLI с учётом транслитераций в соответствующих томах RIME и в базе шумерских царских надписей ETCSRI.

⁴ «Поручитель» (нем.), «тот, кто даёт гарантию» (англ.).

it-tum]
 inim-gi-na = *sa-na-qu ša a-wa-tim*
 inim-hul «злое слово»;
 «zuverlässig in Bezug auf des Wort»⁶ (Lämmerhirt 2010: 110–111).

I 6-7 Существительное *biluda*, по-видимому образованное от акк. *bēlūtum* «власть» (Steiner 2003: 633), впервые встречается в надписях на конусах Урукагины:

bi₃-lu₅-da ud-bi-ta e-me-am₆ «порядок прежний был таков»
 (Ukg. IV 7: 26–28; Behrens, Steible 1983: 275–276).

В следующий раз мы находим его только в тексте Статуи Е:

bi₃-lu₅-da^d Ba-U₂ nin-a-na-še₃ en₃ im-ma-ši-tar «к обрядам Бау, своей госпожи, с почитением он отнёсся» (Gudea E II: 5–8).

Позже это слово станет аккадским *pilludū* и будет употребляться в значении «ритуал» (CAD P: 377–378).

I 8– II 1, 9 Известна датировочная формула 10-го года правления Гудеа:

mu e₂-^dNin-ġir₂-su-ka ba-du₃-a «год(, когда) храм (для) Нингирсу был построен» (RTC 221; Maiocchi, Visicato 2020: no. 16, 495⁷).

Сообщение о том, что привилегии даны жрецу именно в этот год (*mu-bi-a*), сразу после окончания строительства храма, позволяет датировать памятник 10-м годом, т. е. 2133 годом до н. э. по средней хронологии.

II 2 *Nam-ha-ni gala-mah* «главный певчий Намхани» — имя, которое встречается в корпусе текстов CDLI ещё трижды:

- (1) ITT 4, главный певчий Намхани
07291 получает льняную одежду в Гирсу (II династия Лагаша);
- (2) PDT 1, главный певчий Намхани (47-й год правления
0423 живёт в Дрехеме Шульги);
- (3) S000220 личная печать: «Лугаль-мелам, сын Намхани — главного певчего Ура» (эпоха Амар-Суэна).

В первом случае можно было бы думать, что Намхани, живший в Гирсу при Гудеа, и был тем самым Намхани, привилегии которому

⁵ «Честное слово», «надёжное слово» (нем.).

⁶ «Тот, кто держит слово», «хозяин своего слова» (нем.).

⁷ <http://cdli.ucla.edu/tools/yearnames/HTML/T4K2.htm>

прописаны на статуэтке. В остальных случаях речь, скорее всего, идёт о его тѣзках с тем же титулом, так как время Гудеа отстоит от конца правления Шульги более чем на полвека.

- П 3 Намхани — главный певчий храма, название которого, E₂-munus-gil-sa «дом драгоценной Женщины», встречается в полном виде всюду, кроме данной строки [согласно ETCRSRI, Ur-Ningirsu I, Shulgi: 13–14; Shulgi: 2032]. Знак E₂ здесь не выписан. Храм был построен в Гирсу в честь богини Нинмарки, о чём свидетельствует надпись Ур-Нингирсу I:
- ^dNin-mar-ki munus sag₉-ga «(Для) Нинмарки, прекрасной
dumu-saĝ^d Nanše-[ra] Ur- женщины, первородной дочери
^dNin-ĝir₂-[su] ensi₂ Lagaš^{ki}- Нанше, Ур-Нингирсу, энси
[ke₄] E₂-munus-gil-sa-ka- Лагаша, её (храм) Эмунугильсу
[ni] mu-na-[du₃] построил».
- П 4-8 Далее идёт юридическая лексика, которая встречается только в надписях Энметены и на конусах Урукагины. Шум. ama-gi₄ «возвращение к матери» = акк. *andurāru* «освобождение (от налогов), свобода». Контекст из надписи Энметены — наиболее ранний:
- ^dNanše E₂-engur-ra-zu₂- «(Для) Нанше (храм) Э-энгурра-
lum-ma mu-na-du₃ mu-ni- зулумму он построил, ей
tum₂ ama-gi₄-Lagaš^{ki} [e]- преподнёс; „возвращение к
ĝar ama dumu i₃-ni-gi₄ матери“ (для) Лагаша он
dumu ama i₃-ni-gi₄ ama- установил: мать к сыну своему
gi₄-še-ur₅-ka e-ĝar u₄-ba вернулась, сын к матери своей
En-me:te-na-ke₄ ^dLugal-e₂- вернулся. „Возвращение к матери“
muš₃-ra E₂-muš₃-pa₅-ti-bir₅- для выплаты долгов по зерну в
ra^{ki}-ka<...>mu-na-du₃ ki- рост он установил. Когда
be₂ mu-na-gi₄ dumu-Unug^{ki} Энметена для Лугальэмуша (храм)
dumu-Larsa^{ki} dumu-Pa₅-ti- Эмуш в Бад-Тибире <...>
bir₅-ra-ka [ama]-gi₄-bi e- построил, на место его вернул, —
ĝar ^dInnīn-ra Unug^{ki}-še₃ šu- для сыновей Урука, Ларсы и Бад-
na i₃-ni-gi₄ ^dUtu-[ra] Тибиры „возвращение к матери“
Larsa^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ он установил: к Инанне в Урук
^dLugal-e₂-muš₃-r[a] E₂- вернул, к Уту в Ларсу вернул, к
muš₃-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ Лугальэмушу в Эмуш вернул»
(Ent. 79, 3: 6 – 6: 6).
- Три разноплановых факта — (1) восстановление старого храма, (2) отмена долговых обязательств по выплате ячменём с процентами, (3) освобождение и возвращение домой граждан других городов — здесь не просто отождествляются, а ставятся в каузальную зависимость. То же читаем и в текстах конусов Урукагины:
- dumu-Lagaš^{ki} ur₅-ra ti-la «Сыновей Лагаша от процентов
gur-gub-ba še-si-ga ni₃- (по долгу) жизни, „меры положен-

zuh-a saġ-ġiš-ra-a e₂-eš₂-bi ной“ „насыпания зерна“⁸, воров-
e-luh ama-gi₄-bi e-ġar ства, убийства, заключения он
очистил, их „возвращение к
матери“ установил» (Ukg. 4 XII:
14–22 = 5 XI: 12–29).

Это означает, что в одно и то же время преступники были амнистированы, а добропорядочные граждане освобождены от долгов и повинностей. Представление о том, что всё сущее возвращается к своему первоистоку, в равной мере распространялось и на явления природы: ср. шумерское наименование ночи u₄-ama-bi-še₃-gi₄-a «возвращение дня к своей матери» (акк. *līlīātum*) (АНw: 552). Там же сказано: saġġa GAR kiġi₆ ama ukur₃-ra₂ nu-kur_x(DU)-kur_x(DU) «администратор храма в сад матери бедняка не входил» (Ukg. 4 XI: 17–19). Таким образом, речь идёт об освобождении главного певчего Намхани от поборов и отъёма имущества в пользу государства. Dussu (другое чтение dupšik; букв. «строительная корзина») — форма налога, который взимали с храмовых администраторов (Ukg. 4 IX: 2).

II E.GABA — название поля (букв. «канал-грудь»). Один бур = 9–10 64 800 м² (CAD B: 339): следовательно, согласно надписи, Намхани получил от Гудеа 64 800 × 6 = 388 800 м² новой земли, т. е. чуть больше $\frac{3}{8}$ км² (почти 39 гектаров).

IV 4 Написано DU₁₁.GABA mu-[na]-ni-DU. Э. Сольберже и Х. Штайбль прочли DU₁₁.GABA как ka-du₈ («die Mundöffnung»), а всю строку транскрибировали так: ka-du₈ mu-[na]-ni-gub (Sollberger 1956: 12; Steible 1991: 242). Основываясь на таком чтении, Г. Зельц развил идею о переносе обряда отверзания уст, возникшего при Гудеа, на отверзание уст статуям Гудеа во время III династии Ура (Selz 1997: 177, 200, прим. 202). Чтение Штайбля — Зельца было закреплено в CDLI как общепринятое с переводом: «a (statue's) Mouth Opening (ritual) he set up for him»⁹. Однако Д. О. Эдзард понял строку иначе, прочитав её буквально du₁₁-gaba, и перевёл: «on the appropriate (day)»¹⁰ (Edzard 1997: 60), но свой перевод он не пояснил. Новейшая электронная база данных по шумерским царским надписям (ETCSRI) соглашается с переводом Эдзарда:
<ud> dug₄-gaba mu-[na]- «He set it up for her¹¹ in the E-
ni-gub minus-gisa on the appointed day»¹².

⁸ Термины, обозначавшие разные виды взяток, которые общинники давали чиновникам и жрецам.

⁹ «(ритуал) Отверзания Уст (у статуи) он ему установил» (англ.).

¹⁰ «в надлежащий день» (англ.).

¹¹ Шумерский префикс дательного падежа 3 л. ед. ч. -na- «ему» употреблен либо в отношении Гудеа (как считает CDLI), либо в

Если прочесть du_{11} -gaba буквально, то получим «слово-грудь», что нелепо. Чтобы понять логику Эдзарда, нужно просмотреть в системе электронного поиска все места в его книге, где дан перевод «the appropriate day». Таких мест три, и второе — это колонка IX Статуи Е, где написано:

$u_4 du_{11}^1$ (SAG)-gaba i_3 - du_3 (IX 3) «On the appropriate day I set to work»¹³ (Edzard, 1997: 46).

Здесь опять непонятно, в чём смысл слова gaba «грудь», хотя сама фраза «день слова» уже ясна. Полностью картину проясняет третий пример, и это не статуя самого Гудеа, а короткая надпись Ниналлы — его жены, которая ради своей и его жизни посвятила женскую статуэтку неизвестной богине (Gudea: 99). Дословно она переводится так:

alan-ba / nin- $\dot{g}u_{10}$ gu_3 ma-de₂ / «у статуи этой „Госпожа моя! Ты
 $u_4 du_{11}$ -ga-ba (< u_4 - du_4 -a-bi-a) меня призвала — (и) в назначен-
 i_3 - du_3 / mu-bi. ный день я (её) воздвигла“ имя её»
 (Edzard, 1997: 180).

Дополнительными аргументами в пользу такой интерпретации могут служить два факта: во втором слове шумерского названия обряда (ka-duh) окончание может быть ka- du_8 -ha, но не ka- du_8 [Selz, 1997: 177]; все исследователи, читавшие этот текст, единодушны в том, что глагол gub «стоять» в применении к обрядам не использовался. А поскольку орфография в надписях Гудеа нерегулярна, то можно предположить, что знак DU с чтением gub мог означать du_3 «возводить». В этом случае получаем:

(u_4) - du_{11} -ga-ba mu-na-ni- «В назначенный день он ему там её
 du_3 воздвиг».

IV 6 Исходя из логики текста и количества места в строке, глагол в форме ma-[ba?] «мне дал (?)» восстанавливается условно. По смыслу здесь должно быть: либо «Гудеа дал мне всё это», либо «Гудеа меня освободил».

Согласно хронологии всех известных статуй Гудеа, предложенной Х. Штайблем, их можно разделить на две большие группы: раннюю и позднюю. В раннюю группу входят статуи М, N и O, выполненные не из диорита и снабжённые посвяти-

отношении богини Нинмарки (как полагает переводчик ETCRSI). В шумерском нет категории рода, а надпись в колонке III разбита, поэтому уточнение пока невозможно. Переводя «ему», мы полагаем, речь о возведении статуи в честь Гудеа, пожаловавшего жрецу привилегии. Переводя «ей», мы допускаем, что статуя была отнесена в храм Нинмарки.

¹² «В назначенный день в Эмунусгисе он для неё установил» (англ.).

¹³ «В надлежащий день я к работе приступил» (англ.).

тельными формулами. В позднюю группу входят диоритовые статуи: из них на статуях А–К посвятельные формулы есть, а на статуях Q и I — нет (Steible, 1994: 103).

Штайбль не поддерживает идею о том, что статуя (а по сути статуэтка) R изображает Гудеа: «Статуя R, доставленная в Гарвардский Семитский Музей в результате торговли произведениями искусства, упоминает Гудеа, но представляет собой статуэтку гала-маха по имени Намхани высотой всего 18,5 см, поэтому её здесь можно игнорировать» (Steible 1994: 83). Иначе говоря, он полагает, что статуэтка изображает вовсе не Гудеа в сидячей позе, а Намхани — верховного певца, получившего привилегии от правителя. Однако это вряд ли возможно: ведь надписанные скульптурные изображения жрецов III тыс. до н. э., у которых не было статуса правителей, до нас не дошли. Применяя к статуэтке R хронологию Штайбля, можно предположить, что если не её изображение, то по крайней мере надпись, дублирующая лексику большой Статуи E, относится к первой подгруппе второй группы.

По сути, статуэтка с изображением Гудеа — это охранный грамота для Намхани. Судя по её небольшому размеру, она должна была стоять в Эмунусгильсе, храме богини Нинмарки, в качестве адоранта и молиться за сохранение того статуса, которым правитель Гудеа одарил своего главного певчего. Создавая статуэтку, резчик использовал не только текстовые клише надписей Урукагины, но и лексику статуи E самого Гудеа. Первое весьма существенно, так как религиозно-правовые категории, присутствующие в текстах конусов Урукагины, не встречаются во всём корпусе текстов Гудеа больше нигде, кроме текста статуи E.

По-видимому, тексты статуй E и R связаны между собой. Не исключено, что их обе создал в одно время один мастер, который мог делать работу со слуха: в частности, в одном случае он писал $u_4-du_{11}-ga-ba$ как $du_{11}-gaba$, а в другом (перепутав знак) — как $u_4-sag-gaba$; или в одном случае писал du_3 , а в другом — du . В известных нам хозяйственных текстах событие, описанное в тексте статуи R, не отражено. Площадь подаренной земли велика, а размер статуэтки, содержащей текст дарения, очень мал. При этом нужно иметь в виду, что Гудеа не царь, чтобы дарить жрецам земельные владения. И это делает сообщаемые в надписи сведения сомнительными.

Таким образом, перечтение строки IV 4 приводит нас к заключительному выводу о том, что во всём корпусе текстов

Гудеа термин для обряда отверзания уст отсутствует. С одной стороны, мне до сих пор не попадалось ни одного примера, когда глагол *gub* «стоять» использовался бы в контексте проведения обряда, — и это я считаю филологическим аргументом в пользу данного решения. С другой стороны, у Гудеа не было прижизненного статуса бога, поэтому обряд омовения и отверзания уст его статуям не полагался, — это я считаю дополнительным, историческим аргументом. Богом Гудеа был признан лишь после смерти, поэтому достоверные сведения об обряде омовения уст у его статуй дошли до нас не ранее чем от эпохи III династии Ура.

Список сокращений

- AHw: W. von Soden. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden, 1958–1981
- CAD: *Chicago Assyrian Dictionary*. 1956–2010
- CDLI: Cuneiform Digital Library Initiative.
URL: <http://cdli.ucla.edu>
- ETCSRI: The Electronic Text Corpus of Sumerian Royal Inscriptions.
URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/etcsri/>
- FAOS: Freiburger Altorientalische Studien
- HMANE: Harvard Museum of the Ancient Near East
- ITT: Inventaire des tablettes de Tello
- PDT: M. Çig / H. Kizilyay / A. Salonen. *Die Puzris-Dagan-Texte der Istanbuler Archaologischen Museen Part 1 = texts 1–725*. Helsinki, 1956
- RIME: The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. Toronto 1990–
- RTC: Thureau-Dangin F. *Recueil de tablettes chaldéennes*. Paris: Ernest Leroux, 1903
- SAALT: State Archives of Assyria Literary Texts. Helsinki, 2001–

Библиография

- Allotte de la Fuje, F. M. 1912: *Documents présargoniques*. Paris.
- Behrens, H., Steible, H. 1983: *Glossar zu den altsumerischen Bau — und Weihinschriften*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. [FAOS: 6].
- Blackman, A. M. 1924: The Rite of Opening the Mouth in Ancient Egypt and Babylonia. *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 10, No. 1. 47–59.
- Cunningham, G. 1997: *Deliver Me from Evil: Mesopotamian Incantations 2500–1500 BC*. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico.
- Edzard, D. O. 1997: *Gudea and His Dynasty*. Toronto, Buffalo, London [RIME 3/1].

- Emelianov, V. V. 1993: [Sumerian Liturgy of the Water Consecration, Based on Fragments of the Assyrian Ritual *mīs pī* [CT XVII: 38–41]. *Peterburgskoye Vostokovedeniye* 4. 247–264.
- Емельянов, В. В. 1993: Шумерская литургия водосвятия по фрагментам ассирийского ритуала *mīs pī* [CT XVII: 38–41]. *Петербургское востоковедение* 4. 247–264.
- Emelianov, V. V. 2003: *Ritual v drevnej Mesopotamii* [Rituals of Ancient Mesopotamia]. St.-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye.
- Емельянов, В. В. 2003: *Ритуал в древней Месопотамии*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Lämmerhirt, K. 2010: *Wahrheit und Trug. Untersuchungen zur altorientalischen Begriffsgeschichte*. Münster: Ugarit Verlag.
- Maiocchi, M., Visicato, G. 2020: *Administration at Girsu in Gudea's Time*. Venezia: Edizione Ca Foscari.
- Parro, A. 1948: *Tello. Vingt Campagnes de Fouilles (1877–1933)*. Paris: Albin Michel.
- Selz, G. J. 1997: The Holy Drum, the Spear and the Harp: Toward an Understanding of the Problems of Deification in Third Millennium Mesopotamia. In: I. L. Finkel and M. J. Geller (eds). *Sumerian Gods and their Representations*. Groningen. 167–209.
- Sollberger, E. 1956: Selected Texts from American Collections. *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 10, No. 1. 11–31.
- Steible, H. 1991: *Die neusumerisehen Bau- und Weihinschriften*. 2 vols. Stuttgart: Steiner. [FAOS: 9].
- Steible, H. 1994: Versuch einer Chronologie der Statuen des Gudea von Lagaš. *Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft* 126. 81–104.
- Steiner, G. 2003: Akkadische Lexeme im Sumerischen. In: *Semitic and assyriological studies: presented to Pelio Fronzaroli by pupils and colleagues*. Wiesbaden: Harrasowitz. 630–647.
- Struve V. V. 1959: [On the Problem of Private Land Ownership in Sumer]. *Vestnik drevnej istorii* 4. 13–23.
- Струве В. В. 1959: К проблеме частного землевладения в Шумере. *Вестник древней истории* 4. 13–23.
- Walker Ch., Dick M. 2001: *The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia. The Mesopotamian Mis Pi Ritual*. Helsinki. [SAALT: 1].

А. Ю. Желтов
СПбГУ/МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия. ajujeltov@mail.ru
Е. В. Желтова
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. e.zheltova@spbu.ru

К ПРОБЛЕМЕ НЕДИСКРЕТНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СУФФИКСОВ И ФЛЕКСИЙ

В статье рассматривается проблема соотношения словоизменения и словообразования в индоевропейских языках (на примере русского, латинского и древнегреческого). Применяется методика «фокального» анализа, предложенная А. А. Кибриком, которая позволяет учитывать как «классические», или «фокальные», случаи строгого разграничения между словообразовательными суффиксами и словоизменительными флексиями, так и случаи отклонения от этих точек (так называемые «аутлайеры»), когда суффиксы демонстрируют не только деривативные, но и словоизменительные характеристики, и наоборот, флексии демонстрируют словообразовательный потенциал. Таким образом, при применении фокального анализа, предполагающего более дифференцированный подход к различным признакам словоизменения и словообразования, мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном дискретном подходе. При этом в русском, в латыни и в древнегреческом аутлайеры не достигают стадии «гибридности». Структуризация в рамках фокального подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами.

Ключевые слова: словоизменение, словообразование, суффиксы, флексии, русский язык, латынь, древнегреческий язык.

A. Ju. Zheltov
SPbSU/MAE RAS, ajujeltov@mail.ru
E. V. Zheltova
SPbSU, e.zheltova@spbu.ru

Towards the problem of nondiscreteness of linguistic description in the context of Indo-European suffixes and inflections

The article deals with the problem of correlation between inflection and derivation in the Indo-European languages (on the example of Russian, Latin, and Ancient Greek). The method of “focal” analysis proposed by A. A. Kibrik is used, which allows taking into account both “classical”, or “focal” cases of a strict distinction between word-formation suffixes and form-building inflections, and the cases of deviation from these points

(“outliers”), when suffixes show not only derivative, but also inflective characteristics, and *vice versa* when inflections show word-formation potential. Thus, when applying the “focal analysis” and a more differentiated approach to the various features of inflection and word formation, we obtain a much more accurate matrix of the interaction of inflection and word-formation in the languages analyzed than in the traditional “discrete” analysis. At the same time, in Russian, Latin, and Ancient Greek, the outliers do not reach the stage of “hybridity”. Structuring of inflective and derivative morphemes within the framework of the “focal” approach allows us to take a new look at a number of problems related to gender and noun classes.

Keywords: form-building, derivation, suffixes, inflections, Russian, Latin, Ancient Greek.

1. Вводные замечания

На первый – очень поверхностный – взгляд, разграничение обозначенных в заглавии понятий имеет вполне научную стройность: суффиксы — часть основы — служат для словообразования (деривации), не участвуют в синтаксической связи высказывания; флексии (окончания) не являются частью основы, служат для словоизменения (формообразования), обеспечивают синтаксическую связь, являясь, как правило, конечными элементами словоформы. Однако, даже если не выходить за пределы индоевропейских языков, для которых эти противопоставления и были созданы и за пределами которых разграничение на суффиксы и флексии не стало распространенным, уже на уровне энциклопедических статей об этих понятиях создается ощущение значительно более сложной картины, где дискретность понятий не является очевидной. Так, согласно (Bulygina, Krylov 1990), флексии делятся на внутренние и внешние, а в последних выделяется два измерения: грамматическое значение и реляционное (синтаксическое) значение. Именно с последним обычно связан термин «окончание». По (Krasuhin 2004), флексии находятся после основы и имеют только словоизменительное значение. Они выражают исключительно отношения слов в высказывании. При этом чисто реляционная (синтаксическая) трактовка флексий противоречит идее А. А. Зализняка (Zaliznyak 2002: 545–549) о том, что в русских флексиях в примере типа *дом-а* (мн. ч.) следует говорить о нулевом показателе именительного падежа и, по сути, агглютинативном (однозначном) показателе множественного числа *-а*, который, очевидно являясь окончанием, не несет никаких синтаксических значений. Суффиксы обычно подраз-

деляются на словоизменительные (например, показатель прошедшего времени *-л-*) и словообразовательные (как агентивный *-тель* в «строи-тель»), что делает часть суффиксов значительно более близкими к флексиям, чем другие. При этом в парадигме существительных суффиксы служат для словообразования, будучи противопоставлены флексиям. Линейная структура также не помогает дискретности разграничения: наличие форм на *-ся*, которые, называясь суффиксами, располагаются за флексиями, приводит к использованию для таких форм термина «постфикс», который иногда применяется и для всех пост-корневых морфем при описании неиндоевропейских языков. Очевидно, что бинарное дискретное противопоставление как форм (флексии и суффиксы), так и их статуса (словоизменение и словообразование) не отражает реальную картину их взаимодействия даже в индоевропейских языках, для которых они изначально вводились, и, во многом, является следованием традиции. Не случайно, что в «Рутледжском словаре языка и лингвистики» за фразой «независимо от некоторых пограничных случаев (например, компаративы и причастия) обычно проводится различие между словоизменением (= образование форм слов) и словообразованием (= образование основ слов) как отдельными областями изучения в морфологии» следует фраза о том, что «в более поздних исследованиях по синтаксису слова различие в функции словоизменительных и деривационных аффиксов подвергается сомнению» (Bussmann 1996: 556).

В принципе, описание сложных языковых явлений – это некоторая борьба и, как следствие, компромисс между абсолютно истинными, но недискретными, а следовательно, не создающими нового научного знания утверждениями вроде «язык сложен и многообразен», и стремлением к научной дискретизации знания, которое может приводить и часто приводит к упрощению реальной языковой сложности.

Попытка выхода из этого методологического противоречия была предложена А. А. Кибриком. В докладе на конференции Европейского лингвистического общества — SLE (Kibrik 2012) и в статье Kibrik 2015 он обращает внимание на многочисленность недискретных явлений на разных уровнях языка и предлагает «фокальную структуру» описания языка, которая позволяет учитывать как дискретные («digital»), так и недискретные («analog») языковые явления. Фокальная структура состоит из:

1) «фокусных, или «якорных», точек-вершин, которые являются прототипическими для того или иного явления или категории,

2) так называемых «аутлайеров» (элементов категории, по некоторым признакам отличающихся от прототипа — «периферии» категории),

3) «гибридных» точек, которые являются наиболее далекими от прототипа «аутлайерами», более или менее равноудаленными одновременно от двух разных «фокусных» точек-вершин и находящихся в «зоне влияния» их обеих.

Подобный поход позволяет избежать не соответствующей реальным языковым явлениям дискретности без отказа от системного взгляда на язык.

И словоизменение, и словообразование могут быть представлены как морфемами с «классическим» полным набором признаков, соответствующих «фокальной» категории, так и «аутлайерами» — морфемами, которые по одному из перечисленных признаков сближаются с противоположной «фокальной» точкой. «Классическое» («фокальное») словообразование не контролирует согласование, не образует кумулятивных морфем типа род/число/падеж, распространяется на определенную группу корней для модели деривации с определенным значением. «Классическое» словоизменение контролирует согласование, участвует в синтаксической связи слов в высказывании, не образует новых слов, а только их формы, кумулятивно выражает несколько грамматических категорий (что, в частности, позволило определять языки с наличием таких морфем как «флективные»). Задачей данной статьи является рассмотрение с этих позиций весьма сложного взаимодействия некоторых элементов именного формо- и словообразования в индоевропейских языках с грамматическим родом (русский, древнегреческий и латинский).¹

¹ Очевидно, что этот краткий текст не может претендовать и не претендует на полное или развернутое описание именной морфологии в указанных языках. Для русского языка таким описанием является анализ, представленный в Zaliznyak 1967, для других языков подобный комплексный анализ, вероятно, еще предстоит провести. Для целей этой статьи мы лишь выборочно анализируем ряд явлений в «прототипической» и «пограничной» зонах словоизменения и словообразования.

2. Словообразование и словоизменение в русском языке

В русском языке, с его традиционным разделением морфем на суффиксы (словообразование) и флексии (словоизменение), можно достаточно легко определить «фокусные точки». Например, суффикс *-тель* в *строи-тель* и *писа-тель* отчетливо относится к словообразованию, а окончание *-и* в *строител-и* и *писател-и* — к словоизменению; *-и* контролирует согласование в именной группе и глаголе, кумулятивно выражая число и падеж, и не используется для образования новых лексем, поскольку на нем лежит слишком большая и разнородная грамматическая нагрузка, а *-тель* не может контролировать согласование и выражает отчетливую и однозначную семантику образования отглагольных агентивов. В то же время, в русском языке существует ряд словообразовательных суффиксов, демонстрирующих некоторые отклонения от классической деривации: например, суффиксы *-онок* и *-ат-* в «волч-**онок**» и «волч-**ат-а**» помимо отчетливой деривативной семантики «детеныши животных» (+ «дети» — *реб-енок/реб-ят-а, октябр-енок/октябр-ят-а*; + «грибы» — *оп-енок/оп-ят-а, масл-енок/масл-ят-а*) кумулятивно с деривацией обладают семантикой числа, таким образом делая шаг в сторону от «классической» деривации, если принять во внимание тот факт, что кумулятивность гораздо больше свойственна словоизменительным флексиям.

Другим примером кумулятивности суффиксов в русском языке является сочетание признаков диминутивности и рода, причем существуют диминутивные суффиксы, коррелирующие со всеми тремя родами: *студент/студент-к-а* (диминутивность + ж. р.), *стол/стол-ик* (диминутивность + м. р.), *солнце/солнышк-о* (диминутивность + ср. р.).

Однако русский язык демонстрирует и другой вариант «неклассического» использования деривации — в нем можно наблюдать своего рода согласование уменьшительного или увеличительного суффикса существительного (обычно при определенном экспрессивном характере высказывания, часто свойственном так называемому «детскому» языку) с зависимым от него прилагательным, что можно было бы определить как своего рода диминутивную «интерференцию». Очевидно, что с точки зрения носителей русского языка предпочтительней выглядят «координированные» словосочетания вроде *бел-енький зайч-ишк-а* или *зл-ющ-ий волч-ишк-е*, чем «некоордини-

рованные» типа *белый зайчишка* или *злющий волк*. Причем в «детском» языке такая координация может распространяться даже на глагол: *Саш-еньк-а мал-еньк-ий спат-еньк-и пошел*².

Что касается русских флексий, то и в них можно наблюдать отклонение в сторону деривации. Хотя русские флексии со значением грамматического рода обладают очень низким словообразовательным потенциалом (даже у одушевленных существительных для образования имен женского пола от мужского обычно требуется дополнительная деривативная суффиксация — *студент/студент-к-а*, причем именно так выглядит продуктивный процесс образования новых феминитивов — *автор/автор-к-а*), все же можно найти примеры использования флексий для словообразования (*Александр/Александр-а, супруг/супруг-а*). В этих примерах к стандартным словоизменительным характеристикам (контроль согласования, кумулятивность рода и падежа) добавляется словообразовательное значение женского пола.

3. Словообразование vs словоизменение в латинском языке

В латинском языке к «фокусным точкам» можно отнести, в частности, деривативный суффикс *-or-*, который образует отглагольные агентивы, и словоизменительную флексию *-es* — показатель множественного числа: *vict-or* ‘победи-тель’ — *vict-or-es* ‘победи-тел-и’; *act-or* ‘дея-тель’ — *act-or-es* ‘дея-тел-и’. При этом отклонение от деривации в сторону большей кумулятивности (вроде русского *опенок* — *опята*) практически не встречается: пару *vi-s* (Sg.) ‘сила’ — *vi-re-s* (Pl.) ‘силы’, скорее следует рассматривать как задействованный для выражения числа частичный супплетивизм основ. Сюда добавляется и частичный супплетивизм основ при оппозиции «номинатив — остальные падежи»: *iter* (Nom.) — *itiner- is* (Gen.) ‘путь’; *iecur* (Nom.) — *iecinor-is* (Gen.) ‘печень’; *supellex* (Nom.) — *supellectil-is* (Gen.) ‘утварь’, *femur* (Nom.) — *femin-is* (Gen.) ‘бедро’, *senex* (Nom.) — *seni-s* (Gen.) ‘старик, старуха’³. Формально выделенные элементы похожи на суффиксы, но они не обладают никаким деривативным потенциалом и, следовательно, их следует определять все же как часть супплетивных

² Ср. также глагольную диминутивную форму *куш-еньк-ать*.

³ Подробнее о латинском словообразовании в индоевропейском контексте см. (Kazansky 2022).

основ. При этом деривативное согласование типа «*Сашенька маленький спатеньки пошел*» встречается и в латыни, но не в «детском» языке, как в русском, а в языке римской комедии, пародирующем любовные диалоги гетер и их возлюбленных:

(1) *Papill-arum horrid-ul-arum oppresi-unc-ul-ae* (Plaut. *Pseud.* 68)

‘Упругеньких грудок обнимашки’

(*papilla* ‘грудь, сосок’, *horridula* ‘упругенькая’ — *demin.* к *horrida* ‘упругая, тугая’, *oppresiuncula* ‘обнимашка’ — *demin.* к *oppressio* ‘сжатие, надавливание’).

Похожие примеры встречаются и в стихах Катулла, например:

(2) *Num te lacteolae tenent puellae?* (Cat. 55, 17)

‘Неужели тебя держат молочно-беленькие девчушки?’

(*lacte-ol-ae* — диминутив от *lacte-us* ‘молочно-белый’, согласованный с диминутивным (по типу образования) существительным *puellae* ‘девочки’);

(3) *O factum male, quod, miselle passer,*

tua nunc opera meae puellae

flendo turgiduli rubent ocelli! (Cat. 3, 16–18)

‘О злодейство! Ибо по твоей вине, бедненький воробей, у моей девочки покраснели пухленькие от слез глазки.’

В этом стихотворении на смерть воробушка Лесбии в близком соседстве друг к другу находятся четыре диминутивные формы: *misel-le* (*passer*) ‘бедненький’, *puel-lae* *turgidu-l-i* *ocel-l-i* ‘пухленькие глазки девочки’.

Примечательно, что в латыни родовые флексии *-us* (m) и *-a* (f) участвуют в словообразовании (типа «супруг — супруг-а») более продуктивно, чем русские флексии, ср.: *lup-us* ‘волк’ — *lup-a* ‘волчица’; *milv-us* ‘коршун’ — *milv-a* ‘самка коршуна’; *equ-us* ‘конь’ — *equ-a* ‘лошадь’; *amic-us* ‘друг’ — *amic-a* ‘подруга’; *domin-us* ‘господин’ — *domin-a* ‘госпожа’ и т. д. Таким образом, отклонение родовых флексий единственного числа от классической флективности представляет собой достаточно продуктивный «аутлайер» словоизменения.

4. Словообразование vs словоизменение в древнегреческом языке

В древнегреческом к фокусным точкам можно отнести на одном полюсе — образующий отглагольные агентивы суффикс *-τήρ, -τήρως*, а на другом — словоизменительную флексию — *ες*, показатель множественного числа:

ἀροτήρ ‘пахарь’ — ἀρο-τήρ-ες ‘пахари’ (ἀρώ ‘пахать’), δοτήρ ‘податель, даритель’ — δο-τήρ-ες ‘податели, дарители’ (δίδωμι ‘давать’), σωτήρ ‘спасатель’ — σωτ-ήρες ‘спасатели’ (σώζω ‘спасать’) (Emde Voas *et al.* 2019, 268).

Отклонением от классической деривации в греческом является кумулятивность словоизменительной и словообразовательной семантики, проявляемая в диминутивах: так, диминутивный суффикс среднего рода *-ιον*, при добавлении к существительному неизбежно превращает его в слово среднего рода, независимо от рода, одушевленности или иных параметров исходного слова, например:

ληκύθ-ιον ‘лекифчик’ (λήκυθος, m ‘лекиф’)

οἰκίδ-ιον ‘домик’ (οἰκία, f ‘дом’)

παιδ-ιον ‘маленький мальчик’ (παῖς, m/f ‘ребенок’)

ἐπύλλ-ιον ‘небольшой эпос’ (ἔπος, n ‘эпос’) (Voas *et al.* 2019: 265)

Отметим, что кумулятивная связь диминутивности с родом проявляется и в других индоевропейских языках, причем в разных комбинациях: в немецком диминутивный суффикс *-chen* комбинируется только со средним родом — *das Mäd-chen*, как в древнегреческом, а во французском диминутивный суффикс *-ett-* сочетается только с женским родом — *chanson/ chanson-ett-e* ‘песня/песен-к-а’, причем и при исходной основе мужского рода (ср. название фильма «*Le gendarme et les gendarmettes*»), образуя феминитивы по модели, аналогичной формам с русским суффиксом *-к-*: студент/студент-к-а. При этом напомним, что в русском языке существуют диминутивные суффиксы, коррелирующие со всеми тремя родами: *студент/студент-к-а, стол/стол-ик, солнце/солн-ышк-о*.

Древнегреческие родовые флексии — *ος* (m) и *-α /-η* (f) принимают участие в словообразовании, но в гораздо меньшей степени, чем в латыни и даже в русском. Таких пар, как ἀδελξφ-ός ‘брат’ — ἀδελξφ-ή ‘сестра’ или θε-ός ‘бог’ — θε-ά ‘богиня’, в языке совсем немного.

5. Выводы

Сравнительный анализ недискретной («фокальной») структуры словоизменения и словообразования в русском, латыни и древнегреческом можно представить в виде сводной таблицы:

Табл. 1. Фокальная структура именных суффиксов и флексий в русском, латыни и древнегреческом языках.

Фокусный центр (сл.обр.)	«Аутлайеры» (сл.обр.)	Гибридный центр	«Аутлайеры» (сл.изм.)	Фокусный центр (сл.изм.)
русский				
<i>Строи-тель</i>	Кумулятивность: число <i>волч-онок/</i> <i>волч-ап-а</i> род <i>студент/</i> <i>студент-к-а</i> Согласование: <i>Саш-еньк-а</i> <i>мал-еньк-ий</i> <i>спат-еньк-и пошел</i>		<i>Александр-а,</i> <i>супруг-а</i>	<i>Строител-и</i>
латынь				
<i>vict-or</i> 'победитель'	Согласование: <i>papill-arum</i> <i>horrid-ul-arum</i> <i>oppresi-unc-ul-ae</i> 'упругеньких грудок обнимашки'		<i>lup-us</i> 'волк' – <i>lup-a</i> 'волчица'	<i>vict-or-es</i> 'победи-тел-и'
древнегреческий				
<i>ἄρο-τήρ</i> 'пахарь'	Кумулятивность: род <i>παιδίον</i> 'маленький ребенок' (<i>παῖς</i> , m/f 'ребенок')		<i>ἀδελξφ-ός</i> 'брат' – <i>ἀδελξφ-ή</i> 'сестра'	<i>ἄροτήρ-ες</i> 'пахарни'

Таким образом, при применении фокального анализа и дифференцированного подхода к различным признакам словоизменения и словообразования мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном дискретном анализе. Можно заметить, что меньше всего тенденция к отклонениям свойственна древнегреческому языку: для суффиксов к подобным отклонениям можно отнести только кумулятивность диминутивности и рода, для флексий — редкие примеры словообразовательного использования родовых флексий. В латыни словообразовательный потенциал родовых флексий используется существенно активней, чем в древнегреческом и русском. И в русском, и в латыни существуют примеры своеобразного суффиксного согласования, но латинский язык не демонстрирует возможности кумуляции в суф-

фиксах деривативного значения со словоизменительным, а в русском такая кумуляция существует, причем и с числом, и с родом, то есть латинскому языку более свойственно деривативное использование флексий, а русскому — кумулятивность суффиксов. При этом во всех трех анализируемых языках аутлайеры не доходят до стадии «гибридности». Подобный гибридный центр между словоизменением и словообразованием может быть обнаружен в языках с именными классами, например, в суахили (нигер-конго), где именно «гибридный центр», по сути, и представляет собой фокусный центр категории именного класса⁴.

В завершение следует заметить, что структуризация в рамках «фокального» подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами. Закончить статью представляется уместным цитатой из книги А. А. Зализняка (1967: 8): «...универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные». В этой связи можно предположить, что и построение «фокальной» системы именных морфологических признаков поможет преодолеть еще один «барьер» — между словообразованием и формообразованием.

Литература

- Bulygina, T. V., Krylov, S. A. 1990. Fleksiya. [Inflection]. *LES*, М.: Sovetskaya enciklopediya, 551–552.
- Булыгина, Т. В., Крылов С. А. 1990. Флексия. *ЛЭС*, М.: Советская энциклопедия, 551–552.
- Bussman, H. 1996. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London; New-York: Routledge.
- Emde Boas van, E. et al. 2019. *Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge, CUP.
- Kazansky, N. N. 2022. *Problemy leksikologii latinskogo yazyka*. [Problems of Latin lexicology]. SPb.: Nauka.
- Казанский, Н. Н. 2022. *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.: Наука.
- Krasuhin, K. G. 2004 Affiks. [Affix] *Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya*, 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (data obrashcheniya 07.05.2023)

⁴ Подробнее о гибридном взаимодействии словообразования и словоизменения в категории именного класса см. (ZheltoV, Zheltova 2023).

- Красухин, К. Г. 2004 Аффикс. *Большая Российская Энциклопедия*, 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (дата обращения 07.05.2023)
- Kibrik, A. 2012 *The challenge of non-discreteness: focal structure in language. Plenary talk presented at the 45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Stockholm University, 29 August – 1 September 2012.* <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/kibrik/talks> (дата обращения 31.03.2023)
- Kibrik, A. 2015 The problem of non-discreteness and spoken discourse structure. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 14 (21), vol. 1, 225–233.
- Zaliznyak, A. A. 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. [Russian noun inflection] М.: Nauka.
- Зализняк, А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Zaliznyak, A. A. 2002. О показателях множественного числа в русском склонении. [About plural marking in Russian declension]. In: *Zaliznyak A. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu*. М.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 545–549.
- Зализняк, А. А. 2002. О показателях множественного числа в русском склонении. В кн.: *Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: "Языки славянской культуры", 545–549.
- Zheltoy, A. Yu., Zheltova, E. V. 2023 *Klass i rod v kontekste fokal'noj struktury yazyka: eshche raz o nediskretnosti slovoizmeneniya i slovoobrazovaniya*. [Class and gender in the context of focal structure of the language: once again about non-discreteness of inflection and derivation] (in print).
- Желтов, А. Ю., Желтова Е. В. 2023. Класс и род в контексте фокальной структуры языка: еще раз о недискретности словоизменения и словообразования. (в печати)

А. В. Жугра
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
ajugra@rambler.ru

ЧТО ЗАВЕЩАЮТ ГЕРОИ АЛБАНСКОГО ЭПОСА?

В состав героического эпоса многих традиций включаются тексты малых фольклорных жанров — приветствия, пожелания добра или зла, плачи, завешания. В составе героических албанских песен также присутствуют названные фольклорные жанры. В данной статье анализируется один из этих жанров — завешание, выражаемое лексемой *amanet* ‘залог, просьба, завешание’. Главная функция завешания в албанском эпосе заключается в раскрытии характера героя, его нравственных качеств и понимании им своего места в социуме.

Ключевые слова: эпос, албанский, завешание, залог, герой, характер.

A. V. Zhugra
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. ajugra@rambler.ru

Testament of a hero in Albanian epic poetry

The composition of the heroic epos in many national traditions includes texts of small folklore genres — greetings, wishes for good or evil, laments, testaments. These folklore genres are also present in the composition of the heroic Albanian songs. The article analyzes one of folklore genres denoted by the Albanian word *amanet* ‘pledge, request, testament’. The main function of the testament in the Albanian epic is to reveal the character of the hero, his moral qualities and his understanding of his place in society.

Keywords: epic, Albanian, testament, pledge, hero, character.

Вступительные замечания

Для обозначения понятий *завешание завет* в албанском языке имеются три слова: *amanet* < тур. *emanet* ‘залог’ (Çabej II), *testament* < ит. *testamento* ‘завешание’ (Topalli). Сложнее установить непосредственный греческий источник для третьего — алб. *dhiatë*. Э. Чабей возводит его к некоему ново- (или средне-)греч. *διάτα* от глагола *διάτάσσω* ‘устанавливать, давать указания’ (Çabej IV), Происхождение алб. *dhiatë* от древне- или новогреческого *διαθήκη* ‘завет’ Э. Чабей вслед за Г. Майером отвергает. Заметим, однако, что новогреческий глагол *διαθέτω* ‘устанавливать, завещать’ имеет производные *διάθεσις* ‘расположе-

ние, размещение' и διάθεσις 'то же' с пропарокситонным ударением.

Эти три заимствованные лексемы, совпадая в указанном значении, различаются в объеме и структуре выражаемых ими других значений, а также в функционально-стилистическом отношении — для слова *testament* на первый план выдвигается значение завещания как юридического документа, за словом *dhiatë* закрепляется обозначение Ветхого и Нового заветов, для слова *amanet*, имеющего помету *разг.*, словари фиксируют в качестве первого значение 'залог, заклад' (Fjalor). В тексте эпических песен представлена только и единственно лексема *amanet*.

Исторически лексема *amanet* засвидетельствована впервые в богословских текстах XVII–XVIII вв. в форме *amanat*, (т. е. с регрессивной ассимиляцией ударного гласного *-a-*) в значении 'просьба, обещание' (Ashta 2009: 59). Видимо, *amanet* довольно быстро вошло в народный язык, на что указывает использование его в пословицах, напр. *Amaneti — gur mulliri* 'Залог — мельничный жернов', т. е. такой же крепкий и надежный.

Завещание в обычном праве

В истории завещания как правового понятия выделяется этап патриархального общества, когда глава рода своим завещанием назначает наследника, и этап государственности, когда функцией завещания становится раздел имущества умершего между его наследниками (БРЭ 2008: 155).

Общество, в котором живут албанские богатыри, еще не знает государственного устройства — все определяется нормами унаследованного от предков обычного права. Исторически такая ситуация соотносится с реальным состоянием отдельных регионов Албании от древности почти до середины XX в. Одним из регионов, долгое время сохранявшим устои родоплеменной организации общества, был регион горных областей северной Албании.

Здесь все социальные и общественные отношения определялись нормами Кануна, существовавшего в устной форме в памяти старейшин и записанного и кодифицированного монахом-францисканцем Штьефеном Гъечовым (1874–1929) в

начале XX в. Канун был издан в 1933 г. под названием «Kanuni i Lekë Dukagjinit»¹ (далее Канун).

Основным субъектом права в Кануне является большая семья, и все семейное имущество является общим владением.

В разделе Кануна, регламентирующем имущественные отношения в семье, имеются, в частности, главы восьмая «Наследство» и девятая «Завещание». В восьмой главе рассматриваются права членов семьи на наследование имущества по Кануну. Эти «узаконенные» права определяются степенью кровного родства по отцовской линии, что делало назначение наследника с помощью завещания (институционального завещания) вещью крайне редкой (Pipovci 1972: LXXV).

В девятой главе речь идет о завещании — его составлении и видах. Примечательно, что начинается девятая глава с примечания кодификатора: *Kanûni i Lekës nuk njef testamende* (Канун: Нуе 39) «Канун не знает завещаний». Это утверждение станет понятным, если учесть, что в данной главе речь идет только об одном виде завещаний — о завещании *per shpirt* ‘на спасение души’, т. е. об отказе имущества в пользу церкви². Для обозначения понятия завещание Гьечов использует явно книжный термин *testamend*, а также два производных от албанских глаголов *lë* ‘оставлять’ и *fal* ‘дарить’ — термины *të lânunat* ‘оставление’ и *të falmet* ‘дарение’, возможно, изобретенные им самим.

Таким образом, если институт наследования в Кануне был достаточно жестко разработан, то в разделе завещания рассматривается только завещание в пользу церкви и приводится его народное обозначение — *me lânë gjâsend per shpirt* «оставить что-нибудь на спасение души (букв. «для души»)».

Учитывая этот исторический фон, можем предполагать, что рапсоды, создавшие тексты «завещаний» эпических героев, не имели возможности опираться в этом на какие-то канонические

¹ В русском переводе текст Кануна включен в книгу «Памятники обычного права албанцев османского времени» под названием «Канун Леки Дукагини» (далее Канун).

² Высоко оценивая труд Шт. Гьечова как кодификатора, некоторые исследователи, тем не менее, определяют положения Кануна, направленные на закрепление привилегированного положения церкви, как своего рода результат манипуляций автора (Pašic E., Pašic D).

формулы³, но должны были выступить в некоторой степени как творцы. В содержании эпических завещаний, как будет показано, преобладают элементы личностного характера, а не общественного, что также связано, видимо, со спецификой патриархального общества.

***Amanet* в тексте героических песен**

Слово *amanet* не относится к числу самых частотных лексем албанского эпоса, на корпус текстов в 100 песен (20 000 стихов) приходится всего 56 словоупотреблений в 28 песнях. Заметим, однако, что для слова с отвлеченной лексической семантикой этот показатель считаем достаточно высоким. Характерно, что в текстах представлено употребление слова *amanet* не только как полнозначной лексемы, но и как дискурсивного элемента, способствующего установлению доброжелательного контакта с собеседником. Это связано с тем, что данная лексема употребляется почти исключительно в речах героев (54 с/у из 56), звучащих в разных коммуникативных ситуациях и обнаруживающих значительное разнообразие как по форме (диалоги и монологи), так и по содержанию.

Основные синтаксические модели с лексемой *amanet*, засвидетельствованные в тексте эпических песен

1. *amanet* 'просьба' + обращение + глагол *lë* 'оставлять'. Глагол *lë* выступает, как правило, в одной из форм актуального настоящего с включением кратких форм личных местоимений: *amanet po ta la* 'просьбу (вот) тебе (её) оставляю' или (редко) в форме перфекта опатива: *amanet ta paça lanë* 'просьбу да оставил я тебе', употребленной в значении будущего.

2. *amanet* 'гарантия, обязательство' + сущ. в Асс. + глаголы *kam* 'иметь', *lë* 'оставлять'. Существительное *amanet* употребляется здесь в значении наречия. Значение этой конструкции — получить от кого-либо или вручить кому-либо какой-нибудь предмет с гарантией его сохранения или передачи третьему лицу. Так, на просьбу Муйо отдать ему письмо, гонец отвечает: *Amanet letrën unë e kam, / kurkuj letrën mos me ja dhanë, / Zukut në dorë pa ja dhanë* (94: 23–25) «Письмо я получил (букв. имею) с обязательством, / никому письмо не отдавать, / не отдав его Зуку в руки».

³ О языке «Кануна», в том числе о формулах и формульных словосочетаниях см.: Desnitskaya 1983.

3. *amanet* ‘прошу’ + обращение + вопросительное предложение. Лексема *amanet* в таких конструкциях передает стремление говорящего сделать учтывым начало диалога: — *Amanet, more djali i mirë, / po ty me emën qysh të thonë?* (17: 37–38) «Прошу скажи, добрый молодец, / а тебя по имени как зовут?».

Amanet в составе текста завещания

Фрагмент текста с описанием завещания героя содержит две составляющих — само завещание и предваряющее его формульное выражение, построенное по модели 1 *amanet* ‘просьба’ + обращение + глагол *lë* ‘оставлять’ и выражающее чаще всего просьбу. Вслед за этой вводящей просьбу конструкцией следует изложение самой просьбы, в которой желаемое от адресата действие может быть выражено глаголами в формах: императива, инфинитива, презенса конъюнктива (во 2-м лице) и будущего времени гегского типа (во 2-м лице).

Наряду со значением просьбы, названное выше формульное выражение в определенном контексте может иметь значение завещания. Последнее появляется в условиях сакральной коммуникативной ситуации. Сакральной в эпических песнях является ситуация, в которой богатырь находится (оказывается) перед скорой (близкой) смертью, — из-за тяжелых смертельных ран, полученных в бою, или перед казнью в стане врага.

Отмеченная ситуация наступает для героя внезапно, он к ней не готовился, не обдумывал предварительно слова, он произносит то, что для него является безусловно главным. Завещание героя, произнесенное в такой переходный момент его жизни, осознается им как возможность выразить его «последнюю волю».

Наряду с названной ситуацией, которую можно обозначить как героическая, в текстах песен представлены ситуации и с другими персонажами, не-богатырями, попавшими в трагическую коллизию и принимающими решение уйти из жизни. Эти персонажи также оставляют свои завещания.

В других, не-сакральных коммуникативных ситуациях сочетание *amanet* с глаголом *lë* ‘оставлять’ выражает значения просьбы, поручения.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением значения завещания, которое оставляют и герои, и не-герои эпического повествования.

Завещания богатырей

Завещание Муйо

Муйо — главный богатырь, самый сильный и непобедимый, дружинники считают его своим предводителем. У Муйо есть маленький сын Омер, которого отец готовит к такому же воинственному промыслу. Собираясь в поход, Муйо велит своей жене дать им с собой еды: *me uj prej bunarit* ‘с водой из колодца’ для него самого, *me lang prej sheqerit* ‘с сахарной водой’ для Халиля и *me tamël prej gjiut* ‘с грудным молоком для Омера’. Отметая возражения жены, Муйо говорит, что должен успеть научить сына военному делу: *n'bjeshkë sot un po due me dalë, / ndoshta e kam exhelin me dekë / e pa zanat Omeri po m'jet* (30: 19–21) «Сегодня я собираюсь выйти в горы, / может быть, мне судьба умереть / и без ремесла останется у меня Омер».

В других песнях сын Муйо еще только должен родиться, но мысли о сыне и его будущем — вот что главное для героя в его последний час. Муйо ранен в жестоком сражении в горах и, чувствуя скорое приближение смерти, произносит свое последнее желание:

— *A merr vesht, Arnaut Osmani?
Ma i pari shoq ti mke qillue,
amanet ty po ta la,
armë e petka n'shpi me m'i çue,
me ma çue gjogun e mejdanit,
se e kam lanë nji nuse me barrë
e me dashtë zoti nji djalë me m'ja falë,
armë e petka gatshëm qi t'i gjejë.* (33: 21–28);

«— А знаешь, Арнаут Османи? / Самый первый друг ты у меня, / просьбу (завещание) тебе я оставляю, / оружие и одежду отвези мне домой, / отведи богатырского коня, / потому что я оставил дома жену в тягостях / и, даст Бог, родится у меня сын, / оружие и вещи будут [для него] готовы».

Муйо завещает сыну своего коня и одежду (это «вещное» наполнение завещания), но передает завещание через своего друга, к которому обращается со словами *amanet ty po ta la*, «[последнюю] просьбу тебе оставляю», что фактически и означает «завещаю тебе». Уповая на Бога в надежде, что родится сын, продолжатель рода, Муйо своим завещанием назначает его также и как будущего наследника. Здесь Муйо выступает не только как любящий отец, но и как глава семьи.

Завещая Арнауту Османи реализацию своего завещания относительно сына, Муйо доверяет другу самое ценное, что только может быть. Драматизм ситуации, однако, усиливается тем обстоятельством, что «первый друг» оказывается вовсе не друг, — это алчный и злобный человек, заявляющий умирающему Муйо, что сам воспользуется его имуществом, и желающий ему рождения дочери.

С аналогичной просьбой-завещанием обращается Муйо к своим товарищам и в другой песне, где завещаются те же вещи, лишь обозначаемые лексически по-иному: *petka* ‘вещи’ заменяется на *tesha* ‘то же’, *me barrë* ‘беременная’ (букв. ‘с грузом’) заменяется турцизмом *uzër* ‘то же’ (62: 70–76).

Оружие, боевой конь и снаряжение представляли главную ценность⁴ и личную собственность богатыря, потому что они позволяли герою быть доблестным в бою и прославиться. Именно эти вещи и завещает Муйо своему сыну Омеру.

Завещания Омера

В текстах песен представлены три варианта завещания Омера, существенно различающиеся и содержательно, и по объему, при этом во всех сохраняется один общий элемент. Сын Муйо, юный Омер, не смотря на свой малый возраст, в бою проявил себя как настоящий богатырь, храбрый, стойкий и находчивый, победивший превосходивших его по числу недругов-славов. После сражения на обратном пути домой герои вышли на высокую гору и здесь Омер попросил остановиться, потому что от полученных ран душа его вот-вот покинет тело, и он хочет оставить завещание.

Омер просит не говорить матери, не говорить его невесте о том, что он умер, а сказать им, что он остался у дяди. Просьба

⁴ Известна любовь и особое отношение албанцев к оружию. В одной из исторических песен герой по имени Халит Дука смертельно ранен в бою с турками. Он обращается к товарищу с просьбой: *Çomia nanës i' amanet, ..., çomia pushkën me gjith rreth* (Visaret e kombit, X. Tiranë, 1944, с. 121) ‘отправь моей матери одну вещь [на память], ..., отправь ей [мое] ружье с патронташем’. Как отмечают издатели текста, самое ценное и святое, что герой может (просит) послать своей матери с поля битвы — *pushkën me gjith rreth* это ружье и патронташ; для нее они будут «самым святым напоминанием» (*kujtimi më në shenjë*) о ее сыне. Вообще у албанских горцев эти предметы часто являются своего рода «богатырским» украшением жилища.

Омера понятна — он не хочет никого огорчать своей смертью, потому что он любит своих близких и потому что он способен к сопереживанию. Соккрытие правды от близких составляет содержание завещания в песнях № 30 и № 42, имеющих одинаковое название «*Deka e Omerit*» («Смерть Омера»). Нежная любовь Омера к матери, понимание той боли, которую принесет ей весть о гибели сына, более ярко выражена в песне № 30:

*se jam dekë mos me i diftue,
se m'ka dashtë e nis me vajtue,
se m'ka dashtë e nis me mjerue,
me mjerue e vorrin tuj ma lypë* (30: 155–158)

«О том, что я умер, ей не говорите, / потому что она любила меня и начнет плакать, / потому что она любила меня и будет несчастна, / будет горевать и могилу мою искать»⁵.

В песне «*Vdekja e Ymerit të Mujit*» («Смерть Омера, сына Муио») завещание Омера отличается от двух других и содержательно, и по объему (13 стихов против 4 и 7). Главная тема здесь — конь Омера, и это становится понятно, если вспомнить о замечательных качествах эпического коня и о его роли как друга и помощника богатыря. В этой теме коня существенны три распоряжения Омера: как похоронить его самого, как содержать коня и как устроить раз в году их встречу. Приведем этот отрывок полностью:

— *Nji amanet, Mujo, jam tuj ta lanë:
t'ma punojsh mue nji vorr të gjanë,
doren jashtë, Mujo, ke me ma lanë,
gjogun tem në burg ke me ma mbyllë
e përjashta kurr mos m'e qitë
e në vend t'ebit oriz ke me i dhanë,
në vend t'ujit venë ke me i qitë me pijë,
një herë në vjetë te vorri me ma pru,*

⁵ Эти же человеческие чувства любви к близким и нежелание приносить им страдания видим и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Завещание». Здесь умирающий от ран солдат просит своего товарища не говорить его родителям правды о гибели их сына: «*Признаться, право, было б жаль / Мне опечалить их; / Но если кто из них и жив, / Скажи, что я писать ленив, / Что полк в поход послали / И чтоб меня не ждали*». Цит. по: Лермонтов М. Ю. Полное собр. сочинений. Т. 1. М.-Л.: ОГИЗ, 1947. С. 69–70.

*sall un kamben me dorë me ja zbunue,
por gjogun mos ma len me hingllue,
se me shqelma vorrin ka me ma rrahë,
ka më dijë se mbrendë un këtu kam hi (70: 175–186)*

« — Завещание, Муйо, я тебе оставляю, / сделай мне просторную могилу, / [одну] руку мою, Муйо, оставь снаружи, / коня моего в стойле запри / и [чтобы] наружу его никогда не выводить, / и вместо ячменя давай ему рис, / вместо воды давай пить вино, / один раз в году приводить его к моей могиле, / только бы мне рукой погладить его ногу, / но не позволяй коню ржать, / ведь станет бить копытом по могиле, / поймет, что я сюда внутрь вошел».

Первые два стиха сразу вызывают в памяти многочисленные на Балканах легенды о замуровывании человека при строительстве какого-либо здания (крепости, церкви) или моста (Sako 1966; из сравнительно недавних работ см., например, Murtezani 2012). В албанских легендах часто замуровывают молодую женщину, имеющую маленького ребенка. Женщина просит оставить снаружи её правую руку, чтобы приласкать ребенка, правую грудь, чтобы покормить его молоком. Эти легенды указывают на мифологическую основу представлений о так называемой строительной жертве, которая делает возводимое строение прочным.

Текст завещания Омера построен таким образом, чтобы вызвать у слушателя ассоциации с хорошо известным ему завещанием героини легенд о замуровывании. Эти ассоциации вызывают в памяти образ человека, который и после своей смерти продолжает заботиться о близком и родном ему существе, хочет коснуться его и приласкать.

Последующие стихи текста завещания, касающиеся того, как содержать коня и чем кормить, представляют собой типичные формульные клише, которые часто используются при описании богатырского коня. Далее следует трогательная просьба о свидании с конем — хотя бы раз в году прикоснуться к нему, и выражается беспокойство — как бы конь не понял, что его хозяин в могиле.

Завещание Омера — это естественное движение души человека чуткого и доброго, способного на сострадание. Отметим кстати, что в речи Омера используется глагол *zbunoj* ‘уговаривать по-доброму, ласкать, баловать’, совершенно не характерный для языка албанского эпоса, изобилующего «суровой» лексикой, а также пожеланиями блага и зла и проклятиями.

Завещание Дердь Элез Алийи

Песни о Дердь Элез Алийе составляют отдельный небольшой цикл, существующий параллельно с циклом о братьях Муйо и Халиле. В этих песнях Дердь Элез Алийя, предстает как защитник родной земли и как символ братской верности⁶.

Девять лет он изнемогает от девяти ран на теле, и только его сестра день и ночь преданно ухаживает за ним, омывая раны своими слезами, осушая кровь своими волосами. Но молва донесла, что *i' baloz i zi â dalëe prej detit* ‘черный балоз с моря появился’, который наложил на страну тяжелую дань, а с каждой семьи требует присылать ему по одной девушке. Когда дошла очередь до героя, он встал со смертного одра и вышел на поединок с морским чудищем. В словесной дуэли, предшествующей схватке, Дердь Элез Алийя заявляет: ... *ne t'parët nji kanu na kanë lanë*: / “*Armët ma dhanë përpara e mandej gjanë, / kurr balozit motrën mos m'a dhanë, / për pa u pre n' at fushë e mejdanit!*” (5: 134–137) «Предки нам оставили правило (букв. закон): / “лишиться сначала оружия, а потом уж добра, / никогда не отдавать балозу сестру, / пока не сразишься с ним на поле поединка”». Это означает, что правила **кануна** наш герой воспринимает как *заветы предков*, которыми он руководствуется в своем поведении. Эти заветы — защищать свою землю и богатство, защищать личную честь — уже сформулированы в Кануне, они всем известны, именно ими руководствуется герой.

Дердь Элез Алийя побеждает зло и насилие, воплощенные в фигуре байлоза, потому что опирается на *tërë idealin e shoqërisë së kohës* «нравственный идеал общества своего времени» (Shala 1983: 237). Но герой умирает после победы, умирает и сестра у него на руках. Их хоронят в одной могиле, на которой воздвигают каменную насыпь, а в изголовье сажают липу.

Перед смертью Дердь Элез Алийя собирает всех своих товарищей и объявляет им :

⁶ Этот легендарный персонаж, «храбрец из храбрецов», встречается также в эпической поэзии и литературе Боснии и Герцеговины и Косова. Имеются исследования, в которых авторы (см.: Elsi 2001) соотносят эту фигуру с исторической личностью XV в. Гюрцем Ильясом (Gürz Ilyas).

— *Pa ndigjoni, more shokët e mij!*
Falë u kofshin sarajet e mija!
Falë u kofshin tanë paret e mija!
E u koftë falë krejt malli e gjaja e shpisë!
Amanet motra e Gjergj Elez Alisë! (5: 156–162);

« — Послушайте, мои товарищи! / Подарены да будут вам дворцы мои! / Подарены да будут вам все деньги мои! / Подарено да будет вам все богатство [моего] дома и скот! / Препоручается [вам] сестра Дердь Элез Алийи?»

Такова предсмертная воля героя: имущество свое он завещает = дарит товарищам, и сестру — завещает = препоручает им же.

Разное предметное наполнение завещания оформлено по-разному: и лексически, и синтаксически. Материальные ценности (движимое и недвижимое имущество) здесь именно дарятся, что выражается сложным предикатом — причастие от глагола *fal* ‘(по)дарить’ и оптатив от глагола *jam* ‘быть’. Напомним, что глагол *fal* использовался Шт. Гечовым для обозначения понятия завещание. Вторая завещаемая ценность, отнюдь не материального характера, это сестра героя, в отношении которой употреблено слово *amanet*, звучащее в данном контексте как «заклинаю, берегите!».

В данном фрагменте обнаруживается еще одна особенность. В тексте собственно завещания видим своеобразное сочетание элементов перволичного повествования (притяжательное местоимение *e mij/e mija* ‘мой’) с элементами повествования от 3-го лица, а в последней строке дано сообщение о себе в третьем лице (прием остранения). Последнее позволяет объяснить необычный синтаксис этой строки: *Amanet motra e Gjergj Elez Alisë!*, где существительное *motra* стоит в именительном падеже. В случае речи от 1-го лица ожидалось бы *amanet motrën*, как в названной выше модели 2.

Использование приема остранения, несомненно, усиливает эмоциональное звучание этого завещания, напоминая о том, что препоручается заботам друзей сестра не кого-нибудь, а именно Дердь Элез Алийи, прославленного героя. Заметим, что феномен остранения довольно характерен для албанской речевой коммуникации.

То, что главным для Дердь Элез Алийи является забота о сестре, вполне соответствует нормам патриархального общества, в котором женщина находила защиту, прежде всего, у своих кровных родственников — отца и брата, при этом брат всегда оставался самым близким человеком и заступником.

Завещания других героев (не-богатырей)

Завещания появляются в некоторых песнях, в которых повествуется о трагической судьбе влюбленных, насильно разлученных по воле матери жениха. В песне «Çika Potureshë» («Девушка Потуреша») влюбленные поклялись, что когда им исполнится по пятнадцать лет, они вместе пойдут под венец. Но мать сосватала Хасана без его ведома, и его собственная свадьба началась для него неожиданно. Оставшись наедине с невестой в комнате для новобрачных, Хасан пишет письмо со своим завещанием и просит невесту передать утром это письмо его матери, а сам ударяет себя в грудь ножом и *jetë djali shpejt ka ndrrue* (46: 125) «и тотчас юноша умер (букв. жизнь переменял)».

О чем же пишет в своем завещании этот совсем еще молодой человек? Какова его последняя воля?

Для него важны две вещи: первое — это сама свадьба и ответственность перед пришедшими на нее гостями, второе — это желание распорядиться о собственных похоронах.

Хасан просит *aspak dasmen thot-e mos m'e ndalë, / muhabetin hiç-e mos m'e çartë / e dajre e kang-e aspak mos me i dalë* (46: 158–160) «Никак свадьбу, говорит, не останавливать, / беседу нисколько не разрушать / и бубны и песни не останавливать».

Хорошо известно, что в патриархальном обществе неукоснительно выполняются все установления, которые организуют и регламентируют общественную жизнь, а также так называемые обряды перехода, в которые входит и свадьба. Все этапы свадебного ритуала детально прописаны и должны неукоснительно исполняться: «Ничто не может помешать поезжанам отправиться в путь, даже смерть, случись она в родительском доме жениха или невесты» (Канун: § 44). Понятно поэтому, что Хасан прежде всего не хочет, чтобы его смерть нарушила уже начавшийся свадебный ритуал и огорчила гостей, не хочет тем самым потерять лицо.

Чувствуя себя невольным виновным в нарушении клятвы и оставаясь верным своей девушке Потуреше, Хасан хочет побыть возле нее после своей смерти. Он завещает своим товарищам не удаляться: пусть *t'gjith-e me m'percjellë* «все проводят меня», и пусть *n'dhe me m'shtimun n'lagjen Potureshë* (46: 163–164) «Положат меня на землю в квартале [у дома] Потуреша».

Узнав о смерти любимого, девушка тоже кончает с собой и просит похоронить ее вместе с Хасаном в одной могиле. Так

молодые люди могли бы соединиться и быть рядом хотя бы после смерти, но по злой воле матери Хасана этому не бывать. Она завещает имамам похоронить себя между молодыми в одной с ними могиле и тоже кончает с собой. Над головой молодых выросли гвоздика и роза, над головой матери — шиповник, и как бы ни хотели цветы соединиться, не дает им этого колючий шиповник.

Завещание Хасана отражает как его личные качества — желание остаться верным данному слову, так и понимание им своей роли как социального лица — стремление соответствовать принятым в обществе нормам поведения.

Выводы

Все четыре рассмотренные завещания существенно разнятся между собой, как разнятся и оставляющие эти завещания герои.

Для Муйо, первого богатыря в дружине, главным является желание, чтобы богатырство как образ жизни продолжилось в его сыне, и чтобы род не прерывался.

Для Дердь Элез Алийи важен общественный смысл его поединка с чудищем-байлозом — защита своей земли и имущества, защита личной чести. Такую патриотическую задачу завещали ему предки. Этим определяется поведение Дердь Элез Алийи как образцового члена общины. Как человек он обнаруживает щедрость (дарит свое богатство товарищам) и братскую заботу о сестре (завещая друзьям заботиться о ней).

Для юного Омера на первом месте оказывается нравственный момент — чисто человеческие чувства любви и сострадания к ближним, нежность и чуткость сына, а также забота о верном друге-коне.

Для Хасана важно сохранить слово верности, данное любимой девушке, но так же важно не нарушать принятые в обществе правила, не причинить невольно обиды своим гостям.

Таким образом, все завещания, за исключением завещания Омера, вполне реалистичны, они касаются практических жизненных целей — вырастить сына, распорядиться своим богатством, доверить сестру надежным друзьям, проявить уважение к гостям и доказать любимой девушке свою верность.

Завещание Омера, напротив, построено на сочетании реальных человеческих чувств и мифологической веры в загробную жизнь.

Мастерство неизвестных рапсодов индивидуализирует каждого из этих персонажей, но в то же время с любовью рисует их благородными в последний момент их жизни.

Индивидуализация эта, однако, укладывается в рамки того, что мы и ожидали от наших героев, соответствует созданным типическим образам. Эпические герои совершают необыкновенные подвиги, обладают сверхъестественными качествами, но в завещаниях проявляют себя как обычные люди, их волеизъявления естественны, понятны и ожидаемы читателем. В этом можно видеть проявление феномена, обозначаемого термином «эпический реализм», по которому «герои и героини в героической поэзии — не идеальные образы, а типы» (Steblin-Kamensky 1984).

* * *

Рассмотренные фрагменты текста эпических песен представляют собой завещания, маркерами чего являются вводящие их словосочетания *amanet juve po ua la* «оставляю вам завещание» и контекст, указывающий на сакральный характер ситуации. Этим условиям, однако, недостаточно для того, чтобы употребление названной конструкции можно было бы однозначно интерпретировать как завещание. Необходимо, чтобы сам говорящий осознавал свои слова как свою последнюю волю. При отсутствии такого осознания даже в условиях сакральной ситуации произносимый текст может быть проявлением страстной мольбы, горячей просьбы, но не завещания, как об этом свидетельствует следующий пример.

Amanet ta paça lanë —

‘умоляю’ (букв. завещаю) в сакральной ситуации

В песне «Martesa e Halilit» («Женитьба Халилия») герой попадает в крайне опасную ситуацию: он находится в плену у краля в г. Новые Которы и его должны казнить. Городская площадь полна народом, все смотрят на закованного в кандалы Халилия, которому дана возможность сказать последнее слово. Он поет песню «на языке предков», в которой напоминает солнцу и знам, что они обещали ему свое покровительство. Со страстной мольбой обращается он к солнцу:

A po m'gjegjesh, more diell? «Слышишь ли ты меня, о солнце?
Pash njat dritë, qi t' lakron n'ballë, Заклинаю этим светом, который
сверкает у тебя на челе,
amanet ta paça lanë, просьбу тебе оставляю,
amanet për t' mbramen herë! просьбу в последний раз!
Kërkoe bjeshkën krep e m'krep, Обыщи ты горы от скалы до скалы,
kërkoi mризet gjithku janë, обыщи лужайки везде, где только есть,
ndezi ashtat anemanë, зажги леса буковые со всех сторон,
zirjau gjumin orve n'mal, пробуди ото сна горных ор,
zanë s'madhe falëmeshndet, главной зане поклон,
thuej: "Halili qetash mbet!" скажи ей: "Халиль сейчас пропадает!"»
(4: 611–620)

При внешней схожести ситуации и текста с рассмотренными выше примерами, в данном случае перед нами не завещание, а просьба, но просьба, которой трудно отказать. Завещание и просьба, оба эти речевые акта принадлежат сфере императивности, но между ними имеются существенные различия. Завещание как бы подводит черту под прожитой жизнью, оно в некотором смысле абсолютно и, по общепринятому мнению, должно неукоснительно исполняться. Напротив, просьба определяется конкретными обстоятельствами, она может быть выполнена, но может и не выполняться, но главное — излагающее просьбу лицо о ж и д а е т реакции на свою просьбу, строит планы на перспективу и надеется на будущее. Именно это и характерно для Халилия в его казалось бы безвыходном положении.

Литература

- Desnitskaya, A. V. 1983: To the study of monuments of customary law. *Voprosy yazykoznanija* 4, 64–74.
Десницкая, А. В. 1983: К изучению языка памятников обычного права. *Вопросы языкознания* 4, 64–74.
Stebelin-Kamensky, M. I. 1984: *Mir sagy. Stanovleniye literatury*. [Saga world. The formation of Literature]. Leningrad: Nauka.
Стеблин-Каменский, М. И. 1984: *Мир саги. Становление литературы*. Л.: Наука.
Ashta, K. 2009: *Leksiku historik i gjuhës shqipe*, V. Shkodër: Botimet Camaj — Pipa.
Çabej, E. 1976: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*, II. Tiranë.
Çabej, E. 1996: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*, IV. Tiranë.
Elsi R. 2001: *A dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture*. New York University Press.
Epika — *Folklor shqiptar*, II. *Epika legjendare, vëll. i parë*. Tiranë, 1966.

- Fjalor 1981: *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Prishtinë: Rilindja, Redaksia e botimeve.
- GRE: 2008: *Great Russian Encyclopedia*: [in 35 v.], v.10. Editor-in-chief Yu. S. Osipov, Moscow.
- БРЭ: 2008: *Большая российская энциклопедия*: [в 35 т.], т. 10. Гл. ред. Ю. С. Осипов. М.
- Kanun. 1933: *Kanuni i Lekë Dukagjinit (veper postume) permbledhë e kodifikue prej Shtjefen Konst.* Gjeçov. Shkoder.
- Kanun. 1972: *Kanuni i Lekë Dukagjinit. Përmbledhur dhe kodifikuar nga Shtjefën Gjeçovi. Me biografi dhe parathënje të Prof. dr. Syrja Pupovcit*. Prishtinë: Enti i teksteve dhe i mjeteve mësimore i KSAK.
- Murtezani, I. 2012: Baladat popullore me tematikë të flijimit. *Aktet V, 4. Journal of Institute Alb-Shkenca*. Revistë Shkencore e Institutit Alb-Shkenca, 665–671.
- Pašić, E., Pašić D. *Zakonik Leke Dukadinija: Pitanje kodifikacije Štjefena Konstantina Đecovija*. DOI: 10.5281/zenodo.3235281
- Pupovci, S. 1972: Kanuni i Lekë Dukagjinit (Origjina, zhvillimi dhe karakteristikat). *Kanuni i Lekë Dukagjinit. Përmbledhur dhe kodifikuar nga Shtjefën Gjeçovi. Me biografi dhe parathënje të Prof. dr. Syrja Pupovcit*. Prishtinë: Enti i teksteve dhe i mjeteve mësimore i KSAK, XVII–CX.
- Sako, Z. 1966: Éléments Balkaniques communs dans le rite de la Balade de l’Emmurement. *Studia Albanika*, 1966/2. Tiranë, 208–213.
- Shala, D. 1983: Këngët mbi Gjergj Elez Alinë. *Letërsia popullore*. Universiteti i Kosovës. Prishtinë, 236–239.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipe*. Tiranë.

Е. А. Забелина

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
windmill161@gmail.com

О ФОРМИРОВАНИИ КАРИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ХИНДИ С АДЛОГОМ *BINĀ* ‘БЕЗ’

В статье рассматривается каритивная конструкция хинди с адлогом *binā* ‘без’ в диахронической перспективе. Проанализированы факторы формирования двух свойств, выделяющих *binā* из всех других исконных адлогов: (1) варьирование линейной позиции с зависимым и (2) возможность сочетания *binā* с особой отглагольной формой для выражения отрицания добавочного действия. Предложен возможный путь закрепления структурных свойств каритивной конструкции с учетом внутриязыковых предпосылок (свойств индоарийской грамматической системы), общетипологических процессов (аналогическое выравнивание) и внешнеязыковых факторов (контактное влияние фарси).

Ключевые слова: адлог, каритив, диахрония, конверб, грамматикализация, морфосинтаксис, хинди, индоарийские языки.

Е. А. Zabelina

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. windmill161@gmail.com

On the shaping of the Hindi caritive construction with the adposition *binā* ‘without’

The paper is dedicated to the most prominent structural features of the caritive adposition *binā* ‘without’ in Hindi: (1) alternating linear order with its dependent and (2) compatibility with a unique verboid derived from the oblique participial form, whereas the majority of other adpositions in the language are strictly postpositive and only combining with infinitives. The research is aimed at the analysis of the emergence of both features; in particular, the influence of the contact language (Persian) and general typological properties of the grammaticalization process (analogical levelling) are proposed as major factors shaping the peculiarity of the adposition *binā* in modern Hindi.

Keywords: adposition, caritive, diachrony, converb, grammaticalization, morphosyntax, Hindi, Indo-Aryan languages.

Адлог *binā* с каритивным значением (‘без’) в синхронии обладает несколькими структурными особенностями, не свойственными другим адлогам современного литературного хинди (< (ново)индоарийские < индоиранские < индоевропейские).

Первая особенность *binā* связана с его линейной позицией относительно зависимого: при общем преобладании в хинди послелогов, что согласуется с базовым порядком SOV, *binā* — один из немногих адлогов, который может выступать как в качестве послелого, так и в качестве предлога. Конструкции $X=ke$ *binā* и *binā* $X=ke$ ‘без X-а’ семантически эквивалентны¹. Такая факультативная инверсия характерна для нескольких послелогов хинди, заимствованных из фарси², однако *binā* является унаследованным адлогом, так что в этом случае возможность инверсии требует объяснения.

Вторая особенность *binā* заключается в образовании особой конструкции с вербоидом, соотносимым с формой косвенного падежа перфективного причастия³.

- (1) *ye* [*binā tūṭe*] *mur*
 эти без ломаться.VN.OBL⁴ гнуться
saktī *hāi*
 мочь.PTSP.IPFV.F PRS.PL
 ‘Эти могут гнуться, [не ломаясь]’
 (HNCLCC⁵: <https://www.aajtak.in>, collected on 16/12/2022).

Данная конструкция широко используется для отрицания добавочного действия, что «встраивает» адлог *binā* в сложную систему выражения отрицания в хинди. Другие адлоги хинди используются с инфинитивом, но для *binā* такое употребление неграмматично.

Цель данной работы — проследить влияние этих факторов на формирование особенностей каритивной конструкции с

¹ Распределение постпозитивной и препозитивной конструкций — отдельный сюжет, выходящий за рамки данной статьи. По нашим предварительным данным, линейная позиция адлога может коррелировать с информационной структурой.

² Среди других адлогов, допускающих инверсию, называют также *māre* ‘из-за’, *sivā(y)* ‘кроме’, *alāvā* ‘помимо’, *bagair* ‘без’, *bajāy* ‘вместо’: все арабо-персидского происхождения (McGregor 1986: 149).

³ Распределение постпозитивной и препозитивной конструкций — отдельный сюжет, выходящий за рамки данной статьи. По нашим предварительным данным, линейная позиция адлога может коррелировать с информационной структурой.

⁴ В пределах данной работы отглагольная форма, сочетающаяся с *binā*, будет глоссирована как VN — verbal noun, однако это не является общепринятым обозначением и не претендует на такой статус.

⁵ Здесь и далее примеры, взятые из корпуса, транскрибированы, глоссированы и переведены мной (E.3.) по стандартным для индологии принципам записи: см., например, (Masica 1991: xv).

именными группами (раздел 1) и отглагольными формами (раздел 2). Основные выводы представлены в Заключение (раздел 3)

1. Диахроническое развитие свободной линейной позиции *binā* 'без' в сочетании с именными группами

1.1. Развитие именной морфологии и становление послелогов в новоиндоарийских идиомах

Некоторые факторы формирования необычных свойств каритивного адлога можно проследить до среднеиндийского и даже древнеиндийского периодов⁶.

На самом раннем засвидетельствованном этапе существования индоарийских языков, в ведийском, неизменяемые служебные слова представляли собой разнородный, плохо дифференцированный класс. Элементы, к которым восходят адлоги более позднего периода, были слабо грамматикализованы. Часть из них представляла собой «префиксы-наречия»: семантически соотносенные с предикатом, но морфологически не связанные с глагольной словоформой.

- (2) *yatrā* *naraḥ* *saṃ* *ca*
где.REL_P мужчина(M).PL.NOM с ADD
vi *ca* *dravanti*
раз ADD бежать.PRS.3PL
'Где мужи сбегаются и разбегаются...' (RV 6.75.11, цит. по (Elizarenkova 1982: 262), глоссы мои (Е.З.))

Некоторые префиксы-наречия одновременно выступали и в функции квазиадлогов при именах (Elizarenkova 1982: 132).

Другие предшественники адлогов были производными, грамматикализованными из застывших падежных форм имен. Имена при таких квазиадлогах употреблялись в семантически близких к ним падежах, так что адлог выполнял скорее вспомогательную функцию, уточняя или усиливая уже выраженное значение.

⁶ Древнеиндийский, среднеиндийский и новоиндийский периоды условно соответствуют 1500 до н. э. — 600 до н. э., 600 до н. э. — 1000 н. э. и 1000 н. э. — настоящее время (Masica 1991: 51). Древнеиндийский период представлен ведийским языком, эпическим и классическим санскритом, среднеиндийский — пракритами и апабхрانشа, новоиндийский — новоиндоарийскими языками. Подробнее о периодизации см. (Носк 2016: 21–22).

С точки зрения линейного порядка, квазиадлоги обычно были в постпозиции к имени, но могли и предшествовать ему: богатая флективная грамматическая система позволяла достаточно свободный порядок слов (Elizarenkova 1982: 257).

Лексема *vinā*, соответствующая *binā* в хинди, засвидетельствована впервые в древнеиндийском периоде⁷. Она восходит к элементу *vi-*, «префиксу-наречию», обозначающему удаление, распространение во все стороны, различие, отрицание/лишительность⁸ (Elizarenkova 1982: 262; Monier-Williams 1899: 949), и, предположительно, к инструментальному суффиксу *-nā* (Monier-Williams 1899: 969).

Инструментальные формы имен — один из обычных источников грамматикализации адлогов в санскрите. Так, один из основных комитативных послелогов ведийского был грамматикализован, по-видимому, по структурной схожей модели: *sac-ā* < **sok*^w-*oh*₁ ступень чередования *o* от корня **sek*^w ‘следовать’ с инструментальным суффиксом *-ā*. (Hewson, Bubenik 2006: 350). Таким образом, с точки зрения этимологии, *vinā* можно трактовать как производный адлог, хотя путь его грамматикализации и не вполне ясен.

Инструментальные формы имен — один из обычных источников грамматикализации адлогов в санскрите. Так, один из основных комитативных послелогов ведийского *sacā* ‘(вместе) с’ был грамматикализован, по-видимому, по структурной схожей модели: *sac-ā* < **sok*^w-*oh*₁ ступень чередования *o* от корня **sek*^w ‘следовать’ с инструментальным суффиксом *-ā*. (Hewson, Bubenik 2006: 350). Таким образом, с точки зрения этимологии, *vinā* можно трактовать как производный адлог, хотя путь его грамматикализации и не вполне ясен.

В ведийском эта лексема еще не была полноценным квази-адлогом: *vinā* встречается всего считанное количество раз в поздних текстах ведийского канона (AV, ŚB, Mn — Monier-Williams 1899: 969), ее синтаксический статус и семантика при этом не позволяют однозначно отнести ее к адлогам. Но в эпическом и классическом санскрите эта лексема становится более

⁷ См. также в хотаносакском: *vina* ‘без’ (Mayrhofer 1956: 213).

⁸ Отмечены также употребления *vi-* в качестве первого элемента сложных слов со значением отрицания или отсутствия: *vi-kaccha* ‘без болотистых берегов’ <про реку>, от *kaccha* ‘болотистый берег’, однако в этой функции в нормальном случае употреблялись другие специализированные префиксы *a-*, *nir-*, *nis-* (Monier-Williams 1899: 949).

употребительной⁹, встречается наравне с ведийским каритивным квазиадлогом *ṛte* ‘кроме’, ‘без’ и используется несомненно в качестве адлога, при имени (Whitney 1879: 366).

- (3) *rāmaṃ vinā kṣaṇam api*
 Рама(М).SG.ACC без миг(М).SG.ACC даже
na hi jīvāmi b'ūtale
 NEG ведь жить.PRS.1SG поверхность_земли(Н).SG.LOC
 ‘Ведь без Рамы я не проживу на земле ни мгновения’
 (R 3.43.24).

Выбор падежа зависимого в ведийском был связан с семантикой. Так, использование аблатива характерно для контекстов отделения, удаления, к примеру, при квазиадлогах *avas* ‘вниз от’, *purā* ‘до’, ‘раньше’, ‘от’, и, в том числе, при каритивном квазиадлоге *ṛte* ‘кроме’, ‘без’. Инструменталис был связан, помимо прочего, со значениями сферы соупствия, содействия и употреблялся, в частности, с такими квазиадлогами как *saha*, *satrā* ‘с’ (Elizarenkova 1982: 263).

Именная группа, зависящая от *vinā*, в древнеиндийских источниках оформлена различными падежами: аккузативом, аблативом, или инструменталисом¹⁰, иногда даже в пределах одной шлоки¹¹:

- (4) *na śauriṇā vinā pārtho*
 NEG Шаури(М).SG.INS без Партха(М).SG.NOM
na śauriḥ pāṇḍavaṃ vinā
 NEG Шаури(М).SG.NOM пандава(М).SG.ACC без
 ‘Партха не может (жить) без Шаури, а Шаури — без пандавы’
 (Mbh 2.18.14)

Такая вариативность косвенно свидетельствует о постепенной десемантизации падежей, продолжившейся в среднеиндий-

⁹ Так, в Махабхарате *vinā* встречается 76 раз, а ведийский каритивный адлог *ṛte* — 197, тогда как в Рамаяне *vinā* встречается 88 раз, а *ṛte* всего 16.

¹⁰ Ср. лексемы, обозначающие разделение, расставание: они также обычно употреблялись с именами в аблативе, но иногда и с именами в инструменталисе: *vatsāir* [теленки(М).PL.INS] *vīyutāḥ* ‘разлученные со своими телятами’ (Whitney 1896: 95). Употребление инструменталиса может объясняться аналогическим выравниванием по комитативным адлогам, образующим смысловую оппозицию с каритивным адлогом (Whitney 1896: 95; Faddegon 1963 [1936]: 24).

¹¹ Шлока — базовая метрическая единица эпического санскрита.

ский период и разрешившейся в новоиндийских бинарной оппозицией прямого и косвенного падежей. Однако связь каритивного адлога с инструменталисом закрепилась и сохранялась на протяжении всего периода существования исходной индоарийской падежной системы.

Лексемы, восходящие к *vinā*, засвидетельствованы в среднеиндийских языках, литературных праkritах и апабхрэнша, с небольшими фонематическими вариациями: *viṇa/ viṇā /viṇu* и т.п. (Oberlies 2005: 32). Система фузионных падежей в этот период сократилась с семи до четырех-пяти, но ассоциация каритивного адлога с инструменталисом не утратилась; см. к примеру, в литературном праkritе махараштри: *taiṅ viṇā* [2SG.INS без] 'без тебя' (Khoroché, Tieken 2009: 382), *tameṇa viṇā* [темнота.INS без] 'без темноты' (Ollett 2021: 6). В апабхрэнша каритивный адлог *viṇu* стал использоваться в основном с именами в инструменталисе, аналогично комитативным конструкциям (Hewson, Bubenik 2006: 120). В рукописи поэтических текстов, приписываемых Кабиру¹², *bina/binā*, соответствующий древнеиндийскому *vinā*¹³, встречается преимущественно с именами в общекосвенном падеже-обликвусе, но даже в тот период засвидетельствованы употребления этого адлога с архаичными формами уже утраченного к тому времени инструменталиса (Strnad 2013: 360).

Со временем грамматическая система языка менялась, происходило не только ослабление семантики падежа, но и увеличение семантического «веса» адвербиальных элементов, а также постепенное закрепление порядка слов (Hewson, Bubenik 2006: 112). Соответственно, квазиадлоги постепенно грамматикализовались в полноценные послелогии, управляющими именными группами.

¹² Кабир предположительно жил в XV веке, однако тексты циркулировали несколько столетий в устном виде до того, как была составлена данная рукопись. Язык рукописи неоднороден и отражает диалектную картину новоиндоарийских диалектов Северной Индии (Strnad 2013: 11).

¹³ Переход др.-инд. /v/ > /b/ характерен для центральных и восточных новоиндоарийских языков. В средневековый период диалектная основа хинди менялась вслед за перемещающимися центрами развития литературы, что объясняет наличие «восточных» черт в современном хинди (ср. санскрит. *vivāha* > хинди *byāh* 'брак, женитьба') (Zograf, Oranskaja 2011: 53).

Несмотря на ослабление падежа, порядок элементов в конструкции с адлогом достаточно долго оставался гибким¹⁴. Так, в апабхрانشа встречаются употребления в пост- и препозиции: *paī viṇu* [2SG.INS без] ‘без тебя’, *viṇu hiae* [без сердце.INS] ‘без сердца’ (Hewson, Bubenik 2006: 120). Однако ко времени формирования современного стандартного хинди исконные адлоги закрепились в постпозитивном употреблении, что, вероятнее всего, произошло бы и с адлогом *binā*, если бы на его употребление не оказали влияние внешнеязыковые факторы¹⁵.

1.2 Контактное влияние фарси на линейную позицию *binā*

В новоиндийский период конструкция с каритивным адлогом *binā/binā* в хинди¹⁶ снова обрела полноправный препозитивный вариант. Ключевую роль в этом процессе сыграл, по-видимому, внешнеязыковой фактор: язык фарси, оказавший значительное влияние на лексикон и синтаксис новоиндоарийских языков севера Индии¹⁷.

В отличие от типичных новоиндийских языков, фарси характеризуется правым ветвлением и вершинным маркированием во многих конструкциях: зависимое располагается справа от вершины, которая принимает специальный показатель-

¹⁴ Оценить количественно употребления разного порядка сложно ввиду фрагментарности и вариативности сохранившихся средневековых текстов, а также их жанровой ограниченности: стихотворная форма позволяла большую вариативность порядка слов.

¹⁵ «Грамматические и лексические системы Н.и.я. [Е.З.: *новоиндоарийских языков*] сложились в результате продолжавшихся многие века изменений исходной древнеиндоарийской субстанции под влиянием чрезвычайно интенсивных языковых контактов» (Zograf et al. 2011: 23).

¹⁶ Адлог унаследован и в другие новоиндоарийские языки, такие как бенгали, маратхи, бихари, гуджарати и т.д., однако их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

¹⁷ Персидский язык влиял на индоарийские языки вплоть до нового времени, но самое активное взаимодействие происходило в XIII–XVI вв., когда во времена могольского правления в Индии новоперсидский идиом фарси стал языком двора, образования и учености и оказал большое влияние на новоиндийские языки на различных уровнях (Bashir 2016: 281). В частности, фарси повлиял на формирование литературного урду, грамматически близкого хинди, но лексически ему противопоставленного (Masica 1991: 72).

изафет: АДЛОГ=(y)e ЗАВИСИМОЕ (Korn 2016: 65). В частности, изафетная конструкция лежит в основе сложных производных предлогов, таких как *ba-jā=ye X* [к-место=EZ X] ‘вместо X-а’. Некоторые сложные предлоги фарси были заимствованы в ранний новоиндийский идиом, давший начало современным языкам хинди и урду.

В хинди-урду, исконные сложные адлоги также были образованы по генитивной, или общей атрибутивной модели, но особым образом маркировалось зависимое адлога: ЗАВИСИМОЕ.OBL= $k(e/\bar{i})$ ¹⁸ АДЛОГ. Персидские конструкции со сложными предлогами были адаптированы «переводом» вершинного маркирования в зависимостное, с соответствующим изменением порядка слов: так, персидская экцептивно-каритивная конструкция *bayāyr=e X* [кроме=EZ X] ‘кроме X-а/ без X’ ассимилировалась в хинди-урду как X.OBL= ke *bayair* [X.OBL=ADJZ.M.SG.OBL без].

Однако вдобавок к этому, некоторые заимствованные адлоги развили инновативное «смешанное» употребление по инвертированной модели АДЛОГ ЗАВИСИМОЕ.OBL= ke , сохраняющей зависимостное маркирование, но по порядку элементов ближе соответствующей персидскому оригиналу (Barannikov 1934: 183).

Иногда в результате инвертированного употребления происходили и факультативные лексико-морфологические изменения конструкции: так, X.OBL= ke *sivā* ‘кроме X-а’ в инвертированном употреблении часто превращалось в *sivāe X=ke/ sivāy X=ke*, с конечным элементом *y/e*, напоминающим персидский изафет (Barker 1967: 151).

Позиционная инновация с факультативными структурными изменениями охватила заимствованные адлоги, в основном со значениями контраста: ‘кроме’, ‘вместо’, ‘без’, ‘несмотря на’, и др. (McGregor 1986: 149). По-видимому, формирование регулярной препозитивной конструкции с исконным адлогом *bina/binā* (5) произошло по аналогии, в первую очередь с заимствованной, синонимичной конструкцией с адлогом *bayair*¹⁹ (6):

¹⁸ Атрибутивизирующий формант $k(e/\bar{i})$ в хинди-урду в адложных конструкциях, образованных от существительных, демонстрирует застывшее согласование с этими именами по роду: *e* в мужском роде, \bar{i} в женском.

¹⁹ В хинди также был заимствован синонимичный предлог арабского происхождения *bilā* ‘без’, и приставка *be-* ‘без’ из фарси, что могло

ни у каких других исконных адлогов стабильного препозитивного употребления в современном хинди не отмечается.

- (5) *ab* [binā pāylat=ke]
 теперь без пилот(М).SG.OBL=ADJZ.M.SG.OBL
urēge yātrī₁ vimān₂
 летать.FUT.3PL рейсовый_авиалайнер_{1,2}(М).PL.DIR
 ‘Теперь пассажирские авиалайнеры будут летать [без пилота]!’
 (HNCLCC: www.aajtak.in, collected on 29/09/2022)
- (6) *kaī* log
 несколько люди(PL).DIR
 [baṅair māsk=ke] the
 без маски(М).SG.OBL=ADJZ.M.SG.OBL COP.PST.M.PL
 ‘...несколько человек были [без масок]’
 (HNCLCC: www.dailyhindinews.com, collected on 05/01/2022)).

Таким образом, исконный каритивный адлог *binā* приобрел препозитивный вариант по аналогии с заимствованным послелогом *baṅair*. В свою очередь, заимствованные предлоги были переосмыслены как послелого, но развили препозитивный вариант в условиях продолжающегося влияния фарси. Возможно, этому процессу способствовала также исходная гибкость порядка слов, сравнительно незадолго до этого отмечаемая, по крайней мере, для поэтических текстов.

2. Формирование каритивной конструкции с глагольным именем

2.1. Употребление *binā* с отглагольной инструментальной формой

Субстантивные употребления причастий можно проследить до древнеиндийского периода. Так, из санскрита в среднеиндийские языки была заимствована конструкция с инструментальным употреблением причастий в сочетании с вопросительным местоимением: *bahunā=tra kim=uktēna* [многий.n.sg. ins=здесь что=говорить.ptcp.pfv.n.sg.ins] ‘к чему много говорить?’ (букв. “что (будет достигнуто) многим сказанным?”) (Mbh 13.81.17). Эта конструкция просуществовала вплоть до

способствовать закреплению ассоциации каритивного значения с препозитивным употреблением. Отмечен также вариант *bin*, используемый исключительно в качестве предлога, и более характерный для урду, чем для хинди (Н). Однако все эти элементы значительно менее частотны в современном языке, чем *binā* и *baṅair*.

старого хинди, ср.: *sīṣyē suṇē padhē kā hoi* ‘что можно достигнуть учением, слушанием и рецитацией?’ (букв. «учением, слушанием и рецитацией что есть?») (Strnad 2013: 54).

В целом инструментальное обстоятельство обозначало причину, мотив или способ:

- (7) *bhuktaiḥ* *phalaiḥ* *etaiḥ*
 есть.PTCP.PFV.N.PL.INS плод(N).PL.INS этот.N.PL.INS
jarā *na* *te* *bhaviṣyati*
 старость(F).SG.NOM NEG 2SG.DAT/GEN быть.FUT.3SG
 ‘...Если будешь есть эти плоды, не постареешь (букв. «этими съеденными плодами старость у тебя не наступит»)’
 (Kathāsaritsāgara 29; цит. по (Ruppel 2013: 188)).

В позднесредневековых диалектах встречаются и употребления субстантивных причастных форм с послелогоми: например, инструментальной причастной формы с аблативным послелогом \Rightarrow (h)ai ‘от’, усиливающим значение причинности (Strnad 2013: 54), или сочетание косвенной причастной формы с другими послелогоми:

- (8) *bairī=ke* *āe* *pīche*
 враг(M).SG.OBL=ADJZ.M.SG. OBLприходить.VN.OBL за
 ‘после прихода врага’ (Kellogg 1893: 449)

Множественные случаи употребления *bina/binā* с перфективным причастием, получающим окончания, характерные для инструментального падежа существительных, также отмечены уже в старом хинди: *bina bolyā kuī hoi bicārā* ‘как может возникнуть идея без разговора?’ (букв. «без говорения почему есть идея?»)’ (Strnad 2013: 55). Вероятно, эта конструкция возникла отчасти по аналогии с инструментальным употреблением причастий, при поддержке закрепившейся ассоциации каритивного адлога *vinā* с инструменталисом для существительных (1.1): так же, как именные группы с каритивным адлогом стали маркироваться инструменталисом, будучи в системной оппозиции с комитативными.

Другие адлоги современного хинди в нормальном случае сочетаются с т. н. «инфинитивом» на *-nā* в его субстантивном употреблении²⁰. Сочетание *binā* в старом хинди с глагольным

²⁰ «Инфинитив» в хинди обладает свойствами различных частей речи, поскольку сформировался предположительно «в результате слияния

существительным на *-na* тоже встречается, но реже, чем с причастной формой (Strnad 2013: 360). В современном хинди сочетание *binā* с инфинитивом неграмматично.

Возможно, каритивная отглагольная конструкция с *binā* закрепилась в своей особой форме по той причине, что она заняла особую функциональную нишу: выражение отрицания добавочного действия.

2.2. Адвербиальные отглагольные конструкции древнеиндийского периода: выражение отрицания вторичного действия

Для выражения добавочного действия в индоарийских языках существовали разные стратегии, в основном причастные. В частности, известная индоевропейская «абсолютная причастная конструкция», где причастие было оформлено генитивом или локативом:

- (9) *evam ukte* *nalena*
 так говорить.PTCP.PFV.N.SG.LOC Нала(М).SG.INS.
nṛpaḥ āsasāda
 король(М).SG.NOM садиться_рядом.PFT.3SG
bibhītakam
 вибхитака_дерево(М).SG.ACC
 ‘Когда Нала так сказал, король сел рядом с деревом вибхитака’
 (Mbh 3.70.6).

Эта конструкция засвидетельствована в ведийском²¹, в санскрите (Bloch 1965[1934]: 274), праkritах и апабхрaнша (Vertogradova 2002: 92; Bubenik 2003: 266), и имеет некоторый аналог и в современном хинди (McGregor 1986: 158).

Причастия широко использовались и в односубъектных депиктивных и адвербиальных конструкциях, к новоиндийскому периоду на основе сочетаний причастий со связками и финит-

двух форм, одна из которых происходит от пассивного причастия долженствования/будущего времени на *-anīya* (например, *smar-anīya* ‘тот, о котором надлежит помнить’), а другая возводится к древнеиндийскому имени действия на *-ana* (например, *smar-ana* ‘воспоминание’))» (Kostina 2018: 180).

²¹ Изначально в ведийском такие конструкции были редки и ограничены темпоральным употреблением, но в эпическом и классическом санскрите стали употребляться чаще и свободнее, в частности, с отрицанием и в других семантических функциях: причинности, уступки и др. (Ruppel 2013: 168).

ными глагольными формами грамматикализовались разнообразные акционсартные, залоговые, аспектуальные и временные формы современного хинди (Masica 1991: 257).

Кроме причастных конструкций, существовала и специализированная адвербиальная глагольная форма, традиционно называемая в индологии «абсолютивом» (absolute) (Cardona 2003: 148; Oberlies 2003: 222; Bubenik 2003: 255).

Для отрицания и в причастных конструкциях, и в конвербной-«абсолютивной» использовался именной префикс *a(n)*:- таким образом выражалось не-совершение добавочного действия субъектом: *a-kṛtvā* [NEG-делать.CVB] ‘не сделав’ (Whitney 1896: 356), *an-udite sūrye* [NEG-подниматься.ПТСР.ПФV.М.СГ.ЛОС солнце(М).СГ.ЛОС] ‘когда солнце не встало’ (Ruppel 2013: 154).

Ко времени формирования новоиндийских языков синтетическое маркирование было во многом утрачено, были грамматикализованы аналитические конструкции. Так, префикс *a(n)*-перестал быть продуктивным показателем именного отрицания и остался только в качестве этимологизируемого элемента отдельных лексем.

Параллельно «абсолютив» утратил эксплицитный суффикс: его форма совпала с чистой глагольной основой (Oberlies 2005: 44). Впоследствии в хинди на его основе был грамматикализован новый «абсолютив»: конверб с формантом *-kar/-ke* (Hook 1974: 54).

Однако сочетание этой формы с общей отрицательной частицей *na* в хинди приобрело значение замещения — *na X-kar* [neg X-cvb] ‘вместо того, чтобы X’ (Subbārāo 2012: 221):

- (10) *Suman* [apnā kām
Suman(М).СГ.ДИР свой.М.СГ.ДИР работа(М).СГ.ДИР
pūrā na karke]
полный. М.СГ.ДИР NEG делать.СВВ
ṭīvī dekhne lagā.
телевизор(М).СГ.ДИР смотреть.ИНФ.ОБЛ прикладываться. PST.М.СГ
‘Суман начал смотреть телевизор, [вместо того чтобы закончить свою работу]’ (цит. по (Kachru 2006: 233), транскрипция и глоссы адаптированы мной — Е.З.).

Нейтральное выражение отрицания закрепилось за каритивной конструкцией с *binā*, выражавшей приблизительно ту же семантику: отсутствие добавочного действия. При этом, как и в случае с именными группами, порядок элементов в причастной

каритивной конструкции стал варьировать: с причастием пре-
 позитивный вариант также возможен.

- (11) [binā kamīz pahne]
 без рубашка(F).SG.DIR надевать.VN.OBL
 so rahe the
 спать DUR.M.PL PST.M.PL
 ‘...спал, [не надев рубашку]’
 (HNCLCC: navbharattimes.indiatimes.com, collected on 26/09/2022).

По аналогии употребление с отглагольной формой распро-
 странилось и на заимствованный синонимичный адлог *bayair*
 ‘без’, как в постпозиции (11), так и в препозиции (12).

- (12) [aisā kiye bayair]
 такой. M.SG.DIR делать.VN.OBL без
 aṭke projekt
 застревать.ПТСР.PFV.M.SG.OBL проект(M).SG.OBL
 kā pūrā honā
 ADJZ.M.SG.DIR полный.M.SG.DIR быть.INF.DIR
 bahut muškil hai
 очень сложный.M.SG.DIR COP.PRS.3SG
 ‘[Не сделав так], завершить застопорившийся проект очень
 сложно’ (HNCLCC: collected on 22/03/2022).
- (13) pulis=ne [bayair der₁ kiye₂]
 полиция(M).SG.DIR=AG без опаздывать_{1,2}.VN.OBL
 us šaxs=ko dhar₁ dabočā₂
 тот.SG.OBL человек(M).SG.OBL=OBJ задержать_{1,2}.PST.M.SG
 ‘...Полиция [не медля] задержала этого человека...’
 (HNCLCC: www.aajtak.in, collected on 17/08/2022)

Иногда встречаются даже ненормативные «дублированные»
 употребления, в том числе двух разных адлогов в одной клаузе:

- (14) voh bhī [binā koī]
 тот.SG.DIR ADD без какой-либо.DIR
 nadī ya jalasrot pār₁ kiye₂ bayair]
 река(F).SG.DIR или водоем(M).SG.DIR пересекать_{1,2}.VN.OBL без
 ‘И это даже [не пересекая какую-либо реку или водоем]!’
 (HNCLCC: www.aajtak.in, collected on 24/01/2022).

Таким образом, в период реструктуризации индоарийской
 грамматики специализированная отрицательная форма выраже-
 ния добавочного действия была утрачена. Каритивная конст-
 рукция с отглагольной формой выражала приблизительно то же

значение, и потому взяла на себя эту функцию, встроившись в систему отрицания хинди. Сочетание специализированной формы с маркером стандартного отрицания получило более узкое значение замещения.

3. Заключение

Хотя в древнеиндийском периоде линейная позиция адлогов была относительно свободной, к новоиндийскому периоду абсолютное большинство исконных индоарийских адлогов позиционно закрепились как послелого. Однако каритивный адлог *binā* 'без' уже в новоиндийский период снова приобрел регулярное препозитивное употребление по аналогии с заимствованными из фарси адлогами, в первую очередь, с синонимичным адлогом *bayair*.

Употребление каритивных адлогов *binā* и *bayair* с (от)причастной формой, не свойственное никаким другим адлогам, могло возникнуть благодаря нескольким диахроническим факторам. С одной стороны, существовали субстантивные употребления причастий, выражающих разнообразные обстоятельственные отношения, в том числе обстоятельственная инструментальная конструкция с аблативным послелогом. С другой стороны, сохранялась системная ассоциация каритивного адлога *binā* с инструменталисом в именных конструкциях — а (от)причастная форма диахронически была инструментальной.

Наконец, функциональной экспансии и закреплению морфологически необычной каритивной конструкции мог способствовать тот факт, что инновативная каритивная конструкция стала нейтральным способом выражения отрицания добавочного действия в односубъектной конструкции: соответствующая специализированная форма была утрачена, а каритивная конструкция была близка к ней по значению.

При этом в случае с причастной конструкцией процесс изменения по аналогии сработал «в обратную сторону»: синонимичный адлог *bayair*, заимствованный из фарси, также приобрел способность употребляться с отглагольной формой в функции отрицания вторичного действия, как в препозиции, так и в постпозиции.

Таким образом, необычные свойства каритивного адлога *binā* объясняются только при обращении к диахронии. Инновации возникают при сочетании множества факторов: внутренних предпосылок (исходных свойств языковой системы), внешнего

воздействия (контактного влияния), а также общих функциональных языковых процессов (аналогического выравнивания) и особенностей процесса грамматикализации (закрепления редких форм в частотных конструкциях).

Список условных сокращений

2,3 — 2,3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ADJZ — атрибутивизирующий формант *k()*; AG — падеж А-участника при переходном глаголе; COP — копула; CVB — конверб; DAT — датив; DIR — прямой падеж; DUR — дуратив; EZ — изафет; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBJ — объектный показатель; OBL — общекосвенный падеж; PFT — перфект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP.IPFV — причастие несовершенного вида; PTCP.PFV — причастие совершенного вида; REL_P — относительное местоимение; SG — единственное число; VN — глагольное имя.

Источники

- HNCLCC — Hindi News Corpus Leipzig Corpora Collection: Hindi news corpus based on material from 2022. Leipzig Corpora Collection. Dataset. URL: https://corpora.uni-leipzig.de?corpusId=hin_news_2022.
- Mbh — Machine-readable Text of the Mahābhārata, prepared on the basis of the critical edition by Sukthankar, Belvalkar e.a., Mahābhārata-Saṃhitā vol. 1–13, Poona 1937–1964; by Muneo Tokunaga Kyōtō, Japan; completed on November 14, 1991; first revised version (V1): September 16, 1994; adaptations (including restitution of compounds) by John D. Smith, November 1995; TITUS version including interlinear arrangement of transcriptional and transliterational versions by Jost Gippert, April 1995 / June 1997 / 28.2.1998 / 21.6.1998 / 15.3.2000 / 5.1.2002 / 4.12.2008. URL: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/mbh/mbh.htm>
- R — Rāmāyaṇa. Machine-readable Text of the Rāmāyaṇa, prepared on the basis of the edition by G.H. Bhatt e.a., The Vālmīki-Rāmāyaṇa, vol. 1-7, Baroda 1960-1975 by Muneo Tokunaga, Kyōtō, Japan, March 12, 1993; adaptations by John D. Smith, Cambridge, 1995; TITUS adaptation including interlinear arrangement of transcriptional and transliterational versions by Jost Gippert, April 1995 / January 1997 / 28.2.1998 / 21.6.1998 / 15.3.2000 / 1.6.2000 / 4.12.2008. URL: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ram/ram.htm>
- H — Hindi-russkij slovar [Hindi-Russian dictionary]. Хинди-русский словарь. Том 2. / Сост. А. С. Бархударов, В. М. Бескровный, Г. А. Зограф, В. П. Липеровский. Под редакцией В. М. Бескровного. Москва: «Советская Энциклопедия», 1972

Литература

- Barannikov, A. P. 1934: *Hindustani (Urdu i hindi)* [*Hindustani (Urdu and Hindi)*]. Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo Instituta.
- Баранников, А. П. 1934: Хиндустани (Урду и хинди). Ленинград: Издание Ленинградского Восточного Института.
- Barker, M. A. 1967: *A Course in Urdu*. Vol. 2. Montreal: Institute of Islamic Studies, McGill University.
- Bashir, E. 2016: *Baluchistan*. In: Hock, H. H., Bashir, E. (eds.) 2016: *The Languages and Linguistics of South Asia: A Comprehensive Guide*. [The World of Linguistics; No. 7]. Berlin; Boston: De Gruyter, 271–284.
- Bloch, J. 1965 [1934]: *Indo-Aryan from the Vedas to Modern Times*. (Engl. tr. by A. Master of Bloch, J., L'Indo-aryen. Du véda aux temps modernes, Paris 1934). Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Bubenik, V. 2003: *Prākritis and Apabhraṃśa*. In: Cardona, G., Jain, Dh. (eds.) 2003: *The Indo-Aryan languages* [Routledge Language Family Series, Vol. 2]. London and New York: Routledge, 225–275.
- Cardona, G. 2003: *Sanskrit*. In: Cardona, G., Jain, Dh. (eds.) 2003: *The Indo-Aryan languages* [Routledge Language Family Series, Vol. 2]. London and New York: Routledge, 115–178.
- Elizarenkova, T. Y. 1982: *Grammatika vedijskogo jazyka* [*The grammar of the Vedic language*]. Moscow: Nauka. Елизаренкова, Т. Я. 1982: *Грамматика ведийского языка*. М.: Наука.
- Faddegon, B. 1963 [1936]: *Studies on Pāṇini's Grammar*. [Verhandeling der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeling Letterkunde. Nieuwe Reeks, 38.1]. Amsterdam: N.V. noordhollandsche Uitgeversmaatschappij.
- Hewson, J., Bubenik, V. 2006: *From case to adposition: The development of configurational syntax in Indo-European languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Hock, H. H. 2016: *Old and Middle Indo-Aryan*. In: Hock, H. H., Bashir, E. (eds.) 2016: *The Languages and Linguistics of South Asia: A Comprehensive Guide*. [The World of Linguistics; No. 7]. Berlin/Boston: De Gruyter, 18–34.
- Hook, P. E. 1974: *The Compound Verb in Hindi*. Ann Arbor: Center for South and Southeast Asian Studies, University of Michigan
- Kachru, Y. 2006: *Hindi*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Kellogg, S. H. 1893: *A Grammar of the Hindi Language*. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, and Co.
- Khoroché, P., Tiekén, H. 2009: *Poems on Life and Love in Ancient India: Hāla's Sattasāī*. Translated from the Prakrit and introduced. [SUNY Series in Hindu Studies]. Albany: State University of New York Press.
- Korn, A. 2016: *Iranian*. In: Hock, H. H., Bashir, E. (eds.) 2016: *The Languages and Linguistics of South Asia: A Comprehensive Guide*.

- [The World of Linguistics; No. 7]. Berlin; Boston: De Gruyter, 51–65.
- Kostina, E. A. 2018: *Teoreticheskaya grammatika yazyka hindi: morfologiya znamenatel'nyh chastej rechi* [Theoretical grammar of the Hindi language: morphology of content words]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Костина, Е. А. 2018: *Теоретическая грамматика языка хинди: морфология знаменательных частей речи*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Masica, C. P. 1991: *The Indo-Aryan languages* [Cambridge Language Surveys]. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mayrhofer, M. 1956. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. III. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- McGregor, R. S. 1986: *Outline of Hindi grammar with exercises*. Oxford: The Clarendon Press.
- Monier-Williams, M. 1899: *A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate indo-european languages*. Oxford: The Clarendon Press.
- Oberlies, Th. 2003: *Aśokan Prakrit and Pāli*. In: Cardona, G., Jain, Dh. (eds.) 2003: *The Indo-Aryan languages* [Routledge Language Family Series, Vol. 2]. London and New York: Routledge, 179–224.
- Oberlies, Th. 2005: *A Historical Grammar of Hindi*. Graz: Leykam.
- Ollett, A. 2021: *Lilavai / Kouhala*. Edited and translated. [Murty classical library of India, 29]. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Ruppel, A. 2013: *Absolute Constructions in Early Indo-European*. [Cambridge classical studies]. Cambridge: Cambridge University Press.
- Strnad, J. 2013: *Morphology and Syntax of Old Hindī. Edition and Analysis of One Hundred Kabīr Vānī Poems from Rājasthān*. Leiden/Boston: Brill.
- Subbārāo, K. V. 2012: *South Asian Languages: A Syntactic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vertogradova, V. V. 2002: *Prakrity* [Prakrits]. Moscow: Vostochnaja literatura. Вертоградова, В. В. 2002: *Пракриты*. М. Восточная литература.
- Whitney, W. D. 1879: *A Sanskrit grammar. including both the classical language, and the older dialects, of Veda and Brahmana*. Leipzig: Breitkopf and Härtel.
- Whitney, W. D. 1896: *A Sanskrit grammar including both the classical language, and the older dialects, of Veda and Brahmana*. Third edition. Leipzig: Breitkopf and Härtel.
- Zograf, G. A., Oranskaja, T. I., Kulikov, L. I., Pandey, P. K. 2011: *Novye indoarijskie jazyki* [New Indo-Aryan languages]. In: Oranskaia, T. I., Mazurova, Y. V., Kibrik, A. A., Rusakov, A. Y. (Eds.). *Jazyki mira: Novye indoarijskie jazyki* [Languages of the World: New Indo-Aryan languages]. Moscow: Academia, 14–46.

- Зограф, Г. А., Оранская, Т. И., Куликов, Л. И., Пандей, П. К. 2011: *Новые индоарийские языки*. В сб.: Оранская, Т. И., Мазурова, Я. В., Кибрик, А. А., Русаков, А. Ю. (ред.). *Языки мира: Новые индоарийские языки*. М.: Академия, 14–46.
- Zograf, G. A., Oranskaia, T. I. 2011: *Hindi jazyk [The Hindi language]*. In: Oranskaia, T. I., Mazurova, Y. V., Kibrik, A. A., Rusakov, A. Y. (Eds.). *Jazyki mira: Novye indoarijskie jazyki [Languages of the World: New Indo-Aryan languages]*. Moscow: Academia, 47–104.
- Зограф, Г. А., Оранская, Т. И. 2011: *Хинди язык*. В сб.: Оранская, Т. И., Мазурова, Я. В., Кибрик, А. А., Русаков, А. Ю. (ред.). *Языки мира: Новые индоарийские языки*. М.: Академия, 47–104.

Н. М. Заика

Институт лингвистических исследований РАН/ Санкт-Петербургский
государственный университет Санкт-Петербург, Россия. n.zaika@spbu.ru

ИСТОЧНИКИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЧИННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И СВОЙСТВА ПРИЧИННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются различные пути грамматикализации полипредикативных причинных показателей в индоевропейских языках. Анализируется связь между морфосинтаксическими и семантическими свойствами показателей и семантикой единицы, из которой они развились. Выясняется, что порядок главной и зависимой клаузы в рассматриваемых конструкциях и возможность употребления зависимой клаузы не только в собственно-причинном, но и инферентивном и иллокутивном контексте может зависеть от значения единиц(-ы), из которой развился причинный показатель.

Ключевые слова: грамматикализация, индоевропейские языки, причинные конструкции, синтаксис, семантика

N. M. Zaika

Institute for Linguistic Studies, RAS /
St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. n.zaika@spbu.ru

The diachrony of polypredicative causal markers and properties of causal constructions in Indo-European languages

The article deals with the diachrony of polypredicative causal constructions in 24 Indo-European languages. Such constructions differ in terms of typological parameters, both morphosyntactic (e. g. the order of clauses) and semantic (e. g. occurrence in epistemic or illocutive constructions). The relationship between these properties and the source of grammaticalization of the causal marker is the subject of our study.

It should be noted that the classification of causal markers, based on source of grammaticalization, raises a number of problems. In some cases more than one semantic change occur. Some markers are derived from more than one word, so that a classification based on the main constituent is not always coherent. The source of grammaticalization itself is sometimes questionable. Finally, the classification can be more or less detailed.

The analysis shows that the source of grammaticalization of the causal marker actually affects the morphosyntactic behaviour of the causal clause. Thus, causal markers derived from complementizers or discourse markers tend to introduce a postpositional causal clause, while causal markers

derived from temporal or comparative markers can introduce both prepositional and postpositional clauses. In terms of semantics, delocative and deinstrumental causal markers are less prone to introduce epistemic or illocutive causal clauses, at least at earlier stages of grammaticalization.

Keywords: grammaticalization, Indo-European languages, causal constructions, syntax, semantics

1. Введение

В последнее время исследователи обращают внимание на диахронические аспекты полипредикативных причинных конструкций (ППК), ср. клаузы, вводимые такими причинными союзами, как эст. *kuna* (Plado 2014), фр. *puisque* (Detges 2017), баск. *-ez gero* (Hualde, Pérez Saldanya 2019b), ит. *siccome* (Mingioni 2018), и. а. Источники грамматикализации¹ полипредикативных причинных показателей (ППП) в языках мира хорошо известны, многие из них описаны в (Kouteva et al. 2019). Среди них, в частности, выделяются показатели с темпоральным (нем. *weil*), сравнительным (англ. *as*), локативным и аблативным значением (рус. *потому что*, *оттого что*), дискурсивные маркеры (пол. *bo*), комплементарайзеры (исп. *que*), часто грамматикализуются показатели из глаголов речи, ср. (Gerasimov 2021). Было выявлено, что подчинительные показатели часто возникают из сочинительных (Diessel 2019: 97), со ссылкой на (Lehmann 1988), хотя в некоторых случаях фиксируются и противоположные тенденции: так, нем. ППП *weil*, в разговорной речи способен вводить клаузу с порядком V2, что характерно для сочинительных клауз, хотя исконно является подчинительным (Bisiada 2013: 4), ср. также (Günther 1996: 353). Естественным образом, значительное, если не подавляющее количество источников грамматикализации ППП было выявлено на материале индоевропейских языков. При этом мы имеем возможность наблюдать за функционированием ППП, которые грамматикализировались в разные периоды. Так, во французском языке ППП *comme* считается наследником латинского *quōmodo*, тогда как *vu que* возник гораздо позже, в XV в. (Rey-Debove, Rey 2009: 2746).

¹ В настоящей работе под грамматикализацией понимается не только процесс перехода из лексических единиц в грамматические, но и процесс возникновения грамматических единиц из других грамматических (в некоторых работах такое явление называется вторичной грамматикализацией, ср.: Traugott 2010: 40–41).

ППП в языках мира, в частности, в индоевропейских, в которых их достаточно много, могут быть охарактеризованы по разным морфосинтаксическим и семантическим параметрам (ср.: Заика 2019). Известно, что показатели, возникшие в процессе грамматикализации, могут сохранять некоторые свойства единиц, послуживших источником этим показателям. Таким образом, причинные показатели, возникшие из источников с разным значением, потенциально могут отличаться по своим морфосинтаксическим и семантическим свойствам. Связь между этими свойствами и семантикой единиц, из которых развились ППП, будет проанализирована в нашей статье.

Из морфосинтаксических свойств нас будет интересовать позиция зависимой причинной клаузы (ПК) по отношению к главной. В целом ПК тяготеют к постпозиции, ср. серб. *jer*, лит. *nes*, дат. *for*, однако имеются ППП, которые вводят зависимую клаузу почти или исключительно в препозиции по отношению к главной², ср. порт. *como*, кат. *com que*; ряд показателей способен вводить клаузы как в препозиции, так и в постпозиции, ср. швед. *eftersom*, фр. *puisque*, н.-греч. *επειδή*. С точки зрения информационной структуры, одни ПК вводят преимущественно новую информацию, тогда как другие — уже известную. Этот параметр часто коррелирует с позицией ПК (известная информация вводится, как правило, препозитивными ПК, новая — постпозитивными), однако бывают и исключения, ср. исп. союз *ya que*, который чаще всего вводит известную информацию, независимо от позиции в предложении.

В семантическом аспекте существенны частные значения ПК, вводимых теми или иными ППП. Наиболее релевантными являются значения собственно причины (1), инферентивное, или эпистемическое значение (2) и причинное значение, связанное с иллюкативной силой (3).

(1) *Я упал, потому что пол был мокрый.*

(2) *Наверное, Петя дома, потому что в его окне горит свет.*

(3) *Сделай это, потому что ты обещал.*

Если в первом предложении речь идет о непосредственной причинно-следственной связи между событиями, то во втором предложении пропозиция зависимой клаузы является причиной

² Среди индоевропейских языков такие показатели редки и встречаются преимущественно среди романских.

вывода, который говорящий делает в главной клаузе, а в третьем предложении причинная клауза является обоснованием речевого акта, выраженного в главной клаузе, ср. подобную классификацию в известной работе (Sweetser 1990) и многих ее последователей.

2. Материал исследования и проблемы анализа

В нашу выборку включены ППК из 24 индоевропейских языков:

- славянские (русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, болгарский, македонский, сербский);
- балтийские (литовский, латышский);
- германские (английский, немецкий, нидерландский, датский, норвежский, шведский);
- романские (португальский, испанский, каталанский, французский, итальянский);
- албанский;
- новогреческий.

В первую очередь мы анализируем показатели, зафиксированные в базе данных ППП в языках Европы (Zaika 2022) (туда вошли наиболее частотные показатели, как правило, лучше описанные в грамматиках), однако в статье привлекаются и другие ППП из тех же языков. Все они являются союзами и, за редким исключением, занимают позицию в начале клаузы.

Естественным образом мы осознаем, что наши данные слишком малы для статистической обработки³, учитывая значительное количество различных путей грамматикализации ППП. Некоторые из них могут быть достаточно редкими, если не уникальными, ср. лит. показатель *nes*, который, как предполагается, восходит к **ne est* (**nees*) 'не является' (Fgaenkel 1955: 496). Кроме того, классификация причинных показателей по источнику грамматикализации вызывает ряд проблем.

Во-первых, в некоторых случаях в процессе грамматикализации происходит не одно, а несколько семантических изменений. Например, локативный показатель, обозначающий локализацию перед ориентиром, способен приобретать значение времени, а потом причины, ср. дат. *for*, (Nikulicheva 2021: 48). Для новогреч. *ελεῖδι* в (Kitis 2006: 242) постулируется развитие «demonstrative-local > temporal > causal». Латышский причин-

³ Ср. работу (Fagard 2009), в которой автор анализирует около 350 сочинительных союзов только для романских языков разных периодов.

ный союз *tāpēc ka* произошел от указательного местоимения, предлога *pēc* и комплементаризера, причем сам предлог, среди прочих, мог иметь пространственное, временное, целевое и причинное значение.

Во-вторых, многие ППП в индоевропейских языках восходят к разным компонентам. При этом попытка классификации по значению основного компонента наталкивается на определенные трудности. Так, в датском языке имеются причинные союзы *for* и *fordi*, первый из которых восходит к предлогу/наречию *for* ‘перед’, а второй — к тому же показателю в сочетании с дативной формой указательного местоимения (Nikulicheva 2021: 48, 54). При классификации по основному компоненту значения они могли бы попасть в одну группу, однако их синтаксическое и семантические свойства различаются достаточно сильно: клаузы с *fordi*, в отличие от клауз с *for*, могут употребляться с отрицанием, в ограничительных конструкциях, подвергаться клефту и отвечать на вопрос ‘почему’ (Nikulicheva 2020: 123–124), кроме того, клаузы с *for* способны употребляться в иллокутивных и инферентивных конструкциях, а клаузы с *fordi* имеют в этом отношении сильные ограничения (Lund 2007; Drobot 2019).

В-третьих, источник происхождения некоторых ППП не является бесспорным. Так, некоторые романские ППП возникли из уже полисемичных латинских показателей (Fagard 2009: 26).

В-четвертых, классификация причинных показателей по источнику грамматикализации может быть очень детальной. Например, известно, что в причинные маркеры грамматикализуются показатели с локативным (в широком смысле) значением. В индоевропейских языках, в особенности в славянских, обнаруживаются показатели, образованные от показателей с различной локализацией и ориентацией: рус. *оттого что* (апудэлатив), *из-за того что* (постэлатив), *потому что* (суперпролатив), укр. *затим що* (постэссив), *через те що* (инпролатив).

В связи с вышеизложенным, мы постараемся выявить наиболее явные тенденции, связанные с источником грамматикализации ППП. По умолчанию сведения о параметрах варьирования будут браться из базы (Zaika 2022), при отсутствии показателя в базе будут цитироваться грамматические описания.

3. Связь источника грамматикализации причинного показателя и его свойств

3.1. ППП, произошедшие от комплементарайзеров

В число этих показателей входит алб. *se*, ср. (4–5)⁴, исп. *que*, порт. *que*, ст.-англ. *that*⁵:

- (4) *Tren-i* *nuk* *puno-n* *se* *i=*
 поезд(М)-NOM.SG.DEF NEG работать-PRS.3SG CONJ 3SG.DAT=
ka *rë-në* *bateri-a*.
 иметь.PRS.3SG падать-PTCP батарея(F)-NOM.SG.DEF
 ‘Поезд не работает, потому что у него села батарея’ (Vocaj 2006: 127).

- (5) *Di-het* *se* *Tok-a* *rrotullo-het*
 знать-PASS.PRS.3SG что земля(F)-NOM.SG.DEF вращать-PASS.PRS.3SG
rreth *Diell-it*.
 вокруг солнце(М)-ABL.SG.DEF
 ‘Известно, что Земля вращается вокруг Солнца’ (Vocaj 2006: 134).

Причинные показатели, произошедшие от комплементарайзеров, как правило, стоят в постпозиции, как и сами комплементарайзеры. Часто они могут выступать не только в собственно-причинных, но и в иллюкутивных причинных контекстах, ср. алб. пример:

- (6) *Largo-hu* *nga* *këtej*, *se* *ëshhtë* *e*
 уходить-IMP.INACT.2PL от туда CONJ быть.PRS.3SG ART
rreziksh-me të rri-sh *këtu*.
 опасный-SG.F SBJV сидеть-PRS.SBJV.2SG здесь
 ‘Уходи отсюда, потому что здесь опасно находиться’ (Zaika 2022) .

3.2. ППП, произошедшие от дискурсивных маркеров

В нашей выборке такие показатели зафиксированы в языках славянской группы, ср. бел. *бо*, укр. *бо*, пол. *bo*⁶, словац. *lebo*, рус. *ибо*, чеш. *neboť*. К ним примыкают менее грамматикализованные ППП типа рус. *ведь*, *же* (и его когнаты бел. *жа*, лит. *gi*). По своим свойствам клаузы, вводимые такими показателями, близки к сочинительным. Эти ППП вводят клаузу в постпози-

⁴ Мы благодарим М. С. Морозову и М. В. Гвоздкову за глоссирование албанских примеров.

⁵ Ср. *What token schewist thou to vs, that thou doist these thingis?* (Etymonline).

⁶ Показатель *бо/bo* с причинным значением существовал также в древнерусском, старосербском и старочешском языках (Cherkasova 1954: 6, 22).

ции⁷; соответствующие ППК, кроме собственно-причинных конструкций, используются в иллокутивных и инферентивных конструкциях, ср. примеры из словацкого:

(7) *Spadol som, lebo podlah-a bol-a*
 падать.PTCP[M] быть.PRS.1SG CAUSE пол-NOM.SG быть.PTCP-F
mokrá.
 мокрый-NOM.SG.F
 ‘Я упал, потому что пол был мокрым’.

(8) *Prestaň sa už chystať, lebo*
 останавливаться.IMP.2SG REFL уже готовить CAUSE
ne-stihn-eš vlak.
 NEG-успеть-PRS.2SG поезд[ACC.SG]
 ‘Заканчивай собираться, потому что (а то) опоздаешь на поезд’.

(9) *Peter je doma, lebo nie je v*
 Петер[NOM.SG] быть.PRS.3SG дома CAUSE NEG быть.PRS.3SG PREP
prác-i.
 работа-LOC.SG
 ‘Петер дома, потому что его нет на работе’.

3.3. ППП, произошедшие от показателей времени

Изменения временных показателей в причинные является широко распространенным явлением, ср. (Plado 2014). Показатели такого крайне распространены в индоевропейских языках, ср. дат. *eftersom, siden*, швед. *eftersom*, норв. *ettersom, siden*, англ. *since*, нем. *weil, nachdem*, фр. *puisque*, ит. *poiché* и *giacché*, исп. *pues, pues que* и *ya que*, порт. *pois* и *pois que*, греч. *αφού, επειδή*, словац. *keďže*, лит. *kadangi*. Они могут представлять собой как собственно исконно временной показатель⁸, так и временной показатель в сочетании с комплементаризером или дискурсивным маркером.

В отличие от описанных выше показателей, для клауз, видимых показателями этой группы, характерна относительная линейная свобода, которая характерна и для временных клауз. Такие клаузы, за редким исключением, могут стоять как в

⁷ Для получения данных были опрошены носители языков; данные о словацком языке были также получены из работы Kesselová 2013: 45.

⁸ В эту группу мы также включаем показатели, в которых временное значение развилось из пространственного. Такое развитие постулируется, например, для датского союза *eftersom* (Nikulicheva 2021: 55–56) и, очевидно, его шведского когната *eftersom* и норвежского *ettersom*.

препозиции, так и в постпозиции (хотя выявляются и некоторые статистические тенденции), ср. примеры из норвежского:

- (10) *Han gjorde det dårlig på eksamen-ene ettersom*
 он делать.PST ART плохой PREP экзамен-DEF.PL CAUSE
han hadde jobbet lite.
 он иметь.PST работать.PTCP маленький

‘Он плохо сдал экзамены, потому что мало занимался’ (Zaika 2022)

- (11) *Ettersom du vil tilbake tidlig, bør du*
 CAUSE ты хотеть.PRS назад рано быть_должным.PRS ты
ta første tog.
 взять.INF первый поезд’

‘Раз ты хочешь вернуться рано, ты должен сесть на первый поезд’ (Zaika 2022).

Исследователи отмечают, что временные клаузы, обозначающие предшествование, как правило, предшествуют главной клаузе (Diessel 2019: 101). При этом считается, что при грамматикализации ППП из временных каузальный вывод, основанный на временной связи, возникает в тех конструкциях, в которых временная клауза находится в тематической позиции, в препозиции по отношению к главной клаузе (Hualde, Pérez Saldanya 2019a: 335).

Связь рассматриваемого пути грамматикализации ПК с семантическими типами несколько сложнее. В работе Santos Río 1982: 242 (цит. по Hualde, Pérez Saldanya 2019a: 336) утверждается, что на ранней стадии причинные показатели темпорального происхождения, как правило, сначала используются в иллокутивных конструкциях или в конструкциях со значением обоснования, а потом могут начать использоваться в других контекстах, а частности, в собственно-причинных (рема-тической части) и эпистемических (инферентивных)⁹ — такое развитие, например, постулируется для испанского союза *pues u ya que*. Однако фиксируются ППП, возникшие из темпоральных, употребление которых в иллокутивной функции крайне затруднено, ср. нем. *weil*.

⁹ «At an early stage, causal connectors of temporal origin tend to be used in speech-act causals or in causals that justify some type of modality, mostly related to volition <...> At later stages along this evolutionary path, causal clauses with conjunctions of temporal origin may start being used in other contexts; in particular as rhematic clauses in the content or even the epistemic domain» (Hualde, Pérez Saldanya 2019: 336).

- (12) ^{??} *Ist vom Mittag noch etwas übrig? Weil ich schon wieder Hunger habe.*
 Anything left from lunch? Because I'm hungry again.
 (Scheffler 2005: 215)

Учитывая то, что в нормативной речи союз *weil*¹⁰ не способен вводить иллокутивные конструкции, мы можем предположить, что либо гипотеза Л. Сантоса Рио не всегда верна, либо показатель может терять некоторые причинные значения.

3.4. ППП, произошедшие от показателей сравнения

В эту группу входят фр. *comme*, исп. *como*, порт. *como*, англ. *as*, а также, в сочетании с комплементаризатором, пол. *jako że*, кат. *com que* или демонстративом болг. *тъй като*. Достаточно часто эти показатели, кроме причинного, имеют или имели и темпоральное значение. Как отмечают исследователи, показатели сравнения развивают значения каузального вывода в том случае, если соответствующая клауза находится в тематической позиции, то есть в препозиции (Hualde, Pérez Saldanya 2019: 336a). Вероятно, с этим связан тот факт, что ППП, произошедшие от показателей сравнения, либо вводят ПК как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главной, либо исключительно в препозиции, что характерно для романских ППП из этой группы:

- (13) *Com¹ que² aquest mes ha plog-ut poc,*
 CAUSE^{1,2} этот.SG.M месяц(М).SG иметь.PRS.3SG дождить-PTCP мало
les flor-s s'=han mort¹¹.
 DEF.PL.F цветок-(F).PL REFL= иметь.PRS.3PL умереть.PTCP
 'Поскольку в этом месяце было мало дождей, цветы погибли'.
 (Zaika 2022)

3.5. ППП, произошедшие от локативных конструкций

В эту группу входят бел. *ад таго што, з-за таго што*, рус. *оттого что, из-за того что, потому что*, укр. *через те що, від того що, затим що*, болг. *защото*, макед. *затоа што, зашто*, нидер. *omdat*. Локативные показатели в норме сочетаются в них с комплементаризаторами и демонстративами. Подавляющее большинство из ППК, вводимых этими показателями, могут выступать лишь в собственно-причинном значении, но не в иллоку-

¹⁰ В современной разговорной речи этот союз может употребляться иллокутивно и инферентивно (Günthner 1996), но такое развитие, очевидно, является поздним явлением.

¹¹ Мы благодарим Т. В. Репнину за глоссирование каталанского примера.

тивных и инферентивных конструкциях, при этом для них характерна достаточная синтаксическая свобода: выступать такие клаузы могут как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главной. ППП. Вводящие клаузу исключительно или преимущественно в постпозиции, ср. рус. *потому что*, болг. *защото*, макед. *затоа што*, *зашто*, чаще способны выступать в несобственно-причинных значениях.

3.6. ППП, произошедшие от инструментальных/целевых конструкций

В эту группу показателей входят фр. *parce que*, исп. *porque*, ит. *perché*, англ. *because*. Мы не рассматриваем в этом разделе англ. *for* и его когнаты в германских языках, поскольку в них причинное значение может восходить как пространственному, так и целевому. Разумеется, на столь ограниченном количестве показателей невозможно сделать никаких выводов относительно морфосинтаксических и семантических свойств. Отметим, однако, что такие показатели могут выступать в собственно-причинных контекстах, но затем могут приобретать иллокутивные или инферентивные значения; степень линейной свободы при этом может уменьшаться, так что, ПК, вводимые рассматриваемыми ППП, стремятся к постпозиции по отношению к главной клаузе, ср. анализ фр. *parce que* (Degand, Fagard 2012), исп. *porque* (Vogard 1994: 11) и ит. *perché* (Pesini 2018: 173).

3.7. ППП, произошедшие от глаголов со значением ‘видеть’

В романских и германских языках источником таких ППП служит нефинитная форма глагола зрительного восприятия¹², иногда с комплементаризацией, ср. англ. *seeing that*, нидер. *aangezien*, фр. *vu que*, исп. *visto que*, порт. *visto que*, ит. *visto che*, кат. *vist que*. Показатели такого рода часто являются результатом достаточно поздней грамматикализации: как мы уже упоминали, фр. *vu que* был зафиксирован в XV веке (Rey-Debove, Rey 2009: 2746); англ. *seeing that* фиксируется, начиная с XVI века (Etymonline). Такого рода показатели вводят известную информацию, что связано, по мнению исследователей, с метафорическим переносом ‘увиденное’ = ‘известное’ (González

¹² ППП могут восходить и к нефинитным формам других глаголов, ср. исп. *dado que* от глагола со значением ‘давать’, *puesto que* от глагола со значением ‘ставить’ и т. п. Они обладают дистрибуцией, сходной с дистрибуцией ППП рассматриваемой группы, однако мы оставим их за рамками рассмотрения за недостаточным количеством материала.

Manzanero 2020) и часто функционируют в несобственно-причинном, например, инферентивном или иллокутивном значении (Bolly, Degand 2013: 221). Ср. пример инферентивного употребления из португальского¹³:

- (14) *Vai chover, visto que o céu está muito nublado*
 will rain, seen that the sky is very clouded
 'Пойдет дождь, поскольку на небе много облаков'.

(Peres, Mascarenhas 2006: 123)

С точки зрения происхождения, к ним близки ППП, зафиксированные во многих славянских языках, но образованные уже не от нефинитных форм глагола, а от существительных со значением зрительного восприятия, ср. укр. *з огляду на те що*, рус. *ввиду того что*, серб. *с обзиром (на то) да*, болг. *(като се има) предвид*. В отличие от романских и германских ППП, для многих славянских показателей не характерны несобственно-причинные значения.

4. Выводы

В целом мы видим, что, по крайней мере, некоторые источники грамматикализации ППП связаны с их синтаксическим и сематическим поведением: порядком главной и зависимой клаузы и возможностью употребления не только в собственно-причинном, но и инферентивном и иллокутивном контексте.

Особенный интерес в развитии индоевропейских ППП имеют двунаправленные тенденции, которые, как известно, не характерны для синтаксиса и семантики, ср. (Haspelmath 2004). Так, с одной стороны, собственно-причинные показатели могут приобретать иллокутивное или инферентивное значение, ср. исп. *porque* (Vogard 1994), а, с другой, ППП, для которых характерно инферентивное употребление, могут увеличивать количество собственно-причинных употреблений, ср. фр. *vu que* (Bolly, Degand 2013: 221). Для причинных показателей, как и вообще для показателей, вводящих адвербиальные клаузы, характерен переход от сочинения к подчинению, но и обратные переходы встречаются, хотя и реже, ср. потерю подчинительных употреблений у фр. *car* (Degand, Fagard 2012: 165) и нем. *weil* (Günthner 1996).

¹³ Глосса автора.

Дальнейшей задачей исследования может стать выявление того, характерны ли рассмотренные грамматикализационные тенденции для всех языков или только для индоевропейских.

Сокращения

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ART — артикль; CAUSE — причина; CONJ — союз; DAT — датив; DEF — показатель определенности; F — женский род; IMP — повелительное наклонение; INACT — показатель неактивного залога; INF — инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PASS — пассив; PL — множественное число; PREP — предлог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — возвратный показатель; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Bisiada, M. 2013: Changing conventions in German causal clause complexes. A diachronic corpus study of translated and non-translated business articles. *Languages in Contrast* 13:1, 1–27.
- Bolly, C. Degand, L. 2013: Have you seen what I mean? From verbal constructions to discourse markers. *Journal of Historical Pragmatics* 14:2, 210–235.
- Bogard, S. 1994: Las oraciones causales en el español medieval. *Nueva Revista de Filología Hispánica* 42(1), 1–28.
- Cherkasova, T. E. 1954: [Causal conjunctions and their meaning in Old Church Slavonic]. *Uchenye zapiski instituta slavjanovedenija* [Memoirs of the Institute of Slavic Studies]. Черкасова, Т. Е. 1954. Причинные союзы и их значения в старославянском языке. *Ученые записки института славяноведения*. IX, 5–49.
- Degand L., Fagard B. 2012: Competing connectives in the causal domain: French *car* and *parce que* *Journal of Pragmatics* 44, 2, 154–168.
- Detges, U. 2017: Insubordinated *puisque* in French. Grammaticalization, De-Grammaticalization, Reanalysis? *JournalLipp* 5, 17–32.
- Diessel H. 2019: Preposed adverbial clauses: Functional adaptation and diachronic inheritance. K. Schmidtke-Bode, N. Levshina, S. M. Michaelis & I. A. Seržant (eds.). *Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of the evidence*. Berlin: Language Science Press, 97–122.
- Drobot, A. E. 2019: *Polypredicative Causal Constructions in Germanic Languages in a Comparative Aspect*. Thesis for Bachelor's degree. Saint-Petersburg.
Дробот, А. Э. *Полипредикативные причинные конструкции в германских языках в сопоставительном аспекте*. ВКР бакалавра. СПб.
- Etymonline — *Online Etymology Dictionary* (<https://www.etymonline.com>).
- Fagard, B. 2009: Grammaticalisation et renouvellement : conjonctions de cause dans les langues romanes. *Revue roumaine de linguistique* LIV (1–2), 21–43.

- Fraenkel E. 1955: *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Gerasimov, D. V. 2022: [On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia)]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language] 2, 7–29.
Герасимов, Д. В. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии). *Вопросы языкознания* 2: 7–29.
- González Manzanero, R. 2020. Reseña de Arroyo, Ignacio. 2017. La expresión de la causa en español. Madrid: Visor Libros. *Estudios de lingüística del español* 2020, n.º Anejo 1, 183–190.
- Günthner, S. 1996: From subordination to coordination? Verb-second position in German causal and concessive constructions. *Pragmatics* 6:3, 323–356.
- Haspelmath, M. 2004: On directionality in language change with particular reference to grammaticalization. O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*. [Typological Studies in Language 59], 17–44.
- Hualde, J. I., Pérez Saldanya, M. 2019a: Chapter 10. Grammaticalization Processes in Causal Subordination. *Basque and Romance*. Brill.
- Hualde, J. I., Pérez Saldanya, M. 2019b: Denboratik kausara: *-nez gero* kausazko lokailuaren garapenez. *Fontes lingvæ vasconvm. Svdia et documenta* 127, 59–84.
- Kesselová, J. 2013: Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine. *Súčasná tendencie slavistiky*. Užhorod : Vydavnyctvo Oleksandry Harkuší, 41–53.
- Kitis, E. 2006: Chapter 8. Causality and subjectivity: The causal connectives of Modern Greek. H. Pishwa (ed.). *Language and memory: Aspects of knowledge representation*. Series: Trends in Linguistics, 223–267.
- Kouteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Yat-sen, S. Narrog, H. Rhee, S. 2019: *World Lexicon of Grammaticalization*. 2nd Edition. Cambridge, Cambridge University Press.
- Lehmann, Ch. 1988: Towards a typology of clause linkage. J. Haiman & S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 181–225.
- Lund, K. H. 2004: [Danish causal conjunctions in text]. *Scandinavica* 13, 162–174.
Лунд, К.-Х. Датские причинные союзы в тексте. *Скандинавская филология* 13, 162–174.
- Mingioni, I. 2018. Per la storia di *siccome*, da avverbio comparativo a congiunzione causale. *Italica Wratislaviensia* 9(1), 139–157.
- Nikulicheva, D. B. 2020: [Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions in the anthropocentric perspective]. *Causal constructions in the world's languages (synchrony, diachrony, typology)*. *Book of Abstracts. St. Petersburg, January 28–30, 2021*. Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Studies.
- Никуличева, Д. Б. 2020. Квазисинонимия датских причинных союзов в антропоцентрической перспективе. *Причинные*

- конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). *Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.* Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 122–124.
- Nikulicheva, D. 2021: Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions from the speaker's perspective. *Scandinavian Philology* 19, 1, 42–60.
- Peres, J. A., Mascarenhas, S. 2006: Notes on sentential connections (predominantly) in Portuguese. *Journal of Portuguese Linguistics* 5, 113–169.
- Pesini, L. 2018: *La paraipotassi in italiano antico*. Firenze, Firenze University Press.
- Plado, H. 2014: Development of the Estonian conjunction kuna 'while; because' during the 20th century. Laura Visapäa, Jyrki Kalliokoski & Helena Sorva (eds.). *Context of Subordination*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 269–286.
- Rey-Debove J., Rey A. (eds.). 2009: *Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition de Petit Robert de Paul Robert*. Paris: Le Robert.
- Santos Río, L. 1982: Reflexiones sobre la expresión de la causa en español. *Studia Philológica Salmanticensia* 6, 231–277.
- Scheffler, T. 2005: Syntax and semantics of causal denn in German. Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium. P. Dekker, M. Franke (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005, 215–220.
- Sweetser, E. E. 1990: *From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Traugott, E. C. 2010: (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: a reassessment. Davidse, K., Vandelanotte, L., Cuyckens, H. (eds.). *Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization. Topics in English Linguistics*. Berlin: Mouton De Gruyter, 29–71.
- Vocaj, E. 2006: Quatre façons de traduire *parce que*. Analyse contrastive des connecteurs de cause en français et en albanais. *RELQ/QS JL* I, 2, 126–142.
- Zaika, N. M. 2019: [Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language] 4, 7–32.
- Заика Н. М. 2019. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания* 4, 7–32.
- Zaika N. M. 2022: *Clausal Causal Markers in the Languages of Europe: A Database* (<https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757>).

И. И. Ибрагимов

Институт лингвистических исследований РАН/ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ibragimov.lectures@yandex.ru

OPTATIVUS OBLIQUUS В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются имеющиеся интерпретации семантики тех употреблений оптатива в древнегреческом языке, которые группируются под общим названием *optativus obliquus*. Данное явление рассматривается во всех авторитетных грамматиках древнегреческого языка и является темой нескольких отдельных публикаций, при этом взгляды исследователей на семантику *optativus obliquus* разнородны, а иногда и противоположны. В статье делаются предположения о причинах того, почему *optativus obliquus* ускользает от однозначного истолкования, и намечаются перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: *optativus obliquus*, синтаксис древнегреческого языка, придаточные предложения.

I. I. Ibragimov

Institute for Linguistic Studies, RAS/ St. Petersburg State University, Russia,
ibragimov.lectures@yandex.ru

Oblique optative in Ancient Greek: interpretations and further research

The article deals with the existing interpretations of the semantics of the optative in Ancient Greek, in the cases grouped under the general term *oblique optative*. This phenomenon is accounted for in all authoritative grammars of the Ancient Greek language and is the subject of several specific publications. One can see that the views of researchers on the semantics of the *oblique optative* are heterogeneous, and sometimes even opposite. The article makes assumptions about the reasons why the *oblique optative* eludes unambiguous interpretation and outlines prospects for further research.

Keywords: oblique optative, Ancient Greek syntax, subordinate clauses.

Как писал в 1988 году Марсель Делонуа, «так называемый *optativus obliquus* остается самым загадочным и наименее проясненным из всех употреблений оптатива; он изучен мало и фрагментарно, его общее исследование отсутствует» (Delaunois 1988: 127). Через 35 лет после того, как были написаны эти слова, положение дел кардинально не изменилось.

В самом деле, хотя употребления оптатива в древнегреческом языке, обозначаемые термином *optativus obliquus*, рассматриваются во всех авторитетных грамматиках древнегреческого языка и анализируются в нескольких специальных публикациях, суждения исследователей о семантике этих употреблений оптатива разнятся, а подчас и противоречат друг другу.

Прежде чем перейти к анализу имеющихся точек зрения, дадим общее определение *optativus obliquus* исходя из его употреблений в текстах V–IV вв. до н. э. Термином *optativus obliquus* обозначаются употребления оптатива без частицы *ἄν* в дополнительных придаточных предложениях, а также в предложениях причины, цели и времени (последние — только с союзом *πρὶν* и отрицанием в главной части), в тех случаях, когда ситуация, описываемая в главном предложении, относится к плану прошлого. *Optativus obliquus* факультативен: наряду с оптативом во всех названных конструкциях могут употребляться индикатив или конъюнктив — именно те формы, которые обязательны в случае временной отнесенности ситуации главного предложения к плану настоящего. Иногда говорят, что *optativus obliquus* «замещает» соответствующие формы индикатива или конъюнктива, что не совсем верно, так как по ряду признаков именно формы оптатива, а не индикатива/конъюнктива выступают в этих случаях как немаркированные (Delaunois 1988: 128).

Видо-временная форма *optativus obliquus* соответствует форме индикатива/конъюнктива; имперфект индикатива «заменяется» оптативом презенса, а плюсквамперфект — оптативом перфекта, однако такие случаи редки. Чаще всего в конструкциях, допускающих употребление *optativus obliquus*, «сохраняется» индикатив имперфекта и плюсквамперфекта. Из этого можно сделать вывод, что видо-временное значение в данном случае более значимо для коммуникации, чем значение *optativus obliquus*.

Подытожим точки зрения на семантику *optativus obliquus*. Начнём с грамматик.

К. Крюгер (Krüger 1862: 294) характеризует *optativus obliquus* достаточно лаконично: «...после исторического времени употребляется оптатив, когда выражаемая мысль подается как представление субъекта главного предложения». Та же трактовка — в грамматике Р. Кюнера и Б. Герта (Kühner, Gerth 1904: 254): «В зависимости от своего содержания, косвенные вопросы, предложения при глаголах страха и целевые предло-

жения выражают мысли и настроения главного субъекта (*des übergeordneten Subjekts*)». Аналогичную формулировку находим в грамматике Э. Швицера (*Schwyzler, Debrunner 1950: 331*): «С помощью оптатива ... в придаточных предложениях обозначается их внутренняя зависимость, то есть выражение ими мысли субъекта управляющего глагола»:

Хен. Сур. 1.4.25 καὶ ὁ Κύριος δὲ ἐνταῦθα λέγεται εἰπεῖν ὅτι ἀπιέναι βούλοιο, μὴ ὁ πατήρ τι ἄχθοιτο... «Как говорят, и сам Кир заявил тогда, что хочет уехать, чтобы не огорчить отца...».

Приведенные формулировки, как нам кажется, подразумевают, что *optativus obliquus* употребляется в нарративе, автор которого дистанцируется от «мыслей и настроений» субъекта главного предложения и передает их, не беря на себя ответственности за их истинность.

Еще дальше в плане образной характеристики *optativus obliquus* пошел Ж. Эмбер: «<*optativus obliquus* служит> для обозначения тесной подчиненности между придаточным и главным, когда они относятся к прошлому. По сравнению с «наклонением констатации» (индикатив), *optativus obliquus* обозначает некий элемент «мертвой реальности» (*Humbert 1960: 121–122*). Далее Эмбер предлагает назвать *optativus obliquus* «оптативом <для обозначения> деградации реальности в прошлом» («*optatif du dégradation du réel dans le passé*»).

Лаконичное описание семантики *optativus obliquus* предлагает М. Бизос (*Bizos, 1971: 194*): «*Optativus obliquus* употребляется, когда придаточное предложение тесно связано с глаголом главного предложения».

Примерно в том же ключе характеризует *optativus obliquus* в причинном придаточном предложении У. Гудвин: «<*optativus obliquus* употребляется в> причинных предложениях в прошедшем, в которых утверждение о причинно-следственной связи приписывается другому человеку...» (*Goodwin 1897: 281*). Аналогична формулировка в грамматике Г. Смайта: «...причинные предложения, обозначающие предполагаемую или пересказанную причину, используют оптатив после исторических времен» (*Smyth 1956: 504*):

Th. 2.21.3 καὶ τὸν Περικλέα ... ἐκάκιζον ὅτι στρατηγὸς ὢν οὐκ ἐπεξάγουι... «Перикла ... поносили за то, что он, будучи стратегом, не ведет их <на врага>...».

Интерпретация А. Рейксбарона несколько иная: «...оптатив является формальным признаком того, что клауза зависит от

глагола в прошедшем времени; таким образом, передаваемые слова также относятся к прошлому. Это означает, что они представлены с точки зрения рассказчика. Конструкция, использующая время и наклонение прямой речи, с другой стороны, предполагает, что передаваемые слова излагаются почти буквально. ... Тогда, поскольку их отнесенность к прошедшему, так сказать, отменена, передаваемые слова представлены с точки зрения первоначального говорящего/адресата. Это часто предполагает, что сказанное является предметом непосредственной заинтересованности говорящего и/или адресата» (Rijksbaron, 2002: 53).

Учитывая разницу между приведенными интерпретациями, нельзя не согласиться с замечанием М. Делонуа (которое относится к интерпретации А. Рейксбарона), о том, что подобные утверждения «конечно, хороши», но могут быть проверены лишь в ограниченном числе случаев (Delaunoy 1988: 130).

Еще в большей степени отличается от приведённых интерпретаций понимание, представленное в новой фундаментальной грамматике древнегреческого языка, соавтором которой также является А. Рейксбарон: «optativus obliquus сигнализирует, что рассказчик представляет всё в своей собственной временной перспективе: он ставит себя между говорящим и адресатом, подчеркивая свою роль медиатора. Использование наклонения соответствующей прямой речи представляет содержание речи эмфатически с позиции говорящего. Как таковая, конструкция функционирует как средство дистанцирования: она может предполагать, что рассказчик считает, что передаваемые слова ложны или иным образом неприемлемы, или что передаваемые слова были особенно важны в передаваемой речевой ситуации (решающими для говорящего или его адресата) и менее важными в текущей речевой ситуации» (van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker, 2019: 509). Согласно комментарию авторов грамматики к следующему примеру, информация, особенно важная для адресата, передана формой индикатива (εἶσιν), в отличие от формы оптатива (νέμοιτο):

Хер. Ап. 2.2.14 ἔτι δὲ ἀμφὶ δεῖλην ἔδοξαν πολεμίους ὄραν ἰππέας ... ἐν ᾧ δὲ ὠπλίζοντο ἤκον λέγοντες οἱ προπεμφθέντες σκοποὶ ὅτι οὐχ ἰππεῖς εἶσιν, ἀλλ' ὑποζύγια νέμοιτο. «Но еще в сумерках им почудилось, что они видят вражеских всадников ... пока они вооружались, вернулись высланные вперёд разведчики и сообщили, что это не всадники, а пасущийся вычный скот».

Представляется, что основная причина наличия столь разных пониманий семантики *optativus obliquus* заключается в отсутствии специальных исследований, учитывающих репрезентативную выборку материала. Складывается впечатление, что не анализ употреблений ведёт к тем или иным выводам, а, наоборот, примеры подбираются так, чтобы соответствовать выдвигаемым утверждениям.

Рассмотрим теперь публикации, полностью или преимущественно посвященные *optativus obliquus*.

Достаточно неожиданную точку зрения содержит статья Р. Фора (Faure 2009). Автор утверждает, что *optativus obliquus* не является ни факультативным, ни «замещающим» какое-либо другое наклонение и представляет собой грамматикализованную в V–IV вв. до н. э. форму времени — «время нарратива» (*temps du récit*) (Faure 2009: 282).

Вот один из аргументов Р. Фора в пользу наличия семантики прошедшего времени у *optativus obliquus*. В придаточных предложениях цели *optativus obliquus* практически исключен в тех случаях, когда высказывание говорящего подразумевает, что его намерение сохраняется в момент речи, т. е. цель прошедшего действия находится в будущем (Faure 2009: 283)¹:

Хер. Оес. 8.2 ἀλλὰ γάρ, ἔφην ἐγώ, τούτων οὐ σὺ αἰτία, ἀλλ' ἐγὼ οὐ τάξας σοι παρέδωκα ὅπου χρή ἕκαστα κεῖσθαι, ὅπως εἰδῆς ὅπου τε δεῖ τίθεναι καὶ ὁπόθεν λαμβάνειν. «Впрочем, — добавил я, — в этом не ты виновата, а я, потому что я при передаче хозяйства не дал тебе указаний, где должна каждая вещь лежать, чтобы ты знала, куда надо класть и откуда брать».

Напротив, если цель прошедшего действия находится в прошлом, употребляется оптатив:

Хер. Ап. 5.8.16 ἄλλον δὲ γε ἴσως ἀπολειπόμενόν που διὰ ῥαστώνην καὶ κωλύοντα καὶ ὑμᾶς τοὺς πρόσθεν καὶ ἡμᾶς τοὺς ὀπίσθεν πορεύεσθαι ἔπεισα πύξ, ὅπως μὴ λόγῃ ὑπὸ τῶν πολεμίων παίσιτο. «Возможно, что и много какого-нибудь человека, отставшего вследствие отсутствия энергии и ставшего помехой для продвижения вперед передовых отрядов и арьергарда, я ударил кулаком, чтобы враги не ударили его копьем».

¹ Р. Фор ссылается на Amigues (1977: 237). О такой же закономерности пишет Г. В. Смайт (Smyth 1956: 494) и более поздние описания: «Также конъюнктив используется, когда исходная цель всё ещё актуальна в момент речи (повествования)» (van Emde Boas, Rijksbaron, Nuijink, De Bakker 2019: 530).

В работе содержится ещё целый ряд аргументов в пользу того, чтобы считать optativus obliquus обладающим семантикой «времени нарратива», а не наклонения. Как нам кажется, эти аргументы не выглядят достаточно обоснованными, хотя бы в силу того, что выборка, на которую опирается работа, невелика².

В работе (Pino Campos, 1991), в частности, анализируется функционирование optativus obliquus в придаточных предложениях цели. К сожалению, языковой материал Л. М. Пино Кампоса также не очень репрезентативен³, однако учёт отобранных им признаков, которые могут влиять на выбор наклонения, мог бы дать интересные результаты при наличии более значительной выборки. Исследователем, как нам кажется, обоснованно принимается во внимание лицо глагола-сказуемого придаточного предложения и кореферентность субъекта придаточного предложения с субъектом главного предложения или говорящим.

В работе (Basset 1984) проводится достаточно тонкий анализ употреблений оптатива у Гомера. Л. Бассе приходит к следующему выводу. Употребляя optativus obliquus, рассказчик двояко интерпретирует источник своего сообщения: он дистанцируется от этого источника и отказывается от подтверждения истинности его информации, но, «вверяя» своему источнику его точку зрения, рассказчик одновременно демонстрирует к нему своё доверие. Близкую интерпретацию мы видим в вышеупомянутой грамматике (van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker 2019).

В своей второй работе на интересующую нас тему Л. Бассе анализирует все употребления optativus obliquus в предложениях с союзами ὅτι и ὥς у Фукидида и приходит к выводу, что оптатив в этих случаях «подчеркивает субъективность пересказываемого высказывания. Это экспрессивное значение, для которого сложно установить объективные ориентиры» (Basset 1986: 25).

К трактовке Л. Бассе также близки некоторые выводы, сделанные Х. Мендесом Досуной (Mendes Dosuna, 1999). В первой части работы утверждается, что optativus obliquus выражает

² Анализируются предложения, вводимые союзами ὅτι и ὥς в «Анабасисе» Ксенофонта.

³ Фукидид (I книга), «Электра» Софокла и «Горгий» Платона (Pino Campos 1991: 189).

значение эвиденциальности — эксплицитного указания на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Надо отметить, что по сути этот термин называет то же самое значение, о котором писал Л. Бассе и более ранние исследователи. Аргументация исследователя подкрепляется данными типологии, согласно которым в языках мира распространено совмещение в одном показателе значений потенциальности и эвиденциальности, что как раз и происходит в случае *optativus obliquus*. Приведём примеры, хорошо иллюстрирующие это значение:

Хер. *Лас.* 1.1.1 ἀλλ' ἐγὼ ἐννοήσας ποτὲ ὡς ἡ Σπάρτη τῶν ὀλιγανθρωποτάτων πόλεων οὕσα δυνατωτάτη τε καὶ ὀνομαστοτάτη ἐν τῇ Ἑλλάδι ἐφάνη... «*Размышляя о том, каким образом такой крайне малолюдный город, как Спарта, оказался могущественнейшим и знаменитейшим городом Элады...*».

Очевидно, в приведенном примере с помощью индикатива констатируется факт, не вызывающий у автора сомнений.

Хер. *Мет.* 1.1.1 πολλὰκις ἐθαύμασα τίσι ποτὲ λόγοις Ἀθηναίους ἔπεισαν οἱ γραψάμενοι Σωκράτην ὡς ἄξιός εἴη θανάτου τῇ πόλει. «*Часто удивлялся я, какими это доводами люди, обвинявшие Сократа, убедили афинян, что он заслужил смертный приговор от сограждан*».

Во втором примере автор, конечно же, не разделяет точку зрения обвинителей Сократа.

Далее Мендес Досуна признает, что в целом ряде случаев разницу между оптативом и индикативом/конъюнктивом выявить не удастся. Так, аттические ораторы употребляли оптатив в контекстах, где от любого намёка на неуверенность или сомнение могли бы пострадать интересы их клиента:

Lys. 1.20 κατηγορεῖ πρῶτον μὲν ὡς μετὰ τὴν ἐκφορὰν αὐτῇ προσίοι, ἔπειτα ὡς αὐτῇ τελευτῶσα εἰσαγγεῖλειε καὶ ὡς ἐκεῖνη τῷ χρόνῳ πεισθεῖη, «... <служанка> обвинила его в том, что после похорон он подошел к ней, <рассказала>, как она в конце концов сообщила ей <своей госпоже> его просьбу, как та со временем поддалась <на его уговоры>...».

Несмотря на употребление *optativus obliquus*, у говорящего, очевидно, нет никаких сомнений в истинности передаваемой им информации.

В большом числе случаев противопоставление *optativus obliquus* и конъюнктива/индикатива, видимо, нейтрализуется:

Lys. 12.74 μετ' ἐκείνον δὲ Λύσανδρος ἀναστὰς ἄλλα τε πολλὰ εἶπε καὶ ὅτι παρασπόνδους ὑμᾶς ἔχοι, καὶ ὅτι οὐ περὶ πολιτείας ὑμῖν ἔσται ἀλλὰ περὶ σωτηρίας... «После него встал Лисандр и сказал между прочим то, что он смотрит на вас как на нарушителей договора и что для вас встанет вопрос уже не о государственном устройстве, а о жизни и смерти...».

Подводя итоги изложенным интерпретациям, можно сделать предположение о причине столь разных толкований optativus obliquus, а также случаев полного совпадения его семантики с семантикой противопоставленных форм конъюнктива/индикатива.

Периодом «расцвета» optativus obliquus, вероятно, можно считать первую половину IV века до н. э.: у авторов этого периода его употребления наиболее частотны (Faure 2009: 281)⁴. Особенно это касается придаточных изъяснительных — наиболее употребительного для optativus obliquus типа конструкций (у Гомера optativus obliquus в этом типе придаточных еще не встречается⁵). Во второй половине IV века до н. э. употребительность optativus obliquus снижается (Basset 1984: 19; Faure, 2009: 282), а после 300 г. до н. э. он быстро выходит из употребления (Schwyzer 1950: 334; van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker, 2019: 510).

Учитывая, что тексты V–IV вв. до н. э. созданы относительно незадолго до того, как optativus obliquus перестаёт употребляться, возможно, семантические различия опатива и конъюнктива/индикатива в каких-то случаях уже оказывались стёртыми и optativus obliquus употреблялся преимущественно как стилистический вариант конъюнктива/индикатива. Возможность утраты опативом определенных значений на протяжении

⁴ Количество употреблений optativus obliquus и «конкурирующих» с ней форм конъюнктива в придаточных, зависящих от глаголов страха, и предложениях цели у разных авторов приводится в работе (Weber 1884: 243).

⁵ Вслед за Э. Швицером (Schwyzer 1950: 331–334), П. Шантрэн отмечает (Chantraine 1953: 224), что у Гомера optativus obliquus употребляется в следующих типах придаточных предложений: относительных, цели, времени, предложениях с союзом εἰ ('на тот случай, если'), в косвенных вопросах, выражающих сомнение, дополнительных предложениях, зависящих от глагола страха. Во всех этих случаях optativus obliquus «замещал» формы конъюнктива. Параллельно с формами индикатива optativus obliquus употребляется у Гомера ограниченно, и только в косвенном вопросе.

IV века до н. э. допускает и Л. Бассе (Basset 1986: 39). Анализ сплошной выборки материала с учетом особенностей каждого автора и типа конструкции мог бы подтвердить или опровергнуть эти предположения.

В этой связи до сих пор актуальными выглядят соображения М. Делонуа, который предлагает учитывать следующие факторы при анализе употреблений *optativus obliquus* (Delaunois 1988: 132):

1. Осуществлять синтаксическую классификацию изучаемой формы опатива в каждом типе предложений, учитывать их морфологические, лексические и семантические характеристики; учитывать лексические свойства глаголов-сказуемых главной и придаточной части;

2. Учитывать контекст;

3. Принимать во внимание логические и психологические факторы, связанные со всеми участниками описываемых ситуаций: говорящего, автора и других;

4. Сопоставлять рассматриваемую форму с соседними глагольными формами;

5. Учитывать возможность наличия устойчивого оборота или аттракции.

По-видимому, необходимо добавить к этим пунктам как минимум три:

6. Разграничивать нарратив и прямую речь;

7. В случае прямой речи, учитывать лицо глагола-сказуемого главного предложения;

8. Во всех случаях обращать внимание на кореферентность глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений.

Литература

- Adrados, F., 1992: *Nueva sintaxis del griego antiguo*. Madrid: Gredos.
- Amigues, S., 1977: *Les subordinées finales par hōpōs en attique classique*. Paris: Klincksieck.
- Basset, L., 1984: *L'optatif grec et la dissociation énonciative*. *LALIES (Actes des sessions de linguistique — Ecole normale supérieure) IV*, 53–59.
- Basset, L., 1986: *La représentation subjective d'un point de vue passé: l'optatif oblique dans les complétives déclaratives chez Thucydide*. In: S. Rémi-Giraud et M. Le Guern (eds), *Sur le verbe*, Lyon.
- Bizos, M., 1971: *Syntaxe grecque* (4e éd). Paris.
- Chantraine, P., 1953: *Grammaire homérique. Tome 2. Syntaxe*. Paris: Klincksieck.

- Delaunoy, M., 1988: *Essai de syntaxe grecque classique. Réflexions et recherches*. Bruxelles.
- Faure R., 2009: L'optatif oblique serait-il un temps? *CLELIA (Colloque de Langue et de Littérature Antiques)*, La Baume-lès-Aix, 281–294.
- Goodwin, W. W., 1897: *Syntax of the Moods and Tenses of the Greek Verb* (2nd ed.). London.
- Humbert, J., 1960: *Syntaxe grecque* (3e éd). Paris.
- Krüger, K. W., 1862: *Griechische Sprachlehre für Schulen. Zweiter Theil: Syntax*. 4. Ausg. Berlin.
- Kühner, R., Gerth, B., 1904: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. Zweiter Band*. 3. Aufl. Hannover und Leipzig.
- Mendes Dosuna, J. V., 1999: La valeur de l'optatif oblique grec: en regard fonctionnel-typologique. In: B. Jacquino (ed), *Les complétives en grec ancien: actes du colloque international de Saint-Etienne, Saint-Etienne*, 331–352.
- Pino Campos, L. M., 1991: Oraciones subordinadas finales; la función de los modos subjuntivo y optativo en griego antiguo. *Fortunatae* 1991 2, 187–206.
- Pino Campos, L. M., 1992: Los modos subjuntivo y optativo en las subordinadas temporales. *Excerpta philologica*, 1992 2, 43–58.
- Pino Campos, L. M., 1994: Subjuntivo y optativo en subordinadas griegas. *VIII congreso español de estudios clásicos* (1991), 1. Madrid. 225–228.
- Rijksbaron, A., 2002: *The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek* (3rd ed). Amsterdam.
- Schwyzler E., Debrunner A. 1950: *Griechische Grammatik. Band 2: Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck.
- Smyth, H. W., 1956: *Greek Grammar. 2nd ed. revised by G.M. Messing*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- van Emde Boas E., Rijksbaron A., Huitink L., De Bakker M. (eds.), 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge.
- Weber, Ph., 1884: *Entwicklungsgeschichte der Absichtssätze*. Würzburg.

С. В. Иванов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
serge0ivanov@gmail.com

ИРЛАНДСКАЯ ИСТОРИЯ XII ВЕКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ВИДЕНИЯ ТНУГДАЛА»

«Видение Тнугдала» — латинский текст, повествующий о хождении по мукам души ирландского воина. До нас дошли две восточнославянские версии «Видения Тнугдала», обе в единственных списках: старобелорусская (рукопись погибла, сохранилась фрагментарная публикация текста) и церковнославянская (рукопись сохранилась), при этом церковнославянская является обработкой старобелорусской. В этой статье рассматриваются отражения сведений об исторических лицах и событиях, а также трансформации текста в восточнославянской передаче.

Ключевые слова: средневековые видения, ирландская история, восточнославянские переводы, «Видение Тнугдала».

S. V. Ivanov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
serge0ivanov@gmail.com

Irish history of the 12th century in East Slavic translations of the *Vision of Tnugdalus*

The *Vision of Tnugdalus* is a Latin text relating of an Irish warrior whose soul visits Hell and experiences torments. Two East Slavic versions of the *Vision of Tnugdalus* have come down to us as unique pieces of manuscript tradition. These are an Old Belarusian (manuscript lost, a fragmentary publication exists) and a Church Slavonic (manuscript preserved) versions. This paper considers the text transformations as well as the information on the Irish historical figures and events as reflected in the East Slavic transmission.

Keywords: medieval visions, history of Ireland, East Slavic translations, *Vision of Tnugdalus*.

Хождения по мукам и видения загробных страданий составляют особый чрезвычайно выразительный пласт средневековой литературы. Мучения грешников и, в меньшей степени, блаженства праведников обладают образностью и иконографичностью, которая делает тексты такого рода не только назидательными, но и развлекательными, подобно современным

фильмам ужасов. Одним из самых популярных в Средние века произведений такого рода было «Видение Тнугдала», об обстоятельствах создания которого мы знаем довольно много благодаря предисловию автора. Из него выясняется, что автор — монах по имени Марк — перевел этот текст с ирландского на латынь по просьбе настоятельницы неназванного монастыря. Само видение он датирует 1149 г. и называет ряд исторических событий и лиц, связанных с этим временем. В немецком переводе «Видения», появившемся довольно скоро — в конце XII века, — сообщается, что «монах» (очевидно, Марк) написал текст в Регенсбурге в монастыре святого Павла. В заказнице-аббатиссе, которую Марк называет одним лишь инициалом G, видят Гизелу, настоятельницу того же монастыря святого Павла в неопределенный промежуток времени между 1140 и 1160 гг. (Spilling 1975: 5–30; Picard & Pontfarcy 1989: 12–29).

«Перевод», о котором говорит во вступлении Марк, не следует понимать буквально как перевод письменного текста с одного языка на другой: речь идет, скорее всего, о внутреннем переводе услышанной Марком, по его же словам, от самого Тнугдала истории с ирландского на латынь, то есть просто о ее записи в виде латинского текста (здесь и далее мы пользуемся изданием Pfeil 1999).

История эта повествует о жестоком и бесчинном ирландском рыцаре, который внезапно умирает, и душа его отправляется в сопровождении ангела в загробные странствия. Там она претерпевает адские мытарства, но также становится свидетельницей страданий, ассоциируемых с промежуточным состоянием Чистилища, и наконец видит райские блага. Затем душа возвращается в тело, Тнугдал оживает, рассказывает остальным свое видение и обращается на праведный путь.

Марк не пытается скрыть свою «ирландскость» и даже, кажется, нарочно подчеркивает свое происхождение, уснащая повествование героями ирландского фольклора, ирландскими святыми и королями. Так, между зубами в пасти чудовища, называемого Ахерон, выполняя функцию подпорок, стоят два великана — Фергус и Коналл, то есть Фергус мак Ройх и Коналл Кернах, персонажи множества ирландских саг. В раю Тнугдал встречает святого Руадана и святого Патрика. В манере, перенятой затем Данте, Марк населяет загробный мир историческими лицами, своими покойными современниками. Из духовных лиц поименованы епископ Армы Целестин, его преемник святой Малахия, епископ Лаута Кристиан и епископ

Клойна Неемия. Из светских властителей мы находим Данаха (Доннхад), Конхобера (Конхобар) и Кормаха (Кормак).

Надо полагать, эти имена ничего не говорили континентальной аудитории, оставаясь экзотическими маркерами чужеродности, иностранного происхождения текста. Тем не менее, он получил чрезвычайно широкое распространение по всей Европе и был переведен на множество языков. В этой заметке мы хотим обратить внимание на то, как события ирландской истории, упомянутые в «Видении», отразились в восточнославянских переводах.

Действительно, наряду с переводами на немецкий, французский, итальянский, испанский, окситанский, исландский, с XV века появляются рукописные свидетельства переводов «Видения» на славянские языки. Самая ранняя дошедшая до нас рукопись со славянским текстом — Петрисов сборник — датируется 1468 годом и содержит хорватский перевод «Видения Тнугдала» (Jagić 1914). С восточнославянскими текстами ситуация довольно непростая. Александр Брюкнер в 1891 году привлек внимание к старобелорусскому переводу, дошедшему в единственном списке Варшава, Библиотека Красинских, № 408 (Brückner 1891). В своей статье Брюкнер, к сожалению, опубликовал лишь небольшие фрагменты текста, а в 1944 году рукопись погибла. Рукопись изучал также Карский (1894), датировавший ее серединой — второй пол. XVI в. По причине большого объема богемизмов Брюкнер (Brückner 1891: 209) предположил существование чешского перевода, с которого в свою очередь был сделан перевод на старобелорусский.

На этом цепочка переводов не остановилась, и со старобелорусского, как показала Верхоланцева (Verkholantsev 2008: 62–69), был выполнен перевод на церковнославянский. Этот перевод сохранился в единственном списке, хранящемся ныне в Национальной библиотеке в Варшаве (шифр BOZ 92). Его датировка остается предметом дискуссий, от рубежа XV–XVI вв. до середины XVI в. (Stradomski 2014: 115). Текст был до сих пор не издан, издание подготовлено к печати автором этой статьи. Таким образом, на данный момент мы имеем уникальный церковнославянский текст и фрагменты его старобелорусского источника.

Надо полагать, что в этих переводах «Видение Тнугдала» достигло крайней восточной области своего распространения, и тем более интересно посмотреть, что произошло с конкретными

указаниями на ирландскую историю в столь отдаленной как в пространственном, так и во временном отношении передаче.

В странствии по той части загробного мира, которая уготована душам не вполне благим, не заслужившим пекельных мук, но и не сподобившимся еще райского блаженства, душа Тнугдала замечает там знакомых ему королей Данаха и Конхобера и удивляется, потому что при жизни это были два жестоких правителя, враждовавших друг с другом. Ангел объясняет, что они оба покаяться перед смертью. Кроме того, Конхобер во время болезни принес обет уйти в монастырь, а Данах много лет сидел в оковах и отдал все свое имущество нищим. Сразу же после этого душа Тнугдала приходит в великолепный дворец и видит там на троне короля Кормаха. В тексте особо подчеркивается, что Кормах был господином Тнугдала при жизни. В чистилище он также окружен роскошью, многочисленной свитой, священниками и богатой церковной утварью. Однако каждый день на три часа он, одетый во власяницу, погружается по пояс в огонь. Ниже мы подробнее рассмотрим причины этих наказаний.

Все эти короли были действующими лицами ирландской истории второй четверти XII в. Точнее, даже южноирландской, поскольку речь идет о Мунстере — южном королевстве, которое в 1118 г. было в свою очередь разделено на две части: Десмонд («Южный Мунстер»), власть в котором получил род Мак-Картайг (МакКарти), и Томонд («Северный Мунстер») под управлением рода Уа Бриайн (О'Брайен). Кормак Мак-Картайг, которого видит душа Тнугдала в загробном мире, стал королем Десмонда в 1124 г. и вступил в противостояние с верховным королем Ирландии и королем Коннахта Тойрделбахом Уа Конхобайром (Турлог О'Конор). Однако в результате нескольких неудачных столкновений уже в 1127 г. Кормак был смещен своими вассалами и удалился в монастырь Лисмор. Власть в королевстве Десмонд перешла к его брату и сопернику Доннхаду, которого душа Тнугдала встречает до посещения Кормака. Впрочем, вскоре Кормак вернул себе престол при военной поддержке Конхобара Уа Бриайна (Конора О'Брайена), короля Томонда — того самого «Конхобера», которого вместе с Доннхадом видит Тнугдал. После этого Кормак правил довольно долго, пока в 1138 г. не был вероломно убит Тойрделбахом Уа Бриайном. В 1142 г. сам Конхобар скончался в Килл-Далуа, «после победы покаяния». В том же 1142 г. Доннхад попал в плен, был выдан преемнику Конхобара, Тойрделбаху Уа

Бриайну, и умер у него в заключении спустя два года (Seymour 1924/1927: 89–90; Spilling 1975: 127–128; Picard & Pontfarcy 1989: 30–35). Для обстоятельств написания «Видения» важно еще то обстоятельство, что все эти три короля были занесены в поминальную книгу регенсбургского ирландского монастыря; Конхобар поминается на 20 марта как *frater noster*. Кроме того, сохранились известия о поездках ирландских монахов из Регенсбурга на родину за пожертвованиями: первая поездка была совершена к Конхобару Уа Бриайну, а впоследствии аббат Кристиан, происходивший из рода Мак-Картайг, ездил к «королю Донату» (Доннхаду), своему родичу (Flachenecker 1995: 277–281). Таким образом, упоминание королей в «Видении» является не просто данью ирландскому происхождению автора и не только придает достоверности повествованию, но непосредственно связано с жизненными обстоятельствами ирландской монашеской общины Регенсбурга в XII в.

Тем не менее, все эти хитросплетения истории локальных южноирландских междоусобиц начала XII в. и обстоятельства написания текста вряд ли могли быть интересны континентальным читателям и, соответственно, переводчикам. Следствием этого стали упрощения и опущения, затронувшие специфически ирландские детали. Существенные и многочисленные изменения претерпело само имя главного героя; в итоге самым распространенным вариантом стал Тундал (Тондал и т.п.). Имена ирландских королей переименовываются и опускаются, сведения об их прегрешениях и заслугах сокращаются (см. на материале немецких обработок Flachenecker 2000: 108–109). Восточнославянские версии демонстрируют сходные стратегии. О встрече с королями Конхобером и Данахом мы располагаем, к сожалению, только церковнославянским текстом; соответствующая часть старобелорусского источника до нас не дошла. Мы отвлекаемся в данном случае от вопроса про источник старобелорусского перевода и заметим лишь, что он базируется на редакции «Видения», представленной в *Speculum historiale* Винсента Бовэского; подробнее эти вопросы рассматриваются в нашем издании церковнославянского текста. Здесь и далее Б обозначает старобелорусский, Ц – церковнославянский текст.

Ц (с. 283–284)

Идущим нам и видѣхъ душа знаемых жившихъ со мною и дву цареи, ихже по имени знахъ, и вопросихъ ангела: «Что се есть, господи? Сия челоуѣка оба в животѣ своем люта и сверѣпа бѣста. Како сих жилищъ постигоста?» Отвѣща ангель: «Злобъ

своихъ преже смерти // покаяшася, единъ бо ею обѣщася от болезни воставъ ити во иноческый чинъ, другии же, аще и многа лѣта злѣ поживе, но обаче вся, елика имѣ, расточи нищим и правда его пребудеть в вѣки вѣка. Тъ же вся сия, ихже видѣль еси, да скажеша живущимъ на земли».

Как видим, короли лишились имен, превратившись в обезличенные символы спасительного покаяния. В главе про Кормака, к счастью, сохранилось несколько довольно обширных фрагментов старобелорусского перевода, которые позволяют напрямую сопоставить источник и его церковнославянскую обработку. Прежде всего в данном контексте обращает на себя внимание тот факт, что Б сохраняет имя короля, пусть и в искаженном виде («кромѣрътга»), тогда как Ц в уже знакомой манере заменяет его формулой «царь знаемы ми», ср. выше про Конхобера и Данаха «дву царей, ихже по имени знахъ».

Б
Такъ смотря таоудалюс оузрѣ единъ златыи прѣтль, предрагими поставци повлечень, априправлена ѿ всякого найдражашаго каменіа. Анатом прѣтль крал кромѣрътга сѣдел надрагой вдежи, что есть натомто свѣте наидражши.

Ц (с. 284)

И се видехъ престоль златъ пестрыми убрусы поокрове, но и всяческими различаи многоцѣнными украшень. На нем же сѣдѣше царь знаемы ми во одежди многоцѣнной, иже во мирѣ семь надражшая.

Это обстоятельство позволяет предполагать, что имена Конхобера и Данаха также были представлены в старобелорусской версии и выпущены уже при составлении церковнославянской. Однако еще показательнее трансформации, постигшие текст в той части, где душе Тнугдала объясняется, почему Кормак вынужден терпеть муки три часа в день.

Латинский текст (Pfeil 1999: *46)

Ideo ignem patitur usque ad umbilicum. quia legitimi coniugii maculavit sacramentum. et ab umbilico sursum patitur cilicium. quia iussit comitem interficere iuxta sanctum Patricium. et prevaricatus est iusiurandum. Exceptis his duobus; cuncta eius crimina sunt remissa.

В тексте первоначальной латинской редакции сообщается, что Кормак погружен до пупа в огонь из-за осквернения таинства законного брака, а выше пупа носит власяницу, потому что приказал убить одного знатного человека (*comes*, граф) «перед святым Патриком», совершив клятвopеступление.

Отметим также, что «Видение» служит единственным источником относительно упоминаемых в нем грехов короля Кормака. Впрочем, еще Фридель и Майер (Friedel & Meyer 1907: v) предположили, что сообщение анналов под 1136 годом о вероломном убийстве Доннхада, сына Маэлсехлайнна Уа Фаэлайна, совершенном Кормаком, отражает второй грех «Видения». Эта гипотеза повторяется в последующих трудах по предмету, см. Seymour 1924/1927: 88–89; Krebs 1977: 180; Picard & Pontfarcy 1989: 43. Туманным остается выражение «iuxta sanctum Patricium». Сеймур (Seymour 1924/1927: 88) переводил его «by [the church of] St. Patrick» и сопоставлял эту церковь с кафедральным собором Кашеля, столицы Мунстера, поскольку из сообщения о смерти уже упоминавшегося выше регенсбургского аббата Кристиана, умершего вскоре после приезда в Ирландию, следует, что он был похоронен перед алтарем святого Патрика. По мнению Сеймура, в главном алтаре собора хранились мощи святого Патрика, потому и сама церковь была посвящена святому Патрику. Понфарси (Picard & Pontfarcy 1989: 43), отталкиваясь от этого предположения, считает, что под «святым Патриком» подразумевается не сама церковь, а собственно алтарь: то есть убийство было совершено непосредственно в церкви, и это объясняло бы тяжкую кару, которую Кормаку терпит в загробном мире за это преступление. Шарп (Sharpe 2017: 286–287) видит в этом выражении отсылку к «камню Патрика» (Lecá Pátraic) в Кашеле, на котором по преданию Патрик крестил короля Мунстера и который после этого там хранился.

В списке старобелорусской версии текст заканчивался, обрываясь прямо среди фразы, но смысл легко поддается восстановлению в сопоставлении с латинским «Видением»: речь идет о том, что кроме этих двух грехов остальные были Кормаку прощены.

Б

видно крала въ вгни допота аѿ пота аждо горла вжини
вболчена

а жени прото носи ибо есть грабу казалъ забити подле сѣго
патръзна. кромѣ тых дву грехов инїи емѹ [текст обрывается в
рукописи]

В остальном переводчик следует смыслу и букве оригинала; следует обратить лишь внимание на два характерных богемизма: «жени» = чеш. *žíně* ‘власяница, вретисьце’, и «грабу» (им.п. вероятно «граба») = чеш. *hrabie, hrabě* ‘comes, граф’. Эти бже-

мизмы, неверно интерпретированные редактором церковнославянского текста, дали следующий результат:

Ц (с. 285–286)

И в то врѣмя възрѣвъ видѣх царя стояща во огни до пояса и оболчена врѣтищем. И рече ми ангель: «Сию муку на всякий день трѣпить двадесять и три часы, единъ же час токмо опочиваетъ, и того дѣлма во огни страждеть до пояса, яко оскврѣни ложе свое, а врѣтище имать на собѣ за нѣкоего раба повеленьного убити имъ близ церкви жены ради. Развѣе си дву грѣхо//въ вся ему прощена бысть.

Как мы видим, форма «грабу» была реинтерпретирована как «нѣкоего раба», а форма «жени» дала два продолжения: правильное «вретище», но также «жены». Вероятнее всего, это могло произойти вследствие двойного перевода или глоссирования текста, но в любом случае в конечном итоге текст приобретает совершенно новое прочтение: вместо «графа» король убивает «некоего раба», да еще из-за «жены». Однако нельзя не отметить тот факт, что церковнославянский перевод будто бы согласуется с мнением Сеймура, передавая «подле стго патръзна» как «близ церкви». Тут необходимо напомнить, что список Б не мог быть непосредственным источником церковнославянского перевода, который был очевидно сделан с более исправного протографа. Вероятно, в этом тексте на месте «патръзна» стояла какая-либо форма, которую проще было опознать как имя святого.

Итак, мы видим, что специфически ирландские детали устраняются в церковнославянской обработке, но, с другой стороны, старобелорусский перевод еще их сохраняет. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать деятельность редактора и принципы, по которым он трансформирует текст. Однако если такие решения, как элиминирование ничего не говорящих ему и читателям подробностей, представляются вполне ожидаемыми, то вдумчивый подход к правке приводит и к неожиданным умозаключениям, которые оказываются весьма близки к современным гипотезам: исправить «подле стго патръзна» или сходное выражение на «близ церкви» в подобном контексте требует внимательного отношения к тексту, а искажения, проистекающие из непонимания чужеродных вкраплений, являются неизбежными издержками этого процесса.

Литература

- Brückner, A. 1891: Die Visio Tundali in böhmischer und russischer Übersetzung. *Archiv für slavische Philologie* 13, 199–212.
- Flachenecker, H. 1995: *Schottenklöster: irische Benediktinerkonvente im hochmittelalterlichen Deutschland*. Paderborn; München: Schöningh.
- Flachenecker, H. 2000: Hagiographische Werke als Kommunikationshilfen für Fremde. In: *Hagiographie im Kontext. Wirkungsweisen und Möglichkeiten historischer Auswertung*. Hrsg. von Dieter R. Bauer und Klaus Herbers. (Beiträge zur Hagiographie 1) Stuttgart: Franz Steiner, 96–116.
- Friedel, V. H. & Meyer, K. 1907: *La vision de Tondale (Tnudgal). Textes français, anglo-normand et irlandais*. Paris: H. Champion.
- Jagić, V. 1914: Zur Visio Tundali. *Archiv für Slavische Philologie* 35, 501–513.
- Karskij, E. F. 1894: O jazyke tak nazyvaemykh Litovskikh letopisej [On the language of the so called Lithuanian chronicles]. [*Proceedings of the University of Warsaw*] 2, 1–32; 3, 33–64.
- Карский, Е. Ф. 1894: О языке так называемых Литовских летописей. *Варшавские университетские известия* 2, 1–32; 3, 33–64.
- Krebs, R. 1977: Zu den Tundalusvisionen des Marcus und Alber. *Mittellateinisches Jahrbuch* 12, 164–198.
- Pfeil, B. 1999: *Die "Vision des Tnugdalus" Albers von Windberg. Literatur- und Frömmigkeitsgeschichte im ausgehenden 12. Jahrhundert. Mit einer Edition der lateinischen "Visio Tnugdali" aus Clm 22254*. (Mikrokosmos: Beiträge zur Literaturwissenschaft und Bedeutungsforschung 54.) Frankfurt-am-Main: Peter Lang.
- Picard, J.-M. & Pontfarcy, Y. 1989: *The Vision of Tnugdali*. Dublin: Four Courts Press.
- Seymour, St. J. D. 1924/1927: Studies in the Vision of Tundal. *Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature* 37, 87–106.
- Sharpe, R. 2017: Humfrey Wanley, Bishop John O'Brien, and the colophons of Mael Brigte's gospels. *Celtica* 29, 251–292.
- Spilling, H. 1975: *Die Visio Tnugdali: Eigenart und Stellung in der mittelalterlichen Visionsliteratur bis zum Ende des 12. Jahrhunderts*. (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung 21.) München: Arbo-Ges.
- Stradomski, J. 2014: *Rękopisy i teksty. Studia nad cerkiewnoślowiąską kulturą literacką Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej do końca XVI wieku*. Kraków: Wydawnictwo «scriptum» Tomasz Sekunda.
- Verkholantsev, J. 2008: *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. (Slavische Sprachgeschichte 3.) Wien; Berlin: Lit. 2008.

M. N. Kazanskaya

Institute for Linguistic Studies, RAS / St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia. subura@mail.ru

TMESIS OF ADVERBS IN EARLY EPIC POETRY

The article studies a group of prefixed adverbs that appear in tmesis in archaic epic poetry: διαμπερές “right through, piercing through”, διάνδιχα “in two, in half, in twain”, and ἐξονομακλήδην “by name, calling by name”. While adverbial tmesis is mentioned in grammars of ancient Greek and in works on tmesis in early poetry, the examples have not been treated in detail. In this article the tmesic usages of adverbs in Homer and Hesiod are studied one by one, and compared to non-tmesic usages of the same adverb. It is shown that adverbial tmesis is limited to a single syntactic construction with the adverb occupying the initial position in the phrase in a complex paratactic sentence, its preverb separated by the particle δέ, and that the motive for the tmesis of the adverb is primarily stylistic (emphasis, σχῆμα ἀπό κοινοῦ).

Keywords: tmesis, adverbial tmesis, διαμπερές, διάνδιχα, διάτριχα, ἐξονομακλήδην, emphasis, Homeric Greek, epic poetry.

M. N. Казанская

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербургский государственный университет. subura@mail.ru

Тмесис наречий в ранней эпической поэзии

В статье исследуется группа приставочных наречий, которые используются в тмесе (с отделением приставки) в архаической эпической поэзии: διαμπερές ‘насквозь’, διάνδιχα ‘надвое’, ἐξονομακλήδην ‘по имени’. Хотя тмесис наречий упоминается в грамматиках древнегреческого языка и в работах, посвященных тмесису в ранней поэзии, эти примеры ранее подробно не исследовались. В статье разбираются пассажи из Гомера и Гесиода, в которых наречие стоит в тмесе, в сравнении со слитным (бестмесисным) их употреблением. Показывается, что использование наречного тмесиса ограничено единственной синтаксической конструкцией (с вынесением наречия в начало простого предложения в составе сложносочиненного, с частицей δέ), и что оно мотивировано стилистически (эмфаза, конструкция ἀπό κοινοῦ).

Ключевые слова: тмесис, тмесис наречий, διαμπερές, διάνδιχα, διάτριχα, ἐξονομακλήδην, эмфаза, гомеровский греческий, эпическая поэзия.

Works on tmesis in Archaic poetry, apart from the habitual tmesis of the prefixed verb (separation of the prefix from its verb) associated with Homeric style, mention, as a curiosity, several examples of tmesis of adverbs. This separation of the preverb seems to be attested in the case of only three adverbs, διαμπερές “right through, piercing through”, διάνδιχα “in two, in half, in twain”, and ἐξονομακλήδην “by name, calling by name”¹. In modern studies, the phenomenon is mentioned briefly, but never examined in detail nor explained: Jacob Wackernagel in his *Lectures on Syntax* and Raphael Kühner in his *Ausführliche Grammatik* comments briefly on the artificiality of such division of the adverb²; E. Schwyzer explains it as imitation of tmesis of verbs (in the case of διαμπερές)³. However, these examples deserve attention as we find nothing strictly comparable in later ages⁴, and they do seem to shed an interesting light on the development and perception of tmesis in early epic poetry. This article analyses the occurrences of διαμπερές, διάνδιχα and ἐξονομακλήδην in tmesis, and compares them with non-tmetic usage. The aim is to establish the reasons behind the development of the tmesis of adverbs, and to assess whether this usage is primarily prompted by linguistic (syntactic) or stylistic reasons.

¹ Wackernagel (1928: II, 171) and Schwyzer, Debrunner (1988: 426) mention only διαμπερές which occurs three times; Kühner, Gerth (1898: II.1, 530 § 445), followed by Hainsworth (1993: 268, *ad Il.* 11, 377) and Priestley (2009: 119 n. 7), mention both διαμπερές and ἐξονομακλήδην. The adverb διάνδιχα is omitted in these lists (Schwyzer 1953: 598 n. 5, speaking of διὰ δ’ ἄνδιχα, avoids the word “tmesis”).

² Wackernagel (2009: 613 = 1928: II, 171): “Homeric διὰ δ’ ἄμπερές, which occurs only three times (*Il.* 11, 377; 17, 309; *Od.* 21, 422), can hardly be anything but an artificial splitting of διαμπερές (‘right through, throughout’)”.

³ Schwyzer, Debrunner (1988: 449 n. 5): „[Tmesis διὰ δ’ ἄμπερές] der verbalen nachgeahmt ist“.

⁴ Later formations such as ἐνγεταυθί (Aristoph. *Thesm.* 646) and ἐνμεντευθενί (Metagenes fr. 6, 5 PCG) are very different; see Wackernagel (2009: 613–614 = 1928: II, 172) and Willi (2003: 250). Obviously, we do not take into account tmetic usages of epic adverbs in later literature, as they are imitations of Homeric style (e. g., Theocr. *Id.* 25, 256 discussed below).

διαμπερές

The best attested tmesis of adverb concerns διαμπερές which is fairly frequent in the epic language⁵, occurring, among other contexts, in the verse-end formula διαμπερές ἤματα πάντα # (*Od.* 4, 209; *hHymn. Apoll.* 485; *hHymn. Aphr.* 209; cf. its mid-verse variant ἤματα πάντα διαμπερές — *Il.* 16, 499; *hHymn. Aphr.* 248). The adverb διαμπερές belongs to later epic formations⁶, and invariably appears with an apocope of the second preverb ἀνα- which is dictated by metrical reasons (the non-syncopated form *διαναπερές is impossible to use in a hexameter due to the sequence of four short vowels in open syllables⁷). Its inner form was transparent, and epic poets clearly connected the root to the family of πέρα, πεῖραρ, etc., as may be seen in the following passage from the *Odyssey* describing Odysseus' shelter for the night, as he reaches the land of Phaeacians

τοὺς μὲν ἄρ' οὐτ' ἀνέμων διάη μένος ὕγρον ἀέντων,
οὔτε ποτ' ἠέλιος φαέθων ἀκτίσιν ἔβαλλεν,
οὐτ' ὄμβρος περάσκει διαμπερές,
“no force of winds, blowing damply, could blow through them, nor
the shining sun touch them with its rays, nor the rain drench them
through and through” (*Od.* 5, 478–480)⁸.

From the point of view of semantics, the usage of διαμπερές is fluid, ranging from the sense “throughout, i. e., right through, right to the end” to “throughout, i. e., continuously, without pause” and “forever, without end”⁹. While in the absolute majority of cases,

⁵ *Il.* — 20x, *Od.* — 16x; Hes. *Theog.* — 1x, *Op.* — 1x; *hHom. Herm.* — 2x; *hHom. Aphr.* — 3x; *hHom. Apoll.* — 1x; *hHom. Dem.* — 1x.

⁶ Thus, Schmitt (1967: 232, § 477). Cf. Schwyzer, Debrunner (1988: 449) note that διαμπερές (together with διαμπάζ, διαμπαδές) is of verbal origin, comparing it to ἀμπεύραντες in *Il.* 2, 426; consequently, its tmesis may be analyzed as an extension or imitation of tmesis of the corresponding verb (cf. above).

⁷ It should be noted that the non-syncopated form *διαναπερές is not attested in Greek at all. Likewise, its close synonym with the same preverb διαμπάζ “right through, though and through”, appears only in the syncopated form (never *διαναπάξ). Cf. Schwyzer, Debrunner (1988: 449).

⁸ These lines are repeated, to describe a boar's lair, with the only modification of τοὺς to τὴν later in the *Odyssey* (19, 440–442).

⁹ *LSJ* (1996: 404, s.v. διαμπερές): “I. of place, through and though, right through”; “2. abs. without break, continuously; “II. of time, throughout, forever”. R. Schmitt notes that, from the point of view of semantics and

διαμπερές appears in a non-tmetic form, in three cases the first preverb is separated from the adverb by the particle δέ. Significantly, all three passages describe the trajectory of an arrow or a spear, twice in the context of fatal wounding (i. e., the shaft pierces a limb straight through) once, in the context of Odysseus' masterful shot through the row of axes¹⁰. Thus, Hector, aiming at Ajax, kills Schedios in his stead, his spear going through Schedios' collarbone, and the tip coming out at his shoulder:

τὸν βάλ' ὑπὸ κληΐδα μέσσην· διὰ δ' ἄμπερές ἄκρη
 αἰχμὴ χαλκείη παρὰ νεΐατον ὤμων ἀνέσχε·
 δούπησεν δὲ πεσόν, ἀράβησε δὲ τεύχε' ἐπ' αὐτῷ,
 “[Hector] hit him under the collar bone in its midpart: straight
 through, the tip of the bronze spear went up to the outer part of his
 shoulder: and he fell with a thud, and his armour clanged on him”
 (Il. 17, 309–311).

And similarly, Paris wounds Diomedes, his shaft piercing Diomedes' foot and sticking into the ground:

καὶ βάλεν, οὐδ' ἄρα μιν ἄλιον βέλος ἔκφυγε χειρός,
 ταρσὸν δεξιτεροῖο ποδός· διὰ δ' ἄμπερές ἰὸς
 ἐν γαίῃ κατέπηκτο...
 “and he shot, and the arrow did not escape from his hand in vain,
 hitting [Diomedes'] right foot: and the arrow, [piercing] right
 though, stuck in the ground” (Il. 11, 377–378).

It is worth noting that in other comparable contexts involving a wound, διαμπερές is non-tmetic. The effect is very evident, as may be seen from comparison of *Il.* 17, 309–311 with the killing of Tleptolemos, which is very similar in regard to the wound and its description:

[...] ὃ μὲν βάλεν ἀνχένα μέσσον
 Σαρπηδῶν, αἰχμὴ δὲ διαμπερές ἦλθ' ἀλεγεινή·
 τὸν δὲ κατ' ὀφθαλμῶν ἐρεβεννὴ νύξ ἐκάλυψε,

word-formation, the verbal root of the adverb must have been originally use in the active sense and was later reinterpreted in the passive sense: “Man hat ein ursprünglich intendiertes und in Homer, *E* 112 gerade noch greifbares ‘er zog das scharfe Geschoß, das sich durch und durch hineinbohrende, heraus’ als ‘er zog das scharfe Geschoß ganz und gar wieder heraus’ mißdeutet” (Schmitt 1967: 232, § 476).

¹⁰ It is probable that διαμπερές was originally used in the context of warfare, of shafts and spears (cf. Schmitt 1967: 232, § 476, citing W. Luther).

“Sarpedon hit him square on the throat, and the lethal spear went right through: and the dark night covered his eyes” (*Il.* 5, 657–659).

The poet feels no need to emphasize additionally *διαμπερές* by tmetic usage (although there would have been no metrical difference, had he used *διὰ δ' ἀμπερές* instead of *δὲ διαμπερές* in this line, as both scan $\cup \cup - \cup \cup$): practically any wound to the neck, especially by a flying spear, would involve the neck being pierced (cf. *Il.* 13, 547). A minor point to note is that, in the case of the two tmetic uses (at *Il.* 17, 309–311 and 11, 377–378), *διὰ δ' ἀμπερές* is placed closer to the end of the line (the word-ending coincides with the end of the fifth foot), while, as was noticed by R. Schmitt, the non-tmetic *διαμπερές* is standardly used before the bucolic diaeresis (i. e., ending at the end of the fourth foot)¹¹. The stylistic effect is that in the case of *διὰ δ' ἀμπερές* the phrase necessarily runs over into the next hexameter, mirroring the sense of “going right through”.

And finally, the same tmesis occurs in the trial of the bow as Odysseus, still disguised as a beggar, strings the bow and shoots the arrow straight through the axes:

[...] *πελέκεων δ' οὐκ ἤμβροτε πάντων
πρώτης στείλειης, διὰ δ' ἀμπερές ἦλθε θύραζε
ἰὸς χαλκοβαρῆς,*

“and he did not miss the edge of the hole in a single axe, starting from the first, but the bronze-laden shaft went right through and out” (*Od.* 21, 421–423).

This is a less typical usage of *διὰ δ' ἀμπερές*, simply because shooting an arrow accurately through a row of axes¹² is a rare and extraordinary feat. It is clear that it must have been extremely hard, although not absolutely infeasible¹³. The poet emphasizes the fact

¹¹ Schmitt (1967: 231, § 476): “immer vor bukolischer Dihairesis”, and later (1967: 232, n. 1363a): “Das Wort *διαμπερές* füllt den Versteil zwischen der τομή κατὰ τρίτον τροχαῖον und der bukolischen Dihairesis. Das kann auf Herkunft aus einer älteren Stufe hexametrischer Dichtung deuten”.

¹² The exact details of how the contest was set have been much discussed: see M. Fernández-Galiano in the introduction to the commentary on *Odyssey* 21 for a thorough discussion of the theories that have been proposed (Russo, Fernández-Galiano, Heubeck 1992: 140–147, with further bibliography). I follow Fernández-Galiano’s interpretation of the ἄεθλον, and his discussion of πρώτης στείλειης has influenced my translation of the passage above (*Od.* 21, 421–423).

¹³ Cf. Russo, Fernández-Galiano, Heubeck (1992: 141).

that the arrow went straight through twelve axes, hence the unusual (and slightly pleonastic) expression *πελέκεων δ' οὐκ ἤμβροτε πάντων πρώτης στείλειψς*. He also seems to highlight insistingly the importance of *διά* for the whole scene, introducing it in several other verbal tmeses in connection to the contest: as Telemachus is preparing the equipment, he digs up a trench so as to have a place to set the row of axes, and then aligning and fixing them in the dug-up earth (*πελέκεας στήσεν, διά τάφρον ὀρύξας πασι μίαν μακρὴν* “he set the axes, digging up a ditch, one long ditch for them all”, *Od.* 21, 120–121); and later, Eurymachus expresses his apprehensions about letting Odysseus, still in disguise, touch the bow, fearing that people will say that a beggar has managed to shoot through the targets (*ἀλλ' ἄλλός τις πτωχὸς ἀνήρ... ῥηϊδίως ἐτάνυσσε βίον, διά δ' ἦκε σιδήρου*, “but some other beggar... easily strung the bow, and shot straight through the ironware”, *Od.* 21, 327–328). The adverbial tmesis *διά δ' ἀμπερές*, as it occurs in the description of Odysseus' actual shot in v. 422, is thus prepared well in advance. With regard to the tmesis of the adverb, M. Fernández-Galiano notes that it may have been prompted by *διαμπερές* being a cognate of *πείρω*¹⁴. I would argue, however, that the tmesis places the spotlight on the preverb *διά* which would otherwise have been much less emphatic in a non-tmetic *διαμπερές*, where it is only one of two preverbs. Cf. also examples below, where the preverb appears to be semantically connected not only to the adverb, but also to the verb: here *διά* could go well with the verb *ἦλθε*, so it is worth considering the possibility that it is used *ἀπὸ κοινοῦ*.

διάνδιχα

The adverb *διάνδιχα* “in two, in twain” is constructed with two adverbs, *δια-* and apocopated *ἀνα-* (most of them in the formula *διάνδιχα μερμηρίζεν*)¹⁵. This adverb occurs quite regularly in

¹⁴ “The unusual tmesis of an adverb may here be explained by its derivation from the verb *πείρω*, ‘pierce’, but this explanation will not do for the other two occurrences” (Russo, Fernández-Galiano, Heubeck 1992: 203, on *Od.* 21, 422). I am not sure I understand the reasons behind the second part of this statement.

¹⁵ Schwyzer, Debrunner (1988: 448–449) remark on the fact that *δια-* did not originally have an adverbial usage, and that its form and usage shows that it was primarily a preverb: cf. “Die Grundbedeutung ‚entzwei, auseinander, zer-‘ ist im Lateinischen und Gotischen fast rein erhalten, im Griechischen nur im präverbialen Gebrauch“. However, when speaking of *διάνδιχα* they interpret its appearance before adverbs as adverbial: “Als

Homeric poems, but never in a tmesis. There is, however, one instance of tmetic usage¹⁶ in the beginning of Hesiod's *Work and Days*, as the poet speaks of the two kinds of Eris:

Οὐκ ἄρα μούνον ἔην Ἐρίδων γένος, ἀλλ' ἐπὶ γαῖαν
 εἰσι δύο· τὴν μὲν κεν ἐπαινῆσαι νοήσας,
 ἢ δ' ἐπιμωμητὴ· διὰ δ' ἄνδιχα θυμὸν ἔχουσιν,
 “There was not only one kind of Eris, but there are two of them on
 this earth: the first <Eris>, if one gave it thought, one would praise,
 the other deserves blame: their disposition is absolutely opposite
 (lit. their spirit is divided in two)” (Hes. *Op.* 11–13).

Hesiod seems to be reworking here the expression διάνδιχα μερμήριζεν that was used in earlier epic poetry to describe the state of a person who (often under the influence of another person's words) is torn between two opposite courses of action (or impulses)¹⁷. Thus, as Deiphobus deliberates advancing alone or calling a fellow Trojan to his aid:

ὧς φάτο, Δηϊφόβος δὲ διάνδιχα μερμήριζεν
 ἢ τινά που Τρώων ἐταρίσσαιτο μεγαθύμων
 ἄν ἀναχωρήσας, ἢ πειρήσαιο καὶ οἶος,
 “thus he spoke, and Deiphobus pondered two courses of action,
 whether he, turning back, should take one of the great hearted
 Trojans as companion, or should he try [to confront Idomeneus] on
 his own” (*Il.* 13, 455–457).

It was already noticed by Aristarchus that after διάνδιχα μερμήριζεν sometimes only one possible course of action is described, while the other (as its direct opposite) is implied: thus, in *Il.* 8, 167–168 the presence of διάνδιχα prompted the introduction of a line listing the alternatives (168a), and Aristarchus argued that it should be excluded as an interpolation¹⁸. Most interestingly, he also

Adverb (was nach obigem nicht ursprünglich ist) vor Adverbia: hom. διάνδιχα ‘zweigeteilt’ = hom. ἄνδιχα^c (Schwyzer, Debrunner 1988: 449, 2.b.6).

¹⁶ West (1978: 143, *ad Hes. Op.* 13) is loathe to call this construction a tmesis, putting the term in hyphens.

¹⁷ On expression to describe the moment of deciding between two courses of action, see Arend (1933: 108–113); more specifically on the verb μερμήριζειν, see Bravi (2014).

¹⁸ [...] Τυδείδης δὲ διάνδιχα μερμήριζεν / ἵππους τε στρέψαι καὶ ἐναντίβιον μαχέσασθαι “Son of Tydeus pondered two <opposite> courses of action, whether he should turn around his steeds and fight against them (*scil.* or

used this argument in commenting the scene in *Iliad* 1, as Achilles is debating how to respond to Agamemnon's offense (*Il.* 1, 189–192): Aristarchus argued that the use of the formula διάνδιχα μερμήριξεν in v. 189 did not require that keeping peace (the alternative to attacking Agamemnon) be spelled out, and that in fact in v. 192 should be athetized as it weakens the depiction of Achilles' wrath¹⁹. The way that διάνδιχα μερμήριξεν corresponds to the choice the character is faced with suggests that διάνδιχα, over time, developed a stronger usage than the original “in two”, as reflected in the tendency to appear in the case of two radically opposed choices.

When speaking of the dispositions of the two Eris, Hesiod took as his starting point διχα θυμὸν ἔχοντες “divided in two in their spirit” (*Il.* 20, 32) of the gods, part of whom were fighting on the side of the Trojans, and part on the side of the Achaeans. However, he chose to reinforce it by replacing διχα with the stronger διάνδιχα²⁰: the adverb manifestly preserves the sense of “absolutely separated, having nothing in common” that it had in the expression διάνδιχα μερμήριξεν, but is now applied to the disposition of two distinct deities (the good Eris and the bad Eris). Once again, the separation διὰ δ' ἄνδιχα is not necessary from the metrical point of view, as it is equivalent to δὲ διάνδιχα in *Il.* 13, 455 (see above), and a rearrangement of word order (to accommodate the placement of δέ) would have sufficed. Instead, Hesiod places διὰ δ' ἄνδιχα at the beginning of the syntactic unit right after the colon, with the particle dividing the adverb in two and thus additionally highlighting semantics of “cardinally opposite” that διάνδιχα already had in Homer. This usage was neatly replicated by Theocritus in *Idyll* 25, as Heracles tells of the killing of the Nemean lion, how he first knocked the beast unconscious with his club which broke in two from the blow, and then throttled him to death:

τῆ δ' ἑτέρῃ ρόπαλον κόρσης ὕπερ αὖον ἀείρας
ἦλασα κάκ κεφαλῆς, διὰ δ' ἄνδιχα τρηχὺν ἔαξα
αὐτοῦ ἐπὶ λασιόιο καρῆατος ἀγριέλαιον

not)” (*Il.* 8, 167–168). See Kirk (1990: 310–311, *ad Il.* 8, 167–168) on the fallacy of this reasoning.

¹⁹ This can be deduced from the short scholium to v. 192: ὅτι ἐκλύεται τὰ τῆς ὀργῆς· διὸ ἀθετεῖται “as the depiction of the wrath is weakened: for this reason, it is athetized” (schol. A in *Il.* 1, 192, Aristonicus; cf. schol. bT in *Il.* 1, 189–193 where the line is qualified as περισσός “superfluous”); see Schironi (2018: 715).

²⁰ See Schwyzer (1953: 598, V.d.β) on this derivation.

θηρὸς ἀμαιμακέτιο,
 “and raising with my other hand my seasoned club over my head, I brought it down on his head; and clean in two pieces I broke the tough olive on the shaggy head of that invincible beast” (Theocr. Id. 25, 255–258).

It is also important to mention the adverb *διάτριχα* that is cited as a parallel to *διάνδιχα*, and which also once appears in tmesis²¹. There are two apparent attestations of *διάτριχα* in Homer, both times accompanying the passive aorist participle of the verb *κοσμέω*:

οἱ Ῥόδον ἀμφενέμοντο διὰ τρία κοσμηθέντες
 Λίνδον Ἰηλυσόν τε καὶ ἀργινόεντα Κάμειρον,
 “[...] they, who inhabited Rhodos, arranged in three parts, Lindos, Ialousoi and the shining Kameiros” (Il. 2, 655–656).

αὐτίκα καμπύλα τόξα καὶ αἰγανέας δολιχαύλους
 εἰλόμεθ’ ἐκ νηῶν, διὰ δὲ τρία κοσμηθέντες
 βάλλομεν...
 “and at once we took the curved bows and hunting spears from the ships, and arranged in groups of three, we start shooting...” (Od. 9, 156–158).

In both cases *διὰ τρία* appears as two words (although the reading *διάτριχα* is attested as a variant for Il. 2, 655–656, and in the scholia vetera)²², which raises the question of whether *διὰ* pertains to *τρία* or to *κοσμηθέντες* (as tmesis of *διακοσμέω*²³). The adverb *διάτριχα* (as a single word) does appear, however, in the *Homeric hymn to Demeter*, in the description of the division of the Universe between Zeus, Poseidon and Hades: ἀμφὶ δὲ τιμῆν / ἔλλαχεν ὡς τὰ πρῶτα *διάτριχα* δασμὸς ἐτύχθη (*hHom. Dem.* 85–86). I would tentatively argue that the expression *διακοσμηθέντες τρία* (with the

²¹ See West (1976: 143, *ad Hes. Op.* 13) who cites *διὰ δὲ τρία* (Od. 9, 157) as a parallel to *διὰ δ’ ἄνδιχα*.

²² See the apparatus criticus *ad loc.* in West’s edition (West 2006: 76); the D scholia read *διάτριχα κοσμηθέντες: τριχῶς διαταχθέντες* “triply-arranged” (van Thiel 2014: 134).

²³ Thus, Schwyzer, Debrunner (1988: 449): „Aber B 655 ι 157 wird besser *διὰ* mit *κοσμηθέντες* verbunden“. Schwyzer’s attempt of explaining *διὰ δ’ ἄνδιχα* as a tmesis of *διέχω* (Schwyzer 1953: 598 n.4: „*δι(ά)* gehörte ursprünglich zum Verb (so *διὰ δ’ ἄνδιχα* *θυμὸν ἔχουσιν* Hes. E. 13)“) is much less plausible, as the verb *διέχω* in early epic poetry is used exclusively of shafts piercing an object: see B. Mader, s.v. *ἔχω* II.5 in *LfggrE* 1955–2010: II, col. 848: „hindurchdringen, -fahren (so daß es herausragt)“.

verb in tmesis) might have been reinterpreted in later epic poetry of the archaic period as διάτριχα to match διάνδιχα, and this interpretation was accepted by some of ancient scholars for *Il.* 2, 655 (hence the *varia lectio*); it probably also influenced Apollonius of Rhodes imitating *Il.* 2, 655 in his *Argonautica*:

οὐ γὰρ ὀμηγερέες μίαν ἄμ πόλιν, ἀλλ' ἀνά γαῖαν
κεκριμέναι κατὰ φύλα διάτριχα ναιετάσκον...

“for they (scil. the Amazons) did not gather in one city, but lived scattered across the earth in tribes, divided into three parts” (Apoll. Rhod. 2, 996–997).

ἔξονομακλήδην

The adverb ἔξονομακλήδην “by name”²⁴ appears in three passages in Homer, as a person calls out to one or multiple addressees (in two cases, in scenes of utter desperation); P. Chantraine astutely notices that in none of these passages is the name actually given²⁵. Thus, as Charybdis snatches Odysseus’ companions, they cry for help: [...] ἐμὲ δὲ φθέγγοντο καλεῦντες / ἔξονομακλήδην, “and they cried for me, calling me by name...” (*Od.* 12, 249–250; the adverb, which is placed in enjambement, is printed as a single word both by P. von der Mühl and M. L. West). It is less evident, how the adverb should be printed in the following passage from the *Iliad*:

πάντας δ' ἔλλιτάνευε κυλινδόμενος κατὰ κόπρον,

ἔξ ὄνομακλήδην ὀνομάζων ἄνδρα ἕκαστον,

“and [Priam] pleaded with them all, rolling in the filth, naming every man by name” (*Il.* 22, 414–415).

²⁴ The parts of this composite adverb are easily recognizable, but the exact formation is not evident: P. Chantraine reconstructs the syntagm at its basis as ὄνομα καλεῖν, with preverb ἔξ- highlighting the thoroughness of the address (*DELG*: 803, s.v. ὄνομα: «ἔξ- ‘complètement’ comme dans ἔξονομάζω, p.-ê. ‘en appellant de tous ses noms (nom du père, etc.) »; H. Fränkel (1925: 2–3) reconstructed ἔξ as part of the initial syntagm, ἔξ ὀνόματος καλεῖν. While Chantraine’s reconstruction appears much more plausible, I would like to point out that the use of ἔξονομακλήδην in *Od.* 12, 250 and *Il.* 22, 415, in a context of intense distress, speak against the idea of full (formal) address, with patronymic: it seems better to understand ἔξ- as indicator of the tone of voice (“crying out”, cf. the use of ἔξονομηῆναι in the sense “to say or mention out loud”, in *Od.* 6, 66; *hHom.Aphr.* 252).

²⁵ *DELG*: 803, s.v. ὄνομα: «on observe que dans tous les exemples jamais les noms ne sont donnés ensuite».

Th. W. Allen and M. L. West separate ἐξ ὀνομακλήδην, printing it as two words, and the manuscript tradition in this point is divided (with some ms. giving ἐξ ὀνομακλήδην, while other ms. and the scholia read ἐξονομακλήδην)²⁶. If the form is indeed ἐξ ὀνομακλήδην, there is reason to wonder whether ἐξ belongs with the adverb or with the participle ὀνομάζων, i. e., if we are in fact dealing with a tmesis of ἐξονομάζω.

And finally, as in *Odyssey* 4 Menelas reminisces in Helen's presence how she came out to the Trojan horse and called the hiding Greeks, naming each of them separately by his name, the adverb certainly appears as two words, with δέ separating ἐξ from the adverb:

τρις δὲ περίστειξας κοῖλον λόχον ἀμφορόωσα,
ἐκ δ' ὀνομακλήδην Δαναῶν ὀνόμαζες ἀρίστους...
“and thrice did you go around the hollow ambush, feeling it <by
hand>, and you were naming the best of the Greeks, calling them
out by name...” (*Od.* 4, 278–279)

This passage is different in that Helen's calling the Greeks was not a sign of desperation, but a ruse. Once again in this construction (which is metrically identical to ἐξ ὀνομακλήδην in *Il.* 22, 415) it is difficult to establish, whether ἐκ pertains to ὀνομακλήδην or to ὀνόμαζες, and I would argue that this deliberate on the part of the poet: placed at the beginning of the line (in a sort of “hyperbaton”) ἐκ belongs ἀπὸ κοινοῦ with both, binding the members of this *figura etymologica* even closer together²⁷.

Conclusions

The study of the contexts in which prefixed adverbs appear in tmesis in early epic poetry allow us to formulate certain principles regarding this peculiar phenomenon. While none of these examples are strictly necessary from the metrical point of view, it is important to note that they are limited to a single syntactic construction: the

²⁶ See the apparatus criticus in West's edition (1998–2000: 287). For the reading of the scholia, see Erbse 1969–1977: V, 344, *ad loc.*; for the D scholia, see van Thiel (2014: 577).

²⁷ Other *figurae etymologicae* on the same root include, e. g., γενεῖν ὀνομάκλυτον ἐξονομάζων (*hHom.Herm.* 59), Εὔβοιαν δὲ βοός μιν ἐπόνυμον ὀνόμασε Ζεύς (Hes. fr. 296, 3 Merkelbach, West). Unfortunately, there are not many thorough syntactical and stylistic studies of the ἀπὸ κοινοῦ construction in Greek (see recently Massimilla 2016: esp. 173–174, with references to earlier scholarship).

adverb in tmesis is placed at the beginning of a phrase in a complex sentence, in mild opposition to the previous phrase, and the prefix divided from the main part of the adverb by the particle δέ. Within this construction δέ occupies the expected second position in the syntactic unit, whereas the preverb is highlighted by its initial position in the unit, as well as by the separation. All other details are specific to each adverb in particular. The best attested tmesis of adverb is διὰ δ' ἄμπερές (*Il.* 11, 378; 17, 309; *Od.* 21, 422): its connection to the verb πείρω could explain the extension of the verbal tmesis to the adverb. In a number of examples, the tmesis seems to be stylistically motivated, as the preverb may belong semantically not only with the adverb, but also with the verb, i. e., it is used ἀπὸ κοινοῦ: this is evident in ἐκ δ' ὀνομακλήδην... ὀνόμαζες (*Od.* 4, 279; cf. *Il.* 22, 415), but also in διὰ δ' ἄμπερές ἦλθε (*Od.* 21, 422), where it would be natural to think of the verb διέρχομαι, were it not for the fact that the non-prefixed *ἄμπερές is never used adverbially (only ἄμπερέως appears as a gloss in Hesychius, α 3781). I would suggest that such ἀπὸ κοινοῦ constructions, where the preverb separated by δέ could be taken both with the adverb and the verb that is placed behind it, played an important role in the development of this untypical class of tmesis in early epic. Finally, the tmesis of διάνδιχα into διὰ δ' ἄνδιχα in Hes. *Op.* 13 primarily seeks to emphasize the semantics of preverb διά (as highlighting the fact that the two Eris have nothing in common), and is analogical to διὰ δ' ἄμπερές. This tmesis probably influenced the reinterpretation of the verbal tmesis διὰ τρίχα κοσμηθέντες and the “invention” of the adverb διάτριχα (as analogical to διάνδιχα).

References

- Arend, W. 1933: *Die typischen Scenen bei Homer*. Berlin: Weidmann.
- Bravi, M. 2014: Note di psicologia e linguistica omerica I: μεμμηρίζειν dall' *Iliade* all' *Odisea*. *Quaderni Urbinati di Cultura Classica* 106, 13–32.
- DELG — Chantraine P. 1968–1977: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque : histoire des mots*. Vol. I–IV. Paris: Klincksieck.
- Denniston, J. D. 1954: *The Greek Particles*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Erbse, H. 1969–1977: *Scholia Graeca in Homeri Iliadem* / ed. H. Erbse. Vol. I–VII. Berolini: W. de Gruyter.
- Fraenkel, H. 1925: Griechische Wörter. *Glotta* 14, 1–13.
- Gow, A. S. F. 1952: *Theocritus, edited with a Translation and Commentary*. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hainsworth, B. 1993: *The Iliad: A Commentary*. Vol. III: *Books 9–12*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirk, G. S. 1990: *The Iliad: A Commentary*. Vol. II: *Books 5–8*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kühner, R., Gerth, B. 1898: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache*. Teil II: *Satzlehre*. Hannover, Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.
- Lfgre — *Lexikon des frühgriechischen Epos* / begründet von Br. Snell. Bd. 1–IV. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955–2010.
- LSJ — Liddell H. G. Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon, revised and augmented by H. G. Jones, with the assistance of R. McKenzie and the cooperation of many scholars*. Oxford: Clarendon Press.
- Massimilla, G. 2016: The ἀπὸ κοινοῦ of the Prepositions as a Feature of Epigrammatic Style. In: E. Sistakou, A. Rengakos (eds.) *Dialect, Diction, and Style in Greek Literary and Inscribed Epigram (Trends in Classics 43)*. Berlin, Boston: de Gruyter, 173–191.
- Priestley, J. 2009: Tmesis in Herodotus. *Glotta* 85, 118–178.
- Russo, J., Fernández-Galiano, M., Heubeck, A. 1992: *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. III: *Books XVII–XXIV*. Oxford: Clarendon.
- Schironi, Fr. 2018: *The Best of the Grammarians: Aristarchus of Samothrace on the Iliad*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Schmitt, R. 1967: *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Schwyzler, E. 1953: *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik*. Bd. I: *Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion*. 2. Aufl. München: C.H. Beck.
- Schwyzler, E., Debrunner, A. 1988: *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik*. Bd. II: *Syntax und syntaktische Stilistik*. 5. Aufl. München: C.H. Beck.
- van Thiel, H. 2014: *Scholia D in Iliadem: proekdosis aucta et correctior*. Köln.
- Wackernagel, J. 1926–1928: *Vorlesungen über Syntax, mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*. Bd. I–II. Basel: Birkhäuser.
- Wackernagel, J. 2009: *Lectures on Syntax, with Special Reference to Greek, Latin, and Germanic* / ed. with notes and bibliography by D. Langslow. Oxford: Oxford University Press.
- West, M. L. 1978: *Hesiod: Works and Days, edited with Prolegomena and Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- West, M. L. 1998–2000: *Homeri Ilias*. Vol. I–II. Munich, Leipzig: K.G. Saur.
- West, M. L. 2017: *Homerus Odyssea*. Berlin, Boston: de Gruyter.
- Willi, A. 2003: *The Languages of Aristophanes: Aspects of Variation in Classical Greek*. Oxford: Oxford University Press.

А. В. Каргальцев

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. akargaltsev@herzen.spb.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ В ТРАКТАТАХ ТЕРТУЛЛИАНА¹

Статья посвящена анализу отношения Тертуллиана к проблематике богатства и бедности, а также терминологии, которую он использует при описании данных феноменов. Основное внимание уделено тому обстоятельству, что Тертуллиан не просто переводит на латынь соответствующие понятия из Священного Писания, а создает свою собственную богословскую модель, в основе которой лежат антропологические представления апологета, по мнению которого, любое обладание богатством недопустимо для христианина, а, напротив, бедность может быть представлена разными состояниями, каждому из которых предназначены свою проповедь и утешение. В этом смысле Тертуллиан значительно отходит от традиции Нового Завета и христианских писателей Востока, где апостол Иаков увещевает состоятельных иудеев, а Климент Александрийский пишет специальный трактат о том, как состоятельному христианину безопасно распорядиться своим имуществом. Меняется и терминологическая структура: в Новом Завете «нищий» — это общее и универсальное понятие, в то время как богатые представлены различными категориями обеспеченных граждан. Тертуллиан не оценивает богатых, но рассуждает о страстях и пороках, которые приводят человека к богатству и от которых необходимо избавиться вместе со своими состояниями, чтобы присоединиться к Церкви. Отдельно разбирается вопрос о библейских источниках Тертуллиана, возможности вольного перевода им священных текстов, а также о заимствовании им латинских терминов из гетеродоксальной традиции.

Ключевые слова: богатство, бедность, Тертуллиана, раннее христианство, Карфаген.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта No 22-28-01357 «Богатство, бедность и мученичество в первые века христианства» (Санкт-Петербургский гос. университет) <https://rscf.ru/project/22-28-01357/>

Alexey Kargaltsev

Herzen State Pedagogical University of Russia, akargaltsev@herzen.spb.ru

Terminology of poverty and wealth in Tertullian treatises²

The article analyzes the attitude of the African apologist Tertullian to the problems of wealth and poverty, as well as the terms that he uses describing these phenomena. The main attention is paid to the fact that Tertullian, having translated into Latin the relevant concepts from the Holy Scriptures, created his own theological model, based on his anthropological ideas. According to the latter, any possession of wealth is unacceptable for a Christian; besides, poverty is represented by different states, to each of which its own sermon and consolation are addressed. In this aspect, Tertullian departs significantly from the tradition of the New Testament and the Christian writers of the East, where Apostle James admonishes wealthy Jews and Clement of Alexandria writes a special treatise on how a wealthy Christian should safely dispose of his property. The terminological structure is also changing: in the New Testament, “beggar” is a general and universal concept, while the rich are represented by various categories of wealthy citizens. Tertullian does not evaluate the rich, but talks about the passions and vices that lead a person to wealth and which must be got rid of, along with their fortunes, in order to join the Church. Besides, the article deals with the problem of Tertullian’s biblical sources, the possibility that he translated sacred texts loosely, and the question whether he could have borrowed Latin terms from the heterodox tradition.

Keywords: wealth, poverty, Tertullian, early Christianity, Carthage.

Тертуллиан занимает особое место среди раннехристианских авторов. С его именем связано начало формирования западного латинского богословия, которое выразилось не просто в переводе отдельных текстов или понятий с греческого языка на латинский, но в создании особого терминологического языка, отличного от того, что был на греческом Востоке. Очевидно, этот язык отражал в первую очередь иные антропологические представления. Так, например, душа (*anima*) у Тертуллиана материальна, физична и заключена в человеческом теле: *Definimus animam dei flatu natam, immortalem, corporalem, effigiatam, substantia simplicem, de suo sapientem, uarie procedentem, liberam arbitrii, accidentis obnoxiam, per ingenia mutabilem, rationalem, dominatricem, diuinatricem, ex una*

² The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 22-28-01357 “Wealth, poverty, and martyrdom in the First centuries of Christianity” (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/22-28-01357/>

redundantem. (Tert. *De anim.*, 22, 2). В то же время Климент Александрийский и Ориген настаивают на бестелесности души и ее сверхприродной сущности (Clem. Alex. *Strom.*, VI, 16, 135; Orig. *Contr. Cels.*, VI, 71). Тот факт, что воззрения Тертуллиана получили дальнейшее развитие в африканской церкви, подтверждается как отдельными замечаниями Киприана Карфагенского о телесности и страданиях души (Cypr. *Ad Demetr.*, 24), приверженность которого Тертуллиану засвидетельствовал св. Иероним³, так и в апологии Арнобия, который в ходе знакомства с церковной традицией заключил, что души человеческие обладают средней природой, действительной и неопределенной (Arnob. *Adv. Nat.*, II, 14, 31, 35, 53). Очевидно, что отличия в антропологии порождали и различную сотериологию, непосредственное касательство к которой имеет проблема богатства и бедности.

Социальная проблематика в целом занимает важное место в евангельской проповеди. Притча о богаче и Лазаре (Luc. 16, 19–31), обращение к богатому юноше продать все и следовать за Христом (Matt. 19, 21–24) и другие примеры продолжают ветхозаветную парадигму, декларирующую социальное равенство между избранниками Божьими, а также очевидное наличие его в грядущем Божьем царстве. В этом смысле традиционное библейское противопоставление универсальных понятий «богатый» (ὁ πλούσιος) и «нищий» (ὁ πτωχός) в дальнейшем отражается в трудах раннехристианских писателей. Здесь очевидно и качественное сравнение, где нищий это не просто человек, лишенный каких-либо средств к существованию, но лишенный иного упования и иной поддержки, кроме божественной, а потому праведный (Kargaltsev 2023). Положение богачей более сложное. Очевидно, что богатство представляет серьезную опасность, поскольку поработочает человеческую душу и отвлекает ее служения Богу, и что особенно опасно, приводит к отступничеству. Как отмечает А. Д. Пантелеев, христианская проповедь ставит с ног на голову традиционные греко-римские и иудейские представления о материальном благе, которое дается как награда за праведность (Panteleev 2022: 311). Однако положение богатых не безнадежно, поскольку душа челове-

³ Речь в данном случае об известном упоминании в трактате «О знаменитых мужах»: Киприан не проводил и дня без чтения Тертуллиана и часто говорил: «Дайте мне учителя», имея в виду Тертуллиана (Hier. *De Vir. ill.*, 53).

ческая может быть безразлична к земным богатствам, а сами они направлены на помощь единоверцам. Климент Александрийский посвящает специальное сочинение вопросу «Кто из богатых спасется» и заключает, что, во-первых, Христос не отгораживается от богатых, а, во-вторых, их средства необходимы христианским общинам для осуществления дел милосердия и помощи ближнему (Panteleev 2023). Заметим, что такое положение дел является не умозрительным, а исходит из антропологических представлений, описанных выше. В том случае, если душа имеет свободу и разум действует свободно, то и богач может позволить себе вести праведную жизнь. В случае же Тертуллиана, материальная душа у которого накрепко заключена в физическом теле, проблема отношения к богатству будет решаться иначе.

Первое, на что обращает внимание исследователи, это аудитория, к которой обращается африканский апологет (Rhee 2013: 197). У Тертуллиана нет какой-то специальной работы, посвященной богатству и бедности, эти сюжеты рассыпаны по его многочисленным трактатам и представляют, в отличие от видения Климента Александрийского не самостоятельную проблему, но некий фон жизни христиан и язычников (Tert. *De idol.*, 18, 3–9; *De cul. fem.* 2, 4–6; *Ad. ux.* 2, 3–4, 8; *Ad Scap.* 3, 4; 4,5–6; 5,2; *Apol.* 37, 4; *De pat.* 10, 5; *De paen.* 4, 4; *De res. carn.* 57, 12; *Adv. Marc.* I, 23, 7; IV, 14, 2 etc.). Безусловно, и среди язычников есть и богатые и бедные, однако отношение к ним носит подчеркнуто негативный характер: язычники тратят свои средства на украшения, на войны, на стремление к славе, наконец, на пустые занятия философией. С христианами все иначе. Описание богатых в Новом Завете в действительности представляет известную трудность при определении аудитории, к которой обращена проповедь. Так, например, критика торговцев, судей или землевладельцев, эксплуатирующих своих менее состоятельных единоверцев, оставляет открытым вопрос, обращена ли она к внешней аудитории противников общины Иерусалима или направлена на увещание состоятельных христиан (Kargaltsev 2023). Думается, что и сам автор Послания Иакова не до конца определял границы нового христианского сообщества, рассматривая всех иудеев как потенциальных верующих. Ту же картину мы видим и у Климента Александрийского, проповедь которого, конечно, в первую очередь обращена к верующим, но оставляет возможность и для более широкого ее распространения. Для Тертуллиана же границы христианского

мира определены достаточно точно. По мысли апологета, мир за границами Церкви принадлежит дьяволу, который свободно распоряжается устремлениями язычников, направляя их ко всевозможным порокам. При этом и жизнь верующих в Карфагене на рубеже II–III вв. в значительной степени отличалась от привычной для нас сегодня. Крещение, которое физическим образом смывало последствия греха с материальной души предполагало, что в дальнейшем человек получает возможность вести праведную и безгрешную жизнь, что выражалось в особой форме социального поведения, отличного от принятого у язычников (Groh 1971: 13). Иными словами, если Климент Александрийский допускает разумное распоряжение состояниями, то Тертуллиан категоричен в том, что христианин не может быть богатым. Пожалуй, единственную ценность, которую может представлять состояние — это возможность отказаться от него (Tert. *De pat.*, 7, 5–6). Повторимся, что это не было частным мнением одного Тертуллиана. Биограф Киприана Карфагенского дьякон Понтий вынужден был оправдываться и объяснять в «Житии Киприана», каким образом карфагенскому епископу удалось сохранить в личной собственности сады, от которых он избавился, присоединившись к Церкви (Pont. *Vit. Supr.*, 15, 1).

Отдельно следует сказать, что Тертуллиан строит свои заключения не на основании собственных представлений, но активно использует аргументацию из Священного Писания. Особенным здесь является экзегетический подход апологета, который носит откровенно буквалистский характер, то есть Тертуллиан не размышляет над словами апостолов и евангелистов, а использует их прямые запреты или указания в качестве непреложных аргументов в своей полемике.

Таким образом, если терминология богатства выражена довольно неопределённо, то бедности Тертуллиан уделяет самое пристальное внимание. Он использует несколько терминов для обозначения «нищего» (ὁ πτωχός): *mendicus* (Tert. *Adv. Marc.*, IV, 14, 1–2), *pauper* (Tert. *De fug.*, 7) и *egenus* (Tert. *De idol.*, 12, 2). Данный сюжет уже длительное время находится в поле зрения исследователей. Существует большое разнообразие мнений относительно того, в какой степени эти термины принадлежат самому Тертуллиану или, возможно, были взяты им из других христианских или около христианских латинских сочинений, то есть в широком смысле о новозаветных источниках апологета. Разброс мнений здесь велик: от предположе-

ния о вольном переводе им греческого текста, до прямой зависимости от латинского перевода Евангелия Маркиона. Предположение о том, что в отдельных случаях Тертуллиан цитировал Писание по латинской редакции Маркиона, высказал А. Гарнак, обнаруживший не менее семи библейских цитат, в которых использована лексика, «чуждая» Тертуллиану (Harnack 1924: 178–181). Далее дискуссия по этому вопросу продолжалась довольно интенсивно⁴. Современный консенсус выразил Д. Рот, придя к заключению, используемая Тертуллианом терминология бедности практически не допускает опоры как какой-то единый латинский источник, и если апологет и был знаком с греческим Евангелием Маркиона, что также не является очевидным, то переводил его довольно свободно (Roth 2009: 466–467). Поддерживает это мнение и А. Ю. Братухин, отмечая одновременно и прекрасное знакомство Тертуллиана с библейской традицией в целом, что, очевидно, исключает зависимость от какого-то одного источника, и достаточно вольное обращение апологета с ней при латинской передаче смыслов, важных для африканского богослова (Bratukhin 2012).

Таким образом, терминологическое разнообразие Тертуллиана следует оценивать иначе. Размышляя о бедности, Тертуллиан приводит пример самого Христа, который обходился без денег и заключает, что Бог «всегда оправдывает бедных и осуждает богатых» (Tert. *De pat.*, 7). Для апологета очень важны свидетельства из Ветхого Завета, когда Господь оказывает своему народу всевозможную помощь, что позволяет верующим не заботиться о хлебе насущном и всецело довериться Богу. Дополняя их примерами из Нового Завета, Тертуллиан доказывает, в зависимости от трудности социального положения есть конкретный библейский пример, где описывает божественная забота. Таким образом, разнообразие терминов, описывающих степени бедности, можно понимать вполне предметно, и разница между нищими (*mendicos*) и бедными (*pauperes*), а также вдовами, сиротами и другими категориями социально обездоленных носит не терминологический, но сущностный характер, поскольку каждой из них предназначена своя проповедь, увещевание и утешение (Tert. *Adv. Marc.*, IV, 14, 2–3) (Cooper 2013: 216). Именно Бог, а не состоятельные единоверцы, заботится о человеке так, как это в точности описано в

⁴ Подробное обсуждение данного вопроса, включающее детальный обзор историографии, см.: O'Malle 1967: 8–24; Lieu 2015: 50–54.

библейских текстах и является точной и буквальной проекцией на социальные реалии карфагенской церкви. При этом было бы ошибкой решать проблему самостоятельно. Показательный пример содержится в трактате «Об идолопоклонстве», где мастера, которые занимается строительством храмов и изготовлением статуй оправдывают себя, что зарабатывают таким образом на жизнь. Библейская максима, что «нельзя служить двум господам» проявляется и здесь, христианин, который занимается идослужением и пренебрегает помощью Божией, лишается ее (Tert. *De idol.*, 12).

Говоря о богатых, Тертуллиан сосредотачивает свое внимание не на них самих, а на причинах появления богатства. По мысли апологета, это, в первую очередь влечение или страсть к богатству (*cupiditas*), как пишет об этом апостол Павел (1Tim. 6, 10): «Дух Господень через апостола возвестил, что жадность есть корень всех зол. Нам следует понимать ее не только как вождение к чужому. Ведь и то, что кажется нашим, на самом деле чужое. Ибо нет ничего нашего, поскольку все Божье, да и мы сами» (Tert. *De pat.*, 7, 5). Здесь вновь апологет опирается на буквальное понимание новозаветной традиции. Проще говоря, если богач не мудр как Соломон, который вовремя и благоразумно обменял богатство на премудрость Божию, то жизнь ее и далее идет по нисходящей (Tert. *Adv. Marc.*, IV, 15, 8). В свою очередь проявления страстей у мужчин и женщин различны, хотя и одинаково порочны. Женщины стремятся к украшениям, проявляя таким образом неимоверное тщеславие, так что на одном теле может помещаться целое состояние (Tert. *De cul. fem.*, I, 9, 2). Мужчины проявляют *ambitio*, участвуя в религиозных церемониях (Tert. *De idol.*, 8, 4–5), участвуют в войнах, в то время как возможна лишь одна форма война — духовная (Tert. *De idol.*, 19), ведут политическую деятельность. Так или иначе, здесь нет разделения на отдельные социальные группы, поскольку вне зависимости от принадлежности к любой из них, богатые лишены возможности спастись.

Подводя итог, можно заключить, что в трактатах Тертуллиана мы видим перевернутую картину в описании богатства и бедности по отношению к Новому Завету и восточной традиции в целом, где «нищий» выступает общим понятием, а богатые распределены по отдельным категориям, поскольку именно к ним и обращена проповедь о том, как в каждом отдельном случае распорядиться своим состоянием. Христианское же мировосприятие африканского апологета не подразумевает

владение богатством, поэтому верующим посвящен трактат «О терпении» и другие, где подробно говорится, что истинное сокровище находится на небесах и описывается, как христианину организовать свою жизнь в отсутствие материальных благ в каждом отдельном случае и достичь таким образом настоящего богатства во Христе.

Литература

- Bratukhin A. J. 2012: The problem of Intertextualität by Tertullian *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 16, 117–125.
Братухин А. Ю. 2012: Проблема интертекстуальности у Тертуллиана. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16, 117–125.
- Cooper W. 2013: Helen Rhee, Tertullian, and Paul on The Wealth of Christians: A Response In: *Tertullian and Paul*. Ed. by T. D. Still, D. E. Wilhite. New York; London; New Delhi; Sydney, 216–223.
- Groh D. E. 1971: Tertullian's Polemic against Social Co-Optation. *Church History* 40(1), 7–14.
- Harnack A. 1924: *Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott. Eine Monographie zur Geschichte der Grundlegung der katholischen Kirche*. Leipzig.
- Kargaltsev A. V. 2023: [“The Poor Man in Dirty Clothes Will Also Enter”]: the Problem of Wealth and Poverty in the Epistle of James]. *ISTORIYA [HISTORY]* 14/2(124), URL: <https://history.jes.su/s207987840023517-7-1/>
- Каргальцев А. В. 2023: «Войдет же и бедный в грязной одежде»: проблематика богатства и бедности в Послании Иакова. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2(124), URL: <https://history.jes.su/s207987840023517-7-1/>
- Lieu J. M. 2015: *Marcion and the Making of a Heretic: God and Scripture in the Second Century*. New York.
- O'Malle T. P. 1967: *Tertullian and the Bible: Language, Imagery, Exegesis*. Nijmegen; Utrecht.
- Panteleev A. D. 2022: [Poverty and wealth in the early christian tradition: from the new testament to the beginning of the third century]. *Vizantiya, Evropa, Rossiya: social'nye praktiki i vzaimosvyaz' duhovnyh tradicij [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and Interrelation of Spiritual Traditions]* 2, 329–340
- Пантелеев А. Д. 2022: Бедность и богатство в раннехристианской традиции: от Нового Завета до начала III в. *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции* 2, 329–340.

- Panteleev A. D. 2023: [Clement of Alexandria and His Sermon “Who Is a Rich Man That Is Saved”]. *ISTORIYA [HISTORY]* 14/2(124), URL: <https://history.jes.su/s207987840024678-4-1/>.
- Пантелеев А. Д. 2023: Климент Александрийский и его проповедь «Кто из богатых спасется». *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2(124), URL: <https://history.jes.su/s207987840024678-4-1/>.
- Rhee H. 2013: Tertullian and Paul: The Wealth of Christians In: *Tertullian and Paul*. Ed. by T. D. Still, D. E. Wilhite. New York; London; New Delhi; Sydney, 195–215.
- Roth D. T. 2009: Did Tertullian Possess a Greek Copy or Latin Translation of Marcion's Gospel? *Vigiliae Christianae* 63(5), 429–467.

ОТ ЭВАКУАЦИИ К РЕЭВАКУАЦИИ: МОСКОВСКИЕ ИСТОРИКИ ДРЕВНОСТИ В 1941–1943 ГОДАХ¹

В статье на основании архивных документов рассмотрена деятельность московских историков древности перед войной и в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Начало Великой Отечественной войны принесло перемены в работу советских историков древности: было прекращено издание журнала «Вестник древней истории», началась подготовка к эвакуации. Уже в первые месяцы войны московские историки делали доклады на актуальную тематику. Проявился и положительный момент: в тяжелое военное время возрастает роль инициативы снизу, исходящей от самих ученых. Большое значение приобрела деятельность «уполномоченных» (временных руководителей академических учреждений). Реэвакуация и восстановление работы академических институтов в Москве в 1943 г. показали, что московским историкам древности и московским гуманитарным академическим учреждениям удалось в целом сохранить работоспособность в условиях эвакуации. Историки древности переключились на актуальную патриотическую тематику, но реэвакуация заложила основу для возвращения к нормальной научной жизни, в которой для изучения и истории древнего мира, и классической филологии открывались новые возможности.

Ключевые слова: история древнего мира в СССР, Великая Отечественная война, Академия наук СССР, эвакуация, реэвакуация, история антиковедения.

S. G. Karpyuk

Institute of World History, RAS/ Russian State University for the Humanities.
SPb Branch of the S. I. Vavilov Institute, RAS. oxlos@yandex.ru

From evacuation to re-evacuation: Moscow historians of antiquity in 1941–1943

The article considers, on the basis of archival documents, the activities of Moscow historians of antiquity before the war and in the first years of the Great Patriotic War (1941–1943). The beginning of the war brought changes to the work of Soviet historians of antiquity: the publication of the

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

«Journal of Ancient History» was discontinued, preparations for evacuation began. Already in the first months of the war, Moscow historians presented scholarly papers on related topics. A positive moment also manifested itself: in difficult wartime, the role of the initiative from below, emanating from the scholars themselves, increases. The activities of «commissioners» (temporary heads of academic institutions) gained great importance. The re-evacuation and restoration of the work of academic institutions in Moscow in 1943 showed that Moscow historians of antiquity and Moscow humanitarian academic institutions managed to generally maintain efficiency in evacuation conditions. Ancient historians switched to topical patriotic themes, but re-evacuation laid the foundation for a return to normal scientific life, in which new opportunities were opened up to study both the history of the ancient world and classical philology.

Keywords: history of the ancient world in the USSR, the Great Patriotic War, Academy of Sciences of the USSR, evacuation, re-evacuation, history of classical antiquity

Проблема функционирования исторической науки в годы Великой Отечественной войны (как научных институтов, так и ученых-историков), безусловно, рассматривалась отечественными исследователями (Afiani, Osipova 2010: 3–27; Tikhonov 2015: 28–40; Pavlov, Tikhonov, Chernobaev 2021: 23–32 и др.). Конечно, в институциональном аспекте то, что происходило с историками древности, мало отличалось от пертурбаций их коллег-гуманитариев, а вот содержание их работы имело определенную специфику (Ladynin, Timofeeva 2014: 359–363; Карпюк 2020: 128–139; 2021: 106–171 и др.). Цель настоящей работы — ввести в научный оборот архивные документы, которые проливают свет на функционирование науки о древности в учреждениях Академии наук СССР в Москве и в эвакуации в преддверии и в годы Великой Отечественной войны.

Можно говорить об активизации деятельности советских историков древности в последние месяцы перед началом войны. 21 января 1941 г. на заседании Президиума АН СССР был утвержден состав ученых советов как Института истории, так и Ленинградского отделения института. Ученый совет Института истории в Москве состоял из 29 членов (из них 8 академиков и 11 членов-корреспондентов АН СССР), при этом историков древнего мира было всего двое: академик С. А. Жебелёв и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института Н. А. Машкин (Архив РАН. Ф. 457. Оп.

1а-41 г. Д. 20. Л. 27–28). Для сравнения: в ленинградском Ученом совете историков-древников было существенно больше: из 17 членов совета (среди которых было 6 академиков) историю древнего мира представляли четверо: академики С. А. Жебелёв, В. В. Струве и А. И. Тюменев, а также кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института С. И. Ковалев (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 14–15).

Об активной деятельности московских и ленинградских историков-античников свидетельствует датированная 21 января 1941 г. докладная записка академику-секретарю отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину от заместителя руководителя сектора истории древнего мира Н. А. Машкина с просьбой утвердить издание сборника по древней истории и классической филологии в честь пятидесятилетия научной и педагогической деятельности академика С. А. Жебелёва (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 17). Как Н. А. Машкин, так и С. А. Жебелёв, который руководил сектором древней истории Института истории в указанный период, были отмечены «за ударную работу по сектору древней истории» в приказе № 22 по Институту истории АН СССР от 30 января 1941 г. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 23).

В последние предвоенные месяцы научные журналы и сборники АН СССР обзаводятся редакционными коллегиями, которые утверждаются на заседании отделений Академии. 14 февраля 1941 г. датируется письмо ответственного редактора журнала «Вестник древней истории» А. В. Мишулина академику-секретарю отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину с просьбой прислать выписку из постановления Бюро Отделения с составом редколлегии журнала. В состав редколлегии вошли академики С. А. Жебелёв и Ю. В. Готье, ответственным редактором и заместителем редактора были назначены соответственно А. В. Мишулин и А. Б. Ранович (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 65)².

Были ли готовы московские историки древности к войне? Следует отметить, что почти двухлетний переходно-подготовительный период у советских историков был. Война в Европе началась раньше, и реакция на нее ученых определялась не

² Письмо было напечатано на бланке журнала «Вестник древней истории» (“Revue d’histoire ancienne”) с указанием адреса и телефона редакции (Москва, Красная площадь, здание Верховного Совета СССР, тел. 91–01).

только указаниями руководства, но и собственными представлениями о научной этике. Некролог знаменитого немецкого антиковеда Эд. Шварца, подготовленный академиком Жебелевым и не опубликованный в 1940 г. — тому подтверждение. И «сбалансированное рецензирование» в 1939–1941 гг. на страницах «Вестника древней истории» англо-американских и французских научных журналов, с одной стороны, и немецких, с другой — это также своеобразный маркер предвоенного времени. Уже в этот период отчетливо проявляется тенденция к актуализации военно-патриотической тематики: в предвоенных номерах ВДИ публикуются приложения — переводы античных источников о древних славянах, а также античных военных трактатов (Карпюк, Kulishova 2018: 389–404).

Начало Великой Отечественной войны принесло перемены в работу советских историков древности: было прекращено издание журнала «Вестник древней истории», началась подготовка к эвакуации. Уже в первые месяцы войны московские историки делали доклады на актуальную тематику, в пример можно привести доклад А. В. Мишулина о партизанской тактике скифов, который был прочитан на кафедре истории древнего мира МГУ, а впоследствии, в переработанном виде, был опубликован в «Историческом журнале» (Mishulin 1943: 64–69). В силу того, что гуманитарные академические институты эвакуировались во вторую очередь (срок эвакуации — октябрь 1941 г.), некоторые московские историки древности, в их числе А. В. Мишулин и Н. Н. Пикус, эвакуировались вместе с МГУ в Ашхабад (впоследствии МГУ был перемещен в Свердловск), некоторые, как В. И. Авдиев, оказались в Ташкенте, А. Б. Ранович — в Башкирии. Центром академической исторической науки на время эвакуации стал Ташкент. Важным видом публичной деятельности эвакуированных историков становятся специальные сессии, посвященные памяти выдающихся ученых либо исторических событий и персонажей. Московские и ленинградские историки древности приняли активное участие в сессии памяти академика Жебелева, которая состоялась 31 января 1942 г. в Ташкенте (Карпюк, Kulishova 2022: 238–246, 260–282).

Эвакуация из Москвы была достаточно организованно проведена в ВУЗах, да и в естественнонаучных институтах АН СССР, которые в конце лета — начале осени 1941 г. были вывезены в Казань и в Свердловск, однако гуманитарные академические институты вывозились второй волной эвакуации, кото-

рая хронологически совпала с хорошо известной московской паникой середины октября 1941 г. Об этой панике свидетельствуют и воспоминания, и документы из Архива РАН. Перемещение московских институтов АН СССР, попавших во вторую волну эвакуации, не всегда проходило организованно (Кагрук 2021: 108–113). Руководители институтов эвакуировались в первых рядах, передавая управление в руки специально назначенных руководителей («уполномоченных») в спешке. Уполномоченные назначались обычно из числа опытных сотрудников (но не обязательно руководителей), оказавшихся на месте.

О том, как происходил процесс передачи полномочий в московском академическом учреждении, свидетельствует документ, датированный 18 октября 1941 г.:

Приказ № 80
по Институту микробиологии Академии наук СССР
от 18 октября 1941 г.

§ 1

Предлагаю всем сотрудникам Института, состоящим в штате, вернуться на работу и приступить к нормальному исполнению своих обязанностей, в первую очередь привести в образцовый порядок помещение института, оборудование и материалы.

§ 2

19-го с[его] м[есяца] отбываю с группой сотрудников Института и ценной частью оборудования в г. Фрунзе через Куйбышев на основании распоряжения Президиума А.Н. и в соответствии с распоряжением правительства об эвакуации АН СССР.

§ 3

Уполномоченным дирекции Института по руководству всеми делами остающейся временно в Москве части Института микробиологии назначается проф. Мишустин, Евгений Николаевич.

Е. Н. Мишустину доверяется руководство как научными, так и административно-финансовыми [делами] Института.

Е. Н. Мишустину поручается подготовка остающейся части сотрудников Института к эвакуации (sic!) в г. Фрунзе.

П. п. зам. директора Института М. Н. Мейсель

Верно: [подпись]

(Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 2)³.

Ответственность уполномоченных распространялась на самые разные сферы деятельности академических учреждений, о чем свидетельствует документ из Архива РАН:

³ В оригинале отсутствуют знаки препинания; скорее всего, проект приказа был передан телефонограммой либо отправлен телеграммой.

Зам. секретаря
Президиума АН СССР
тов. Филиппову, М. И.

По просьбе уполномоченного Института истории тов. Горянова сообщаю Вам следующее: 17/X с.г. я с моим заместителем тов. Бакшеевым, И. И. при обходе здания Института обнаружили, что комната спецотдела была не опечатана. Зная, что накануне зав. спецотделом тов. Лазыкиной часть метериала была сожжена, мы запасным ключом, находящимся в комнате штаба ПВО, открыли помещение спецотдела, при чем обнаружили:

1. В шкафу (был не заперт) около 12 папок с какими-то материалами и [2.] в 2-х письменных столах, также не запертых, около 10-ти круглых печатей.

На следующий день по указанию тов. Файланда все письменные материалы были мною сожжены без их просмотра в присутствии коменданта здания тов. Филиппова, печати же мною временно были оставлены в несгораемом шкафу. В этот же или на другой день в Институт явилась тов. Лазыкина (в этот день ей, с моим ходатайством, через Президиум АН быда оформлена выдача месячного оклада), которой я сообщил о том, что все оставшиеся после нее материалы мною сожжены, против чего, с ее стороны возражений не было, и уже вместе с нею мною были сожжены оставшиеся круглые печати.

Уполномоченный Энергетического Института АН СССР (подпись) /Г. И. Марков/.

(Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 7)⁴.

Следует отметить и некоторый положительный момент: в тяжелое военное время возрастает роль инициативы снизу, исходящей от самих ученых, отчасти вследствие того, что руководящие сотрудники академических учреждений иногда бросали место работы и уезжали: так поступил старший научный сотрудник Института истории, секретарь партийной организации института С. Д. Петропавловский, который «16 октября 1941 г. покинул Москву в 18 часов вечера» (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 6)⁵.

⁴ На документе сохранились рукописные пометки должностных лиц: «1) К сведению. М. Филиппов 10/XI 41 г. 2) Запросите т. Маркова, по какому поводу написано настоящее объяснение. (подпись неразборчива) 10.2 44 г.».

⁵ См. Карпюк 2021: 103. Это тот самый С. Д. Петропавловский, который делал успешную административно-научную карьеру перед

Оставшиеся в Москве ученые пытались заниматься текущей работой, принимали участие в работе «комиссии Минца» по сбору материалов по истории Отечественной войны (Кагрук 2021: 120–123). Ленинградцем, оказавшимся в Москве, был специалист по Древнему Египту М. А. Коростовцев, который в начале 1920-х годов работал в ВЧК и поэтому пользовался доверием властей (Ladynin, Timofeeva 2014: 362–363). Ему было поручено организовать подготовку текста и публикацию очень важной в «идеологическом» отношении книги: сборника в честь 25-летия Октябрьской революции, в котором давался обзор достижений советской исторической науки; отдельные главы этого сборника написали находившиеся в эвакуации историки древности А. В. Мишулин и В. И. Авдиев (Volgin, Tarle, Pankratova 1942).

Весной 1943 г. начинается процесс реэвакуации (возвращения) московских академических институтов. К началу мая 1943 г. вернулась часть сотрудников института истории (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 22), основная часть сотрудников Института истории вместе с семьями переехала в Москву в мае 1943 г. Возвращавшиеся в Москву сотрудники академических институтов сталкивались с трудностями бытового характера. Так, половину потребности в дровах на отопление зданий институтов АН СССР на зиму 1943/44 г. коллективы институтов должны были обеспечить сами: «Для этого нужно будет, чтобы каждый институт выделил из своих сотрудников небольшую бригаду, дабы эти бригады уже в конце мая или в начале июня были командированы в леспромхозы для заготовки дров» (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 27). В докладной записке заместителя Управляющего делами АН СССР П. П. Резникова (конец 1943 г.) были подведены итоги реэвакуации: «О грандиозности проведенного мероприятия можно судить по следующим цифрам: за время с начала реэвакуации по 20 октября [1943 г.] в Москву перевезено сотрудников — 3109 человек, членов семей — 5809 человек, груза — 3791 тонна» (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 69).

войной: 3 февраля 1941 г. заместитель директора Института истории член-корреспондент Панкратова отправила в президиум АН СССР письмо с просьбой «утвердить членом Ученого совета института секретаря партбюро тов. Петропавловского Сергея Дмитриевича» (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 39).

Резэвакуация и восстановление работы академических институтов в Москве в 1943 г. показали, что московским историкам древности и московским гуманитарным академическим учреждениям удалось в целом сохранить работоспособность в условиях эвакуации. Историки древности переключились на актуальную патриотическую тематику, но резэвакуация заложила основу для возвращения к нормальной научной жизни, в которой для изучения и истории древнего мира, и классической филологии открывались новые возможности (Skvortsov 2022).

Литература

- Afiani, V. Ju., Osipova, N. M. 2010: [Academy of sciences of the USSR in the first months of the war]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]* 13 (131), 3–27.
- Афиани, В. Ю., Осипова, Н. М. 2010: Академия наук СССР в первые месяцы войны. *Исторические записки*. 13 (131), 3–27.
- Karpyuk, S. G. 2020: [Institute of history of the Soviet Academy of sciences in 1941–1943. Documentary evidences]. *Novaya i novейshaya istoriya [Modern and contemporary history]* 5, 128–139.
- Карпюк, С. Г. 2020: Институт истории АН СССР в 1941–1943 годах. Документальные свидетельства. *Новая и новейшая история* 5, 128–139.
- Karpyuk, S. G. 2021: 'Sovetskaya drevnost': istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody ['Soviet Antiquity': A History of Science and Society in 1930–60s]. Moscow: IVI RAN. Карпюк, С. Г. 2021: «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. Москва: ИВИ РАН.
- Karpyuk, S. G., Kulishova, O. V. 2018: [Ancient history before the war: S. A. Zhebelov, Member of the Academy and Soviet-German scientific connections]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 78/2, 389–404.
- Карпюк С. Г., Кулишова О. В. 2018: Предвоенная древняя история: академик С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. *Вестник древней истории* 78/2, 389–404.
- Karpyuk, S. G., Kulishova, O. V. 2022: [Last Years of S. A. Zhebelov, Member of the Academy], in Karpyuk, S. G. (ed.). 'Sovetskaya drevnost': lyudi, uchrezhdeniya, knigi i nauka o drevnosti v SSSR ['Soviet antiquity':. Persons, institutions, books, and the study of ancient world in the USSR]. Moscow: IVI RAN, 237–284.
- Карпюк, С. Г., Кулишова, О. В. 2022: Последние годы академика С. А. Жебелёва. В сб.: Карпюк С.Г. (ред.) «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР. М., 237–284.
- Ladynin, I. A., Timofeeva N. S. [M. A. Korostovtsev, the egyptologist, and his initiative on foundation of the Soviet cultural agency in Egypt

- (1943–1947)]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]* 15 (133), 358–382.
- Ладынин, И. А., Тимофеева, Н. С. 2014: Египтолог М. А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943–1947 годы). *Исторические записки* 15 (133), 358–382.
- Mishulin, A. V. 1943: [On the military art of the Scythians]. *Istoricheskiy zhurnal* 8–9, 64–69. Мишулин, А. В. 1943: О военном искусстве скифов. *Исторический журнал* 8–9, 64–69.
- Pavlov, D. B., Tikhonov, V. V., Chernobaev, A. A. 2021: [History of the Institute], in: Petrov Yu. A., Chernobaev, A. A. (ed.). *Institut rossiiskoy istorii RAN, 1936–2021 [Institute of Russian history RAS, 1936–2021]*. Moscow: IRI RAN, 9–78.
- Павлов, Д. Б., Тихонов В. В., Чернобаев А. А. 2021: [Очерк истории]. В сб.: Петров Ю. А., Чернобаев А. А. (ред.). *Институт российской истории РАН, 1936–2021 гг.* М.: ИРИ РАН, 9–78.
- Skvortsov, A. M. 2022: [Classical Philology at the Final Stage of the Great Patriotic War: Actualization of the Discipline]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 26/2, 1299–1308.
- Скворцов, А. М. 2022: Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26/2, 1299–1308.
- Tikhonov, V. V. 2015: [Fighting science: the role of history in anti-fascist propaganda during the Great Patriotic war]. *Vestnik RGNF [The messenger of RHSF]* 2, 28–40.
- Тихонов В. В. 2015: Сражающаяся наука: роль исторической науки в антифашистской пропаганде в годы Великой Отечественной войны. *Вестник РГНФ* 2, 28–40.
- Volgin, V. P., Tarle Ye. V., Pankratova, A. M. (ed.) 1942: *Dvadsat' pyat' let istoricheskoi nauke v SSSR. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk Soyuza SSR [25 years of studies in history in the USSR]*.
- Волгин В. П., Тарле, Е. В., Панкратова А. М. (ред.) 1942: *Двадцать пять лет исторической науки в СССР.* М.: Издательство Академии наук Союза СССР.

М. Л. Кисилиер
СПбГУ/ ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. m.kisilier@spbu.ru
Т. Соллиек
CNRS/LACITO, Франция. tanguy.sollic@gmail.com

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТОМЕТРИЯ*

Новогреческая диалектология как научная дисциплина сформировалась к середине XIX столетия, и, помимо описания отдельных диалектов, одной из ее задач стало создание их классификации, а также обсуждение параметров, по которым их можно было бы группировать. Несмотря на многочисленные попытки, до сих пор не удалось разработать диалектную классификацию, которая бы одновременно опиралась на разные параметры, учитывала данные даже таких «необычных» диалектов как понтийский и цаконский, и вместе с этим отражала не гипотетическую «идеальную» ситуацию, а реальное состояние дел. В настоящей статье демонстрируется, как к новогреческим диалектам можно применить методы диалектометрического анализа. Подобный подход представляется очень перспективным, поскольку он позволяет не просто ориентироваться на традиционные изоглоссы, а учитывать новые параметры, в том числе и такие, которые обнаруживаются непосредственно во время проведения диалектометрического исследования. Данные новогреческих диалектов изучаются с использованием расстояния Хэмминга и расстояния Левенштейна.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, диалектные классификации, диалектометрия, расстояние Хэмминга, расстояние Левенштейна.

Maxim Kisilier
SPb University/ILS RAS, St. Petersburg, Russia. m.kisilier@spbu.ru
Tanguy Sollic
CNRS/LACITO, Франция. tanguy.sollic@gmail.com

Studies in Modern Greek dialects and dialectometry

Modern Greek dialectology as a research domain appeared in the 19th century. Almost always its main goals were not just a description but the classification of Modern Greek dialects and the elaboration of the relevant distinctive parameters. Despite multiple attempts, we still lack a

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала». Руководители А. Н. Соболев и Э. Адаму.

classification which could take into account various types of parameters, include such «special» dialects as Pontic and Tsakonian, and describe not a hypothetical but the real state of art. This contribution intends to demonstrate how the methods of dialectometric analysis could be applied to Modern Greek dialects. The approach looks very promising as it makes possible not just to use traditional isoglosses but to implement new parameters as well just in the course of dialectometric research. Our paper investigates the data from Modern Greek dialects using such methods as the calculation of the Hamming distance and the Levenshtein distance.

Keywords: studies of Modern Greek dialects, classifications of Modern Greek dialects, dialectometry, Hamming distance, Levenshtein distance

1. Вводные замечания и постановка проблемы

Новогреческая диалектология как научная дисциплина появилась в XIX в., когда европейские ученые, в первую очередь — специалисты по классической филологии, усиленно принялись искать древнегреческие черты в современном им языке. Они так хотели обнаружить живые особенности ионийского или дорийского происхождения, что порой находили их там, где их в действительности не было¹. Несмотря на определенные недостатки, именно благодаря этим исследованиям появились первые диалектные описания (см., напр., von Thiersch 1832; Deville 1866), а кроме того, и сами греки начали проявлять интерес к собственным диалектам (ср. Oikonomos 1846; 1870)². Под влиянием младограмматиков, которых в

¹ Эту ситуацию не без доли иронии описал знаменитый эллинист XIX в. Эвангелин Софоклис: «Now whenever a classical scholar goes to Greece to find Dorians and Ionians, it is ten to one but that he succeeds in finding Dorians and Ionians. He selects such words that are agreeable to his hypothesis, and takes no notice of those which contradict it. He lays much stress upon coincidences and disregards differences» (Sophocles 1860–1862: 299).

² Вполне объяснимая тенденция описывать в первую очередь именно свой родной диалект до сих пор широко распространена среди греческих диалектологов. При всех очевидных плюсах такого подхода (например, исследователь точно владеет материалом, с которым он работает), часто описывается некая идеальная модель, а не реальное состояние языка. Авторы XIX в. и даже первых десятилетий XX в. могли придумывать несуществующие формы, например, дательного падежа, чтобы подчеркнуть связь родного диалекта с древнегреческим языком (ср. Oikonomos 1870: 16, 17, 20; Lekos 1920: 28–32; см. также Kisilier 2021: 227 [fn. 40]). В последние же десятилетия греческие

Греции представляли Йоргос Хадзидакис и Михаил Деффнер, еще XIX в. стало понятно, что изучение диалектов не может исчерпываться описаниями, а необходимы их сопоставление и классификация.

Критериями для диалектной классификации могут служить очень разные параметры, например, **наличие особенностей древнегреческого происхождения**, не представленных в стандартном новогреческом. При этом легко убедиться, что классификации по лексическим, по фонетическим и по морфологическим особенностям (которых значительно меньше) не будут совпадать. Так, согласно наблюдениям Агапитоса Цопанакиса (Tsopanakis 1955), цаконский, маниотский, критский, диалект острова Карпатос, отдельные диалекты греческой Македонии и некоторые другие можно объединить в условно называемую группу «постдорийских» диалектов, поскольку они сохранили те или иные черты, характерные для древнегреческих дорийских диалектов³. Иная классификация может получиться, если проследить за «судьбой» древнегреческих глаголов с *-пт-* в презенсе. Диалектные данные убедительно демонстрируют, что можно выделить три группы диалектов. Во-первых, это диалекты, сохранившие *-пт-* в том или ином виде (см. пример 1a) — греческий диалект Дропулла (Южная Албания), кипрский, лесбосский, понтийский и диалект приазовских греков (далее румейский язык). Во-вторых, диалекты, в которых, как и в стандартном новогреческом, произошло изменение /pt/ > /v/ или /f/ — в частности, диалект Северного Хиоса и цаконский (1b). И, наконец, диалекты смешанного типа, в которых у одних глаголов *-пт-* сохраняется, а в других — исчезает, как в константинопольском (1c). Проиллюстрировать это можно на

диалектологи стремятся реконструировать язык своих бабушек и дедушек.

³ Например, некоторые диалекты сохранили дигамму в отдельных лексемах: цак. *váne* ‘ягненок’ (здесь и далее диалектные примеры записываются с помощью МФА), ср. дор. *Φαρήν* и н.-греч. *arví*, и *vrózos* ‘узел’ в диалекте Пиерии в Центральной Македонии < праи.-е. *wradjos* ‘корень’, ср. н.-греч. *ρόζος* (Tzitzilis 2013); в ряде диалектов встречается дорийский /a/: цак. *máti* ‘мать’, ср. дор. *μάτηρ*, и карп. *sinomálikos* ‘ровесник’, ср. дор. *συνομήλιξ* ‘товарищ’ (Rylik 2012: 736) вм. ион. *συνομήλιξ* и н.-греч. *συνομήλικος*. Здесь и далее диалектные примеры, приводимые без ссылок, были подобраны авторами настоящей статьи.

примере двух древнегреческих глаголов — κόπτω ‘резать’ и σκάπτω ‘копать’⁴:

- (1) а. др.-греч. κόπτω, дроп. *kófto*, кипр. *kópfko*, лесб. *kónvvi*, понт. *kófto*, рум. *kóftu*
 др.-греч. σκάπτω, дроп. *zgáfto*, кипр. *skáfko*, лесб. *skávvi*,
 понт. *skáfto*, рум. *skáftu*
 б. н.-греч. κόβω, с.-хиот. *kóvo*, цак. *kófu*
 н.-греч. σκάβω, с.-хиот. *skávo*, цак. *skáfu*
 с. конст. *kóvo*, но *skávvo* или *skávvo* (Zacharidis 2014: 83, 681)

Интересно, что, если проводить классификацию по такому признаку, цаконский, традиционно считающийся наиболее архаичным диалектом новогреческого языка (Kisilier 2021: 227–229), оказывается ближе к стандартному новогреческому, чем диалект Дропулла или лесбосский.

Впрочем, очевидно, что классификация, строящаяся лишь одном параметре, обладает намного меньшей точностью и потенциалом, чем комплексный подход, строящийся сразу на нескольких параметрах. Продемонстрируем это, сравнив с точки зрения близости к древнегреческому 196 лексем из базового словаря (см. пример 2)⁵ из семи диалектов новогреческого языка — греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, лесбосского, понтийского, румейского, северохиотского и цаконского:

- (2) 1. белый; 2. близко; 3. большой; 4. весь, всё; 5. ветер; 6. видеть; 7. вода; 8. волосы (мн. ч.); 9. вошь; 10. глаз; 11. говорить; 12. год; 13. голова; 14. гора; 15. грудь; 16. давать; 17. далеко; 18. два; 19. дерево; 20. длинный; 21. дождь; 22. дорога; 23. дым; 24. есть, кушать; 25. жёлтый; 26. женщина; 27. жечь; 28. живот; 29. жир; 30. звезда; 31. зелёный; 32. земля, почва; 33. змея; 34. знать; 35. зола; 36. зуб; 37. идти; 38. имя; 39. камень; 40. кожа; 41. колено; 42. кора; 43. корень; 44. короткий; 45. кость; 46. красный; 47. кровь; 48. круглый; 49. крыло; 50. кто; 51. ку-

⁴ Пользуясь случаем, авторы статьи благодарят друзей и коллег за содействие в сборе диалектного материала — Аристотеля Спиро (греческий диалект Дропулла в Южной Албании), Андреаса Камериса (кипрский диалект), Ангелики Ралли (лесбосский диалект), Архондулу Константииду и В. В. Стофорандова (понтийский диалект), а также Никоса Маврелоса (диалект Северного Хиоса).

⁵ Выбор таких лексем был обусловлен двумя факторами: во-первых, эти слова должны быть по большей части представлены по всем диалектам, а во-вторых, они в меньшей степени заимствуются.

сать; 52. лежать; 53. летать; 54. лист; 55. луна; 56. маленький; 57. много; 58. мужчина; 59. мы; 60. мясо; 61. не; 62. новый; молодой; 63. нога; 64. ноготь; 65. нос; 66. ночь; 67. облако; 68. огонь; 69. один; 70. песок; 71. печень; 72. пить; 73. плавать; 74. полный; 75. приходить, идти; 76. птица; 77. рог; 78. рот; 79. рука; 80. рыба; 81. семя, росток; 82. сердце; 83. сидеть; 84. слышать; 85. собака; 86. солнце; 87. соль; 88. спать; 89. стоять; 90. сухой; 91. тёплый; 92. тонкий; 93. тот; 94. ты; 95. тяжёлый; 96. убивать; 97. умирать; 98. ухо; 99. хвост; 100. холодный; 101. хороший; 102. человек; 103. червь; 104. чёрный; 105. что; 106. шея; 107. этот; 108. я; 109. язык; 110. яйцо; 111. бежать; 112. бить; 113. бояться; 114. бранить, ругать; 115. вдыхать; 116. веревка; 117. внутренности (мн. ч.); 118. внутрь, внутри; 119. вращать, крутить; 120. вы; 121. где (вопросит.); 122. глотать; 123. гнилой, порченный; 124. грязный; 125. делить, разводить; 126. день; 127. держать; 128. другие; 129. думать; 130. дуть; 131. если; 132. жать, давить; 133. животное; 134. жить; 135. закалывать; 136. здесь; 137. и; 138. играть; 139. измерять; 140. изрыгать, отрывивать, страдать рвотой; 141. как; 142. кидать; 143. когда (вопросит.); 144. лед; 145. лес; 146. мать; 147. мести, подметать; 148. мокрый; 149. море; 150. надувать; 151. налево; 152. направо; 153. небо; 154. некоторые; 155. немногие; 156. нюхать, чують, обонять; 157. озеро; 158. острый; 159. отец; 160. охотиться; 161. падать; 162. палка; 163. петь; 164. плевать; 165. плохой; 166. почему, потому что; 167. правильный; 168. пыль; 169. пять; 170. ребенок; 171. резать, рубить; 172. река; 173. ровный, прямой; 174. рыть, копать; 175. с; 176. связывать; 177. смеяться; 178. снег; 179. стирать, мыть; 180. там; 181. тереть; 182. толкать; 183. толстый; 184. трава; 185. три; 186. туман; 187. тянуть, тащить; 188. узкий; 189. фрукт, плод; 190. цветок; 191. чесать, царапать; 192. четыре; 193. широкий; 194. шить.

При такого рода анализе учитываются два параметра: (а) количество диалектных лексем древнегреческого происхождения, независимо от фонетических изменений и возможного семантического сдвига (ср. цак. *níu* ‘слышать’ < др.-греч. νοῦω ‘понимать, воспринимать’); (б) количество диалектных лексем, которые по форме совпадают с древнегреческим, но либо не имеют аналогов в стандартном новогреческом, либо заметно отличаются от соответствующих новогреческих лексем в связи с произошедшими фонетическими, морфонологическими и проч. изменениями (например, цак. *kúe* ‘собака’ < др.-греч. κύων vs. н.-греч. σκύλος или кипр. *kufi* ‘змея’ (< др.-греч. ὄφις), которая претерпела значительно меньше изменений, чем н.-греч. φίδι).

Исходя из этих параметров можно определить, по крайней мере, три количественные характеристики для каждого из рассматриваемых диалектов: 1. количество базовых лексем древнегреческого происхождения (**др.-греч.** на рис. 1); 2. количество базовых лексем древнегреческого происхождения, не имеющих аналогов в стандартном новогреческом или оказывающихся по своей форме намного ближе к древнегреческому «оригиналу», чем к новогреческому аналогу (**др.-греч. ≠ н.-греч.** на рис. 1); 3. количество базовых лексем не древнегреческого происхождения, но имеющих аналоги в стандартном новогреческом (**н.-греч. ≠ др.-греч.** на рис. 1).

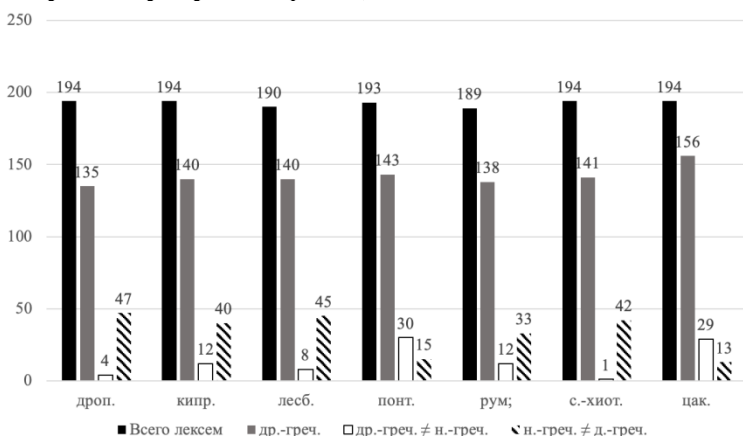

Рис. 1. Древнегреческие черты в новогреческих диалектах

Fig. 1. Ancient Greek features in Modern Greek dialects

Как и ожидалось, наибольшее количество лексем древнегреческого происхождения оказалось в цаконском, однако этот параметр далеко не самый показательный. Более интересными представляются два других. С точки зрения наличия древнегреческих лексем, не представленных в стандартном новогреческом или значительно отличающихся от своих новогреческих аналогов, далее всего от новогреческого оказываются понтийский, а за ним — цаконский, одинаково отстоят румейский и кипрский, а ближе всех к новогреческому находится диалект Северного Хиоса. Напротив, больше всего недревнегреческих лексем (совпадающих при этом со стандартным новогреческим) в диалекте Дропулла и лесбосском, а меньше всего — в цаконском и понтийском. Удивительно, что в румейском языке, относительно долгое время развивавшемся в Крыму, а потом в

Приазовье (подробнее см. Kisilier 2022a и приводимую там библиографию), достаточно много такого рода лексем. Возможно, это говорит о том, что мы до сих пор довольно плохо представляем себе интенсивность и разнообразие контактов в грекоязычном мире.

Так или иначе, эти данные довольно сложно интерпретировать, не углубляясь в область фантазий, поэтому классификации новогреческих диалектов по ареальному принципу всегда привлекали к себе большее внимание. Здесь мы не будем подробно разбирать принципы существующих классификаций — они достаточно хорошо описаны в научной литературе (см. Newton 1972; Trudgill 2003)⁶, — однако обратим внимание на ряд важных проблем. В новогреческой диалектологии известны изоглоссы разных типов:

- лексические — например, грекоязычный мир в целом делится на две части: в одной ‘что’ — *ti*, а в другой — *inda* или *ndo* (подробнее см. Contossopoulos 1983–1984; Nicholas 2004);

- морфологические — в частности, наличие инфинитива, который наблюдается только в некоторых субдиалектах понтийского (Mackridge 1996; Sitaridou 2014) и в греческих диалектах Южной Италии, в частности — в греканико (Rohlf 1977: 191);

- синтактико-просодические — например, с точки зрения позиции местоименных клитик относительного глагола можно выделить, по крайней мере, три типа диалектов (Condoravdi, Kiparsky 2002), хотя, скорее всего, их даже больше.

Тем не менее, практически все существующие на данный момент диалектные классификации ориентированы исключительно на фонетические изоглоссы.

Вторая проблема связана с тем, что балканские народы склонны к миграциям, и греки не являются исключением. Глобальный характер миграционных процессов за последние 100 лет даже вынудил некоторых исследователей строить диалектные классификации, не описывающие современное состояние, а реконструирующие некую гипотетическую картину, якобы существовавшую между 1820 и 1920 гг., то есть между Греческой революцией и Малоазийской катастрофой (Trudgill 2003: 48). Мы не станем обсуждать плюсы и минусы такого подхода, и выбираем иной путь, используя в исследо-

⁶ Критический обзор этих классификаций можно найти в (Kisilier 2013).

вании лишь данные, собранные непосредственно у информантов, и не углубляясь в диахронию.

Наконец, третья проблема заключается в ограниченном числе локальных вариантов новогреческого языка, включаемых в диалектные классификации. Так, не во все классификации попадают цаконский, румейский, понтийский, каппадокийский, грико, греканико и ряд других диалектов за пределами Греции⁷.

Естественно, что попытка решения любой из указанных проблем неизбежно приводит к серьезному пересмотру традиционных диалектных классификаций, и подобный пересмотр, очевидно, придется каждый раз проводить либо при учете новых параметров (изоглосс), либо при включении «новых» (прежде неучтенных) диалектов новогреческого языка. Не подвергая сомнению важность диалектных классификаций, в настоящей статье мы представим два примера применения методов диалектометрии к новогреческим диалектам. Несмотря на то, что благодаря использованию статистических подсчетов диалектометрия в целом понижает степень субъективности, неизбежной при создании любой диалектной классификации, она до недавнего времени не пользовалась популярностью среди диалектологов (ср. Prokić et al. 2012: 72), и неоэллинисты здесь не исключение. Как нам кажется, у этого есть две причины: незнание методологии диалектометрического анализа, требующей минимальной специальной подготовки, и недостаточное количество релевантных данных по новогреческим диалектам (корпусов или атласов).

В настоящей статье мы представим результаты двух исследований, в которых методы диалектометрического анализа применяются к данным из нескольких новогреческих диалектов. Хотя одной из задач диалектометрии является определение региональной дистрибуции тех или иных диалектных сходств на основании обобщенных данных (ср. Scherrer 2012: 63), мы ставим перед собой несколько иную цель — определить место диалекта относительно языкового стандарта⁸, рассчитав рассто-

⁷ По поводу большинства новогреческих диалектов на Балканах вне Греции приходится довольствоваться лишь общими рассуждениями или отдельными, пускай и весьма удачными, попытками анализа (ср. Spiro 2014).

⁸ Строго говоря, в новогреческом языке до сих пор нет единой языковой нормы, что обусловлено длительной историей языка и особенностями греческого языкового вопроса (подробнее см. Mackridge

яние между ними (подробнее см. Bloem et al. 2014: 155–158). В разделе 3 анализируются диалектные данные по именной группе, собранные для «Атласа балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023), а в разделе 4 рассматривается 150 диалектных лексем из базового словаря. Материал для исследования соби-рался у информантов, носителей греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, понтийского, диалекта приазовских греков и цаконского (см. также сн. 4). В разделе 4 также использованы специально собранные для настоящего проекта лексемы из лесбосского диалекта. Диалектометрическому анализу предшествует раздел 2, в котором приводятся сведения об использованных диалектах.

2. О диалектах, использованных в исследовании

Рассматриваемые в настоящей статье диалекты представляют разные диалектные группы: кипрский относится к юго-восточным диалектам, лесбосский — к северным (северногреческим), вероятно, продолжением северногреческой диалектной зоны является греческий диалект Дропулла (ср. Spiro 2014: 397), понтийский входит в группу греческих диалектов Малой Азии⁹, а диалект Северного Хиоса — в группу восточных диалектов. Открытым остается вопрос о том, в какие диалектные группы следует включать цаконский и диалект приазовских греков. Цаконский традиционно рассматривают как некий греческий языковой изолят (ср. Trudgill 2003: 59), в основном, из-за его исключительной древности¹⁰, а по поводу румейского идут споры, считать ли его понтийским, северногреческим (Kretschmer 1905: 18), или же одним из малоазийских диалектов

2009). Даже два наиболее знаменитых толковых словаря — Бабиниотиса и Триандафиллидиса, регулярно издающиеся в Афинах и в Салониках соответственно, — демонстрируют две разные нормы: более консервативную норму Афин и более демотическую норму Салоник (ср. Mackridge 2002). В разделе 3 мы ориентировались на норму Салоник, учитывая тот факт, что для рассматриваемых параметров различия между двумя нормами непринципиальны. В разделе 4 мы использовали некий усредненный (компромиссный) вариант.

⁹ Подчеркнем, что для исследований, описанных в разделах 3 и 4, материалы собирались у понтийцев Российской Федерации, проживающих в Эссентуках. Это отражено на картах на рис. 4 и 6.

¹⁰ Брайан Джозеф даже предлагает считать цаконский не новогреческим, а просто греческим (Hellenic) диалектом, развитие которого, по его мнению, началось до эллинистического койне (Joseph 2021: 66).

(Karatsareas 2014: 79; см. также Kisilier 2022a: 10–12). Так или иначе, нет сомнений, что, несмотря на все особенности, и у румейского, и у цаконского имеется достаточное количество общих черт с другими диалектами новогреческого языка (см. табл. 1, и подробнее Kisilier 2013; 2021: 244–246; 2022a: 10–12).

Табл. 1. Некоторые особенности новогреческих диалектов
Table 1. Some peculiarities of Modern Greek dialects

признак	рум.	цак.	пел.-ион.	с.-греч.	ст.-аф.	криг.	ю.-в.	кап.	понт.	ю.-ит.
/e/ > /i/, /o/ > /u/, /i/ > /o/, /u/ > /o/	+	-/+	-	+	-	-	-	+/-	+/-	+/-
геминаты	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
глайды	-	+	+	+	-	+	+	+	-	+/-
др.-греч. /e:/	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-
выпадение /-v-/ , /-ð-/ , /-γ-/	-	-	-	-	-	-	+	?	-	-
/-п/	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-/+
/vγ/ > /vg/	-	-	-	-	-	-?	+	-?	-?	-?
эпентеза /γ/ у глаголов	-	-	-	-/+	-/+	+	+	+/-	+	-
палатализация	-	+/-	+/-	+	+	+	+	+	+	+
цитакизм	-?	+	-	-/+	+	+	+	-	+/-	+
‘что’ = <i>ti</i>	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+
косвенное дополнение в АСС	+	+/-	-	+	-/+	-	-	+	+	-
местоим. клитика перед глаголом	-	+/-	+	+	+	+	-	+	-	+
X ^{max} клитики	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-

Если ориентироваться на эти признаки, оказывается, что румейский ближе к северногреческим диалектам, чем к диалектам Малой Азии — каппадокийскому и понтийскому, а у цаконского больше всего общих черт с пелопоннеско-ионийским, то есть диалектом, во многом ставшим основой современной нормы (см. рис. 2).

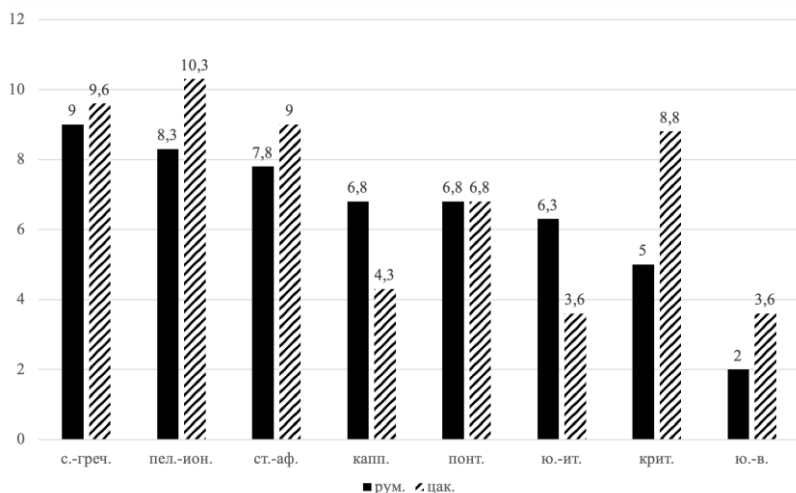

Рис. 2. Сходство румейского и цаконского с другими новогреческими диалектами¹¹.

Fig. 2. Similarity of Azov Greek and Tsakonian with other Modern Greek dialects.

При этом, удивительным образом оказывается, что у цаконского, несмотря на его особенность, постулируемую буквально всеми исследователями, в ряде случаев наблюдается больше сходств с другими новогреческими диалектами, чем у румейского с северногреческими диалектами, в целом близкими к стандартному новогреческому. Эти результаты можно трактовать по-разному: либо они свидетельствуют о том, что традиционные представления о цаконском как о некоем особенном (ни на что не похожем) диалекте неверны, либо следует признать, что дифференциальные признаки, используемые в большинстве современных диалектных классификаций, релевантны далеко не для всех диалектов.

Фактически все рассматриваемые в данной статье диалекты можно назвать островными или анклавными. Лесбосский, кипрский и диалект Северного Хиоса в прямом смысле являются островными, поскольку их носители живут на островах. Цакон-

¹¹ Подсчеты проводились по следующему принципу: полное совпадение признака (напр., + и + или – и – в табл. 1) оценивалось как 1; частичное совпадение, типа + и +/- приравнилось к 0,5, а «обратное» частичное совпадение (напр., + и +/-) оценивалось как 0,3. Случаи типа +/- и +/- приравнились к 0.

ский, хотя и находится внутри Греции, настолько непонятен окружающим, демонстрируя, в первую очередь яркие фонетические особенности, что Цаконию вполне можно считать своего рода диалектным анклавом¹². Если обратиться к классификации анклавных диалектов, используемой в современной германистике, греческий диалект Дропулла следует считать анклавным диалектом, расположенным контактно к зоне распространения «основного» (в данном случае — новогреческого) языка, а румейский — дистантно (Wiesinger 2011: 491). Немного сложнее выглядит ситуация с понтийским, поскольку он распространен не только на территории Малой Азии (современной Турции), но и внутри Греции, на юге России и в Австралии¹³.

3. Именная группа в новогреческих диалектах: расстояние Хэмминга

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, несмотря на то что хорошо известны морфологические и синтаксические дифференциальные признаки, наиболее знаменитые и общепризнанные классификации новогреческих диалектов (см. Newton 1972; Trudgill 2003) базируются исключительно на фонетике. Здесь мы не станем обсуждать возможные причины этого, но отметим, что известная статья Анжелы Ралли (Ralli 2006) убедительно продемонстрировала потенциал использования морфологических и морфосинтаксических признаков. В «Атласе балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023) предполагается использовать самые разные параметры, среди которых по крайней мере 34 можно будет отнести к области морфологии и морфосинтаксиса. На данный момент греческий диалектный материал собран с учетом 14 параметров, связанных с именной группой. Именно на его основе и было проведено исследование, представленное в настоящем разделе.

Некоторые параметры, например, число определенных артиклей оказываются дифференциальными признаками, отличающими все обследованные новогреческие диалекты (один ар-

¹² Показательно, что, даже находясь внутри Греции, цаконский демонстрирует важнейшую особенность языкового анклава — оказывается своего рода «экспериментальной лингвистической лабораторией», предоставляя интереснейший материал по истории языка и языковых контактов (ср. Schirmunski 1976: 492).

¹³ Отметим, что различия между разными вариантами понтийского пока не вполне очевидны (ср. Kisilier 2022b: 77).

тикль) от ряда других балканских языков, в частности, от македонского (три артикля) и хорватского (артикль отсутствует). Ниже мы приведем лишь наиболее яркие из тех параметров, которые демонстрируют вариативность у разных диалектов новогреческого языка или отличают их от стандартного новогреческого.

3.1. Опускание определенного артикля

Для большинства диалектов в целом нехарактерно опускание определенного артикля после предлога, однако это явление сравнительно широко представлено в румейском языке (3а), ср., например, с кипрским (3б)¹⁴:

- (3) а. *pis kilsíj-a*
 в церковь-SG
 ‘в церкви’ (рум.)
- б. *pá-o s-to spítú-i-n=mu*
 идти.IPFV-PRS.1SG в-DEF.N.SG.NGEN домик-SG.NGEN=POSS.1SG
 ‘иду в свой домик’ (кипр.)

3.2. Количество указательных местоимений

Большую вариативность можно обнаружить при рассмотрении указательных местоимений. Если в стандартном новогреческом их три (τοῦτος ‘этот’ (рядом) vs. αὐτός ‘этот’ vs. ἐκεῖνος ‘тот’), то по диалектам картина намного более пестрая — в некоторых, как и в стандартном новогреческом, по три указательных местоимения (4а), в других — два (4б), а в диалекте Северного Хиоса, возможно, даже более четырех (4с, см. также табл. 2):

- (4) а. дроп. [*e*]tútos ‘этот’ vs. eftós/aftós ‘тот (близко)’ vs. [*e*]kínos ‘тот (далеко)’
- б. кипр. *tútos* ‘этот’ vs. *tínos* ‘тот’
- с. с.-хиот. *eftós* ‘этот’ vs. *eðeftós* ‘именно этот’ (эмфатическая форма) vs. *etútos* ‘этот’ vs. *etútonas* ‘именно этот’ (эмфатическая форма) vs. *ekínos* ‘тот’ vs. *ekínonas* ‘именно тот’ (эмфатическая форма)

Семантические различия между многими формами в диалекте Северного Хиоса (4с) пока не очень понятны, поэтому трудно определить, сколько указательных местоимений в этом диалекте на самом деле.

¹⁴ Здесь и далее фразовые примеры глоссированы в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования (Comrie et al. 2015; см. также CorpAfroAs_Team 2017).

Табл. 2. Указательные местоимения в новогреческих диалектах
Table 2. Demonstrative pronouns in Modern Greek dialects

Диалект	Кол-во местоимений
дроп.	3
кипр.	2
понт.	3
рум.	2
с.-хиот.	6?
цак.	2

3.3. Амбигенные существительные

Не менее интересный параметр связан с амбигенными существительными, демонстрирующими разный род в единственном и множественном числе. Это явление встречается в стандартном новогреческом:

- (5) ο αδέρφ-ός vs. τα αδέρφ-ια
DEF.M.SG.NOM брат-SG.NOM DEF.N.PL.NGEN брат-PL.NGEN
'брат vs. братья'.

Его удалось обнаружить и в некоторых диалектах, в частности на Северном Хиосе (6a), однако далеко не во всех, ср. законский (6b, см. также табл. 3).

- (6) a. ο badzanák-is vs. τα badzanákⁱ-a
DEF.M.SG.NOM шурина-SG.NOM DEF.N.PL.NGEN шурина-PL.NGEN
'шурина vs. шурины'.
b. ο ajθ-é vs. η ajθ-i
DEF.M.SG.NOM брат-SG DEF.NN.PL.NOM брат-PL
'брат vs. братья'.

Табл. 3. Амбигенные существительные в новогреческих диалектах
Table 3. Ambiguous nouns in Modern Greek dialects

Диалект	Наличие
дроп.	+
кипр.	-
понт.	+
рум.	-
с.-хиот.	+
цак.	-

Нельзя исключать, что в некоторых случаях, например, на Северном Хиосе и в греческом диалекте Дропулла появление амбигенных существительных обусловлено влиянием стандартного новогреческого.

3.4. Степени сравнения

Как известно, в стандартном новогреческом есть два способа образования степеней сравнения прилагательных — синтетический при помощи аффикса (7а) и аналитический (7б):

- (7) а. φυσικ-ότερ-ος
естественный-СМРР-М.СГ.НОМ
‘более естественный’ (Mackridge 1985: 143)
- б. πιο καλ-ός
более хороший-М.СГ.НОМ
‘лучший {чем}’ (Mackridge 1985: 143)

В большинстве диалектов, как и в стандартном новогреческом возможны обе модели, ср. в греческом диалекте Дропулла:

- (8) а. *kal-íter-os*
хороший-СМРР-М.СГ.НОМ
- б. *píō kal-ós*
более хороший-М.СГ.НОМ
‘лучший [чем]’

Превосходная степень достигается добавлением определенного артикля в соответствующем роде, числе и падеже к любой из двух моделей, указанных в (8).

В понтийском наблюдается иная ситуация. Там обнаруживается лишь ряд перифрастических конструкций (вероятно, не до конца грамматикализованных) для сравнительной (9а) и превосходной (9б) степеней:

- (9) а. *ki álo émorf-os*
и иное красивый-М.СГ.НОМ
‘более красивый’
- б. *as ol-ts émorf-os*
от весь-НН.ПЛ.НГЕН красивый-М.СГ.НОМ
‘самый красивый’

Как видно из (9б), образование превосходной степени в понтийском также происходит по другой модели.

Диалект приазовских греков демонстрирует «компромиссный» вариант между понтийским и другими диалектами. С одной стороны, формы сравнительной степени в нем могут образовываться и с помощью аффикса (10а), а с другой стороны, перифрастически (10б) по «понтийской» модели (ср. 9а):

- (10) a. *kal-ítur-ø*
хороший-CMPR-NF.SG
b. *tf álu kal-ós*
и иное хороший-M.SG.NOM
'лучший [чем]'

Кроме того, превосходная степень в диалекте приазовских греков образуется без определенного артикля и по иной модели, нежели сравнительная степень:

- (11) *aláx kal-ós*
очень хороший-M.SG.NOM
'самый лучший'

3.5. Способы выражения посессивности

В стандартном новогреческом языке (12a) и в ряде обследованных диалектов, например, на Северном Хиосе (12b), посессивность выражается с помощью родительного падежа (о формах и функциях генитива по новогреческим диалектам см. Mertyris 2014):

- (12) a. *to* *σπίτι-ø* **του**
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.NF.SG.GEN
φίλ-ου
друг-SG.GEN =POSS.3.NF.SG
'дом его **друга**'
b. *to* *spíti- ø* **tu**
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.NF.SG.GEN
peðakí-ú
ребенок-SG.GEN
'дом **ребенка**'

В двух диалектах — в румейском и в цаконском — удалось найти и другие способы. Дело в том, что этих диалектах (в румейском в большей степени, в цаконском — в меньшей) родительный падеж фактически исчезает (подробнее см. Mertyris, Kisilier 2017; Kisilier, Mertyris 2018). В румейском собственно формы родительного падежа сохранились только у некоторых существительных в атрибутивной форме (13a). В остальных случаях посессивность выражается либо конструкцией с предлогом (13b), либо с помощью примыкания (13c), причем посессор можно определить по позиции: в конструкциях с предлогом посессор (практически?) всегда находится после существительного, к которому относится (13b), а при примыкании — перед (13c).

- (13) a. *kléfti-a* *spit-ø*
вор-SG.GEN дом-SG
‘дом **вора**’ (Viktorova 2009: 205)
- b. *trof-ø* *s-u* *tractor-ø*
колесо-SG в-DEF.SG трактор-SG
‘колесо **трактора**’ (Viktorova 2009: 205)
- c. *tát-a=m* *tu* *trayóð-ø*
отец-SG=POSS.1SG DEF.SG песня-SG
‘песня **моего отца**’ (Viktorova 2009: 205)

В цаконском диалекте посессивные формы с родительным падежом встречаются у намного большего числа существительных (14а). Однако более продуктивными моделями в цаконском оказываются предложно-падежная конструкция (14b–с)¹⁵ и оформление посессора с помощью винительного/косвенного падежа (14d).

- (14) a. *tu* *ku-né* *o* *pú-a*
DEF.NF.SG.GEN собака-SG.GEN DEF.M.SG.NOM нога-SG
‘лапа **собаки**’.
- b. *i* *psil-i* *s éndani* *ta*
DEF.NN.PL.NOM глаз-PL в ЭТОТ.FSG DEF.F.SG.OBL
yunék-a
женщина-SG.NGEN
‘глаза **этой женщины**’.
- c. *i* *pú-e* *apó* *ta* *kabzí-a*
DEF.NN.PL.NOM нога-PL от DEF.N.PL мальчик-PL
‘ноги **детей**’.
- d. *i* *pú-e* *ta* *kóth-a*
DEF.NN.PL.NOM нога-PL DEF.F.SG.OBL курица-SG
‘ноги **курицы**’.

3.6. Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения и в стандартном новогреческом (15а), и в большинстве диалектов, например, в кипрском (15b), восходят к местоименной клитике в родительном падеже:¹⁶

¹⁵ В отличие от румейского, в цаконском используется не только предлог ‘в’ (14b), но и ‘от’ (14c).

¹⁶ В румейском и понтийском в единственном числе у местоимений отпал конечный гласный, и /mu/, /su/, /tu/ превратились соответственно в /m/, /s/, /t/; ср. (16а).

- (15) a. ο φίλ-ος μου
DEF.M.SG.NOM друг-SG.NOM =POSS.1SG (1SG.GEN)
'мой друг'
- b. το spit-in=mu
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN=POSS.1SG (1SG.GEN)
'мой дом'

В понтийском, наравне с этой моделью (16a), сохранилось и древнегреческое притяжательное местоимение в среднем роде независимо от рода существительного, к которому оно относится (16b):

- (16) a. ι γαρ-ί=m
DEF.F.SG.NOM жена-SG.NOM=POSS.1SG (1SG.GEN)
- b. τ em-όν ι γαρ-ί
DEF.N.SG.NGEN POSS.1SG-SG DEF.F.SG.NOM жена-SG.NOM
'моя жена'.

3.7. Дублирование артикля при прилагательном

В большинстве рассмотренных диалектов регулярно наблюдается дублирование артикля, если в именную группу входит прилагательное. При этом не имеет значения, стоит ли прилагательное перед определяемым существительным (17a) или после него (17b), ср. с цаконским:

- (17) a. το kal-έ το kabzi-ø
DEF.N.SG.NGEN хороший-NF.SG DEF.N.SG.NGEN мальчик-SG.NGEN
- b. το kabzi-ø το kal-έ
DEF.N.SG.NGEN мальчик-SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN хороший-NF.SG
'хороший мальчик'

Нельзя исключать, что обе модели могут быть результатом влияния со стороны стандартного новогреческого:

- (18) a. το μεγάλο-ο το σπίτι-ø
DEF.N.SG.NGEN большой-N.SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN
- b. το σπίτι-ø το μεγάλο-ο
DEF.N.SG.NGEN дом-SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN большой-N.SG.NGEN
'большой дом'.

В диалекте приазовских греков дублирование артикля вообще не встречается.

3.8. Расстояние Хэмминга и анализ собранных данных

Итак, одна из задач диалектометрического исследования — это подсчет расстояний между разными языковыми вариантами с использованием разнообразных методов математического и статистического анализа (о разных методах см., напр., Nerbonne

2008; 2011; Prokić et al. 2012; Scherrer 2012; Wolk, Szmrecsanyi 2014; Goebel 2018; Gooskens 2018; Heeringa, Prokić 2018). К нашим данным после некоторых поисков мы решили применить т. н. **расстояние Хэмминга**, впервые сформулированное в (Hamming 1950) как способ поиска и исправления ошибок в равных по длине передаваемых кодах и уже несколько десятилетий используемое в современной диалектологии (ср. Kessler 1995). Расстояние Хэмминга позволяет подсчитать в метрическом пространстве различия между объектами одинаковой размерности. В нашем случае такими объектами оказываются обследуемые параметры в каждом диалекте. При этом подсчитываются различия не между двумя языковыми вариантами, а сразу между всеми. Расчеты проводятся по следующей формуле:

$$d_{ij} = \sum_{k=1}^p |x_{ik} - x_{jk}|$$

где d_{ij} — это расстояние Хэмминга между x_i и x_j размерности p . Сегодня расчеты по этой формуле проводятся не вручную, а при помощи специальных «калькуляторов». Для интересующих нас параметров мы использовали R Core Team (2022), функцию `hammingD` библиотеки `EnsCat` (о возможностях этой библиотеки см. Amiri et al. 2018). Важно отметить, что нас интересовали не столько числовые эквиваленты различий, сколько их соотношения друг с другом. Полученные нами результаты можно представить в виде дендрограммы (рис. 3).

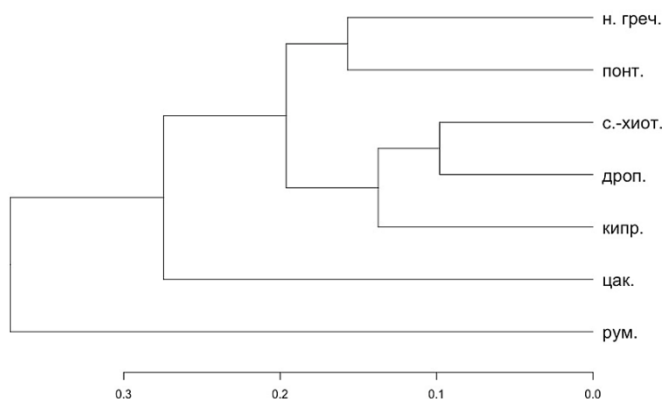

Рис. 3. Расстояние Хэмминга и именная группа
Fig. 3. Hamming distance and Noun Phrase

Из дендрограммы на рис. 3 хорошо видно, что с точки зрения особенностей именной группы ближе всего к стандартному новогреческому оказываются диалекты Дропулла и Северного Хиоса, далее кипрский и чуть дальше понтийский, а замыкают цаконский с румейским. Очевидно, что чем ближе диалект к метрополии, тем меньше особенностей в именной морфологии он демонстрирует (см. карту на рис. 4).

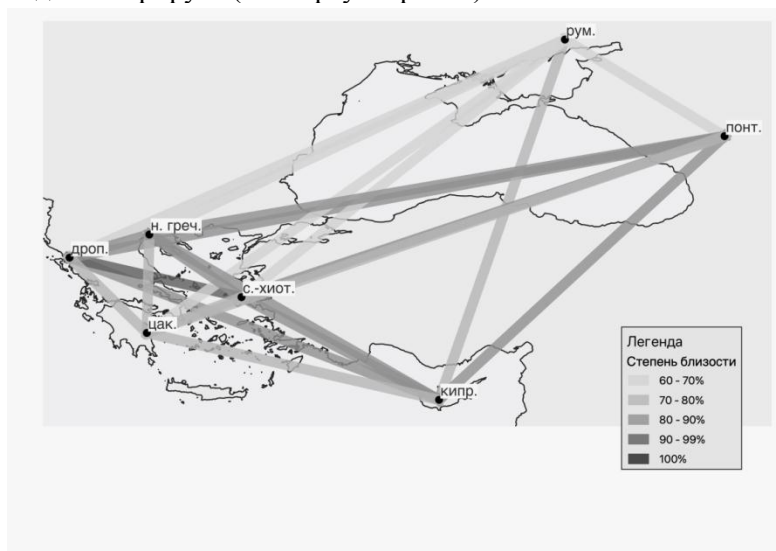

Рис. 4. Степень близости. Именная группа
Fig. 4. Degree of proximity. Noun Phrase

Единственным исключением здесь оказывается цаконский. В причинах этого еще предстоит разобраться, если, конечно, не удовлетворяться распространенными утверждениями об исключительной древности диалекта и крайней замкнутости сообщества, согласно сторонникам этой точки зрения, видимо, усиленно избегавшего контактов извне. Впрочем, подобное распределение в целом ожидаемо. Более неожиданными выглядят другие факты:

1. румейский значительно дальше от стандартного новогреческого, чем цаконский, хотя до исследования казалось, что будет ровно наоборот;

2. диалект Северного Хиоса, относящийся к восточным диалектам, ближе всего оказывается к диалекту Дропулла, примыкающему к северногреческой диалектной зоне, и их взаимная

близость больше, чем близость каждого из них к стандартному новогреческому, к которому, как уже упоминалось, они ближе, нежели прочие обследованные диалекты);

3. понтийский диалект намного ближе к стандартному новогреческому, чем к румейскому, и это оказывается еще одним доводом в пользу того, что диалект приазовских греков не стоит считать ни понтийским, ни северногреческим.

Важно отметить, что особенности цаконского и румейского в области именной группы намного менее значительны, чем фонетические, и они не являются «древнегреческим наследием» (см. раздел 2), а представляют собой эволюцию новогреческой именной системы.

4. Базовый словарь: расстояние Левенштейна

Одним из наиболее простых для реализации методов диалектометрического анализа являются подсчеты т. н. расстояния Левенштейна. Этот метод нацелен на определение разницы двух строк символов и позволяет выяснить минимальное количество операций, необходимых для того, чтобы символы одной строки стали тождественны символам другой строки (оригинальную постановку проблемы и ее решение см. Levenshtein 1965)¹⁷. Формулу расстояния Левенштейна можно представить в следующем виде:

$$d(S_1, S_2) = D(M, N)$$

где d — расстояние Левенштейна, S_1 и S_2 — это номера сравниваемых строк, M и N — длина сравниваемых строк, D — различие между длинами сравниваемых строк. Материалом для подсчетов послужили 194 лексемы из базового словаря (см. пример 2 и сн. 5) из стандартного новогреческого, греческого диалекта Дропулла (Албания), кипрского, лесбосского, понтийского, румейского, северохиотского и цаконского¹⁸. Анализ этих лексем позволяет выявить фонетические, морфонологические и словообразовательные различия между диалектами, поскольку, по сути, сопоставляются одни и те же лексемы. У избранного нами подхода, как у любого метода, есть свои недостатки. Наиболее существенный из них заключается в том,

¹⁷ До некоторой степени это напоминает знаменитую детскую игру, в которой из слова *муха* надо получить слово *слон*.

¹⁸ На данном этапе диалектные данные сопоставлялись не между собой, а исключительно со стандартным новогреческим.

что сопоставлялись только словарные формы избранных лексем, а не вся парадигма в целом, поскольку подготовка и подсчеты (о них см. ниже) проводились вручную. Естественно, известны примеры, когда лексемы в разных языковых вариантах могут совпадать в словарной форме, но различаться в какой-либо другой (19a) и наоборот (19b).

- (19) а. NOM.SG н.-греч. *ἀνδρας* /ándras/ ‘мужчина’ с.-хиот. *ándras*
 GEN.SG *ἀνδρα* /ándra/ *ándrus*
 б. NOM.SG н.-греч. *αἴρας* /aéras/ ‘ветер’ чак. *aéra*
 ACC.SG *αἶρα* /aéra/ *aéra*

Чтобы определить, насколько велика вероятная погрешность при подсчетах, мы сравнили три результата: (а) результат, полученный при анализе 50 лексем, (б) результат, полученный при анализе 100 лексем, и (с) результат, полученный при анализе 150 лексем. Забегая вперед, отметим, что все три результата в целом оказались сопоставимы друг с другом (см. рис. 5).

Существуют разные способы подсчета расстояния Левенштейна (см., напр., Heeringa 2004: 121–143). В нашем исследовании мы проводили подсчеты вручную, следуя шести правилам:

1. сопоставляются лишь аналогичные друг другу лексемы;
2. общее число символов считается по самому длинному слову;
3. каждый звук (аллофон) считается как 1 символ;
4. ударение считается как 1 символ;
5. замена, исчезновение или добавление символа считается как 1 трансформация;
6. сдвиг ударения считается как 1 трансформация.

Например, при сопоставлении н.-греч. *κεφάλι* /kefáli/ ‘голова’ и понт. *kifál* общее число символов (N_{max}) оказывается равным 7, а число трансформаций (N_{trans}) равно 2 (/e/ > /i/ и исчезновение /-i/). Расчет степени близости лексем x и y (Sim) проводился по формуле:

$$Sim(x, y) = 100 - \frac{100}{N_{max}(x, y)} \times N_{trans}(x, y)$$

Далее подсчитывается среднее арифметическое для 50, 100 и 150 лексем для каждого из диалектов.

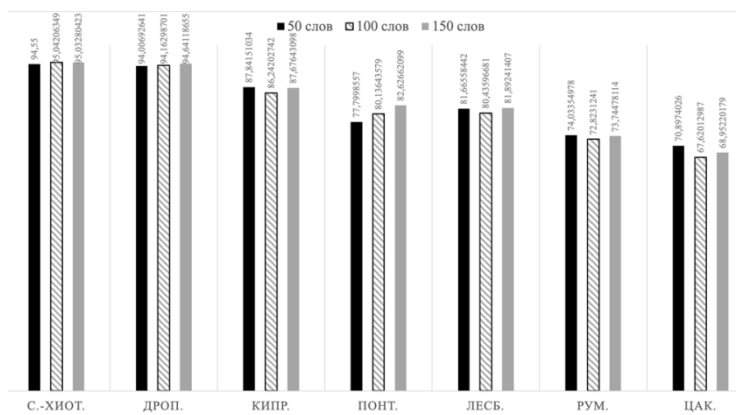

Рис. 5. Расстояние Левенштейна и базовый словарь
Fig. 5. Levenshtein distance and basic vocabulary

На рис. 5 хорошо видно, что ближе всего к стандартному новогреческому расположены диалекты Северного Хиоса и Дропулла, а дальше всего — румейский и цаконский. Если посмотреть на карту (рис. 6), можно убедиться, что степень близости диалекта к стандартному новогреческому не коррелирует напрямую с близостью его ареала к митрополии.

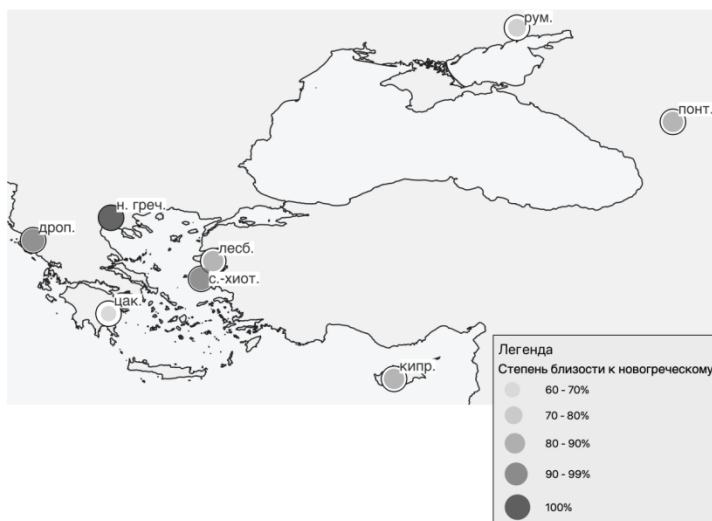

Рис. 6. Степень близости к стандартному новогреческому
Fig. 6. Degree of proximity to Standard Modern Greek

Результаты подсчета расстояния Левенштейна по базовому словарю оказываются сопоставимыми с результатами подсчета расстояния Хэммина для именной группы (ср. рис. 3 и 5): ближе всех к стандартному новогреческому располагаются диалекты Дропулла и Северного Хиоса (фактически на одинаковом расстоянии), дальше следуют кипрский и понтийский (первый немного ближе, чем второй), и единственное различие¹⁹ заключается в том, что при подсчете расстояния Хэмминга для именной группы дальше всех от стандартного новогреческого оказывается румейский, а при подсчете расстояния Левенштейна для базового словаря — цаконский. Это различие легко объяснимо: фонетические особенности цаконского выражены намного более ярко, чем его морфологические особенности.

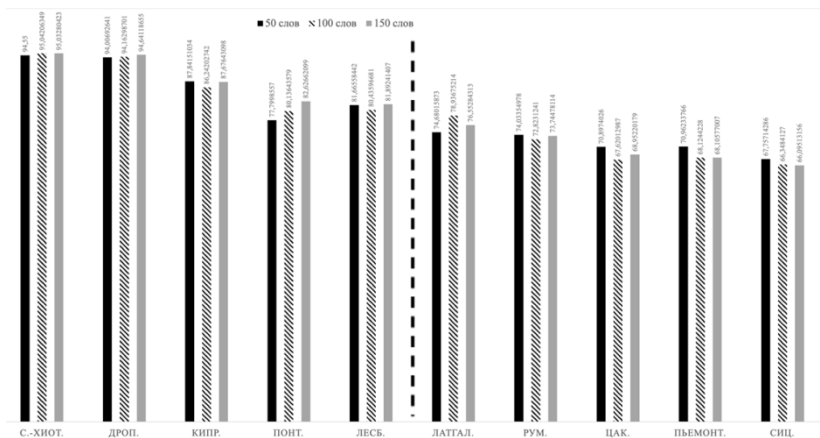

Рис. 7. Степень близости к стандартному языку
Fig. 7. Degree of proximity to the standard language

Подсчитывая расстояние Левенштейна по базовому словарю, мы решили поставить еще один эксперимент — сравнить расстояния между стандартным новогреческим и его диалектами, с одной стороны, и расстояния между литературным итальянским и сицилийским, литературным итальянским и пьемонтским, а также литературным латышским и латгальским, с другой стороны, используя те же лексемы из базового сло-

¹⁹ Отметим, правда, что расстояние Хэмминга для именной группы рассчитывалось без учета данных лесбосского диалекта.

варя, что и при подсчете расстояния Левенштейна у новогреческих диалектов (рис. 7)²⁰.

Сицилийский, пьемонтский и латгальский традиционно описываются не как диалекты соответствующих языков, а как самостоятельные языки. Для диалектов новогреческого языка вопрос об их статусе (язык или диалект?) фактически не стоит, хотя периодически разные исследователи предлагают считать тот или иной диалект — чаще всего понтийский или цаконский — отдельным языком (ср. Dawkins 1931: 389). В рамках настоящей статьи нет возможности сколько-нибудь углубиться в эту интереснейшую тематику, предполагающую комплексный многосторонний подход (подробнее см. Коруаков 2017), однако интересно, что на рис. 7 цаконский и румейский оказываются среди тех языковых вариантов, которые принято называть отдельными языками, а понтийский — среди диалектов (условную границу между ними показывает пунктирная линия).

5. Заключение

Анализ, представленный в настоящей статье, является лишь первой попыткой применения методов диалектометрического исследования к новогреческим диалектам. Использование этих методов может стать крайне важным шагом для развития новогреческой диалектологии. Они позволят выйти за пределы традиционных и не очень хорошо отражающих действительность диалектных классификаций и обнаружить новые дифференциальные признаки, на которые по разным причинам прежде могли не обращать внимание. Понятно, что для более релевантных выводов надо расширять и перечень привлекаемых диалектов, и список обсуждаемых параметров. Последнее уже активно делается в рамках разработки «Атласа балканских языков» (Adamou, Sobolev 2023), где, помимо именной группы, будут исследоваться глагольная группа, синтаксические и лексические особенности. Принципиальное отличие диалектометрического исследования от традиционных диалектных классификаций заключается в том, что оно позволяет не просто сравнивать диалекты по разным языковым уровням (фонетика, лексика, морфология и синтаксис) и в итоге получать плохо соотносимые друг с другом диалектные классификации, а

²⁰ Пользуясь случаем, мы хотим поблагодарить за помощь в сборе материалов Беатриче Миано (сицилийский), Клаудио Марчелло Таулли (пьемонтский язык) и Денса Диминша (латгальский язык).

провести комплексное сопоставление, учитывающие все особенности, релевантные для избранного момента времени.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов и местоимений; 3 — 3 л. у глаголов и местоимений; дор. — дорийские диалекты; др.-греч. — древнегреческий язык; дроп. — греческий диалект Дропулла (Албания); ион. — ионийский диалект; капп. — каппадокийский диалект; карп. — диалект о-ва Карпатос; кипр. — кипрский диалект; конст. — константинопольский диалект; крит. — критский диалект; латгал. — латгальский язык; лесб. — лесбосский диалект; н.-греч. — стандартный новогреческий язык; пел.-ион. — пелопоннеско-ионийский диалект; праи.-е. — праиндоевропейский язык; понт. — понтийский диалект; пьемонт. — пьемонтский язык; рум. — румейский язык (диалект приазовских греков; с.-греч. — северногреческие диалекты; с.-хиот. — диалект Северного Хиоса; сиц. — сицилийский язык; ст.-аф. — староафинский диалект; цак. — цаконский диалект; ю.-в. — юго-восточные диалекты; ю.-ит. — греческие диалекты Южной Италии; ACC — винительный падеж; CMPR — показатель сравнительной степени; DEF — показатель определенности (определенный артикль); GEN — родительный падеж; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NF — неженский род; NGEN — неродительный падеж; NN — несредний род; NOM — именительный падеж; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Adamou, E., Sobolev, A. N. 2023: Atlas of the Balkan linguistic area online (ABLA). <<https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/>, Date accessed 26.04.2023>.
- Amiri, S., Clarke, B. S., Clarke, J. L. 2018: Clustering categorical data via ensembling dissimilarity matrices. *Journal of computational and graphical statistics* 27. 1, 195–208.
- Bloem, J., Wieling, M., Nerbonne, J. 2016: Automatically identifying characteristic features of non-native English accents. In: Côté, M.-H., Knooihuizen, R., Nerbonne, J. (eds.). *The future of dialects: selected papers from Methods in Dialectology XV*. Berlin: Language Science Press, 155–172.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: *The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. <<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, Date accessed 15.02.2023>.

- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2002: Clitics and clause structure. *Journal of Greek Linguistics* 2, 1–39.
- Contossopoulos, N. G. 1983–1984: [La Grèce du ti et la Grèce du inda]. *Glossologia [Linguistics]* 2–3, 149–162.
- Contossopoulos, N. G. 1983–1984: La Grèce du τi et la Grèce du είντα. *Γλωσσολογία* 2–3, 149–162.
- CorpAfroAs_Team. 2017: The CorpAfroAs and CorTypo list of glosses. <<https://bit.ly/Glosses-CorpAfroAs>, Date accessed 16.02.20>.
- Dawkins, R. M. 1931: Notes on the study of the Modern Greek of Pontos. *Byzantion* 6. 1, 389–400.
- Deville, G. 1866: *Étude du dialecte Tzacorien. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris*. Paris: Imprimerie de A. Lainé et J. Havard.
- Goebel, H. 2018: Dialectometry (Ch. 7). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 123–142.
- Gooskens, C. 2018: Dialect intelligibility (Ch. 11). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 204–218.
- Hamming, R. W. 1950: Error detecting and error correcting codes. *The Bell system technical journal*. 29. 2, 147–160.
- Heeringa, W. J. 2004: *Measuring dialect pronunciation differences using Levenshtein distance*. Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de Letteren. Rijksuniversiteit Groningen. Groningen.
- Heeringa, W. J., Prokić, J. 2018: Computational dialectology (Ch. 19). In: Baberg, C., Nerbonne, J., Watt, D. (eds.). *The handbook of dialectology*. Oxford: Wiley Blackwell, 324–347.
- Joseph, B. D. 2022: What is meant by “Modern Greek dialect”? Some thoughts on terminology and glossonymy, with a glance at Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 55–71. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Karatsareas, P. 2014: On the diachrony of gender in Asia Minor Greek: the development of semantic agreement in Pontic. *Language Sciences* 43, 77–101.
- Kessler, B. 1995: Computational dialectology in Irish Gaelic. In: Abney, S. P., Hinrichs, E. W. (eds.). *Proceedings of the seventh conference on European Chapter of the Association for computational linguistics (EACL '95)*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers Inc., 60–66.
- Kisilier, M. L. 2013: [Studies in Modern Greek dialects: achievements and problems]. *Voprosy Jazykoznanija* 2, 83–98.
- Кисилиер, М. Л. 2013: Новогреческая диалектология: достижения и проблемы. *Вопросы языкознания* 2, 83–98.

- Kisilier M. L. 2021: Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 215–263. (Matras, Y. (ed.). *Language contact and bilingualism [LCB]*. Vol. 20).
- Kisilier, M. 2022a: *Contact phenomena in Azov Greek. Languages* 7. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7030174>.
- Kisilier, M. 2022b: Pontic project: theoretical problems and modern technologies. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 73–84. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kisilier, M., Mertyris, D. 2018: [About the genitive in Tsakonian]. *Tsakonian Chronicles* 23. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M., Μερτύρης, Δ. 2018: Περί της γενικής στα Τσακόνικα ουσιαστικά. *Χρονικά των Τσακόνων* ΚΓ'. 2/2, 219–242.
- Koryakov, Yu. B. 2017: [Language vs. dialect: lexicostatistic approach]. *Voprosy Jazykoznanija* 6, 79–101.
- Коряков, Ю. Б. 2017: Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания* 6, 79–101.
- Kretschmer, P. 1905: *Der heutige lesbische Dialect verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten*. Wien: Alfred Holder.
- Lekos, M. A. 1920: *Peri Tsakōnōn kai tēs Tsakōnikēs dialektou [On Tsakonians and the Tsakonian dialect]*. Athens: Papapoulou.
- Λεκός, Μ. Α. 1920: *Περί Τσακόνων και τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Ἀθήναι: Τύποις Παπαπαύλου. (Βιβλιοθήκη ἱστορικῶν μελετῶν).
- Levenshtein, V. I. 1965: [Binary codes with the emendation of fallouts, insertions, and substitutions of signals]. *Doklady Akademii Nauk SSSR. Kibernetika i teorija regulirovaniya [Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Cybernetics and control theory]* 163. 4, 845–848.
- Левенштейн, В. И. 1965: Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов. *Доклады Академии наук СССР. Кибернетика и теория регулирования* 163. 4, 845–848.
- Mackridge, P. H. 1985: *The Modern Greek language. A descriptive analysis of Standard Modern Greek*. Oxford: Oxford University Press.
- Mackridge, P. H. 1996: The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence. In: Costantinides, C. N., Panagiotakis, N., Jeffreys, E. M., Angelou, A. D. (eds.). *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Venice: Istituto Ellenico, 191–204. (Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliotheke. Vol. 17).

- Mackridge, P. H. 2002: [G. Babiniotis, Dictionary of Modern Greek. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Dictionary of Common Greek. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institutouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages [Review]]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2002: G. Babiniotis, Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institutouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages [Review]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Mertyris, D. 2014: *The loss of the genitive in Greek. A diachronic and dialectological analysis*. Doctorate of Philosophy. Dissertation submitted in total fulfillment for the degree of Doctorate of Philosophy. La Trobe, Linguistic program. Melbourne.
- Mertyris, D., Kisilier, M. 2017: [Genitive in the dialect of Mariupol: perseverance and loss]. *Studies in Greek Linguistics* 37, 465–476.
- Μερτύρης, Δ., Κισιλιέρ, Μ. 2017: Η γενική στη μαριουπολίτικη διάλεκτο: διατήρηση και απώλεια. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 37, 465–476.
- Nerbonne, J. 2008: Variation in the aggregate: an alternative perspective for variationist linguistics. In: Dekker, K., MacDonald, A., Niebaum, H. (eds.). *Northern voices: essays on Old Germanic and related topics offered to Professor Tette Hofstra*. Louvain: Peeters, 365–382.
- Nerbonne, J. 2011: Mapping aggregate variation (Ch. 24). In: Lameli, A., Kehrein, R., Rabanus, S. (eds.). *An international handbook of linguistic variation*. Vol. 2. Language mapping. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 476–501.
- Newton, B. 1972: *The generative interpretation of dialect. A study of Modern Greek phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nicholas, N. 2004: [Geographical history of “inta ‘n’ pou”]. *Hellenika* 54, 311–343.
- Nicholas, N. 2004: Η γεωγραφική ιστορία του «ίντα ‘ν’ που». *Ελληνικά* 54, 311–343.
- Oikonomos, Th. M. 1846: *Pragmateia tēs Lakonikēs (Tsakonikēs) glōssēs [Treatise of the Laconian (Tsakonian) Language]*. Athens: P. B. Melachouris & Ph. Karampinis.
- Οικονόμος, Θ. Μ. 1846: *Πραγματεία τῆς Λακωνικῆς (Τσακωνικῆς) γλώσσης*. Αθήνησιν: Τύποις Π. Β. Μελαχούρη καὶ Φ. Καραμπίνη.
- Oikonomos, Th. M. 1870: *Grammatukē tēs Tsaōnikēs dialēktou en ē prosehēsan asmata tina, moirologia, dialogoi, paroimiai, kai leksikon autēs plēres [Grammar of the Tsakonian dialect with some*

- songs, laments, proverbs and their complete glossaries*]. Athens: L. Psylliakou & Sas.
- Οικονόμος, Θ. Μ. 1870: *Γραμματική τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου ἐν ἣ προσετέθησαν ἄσματα τινά, μοιρολόγια, διάλογοι, παροιμίαι, καὶ λεξικὸν αὐτῆς πλήρες*. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Λ. Ψυλλιάκου καὶ Σ^α.
- Prokić, J., Çöltekin, Ç., Nerbonne, J. 2012: Detecting shibboleths. In: Butt, M., Carpendale, S., Penn, G., Prokić, J., Cysouw, M., Mayer, T., Moran, S. (eds.). *Proceedings of the EALC 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH*. Avignon: Association for Computational linguistics, 72–80.
- Ralli, A. 2006: Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art. *Journal of Greek Linguistics* 7, 121–159.
- Rohlf, G. 1977: *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trad. S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech'sche Verlagsbuchhandlung.
- Ryliik, P. A. 2012: [On a connection between the Modern Greek idioms used on the island of Karpathos and the Dorian dialect]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XVI, 730–741.
- Рылик, П. А. 2012: К вопросу о связи новогреческих говоров острова Карпатос с дорийским диалектом. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XVI, 730–741.
- Scherrer, Y. 2012: Recovering dialect geography from an unaligned comparable corpus. In: Butt, M., Carpendale, S., Penn, G., Prokić, J., Cysouw, M., Mayer, T., Moran, S. (eds.). *Proceedings of the EALC 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH*. Avignon: Association for Computational linguistics, 63–71.
- Schirmunski V. M. 1976: [The problems of emigrant dialectology]. In: Schirmunski V. M. (ed.). *Izbrannye trudy. Obschee i Grtmanskoe yazykoznanie [Selected works. General and Germanic Linguistics]*. Leningrad: Nauka, 491–516.
- Жирмунский, В. М. 1976: Проблемы переселенческой диалектологии. В сб.: Жирмунский, В. М. (ред.). *Избранные труды. Общее и германское языкознание*. Л.: Наука, 491–516.
- Sitaridou, I. 2014: The Romeyka infinitive: continuity, contact and change in the Hellenic varieties of Pontus. *Diachronica* 31. 1, 23–73.
- Sophocles, E. A. 1860–1862: Four hundred and ninety-ninth meeting. October 8, 1861. Monthly meeting. Remarks on the dialect of Tzakoniá. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* 5, 296–313.
- Spiro, A. 2015: The Modern Greek dialects of Albania — A general description and classification. In: Babanov, A., Bogdanova-Begtaryan, N., Bugaeva, L., Virolaynen, M., Zakharov, V., Med, N., Menshikova, Y., Monakhov, S., Sobolev, A., Shamina, E.,

- Khohlova, M. (eds.). 43rd *Philological conference, St. Petersburg. 11–16 March 2014. Selected articles*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 396–417.
- Trudgill, P. 2003: Modern Greek dialects. A preliminary classification. *Journal of Greek Linguistics* 4, 45–64.
- Tsopanakis, A. G. 1955: Eine Dorische Dialektzone im Neugriechischen. *Byzantinische Zeitschrift* 48. 1, 49–72.
- Tzitzilis, C. 2013: Archaisms in Modern dialects. In Giannakis, G. K., Bubenik, V., Crespo, E., Golston, C., Lianeri, A., Luraghi, S., Matthaïos, S. (eds.). *Encyclopedia of Ancient Greek language and linguistics*. Retrieved from http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_COM_00000034. Access date 13.07.2016.
- Viktorova, K. V. 2009: [Nominal system (Ch. 8)]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaia i etnokulturaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'ia. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov [Linguistic and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]*. Saint-Petersburg: Aletheia, 193–205.
- Викторова, К. В. 2009: Именная система (Гл. 8). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 193–205.
- von Thiersch, F. W. 1832: Über die Sprache der Zakonen. Gelesen in der Sitzung der I. Classe der Königl. Akademie der Wissenschaften am 3. Nov. 1832. *Abhandlungen der philosophisch-philologisch Klasse der Königliche Bayerische Akademie der Wissenschaften* 1, 513–582.
- Wiesinger, P. 2011: Deutsche Sprachinseln. In: Althaus, H. P., Henne, H., Wiegand, H. E. (Hrsg.). *Lexikon der Germanistischen*. Berlin; New York: Max Niemeyer Verlag, 491–500.
- Wolk, C., Szmrecsanyi, B. 2016: Top-down and bottom-up advances in corpus-based dialectometry. In: Côté, M.-H., Knooihuizen, R., Nerbonne, J. (eds.). *The future of dialects: selected papers from Methods in Dialectology XV*. Berlin: Language Science Press, 225–243.
- Zacharidis, N. 2014: *Leksiko tou kōnstantinoupolitikou glōssikoy idiōmatos [Dictionary of the dialect of Constantinople]*. Athens: Gavrilidis Publications.
- Ζαχαρίδης, Ν. 2014: *Λεξικό του κωνσταντινουπολίτικου γλωσσικού ιδιώματος*. Αθήνα: Εκδόσεις Γαβριηλίδης.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ СЕРБОХОРВАТСКИХ ГОВОРОВ В КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

В работе подсчитывается и сравнивается фонологическая сложность сербохорватских диалектов. Выделяются говоры с наиболее простыми и наиболее сложными фонологическими системами, а их формирование рассматривается в контактологической перспективе. Делается вывод, что в целом для фонологии сербохорватских говоров характерно упрощение. При этом языковые контакты играют в этих процессах периферийную роль. Так, например, венецианский диалект, вероятно, не оказал влияния на упрощение чакавских говоров Адриатики. Большинство процессов упрощения и усложнения имеют внутрязыковое объяснение.

Ключевые слова: южнославянская диалектология, сербохорватский язык, фонология, языковая сложность, языковые контакты.

V. V. Kozak

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb., Russia.
viacheslav.kozak@gmail.com

Phonological complexity of Serbo-Croatian dialects in the light of language contacts

In this paper, I calculate and compare the phonological complexity of Serbo-Croatian dialects. It is concluded that, in general, the phonology of Serbo-Croatian dialects is characterized by simplification. Chakavian dialects turn out to be simpler than Kajkavian and Shtokavian, and the Chakavian dialects of the cities of Cres and Trogir demonstrate the least complexity. The Zeta-Lovćen Shtokavian dialects of Montenegro represent the highest complexity. Language contacts play a peripheral role in the processes of simplification and complication. Thus, for example, the Venetian dialect of the Adriatic probably did not affect the simplification of the Chakavian dialects, despite repeated attempts to detect this influence. Borrowings from Turkish contributed to the emergence of the affricates /dz/ and /dʒ/ in the Shtokavian dialects, that is, — to their complication.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии»).

However, most of the processes of simplification and complication have an intralinguistic explanation.

Keywords: South Slavic dialectology, Serbo-Croatian language, phonology, language complexity, language contacts.

Введение

Идея настоящего исследования родилась из того очевидного на первый взгляд наблюдения, что фонологические инвентари отдельных сербохорватских² говоров различаются³. Так, например, для говора чакавского пункта ОЛА Жминь в Истрии характерна только одна аффриката /ts/ (Šimunović 1981: 229), тогда как для штокавского говора села Башайд в Воеводине — шесть: /ts, dz, tʃ, dʒ, tɛ, dz/ (Ivić 1981: 452). При этом, согласно существующим реконструкциям, в прасербохорватском языковом состоянии аффрикат было две: /ts, tʃ/ (Ivić 1981: 222). Таким образом, в первом случае мы сталкиваемся с упрощением исходной системы, а во втором — с усложнением. Причиной как одного, так и другого может быть самостоятельное развитие идиома, обусловленное внутренними тенденциями и закономерностями, и/или внешнее влияние языкового контакта. Цель настоящего исследования — оценить, какую роль могли сыграть межъязыковые контакты в случаях максимального упрощения и максимального усложнения фонологических систем сербохорватских говоров.

Методология исследования

Методологически работа следует в русле исследования М. С. Морозовой, А. Ю. Русакова и А. Л. Эшер, посвященного общей сложности южнославянских диалектов (Morozova et al. 2022). Наше исследование в целом выполнено в том же ключе.

² В работе используется традиционный для русскоязычной славистики и балканистики лингвоним «сербохорватский язык» (Соболев 1998: 114). Хотя этот термин не является общепринятым на настоящий момент, его употребление оправдано, с одной стороны, тем, что языковое пространство боснийских, сербских, хорватских и черногорских говоров рассматривается в исследовании как единый континуум. С другой стороны, этот термин (вернее термин *srpskohrvatski/hrvatsko-srpski*) вынесен в заголовок основного источника работы — справочника по южнославянской фонологии 1981 г. (Ivić 1981).

³ Имеются в виду фонологические инвентари сербохорватских говоров, как они описаны в (Ivić 1981: 222).

Оно состоит из нескольких этапов. Первый этап — подсчет сложности фонологических систем сербохорватских говоров. Термин «языковая сложность» (равно как и вытекающие из него понятия «упрощение» и «усложнение») употребляется в этой работе в наиболее общем и простом смысле и по сути «сводится к количеству элементов, из которых состоит [фонологическая — В. К.] система» (Бердичевский 2012: 103). Кроме того, при подсчете дополнительные баллы сложности начислялись нами с учетом количественного противопоставления гласных фонем (+1), а также фонологической значимости тона (+1). В качестве материала были взяты фонологические описания 77 сербохорватских говоров из сетки пунктов «Общеславянского лингвистического атласа», опубликованные группой исследователей под редакцией П. Ивича в 1981 г. (Ivić 1981)⁴.

Продемонстрируем подсчет сложности на примере чакавского идиома города Црес (Šojat 1981: 235–236). Фонологическая система говора включает, во-первых, 5 гласных фонем, дополнительно противопоставленных по долготе (5+1), — /i, i:, e, e:, a, a:, o, o:, u, u:/; во-вторых, 19 согласных (табл. 1); в-третьих, два акцента, различающихся только количественно (/V:/, /V/) и, следовательно, не влияющих на сложность (+0).

m	n	ɲ	
p, b	t, d	ç	k, g
f, v		ʃ, z	x
	ʃs		
	r, l	j	

Табл. 1. Согласные фонемы говора Цреса

Таким образом, сложность фонологической системы Цреса равна 25 (5+1+19+0).

Сложность прасербохорватского языкового состояния, на фоне которого рассматривается диалектологический материал, равна 34 и складывается, во-первых, из 7 гласных фонем, противопоставленных количественно (7+1), — /i, i:, e, e:, æ:, æ,

⁴ См. также рецензию Л. Э. Калнынь (Kalnyn' 1984).

э:, ə, a, a:, o, o:, u, u:/; во-вторых, из 25 согласных (табл. 2); в-третьих, из системы ударений с фонологизированным тоном (+1) (Stadnik-Holzer 2014).

m	n	ɲ	
p, b	t, d	ç, ʝ	k, g
f, v	s, z, ʃ, ʒ		x
	ʃs, ʃʝ		
	r, r ^j , l, l̥	j	

Табл. 2. Согласные фонемы прасербохорватского языкового состояния

Таким образом, сложность прасербохорватской фонологической системы равна 34 (7+1+25+1).

Второй этап исследования — сопоставление получившихся показателей сложности фонологических систем отдельных сербохорватских идиомов друг с другом, а также со сложностью прасербохорватского языкового состояния. Данные о сложности были нанесены на географическую карту.

На третьем этапе были выделены говоры, характеризующиеся минимальной и максимальной сложностью.

На четвертом этапе были проанализированы процессы упрощения или усложнения, сформировавшие эти говоры в их нынешнем виде; на основании существующих теоретических исследований оценена роль языковых контактов в этих процессах.

Результаты исследования

Вычислив сложность сербохорватских говоров, мы построили график (рис. 1), на оси x которого представлены сами говоры в порядке их следования в (Ivić 1981)⁵, а ось y отражает фонологическую сложность⁶. Горизонтальная штриховая линия на графике — фонологическая сложность прасербохорватского языкового состояния, равная 34.

⁵ В издании первыми приводятся чакавские говоры (1–13), затем кайкавские (14–22) и штокавские (23–77).

⁶ Полный список населенных пунктов с их сложностью мы поместили в приложении.

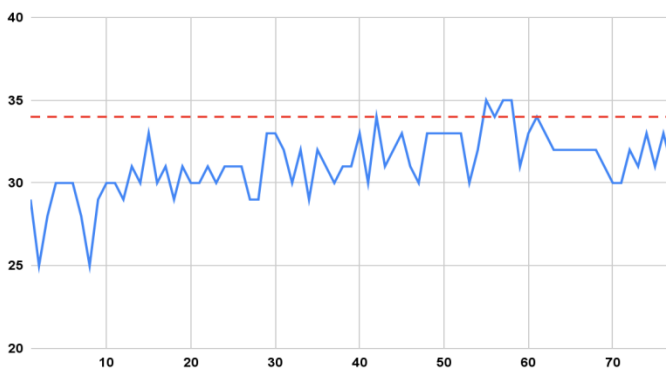

Рис. 1. Сложность фонологических инвентарей сербохорватских говоров на прасербохорватском фоне

Приведенный график позволяет нам сделать первые наблюдения: фонологическая сложность большинства сербохорватских говоров меньше сложности прасербохорватского языкового состояния. При этом на графике явно выделяются два случая максимального упрощения: это чакавские говоры городов Црес и Трогир, фонологическая сложность которых равна 25. Чакавские говоры в целом (пункты 1–13) оказываются проще кайкавских (пункты 14–22) и штокавских (пункты 23–77): 28,8 баллов сложности против соответственно 31,6 и 31,7⁷. При этом средняя сложность кайкавских и штокавских говоров существенно не различается.

Самым сложным, согласно (Ivić 1981: 301), строго говоря, является кайкавский говор села Домагович (№ 15). При первоначальном подсчете его сложность была равна 37. В основе такой оценки лежат, в частности, многочисленные фонологизированные дифтонги, значительно увеличивающие количество слогообразующих единиц говора. Однако в последующей научной литературе эти выводы были существенно пересмотрены, фонологический статус целого ряда единиц оспорен, см., например, (Galić & Lisac 2017). В итоге скорректированная сложность говора Домаговича составила 33.

Таким образом, на графике наибольшее внимание привлекает другая компактная группа говоров, сложность которых равна прасербохорватскому состоянию или превосходит его.

⁷ Торлакские говоры в (Ivić 1981) в особую группу не выделяются.

Это говоры зетско-ловченского диалекта, распространенные на территории Черногории. В частности, речь идет о населенных пунктах Радовичи, Режевичи, Горана и Негуши (сложность соответственно 35, 34, 35, 35).

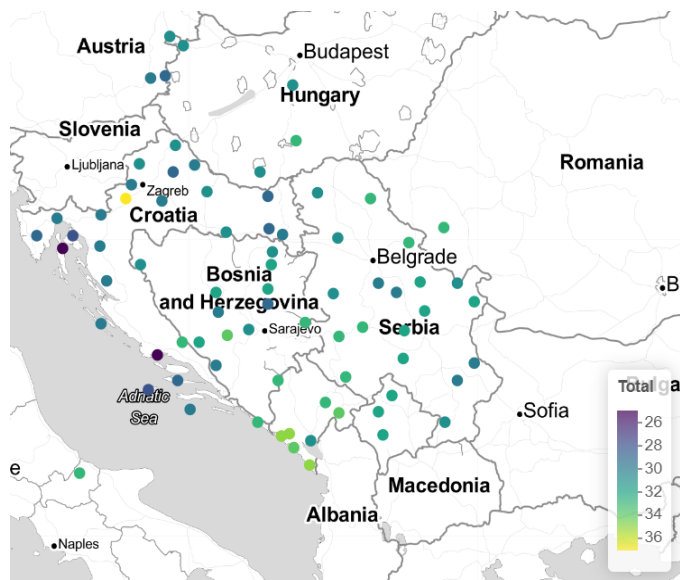

Рис. 2. Сложность фонологических систем сербохорватских говоров на географической карте⁸.

Есть небольшая корреляция между фонологической сложностью и конфессией населенного пункта. Наиболее сложными являются мусульманские пункты (32,7), далее идут православные (32) и католические (30,2)⁹.

Обсуждение

Попробуем проанализировать фонологическую сложность отмеченных говоров в контактологической перспективе. Для

⁸ Сердечно благодарю А. Л. Эшер за помощь в изготовлении карты.

⁹ Конфессиональная принадлежность пунктов описана в (OLA 1994). Отметим, что из 77 изученных говоров 38 — католические, 28 — православные, лишь 7 — мусульманские. В 3 случаях конфессиональная принадлежность не указана, в 1 — отмечен смешанный состав населения. Католическими являются все чакавские и кайкавские пункты.

этого есть географические и лингвистические основания. Обе группы говоров находятся в очень многоязычном регионе восточной части Адриатического моря. Для чакавских говоров Цреса и Трогира основным контактным языком является итальянский в тех или иных региональных разновидностях, в первую очередь — колониальный венецианский диалект. Для штокавских говоров Черногории существенным является влияние турецкого языка, а также албанского адстрата и романские (влашского) субстрата.

Для наиболее простых говоров чакавского наречия на уровне фонологии характерны следующие явления:

- 1) утрата прас.-х. гласных фонем */æ/ и */ǣ/;
- 2) развитие цакавизма (смешения щелевых /s, z/ и /ʃ, ʒ/ и соответствующих аффрикат /ts, dz/ и /tʃ, dʒ/);
- 3) нейтрализация фонем /j/, /j̥/ и /k/ (переходы /j̥/ → /j/ и /k/ → /j/);
- 4) нейтрализация прас.-х. фонем */t/ и */tʰ/ (переход /tʰ/ → /t/);
- 5) фонологическая нерелевантность тона (Црес);
- 6) утрата фонемы /x/ (Трогир);
- 7) малое число фонологических инноваций.

Перечисленные явления, разумеется, свойственны не только этим конкретным говорам. Так, утрата /æ/, /ǣ/ и /tʰ/ — практически общесербохорватское явление. Цакавизм, а также переходы /j̥/ → /j/ и /k/ → /j/ можно считать характерными для значительной части чакавского наречия в целом (Lisac 2009: 17). Региональный характер имеют также дефонологизация тона и утрата фонемы /x/. Таким образом, упрощение говоров Цреса и Трогира — результат целого ряда более обширных процессов. И сами процессы упрощения составляют лишь один аспект развития чакавских говоров. Другая важнейшая их особенность — отсутствие или небольшое число фонологических инноваций — тоже принадлежит к разряду региональных. На это указывает меньшая сложность чакавских говоров в целом, о чем мы сказали выше.

В славистике XX–XXI веков к последствиям романско-славянских языковых контактов некоторые исследователи относили т. н. адриатизмы (Lukežić 2012: 287). Из перечисленных выше процессов таковыми являются цакавизм и переход /k/ → /j/. Однако на настоящий момент единого мнения о происхождении адриатизмов нет. Так, например, М. Малецки (1929) и М. Храсте (1962) считали источником возникновения цака-

визма венецианский диалект (Šimičić 2021), противниками этой точки зрения были Й. Хамм (1957, 1960) и М. Могуш (1977). Промежуточную позицию занимал Ж. Мулячич (1962). На сегодняшний день преобладает точка зрения, что развитие чакавского цакавизма — внутриязыковой процесс, который в некоторой степени, возможно, мог быть усилен венецианским влиянием (Šimičić 2021: 439). Похожий вывод делается и в отношении перехода /k/ → /j/ (Moguš 1977: 90).

Контактологическая интрига в области фонологии возникает в связи с различиями в фонологическом инвентаре взаимодействующих языков. Эти различия создают для носителей определенные трудности, причем в зависимости от обстоятельств языкового взаимодействия носители преодолевают эти трудности по-разному. Так, Ярон Матрас выделяет четыре возможных сценария такого взаимодействия.

1. Первый сценарий — обычная фонологическая адаптация заимствованных слов при небольшом уровне двуязычия, когда «replicated word-forms are adjusted to match the sound patterns of the recipient language».

2. Второй сценарий — заимствование слов вместе с фонологическими элементами языка-донора. При этом «borrowed and inserted word-forms maintain (fully or partly) the original sound patterns of the donor language». Такая ситуация предполагает уже значительное двуязычие.

3. Третий сценарий подразумевает ситуацию коллективного усвоения L^2 , при котором его фонологическая система переживает конвергентное развитие под влиянием L^1 . В этом случае «word-forms of the target language are systematically adjusted to match the sound patterns of the native language».

4. Четвертый сценарий — «convergence of systems in stable, intensive bilingualism», когда «sound patterns of the native language are adjusted to match those of the second language», причем «second language is 'prestige' language» (Matras 2009: 225).

В первых двух сценариях речь идет о заимствовании отдельных слов с разными стратегиями их адаптации. Эти сценарии не актуальны для чакавских примеров, отражающих изменения фонологической системы на материале заимствованных и исконных слов. Ситуации “3” и “4” подразумевают не отдельные заимствования, а коллективное усвоение языка и значительные языковые последствия. Предположим, что романское влияние на фонологию чакавских говоров действительно имело место. При каком сценарии оно могло реализоваться? Третий

сценарий предполагал бы существование на побережье и островах Адриатического моря значительных романоязычных сообществ, перешедших на чакавское наречие и оказавших таким образом на него серьезное влияние. Этой гипотезе, однако, противоречит распространение чакавских адриатизмов на территориях, на которых бытование венецианского диалекта не зафиксировано¹⁰. Кроме того, гипотеза не объясняет отсутствие адриатизмов там, где венецианский говор был хорошо известен, к примеру в Задаре. При осуществлении четвертого сценария мы ожидали бы, что носители чакавского наречия так усвоили венецианский диалект, что изменили в соответствии с ним свою собственную фонетику. Но и эта гипотеза не объясняет ни распределения изоглосс цакавизма и делатерализации /ʎ/, ни бытования венецианского колониального диалекта. Учитывая все эти соображения, упрощение чакавских говоров в целом довольно сложно связать с влиянием романско-славянских языковых контактов.

Рассмотрим теперь противоположные примеры максимального усложнения сербохорватских диалектов. Сложность зетско-ловченских говоров формируется из нескольких источников. С одной стороны, важнейший архаизм этих говоров — сохранение отдельной фонемы из прас.-х. */ə/. Фонема /ə/ — это задержавшийся старый рефлекс прасл. «редуцированных» /i/ и /u/, не перешедший впоследствии в /a/ (Ivić 1985: 160). Качество этой фонемы в отдельных говорах может различаться. С другой стороны, инновативность рассматриваемых говоров на фоне прасербохорватского языка заключается в наличии полного блока аффрикат /ts, dz, tʃ, dʒ, tɕ, dz/ и новых фрикативов /ɕ, ʒ/. Источником новых фрикативов является вторичная йотация сочетаний /sj/ и /zj/, в том числе екавская йотация (Ivić 1985: 161). Происхождение аффрикат в зетско-ловченских говорах различно. Аффрикаты /ts, tʃ/ унаследованы из прасербохорватского языкового состояния. Аффрикаты /tɕ, dz/ представляют собой развитие сочетаний *tj, *dj. Непосредственно с языковыми контактами может быть связано появление аффрикат /dz/ и /dʒ/. Так, аффриката /dʒ/ первоначально встречается главным образом в заимствованиях из турецкого языка: *hodža* ‘ходжа’, *džigerica* ‘печенка’. Впоследствии эта аффриката распространяется и на исконные лексемы: *srdžba* ‘гнев’, *narudžba* ‘казак’ (Belić 1956: 110; Brozović & Ivić 1988:

¹⁰ Сердечно благодарю за это наблюдение Николу Вулетича.

12). Заимствование аффрикаты /dz/ не является исключительно зетско-ловченской особенностью, оно характерно и для других штокавских говоров (Okuka 2008: 25). В ряде диалектов ее развитие могло быть автохтонным, ср. примеры типа *dzvono* ‘колокол’, *dzvezda* ‘звезда’, *dzora* ‘рассвет’. Однако в черногорских говорах она часто употребляется именно в заимствованиях (Brozović & Ivić 1988: 12).

Если наши наблюдения верны, то, вернувшись к сценариям фонологических заимствований Я. Матраса, мы можем сделать вывод, что в случае зетско-ловченских говоров речь идет о втором сценарии, т. е. о заимствовании слов вместе с фонологическими элементами языка-донора в ситуации значительного двуязычия. А значит, на формирование фонологической сложности штокавских говоров Черногории некоторое влияние оказали языковые контакты.

Заключение

Подведем итоги исследования.

1. Для фонологических систем сербохорватских говоров на фоне прасербохорватского языкового состояния в целом характерно упрощение.
2. Максимальная или минимальная сложность сербохорватских говоров — результат целого ряда региональных фонологических процессов.
3. Романский (итальянский) адстрат Адриатики, вероятно, не оказал влияния на упрощение чакавских говоров.
4. Турецкий язык повлиял (хотя и незначительно) на усложнение штокавских говоров.
5. При этом большинство процессов упрощения или усложнения имеют внутриязыковое объяснение.

Настоящее исследование выполнено только на материале фонологических описаний. При этом закономерно встает вопрос: совпадут ли эти выводы с результатами аналогичного исследования сербохорватской диалектной грамматики? Поиск ответа на этот вопрос — предмет будущего исследования.

Приложение

Табл. 3. Фонологическая сложность сербохорватских говоров по (Ivić 1981)

№	Название	Сложность	№	Название	Сложность
1	Žrninj	29	40	Bašaid	33
2	Cres	25	41	Grude	30
3	Dobrinj	28	42	Lug	34
4	Rukavac	30	43	Kreševo	31
5	Brinje	30	44	Milići	32
6	Sali	30	45	Žepa	33
7	Komiža	28	46	Osladić	31
8	Trogir	25	47	Nemenikuće	30
9	Vrbanj	29	48	Uljma	33
10	Lastovo	30	49	Cavtat	33
11	Stinjaki (Stinatz)	30	50	Jasenik	33
12	Čemba (Schandorf)	29	51	Kriva Rijeka	33
13	Pajngrt (Baumgarten)	31	52	Pakovraće	33
14	Močila	30	53	Glibovac	30
15	Dornagović	33	54	Kula	32
16	Domaslovec	30	55	Radovići	35
17	Začretje	31	56	Raževiči	34
18	Cubinec	29	57	Gorana	35
19	Pralog	31	58	Njeguši	35
20	Virje	30	59	Golubovci	31
21	Trebarjevo Desno	30	60	Trebaljevo	33
22	Homok (Fertőhomok)	31	61	Andželat	34
23	Tmovac	30	62	Trijebine	33
24	Mala Peratovica	31	63	Tučep	32
25	Lohovo	31	64	Srbovac	32
26	Magića Mala	31	65	Drenča	32
27	Strizivojna	29	66	Velika Kruševica	32
28	Valpovo	29	67	Bukovac	32
29	Kruč (Acquaviva Collecroce)	33	68	Orahovac	32
30	Otok	33	69	Pljaškovica	31
31	Guber	32	70	Donji Dušnik	30
32	Drvetine	30	71	Kalna	30
33	Dobretiči	32	72	Jasenica	32
34	Vijaka	29	73	Pogan (Pogány)	31
35	Špionica	32	74	Dušnok (Dusnok)	33
36	Tramošnica	31	75	Lovra (Lórév)	31
37	Gradište	30	76	Klokotič (Clocotici)	33
38	Sivac	31	77	Svinica (Svinița)	31
39	Jazak	31			

Литература

- Belić, A. 1956: *Osnovi istorije srpskohrvatskog jezika. I. Fonetika*. Beograd: Naučna knjiga.
- Berdichevskij, A. 2012: [Language complexity]. *Voprosy yazykoznanija* 5, 101–124. Бердичевский, А. 2012: Языковая сложность (language complexity). *Вопросы языкознания* 5, 101–124.
- Brozović, D. & Ivić, P. 1988: *Jezik srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod “Miroslav Krleža”.
- Galić, J. & Lisac, J. 2017: Kajkavski govori u okolici Jastrebarskoga: Petrovina i Domagović. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 21, 129–145.
- Ivić, P. (Gl. red.) 1981: *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH.
- Ivić, P. 1981: Bašaid. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 451–457.
- Ivić, P. 1985: *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod u stokavsko narečje*. Novi Sad: Matica srpska.
- Kalnyn', L. E. 1984: [Review] Fonološki opisi srpskohrvatskih/ hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo: ANU BiH. In: Ivanov, V. V. (Ed.) *Obshheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya*. 1981. Moscow: Nauka, 339–346. Калнынь, Л. Э. 1984. [Рецензия] Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. В сб.: Иванов, В. В. (Ред.) *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1981. М.: Наука, 339–346.
- Lisac, J. 2009: *Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narečje*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga.
- Lukežić, I. 2012: *Zajednička povijest hrvatskih narječja 1. Fonologija*. Zagreb — Rijeka — Čavle: Hrvatska sveučilišna naklada, Filozofski fakultet u Rijeci, Katedra čakavskoga sabora Grobnišćine.
- Matras, Y. 2009: *Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moguš, M. 1977: *Čakavsko narječje. Fonologija*. Zagreb: Školska knjiga.
- Morozova, M., Escher, A. & Rusakov, A. 2022: Linguistic complexity of South Slavic dialects: a new perspective on old data. *Linguistics Vanguard* [In print].
- Okuka, M. 2008. *Srpski dijalekti*. Zagreb: SKD Prosvjeta.
- OLA 1994: *Obshheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Vstupitel'ny'j vy'pusk*. [Common Slavic Linguistic Atlas. Introductory issue.]. Moscow:

- Nauka. ОЛА 1994: *Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск*. М.: Наука.
- Sobolev, A. N. 1998: [Serbo-Croatian language]. In: Desnickaya, A. V., Tolstoj, N. I. (Eds.) *Osnovy balkanskogo yazykoznanija. Yazyki balkanskogo regiona. Chast 2 (slavyanskie yazyki)*. St. Petersburg: Nauka, 114–155.
- Соболев, А. Н. 1998: Сербохорватский язык. В сб.: Десницкая, А. В., Толстой, Н. И. (Ред.) *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2 (славянские языки)*. СПб.: Наука, 114–155.
- Stadnik-Holzer, E. 2014: 114. Diachrone Phonologie. In: Gutschmidt, K., Berger, T., Kempgen, S. & Kosta, P. (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Sprichte und ihrer Erforschung. Halbband 2*. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 1525–1564.
- Šimunović, P. 1981: Žminj. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 229–234.
- Šojat, A. 1981: Cres. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 235–240.
- Šprljan, N. 2020: Fonološke karakteristike čakavskih kopnenih govora zadarske okolice. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 46 (1), 373–405.

БРОНЗОВЫЕ ПОРТРЕТЫ СКУЛЬПТОРА ТЕОДОРА ПАРИЙСКОГО¹

В статье представлены данные о Феодоре (Θεόδωρος) Парийском — скульпторе, чьи бронзовые статуи датируются эллинистическим временем. Высказывается предположение о возможных тесных связях Феодора Парийского с Родосом.

В частности, предполагается, что он был учеником Тимохариды Элевтернского, поскольку группа из трех статуй была подписана в Книде именами обоих скульпторов.

Тимохарид был старше Феодора, т. е. Феодор мог под руководством Тимохариды приобщиться к работе над бронзовой портретной скульптурой. Можно думать, что затем он переселился на Родос, поскольку в нашем распоряжении имеются три подписи на бронзовых портретах, происходящих с родосского акрополя и из святилища Афины в Линде. Эти надписи позволяют датировать творчество Феодора 250–220 гг. до н. э.

Длительное пребывание на Родосе скульптора из Парии могло создать прочные связи между этими двумя полисами. Такие связи могли бы объяснить, почему еще в начале II в. до н. э. родосец Алкет из Камира посетил Парий и обнимал там статую Эрота работы Праксителя. Точно так же появление вариации Праксителейского Эрота из Парии в некрополе Родоса подтверждает ранние тесные связи между Парией и Родосом.

Ключевые слова: Теодор Парийский, Книд, Родос, Линд.

Antonio Corso

University of Cyprus, Nicosia, Cyprus. antoniocorso@hotmail.com

The bronze sculptor of portraits Theodoros of Parion

This note collects all the available evidence concerning the bronze sculptor Theodoros of Parion and suggests a possible explanation of the close links of Parion to Rhodes during the middle Hellenistic times. In particular it is suggested that he became the pupil of Timocharis of Eleutherna, because these two sculptors signed three bronze statues together at Knidos and Timocharis was older than Theodoros. Under the

¹ Английский вариант данной статьи был опубликован в работе: A. Corso. The Bronze sculptor of portraits Theodoros of Parion. Propontica. *International Journal of Propontic archeology*. 2023. Cilt 1, Say 1, Sayfa 1–6.

guide of Timacharis, Theodoros must have specialized in portrait statues made in bronze. Then he must have settled on Rhodes because we have other three signatures of portrait bronze statues by him from the Acropolis of Rhodes as well as from the sanctuary of Athena at Lindos. These inscriptions allow fixing the time span of activity of Theodoros between 250 and 220 BC. The long presence on Rhodes of this sculptor from Parion may have acted as a sort of bridge between the two poleis. That would explain the fact that in the early 2nd c. BC the Rhodian Alcetas from Camirus went to Parion and physically loved Praxiteles' statue of Eros set up at Parion. Equally the early appearance of a variation of Praxiteles' Eros of Parion in the necropolis of Rhodes may be indebted to the close links established between Parion and Rhodes.

Keywords: Theodoros, Parion, Knidos, Rhodes, Lindos.

С раннего классического периода Парий украшали статуи работы известных греческих мастеров. Уже в начале V в. до н. э. в центре Пропонтиды была установлена бронзовая статуя Геракла работы Гегесия². В середине IV в. до н. э. в городе была воздвигнута мраморная статуя Эрота работы Праксителя³. Вероятно, в тот же период на агоре Пария рядом с предполагаемой гробницей Париса была помещена бронзовая статуя работы Евфранора. Название города возводили к имени Париса, в честь которого совершались жертвоприношения и празднества⁴. Наконец упомянем монументальный алтарь Артемиды и Аполлона Актея работы Гермокреонта⁵, который, вероятно, подражал позднеклассическому алтарю Артемиды в Эфесе⁶. Изображения этого алтаря на монетах позволяют думать, что он был освящен в конце IV в. до н.э.

Таким образом, в III в. до н. э. городской пейзаж Пария с монументальной скульптурой мог побудить талантливого молодого человека из этого полиса начать карьеру скульптора. Сохранились четыре подписи Феодора на пьедесталах бронзовых портретных статуй. Самая ранняя надпись из Книда на базе, на которой стояли три не дошедшие портретные бронзовые статуи. Надпись на этой базе следующая:

² Pliny 34. 78: см. *DNO* 2014: 1. 472, № 554.

³ Pliny 36. 22: см. Corso 2021: 342.

⁴ Pliny 34. 77; Athenagoras, *Legatio pro Christianis* 26. 3–5 Никита Хониат Nicetas Choniates, *De statu* 2. 5: см. Corso 2020: 355–360.

⁵ См.: Fritsch 1983: 89–90, № 101–102 a-e; *DNO* 2014: 5. 431–432, № 4040–4041 и Keles 2018, 23–31.

⁶ О этом алтаре см.: Muss, Bammer 2001.

- ‘I [Ἐρμόφαντος] ———
 II Στρα[τα—] Ἐρμο[φάν]του
 III Θε— Ἐρμο[φάντου]
 IV [Α]πολλόδωρος Ἐρμοφάντου τὸν πατέρα καὶ τοὺς ἀδελφοὺς θεοῖς.
 V [Τι]μόχαρις Ἐλευθερναῖος ἐποίησεν.
 VI Θεόδωρος Π[αριανὸς ἐποίησεν]’.

Страт... сын Гермофанта;

Фе..., сын Гермофанта;

Аполлодор, сын Гермофанта, посвятил богам (scil.: статуи) своего отца и своих братьев.

Тимохарид из Элефтерны создал (scil.: статуи).

Феодор из Пария создал (scil.: статуи)»⁷.

Как можно видеть, критский скульптор Тимохарид и Феодор Парийский вместе работали над тремя бронзовыми статуями отца и двух сыновей. Поскольку Тимохарид был старше Феодора⁸, вполне вероятно, что он был учителем, а Феодор был его учеником. Поскольку произведения Тимохарида сосредоточены в районе Южных Спорад (Родос, Линд, Карпатос и Астипалея), а также в Книде и Сидоне, вполне вероятно, что Феодор постигал секреты бронзовой скульптуры в его мастерской где-то в этой области. Феодор, должно быть, унаследовал от своего учителя добрые отношения с заказчиками и покровителями скульпторов на Родосе и в Линде, потому что три другие сохранившиеся подписи к его работам обнаруживаются на постаментах, найденных в одном этих двух центров.

Одна из трех баз была найдена к западу от Родосского акрополя:

‘Τίμαρχον Ἀνταγόρα
 θεοῖς·
 Μυτίων Αἰνήτορος,
 Λύσων Τιμαράτου,
 Ἐξάκεστος Θρασυμήδους,
 Ἀριστίων Ἱερομβρότου,
 Ἐράτων Ῥοδοφώντος,
 Φιλοκρέων Δαμαγήτου,
 Κλεώνυμος Θευγόνου,
 Μενοίτιος Εὐφραγόρα,
 Ἱεροφάνης Ἱερομβρότου,
 Πολύρατος Θευγόνου.
 Θεόδωρος Παριανὸς ἐποί<η>σε’.

⁷ См.: DNO 2014. 4. 475–476, № 3269 с полной библиографией.

⁸ См.: DNO 2014. 4. 475–487, № 3269–3281.

«(Статуя) Тимарха, сына Антагора, посвященная богам. Митион, сын Айнетора, Лисон, сын Тимарата, Эксакест, сын Фрасимеда, Аристион, сын Гиеромброта, Эратон, сын Родофон-та, Филокреон, сын Дамагета, Клеоним, сын Феогона, Меной-тий, сын Евфрагора, Гиерофан, сын Гиеромброта, Полиарат, сын Феогона (посветили статую). Феодор из Пария создал»⁹.

Некоторые из упомянутых в тексте лиц известны по другим свидетельствам, как выдающиеся граждане Родоса, жившие между 249 и 228 гг. до н. э.¹⁰, что позволяет датировать расцвет (ἀκμή) Феодора между 250 и 220 гг. до н. э.

В то время Родос мог гордиться одной из самых известных школ скульпторов и созданием множества новых статуй¹¹. Можно полагать, что Феодор переехал из Пария на Родос в поисках заказов на свои работы.

Остальные две подписи Теодора найдены на основаниях бронзовых портретных статуй из Линда. Одна из этих двух баз была найдена на акрополе Линда, к северу от большого портика, и имеет следующую надпись:

Ἀλεξίων Ἀ[γη]σύλου [Ἀναξαγόρας καὶ
Φιλ]τίας Ἀρχοκράτεως
Ἀναξαγόρας Ἀγησύλου ὑπὲρ τοῦ αὐτοῦ ἀδελφοῦ Ἀλεξίωνο[ς καὶ] τῶν
παιδίων τῶν [Ἀρχοκράτεως Ἀ]ναξαγόρα καὶ Φιλτία.
Θεῦ[δωρος Παριαν]ὸς ἐποίησε’.

«Алексион сын Гегесила, а также Анаксагор и Филтий, сыновья Архократа.

Анаксагор сын Гегесила (посветил статуи) ради своего брата Алексиона и Анаксагора и Филтия, детей Архократа.
Создал Феодор из Пария»¹².

Лица, упомянутые в надписи, неизвестны, но по форме букв надписи правдоподобна датировка второй половиной III в. до н. э. Последняя известная надпись с именем Феодора найдена на акрополе Линда, к северо-западу от портика:

⁹ См.: DNO 2014. 4. 677–678, № 3463.

¹⁰ См.: DNO 2014. 4. 678.

¹¹ См.: Bairami 2017.

¹² См.: DNO 2014. 4. 676–677, № 3461.

‘Νικολ—————
 Αθα[να— – Λινδι————]
 Θεόδ[ωρος Παριανός ἐποίησε]’.

«Никол... Афине... Линдии... Феодор из Пария создал».

Форма букв предполагает датировку ок. 230 г. до н. э. Об изображенном человеке ничего не известно¹³.

К сожалению, ни одна из подписанных статуй Феодора не сохранилась, поэтому мы не можем судить о его стиле. Деятельность Феодора из Пария на Родосе могла способствовать установлению тесных связей между Родосом и Парием. Это наблюдение, вероятно, объясняет тот факт, что родосец Алкет из Камира (нач. II в. до н. э.) — член семьи, представители которой известны как общественные благодетители, так полюбил статую Эрота Праксителя в Парии, что оставил на ней след своей спермы¹⁴. Возможно, что агальматофилия¹⁵, связанная со статуей Книдской Афродиты Праксителя, послужила примером для аналогичного подхода Алкета к статуе Эрота.

Наконец, тесные связи между Парием и Родосом объясняют преобладание композиции статуи Эрота на Родосе: статуя паросского мрамора, происходящая с кладбища Родоса (Родос, Археологический музей, № Е 498) начала II в. до н. э. вдохновлена Эротом Праксителя, стоявшим в Парии¹⁶. Феодор, возможно, содействовал культурным связям между этими полисами.

Тот факт, что базы, подписанные Феодором, были найдены в Книде и на Родосе, но не в Парии, вероятно, следует объяснять тем, что Книд и Родос в конце III в. до н. э. активно украшали городское пространство монументальной скульптурой¹⁷. Для талантливого скульптора из западной Малой Азии переезд в эти края мог способствовать хорошей карьере.

¹³ См.: *DNO* 2014: 4. 677, № 3462.

¹⁴ См.: Pliny 36. 22.

¹⁵ См.: Corso 2007: 40–118.

¹⁶ См.: Machaira 1998: 139, fig. 5.

¹⁷ О Книде см.: Bruns-Özgan 2015: 137–146; о Родосе: Vairami 2017: iv–xviii.

Bibliography

- Bairami, K. 2017: *Large scale Rhodian sculpture of Hellenistic and Roman times*. Oxford.
- Bruns-Özgan, C. 2015: Hellenistic Sculptures and Workshops of Knidos. In: *La Sculpture gréco-romaine en Asie Mineure*, edited by S. Montel, Besançon, 137–146.
- Corso, A. 2007: *The Art of Praxiteles II*. Rome.
- Corso, A. 2020: The bronze statue of Paris by Euphranor?. In: Sponde. *Afēroma sti mnimi tou Giorgou Despini*, edited by A. Delivorrias et alii. Athens 1, 355–360
- Corso, A. 2021: 'I technē tou Praxitelous'. *Themata Archaialogias* 5. 3, 333–366.
- Fritsch, 1983: *Die Inschriften von Parion*. Bonn.
- DNO 2014: *Der neue Overbeck*, edited by S. Kansteiner et alii. Berlin.
- Keles, V. 2018: Some observations on the altar of Hermokreon in Parion'. *Paros* 4, 23–31.
- Machaira, V. 1998: 'I thematiki paragōgi tis scholis tis Rhodou'. *Regional schools in Hellenistic Sculpture*, edited by O. Palagia and W. Coulson. Oxford, 137–148.
- Martin Vazquez, L. 1988: *Inscripciones Rodias*. Madrid.
- Muss, U. Bammer, A. 2001: *Der Altar des Artemisions von Ephesos*. Vienna.

DOI:

А. О. Корчагин
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. megistos@mail.ru

«ХОЗЯИНА ДОМА НАЗВАЛИ ВЕЛЬЗЕВУЛОМ»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ Мф. 10:25

В статье анализируется 25 стих 10 главы Евангелия от Матфея, где Иисус Христос говорит апостолам: «Если хозяина дома назвали Вельзевулом, то что скажут о домочадцах его?». На основании проведенного анализа делается вывод о том, что хозяином дома Иисус Христос называет Себя, а домочадцами — апостолов. В статье также анализируются упоминания Вельзевула в Ветхом и Новом Завете и рассматривается вопрос о том, кто и почему сравнил Иисуса Христа с этим языческим божеством. Ключ к разгадке этого кроется в эпизодах синоптических Евангелий, где книжники и фарисеи обвиняют Иисуса Христа в том, что Он при изгнании демонов прибегает к помощи Вельзевула, под которым во времена Христа подразумевался сатана. Таким образом, в Мф. 10:25 Иисус Христос хочет сказать следующее: если Его Самые злые люди сравнивают с Вельзевулом (по сути — с сатаной), то тем более Его ученикам надлежит вынести на своем пути много оскорблений и унижений.

Ключевые слова: Новый Завет, Евангелие от Матфея, Вельзевул, хозяин дома.

А. О. Korchagin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. megistos@mail.ru

“The master of the house was called Beelzebul”: on Matt. 10:25

The paper analyzes the verse 25 of the chapter 10 of the Gospel of Matthew, where Jesus Christ says to the apostles: “If the master of the house was called Beelzebul, how much more shall they call them of his household?”. On the basis of this analysis it is concluded that Jesus Christ calls himself the master of the house, and the apostles are the household members. The paper also analyzes the references to Beelzebul in the Old and New Testaments and examines the question of who and why compared Jesus Christ with this pagan deity. The key to answer this question lies in the episodes of the Synoptic Gospels, where the scribes and Pharisees accuse Jesus Christ of using the help of Beelzebul in exorcising demons. At the time of Jesus Christ Beelzebul meant Satan. Thus, in Matt. 10:25 Jesus Christ wants to say the following: if evil people compare Himself with Beelzebul (in fact, with Satan), then especially His disciples must endure many insults and humiliations on their way.

Keywords: New Testament, Gospel according to Matthew, Beelzebul, master of the house.

В Евангелии от Матфея, в двадцать пятом стихе десятой главы, Иисус Христос, давая наставление своим ученикам, говорит следующее:

Ἀρκετὸν τῷ μαθητῇ ἵνα γένηται ὡς ὁ διδάσκαλος αὐτοῦ καὶ ὁ δοῦλος ὡς ὁ κύριος αὐτοῦ. Εἰ τὸν οἰκοδεσπότην Βεελζεβοῦλ ἐπεκάλεσαν, πόσῳ μᾶλλον τοὺς οἰκιακοὺς αὐτοῦ.

«Достаточно ученику, чтобы он стал как учитель его, и рабу, чтобы он стал как хозяин его¹. Если хозяина дома назвали Вельзевулом, то что скажут² о домочадцах его?»

Как следует толковать данный стих? Кого нужно подразумевать под хозяином дома? Почему хозяина дома назвали Вельзевулом, и к чему здесь упомянуто это языческое божество? Постараемся дать ответы на эти вопросы.

Прежде всего, кратко проанализируем примеры употребления слова οἰκοδεσπότης ‘хозяин дома’ в Новом Завете. Всего данное слово встречается в Новом Завете 12 раз, в Евангелиях от Матфея, Марка и от Луки. Впервые слово зафиксировано в анализируемом нами контексте, в Мф. 10:25. В следующий раз слово οἰκοδεσπότης встречается в Мф. 13:27, в притче о пшенице и плевелах. В этой притче (Мф. 13:24–30) говорится о том, что добрый человек (хозяин дома) посеял на поле пшеницу, но враг его посеял среди пшеницы плевелы. Когда рабы пришли к хозяину дома и сообщили, что среди пшеницы выросли плевелы, то хозяин дома сказал, что плевелы посеял враг, велел не трогать плевелы до жатвы, а когда придет время жатвы, он призвал связать плевелы в снопы и сжечь, а пшеницу собрать в житницу. В объяснении притчи Христос говорит, что под человеком, посеявшим пшеницу (хозяином дома), следует понимать Сына Человеческого, то есть самого Христа, а плевелы посеяны диаволом. В Мф. 13:52 с хозяином дома, который, когда нужно, выносит из кладовой и старое, и новое, сравнивается книжник (γραμματεὺς), понимающий учение о Царствии Небесном. Под старым можно подразумевать ветхозаветное учение, а под новым — учение Христа (Davies,

¹ В данном месте употреблена эллиптическая конструкция. Дословно сказано «и раб — как хозяин его».

² Дословно — «насколько больше». Выражение πόσῳ μᾶλλον в Новом Завете (Мф. 7:11, 10:25; Лк. 11:13, 12:24, 28; Рим. 11:12, 24; Евр. 9:14) при сопоставлении двух объектов употребляется в значении «тем более».

Allison 2004 II: 446), либо под старым нужно разумеать старые, всем понятные образы, используемые Христом в притчах, а под новым — новые нравственные истины, разъясненные в притчах (Lorukhin 1911: 254). Таким образом, данный стих можно понять следующим образом: человек, наученный Писанию, уподобляется Христу, использующему в своих притчах старые и новые образы. Далее слово οἰκοδεσπότης упоминается в 20 главе Евангелия от Матфея (Мф. 20:1, 11), в притче о работниках в винограднике. Притча повествует о том, что хозяин дома нанимал работников в свой виноградник и платил одинаково всем, кто пошел работать: и тем, кто проработал целый день, и тем, кто трудился всего один час. Здесь под хозяином дома явно нужно понимать Бога, который одинаково ценит и тех, кто давно служит Ему, и тех, кто обратился к Нему поздно. В притче о злых виноградарях в Мф. 21:33–41 говорится о хозяине дома (Мф. 21:33), который насадил виноградник, и когда пришло время сбора плодов, отправил сначала своих слуг, чтобы они забрали плоды, но злые виноградары убили этих слуг. Затем хозяин послал других слуг, с которыми виноградары поступили так же, наконец, отправил своего единственного сына, но виноградары убили и его, так как хотели завладеть его наследством. Виноградарей за совершенные ими злодеяния должна ожидать справедливая кара. Довольно очевидно, что в данной притче под хозяином дома подразумевается Бог, а под сыном хозяина — Иисус Христос, Сын Божий, распятый нечестивцами³. В 24 главе Евангелия от Матфея, повествуя о Своем втором пришествии, Иисус Христос говорит, что это пришествие будет неожиданным, и люди не успеют к нему подготовиться. Точно так же хозяин дома не знает, когда к нему придет вор (Мф. 24:43), но если бы хозяин знал, то бодрствовал бы и не дал вору подкопать свой дом. Поэтому Иисус Христос велит ученикам не уподобляться такому хозяину, а постоянно бодрствовать, чтобы быть готовыми ко второму пришествию Сына Человеческого. Параллельным Мф. 24:43 является Лк. 12:39, где также говорится о хозяине дома, который не дал бы пробраться вору в свое жилище, если бы знал, когда грабитель придет. В Мк. 14:14 и Лк. 22:11 речь идет о хозяине (οἰκοδεσπότης), в доме которого происходила Тайная

³ Уподобление Бога владельцу виноградника, как в двух последних притчах, встречается и в Ветхом Завете, например, в песне о винограднике в книге пророка Исаии (Иса. 5: 1–7).

вечеря. Кроме того, слово οἰκοδεσπότης встречается в притче об узкой двери (тесных вратах): в Лк. 13:25 говорится, что те, кто не смог пройти через узкую дверь (ведущую к спасению), будут стоять у двери хозяина дома, стучать в дверь и просить, чтобы хозяин (οἰκοδεσπότης) впустил их. Однако хозяин дома не впустит таких людей, а отошлет их назад, сказав, что не знает их. Здесь под хозяином дома подразумевается Бог, а под людьми, стучащими в дверь, подразумеваются грешники, не нашедшие путь к спасению. Наконец, в 14 главе Евангелия от Луки рассказывается притча некоем человеке (в Лк. 14:21 он назван хозяином дома), устроившем пир для своего сына⁴ и пригласившем на него званых людей, которые под разными предлогами отказывались прийти. Тогда хозяин дома велел созвать на пир нищих и калек. Ясно, что и здесь под хозяином дома подразумевается Бог, а под сыном — Иисус Христос.

Итак, мы видим, что лишь в двух случаях (Мк. 14:14 и Лк. 22:11) речь идет о конкретном хозяине дома. В большинстве рассмотренных контекстов слово οἰκοδεσπότης метафорически указывает на Бога или на Иисуса Христа. На основании этого можно предположить, что и в Мф. 10:25 Христос говорит о Себе. Действительно, контекст проповеди в десятой главе Евангелия от Матфея следующий. Иисус Христос избирает двенадцать апостолов и дает им наставления. Христос говорит апостолам, что их ждут преследования за проповедь Его учения⁵. Далее, в 24 стихе, Христос утверждает, что ученик не может быть выше учителя, а раб не может быть выше господина, однако в начале рассматриваемого нами стиха говорится, что ученик, усовершенствовавшись, может стать подобным своему учителю, а раб — своему господину. По нашим подсчетам, слово διδάσκαλος ‘учитель’ в Евангелиях встречается 48 раз⁶, и всегда это наименование относится к Иисусу Христу. Апостолы в свою очередь называются учениками (μαθηταί) Иисуса Христа⁷. Слово κύριος значит не только ‘господин, хозяин’, но и ‘Господь’, и повсеместно в Библии употребляется по отношению к Богу (стандартный перевод для еврейского имени Бога, тетраграммы יהוה). В Новом Завете слово κύριος часто

⁴ В Мф. 22:1 говорится о царе, устроившем брачный пир для сына, в Лк. 14:16 — о хозяине дома, устроившем званый ужин.

⁵ Мф. 10:22.

⁶ Мф. 8:19, 9:11, 12:38, 17:24 и т.д.

⁷ Мф. 10:1, 11:1,2, 12:1,2,49, 13:10 и т.д.

используется и по отношению к Иисусу Христу⁸. Слово *δοῦλος* употребляется в Септуагинте (обычно передает древнееврейское слово *עַבְדִּי*) и Новом Завете не только в прямом смысле ('раб, слуга'), но также означает раба Божьего, человека, служащего Богу и исполняющего Его заповеди⁹. Апостолы Иаков¹⁰, Петр¹¹ и Павел¹² называют себя рабами Иисуса Христа. Соответственно, исходя из контекста и кратко проанализированных выше примеров из Нового Завета, можно заключить, что и упоминая хозяина дома в Мф. 10:25, Христос говорит о Себе. Дополнительным аргументом в пользу этого можно считать тот факт, что слово *οἰκοδεσπότης* является синонимом слова *κύριος*. Таким образом, в десятой главе Евангелия от Матфея Христос говорит о Себе как об учителе, господине и хозяине дома, а апостолы названы его учениками, рабами и домочадцами (*οἰκιακοί*). Из контекста проповеди следует то, что новоизбранные апостолы не выше своего учителя и господина, но со временем могут стать подобными Ему. И если хозяина дома (Иисуса Христа) назвали Вельзевулом, то что тогда скажут о домочадцах (то есть апостолах)?

Итак, говоря о хозяине дома и домочадцах, Иисус Христос имеет в виду Себя и Своих учеников. Однако остается ряд неясностей. Почему Иисуса Христа назвали Вельзевулом, кто Его так назвал (в стихе в данном месте стоит неопределенноличное предложение, субъект которого неясен) и для чего здесь вообще упоминается демон Вельзевул? Постараемся дать ответы на эти вопросы.

Для этого проанализируем упоминания Вельзевула в Ветхом и Новом Завете. В Ветхом Завете это языческое божество упоминается в форме Баал-Зевув (*בַּעַל זְבוּב*) только в 4 Книге Царств (в еврейской традиции — 2 Книге Царей) во 2, 3, 6 и 16 стихах первой главы. В первой главе 4 Книги Царств рассказывается о том, что правитель Северного Израильского царства Ахазия (в Синодальном переводе Охозия), царствовавший всего

⁸ Мф. 7:22, 8:2,6,8,21, 25, 9:28 и т.д.

⁹ Пс. 115/116:16, 142/143:12, Иак. 1:1, Рим. 6:22, 2 Тим. 2:24.

¹⁰ Иак. 1:1.

¹¹ 2 Пет. 1:1.

¹² Рим. 1:1, Тит 1:1. В 1 послании Коринфянам (7:22) также говорится, что всякий свободный, исповедующий учение Христа, есть раб Христов.

около двух лет в середине IX в. до н. э.¹³, серьезно поранился после падения через оконную решетку верхней комнаты своего дворца в Шомроне (Самарии) и отправил послов спросить Вельзевула (названного здесь Баал-Зевулом), божество, почитавшееся в филистимском городе Экроне (в Синодальном переводе — Аккарон), о том, выздоровеет ли царь. Пророк Илия обличает Ахазию за то, что тот обратился за помощью не к израильскому Богу Яхве, а к экронскому божеству Вельзевулу, и говорит, что за обращение к языческому божеству Вельзевулу (Баал-Зевуву) Ахазия не встанет с постели, но умрет. И действительно, Ахазия вскоре умер.

В древнееврейском тексте 4 Цар. 1:2–4 буквально сказано следующее:

וַיִּפֹּל אַחַזִּיָּהוּ בְּעַד הַשֶּׁבַךְ הַבַּעַלִּי אֲשֶׁר בְּשֹׁמְרוֹן וַיַּחַל וַיִּשְׁלַח מַלְאָכָיִם וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו
 לְכוּ דַרְשׁוּ
 בְּבַעַל זְבוּב אֱלֹהֵי עֶקְרוֹן אִם־תֵּאֱתָנָה מִחַלֵּי יָהּ:
 וּמִלֵּאָדָּה יְהוָה דִּבֶּר אֶל־אֱלֹהֵי הַתְּשֻׁבִי קוֹם עֲלֶיהָ לִקְרֹאת מַלְאָכָי מִלְּדֹ-שֹׁמְרוֹן וַיָּבֵר אֵלָיו
 הַמַּבְלִי אִי־אֱלֹהֵיִם בְּיִשְׂרָאֵל אִתָּם הַלְכִיִּם לְדַרְשׁ בְּבַעַל זְבוּב אֱלֹהֵי עֶקְרוֹן:
 וַלְכוּ כֹה־אָמַר יְהוָה הַמְטָה אֲשֶׁר־עָלִיתָ שָׁם לֹא־תֵרַד מִמֶּנָּה כִּי מוֹת תָּמוּת וַיִּלָּךְ אֱלִיָּהּ:

«И упал Ахазия через оконную решетку своей верхней комнаты, что в Шомроне, и заболел. И отправил он посланцев, и сказал им: “Пойдите, спросите Баал-Зевува, божество экронское, выживу ли я после этой моей болезни?” И посланец (Ангел) Яхве сказал Или из Тишбе: “Встань, пойди навстречу посланцам царя Шомрона и скажи: “Разве нет Бога в Израиле, (что) вы идете вопрошать Баал-Зевува, божество экронское?” И поэтому так говорит Яхве: “С постели, на которую ты лег, ты не встанешь, но умрешь”. И пошел Илия».

Таким образом, Баал-Зевув — языческое божество, почитавшееся филистимлянами. В переводе с древнееврейского имя данного божества (בַּעַל זְבוּב) означает ‘повелитель мух’, ‘мушиный владыка’. Является ли это настоящим именем божества? Об этом ведутся дискуссии¹⁴. С одной стороны, мухи являются разносчиками болезни, поэтому, как предполагается, не случайно Ахазия хочет спросить именно Баал-Зевува относительно своей болезни. Некоторые полагают, что Баал-Зевува можно отождествить с греческим Зевсом Апомием (Ζεύς

¹³ Эдвин Тиле (Thiele 1951:104) датирует правление Ахазии 853–852 гг. до н. э.

¹⁴ См. Maier 1992, Herrmann 1999.

Ἀπόμυιος), «Зевсом, отгоняющим мух» (Cheyne 1899 I: 407–408). Зевса Апомия упоминает Павсаний в «Описании Эллады» (Paus. V. 14.1):

Ὁ δὲ ἐν Ὀλυμπίᾳ βωμὸς παρέχεται καὶ ἄλλο τοιόνδε ἐς θαῦμα: οἱ γὰρ ἰκτῖνες πεφυκότες ἀρπάζειν μάλιστα ὀρνίθων ἀδικοῦσιν οὐδὲν ἐν Ὀλυμπίᾳ τοὺς θύοντας: ἦν δὲ ἀρπάσῃ ποτὲ ἰκτίνος ἦτοι σπλάγγνα ἢ τῶν κρεῶν, νενόμισται τῷ θύοντι οὐκ αἴσιον εἶναι τὸ σημεῖον. Φασὶ δὲ Ἡρακλεῖ τῷ Ἀλκμήνης θύοντι ἐν Ὀλυμπίᾳ δι' ὄχλου μάλιστα γενέσθαι τὰς μυίας: ἐξευρόντα οὖν αὐτὸν ἢ καὶ ὑπ' ἄλλου διδαχθέντα Ἀπομυίῳ θῆσαι Δί, καὶ οὕτως ἀποτραπῆναι τὰς μυίας πέραν τοῦ Ἀλφειοῦ. Λέγονται δὲ κατὰ ταῦτά καὶ Ἡλείοι θύειν τῷ Ἀπομυίῳ Δί, ἐξελαύνοντες τῆς [Ἡλείας] Ὀλυμπίας τὰς μυίας.

«Жертвенник в Олимпии представляет и другое чудо: коршуны, наиболее хищные из всех птиц, ни в чем не обижают приносящих жертву в Олимпии. Если же случится, что коршун похитит внутренности жертвенных животных или кусок мяса, то это считается неблагоприятным знамением для приносящего жертву. Говорят, когда Геракл, сын Алкмены, приносил жертву в Олимпии, ему страшно надоедали мухи; сам ли он нашел это средство или кто его научил, но он принес жертву Зевсу Апомию (Отвратителю мух) и таким образом прогнал мух за Алфей. Говорят, что по этой самой причине элейцы приносят жертву Зевсу Апомию, когда изгоняют мух из Олимпии».

(Перевод С. П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк).

Зевса Апомия упоминает также известный христианский апологет Климент Александрийский в «Увещевании к язычникам» («Протрептике», Clementis Alexandrini Protrepticus, II. 38.4):

Ἐνταῦθα Ἀπομυίῳ Δί θύουσιν Ἡλείοι: Ῥωμαῖοι δὲ Ἀπομυίῳ Ἡρακλεῖ «Эти же элейцы приносят жертвы Зевсу Апомийю, Отгоняющему мух; римляне — Гераклу Апомийю».

(Перевод А. Ю. Братухина).

Климент Александрийский, как мы видим, наряду с Зевсом Апомием упоминает также Геракла Апомия (вероятно, его культ сложился в воспоминание о том, что Геракл отогнал мух от алтаря, о чем рассказывается в вышеупомянутом месте у Павсания).

Септуагинта в первой главе 4 Книги Царств подтверждает древнееврейское название божества: во всех четырех стихах,

где упоминается Баал-Зеву, дается греческий перевод Βααλ μύια (Ваал-муха).

Однако из упоминаний у Павсания и Климента Александрийского не складывается впечатление о том, что Зевс Апомий и Геракл Апомий изгоняют мух именно как разносчиков болезней. Климент Александрийский, будучи христианином и противником язычества, перечисляет культ Зевса Апомия в ряду курьезных, смехотворных культов, да и Павсаний скорее рассказывает забавную историю, связанную с почитанием Зевса, отгоняющего мух. Ничего не сказано о мухах как разносчиках болезней и в Ветхом Завете. Слово זְבִיב 'муха', помимо первой главы 4 Книги Царств, встречается в Ветхом Завете всего дважды: в седьмой главе книги пророка Исаии налету мух уподобляется нашествие египтян на Иудею¹⁵, в десятой главе книги Екклесиаст говорится о том, что мертвые мухи портят благовония¹⁶. В обоих случаях сказано, что мухи приносят вред, но нет речи о болезнях. Тем более в первой главе 4 Книги Царств не говорится о том, что Ахазия страдает от чумы или какой-либо иной заразной болезни, но сказано, что царь Израиля упал и сильно поранился. Таким образом, гипотеза, согласно которой Баал-Зеву является божеством, отвращающим заразные болезни, и аналогичен греческому Зевсу Апомию, на наш взгляд, является ошибочной.

Согласно гипотезе Феншема, Баал-Зеву было настоящим именем божества, однако связано это имя не со словом זְבִיב 'муха', но с угаритским *ḏbb* — 'пламя' (Fensham 1967), и в доказательство этого приводит 9–12 стихи 4 Книги Царств, где рассказывается о том, что Ахазия, узнав, что пророк Илия его обличает, посылает за ним трижды командиров с отрядом из пятидесяти человек с наказом привести Илию к Ахазии, однако Илия дважды насылет огонь с неба, который сжигает командиров вместе с их отрядами. Однако Херрманн подвергает критике эту теорию, говоря, что значение угаритского *ḏbb* неясно (Herrmann 1999:154).

Как уже было сказано, в Септуагинте при переводе первой главы 4 Книги Царств имя божества Баал-Зеву передается буквально, как Βααλ μύια (Ваал-муха). Древнееврейское чтение זְבִיב בְּעַל подтверждает и Вульгата, где имя божества транслитерируется как *Beelzebub*. В переводе Аквилы дается

¹⁵ Иса. 7:18.

¹⁶ Еккл. 10:1.

транслитерация Βααλζεβούβ, соответствующая древнееврейскому оригиналу. Однако Симмах передает имя божества как Βεελζεβούλ¹⁷. То же самое относится к упоминанию божества в Евангелиях, где везде дается вариант имени Βεελζεβούλ¹⁸. Это дает основание предполагать, что настоящим именем божества было Баал-Зевул (в русском языке устоялось наименование Вельзевул). При этом наименование Баал-Зевув ('владыка мух') следует считать дисфемизмом. Автор 4 Книги Царств намеренно искажает имя языческого божества, чтобы принизить его, показать его ничтожность. Что же означает в таком случае имя Баал-Зевул (Вельзевул)? На этот счет существует ряд гипотез, которые изложены в вышеупомянутой статье Херрманна (Herrmann 1999: 154–156). Если свести их воедино, то получается, что имя божества связано с семитским корнем zbl ('поднимать, возвышать, прославлять'). Олбрайт понимает второй элемент в названии божества как пассивное причастие (zāḅul), то есть 'возвышенный, прославленный', этот титул можно также понимать как 'князь, правитель' (Albright 1936). Действительно, в угаритских текстах из Рас-Шамры встречается эпитет Ваала b'1 zbl 'rṣ («Ваал, владыка земли»). По мнению Дитриха и Лоретца (Dietrich, Loretz 1980), данное наименование нужно понимать как «Ваал, владыка подземного мира». Дитрих и Лоретц согласны с тем, что Баал-Зевув — искаженное наименование божества, под которым в 4 Книге Царств следует понимать b'1 zbl 'rṣ, западносемитское божество, владыку подземного мира, действительно считавшегося помощником в исцелении от болезней.

В Ветхом Завете 10 раз встречается существительное זְבַּל. В 9 главе Книги Судей это личное имя¹⁹. Зевулом звали слугу Авимелеха²⁰. В остальных случаях слово זְבַּל означает 'высокое жилище, высокая обитель' (Графов 2019: 135)²¹. Таким образом, имя Вельзевул может трактоваться как 'владыка высокой обители, хозяин высокого чертога'. Что касается контекстов, в которых в Ветхом Завете встречается слово זְבַּל, то действительно, в большинстве случаев речь идет о высоком, небесном

¹⁷ Чтения Аквилы и Симмаха см. в издании Гекзапл Оригена Филда (Field 1875: 651).

¹⁸ Мф. 10:25, 12:24, 27; Мк. 3:22; Лк. 11:15, 18, 19.

¹⁹ Суд. 9:28, 30, 36, 38, 41

²⁰ В Септуагинте имя передается как Ζεβούλ.

²¹ 3 Цар. 8:13, 2 Паралип. 6:2, Иса. 63:15, Аввак. 3:11.

жилище. В Иса. 63:15 словом בְּיַת обозначено место обитания Бога, небесное жилище. В Аввак. 3:11 בְּיַת — место пребывания солнца и луны. В 3 Цар. 8:13 и 2 Паралип. 6:2 выражение בְּיַת נְזִיר («дом высокой обители») употреблено по отношению к Храму. Однако слово בְּיַת встречается также в Пс. 48/49:15. В тексте псалма данным словом обозначено местопребывание грешников — преисподняя (Шеол). Таким образом, в псалме речь идет совсем не о высоком жилище, а наоборот. Возможно, здесь בְּיַת можно перевести просто как «жилище, обитель, дом». Хотя слово и связано с глаголом בָּרַךְ , в данном случае можно говорить о десемантизации слова.

Если предположить, что имя Вельзевул означает «хозяин дома», то в этом кроется ключ к пониманию Мф. 10:25. Иисус Христос, называющий Себя хозяином дома, говорит, что злые люди также называют Его своего рода хозяином дома, но в превратном смысле, сравнивая Его с языческим божеством и таким образом, возводя на Него клевету.

Но кто и когда сравнивал Иисуса Христа с Вельзевулом? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, кроется в эпизоде, изложенном в Евангелиях от Матфея и Луки²². И у Матфея, и у Луки рассказывается об исцелении немого или глухонемого ($\kappa\omega\phi\acute{o}\varsigma$) и к тому же одержимого демоном человека (у Матфея говорится, что человек был не только бесноватым и глухим (глухонемым), но и слепым, $\tau\upsilon\phi\acute{\lambda}\omicron\varsigma$). Иисус изгнал из этого человека демона, после чего человек стал говорить (у Матфея — стал говорить и прозрел). У Луки говорится, что после изгнания Иисусом демона некоторые люди (у Матфея сказано, что это были фарисеи) стали обвинять Иисуса в том, что Он изгоняет демонов силой их владыки Вельзевула. Иисус Христос отвечает на это, что если в царстве происходит распря и разделение, то царство не устоит. Подобным образом не устоит и дом, терзаемый распрей. Поэтому и сатана не может быть с собой в разладе и изгонять сам себя. Следовательно, Иисус Христос говорит, что обвинения в том, что Он при изгнании демонов прибегает к помощи Вельзевула, абсурдны и беспочвенны. Тот же самый упрек и тот же ответ Иисуса

²² Мф. 12:22–28, Лк. 14:20.

Христа есть и в Евангелии от Марка²³. В Евангелии от Марка упрек Иисусу в связи с Вельзевулом адресуют книжники, пришедшие из Иерусалима. Однако у Марка эти обвинения не привязаны к исцелению слепоглухонемого, но сказаны после того, как описано, что у дома, в котором находился Иисус в Капернауме, собралась огромная толпа, и были посланы за Иисусом Его ближние, чтобы забрать Его, так как говорили, что Он вышел из Себя (ἐξἑστῆ).

Из данного эпизода видно, что под Вельзевулом понимается не просто один из демонов, но ясно, что во времена Иисуса Христа Вельзевул отождествлялся с сатаной. Недоброжелатели Иисуса Христа говорят о Вельзевуле как о владыке (ἄρχων) демонов, а Христос в своем ответе прямо указывает на сатану (σατανᾶς), который не может испытывать внутри себя распрю. Возможно, такое отождествление возникло на основании того, что второй элемент имени божества (Зевул) фонетически схож с греческим διάβολος (“клеветник, диваол”), словом, которое в Септуагинте часто передает древнееврейское רִשְׁעוֹן (‘противоречащий, противник, сатана’)²⁴. В «Вознесении Моисея», апокрифическом памятнике, дошедшем до нас на латинском языке, зафиксировано имя Zabulus для обозначения сатаны²⁵. Книжники и фарисеи в приведенных эпизодах Синоптических Евангелий хотя и не называют Иисуса Христа напрямую Вельзевулом (сатаной), но обвиняют Иисуса в том, что Он пользуется услугами Вельзевула при изгнании демонов. При этом не исключено, что злые языки могли напрямую сравнивать Иисуса Христа с Вельзевулом.

На основании проведенного анализа становится ясным смысл 25 стиха 10 главы Евангелия от Матфея. В данном месте Иисус Христос, дающий наставления апостолам, говорит, что если уж Его Самого, хозяина дома, злые люди назвали Вельзевулом, таким образом, приравняв к демону, имя которого также можно понимать как «хозяин дома», однако назвали так с целью оскорбить, унижить, приравнять к самому сатане, то что говорить о домохозяевах (апостолах), которым предстоит на своем пути вынести множество оскорблений и унижений.

²³ Мк. 20–26. Примечательно также, что у Марка эпизод с обвинением Христа в связях с Вельзевулом идет вслед за рассказом об избрании апостолов, о котором у Матфея рассказано в 10 главе.

²⁴ 1 Паралип. 21:1, Иов. 1:6,7,9,12 и т.д., Зах. 3:1,2.

²⁵ Об имени Zabulus см. Аверинцев 1990, Farrar 2019: 47.

Литература

- Albright, W. F. 1936: Zabûl Yam and Thâpîṭ Nahar in the Combat Between Baal and the Sea. *Journal of Palestine Oriental Society*, 16, 17–20.
- Averintsev, S. S. 1990: Beelzebul in *Mifologicheskii slovar'* [Lexicon of Mythology] Moscow.
- Аверинцев, С. С. 1990: Вельзевул. *Мифологический словарь*. М.
- Cheyne, T. K. 1899: Baalzebub in *Encyclopaedia Biblica*. Vol. I. New York, London, 407–408.
- Davies W. D., Allison D. C. 2004: *A critical and exegetical Commentary on the Gospel according to St. Matthew*. London; New York.
- Dietrich M, Loretz O. 1980: Die Ba'al -Titel b'l arš und aliy qdrn. *Ugarit Forschungen*. 12, 391–393.
- Farrar, Th. J. 2019: New Testament Satanology and Leading Suprahuman Opponents in Second Temple Jewish Literature: a Religio-Historical Analysis. *Journal of Theological Studies*. 70, April 2019, 21–68.
- Fensham, F. C. 1967: A possible Explanation of the Name Baal-Zebub of Ekron. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft*. 79, 361–364.
- Field 1875: *Origenis Hexaplorum quae supersunt; sive Veterum interpretum Graecorum in totum Vetus Testamentum fragmenta. Post Flaminium Nogilium, Drusium et Montefalconium, adhibita etiam versione syro-hexaplari, concinnavit, emendavit et multis partibus auxit Fridericus Field*. Oxford.
- Grafov, A. E. 2019: *Slovar' bibleyskogo ivrita [Lexicon of biblical Hebrew]*. Moscow, 2019.
- Графов А. Э. *Словарь библейского иврита*. М., 2019.
- Herrmann, W. 1999: Baal Zebub. In: *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden, Boston, Köln, 154–156.
- Lopukhin, A. P. 1911: *Tolkovaya Bibliya preemnikov A. P. Lopukhina, tom VIII, Evangelie ot Matfeya [Commentary on the Bible by successors of A. P. Lopukhin. Volume VIII. Gospel according to Matthew]*. Saint Petersburg,
- Лопухин, А. П. 1911: *Толковая Библия преемников А.П. Лопухина. Том VIII. Евангелие от Матфея*. СПб.
- Maier, W. A. 1992: Baal-Zebub. In: *The Anchor Yale Bible Dictionary*. Vol. I. Yale, p. 554.
- Thiele, E. 1951: *The Mysterious Numbers of the Hebrew Kings*. Grand Rapids.

А. В. Котова

СПб гос. университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Россия.
anastakot@gmail.com

Е. В. Васева

СПб гос. университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Россия.
supreme.jane@gmail.com

СРАВНЕНИЯ В ЛЕМНОССКОМ ЭПИЗОДЕ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА И «ФИВАИДЕ» СТАЦИИ¹

В статье проводится сопоставительный анализ использования сравнений в описаниях лемносского эпизода в «Аргонавтике» Валерия Флакка (2, 78–431) и «Фиваиде» Стация (5, 49–498). В структуре эпизода выделяются три части: лемноская резня, пребывание аргонатов, отплытие аргонатов. Два эпоса рассматриваются отдельно в хронологическом порядке с целью определения роли и общего значения сравнений в отдельных частях изложения этого эпизода, а также анализа внутри- и интертекстуальных параллелей и различий.

Ключевые слова: Лемнос, Валерий Флакк, Аргонавтика, Стаций, Фиваида, сравнение.

A. V. Kotova

SPb. State University of Veterinary Medicine. St.Petersburg, Russia. anastakot@gmail.com

E. V. Vaseva

SPb. State University of Veterinary Medicine. St.Petersburg, Russia. supreme.jane@gmail.com

The similes in the Lemnian episode of Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*

This paper proposes a comparative analysis of the usage of similes in the depiction of the Lemnian episode in Valerius Flaccus' *Argonautica* (2, 78–431) and Statius' *Thebaid* (5, 49–498). The two epic poems are discussed separately, in a chronological order. Such principle allows to define the role and the whole meaning of similes in separate parts of the episode, as well as analyse textual and intertextual parallels and differences. The Lemnian episode might be divided in three parts: the Lemnian massacre, the visit of the Argonauts, and the departure of the Argonauts. The first part includes 5 similes in *Argonautica* and 7 similes in *Thebaid*, the second 1 and 4 similes respectively. The third part includes no similes in either of the poems.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00178, <https://rscf.ru/project/23-28-00178>.

In the *Argonautica*, the similes of the first part of the episode illustrate the direct and diverse divine interventions in human affairs and their influence on one's actions and character. They also show the Lemnian women, apart from Hypsipyle, as a single group with shared consciousness and practices. The single simile of the second part present in the *Argonautica* describes Jason's personality as a hero and functions as a departure point in the narrative structure.

The similes in the *Thebaid* concern mostly the description of Lemnian women and their actions: the unanimous arousal, the preparation, the murder, and consequent state. The images of three female figures are emphasized by the use of a simile: Polyxo as an instigator, Hypsipyla as an eyewitness, and Lycaste as an active participant. In the *Thebaid*, similes fulfil not only a depictive but also a structural function, by closing the first part of the Lemnian episode and opening the second.

The imagery of infernal deities is employed in 50% of the cases of comparisons in Valerius Flaccus' *Argonautica*. The 45% of the *Thebaid*'s similes employ the images of animals, portraying the atmosphere of violence, the victim's position, and representing the tragic results of the murderous actions.

The semantic and lexical similarities show intertextual connections of Valerius Flaccus and Statius with their predecessors and demonstrate the personal creative method of the poets in constructing similes.

Keywords: Lemnos, Valerius Flaccus, *Argonautica*, Statius, *Thebaid*, simile.

История об убийстве лемносскими женщинами своих мужчин и пребывании аргонатов на острове представлена в разных версиях мифа² и является предметом многих научных исследований. В настоящей статье проводится сопоставительный анализ использования художественного приема сравнения в описаниях лемносского эпизода в римских эпических поэмах I в. н. э. «Аргонавтике» Валерия Флакка (2, 78–431) и «Фиваиде» Стация (5, 49–498). Два эпоса рассматриваются отдельно в хронологическом порядке с целью определения роли и общего значения сравнений в отдельных частях эпизода, а также анализа внутри- и интертекстуальных параллелей и различий.

В повествовательной структуре эпизода выделяются три части: лемносская резня, пребывание аргонатов, отплытие

² «Мифологическая библиотека» Аполлодора (1, 9, 17); трагедии «Лемносские женщины» Софокла, «Гипсипила» Еврипида; комедия «Женщины с Лемноса» Аристофана; эпосы «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Аргонавтика» Валерия Флакка, «Фиваида» Стация; «Героиды» Овидия (Her. 6) и др.

аргонавтов³. В таблице 1 представлены данные о местах расположения сравнений и их объектах в текстах обеих поэм.

Табл. 1. Сравнения в структуре лемносского эпизода в «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Фиваиде» Стация (Similes in the Structure of the Lemnian Episode in Valerius Flaccus' *Argonautica* and Statius' *Thebaid*)

Структура эпизода	«Аргонавтика» (2, 78–431)		«Фиваида» (5, 49–498)	
	Место	Объект сравнения	Место	Объект сравнения
Лемноская резня <i>Arg.</i> 2, 78–310 <i>Theb.</i> 5, 49–334	2, 89–91	падение Вулкана с небес	5, 90–99	Поликсо
	2, 106–106	Венера	5, 143–146	лемносские женщины
	2, 156	лемносские женщины	5, 164–169	Гипсипила
	2, 190–195	лемносские женщины	5, 202–205	лемносские женщины
	2, 220–228	лемносские женщины	5, 231–235	Ликаста
			5, 261–264	картина убийства
			5, 326–334	лемносские женщины
Пребывание аргонавтов <i>Arg.</i> 2, 311–427 <i>Theb.</i> 5, 335–467	2, 384–389	Ясон	5, 335–339	корабль «Арго»
			5, 347–349	лемносские женщины
			5, 385–393	лемносские женщины
			5, 422–430	аргонавты
Отплытие аргонавтов <i>Arg.</i> 2, 428–431 <i>Theb.</i> 5, 468–498				

³ В статье используется структура эпизода, предложенная У. Домиником (Dominik 1997: 30) и принятая большинством исследователей. Текст «Аргонавтики» приводится по изданию Poortvliet 1991, «Фиваиды» — по изданию Hall, Ritchie, Edwards 2007.

«Аргонавтика» Валерия Флакка

Лемносский эпизод Валерия Флакка содержит шесть сравнений, которые выделяют в повествовании следующие моменты.

Первое сравнение напоминает о связи Вулкана с островом Лемнос — сброшенный с неба, «день и ночь напролет он падал, как в вихре, пока, наконец, не обрушился с грохотом на берег Лемноса» (2, 89–91). В своем рассказе о падении Вулкана с небес поэт опирается на версию Гомера, где Гефест сброшен Зевсом в наказание за попытку спасти свою мать Юнону (*Il.* 1, 590–594), подвешенную за запястья к небу с помощью золотых браслетов (*Il.* 15, 18–24), и демонстрирует свое умение соединять мифологические данные, которые до сих пор были, по крайней мере частично, несвязанными⁴.

Второе сравнение предваряется объяснением причин враждебности Венеры к лемносскому народу. Публичное разоблачение Вулканом ее связи с Марсом привело к тому, что островитяне пренебрегли поклонением Венере — ее алтари остыли без жертвоприношений. Гнев богини является причиной последующих ужасных событий: она замышляет месть и сеет смертельные разрушения для виновного Лемноса. Поэт показывает двойственность Венеры, противопоставляя милостивый вид, «когда она скрепляет свои волосы золотой заколкой ...», ее зловещей стороне, уподобляя стигийским девам, свирепым и огромным, с потрескивающим факелом и черной мантией (2, 104–106). Это поддерживается двойным *eadem*, которые начинают описание «доброй» и «злой» стороны, а также контрастом прилагательных *sidereos* (104) и *nigram* (106).

Венера побуждает Молву распространить среди лемносских женщин слух о том, что их мужья, поработанные роскошью и постыдной похотью, возвращаются с фракийскими наложницами. В традиционном эпическом мотиве божественного переодевания Молва, принявшая облик Неаэры, обращается к Эвриноме с речью, тщательно построенной и воздействующей на чувства слушателя⁵. Намереваясь убедить Эвриному ото-

⁴ Подробнее об этом см. Poortvliet 1991: 75–76; Smith 1988: 47.

⁵ Речь Молвы имеет прецеденты как в литературе, так и в ораторской практике. Она напоминает «речь лживого вестника» в греческой трагедии (например, *Soph.* *Tr.* 248 sqq.), а также речь Синона в «Энеиде» (2, 77 sqq.), где он в полной мере использует различные риторические приемы, чтобы убедить троянцев поверить ему. Аспект убеждения

мстить, Молва использует сравнение: «Ты знаешь, насколько наша природа подобна пламени» (2, 156), которое относится к огненному темпераменту женщин, быстро меняющемуся и разрушительному. Ее речь, благодаря своему пафосу, вызывает эмоциональную реакцию и производит желаемый эффект. Вдохновленные сверхъестественными силами, слухи об измене их мужей начинают набирать силу, и лемносских женщин охватывает безумие.

С фальшивым приветствием и ликованием они встречают своих мужей, прибывших из Фракии. Следующее сравнение подчеркивает их двуличие и обман: разъяренные и жаждущие действовать, они возлежат рядом со своими мужьями на пиру, как Тисифона рядом с Флегием и Тесеем в подземном мире, не давая прикоснуться к еде и обвивая их своими мерзкими змеями (2, 190–195). Сравнение Валерия Флакка напоминает сцены из подземного мира, описанные Вергилием, где Фурия мучает грешников, «то за столом возлежит, не давая к еде прикоснуться, то встает и, громко крича, поднимает свой факел» (*Aen.* 6, 605–607), что поддерживается также лексическими параллелями между пассажами: *mensasque – mensas, accubat – accubat, iuxta – iuxta*.

Венера появляется в своем яростном аспекте и инициирует резню, делая вид, что наносит первый удар. Следующее сравнение отражает действия лемносских женщин и показывает их ужасающие масштабы. Они убивают своих мужчин, которые либо не знают о своей участи, либо парализованы страхом при виде своих жен, чей внешний вид разгневанная Венера сделала адским (2, 220–229).

Описание лемносской резни напоминает рассказ Энея о падении Трои (*Aen.* 2). Лексические и смысловые переключки проводят параллель между событиями в Лемносе и нападением на город: *invadunt aditus* (*Arg.* 2, 220) — *invadunt urbem* (*Aen.* 2, 265), *labat ariete crebro / ianua et emoti procumbunt cardine postes* (*Aen.* 2, 493–494).

Возвращение жителей острова к нормальной жизни связано с прибытием корабля «Арго». Всеведущий повествователь сообщает, что ярость лемносских женщин побудила бы их напасть и на аргонавтов, если бы Вулкан не успокоил гнев Венеры (2, 313–315). Прибыв на остров, они получают теплый

особенно важен, и речь Синона, как и речь Молвы, напоминает суасории, практикуемые в школах риторики того времени (Smith 1988: 75).

прием и наслаждаются своим пребыванием, пока Геркулес, остававшийся все это время на корабле, не напоминает им о цели путешествия в резких выражениях (*monitis ... amaris*, 2, 385)⁶. Прямолинейный упрек Геркулеса возвращает Ясона к чувству долга и осознанию важности экспедиции, которые иллюстрируются сравнением (2, 384–389):

<...> haec ubi dicta,

haud secus Aesonides monitis accensus amaris
quam bellator equus, longa quem frigida pace
terra iuvat, quique in laevos piger angitur orbes,
frena tamen dominumque velit, si Martius aures
clamor et obliti rursus fragor impleat aeris.

«Когда он так сказал, Эсонид воспламенился от горького предостережения не иначе, как боевой конь, который землей, холодной от долгого мира, и который вяло ограничен левыми кругами, но все же хотел бы иметь удила и хозяина, если бы боевой клич и рев забытой меди снова наполнили его уши».

Важно отметить, что в этом сравнении речь идет о *bellator equus* (386). Сам Ясон до сих пор не выступал в роли воина, таким образом, изображение боевого коня может указывать на предстоящие сражения, в которые герой отправляется. Но война, о которой идет речь, резко контрастирует с жизнью, которую Ясон ведет на Лемносе — как лошадь забыла звук труб (*obliti ... fragor ... aeris*, 389), так и он не помнит истинной цели своих начинаний⁷.

Это изображение опирается на предшествующую традицию, в которой воин, спешащий на битву, сравнивается с застоявшимся конем, обрывающим привязь и устремляющимся на простор — так представлены Парис и Гектор у Гомера (*Il.* 6, 506–511; 15, 263–268), Турн у Вергилия (*Aen.* 11, 492–497), Ясон у Аполлония Родосского (*Arg.* 3, 1259). Валерий Флакк использует сравнения своих литературных предшественников,

⁶ Подобное предупреждение получил Эней от Меркурия в «Энеиде» (4, 265–276).

⁷ В первой книге поэмы поэт подчеркивает стремление Ясона к славе, и эта характеристика персонажа сохраняется как основная на протяжении всего эпоса (Dominik 2002: 190). В отличие от него, Геркулес совершает великие подвиги по собственному побуждению, поэтому неудивительно, что мотивация для возвращения к основному действию исходит от него (Manuwald 2013: 42).

изменяет их и придает вновь созданному образу более глубокий смысл с помощью обратных ссылок (Gärtner 1994: 83).

Сравнения в первой части лемносского эпизода «Аргонавтики» отражают прямое и разнообразное божественное вмешательство в людские дела и влияние на человеческие характеры (Finkmann 2015), а также представляют лемносских женщин, за исключением Гипсипилы, как единую группу, характеризующуюся общностью сознания и деятельности. Отметим, что личной истории Гипсипилы, которая изображена позитивно и в своем отношении к отцу демонстрирует идеал римского пиетета, не посвящено ни одно сравнение⁸. Единственное сравнение во второй части по своему содержанию служит для образной характеристики Ясона, а в развитии сюжета выполняет функцию обозначения места отправления.

«Фиваида» Стация

Между версиями Стация и Валерия Флакка есть определенные сходства и различия, значимые для целей нашей статьи. Что касается сходств, то процентное соотношение между частями эпизода примерно одинаково у обоих авторов: у Валерия Флакка оно составляет 66 – 34 – 1 соответственно, у Стация 63 – 30 – 7. Различия состоят, во-первых, в количестве сравнений, используемых авторами. В поэме Стация их 11 при объеме эпизода 450 стихов, у Валерия Флакка их 6 в 354 стихах. Во-вторых, в лемносском эпизоде «Фиваиды», в отличие от «Аргонавтики», повествование ведется от лица Гипсипилы. Поэмы Валерия Флакка и Стация по-разному обозначают средства, из-за которых лемносские женщины воспламенились безумием. Подстрекательство, которое в «Аргонавтике» было совершено Молвой, представлено в «Фиваиде», но Стаций возлагает вину на Поликсо.

⁸ Гипсипила Валерия Флакка часто сравнивается с Дидоной Вергилия, а остановка аргонавтов на Лемносе соответствует пребыванию Энея в Карфагене (Heerink 2020: 195). Можно было бы ожидать использования приемов сравнения в описании взаимоотношений Гипсипилы и Ясона, особенно в сцене прощания. Отметим, что в «Энеиде» борьба чувств и побуждений героев находит отражение в девяти развернутых сравнениях, а самой Дидоне посвящено три сравнения (Kotova 2022: 91).

О значимости ее роли в лемносской истории говорит тот факт, что первое сравнение в эпизоде посвящено ей. Оно отражает трансформацию Поликсо, которая принимает мстительный импульс Венеры и внезапно впадает в вакхический транс (5, 90–99).

Сравнив ее с вакханкой, Стаций изображает Поликсо, обращающуюся к лемносским женщинам с речью, которой она разъяряет их, делая похожими на амазонок (5, 143–146). Она призывает их в рощу, где они освящают свои клятвы убийством сына Чаропа, в котором все женщины, кроме Гипсипилы, наносят ему удары ножом.

В завершение рассказа Гипсипилы ее состояние страха и неопределенности передается сравнением с ланью, которую преследуют волки (5, 164–169), где действие прерывается до того, как событие может быть разрешено, и остается неясным, поймана ли лань или в конце концов убегает, что создает гнетущее состояние неизвестности и выражает страх и тревогу (Simms 2020: 55).

Лемносские мужчины, вернувшиеся из успешного похода во Фракию, не знают, что их ждет. Вместе со своими женами они устраивают пир, и когда звуки ранней ночи стихают, их одолевает сон, который Гипсипила описывает с дурным предчувствием и сопоставляет со смертью.

Однако пока мужчины спят, их жены и невестки, подстрекаемые фуриями, готовятся к следующему шагу, который находит отражение в сравнении. В нем женщины сопоставляются со львицами, которых голод и материнский инстинкт гонит по скифским степям, чтобы окружать добычу (5, 202–205). Это сравнение создано с опорой на пассаж из «Энеиды», в котором троянцы, прокладывая себе дорогу в ночном городе, сопоставляются с голодными волками (2, 355–360). Между этими сравнениями наблюдаются смысловые и лексические переключки: *cuncto sua regnat Erinys pectore — animis iuvenum furor additus; exegit — exigit; catulique — nati; relictis faucibus exspectant siccis — fames, implorant ubera; per tela, per hostis — per agros*. Но даже когда Стаций прибегает к словесному подражанию, он творчески перерабатывает материал своих литературных предшественников (Parkes 2014: 328).

В подтверждение этому отметим, что сравнение из «Фиваиды» отражает противоположность мотива людей и животных:

в то время как действия львиц направлены на сохранение жизни детенышей и своих собственных, деяния лемноских женщин нацелены на уничтожение жизни на Лемносе, которое неизбежно случится во времени как результат истребления всех мужчин.

Следующему сравнению предшествует список умирающих юношей, названных по именам; некоторым дается описание внешности, другим — способ смерти. Юная Ликаста, убившая своего брата-близнеца Кидима под давлением собственной матери, сравнивается со зверем, который послушен своему хозяину (5, 231–235). Это описание содержит отсылки к сравнению мучимой противоречивыми чувствами Медеи с собакой в седьмой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка (7, 121–126)⁹: оба пассажи связаны с животными, которые нездоровы; в них упоминаются родители; содержатся лексические переключки: *sic* — *sic* (в одном случае вводит объект сравнения, в другом — образ сравнения); *erili* – *magistro*; *rabieque* — *rabiem*.

Картина, отражающая масштабы ночной лемноской резни, которую видит Гипсипила, представлена сравнением с битвой лапифов и кентавров (5, 261–264), описание которой находит аллюзии в «Метаморфозах» Овидия (12, 210 sqq.)

Длинное повествование Гипсипилы неизбежно вызывает в памяти еще более длинную историю, которую Эней рассказывает в Карфагене, а резня на Лемносе напоминает битву, сопровождавшую разграбление Трои (Vessey 1970: 47)¹⁰.

Начало нового дня открыло ночное злодеяние, женщин охватил стыд и страх, их скорбь растет, стенания становятся громкими, и они проклинают Поликсо. Следующее за этим сравнение отражает последствия потери сильного вожака для остального стада, когда главный бык убит львом (5, 326–334). Это сравнение закрывает первую часть в составе эпизода.

Вторая часть эпизода, посвященная пребыванию аргонатов, открывается сравнением, в котором корабль «Арго» упо-

⁹ Подробнее об этом сравнении см. Kotova 2019: 582–586.

¹⁰ Рассказ Энея о гибели Трои сопровождается одиннадцатью сравнениями. В описании боев мощь и неотвратимый натиск данайцев сопоставляются со стихийными явлениями природы — ветром и водными потоками, сносящими все на своем пути (*Aen.* 2, 413–419; 494–499), также сравнения присутствуют в изображениях и характеристиках отдельных героев (*Aen.* 2, 220–224; 378–382; 469–475) (Kotova 2022: 90).

доблен острову и скале (5, 335–339). Подобное изображение встречается в «Энеиде», где корабли в море сравниваются с горами и островами (8, 691–693). Описания в «Энеиде» и «Фиваиде» сближаются лексическими переключками: *pelago* — *aequora*, *ponti*, *pelago*; *credas* — *credas*; *montis*, *montibus* — *montem*.

Реакция женщин тоже передана в сравнениях: сочтя аргонавтов войском фракийцев, они направились к своим домам с шумом, подобным «обившимся тесно стадам или снявшимися птицам» (5, 347–349)¹¹, и воспротивились высадке аргонавтов силой оружия (5, 385–393). Стаций представляет традиционную батальную сцену, в которой обилие летящих стрел сопоставляется с ливнем и градом. В сравнении содержатся лексические отсылки к пассажиру из «Энеиды», в котором представлена битва троянцев за город (*Aen.* 9, 664–671): *telis* — *telorum*; *verberat* — *verberat*; *humum* — *agros*, *campis*; *nimbi* — *nimbis*; *Iuppiter* — *Iuppiter*; *hiemem* — *hiems*.¹²

Наконец, Ясон просит перемирия, и вся команда сходит на берег; это событие также отражено в развернутом сравнении, в котором аргонавты сопоставляются с богами, сошедшими на землю, реки и горы дают им место, а Земля гордится их поступью (5, 422–430). Это сравнение является последним в лемносском эпизоде Стация.

Сравнения в «Фиваиде» преобладают в описании лемносских женщин и отражают их действия на всех этапах: объединение в общем порыве, подготовка, само деяние и состояние после него. Индивидуальными сравнениями выделены три женских персонажа: Поликсос как зачинщик, Гипсипила как свидетель и Ликаста как участник. Богиня Венера, занимающая видное место в этом повествовании, а также традиционная

¹¹ Особый шум, создаваемый людьми, в эпосе часто сопоставляется с голосами птичьих стай (*Aen.* 7, 698–705; 10, 262–265; 11, 454–458; *Val. Fl.* 6, 163–167). В «Фиваиде» есть два сравнения, представляющие подобным образом голоса женщин в состоянии сильных эмоций – горя (12, 476–480) и радости (12, 512–518).

¹² Сопоставление частоты ударов с градом и ливнем встречается в эпосе в различных контекстах: в описании кулачного боя (*Aen.* 5, 458–460), в описании возничего (*Theb.* 6, 421–423), в батальной сцене (*Theb.* 8, 406–411).

ассоциация Лемноса с Вулканом в сравнениях не представлены в отличие от поэмы Валерия Флакка.

История спасения Гипсипилой своего отца, а также очевидное сходство между Гипсипилой/Ясоном и Дидоной/Энеем в сравнениях отражения не нашли в обеих рассматриваемых поэмах.

Вторая часть эпизода, посвященная прибытию и пребыванию аргонавтов, содержит в произведении Стация четыре сравнения в отличие от повествования Валерия Флакка, в котором встретилось только одно сравнение.

Сравнения в «Фиваиде», помимо образно-характеризующей, выполняют функцию сюжетно-тематического деления текста¹³, закрывая первую часть эпизода «лемноская резня» и открывая вторую «прибытие аргонавтов». В этом аспекте структурная функция сравнений в «Фиваиде» более развита по сравнению с «Аргонавтикой».

Важное значение имеет последнее сравнение в эпизоде. В «Фиваиде» оно отражает высадку аргонавтов на Лемнос, символизируя начало новой жизни, в то время как в «Аргонавтике» подготовка к отъезду означает завершение истории. Отметим, что третья часть эпизода, посвященная отплытию аргонавтов, в обеих поэмах сравнений не содержит.

В «Аргонавтике» в 50% случаев в качестве образов сравнений используется изображение темных сил подземного мира. В «Фиваиде» в 45% сравнений образы животных передают атмосферу насилия, характеризуют положение жертв и представляют трагические результаты происходящих событий. Многочисленные смысловые и лексические переклички показывают интертекстуальное взаимодействие Валерия Флакка и Стация с литературными предшественниками, а также демонстрируют личный творческий метод поэтов в создании сравнений.

Литература

Dominik, W. J. 1997: Ratio et Dei: Psychology and the Supernatural in the Lemnian Episode. In: *Studies in Latin Literature and Roman History VIII*. C. Deroux (ed.). Bruxelles: Latomus, 29–50.

¹³ Различные функции сравнений в «Фиваиде» намного превосходят указанные. Подробнее об этом см. (Dominik 2015).

- Dominik, W. J. 2002: Speech in Flavian Epic. In: *Hommages à Carl Deroux. Vol. 1, Poésie*. P. Defosse (ed.). Bruxelles: Latomus, 183–192.
- Dominik, W. J. 2015: Similes and their Programmatic Role in the Thebaid. In: *Brill's Companion to Statius*. W. J. Dominik, C. E. Newlands, K. Gervais (eds.). Leiden, Boston: Brill, 266–290.
- Finkmann, S. 2015: Polyxo and the Lemnian Episode — An Inter- and Intratextual Study of Apollonius Rhodius, Valerius Flaccus, and Statius. *Dictynna* 12. URL: <http://journals.openedition.org/dictynna/1135>
- Gärtner, U. 1994: *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart: Franz Steiner.
- Hall, J. B., Ritchie, A. L., Edwards, M. J. P. (eds.) 2007: *Papinius Statius. Thebaid and Achilleid. Volume I. Text and Critical Apparatus*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Heerink, M. 2020: Replaying Dido: Elegy and the Poetics of Inversion in Valerius Flaccus' Argonautica. In: Intertextuality in Flavian Epic Poetry: Contemporary Approaches. N. Coffee, Ch. Forstall, L. Galli Millic, D. Nelis (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter, 189–205.
- Kotova, A. V. 2019: [On the Sources of the Simile in Valerius Flaccus 7. 121–126]. In: *Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija* 23–1 [*Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXIII (1)], 580–586.
- Котова, А. В. 2019: Об источниках одного сравнения у Валерия Флакка (V. Fl. 7. 121–126). В: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23–1, 580–586.
- Kotova, A. V. 2022: [Similes in Narrator's and Characters' Speech as Traditional Elements of Epic Style (on the Material of Virgil's 'Aeneid')] In: *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 84–109.
- Котова, А. В. 2022: Сравнения в речи повествователя и персонажей как традиционные элементы стиля эпического текста (на материале «Энеиды» Вергилия). *Studia Litterarum*. 7 (3), 84–109.
- Manuwald, G. 2013: Divine Messages and Human Actions in the Argonautica. In: *Ritual and Religion in Flavian Epic*. A. Augoustakis (ed.). Oxford: Oxford University Press, 33–51.
- Parkes, R. 2014: The Epics of Statius and Valerius Flaccus' Argonautica. In: *Brill's Companion to Valerius Flaccus*. M. Heerink, G. Manuwald (eds.). Leiden, Boston: Brill, 326–339.
- Poortvliet, H. M. 1991: *C. Valerius Flaccus Argonautica Book II: A Commentary*. Amsterdam: VU University Press.
- Simms, R. 2020: *Anticipation and Anachrony in Statius' Thebaid*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Smith, A. H. 1988: *A Commentary on Valerius Flaccus' Argonautica II*. Oxford.
- Vessey, D. W. T. C. 1970: Notes on the Episode in Statius: Thebaid 4-6. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 17, 44–54.

А. Ю. Кошевская

МГЛУ, Москва, Россия. castrensiana@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСОДИИ НЕГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена просодическим особенностям заимствований негреческого происхождения в латинском языке, а именно финикийским антропонимам и кельтским антропонимам и топонимам. Сравнение просодии финикийских и кельтских заимствований позволяет выявить выраженную тенденцию к просодической адаптации лексем вплоть до нарушения этимологических долгот; на основании полученных данных выдвигается гипотеза о метрической модели дактиля/кретика [– ∪ x], универсальной для большинства заимствований.

Ключевые слова: просодия, латинский язык, заимствования в латинском языке, финикийский язык, кельтские языки, метрика, дактиль, кретик.

Anna Y. Koshevskaja

Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia. castrensiana@mail.ru

Changes in the prosody of non-Greek loanwords in Latin

The article is dedicated to the features of non-Greek loanwords' domestication in Latin. The research focuses on proper names from Phoenician and Celtic, primarily anthroponyms and toponyms, for they were exposed to a much weaker influence of colloquial Latin language than common nouns, and therefore this category of loanwords underwent minimal distortion in course of their domestication. Comparative analysis of Phoenician and Celtic loanwords reveals a strong tendency to prosodic adaptation, up to the violation of their etymological prosody; such violation is especially typical for Punic proper names. Based on these data, a hypothesis is put forward, according to which the metrical model of dactylus [– ∪ ∪] or creticus [– ∪ –], typical for Celtic loanwords and noticed in Phoenician ones, is general for all non-Greek loanwords in Latin.

Keywords: prosody, Latin, loanwords in Latin, Phoenician, Celtic, metric, dactylus, creticus.

¹ Автор выражает особую благодарность члену Императорского Православного Палестинского общества Дмитрию Александровичу Морозову за консультацию и ценные замечания, касающиеся исторической фонетики семитских языков.

При изучении истории латинского языка ценным материалом являются заимствования, для которых легче всего проследить все этапы их освоения на всех языковых уровнях. В этом отношении особый интерес представляют заимствованные имена собственные, и прежде всего антропонимы и топонимы. Этот разряд заимствований лучше сохраняет характерные черты языка-источника, что делает его ценным источником для исследований в исторической ареальной лингвистике (Kazansky 2022: 167). Однако, с другой стороны, изучение накопленных изменений в фонетике и просодии заимствованных имен собственных позволяет глубже исследовать языковые законы латинского языка: в то время как нарицательные имена подвергаются сильному влиянию повседневного языка², имена собственные, не имея для себя аналогов и базы в языке, подвергаются только тем изменениям, которые являются минимальными для адаптации к системе языка.

Следует особо отметить, что стратегии фонетической передачи заимствований (в особенности неиндоевропейских) различались в латинском и древнегреческом языках: если в древнегреческом наблюдается выраженная тенденция к сохранению фонетического облика слова вплоть до его транскрипции греческими буквами, что зачастую приводит к нарушению греческой фонотактики даже в случаях, когда слово заимствуется через латинский³ (Davydov 2020: 969–970), то латинский язык стремится к доместикации заимствования как в морфологии, так и в фонетике.

1. Финикийские заимствования

Финикийский язык (равно как и другие семитские языки) не оставил в латинской лексике существенного следа: так, Н. Н. Казанский отмечает всего шесть лексем (из которых некоторые

² Характерным примером такого влияния может служить вариативность латинского слова ‘задаток’ (*arr(h)ā, arr(h)ābō, постопеч. rābō*) (Kazansky 2022: 172) заимствованного из семитского *ʿrb* через греческое *ἄρραβών* (Beekes 2010: 139–140).

³ Разумеется, эта особенность древнегреческого языка является лишь тенденцией, а не строгим правилом (так, имена *Ἀννίβας* ‘Ганнибал’ и *Ἀσδρούβας* ‘Гасдрубал’, заимствованные непосредственно из финикийского, адаптированы к греческой фонетике и морфологии, в то время как имя *Ἀδάρβαλ* ‘Адарбал’ заимствовано с нарушениями, что говорит о сильном влиянии латинского как языка-посредника (Davydov 2020: 970).

представляют собой стилистические варианты одного и того же слова) семитского происхождения, проникших в латинский язык из финикийского (Kazansky 2022: 172). Вполне возможно, такая лингвистическая ситуация была спровоцирована стремлением римлян к изоляции от финикийской культуры. Весьма показательной в этом отношении кажется комедия Плавта «Пуниец», некоторые реплики которой написаны на литературном финикийском языке: то есть, хотя пародия на речь финикийцев или же смешение финикийской и латинской лексики в речи персонажей могли бы стать сильным приемом, создающим дополнительный комический эффект, Плавт сознательно избегает этой стратегии, максимально дистанцируясь от персонажей-пунийцев, несмотря на в целом положительное отношение к ним (Franco 1996: 425–426)⁴.

Отношение римлян к финикийскому языку мало изменилось и впоследствии. Исследуя латинские надписи североафриканского региона, датированные I–V вв. н. э., Чарльз Геберль отмечает, что четких правил фонетической передачи финикийской лексики в латинском языке не было даже в поздней античности (Häberl). Это свидетельствует о том, что употребление финикийских слов в латинской речи не носило системного характера. Тем не менее, Геберлю удалось сформулировать общие закономерности передачи финикийских слов знаками латинского алфавита, как, напр., отпадение финальных придыхательных (напр., *hnmqlrt^h [hāmmilqart^h]⁵ > Hāmilcār⁶*) или же сохранение долгот гласных вплоть до преобразования в

⁴ По мнению Ч. Крахмалкова, целью Плавта было создание комического эффекта за счет абсурдного перевода реплик Мильфием (Krahmalkov 2001: 24); однако этой гипотезе противоречит предположение самого Крахмалкова о финикийском (не римском) источнике реплик Ганнона (Krahmalkov 2001: 25–26), а также необходимость владения зрителем финикийским языком, который, в таком случае, оставил бы существенно больший след в латинской лексике.

⁵ Здесь и далее финикийская лексика приводится по работе Ч. Геберля; Геберль не признает общепринятую этимологию имени ‘Гамилькар’ из **hmlqrt^h [hōmilqart^h]* ‘брат Мелькарта’, так как в таком случае лабиализация гласного первого слога сохранилась бы и в латинском, и предлагает этимологию ‘милость Мелькарта’ по модели ‘милость + имя божества’ (по аналогии с *hnbʕl [hānnībāʕl]* ‘Ганнибал («милость Ваала»)’) (Chantonnet 1995: 206–207).

⁶ Здесь и далее просодия латинских слов приводится по OLD.

дифтонг или геминации согласных после долгих слогов (напр., *ʔdn [ʔädūnī] > donnī⁷ (Plaut. poen. 1001)*).

В свете этих соответствий довольно странной кажется просодия имен карфагенских полководцев Гасдрубала и Ганнибала в латинском языке. Для имени *hnbʃl* 'Ганнибал' особенно важным является то, что в латинском языке оно имеет два просодических варианта (*Hannibālis* (Enn. var. 13; Varr. Men. 213⁸) и *Hannibālis* (passim, включая Энния и Варрона)); немаловажно, что для имени *ʃzrbʃl* 'Гасдрубал', имеющего сходную этимологию от корня *bʃl* 'Ваал; господин', в латинском языке отмечен только один просодический вариант *Hasdrūbāl* (Hor. carm. IV 4, 72). Вероятнее всего, этимологической следует считать долготу слога *-bāl* в обоих именах, который вскоре сократился в результате некоего фонетического процесса⁹. Но как обстоит дело с долготой других слогов?

Если судить по закономерностям передачи финикийских слов в латинских надписях, предпоследние слоги обоих имен также должны быть долгими: так, латинская *u* соответствует

⁷ Гласный последнего слога слова *donnī* в тексте комедии элидируется; долгота указана согласно общей тенденции к сохранению долгот (Häberl).

⁸ О том же, ссылаясь на Валерия Проба, свидетельствует и Авл Геллий: *Is 'Hannibālem' et 'Hasdrubālem' et 'Hamilcārem' ita pronuntiabat, ut paenultimam circumflecteret, et est epistula eius scripta ad Marcellum, in qua Plautum et Ennium multosque alios ueteres eo modo pronuntiasse affirmat, solius tamen Ennii uersum unum ponit ex libro, qui Scipio inscribitur. Eum uersum quadrato numero factum subiecimus, in quo, nisi tertia syllaba de Hannibalis nomine circumflexe promatur, numerus clausurus est.* (Gell. IV 2) «Он (Валерий Проб — А. К.) произносил 'Hannibālem', 'Hasdrubālem' и 'Hamilcārem' с обличенным ударением на предпоследнем слоге; есть его письмо к Марцеллу, в котором он свидетельствует, что так же произносили и Плавт, и Энний, и многие другие из старшего поколения. Он приводит, впрочем, только один стих из сочинения Энния, которое считается его трагедией «Сципион»: этот стих, очевидно, написан восьмистопным ямбом, в котором, ежели третий слог в имени Ганнибала не будет определен как циркумфлексный, не будет соблюден размер» (*пер. автора статьи*).

⁹ Лейманн полагает, что сокращение **-bāl > -bāl* было вызвано общим правилом сокращения конечного закрытого слога, распространившегося в на всю парадигму (Leumann 1977: 111); однако не исключено, что двоякая просодия в латинском отражала разные этапы процесса утраты *ʃ* в финикийском.

финикийским **ī* или **ō*, т. е. *Hasdrubāl* < [**ʕazrūbʕal*] (Häberl); а вот финикийский краткий **ī* в латинском языке, как правило, передавался буквой *e* (Chantonnet, Hawley 2020: 308-309), а потому в имени *Hannibāl* мы также должны предполагать долгий предпоследний слог.

С другой стороны, в таком случае не совсем ясно, по какой причине мы имеем цепочку просодических превращений **Hannībāl* > *Hannibāl* > *Hannībāl* и, по аналогии, **Hasdrübāl* > **Hasdrübāl* > *Hasdrübāl*. Точнее, причины сокращения последнего слога довольно легко объясняются как языковой аналогией, так и поддержкой поэтического языка, для которого более удобна дактилическая структура слова; но почему сократился предпоследний слог? Равным образом довольно странной кажется просодия имени *hnmqlrt^h* [*hāmmilqart^h*]¹⁰ > *Hāmilcār* ‘Гамилькар’, точнее, утрата геминации и потеря долготы в корне *hn* [*hannā*] ‘милость’ (заметим, что геминация и долгота слога сохранилась в имени *hnbʕl* *Hannībāl* и в слове *ʔdn* [*ʔādūnī*] > *donnī*). Другими словами, вместо ожидаемых результатов в латинском **Hannībāl* [---], **Hasdrübāl* [---], **Hāmmilcar* [---] мы имеем *Hannībāl* [- ∪ ∪], *Hasdrübāl* [- ∪ ∪], *Hāmilcār* [∪ - ∪]. Наиболее вероятной причиной такой просодической адаптации кажется стремление латинских слов к некоей эвритмичности, проявляющейся в дактилической просодии – возможно, под влиянием поэтической речи.

2. Кельтские заимствования

Заимствования из кельтских языков представлены в латинском языке гораздо шире и затрагивают не только сферу имен собственных, но и обиходную лексику. Не будем касаться тех, которые относятся к разряду имен нарицательных по уже указанным причинам.

В просодии кельтских имен собственных обнаруживаются похожие проблемы. Так, группа топонимов с элементом *-rīges* дает двойкие результаты, напр. *Bītūrīges* > *Bourges* (<*Bītūrīges*) /

¹⁰ Здесь и далее финикийская лексика приводится по работе Ч. Геберля; Геберль не признает общепринятую этимологию имени ‘Гамилькар’ из **hnmqlrt^h* [*hōmilqart^h*] ‘брат Мелькарта’, так как в таком случае лабиализация гласного первого слога сохранилась бы и в латинском, и предлагает этимологию ‘милость Мелькарта’ по модели ‘милость + имя божества’ (по аналогии с *hnbʕl* [*hannībaʕl*] ‘Ганнибал (‘милость Ваала)’ (Chantonnet 1995: 206–207).

Berry (< *Bītūrīges*) или *Cātūrīges* > *Chorge* (< *Cātūrīges*) / *Chery* (< *Cātūrīges*). Большинство кельтологов объясняют столь разные результаты позицией ударения, тяготеющей в бриттском языке к предпоследнему слогу, а в галльском — к третьему от конца (Holder 1896: 434, 859; Koch 1987: 146); о тесной связи долготы и ударения в кельтских языках довольно подробно пишет В. А. Дыбо (Dybo 2016: 44). С другой стороны, не вполне ясно, почему в галльском языке античного периода ударение сместилось с долгого предпоследнего слога – а мы, несомненно, имеем дело именно с передвижением, так как латинский материал однозначно свидетельствует о долготе предпоследнего слова в топонимах *Bītūrīges* и *Cātūrīges* (AKSS). Но если принять, что указанное передвижение ударения и изменения в просодии касались не только галльского языка, а в большей степени латинского языка галльской провинции, то объяснить это передвижение становится гораздо проще: в латинском языке I в. н. э. наметилась стойкая тенденция к баритонезе, отмеченная многими римскими грамматиками (GL V 248, 292, 392 Keil) и особенно характерная для многосложных слов (Belov 2015: 151–159)¹¹. Но если речь идет именно о латинском языке, то передвижение места ударения играет совершенно небольшую роль в просодии слова, так как в классической латыни, в отличие от кельтских языков, ударение и долгота слога – явления взаимосвязанные, но не взаимообусловленные.

В этой связи важно отметить, что дактилическую просодию, подобную финикийским заимствованным именам, легко найти и в кельтских антропонимах: *Ambīōrīx*¹² [– ∪ ∪ –], *Cingētōrīx* [– ∪ ∪ –], *Dīvitiācus*¹³ [– ∪ ∪ – x], *Indūtīōmārus*¹⁴ [– – ∪ ∪ – x]. Та же просодия характерна и для гидронимов типа *Sēquāna* [– ∪ x], *Mātrōna* [– ∪ x], а также уже приведенных топонимов *Bītūrīges* [∪ ∪ – x] и *Cātūrīges* [∪ ∪ – x]. Другими словами, для заимствованной лексики в латинском языке кажется характерной дактилическая просодия, что в целом соотносится с просодической структурой латинского языка в целом (Belov

¹¹ Учитывая, что смещение ударения отражено только в тех кельтских топонимах, территория которых подверглась наибольшей романизации, весьма вероятной причиной кажется именно влияние латинской просодии на галльскую.

¹² Здесь и далее просодия приводится по AKSS.

¹³ *Dīvitiācus* (L&S).

¹⁴ *Inducīōmārus* (Gaffiot).

2015: 120–146); но разумеется, говорить о дактиле как об универсальной просодической модели освоения заимствований можно лишь как об общей тенденции, а не как о строгом правиле. Тем не менее гипотеза о стремлении нелатинских слов к дактилической просодии позволяет, с одной стороны, объяснить просодические изменения финикийских антропонимов, а с другой — отсечь сомнительные просодические варианты некоторых заимствованных имен.

Так, для имени вождя гельветов Оргеторига в латинских словарях представлены такие просодические варианты:

Orgētōrīx (L&S, OLD);

Orgētōrīx (Gaffiot);

Orgētōrīx (AKSS, Georges).

Не вполне ясно, почему словари L&S и OLD последовательно обозначают просодию кельтских имен на *-rīx* с кратким *ī*, что противоречит как этимологии имен, так и данным латинского языка. Однако для просодического варианта *Orgētōrīx* приводится эпиграфическое обоснование: на одной из галльских монет была обнаружена надпись <O>RCHTI<R>[IX] и, так как греческая буква *Ηη* соответствует долгой *ē*, на этом основании была предложена транскрипция имени [*orgētōrīx*].

Рис. 1. Галльская монета с изображением Оргеторига и надписью <O>RCHTI<R>[IX], послужившая основанием для предложения просодии *Orgētōrīx*.

Однако такая интерпретация кажется довольно сомнительной, ибо она не подтверждается данными кельтской этимологии; употребление буквы *Ηη* можно объяснить *позиционной* долготой гласного, находящегося в ударной позиции (Dubo 2016: 44), и потому касается только галльской, а не латинской просодии. Что же касается долготы этого слога в латинском языке, то он, в соответствии с предложенной гипотезой о

стремлении заимствований к дактилической просодии, должен считаться кратким, т. е. *Orgĕtōrĭx* [– ˘ ˘ –], что и подтверждается большинством словарей (в т. ч. L&S и OLD).

Таким образом, предлагаемая гипотеза об универсальной дактилической модели освоения заимствований в латинском языке оказывается вполне подходящей для объяснения некоторых языковых фактов, интерпретация которых ранее вызывала затруднения; однако следует учитывать, что в рамках данной гипотезы допускается нарушение этимологических долгот языка-источника, что создаёт для исследователя *circulus uitiosus* и существенно осложняет изучение истории как латинского, так и прочих древних языков.

Список сокращений

- AKSS: Holder A. *Alt-celtischer Sprachschatz*. Bde. I-IV. Leipzig, 1896.
 CIL: Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1863 - ...
 Gaffiot: Gaffiot F. *Dictionnaire illustré latin-français*. Paris, 1934.
 Georges: Georges K. E. *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. 2 Bde. Hannover, 1913.
 L&S: Lewis C. T., Short C. A Latin Dictionary. Oxford, 1879.
 LSJ : Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
 OLD: Glare P. G. W. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.

Литература

- Beekes 2010: Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston.
 Belov, A. M. 2015: *Drevnegrecheskaya i latinskaya prosodika (mora, udarenie, ritmika)* [*Ancient Greek and Latin Prosody: mora, accent, rhythmic*]. Moscow.
 Белов, А. М. 2015: *Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика)*. М.
 Chantonnet, F. B. 1995: Quelques remarques sur l'onomastique des Phéniciens d'après les inscriptions Grecques. In: *Actes du IIIe Congrès international des Études Phéniciennes et Puniqes*. Vol. I, 203–210.
 Chantonnet, F. B., Hawley, R. 2020: Phoenician and Punic. In: *A Companion to Ancient Near Eastern Languages*. Hoboken, 297–318.
 Davydov, T. G. 2020: [Ancient Greek words violating the word end rule]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 24 (1), 964–972.

- Давыдов, Т. Г. 2020: Лексика, нарушающая правило конца греческого слова. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24 (1), 964–972.
- Dybo, V. A. 2016: [Proto-Celtic accent system against the background of other north-western Indo-European languages]. *Voprosy yazykovogo rodstva [Journal of Language Relationship]*. № 1 (14), 29–57.
- Дыбо В. А. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков. *Вопросы языкового родства*. № 1 (14), 29–57.
- Franco 1996: Franco G. F. The Characterization of Hanno in Plautus' Poenulus. *The American Journal of Philology*. Vol. 117, №3, 425–452.
- Häberl, C. G. A *Question of Orthography: the Latino-Punic Inscriptions* [электронный ресурс]
- Holder A. 1896: *Alt-celtischer Sprachschatz*. Bde. I–IV. Leipzig.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemy leksikologii latinskogo yazyka [Problems of Lexicology of Latin Language]*. Saint Petersburg.
- Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.
- Koch, J. T. 1987: Prosody and the Old Celtic verbal complex. *Ériu* XXXVIII, 141–176.
- Krahmalkov, C. R. 2001: *A Phoenician-Punic Grammar*. Leiden.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München.
- Segert, S. 1997: Phoenician and Punic Phonology. In: *Phonologies of Asia and Africa (including Caucasus)*, II. Winona Lake, 55–64.

ΦΑΡΟΣ В ПОЭМАХ ГОМЕРА: ПРОСОДИЯ В *Il.* 18.353 И *Od.* 8.186 И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу слова φᾶρος в текстах поэм Гомера. В ней рассматриваются две цитаты из Илиады и Одиссеи, в которых появляется форма φᾶρει в разных метрических вариантах. В *Il.* 18.353 форма занимает пятую дактилическую стопу с диерезой: φᾶρει — ∪∪; в *Od.* 8.186 эта же форма занимает первые два элемента третьей стопы перед цезурой с сокращением дифтонга, перед гласным следующего слова (ἀναίξας): φᾶρει — ∪ || ∪. Исследуются различные значения слова φᾶρος в поэмах Гомера и в микенских текстах, и выделяются два основных: “ткань” (в т. ч. погребальная) и “верхняя одежда”. В контексте погребального обряда φᾶρος употребляется в значении “ткань” и имеет форму с диерезой, восходящую к микенской форме *pharwehi (dat.sg.) со звучавшим как полноценный согласный /h/. Такое употребление, вероятно, восходит к древнему состоянию эпической традиции. Напротив, в *Od.* 8.186 φᾶρει имеет сокращение дифтонга и употребляется в значении “плащ”.

Ключевые слова: Гомер, Илиада, Одиссея, эпическая традиция, дактилический гекзаметр, микенский, античная ткань.

K. V. Kruglova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. kapitolina93@gmail.com

Φᾶρος in Homer: metre in *Il.* 18.353 and *Od.* 8.186 and the reconstruction of meaning

This article analyzes the word φᾶρος in Homer’s poems. Two quotations from the *Iliad* and the *Odyssey* are considered, in which the form φᾶρει appears in different metric variants. In *Il.* 18.353 the form occurs in a dactylic fifth foot, with a dieresis: φᾶρει — ∪∪; in *Od.* 8.186 the same form’s diphthong is contracted before the first vowel of the next word (ἀναίξας), so that φᾶρει makes up the first two elements of the third foot, before the caesura: φᾶρει — ∪ || ∪. The use of the word φᾶρος in different meanings is observed in the texts of both Homer’s poems, in comparison with other terms of clothing fabric. Also, the etymology and the use of this word in Mycenaean texts are taken into account. As a result, two main meanings were discovered: ‘fabric’ (including funeral cloth) and ‘cloak’. In the context of the funeral rite, the word designates a cloth, its form has a dieresis and goes back to the Mycenaean form *pharwehi (dat.sg.), with a full consonant /h/. This usage probably dates back to the

Mycenaean layer of the epic tradition. At the same time, in *Od.* 8.186, φάρει with contraction appears in the meaning ‘cloak’.

Keywords: Greek epic, Homer, *Iliad*, *Odyssey*, epic metre, Mycenaean Greek, dactylic verse, ancient cloth.

Введение

Многие очевидные метрические аномалии гомеровского текста имеют исторические объяснения. «Поэты Илиады и Одиссеи были наследниками древней и непрерывной эпической традиции, восходящей к микенской эпохе» (West 1997). За это время в греческом языке произошли различные изменения, и эпический язык, при всем его консерватизме, не мог избежать их воздействия. Следствием этого стало то, что некоторые эпические формулы, которые первоначально были метрическими, стали, строго говоря, неметрическими или, во всяком случае, метрически несовершенными, но тем не менее продолжали использоваться. Поэтому в поэмах Гомера мы находим стихи, которые становятся метрически более удовлетворительными в свете реконструкции более ранних языковых особенностей. Иногда это вопрос устранения контракции гласных, как в стихе *Od.* 9.151 = 12.7: ἐνθα δ’ ἀποβρίξαντες ἐμείναμεν Ἦῶ δῖαν и ряд других, где Ἦῶ занимает пятую стопу. Это допустимое, но не самое обычное расположение для слова, состоящего из двух долгих, но вполне нормальное для дактилической формы, какой была более ранняя форма ἦβα.

Другие примеры связаны с восстановлением в качестве полноценного согласного начального или интервокального /h/, который происходит из начального или интервокального /s/. Таблички, написанные линейным письмом В, показывают, что это произошло уже в XIII веке¹. Реконструкции таких формул, как Βοῶπις πότνια Ἥρη: мик. γ^wοFῶκ^wις πότνια Ηήρα, Δὶ μῆτιν ἀτάλαντος: мик. *ΔιFεῖ μῆτιν ηατάλαντος, βίη Ἡρακληείη: γ^wιά ΗηρακλεFεηεία и др. убедительно доказывают, что /h/ все еще произносился как полноценный согласный (Ruijgh 1995: 73ff.) во время т. н. “континентальной эолийской фазы” эпической традиции (XII/XI вв. до н. э.)². Например, слово, обозначающее

¹ Dans les mots d’origine indo-européenne, le changements *s- > h- est déjà un fait accompli dans les textes mycéniens, tandis que le changement y- > h- est encore en cours (Ruijgh: 1995: 74).

² Эолийская фаза постулируется, начиная с Ritschl 1838: 59–60, см. Parry 1932; Janko 1982; West 1988; Ruijgh 1995; Современное состояние вопроса: Kazansky 2004 и Hackstein 2010.

“ткани” φάρεα <*pharwesa, встречается в микенских текстах в написании pa-we-a₂ /phragweha/.

Аналізу слова фῆρος в текстах поэм Гомера посвящена настоящая статья. Будут рассмотрены две цитаты из Илиады и Одиссеи, в которых появляется форма φάρεϊ в разных метрических вариантах. В *Il.* 18.353 форма занимает пятую дактилическую стопу с диерезой: φάρεϊ — ∪ ∪; в *Od.* 8. 186 эта же форма занимает первые два элемента третьей стопы перед цезурой с сокращением дифтонга³ перед гласным следующего слова (ἀναΐξας): φάρεϊ — ∪ || ∪. Проанализируем различное употребление слова фῆρος в текстах обеих поэм Гомера, сопоставив с другими обозначениями ткани одежды, рассмотрим этимологию и употребление этого слова в микенских текстах.

У Гомера фῆρος встречается 29 раз. При этом можно выделить два основных значения: ткань (в т.ч. погребальная) и плащ (верхняя одежда).

Фῆρος Λαέρτου

1) погребальный саван, который ткёт и распускает Пенелопа⁴.

Погребальное одеяние Лаэрта в Одиссее всегда называется фῆρος: фῆρος // ἐκτελέσω... Λαέρτη ἥρωϊ ταφήϊον (*Od.* 2 97, 19.138 и 143, 24.147), с определением ταφήϊος ‘погребальный’ (2. 99; 19. 144; 24.134), упоминается как σπείρον (2. 102; 19. 147; 24 137), так и ἱστὸν (2. 104; 19. 149; 24. 139).

Слово σπείρον у Гомера встречается только в Одиссее и употребляется в других значениях: плащ, которым покрывается переодетый Одиссей в Трое (4. 245); «парус» и рею выбрасывает в море ужасная буря (5. 318) и при перечислении мореходных снастей в храме Посейдона у феаков (6. 269); Одиссей просит Навсикаю дать ему кусок старой ткани «ῥάκος»⁵ прикрыться, если у нее есть с собой ткань, в которую можно

³ Перед цезурой встречается удлинение окончания датива (Chantraine 1958: 215).

⁴ Качество погребального полотна Лаэрта рассматривается как метафора создания поэтического текста: West 2007; Nagy 2008; основную литературу и новый взгляд на проблему см. Aldo Paolo Bottino «The Phāros of Laertes: Weaving the Fabric of Epic» — интернет ресурс <https://chs.harvard.edu/wp-content/uploads/2020/11/The-Pharos-of-Laertes-1.pdf>

⁵ У Гомера только в Одиссее в значении ‘лохмотья’ или ‘рубище’, старая ткань противопоставлена ‘χλαῖνα’ или ‘φῆρος’: *Od.* 6.178; 13.434; 14.342,349.

завернуться, εἴλωμα σπείρων (gen. explicat.): δὸς δὲ ῥάκος ἀμφιβαλέσθαι, / εἶ τί που εἴλωμα σπείρων ἔχες ἐνθάδ' ἰούσα (6. 179). Согласно Шантрэну, σπείρα и σπείρων: «очевидно, родственны и происходят от корня, означающего 'складывать, окружать, оборачивать', который встречается в σπάρτον, σπάργανον» (Chantraine 1977: 1035).

В качестве синонима слову φᾶρος появляется ἰστός 'ткацкий станок', когда иллюстрируется процесс ткачества и конечный результат ткань. Эдмондс о ткацком станке с утяжелителем основы: «[...] ткацкий станок — это, по сути, скорее метод или процесс, чем вещь. Так называемый «примитивный ткацкий станок» может состоять всего лишь из нескольких палочек и кусочков бечевки в дополнение к ткани или готовящемуся к ткачеству полотну [...] Ткацкий станок временно материализуется в процессе ткачества и не обязательно мысленно отделим от процесса или продукта»⁶.

Так, например, в Одиссее (*Od.* 94–95): στησαμένη μέγαν ἰστόν ἐνὶ μεγάροισιν ὕφαινε / λεπτόν καὶ περίμετρον слово ἰστός в 94 стихе подразумевает 'ткацкий станок', в то время как в строке 95 ἰστός понимается как объект ὕφαινε и должно обозначать 'ткань'⁷. В Илиаде ἰστός 'ткань' (*Il.* 3. 125–127), которую ткёт Елена, изображая на ней «подвиги конных троян и медянодоспешных данаев»⁸: ἦ δὲ μέγαν ἰστόν ὕφαινε / δίπλακα πορφυρέην, πολέας δ' ἐνέπασσεν ἀέθλους / Τρώων θ' ἱπποδάμων καὶ Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων. В микенском греческом есть форма, от этого корня: i-te-ja-o /histeiaōn/ gen.pl. (PY Ad 684) — это һарак, засвидетельствованный на пилосской табличке, где упоминаются сыновья женщин-ткачих⁹.

Помимо упомянутых контекстов для значения φᾶρος 'погребальная ткань, саван', добавим упоминания в Илиаде: саван Патрокла (*Il.* 18.355); ткани, которые ткут нимфы в пещере: φάρε' ὕφάινουσιν ἀλιπόρφυρα (*Od.* 13. 108); как и

⁶ «[...] a loom is essentially more a method or a process than a thing. A so-called 'primitive loom' may consist of nothing but a few sticks and bits of string in addition to the cloth or imminent cloth being woven [...] The loom materializes temporarily in the process of weaving and is not necessarily separable in thought from either process or product, as is evident in the introduction of Penelope's ruse» (Edmunds 2012: §11).

⁷ В переводе В. В. Вересаева мы находим оба значения: «Ткань начала она ткать, станок у себя поместивши, — Тонкую, очень большую...».

⁸ Пер. Н. И. Гнедича.

⁹ О ткачестве в микенском обществе (Shelmerdine 2008: 140f.).

упоминаемое выше для слова σπεῖρον, так и для фᾶρος есть контекст в значении ‘парусины’ (*Od.* 5. 257): τόφρα δὲ φάρε’ ἔνευκε Καλυψώ, δῖα θεάων, / ἱστία ποιήσασθαι.

Рассмотрим определения к слову фᾶρος. Кроме уже упомянутого ταφήϊον ‘погребальный’, уточняющего функцию ткани, и «периферийных»¹⁰ μέγα и καλόν, все прилагательные относятся к цвету и яркости ткани: λευκόν ‘белый’ (*Il.* XVIII 353; XXIV 231.580.588), ἀλπόρφυρον ‘пурпурный как море’ (*Od.* 13. 108). Другие определения (ἐϋπλυνές, πορφύρεον, ἀργύρεον, λεπτὸν καὶ χαρίεν) появляются рядом с фᾶρος в значении ‘верхняя одежда’, разберем их ниже.

Из рассказа женихов в загробном мире мы узнаем, какой получилась ткань, которую ткала Пенелопа (*Od.* 24.148): Εὖθ’ ἡ φᾶρος ἔδειξεν, ὑφῆνασα μέγαν ἱστόν, // πλύνασ’, ἠελίῳ ἐναλίγκιον ἢ ἐσελήνῃ «Выткан и вымыт великую ткань, нам она показала / Этот покров погребальный, сиявший, как солнце иль месяц» (Пер. В. В. Вересаева). Погребальная ткань Патрокла и, возможно, Гектора, белая, потому что именно с этим определением (φάρεα λευκά) она упоминается в списке вещей для выкупа тела (*Il.* XXIV 231), из которых пару оставляют служанки Ахилла покрыть тело Патрокла. Вероятно, сравнение с блеском солнца и луны подразумевает, что фᾶρος Лаэрта мог быть также ослепительно белым.

Этимология и упоминание в микенских текстах

В первом тысячелетии слово фᾶρος было только эпическим и поэтическим (Chantraine 1977: 1179). Бекес предполагает, что оно может принадлежать догреческому субстрату (Beekes 2010: 1555). Не индоевропейское происхождение термина, обозначающего ткань, вытканную на широком ткацком станке, подтверждается наблюдениями Барбер¹¹, которая показала, что индо-европейские племена (тохарские и иранские), а также близкие к ним микенские греки и хетты имели технологию

¹⁰ То есть такие, которые максимально нейтральны по отношению к контексту и метрически удобные. (Bakker 1991: 63–64).

¹¹ «And I had already shown in Prehistoric Textiles that the Greek textile vocabulary was layered: the terms needed for band-weaving and plaiting were Indo-European, whereas the terms for weaving on a large loom were later borrowings – some of them (recognizable by their word-shapes) clearly from the Minoans» (Barber 2015: 207).

пряжи длинных узких лент и сшивания их в одежды, но не ткачество на широких ткацких станках (Barber 2015 : 207).

В микенских табличках это слово встречается во множественном числе, $\ddot{\text{z}}\text{H}$ pa-we-a /pharweha/, обозначающее предметы текстиля или одежды (кносская серия Lc(1) и Ld), или в виде акрофонической силлабограммы $\ddot{\text{z}}\text{/PA}$ для pa-wo /pharwos/ (в сериях табличек из Кносса KN Uf; Пилоса PY Sh, Un; и Фив TH Of), а также TELA+PA появляются на табличках с перечнем подношений Посейдону в пилосской табличке PY Un 853. «В некоторых случаях трудно сказать, обозначали ли существительные предмет одежды или кусок ткани. То же самое можно сказать и о pa-we-a¹² /pharweha/, поскольку у Гомера φῆρος — это либо одежда, либо кусок ткани, в зависимости от контекста»¹³.

В Микенах слово pa-we-a₂ засвидетельствовано на трех различных табличках (MY L 710.2, Oe 111.2 и Oe127). В табличке MY L 710 рядом с pa-we-a₂ стоит прилагательное ko-u-ka, очень часто встречающееся в кносской серии Lc(1), обозначающее скорее всего определенный вид отделочного процесса¹⁴. Встречается в микенских текстах и dat. pl. pa-we-si /pharwessi/ (MY Oe 111)¹⁵. На табличке записано количество шерсти для изготовления pa-we-a:

MY Oe 111 .2.

.1	pe-ru-si-nwa , o-u-ka[
.2	wo-ro-ne-ja , pa-we-si / [•]-me-'jo-i'	LANA[
.3	ne[-wa]o-u-ka	LANA[
.4] -k̄i-ni-*56	LANA 100[
.5] o-ta-pa-ro-te-wa-ro	LANA 200[

Содержание таблички разделено на две части: заголовок состоит из первых двух строк, а вторая часть — из строк 3, 4 и 5. В заголовке «прошлогодня шерсть» — pe-ru-si-nwa , o-u-ka, во второй части «новая или шерсть этого года» ne[-wa]o-u-ka

¹² Вариант pa-we-a₂ из Пилоса и Микен содержит знак a₂ = /ha/.

¹³ «In some cases, it is difficult to say if the nouns designated a garment or a piece of textile. The same can be said also for pa-we-a, /pharweha/, since in Homer φῆρος is either a garment or a piece of textile, according to the context» (Del Frego, Nosch, Rougemont 2010: 347).

¹⁴ Melena 1979.

¹⁵ Интерпретация MY Oe 111 и MY Oe 127 согласно (Varis 2010: 156–157).

(строка 3). К сожалению, количество шерсти в каждом случае отсутствует, но оно, должно быть, было очень большим, согласно цифрам, сохраненным в строках 4 и 5. Слово в записи о-и-ка неясно, поскольку его интерпретация как *ὄFικά: «овечья» не приемлема¹⁶. Во 2-й строке слово ра-we-si, которое следует за wo-go-ne-ja, указывает, для какого типа ткани предназначалась шерсть, записанная в этой строке: «шерсть для изготовления (плащевых) тканей». Совершенно неясно, какое слово стоит после ра-we-si; это могло бы быть прилагательное, согласующееся с ра-we-si, обозначающее особый вид ткани, что объясняет, почему этот тип ткани указан только в этой строке. Назначение Oe 111, по-видимому, состоит в том, чтобы записать количество шерсти для изготовления ра-we-a₂, простой тип которого можно понять из строк 4 и 5.

MY Oe 127

ра-we-a₂ , e-we-pe-se-so-me-na , LANA 20

Единственная запись микенских документов, которая начинается с ра-we-a₂, и которая, возможно, является частью того же ра-we-si, записанного в Oe 111.2. В конце записи обозначение количества шерсти — 60 кг. Между ра-we-a₂ и идеограммой LANA слово hаrах: e-we-pe-se-so-me-na — пассивное причастие будущего времени в nom. pl., согласованное с ра-we-a₂, *ἐFεψησόμενα со значением: ‘ткани, которые должны быть сотканы’¹⁷, связанное с глаголами *Fέψω, *ἐFέψω, ὕφάω, ὕφαίνω ‘ткать’¹⁸. Трудность заключается в интерпретации значения этого причастия, т. к. в других табличках MY Oe, где указано количество шерсти «для изготовления» какого-либо вида ткани, рассматриваемая ткань записана в дательном падеже¹⁹: te-ра-i в Oe 107.1 и ра-we-si в Oe 111.2²⁰. Возможно, речь идет о специальной последующей обработке (Barber 1991).

¹⁶ DMiC²: 56.

¹⁷ Kazanskiene, Kazansky 1986: 104.

¹⁸ В которых восстанавливается корень *h₂web^h- (Hainal 2002).

¹⁹ Возможна ошибка писца (Melena 1979: 67).

²⁰ Чтение Чедвика формы как εῖ ἐψησόμενα от ἔψω ‘варить’ отвергается Палмером (Palmer 1963 : 421). Чедвик предполагает, что процедура кипячения ткани применялась для удаления естественного жира шерсти, а также полагает, что речь идет о шерстяных плащах: «Корреляция ра-we-a₂ с шерстью вместо ткани вызывает недоумение; трудно поверить, что это шерсть для изготовления тканей, если только e-we-pe-se-so-me-na может относиться к изготовлению, а не к

Прилагательное *gi-ta /lita/* ‘льняной’, или его аббревиатура *RI* применяется к различным тканям, чтобы указать на волокно, повторно используемое для их изготовления: *146, *166+WE, TUN+KI, TUN+RI, а также *kito* и *pa-we-a*. Это прилагательное в сочетании *gi-ta pa-we-a* встречается в табличках: KN L 594, L 648, 5927, вероятно, L 8158.

Φᾶρος Πατροκλῆος

Вернемся к рассмотрению контекстов в Илиаде. Тело Патрокла служанки обернули льняной тканью, положив на ложе, а затем покрыли его с ног до головы белым саваном (*Il.* 18.352–353): *ἐν λεχέεσσι δὲ θέντες ἑανῶ λιτὶ κάλυψαν / ἐς πόδας ἐκ κεφαλῆς, καθύπερθε δὲ φάρεϊ λευκῶ* «После, на одр положив, полотном его тонким покрыли / С ног до главы и сверху одели покровом блестящим» (пер. Н. И. Гнедича).

В этом фрагменте нас интересует метрическая характеристика слова, а именно окончание *-ei* (Brailovskaya 2021), которое, как у слов с сигматической основой, можно реконструировать **-ehi* < **-esi*. Эта форма занимает пятую дактилическую стопу, свидетельствуя о диерезе: *φα-ρε-ι*, восстанавливая древнюю микенскую форму **pharwehi* (dat.sg.) с звучавшим как полноценный согласный /h/, то есть можно сказать, что перед нами небольшой фрагмент древнего микенского слоя эпической традиции. Это подтверждается древним контекстом.

Контекст содержит описание обряда приготовления тела к погребению. Омывание тела, умощение, оборачивание льняной тканью, накрывание саваном. Описание погребального обряда мы находим в Илиаде *Il.* 23. 233–262 (погребение Патрокла) и в *Il.* 24. 783f. (погребение Гектора). Обряд интересен тем, что в нем прослеживаются сходные черты с хеттским ритуалом погребения, описанным в табличках из Богазкёя (Kassian, Korolëv, Sidel'tsev: 2002). Хеттский и гомеровский ритуалы имеют общие черты: сжигание тела на костре; после сожжения тела погребальный костер кропят напитками (пивом — хетты, вином у Гомера); кости умершего окунают в масло или обкладывают жиром, а затем заворачивают в льняную ткань или в дорогие одежды: «the bones are taken out of the pyre, anointed with fine oil

обработке. Возможно, объяснение заключается в том, что количество ткани измерялось по весу, а не путем подсчета; следовательно возможный перевод текста таблички: «60 кг шерстяных плащей» (Documents² : 488).

and wrapped into the linen GADAgazzarnuli-cloth and the fine cloth (TÜG.SIG)». A Vs. 3–8 (Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002: 25) и *Il.* 24. 796. καὶ τὰ γε χρυσεῖην ἐς λάρνακα θῆκαν ἐλόντες / πορφυρέοις πέπλοισι καλύψαντες μαλακοῖσιν. После этого кости помещают в мавзолей у хеттов, в фиалу или ларец (λάρνακα) у Гомера.

φάρεα λευκά входят в перечень даров для «выкупа тела Гектора» (*Il.* 24. 229–234).

ἦ καὶ φωριαμῶν ἐπιθήματα κάλ' ἀνέωγεν:
 ἔνθεν δώδεκα μὲν περικαλλέας ἔξελε πέπλους
 δώδεκα δ' ἀπλοῖδας χλαίνας, τόσσους δὲ τάπητας,
 τόσσα δὲ φάρεα λευκά, τόσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας.
 χρυσοῦ δὲ στήσας ἔφερεν δέκα πάντα τάλαντα,
 ἐκ δὲ δὺ' αἰθῶνας τρίποδας, πίσυρας δὲ λέβητας,
 ἐκ δὲ δέπας περικαλλέας, ὃ οἱ Θρηῆκες πόρον ἄνδρες

«Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
 Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
 Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
 Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
 Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
 Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
 Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний»

(пер. Н. И. Гнедича).

Подробный список с указанием количества вещей сопоставим со списками подношений в микенских текстах. «Точность в перечислении — каждый раз с подробным указанием на качество и на количество в одних и тех же стандартных выражениях — представляет собой отличительную черту документального свидетельства» (Kazansky 2021). Список даров представлен в Одиссее (*Od.* 24.276f.), причем перечень тканей практически полностью совпадает с перечнем в Илиаде.

Φᾶρος Ὀδυσῆος

Второе основное значение φᾶρος в поэмах Гомера — «плащ, верхняя одежда».

Верхняя одежда по отношению к нижней — хитону (χιτῶν). Типическая сцена гостеприимства (Reese 1993: 33), в которой появляется оба этих предмета: сцена принятия ванны, которая предполагает нагрев воды в треножнике (τρίπους); служащий поливает водой из этого треножника гостя, который сидит в

ванне (ἀσάμινθος; ср. 8.426, 433–37; 10.358–63); затем слуга моет гостя и умащивает его оливковым маслом (λοῦσέν τε καὶ ἔχρισεν λίπ' ἐλαίῳι 3. 466; ср. 4.49, 252; 8.454; 10.364, 450; 17.88; 23.154; 24.366). Наконец, выдает свежую смену одежды (φᾶρος καλὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶνα (3.467; ср. 4.50; 6.214; 8.455; 10.365, 451; 17.89; 23.155; 24.367) .

В микенском греческом ke-se-ne-wi-ja и re-u-ka встречается в качестве определения фᾶρος, например, в табличке KN Ld 649 (Killen 1985):

.a] e-gu-ta-ra-pi [[re-u]]

.b pa-we-ja / ke-se-ne-wi-ja , / re-u-ka[

/pharweha ksenwija eruthraphi leuka/

«ткани гостевого (так!) типа, белые с красными».

Масло и ткани для (божественных?) гостей с прилагательным ke-se-ni-wi-jo, относящимся к маслу, описаны в PY Fr 1231.

Небольшой фрагмент таблички и тот факт, что гостям предлагают новую смену одежды в виде хитона и плаща, и упоминание «гостевого типа» плаща ke-se-ne-wi-ja говорят о том, что это сохранившаяся в эпосе черта обычаев микенских дворцов, зафиксированная в хозяйственных табличках.

Еще один пример подарка для гостя упоминается в *Od.* 8. 425. Алкиной распоряжается, чтобы служанки принесли искусной работы сундук (χηλός) и сложили в него для Одиссея плащ и хитон. В *Od.* 8. 442 повторяется это же значение, Арета складывает в сундук названные вещи. В *Od.* 13. 67 упоминаются эти же плащ и хитон, о которых речь шла в 8 песни: τὴν μὲν φᾶρος ἔχουσαν ἐϋπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα. Интересную интерпретацию подарков предлагает С. Рис в своей замечательной книге «The Stranger's Welcome: Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene»: «Своеобразный характер подарков феакийцев гостям, собранных со всей знати (*Od.* 8.387–95), беспрецедентный в сравнении с другими сценами гостеприимства, хорошо подходит для истории, в которой эти знатные люди были бы соперничающими женихами. Дары тесно связаны с состязаниями, и можно сказать, что Одиссей заслужил их победой в метании диска. Это отражает лежащую в ее основе сказку, в которой подарки были выкупом за невесту от женихов, соревнующихся за руку царской дочери. Это согласуется с народной сказкой о том, что все это сокровище положено к ногам царицы (8.417–20), матери невесты, которая проявляет крайнюю заботу о его сохранности,

поскольку это выкуп за ее дочь. Она бережно укладывает его в сундук и просит удачливого жениха завязать его специальным узлом (8.438–48). Позже сокровище помещают на корабль, который стоит на якоре в гавани, готовый отвезти молодоженов в дом жениха (13.66–76)» (Reese 1993: 116).

Большой список даров появляется в рассказе Одиссея (*Od.* 24.276), повтор стихов (*Il.* 24 229–231): δῶδεκα δ' ἀπλοῖδας χλαίνας, τόσους δὲ τάπητας, / τόσσα δὲ φάρεα καλά, τόσους δ' ἐπὶ τοῖσι χιτῶνας.

Определение εὐπλήης ‘хорошо выстиранный’ также встречается в описании плаща Менелая (*Od.* 15.61). Менелай надевает на плечи плащ поверх хитона и в *Od.* 16.174 Афина меняет внешность Одиссея и одевает его в ‘хорошо выстиранный’ плащ: φᾶρος μὲν οἱ πρῶτον εὐπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα / θῆκ' ἀμφὶ στήθεσσι. При перечислении вещей, которые идут стирать Навсикая и другие девушки в *Od.* 6. 214, также появляется φᾶρος: φᾶρός τε χιτῶνά τε εἶματ' ‘плащ, хитон, одежда’.

В Илиаде (*Il.* 24.588) появляется формульное выражение φᾶρος καλὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶνα в контексте омовения, умощения и одевания мертвого тела Патрокла. Предшествует этому месту приказ Ахилла *Il.* 24.580 оставить из даров для выкупа Гектора «два хорошо сотканых плаща и хитон, чтобы покрыть тело»: καὶ δ' ἔλιπον δύο φάρε' εὐννητόν τε χιτῶνα / ὄφρα νέκυν πικάσας δοίη οἶκον δὲ φέρεσθαι.

Притягательное εὐννήτος встречается в описании кносского хора девушек и юношей, изображенных Гефестом на щите Ахилла *Il.* 18. 596. У девушек тонкие льняные одежды αἱ μὲν λεπτάς ὀθόνας ἔχον; у юношей хорошо сотканые хитоны, блестящие, пропитанные маслом: οἱ δὲ χιτῶνας / εἶατ' εὐννήτους, ἦκα στίλβοντας ἐλαίῳ. В микенских текстах упоминается ti-po re-ro-to (KN L 693.1), соответствующее λίνον λεπτόν ‘тонкий лен’ (виссон).

В описании одежды нимф Калипсо и Кирки также упоминается слово φᾶρος. В *Od.* 5. 230 и 10.503 нимфа надевает сперва большой серебристый (μέγα ἀργύφειον) φᾶρος, тонкий и мягкий (λεπτόν καὶ χαρίεν), прекрасный золотой пояс (καλὴν χρυσεῖην ζώνην) препоясала на талии, поверх головы накинула покрывало (καλύπτρην).

В Илиаде мы находим более подробное описание одевания Агамемнона (*Il.* 2. 43–44). Сперва он надевает прекрасный мягкий хитон (μαλακὸν χιτῶνα καλὸν νηγάτεον), с определением νηγάτεον ‘недавно сделанный’, затем большой плащ (περὶ δὲ

μέγα βάλλετο φᾶρος), подвязывает прекрасные сандалии (καλὰ πέδιλα). Еще раз плащ Агамемнона появляется в *Il.* 8.222, здесь мы встречаем новое определение цвета «красный»: Агамемнон придерживает сильной рукой большой красный плащ, шагая к кораблям созывать ахейцев на сражение: πορφύρεον μέγα φᾶρος ἔχων ἐν χειρὶ παχείῃ.

Прилагательное πορφύρεος. Для обозначение красного цвета, участвующего в окрашивании ткани, в микенских текстах есть e-ru-ta-ra /eruthra/ (ἐρυθρός), ро-ni-ki-jo (φοινίκιος), ро-ru-re-ja / ро-ru-re-jo[/ ро-ru-ro₂ (πορφύρεος). Кроме того, такие обозначения, как TELA+PO или re TELA/ 're' TELA+TE могут пониматься как включающие сокращения цветов²¹. ро-ru-re-ja / ро-ru-re-jo[/ ро-ru-ro связано с процессом окрашивания текстиля с использованием murex shell (πορφύρα): как и в случае ἐϋπλυνής, прилагательное метонимически описывает внешний вид ткани (результат процесса вместо самого процесса) с эффектом переливающегося спектра цветов, которые мерцают и меняются (от кажущегося красного до кажущегося темно-синего или коричневого). Поэтому гомеровское прилагательное ἀλιόρφυρος может как подчеркивать восприятие синего, а не красного, так и указывать на достоверность процесса, в котором используется природный краситель, добываемый из морских моллюсков murex²².

В *Od.* 8.84–85 упоминается плащ Одиссея. Одиссей, чтобы скрыть слезы, вызванные песней Демодока и незаметно совершить возлияние, закрывается плащом: πορφύρεον μέγα φᾶρος ἔλῶν χερσὶ στιβαρήσιν / κάκ κεφαλῆς εἴρουσσε, κάλυψε δὲ καλὰ πρόσωπα.

И этот же плащ появляется ниже в *Od.* 8. 186 с местоимением αὐτός: ἧ ῥα καὶ αὐτῷ φάρει ἀναίξας λάβε δίσκον / μείζονα καὶ πάχετον, / στιβαρότερον οὐκ ὀλίγον περ ἢ οἴῳ Φαίηκες ἐδίσκειον ἀλλήλοισι «в одном плаще Одиссей, поднявшись взял большой и массивный диск...».

Помимо собственно значения, которое уточнено местоимением αὐτός и функцией дательного падежа²³, в этом фрагменте нас интересует метрическая характеристика слова, а именно

²¹ Del Freo, Nosch, Rougemont 2010: 348

²² Bottino, A. P. The Phâros of Laertes: Weaving the Fabric of Epic. Academia. edu.

²³ Об идиоме αὐτῷ φάρει см. комментарий Хойбека (Heubeck, West, Hainsworth, Hoekstra, Russo 1988: 357) и (Monro 1891: 138).

окончанию -ei, которое, как у слов с сигматической основой, можно реконструировать *-ehi < *-esi. Мы уже видели, что в Илиаде эта форма занимала пятую дактилическую стопу фа-ре-и, указывая с большой долей вероятности на существовавшую в микенское время форму *pharwehi. Здесь же мы видим, что дифтонг -ei занимает место краткого гласного в третьей стопе (перед трохеической цезурой)²⁴. Сокращение дифтонга перед гласным обычно объясняется попаданием конечного полугласного элемента дифтонга в интервокальную позицию и кратким гласным перед ним²⁵. Контракция в окончании слов с основой на -s встречается редко и свидетельствует в большинстве случаев не об архаическом контексте, а наоборот об инновации: «diese Contraction immer in Gesellschaft anderer Indicien einer jüngeren Sprachstufe zu Tage kommt»²⁶.

Выводы

Рассмотрев подробно употребление слова фῆρος в поэмах Гомера и в микенских текстах, можно выделить два значения: ткань (в т. ч. погребальная) и верхняя одежда. В контексте погребального обряда фῆρος в значении ткани имеет форму с диерезой — φῆρει и восходит к микенской форме *pharwehi (dat.sg.) со звучащим как полноценный согласный /h/: такое употребление, вероятно, восходит к древнему состоянию эпической традиции²⁷. Напротив, в *Od.* 8. 186 φῆρει имеет сокращение дифтонга и употребляются в значении “плащ”. Говорить об эволюции значения от “ткани” к “плащу” мы не можем, т. к.

²⁴ Перед цезурой как правило происходит удлинение гласного (Chantraine 1958: 215).

²⁵ This conventional shortening of any long vowel or diphthong in hiatus must have originated with the natural prevocalic pronunciation of -ai and -oi as as short vowel + consonantal ‘y’ (Horrocks 1997: 206)

²⁶ Bechtel 1908: 42–46.ff. Речь там идет о стяженном окончании акузатива -ea слов третьего склонения с основой на -s. Слияния в дативе Бехтель называет «исключениями» (ibid. p. 54).

²⁷ В статье, реконструирующей этапы развития гомеровской формулы Γερήνιος ἱπλότα Νέστωρ, Н. Н. Казанский упоминает фрагмент Стихора (M. Davies PMGF. Appendix, fr. 62) в связи с исследованием родословной Эола, в котором появляется фῆρος μέγα в погребальном контексте: Ἐστόλισεν με[γ]α φῆρος ἀνεψιὸς / Αἰόλου Ἴπποτάδα. Таким образом, употребление в сходном контексте слова в архаической поэзии подтверждает наше предположение о древнем состоянии исследуемого места у Гомера (Kazansky 1988: 347).

микенские тексты не позволяют понять, о готовом ли продукте идет речь или о ткани для дальнейшей работы. Но мы можем отметить, что микенское /h/ как согласный игнорируется в контексте Одиссеи в значении «плащ».

Библиография

- Aura Jorro, F. 1985–1993: *Diccionario Micénico*. Vol. I–II. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Filología.
- Barber E. J. W. 2015: Minoans, Mycenaeans and Keftiu. In: Shaw M., Chapin A. (eds). *Woven Threads: Patterned Textiles of the Aegean Bronze Age*. Oxford, 205–238.
- Barber E. J. W. 1991: *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*. Princeton.
- Bakker, E. J. 1991: Peripheral and nuclear semantics in Homeric diction. The case of dative expressions for spear. *Mnemosyne* 44, 63–84.
- Bechtel, F. 1908: *Die Vocalcontraction bei Homer*. Halle an der Saale: Niemeyer, 42–46.
- Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill.
- Braylovskaya A. A. 2021: [Dative athematic ending -ι in Homeric poems and in Ancient Greek dialects]. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. Vol. 25, 177–204.
- Брайловская А. А. 2021: Формы dat. sg. от атематических основ в гомеровских поэмах и древнегреческих диалектах. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 25, 177–204.
- Chantraine, P. 1958: *Grammaire homérique*. Tome I. Phonétique et morphologie. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Chantraine, P. 1977: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.
- Del Freo, M., Nosch, M.-L. Rougemont, Fr. 2010: The Terminology of Textiles in the Linear B Tablets, including Some Considerations on Linear A Logograms and Abbreviations. In: *Textile Terminologies in the Ancient Near East and Mediterranean from the third to the first millennia BC* (eds. C. Michel, and M.-L. Nosch), 338–373. Oxford.
- Edmunds, S. T. 2012: Picturing Homeric Weaving. In: *Donum natalicium digitaliter confectum Gregorio Nagy septuagenario a discipulis collegis familiaribus oblatum* (online edition) <http://chs.harvard.edu/CHS/article/display/4365>.
- Hackstein, O. 2010: The Greek of epic. In: E. J. Bakker (ed.). *A Companion to the Ancient Greek Language* (Malden MA), 401–424.

- Hajnal, I. 2002: Mykenisch e-we-pe-se-so-me-na und die Frage eines frühgriechischen Umlauts. In: *Novalis Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag*, 201–213.
- Heubeck A., West S., Hainsworth J. B., Hoekstra A., Russo J., Fernández-Galiano M. 1988–1992: *A commentary on Homer's Odyssey*. Oxford: Clarendon Press.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In Ian Morris and Barry Powell (eds.). *A New Companion to Homer*. Leiden: Brill, 193–217.
- Janko, R. 1982: Homer, Hesiod and the Hymns. Diachronic Development in Epic Diction (Cambridge).
- Kassian, Korolëv, Sidel'tsev 2002: A. Hittite Funerary Ritual šalliš waštaiš (Alter Orient und Altes Testament 288), Münster: Ugarit-Verlag.
- Kazanskiene, V. P., Kazansky, N. N. 1986: *Predmetno-ponyatiynyy slovar' grecheskogo yazyka. Krito-mikenskiy period*. [The subject and conceptual dictionary of the Greek language. The Cretan-Mycenaean period]. Leningrad: Nauka.
- Казанскене, В. П., Казанский, Н. Н. 1986: *Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период*. Л.: Наука.
- Kazansky, N. N. 1998: [The diachronic aspect of the study of the epic formula]. In: *POLYTROPON. K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova* [POLYTROPON. To the 70th anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow: Indrik, 325–351.
- Казанский, Н. Н. 1998: *Диакронический аспект изучения эпической формулы*. В сб.: *ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*. М.: Индрик, 325–351.
- Kazansky, N. N. 2004: ['Mycenaean literature' and the problem of dialectal layers in Greek Epic Tradition]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 8. St. Petersburg, 88–96.
- Казанский, Н. Н. «Микенская словесность» и проблема диалектной стратификации древнегреческой эпической традиции. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 8, 88-96.
- Kazansky, N. N. 2021. [Verbatim quotation in Homeric speeches (a commentary from Mycenaean perspective on Hom. *Il.* 9 122 sq. = *Il.* 9 264 sq. = *Il.* 19 243 sq.)] In: *Strategii mezhbalkanskoj kommunikacii: Perevod. Pereskaz. Umolchanie* / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макаревич, Т. В. Цивьян. Moscow.
- Казанский Н. Н. 2021. Дословная передача чужой речи в гомеровском эпосе (микенский комментарий к *Il.* 9 122 SQ. = *Il.* 9 264 SQ. = *Il.* 19 243 SQ.). *Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание* / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макаревич, Т. В. Цивьян. — М.
- Melena, L. 1979: *Studies on Some Mycenaean Inscriptions from Knossos Dealing with Textiles* (Suplementos a Minos 5) 115–117.

- Monro, D. B. 1891: *A Grammar of the Homeric Dialect*. Oxford: Clarendon Press.
- Nagy, G. 2008: *Homer the Classic*. *Hellenic Studies Series 36*. Washington, DC: Center for Hellenic Studies.(online edition) <https://chs.harvard.edu/read/nagy-gregory-homer-the-classic/#>
- Ruijgh, C. J. 1995 : D'Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique. Analyse dialectologique du langage homérique, avec un excursus sur la création de l'alphabet grec. In: J. P. Crielaard (ed.), *Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology* (Amsterdam), 1–96.
- Shelmerdine, C. W. 2008: Mycenaean society. In: *A Companion to Linear B: Mycenaean Greek Texts and their World*. Vol. 1 (eds. Y. Duhoux, and A. Morpurgo Davies), 115–158.
- Varias, C. 2010: The Textile Industry in the Argolid in the Late Bronze Age from the Written Sources. *Aegaeum* 33: 155–161.
- West, M. L. 1988: The Rise of the Greek Epic. *Journal of Hellenic Studies* 108, 151–72.
- West, M. L. 1997: Homer's meter. In: *A new companion to Homer by I. Morris B. Powell*, 225–227.
- West, M. L. 2007: *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford.

DOI: 10.30842/ielcp230690152746

Н. А. Кузнецова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
ku02@yandex.ru

А. С. Смирнова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Россия. asmirnova@iling.spb.ru

ЦИТАТЫ ИЗ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ В СОЧИНЕНИЯХ М. ЛОМОНОСОВА: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОММЕНТАРИЕВ

Статья посвящена источникам греческих цитат в сочинениях М. Ломоносова. Отсутствие традиции точного цитирования в XVIII в. создает трудности для современных исследователей, а цитирование не-латинских авторов осложняет задачу вопросом, с какого языка был сделан перевод. В результате анализа всех имеющихся по этому вопросу исследований авторы предлагают сводную таблицу, в которой представлена актуальная информация для каждой греческой цитаты, а также новые источники.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, риторика, древнегреческий язык, переводная литература XVIII в.

N. A. Kuznetsova
Institute for Linguistic Studies, RAS. St.Petersburg, Russia. ku02@yandex.ru
A. S. Smirnova
Institute for Linguistic Studies, RAS. St.Petersburg, Russia. asmirnova@iling.spb.ru

The quotations from Ancient Greek authors in Mikhail Lomonosov's works: analysis of studies and commentaries

The article focuses on the sources of Greek quotations in Mikhail Lomonosov's works. The lack of a tradition of exact quotations in the 18th century creates difficulties for modern researchers, and quotations from non-Latin authors complicate the task by the question of what language the translation was made from. As a result of an analysis of all available studies on the subject, the authors propose a summary table, which provides relevant information for each Greek citation.

Keywords: M. V. Lomonosov, rhetoric, Ancient Greek, translated literature of XVIII century.

Изучение наследия М. В. Ломоносова — как художественного, так и научного, — невозможно без установления источников его творчества. Многие вопросы до сих пор остаются

дискуссионными, в частности — использование М. Ломоносовым древнегреческих источников.

Этот вопрос неоднократно привлекал внимание исследователей. Редкие ссылки в трудах Ломоносова — в соответствии с духом времени — не балуют исследователя сведениями. Какой именно текст процитирован, как правило, устанавливается усилиями комментаторов. Так, уже в XVIII веке издатель сочинений Ломоносова архимандрит Дамаскин собрал фрагменты встречающихся в его текстах античных авторов, в том числе — греческих авторов, с латинским подстрочником (Damaskin 1778: 409–418), однако он сделал исключение для греческих текстов Гомера (Damaskin 1778: 428–431). А. С. Будилович изучил и сопоставил некоторые фрагменты переводов с оригиналами в ломоносовском «Кратком руководстве к красноречию» (КРК) (Budilovich 1869: Prilozhenie III). Уже собранные у Будиловича параллели показывают, что многие цитаты в КРК могли быть взяты Ломоносовым из других риторических сочинений, — в первую очередь, у Н. Коссена и И. Готшеда. Результаты Будиловича были использованы и дополнены в комментариях М. И. Сухомлинова к академическому собранию сочинений Ломоносова. Сухомлинов также сопоставляет ломоносовскую «Древнюю Российскую историю» (ДРИ) с прямо упоминаемыми в ней текстами в т. ч. Геродота, Прокопия Кесарийского и византийского историка Георгия Кедрина. Результаты Будиловича и Сухомлинова до сих пор сохраняют актуальность, однако их использование сопряжено с определенными трудностями. Первая трудность связана с тем, что комментаторы не ставили перед собой задачу дать точную отсылку к оригинальной цитате из античного автора. Помимо этого, есть и другая трудность: предполагаемый источник попавшей к Ломоносову цитаты нередко приводит ее на двух языках. Так, в риторических пособиях греческий текст обычно сопровождается построчным переводом на тот язык, на котором написана соответствующая риторика. Возникает вопрос, насколько Ломоносов учитывал этот перевод. Для большинства авторов этот вопрос не решен до сих пор.

Начиная со второй половины XX в. исследователи предпринимают попытки описать библиотеку Ломоносова и установить конкретные издания, которыми Ломоносов мог пользоваться. Важную роль здесь сыграл труд Г. М. Коровина, сопоставившего упоминаемых Ломоносовым авторов с конкретными изданиями, — теми, которые непосредственно находились в

личной библиотеке Ломоносова или могли быть ему доступны. В частности, у Коровина описано именно то издание Коссена, которым пользовался Ломоносов¹, а также то издание Геродота в латинском переводе Лоренцо Валлы, на которое ссылается Ломоносов. Однако достигнутые Коровиным результаты в ряде случаев также не могут быть использованы безоговорочно: когда Ломоносов упоминает какого-либо античного автора, Коровин подбирает издание соответствующего автора, не ставя вопрос о возможных заимствованиях не из первоисточника. Иногда встречаются и ошибочные сведения. Этот труд позже был дополнен монографией «Судьба библиотеки и архива Ломоносова», в которой сообщается о слиянии библиотеки Ломоносова с библиотекой Г. Г. Орлова и приводится каталог последней (Kul'abko, Beshenkovskiy 1975: 148–215), а также недавним изданием «Библиотека М. В. Ломоносова» (Bel'aeva 2010).

В середине 20 в. при подготовке материалов к тому 7 Полного собрания сочинений (риторические сочинения) при участии А. И. Доватура были сверены все цитаты, и ссылки в томе даны в общепринятом на сегодня для филологов-классиков виде (Lomonosov 1959). Следует отметить, что в этом издании собрания сочинений, как правило, не ставится вопрос о конкретных книгах, которыми пользовался Ломоносов. Таким образом, комментарий к 7 тому упростил поиск соответствующих цитат и показал те античные источники, которые использовал Ломоносов. В переиздании ПСС 2011 г. — особенно в отношении КРК — выбран другой подход: опираясь на комментарии Сухомлинова, издатели указывают непосредственный источник, из которого заимствована цитата; и, в случае КРК, нередко риторические трактаты. К сожалению, это сделано непоследовательно: в комментариях приводится издание Коссена 1630 г., по которому М. Сухомлинов указал параллели в ломоносовской риторике, хотя Ломоносов работал с изданием Коссена 1626 г.; а часть этих параллелей вовсе не учтена. Комментарий к другим томам обоих собраний сочинений Ломоносова нередко воспроизводит сведения Сухомлинова

¹ Обнаруженная в Государственном литературном музее книга была передана в Музей М. В. Ломоносова в 1948 г. (Bel'aeva 2010: 109). Книга Коссена переиздавалась неоднократно при жизни автора, и каждый раз в текст вносились изменения, поэтому год издания важен.

(например, комментарий к ДРИ²). Таким образом, следует признать, что несмотря на огромную проделанную работу, комментарии к сочинениям Ломоносова и описания его библиотеки еще не дают окончательного ответа на вопрос, какие тексты Ломоносов непосредственно цитирует.

Существуют также работы, посвященные отдельным источникам Ломоносова. А. Н. Егунов подробно изучал ломоносовские переводы Гомера и считает, что они сделаны с подлинника, но не исключает использование иноязычных переводов (Егунов 1962: 197–218). В сер. XX в. Г. Кайперт отметил расхождения с греческим текстом в переводе диалога XII из «Разговоров в царстве мертвых» Лукиана (Keipert 1967: 134–143)³. В 2016 г. Н. Марчалис опубликовала статью, в которой она проанализировала популярность «Разговоров» (и особенно — XII разговора) Лукиана в первой пол. XVIII в., что, по мнению исследовательницы, повлияло на включение Ломоносовым диалога в «КРК», далее Марчалис сопоставила греческий текст Лукиана с переводами — латинским, французским и русским, и не остается сомнений в том, что русский перевод был выполнен с французского перевода Николя Перро д'Абланкура (Marcialis 2016; 2018)⁴. Отдельные публикации посвящены проблеме перевода анакреонтических стихов (Dan'ko 1940, Егунов 1962: 198–199, Lappo-Danilevskiy 2015: 177–235). Таким образом, чтобы понять, какой античный источник Ломоносов может цитировать, и не взята ли эта цитата из какого-то промежуточного источника, уже необходимо сопоставлять сведения, приводимые разными исследователями. Кроме того, круг возможных промежуточных источников Ломоносова до сих пор уточ-

² Эти сведения требуют проверки. Например, как указывает Коровин (Korovin 1961: 275–6), есть вероятность, что труд Прокопия Кесарийского был знаком Ломоносову по латинскому переводу, опубликованному в собрании Муратори; между тем, у Сухомлинова приведены греческие цитаты (например, Sukhomlinov 1902: 186–7 (2я паг.)). Цитаты из Геродота Сухомлинов также приводит по-гречески (напр. Sukhomlinov 1902: 184 (2я паг.)), хотя речь может идти о латинском переводе Лоренцо Валлы (см. выше).

³ В статье, посвященной источникам КРК, А. Костин мимоходом сообщает, что Ломоносов переводил диалог с французского перевода Н. Перро д'Абланкура (Kostin 2015: 27, п. 44).

⁴ Это впоследствии не совпало с ломоносовскими взглядами на перевод.

няется⁵. Наконец, есть множество свидетельств того, что Ломоносов в ряде случаев учитывает существовавшие переводы с древнегреческого на другие языки.

Определенное представление об использовании Ломоносовым древнегреческих и византийских текстов дает предлагаемая ниже сводка. В ней сопоставлены ссылки на цитируемые Ломоносовым пассажи с наиболее вероятным непосредственным источником Ломоносова, — конкретным изданием, в котором он мог встретить цитату. В большинстве случаев сведения собраны нами из упомянутой выше литературы, однако потребовались уточнения к ссылкам на античных авторов, большей частью взятым из изданного в середине XX в. Полного собрания сочинений Ломоносова. Также установлен ускользнувший от внимания комментаторов источник славянских переводов Василия Великого и Иоанна Дамаскина, не указанный Коровиным⁶. Кроме того, учтены установленные Будиловичем и Сухомлиновым соответствия между КРК и другими доступными нам риторическими сочинениями, однако ссылки скорректированы по изданию (Caussini 1626). В тех случаях, когда источник установлен ориентировочно, поставлен знак вопроса. Для каждой цитаты указан язык, на котором приведены примеры.

⁵ Например, в недавней статье (Kostin 2015) в качестве одного из источников КРК Ломоносова указаны книги И. Фосса (Vossi 1643) и Я. Мазена (Maseni 1678). Действительно, в них обнаруживаются фрагменты, процитированные в КРК. *Institutiones* Фосса было популярным и распространенным риторическим пособием. Однако в каталоге Орлова зафиксировано более позднее издание Фосса (Vossi 1685), в котором часть цитат — в том числе, тех, по которым исследователи обнаруживают сходство с цитатами в КРК, — отсутствует, а книга Мазена вовсе не упоминается в описаниях библиотеки и возможных источников, а также среди списков книг, которые составлял Ломоносов. Книги этих авторов — Фосс даже в нескольких изданиях — обнаруживаются в каталоге БАН, описывающем собрание книг до середины XVIII в. Несмотря на сходство некоторых цитат в КРК с цитатами у Фосса (1643) и Мазена (1678), невозможно с уверенностью предполагать, что Ломоносов пользовался этими книгами, а не имел перед собой другой источник, составленный, в частности, по этим пособиям. Это предположение возникает из сопоставления текста около цитаты в КРК и упомянутых пособий.

⁶ Благодарим коллегу М. Г. Шарихину за помощь в обнаружении источника — книги Епифания Славинецкого (1665).

Анакреонтика ⁷		
Anacreontea, 7 West	«Мне девушки сказали...» («Разговоры с Анакреонтом») Lomonosov 1959: 763	Dacier 1716: 36–38 (Gr, Fr).
Anacreontea, 16 West	«Мастер в живописстве первой...» («Разговоры с Анакреонтом») Lomonosov 1959: 764– 765	Dacier 1716: 78–85 (Gr, Fr).
Anacreontea, 23 West	1) Ранний перевод (до 1738 г.) — Lomonosov 1959, 14) 2) Поздний пер. (до 1761 г.) — («Разговоры с Анакреонтом») Lomonosov 1959: 761	Dacier 1716: 2–5 (Gr, Fr); стихотворный перевод де ла Фоссе там же, 3–4 (2-я арабская паг.); Gottsched 1733: 160-167 (De, Fr, It, Eng, Lat)
Anacreontea, 33 West	«Ночною темнотою...» КРК, §309	Dacier 1716: 8–13 (Gr, Fr) р. 3–4 (2я паг.); Gottsched 1733: 364 (Lat)

⁷ В ломоносовском переводе известно 5 анакреонтических стихотворений. Судя по обнаруженным в 1940 г. Е.Я. Данько записям в ломоносовском конспекте работы Готшета о переводах *Anacr.* 1 (Gottsched 1733: 160–167), Ломоносов сделал собственный первый перевод этого стихотворения, изучив все переводы на пяти языках (Dan'ko 1940). Также через посредство Готшета Ломоносов был знаком с латинской версией *Anacr.* 3 (Gottsched 1733: 364). Вероятно, остальные анакреонтические стихотворения Ломоносов переводил по греческо-французскому изданию (Dacier 1716), приобретенному им во время учебы в 1738 г. (Kogovin 1961: 319–320). Поиск издания приобретенных Ломоносовым анакреонтических стихотворений (Dacier 1716) привел нас к двум вариантам книги. Мы обнаружили издание с комментарием и прозаическим французским переводом, а также то же издание с добавленной к нему книгой стихотворных переводов де ла Фоссе. Ответить на вопрос, какая книга была у Ломоносова, можно после сопоставления его переводов из Анакреонтики с переводами де ла Фоссе.

Anacreonteia, 36 West	«Когда бы нам возможно / Жизнь было продолжить..» («Разговоры с Анакреонтом») Lomonosov 1959: 761	Dacier 1716: 68–70 (Gr , Fr)
Василий Великий ⁸		
Homilia I in Hexaameron PG 29, 8С	«Яко же бо скудельник» «Явление Венеры на Солнце» Lomonosov 1955: 374	«Беседа 1» (Slavineckiy 1665: Л. 1 об.-а. (3-я паг.)) (Рус)
Homilia I in Hexaameron PG 29, 24А	«Аще когда во псалмех...» («Явление Венеры на Солнце») (Lomonosov 1955: 372)	«Беседа 1» (Slavineckiy 1665: Л. 3 об.-б (3-я паг.)) (Рус)
Homilia III in Hexaameron PG 29, 92В	«Кая потреба слова...» («Явление Венеры на Солнце») (Lomonosov 1955: 372)	«Беседа 3» (Slavineckiy 1665: Л. 8 об.-а (3-я паг.)) (Рус)
Homilia III in Hexaameron PG 29, 73А	«В проклятстве Израилю...» («Явление Венеры на Солнце») (Lomonosov 1955: 373)	«Беседа 3» (Slavineckiy 1665: Л. 11а (3-я паг.)) (Рус)
Homilia IV in Hexaameron PG 29, 91В-92В	«И виде бог...» («Явление Венеры на Солнце») (Lomonosov 1955: 373)	«Беседа 4» (Slavineckiy 1665: Л. 14а (3-я паг.)) (Рус)

⁸ Издание, из которого Ломоносов берет цитаты из Василия Великого и Иоанна Дамаскина, установлено еще М. И. Сухомлиновым (Sukhomlinov 1902, 76–77 (2-я паг.), который не конкретизирует ни того, какой текст цитируется, ни того, на каких страницах его искать, и допускает некоторые неточности: год издания назван 1656. Сухомлинов приводит также рукописные заметки Ломоносова, и, судя по ним, оказывается, что изначально Ломоносов выбрал больше примеров из перевода Епифания Славинецкого. Коровин приводит для Василия Великого и Иоанна Дамаскина совсем другие издания (Korovin 1961, 346–347), однако эти сведения не подтверждаются.

Гомер ⁹		
П. 8, 1–15	КРК, §152	? Homeri Ilias graece et latine. Ad praestantissimas editiones accuratissime expressa. Opera M. Ioan. Georgii. Hageri Rect. Chemn. Vol. I–II. Chemnicii: apud Fratres Stoesselios, 1745–1753.
П. 9, 225–261	КРК, §114+ ссылка на §114 в §122	? Homeri Ilias graece et latine. Ad praestantissimas editiones accuratissime expressa. Opera M. Ioan. Georgii. Hageri Rect. Chemn. Vol. I–II. Chemnicii: apud Fratres Stoesselios, 1745–1753.
Иоанн Дамаскин ¹⁰		
Expositio fidei. II, 6 (PG 94, 884B)	«Обаче аще же тако...» («Явление Венеры на Солнце»), Ломоносов 1955: 373	Издание опасное православной веры. Книга вторая. Глава 6. О небеси (Slavineckiy 1665 Л. 13-б (6я паг.)) (Рус)
Expositio fidei. II, 6 (PG 94, 884B-C)	»Есть убо небо небесе ...» («Явление Венеры на Солнце»), Ломоносов 1955: 373–374	Издание опасное православной веры. Книга вторая. Глава 6. О небеси (Slavineckiy 1665 Л. 13-б (6я паг.)) (Рус)
Георгий Кедрин		
Synops., 386, B-C	КРК, §64	Caussin. 1626: 181 (Lat)
Геродот ¹¹		

⁹ Изучение записей Ломоносова на полях «Илиады», а также знакомство с его черновыми записями позволяют прийти к выводу о том, что он специально изучал как греческий текст, так и латинский перевод поэмы (Дан'ко 1940: 252; Бел'аева 2011: 123–124). Бросается в глаза, что большинство помет Ломоносова в книге относится к первым пяти песням «Илиады» (Бел'аева 2010: 124), однако в итоге для КРК Ломоносов выбирает примеры из песен 8 и 9.

¹⁰ См. сн. 8.

III, 34	КПК §227	? Vossi 1643: V, 414 (Gr, Lat)
Григорий Назианзин		
In laudem Heronis philos., PG 35, 1212B	КПК, §52	Caussin. 1626: 224–225 (Gr, Lat)
Демосфен ¹²		
In Aristogitonem I, 51–52	КПК, §52	Caussin. 1626: 203 (Gr, Lat)
Phil. 2, 20–21	КПК, §71	Gottsched 1736: 141–142 (De)
Phil. 1, 46–47	КПК, §71	Gottsched 1736: 137 (De)
Диодор Сицилийский ¹³		
Bibl. Hist. 2, 31, 9	«Первые основания металлургии, или рудных дел», Lomonosov 1954: 616	? (Lat)
Иоанн Златоуст		
Ad populum Antiochenum Homilia XIV, 1 (PG 49, 144)	«И как я прежде вас просил ...» КПК, §110	Caussin. 1626: 414 (Gr, Lat)
Quod nemo laeditur, nisi a seipso, 3 (PG 52, 462–463)	«Почему конь добрым называется...» КПК, §52	Caussin. 1626: 225 (Gr, Lat)
Quod nemo laeditur, nisi a seipso, 6 (PG 52, 466)	«Ныне, отняв ларву, ...» КПК, §52	Caussin. 1626: 226a (Gr, Lat)

¹¹ См. сн. 13.

¹² Цитаты из этих речей в §71 КПК М. Сухомлинов обнаружил в риторике Готшеда (Sukhomlinov 1895: Primech. 356).

¹³ Источник цитаты из (Diod. Sic. *Bibl. Hist.* 2, 31, 9) нам не известен, но, предположительно, она переведена с латинского текста.

Quod nemo laeditur, nisi a seipso, 6 (PG 52, 467)	«Отчаянное некоторое бешенство...» КРК, § 59	Caussin. 1626: 226b–227a (Gr, Lat)
Клавдий Элиан		
III, 1	КРК §290	Caussin. 1626: 578–579 (Lat)
Лукиан		
Dial. Mort. XII	КРК §283	Perrot 1664: 128–132 (Fr)
Nauig. 5–6	КРК, §293	Caussin. 1626: 590 (Gr, Lat)
Сапфо (со ссылкой на соч. Деметрия Фалерского) ¹⁴		
Sapph. 123	КРК, §198	? Vossi 1643: IV, 233 (Gr, Lat)
Феофилакт Симокатта		
Theophyl. 61	КРК §62	Caussin. 1626: 585 (Gr, Lat)

¹⁴ Параллели для примеров Herodot. III, 34 и Sapph. 123 обнаруживаются в риторике Фосса, такого количества слишком мало, чтобы уверенно говорить, что Ломоносов взял их именно из этой латинской риторики, поэтому в таблице данный источник отмечен знаком вопроса. Кроме того, к найденным в риторике Фосса цитатам и параллельным местам в КРК отличается подводящий к примеру текст, что заставляет нас сомневаться в этом источнике. Так, перед примером *гиперболы* Ломоносов делает уточнение о стихах Сапфо:

Иперболы иногда умягчаются: ... Управлением какое в пример приводит Димитрий Фалерей из потерянных стихов древняя стихотворица Сафы (Lomonosov 1959: 7, 256).

У Фосса другое содержание:

Est & altera leniendi ratio, quam ex Sapphone docet Demetrius (Vossi 1643: IV, 233).

Ломоносов упоминает о том, что стихи Сапфо утрачены и добавляет Деметрию его прозвище «Фалерей», а Сапфо — «стихотворица». Фосс же коротко сообщает о том, что есть другой способ смягчения (гиперболы), который цитирует Деметрий из Сапфо.

Филострат Младший		
Pict. I, 6	КПК, §299	Caussin. 1626: 591 (Gr, Lat)
Pict. I, 6	КПК, §300	Caussin. 1626: 598 (Gr, Lat)
Элий Аристид		
Or. 15, 231 Jebb	КПК, §153	Caussin. 1626: 498 (Gr, Lat)
Or. 15, 231–2 Jebb	КПК, § 57	Caussin. 1626: 498–499 (Lat)
Or. 41, 512–3 Jebb	КПК, §100	Caussin. 1626: 366 (Gr, Lat)

В отличие от большинства собранных нами случаев в КПК, в «Древней Российской истории» Ломоносов обычно не цитирует, а пересказывает упоминаемых им авторов, что затрудняет определение цитируемых мест. Включенные в таблицу указания на цитаты из Прокопия Кесарийского представлены по латинскому изданию (Muratori 1723), о работе над которым Ломоносов сам упоминает (Lomonosov 1957: 10, 390; Kogovin 1961: 275–276). Также в том, что Ломоносов читал именно латинский текст, нас убеждает использование им в русских переводах терминов латинского происхождения, напр.: «стипатор» — лат. *stipator* — греч. δορυφόρος (*Procop. Caes. III, 38*); «император» — лат. *Imperator* — греч. βασιλεύς (*Procop. Caes. III, 40*)¹⁵.

¹⁵ Здесь речь идет об императоре Юстиниане. Когда Ломоносов не переводит, для упоминания того же Юстиниана он употребляет слово «царь» (Lomonosov 2011: 6, 112).

BG III, 13	[Возражения на дисс. Миллера] т. 6, 38 (Lomonosov 2011: 30)	Muratori 1723: 312 (Lat)
BG III, 14	ДРИ, с. 183–184 (Lomonosov 2011: 106–107)	Muratori 1723: 313 (Lat)
BG III, 38; 40	ДРИ С. 191–194 (Lomonosov 2011: 112–114)	Muratori 1723: 332– 333; 334–335 (Lat)
BG IV, 3	ДРИ, с. 202 (Lomonosov 2011: 120)	Muratori 1723: 337 (Lat)

Литература

- Bel'аeva I. M. (ed.) 2010: *Biblioteka M.V. Lomonosova* [Lomonosov's Library]. Moscow.
- Беляева И. М. (ред.) 2010: *Библиотека М.В. Ломоносова*. М.: Изд-во «ЛОМОНОСОВЪ».
- Budilovich A. 1869: *M. V. Lomonosov kak naturalist i filolog* [M. V. Lomonosov as naturalist and philologist. With appendices containing materials to explain his essays on the theory of language and literature]. St. Petersburg.
- Будилович А. 1869: *М.В. Ломоносов, как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности*. СПб.
- Caussinus N. 1626: *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Ed. 2. Coloniae Agrippinae: Sumptibus Bernardi Gvalteri.
- Dacier A. 1716: *Les poesies d'Anacreon et de Sapho, traduites en François avec des remarques*. Amsterdam: Chez La Veuve de Paul Marret.
- Damaskin D. E. 1778: *Pokoynago statskago sovetnika i professora Michaily Vasil'evicha Lomonosova sobranie raznyh sochineniy v stihah i v proze* [The late M.V. Lomonosov's collected works of different verses and prose]. Moscow.
- Дамаскин (Семенов-Руднев Д. Е.) 1778: *Покойнаго статскаго советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе*. М.: Имп. Моск. Ун-т. Кн. 2. С. 335–453.
- Dan'ko E. Ya. 1940: [Unpublished materials about Lomonosov]. *XVIII vek. Sbornik* [Collection] 2. Moscow; Leningrad. P. 248–275.
- Данько Е. Я. 1940: Из неизданных материалов о Ломоносове. *XVIII век. Сборник 2*. М.; Л. С. 248–275.
- Egunov A.N. 1962: [Lomonosov as a Homer's translator]. *Literaturnoe tvorchestvo Lomonosova* [Lomonosov's works in literature]. Moscow, Leningrad. P. 197–218.

- Егунов А. Н. Ломоносов — переводчик Гомера. *Литературное творчество Ломоносова*. М.; Л., С. 197–218.
- Gottsched 1733: Versuch einer Uebersetzung Anacreons in reimlose Verse. *Beiträge zur Critischen Historie der Deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit*. Fünftes Stück. Leipzig: Bey Bernhard Christoph Breitkopf. S. 152–168.
- Gottsched J. C. 1736: *Ausfuerliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Roemer, wie auch der neuern Auslaender, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erlaeutert*. Leipzig.
- Keipert, H. 1967: Zur Quellenfrage von Lomonosovs zweiter “Rhetorik”. *Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag*. Heidelberg: C. Winter. S. 134–143.
- Korovin G. M. 1961: *Biblioteka Lomonosova [Lomonosov’s Library]*. Moscow, Leningrad.
- Коровин Г. М. 1961: Библиотека Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Kostin A. A. 2015: [Cultural History of M.V. Lomonosov’s “Short Guide to Eloquence” in the Light of Compilations (New Materials)]. *Slavica Revalensia*. Vol. 2. 9–34.
- Костин А. А. 2015: Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы). *Slavica Revalensia*. Vol. 2. 9–34.
- Kul’abko E. S., Beshenkovskiy E. B. 1975: *Sud’ba biblioteki i arhiva M.V. Lomonosova [The Fate of M. Lomonosov’s Library and Archives]*. Leningrad.
- Кулябко Е. С. Бешенковский Е.Б. 1975: *Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова*. Л.: Изд-во «Наука».
- Lappo-Danilevskiy K. Ju. 2015: [“A Poem of Anacreon from Teos” (1794) as the art ensemble]. *XVIII vek*. Sb. 28. Moscow; Leningrad. P. 177–235.
- Lomonosov M.V. 1952: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]*. T. 7. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов М.В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л.: Наука.
- Lomonosov M.V. 1955: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]*. T. 4: *Trudy po fizike, astronomii i priborostroeniyu [Vol. 4: Proceedings in physics, astronomy and instrument engineering]*. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов М.В. 1955: *Полное собрание сочинений*. Т. 4: *Труды по физике, астрономии и приборостроению*. М.; Л.: Наука.
- Lomonosov M.V. 1959: *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]*. T. 8: *Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi [Vol. 8: Poetry, oratorical prose and dedications]*. Moscow, Leningrad.

- Ломоносов М.В. 1959: Полное собрание сочинений. Т. 8: *Поэзия, ораторская проза, надписи*. М.; Л.: Наука.
- Lomonosov M. V. 2011: *Polnoe sobranie sochineniy* [*Complete Works: in 11 volumes.*]. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg.
- Ломоносов М. В. 2011–2012: *Полное собрание сочинений*: В 11 т. 2-е изд-е. М.; СПб.: Наука.
- Perrot N. 1664: *Lucien*. De la traduction de N. Perrot Sr. d'Ablancourt. Paris: Chez Thomas Iolly. P. 128–132.
- Marcialis N. 2016: Alessandro, Annibale E Scipione: Un Capitolo Della Fortuna Di Luciano Di Samosata In Russia. *Traduzioni e rapporti interculturali degli Slavi con il mondo circostante*. Roma. P. 69–89.
- Marcialis N. 2018: [Alexander, Hannibal and Scipio: Dialogue XII of Lucian of Samosata between Nicolas Perrot d'Ablancourt and Mikhail Lomonosov]. *Miry literaturnogo perevoda* [*Worlds of Literary Translation*]. In 2 Vol. Vol. 1. *Perevodchik I avtor: na puti k ideal'nomu tekstu* [*Translator and author: on the way to a perfect text*]. Moscow. P. 81–88.
- Марчалис Н. 2018: Александр, Ганнибал и Сципион: Диалог XII Лукиана Самосатского между Никола Перро д'Абланкур и Михаилом Ломоносовым. *Миры литературного перевода*. В 2-х т. Том I. *Переводчик и автор: на пути к идеальному тексту*: Материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы. М. С. 81–88.
- Muratori L.A. 1723: *Historiarum sui temporis de bello gothico libri quatuor ex interpretatione Claudii Maltreti*. In: Lodovico Antonio Muratori. *Rerum Italicarum scriptores...* Tomus primus... Mediolani, Societas Palatinae.
- PG 29 — *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 29 : S. P. N. Basilii, Caesareae Cappadociae Archiepiscopi, Opera omnia quae exstant. Paris, 1857.
- PG 35 — *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 35 : S. P. N. Gregorii Theologi... Opera quae exstant omnia. Tomus primus. Paris, 1857.
- PG 49 — *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 49 : S. P. N. Joannis Chrysostomi... Opera omnia quae exstant, vel quae ejus nomine circumferuntur. Tomi secundi pars prior. Paris, 1862.
- PG 52 — *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 52 : S. P. N. Joannis Chrysostomi... Opera omnia quae exstant, vel quae ejus nomine circumferuntur. Tomi tertii pars posterior. 1862.

- PG 94 — *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Ed. J.-P. Migne. T. 94 : S. P. N. Joannis Damasceni ... Opera omnia quae exstant, et ejus nomine circumferuntur. Tomus primus. Paris, 1864.
- Slavinetskiy E. 1665: *Sbornik perevodov Epifaniya Slavinetskogo* [Collected Translations of Epiphaniy Slavinetskiy]. Moscow.
Славинецкий Е. 1665: *Сборник переводов Епифания Славинецкого*. М.
- Sukhomlinov M. I. 1895: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M.I. Sukhomlinova* [Lomonosov's Works with Notes of M.I. Sukhomlinov]. Vol. 3. St. Petersburg.
Сухомлинов М. И. 1895: *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 3. СПб.
- Sukhomlinov M. I. 1902: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova* [Lomonosov's Works with Notes of M. I. Sukhomlinov]. Vol. 5. St. Petersburg.
Сухомлинов М. И. 1902: *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 5. СПб.
- Vossius G. I. 1643: *Commentariorum Rhetoricorum sive Oratoriarum institutionum, libri sex*. Lugduni Batavotum: Ex Officina Ioannis Maire.

Ю. К. Кузьменко

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
jk7559873@gmail.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ РУНЫ R (𐀀) ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ В НАДПИСЯХ МЛАДШИМИ РУНАМИ

Новое значение руны **R** в датских и шведских надписях младшими рунами (/e/, /æ/ или /ē/) следует связывать с лабиализацией передних гласных перед губными согласными, которая была характерна для части ютландских датских и шведских диалектов. Это изменение произошло также и в очень частотном в рунических надписях на камнях предлоге *eftiR* (> *øftiR*) «в память о». Значение руны **R** как /ø/ в предлоге /øftiR/ (**RftiR**) в области лабиализации было воспринято как обозначение /e/ или /æ/ теми руническими мастерами, в языке которых не было лабиализации (*eftiR*), и таким образом, формы типа **RftiR** (*øftiR*) были интерпретированы ими как формы с /e/ или /æ/ (*æftiR*). Распространение руны **R** для обозначения гласных сравнивается в статье с изменением в датских и шведских диалектах с лабиализацией передних гласных перед губными согласными.

Ключевые слова: рунология, младшие руны, руна **R**, историческая фонология, диалектология.

Yury Kuzmenko

Institute for Linguistic Studies, RAS, St.-Petersburg, Russia.
jk7559873@gmail.com

Rune R (𐀀) as designation of vowels in younger runic inscriptions

The new meaning of the **R** rune in the Danish and Swedish younger runic inscriptions (/e/, /æ/ or /ē/) must be associated with the labialization of front vowels before labial consonants that occurred in the Jutlandic dialects of Denmark and in some Swedish dialects. This change affected also a very frequent preposition *eftiR* (> *øftiR*) «after, in the memory of » in runic inscriptions. The designation of /ø/ by the rune **R** in the preposition /øftiR/ in the area of labialization was perceived as /e/ or /æ/ by those runic masters whose language did not have labialization of front vowels before labial consonants, and thus the forms **RftiR** (*øftiR*) were reinterpreted by them as forms with /e/ or /æ/ (*æftiR*). The distribution of **R** as a rune designating vowels is compared in the paper with the developments in those Danish and Swedish dialects that have the labialization of front vowels before labial consonants.

Key words: runology, younger runes, rune **R**, historical phonology, dialectology.

1. Материал (обозначение долгих и кратких фонем /i e æ y/ руной R)

Еще до исчезновения различий между двумя *r*, которые обозначались и в старшем и в младшем футарке двумя разными рунами **R** (𐀀) и **r** (𐀁), руна **R**¹ стала обозначать не только одно из *r*², но и гласную фонему. Рассмотрим вначале подробнее все известные нам случаи употребления руны **R** в значении гласного. **R** используется в шведских и датских надписях для обозначения долгого /ē/ в словах *fēlaga* Akk. (Vg 112, DR 127)³, *lēt* pret. sg. (U 60, U 590, DR 55) и *lētu* pret. pl. (U 124, U 593). В одной надписи (Sö 82) **R** обозначает новое долгое /ē/, развившееся из исконного дифтонга (**fraitRn** *Frøystēn*). Можно предположить, что в имени *Āskill* **R** обозначает долгое /æ/ — **Rskil** (*Āskil* ask., Ög 179)⁴. В большинстве случаев в шведских и датских надписях младшими рунами руна **R** обозначает краткое /e/ или /æ/, см. **trRk** *dræng* ask. (Vg 112 и DR 127), **Rs** *æs* (Ög 83), **sRti** *sætti* (Vg 104), **þRkn** *þægn* (Vg 101 N, 103), **þRnsR** *þænnsi* (Vg 104), **uRstr** *vestr* (Ög 83), **gRra** *gæra* (U 947). Произношение **R** как /e/ или /æ/ в этих случаях подтверждается тем, что в большинстве надписей гласная фонема в этих словах обозначается рунами **i**, **e** или **a**⁵. Иногда **R** обозначает и исконное краткое /i/, которое в некоторых случаях уже, возможно,

¹ В дальнейшем вместо рун будет использована только их транслитерация. В соответствии с транслитерационной рунической традицией **e** обозначает пунктированное **i**, **y** — пунктированное **u**.

² Существует несколько предположений о качестве второго *r*. Наиболее убедительной кажется его интерпретация как раскатистого сибиланта (Steblin-Kamenskiy 1966: 35)

³ Все примеры с обозначением номера надписи взяты из базы данных RUNDATA

⁴ Традиционно предполагается, что первой фонемой в имени *Āskill/Åskill* было долгое /ā/ или долгое /æ/, которые обычно обозначались в нем рунами **a**, **e** или **i** (Peterson 2002: 31). Возможно, действительно руна **R** в этом имени в надписи Ög 179 обозначает долгое /æ/. Однако, поскольку такое обозначение оказывается единственным случаем употребления **R**, возможно существовали и варианты этого имени с сократившимся /æ/ или /ā/ (*Āskill*, *Askil*). О существовании краткого гласного в начале этого имени свидетельствует отсутствие перехода /ā /> /ō/ в форме *Askel*.

⁵ Ср. формы **trik**, **trak**, **trek**; **as**, **es**; **sati**, **seti**, **siti**; **þagn**, **þegn**, **þign**; **þansi**, **þensi**, **þinsi**, **uastr**, **uestr**, **uistr**; **gera**, **gara**, **kerua**; **eskil**, **askil**, **iskil**

стало /e/ **bRkia** *bipia* U 590, **uRþa** *Vipa* (gen. от *Vipi*) U 60, **uRþbian** *Vipbiorn* U 537, **RkRkriþnr** *Ingifrþar* U 60, **isRn sinn/senn**⁶ Vs 4, Sö 82. Ранний переход /i/ > /e/ (или /ə/) следует предположить и для безударного положения, см. **arfR** *arfi* U 590, **irfRkR** *ærfingi* U 60, **skibarR** *skipari* DR 363, **tasR** *Tassi* U 93, ср. также обозначение безударного гласного в предложении *eftir* см. формы **eftar**, **eftaR**, **efteR**, **ifteR**, **ifte**, свидетельствующие о том, что краткое /i/ в слове *eftir* было либо /e/, либо /æ/, либо безударным /ə/, см также обозначение руной **R** безударного гласного в предложении *eftir* (**aftRr** Sö 222, **iftRr** U 60, **RftR** Vg 100, **RftRh** Sö 82)⁷.

Возможно переход /i/ > /e/ произошел и в сложных словах, см., **hahuRþr** *Hægvipr* U 567, **sRkuastr** *Sigfastr* U 93. В двух случаях **R** обозначает первый компонент дифтонга преломления во втором компоненте сложного слова, см. форму **uRhRalm** выше и форму **ranbRarn** *Ragnbiörn* U 590. Возможно, второй компонент дифтонга обозначается руной **R** в имени **aRrukr** (*Æirīkr*, U 954). В большинстве надписей с этим именем, дифтонг обозначается сочетанием **ai** (Peterson 2002: 262). В трех

⁶ Формы с **e** (**sen**, **sena** «свой, свои») вместо этимологически верного гораздо более частотного **i** (**sin**, **sina**) мы находим в 43 уппландских и 15 сёдерманландских надписях. Встречаются и написания с **a** (**san**, **sana**) — 4 надписи из Уппланда и 4 из Сёдерманланда. Эти надписи свидетельствуют о том, что в безударном положении и в безударных словах изменение /i/ > /e/ происходило уже в эпоху викингов. Об этом же свидетельствуют и написания *eftir* с **e** и **a** во втором слове (см. ниже).

⁷ Как правило **R** для обозначения гласного употребляется реже чем традиционные обозначения гласных /i/, /e/, /æ/, однако в надписи U 60 (Энгбю, Стокгольм, около 1100 г.) руна **R** употреблена в значении /ē/, /æ/ или /e/ (< /i/) девять раз: **kirRþu þRir utr IRt + rnesn stnea + iftRr + bira fnþur + RkR kriþnr + hna + ohr irfRkR uRþa h...-...þ** <*kiræþu*> <*þæir*> *Uddr lēt ræisa stæin æftRr Biörn, faþur IngirþaR. Hann vaR ærfingi Vipa ..* ««сделали» <они>. Удд велел поставить камень этот в память о Бьёрне, отце Ингигерд. Он был наследником Види». В ней руна **R** употребляется не только для обозначения долгого *ē* **IRt** и краткого *æ* **iftRr**, но и для обозначения исконного краткого /i/, которое, возможно, к этому времени уже, вероятно, стало /e/ **RkRkriþnr**, **irfRkR**, **uRþa**, **irfRkR**. Особенностью этой надписи является и последовательное употребление неправильного поворота рун **a** и **n** (**rnesn** „*ræisa*“, **stnea** „*stæin*“, **bira** „*biörn*“, **fnþur** „*faþur*“, **RkRkriþnr** „*IngigerþaR*“, **hna** „*han*“, что обычно только спорадически встречается в надписях.

случаях, но в одном и том же корне, **R** обозначает этимологическое долгое /ī/, см. **uRhtafr** *Vīgdjarfr* и **uiha** (ack.) *Vīga* в надписи U 573, **uRhRalm** (ack.) *Vīghialm* U 590. Во всех этих случаях мы имеем дело с /ī/ после лабиального согласного, и не исключено, что корневой гласный в этих формах был огубленным /y̆/.

Чаще всего руна **R** используется для обозначения первого гласного в предлоге *eftir* «по, в память о» в разных его вариантах (**Rfti** — Ög 179, Vg 113, U 771, U 789, U 791, U 1152, U 1160, U Fv1973;146; **Rftia** — U 742; **Rpti** — U 1161; **RftiR** — Vg 101, Vg 103, Vg 105; **RftR** — Vg 100; **RftRh** — Sö 82; **Rftir** — Vg 104. Как мы видим, надписи типа **RftiR/Rftir** встречаются в основном в Уппланде (8) и Вестерьётланде (6). Причем все 8 уппландских камней, на которых начальная фонема в предлоге *eftir* обозначена руной **R** расположены в современной коммуне Энчёпинг, недалеко друг от друга. Все эти надписи относят к работам известного рунического мастера Ливстена, работавшего в 1020–1050-х годах, либо самостоятельно, либо вместе со своими коллегами, со своим учителем Тидкумме (U 742, U 771) и своим учеником Балли (U 1161) (Brate 1925: 42–43; Axelson 1993: 55–58; Stille 1999: 196).

Если в Швеции и Дании наиболее часто руна **R** употреблялась в значении /e/ и /æ /, то в Норвегии в эпоху викингов начала складываться другая традиция обозначения гласного руной **R**. В пяти норвежских надписях эпохи викингов **R** обозначает переднее огубленное /y/ **fRri** *fyri(r)* N 235, **rRkiu** *Ryggju* N 63, **sRnir** *synir* N 63, **saRner** *synir* N 29. Возможно, передний лабиализованный элемент дифтонга /øy/ обозначает **R** в имени **aRintr** *Øyvindr* в норвежской надписи N 210. По-видимому, и в некоторых шведских надписях в предлоге **RuiR** *yfiR* в надписи из Эстерьётланда (Ög 170) первое **R** также обозначало передний огубленный гласный. Такое же значение было у **R** в имени **stRpinkr** *Styþingr* U 948. Ларссон считает, что в этом имени **R** обозначает /i/ (*StiðingR*) (Larsson 2002: 139)⁸, однако написание этого имени на двух других камнях (**stupikR** Ög 25 и **styþik** U 914) с очевидностью свидетельствует о том, что корневая гласная в **stRpinkr** была передней огубленной гласной /y/, /ø/ или /y̆/, /ó/ (*Styþingr* или *Stóþingr*). Об этом же

⁸ Такая интерпретация связана с предположением Ларссона о том, что в шведских и датских надписях эпохи викингов, в отличие от норвежских, **R** никогда не обозначает /y/ (Larsson 2002: 151).

свидетельствует и этимология этого слова, какую бы из двух предлагаемых этимологий мы ни принимали, см. др.-исл. *stúð* «опора, столб» или *stóð* «табун лошадей» — Peterson 2002: 205–206. Если такое обозначение /y/ было редким в Норвегии и еще более редким в Швеции в эпоху викингов, то в Средние века руна **R** перестает употребляться для обозначения согласной /r/ и начинает обозначать переднее огубленное /y/ по всей Скандинавии (Düwel 2001: 93). Появление значения /y/ у руны **R** в западной Скандинавии в эпоху викингов традиционно объясняется тем, что название этой руны начиналось на /y̆/ (/ *y̆R/ «тис», ср. др.-исл. *y̆r*) (см., напр., Spurkland 2001; Larsson 2002). А значение **R** как /e/ или /æ/ в восточной Скандинавии связывают с тем, что на востоке в названии руны *y̆R произошла делабиализация гласного, и руна **R** называлась уже не *y̆R, а *ĭR, *ēR и *æR. Соответственно руны **R** стали употреблять здесь не для обозначения /y/, а для обозначения /e/, /æ/, /ē/ или /ī/ (см., напр., Larsson 2002: 155, там же литература). То, что руна **R** могла обозначать /e/ или /æ/, реже /ē/, очевидно. А вот то, что причиной такого употребления руны **R** было изменение *y̆R > *ĭR, *ēR и *æR в названии этой руны в восточно-скандинавском ареале, вызывает большие сомнения, ср. современные шведские формы без делабиализации с /y/, /y:/ и /ø/, /ø:/ в начале слова перед согласными, в том числе и перед /r/, ср. шв. *yr, yra, yrke, yrsel, ör, öra* и т.п., ср. также совр. норв. *yr, yre, yrke, yrsel, ør, øre*. Объяснение делабиализацией является не объяснением, а описанием. Оно вряд ли возможно, особенно потому, что такая делабиализация предполагается только в названии этой руны *y̆R > *ĭR, *ēR и *æR и отсутствует в других словах (см. выше).

Для того чтобы понять, откуда появилось обозначение гласных руной **R**, рассмотрим, как выглядело одно из самых частотных слов в надписях младшими рунами — предлог *æftir/eftir* („в память о“).

2. Предлог *æftir* в надписях младшими рунами

Все шесть надписей из Вестергётланда, в которых руна **R** обозначает гласную в предлоге *æftir* происходят из одного района. Все камни с этими надписями стоят в коммуне Грэсторп у южного побережья озера Вэнерн в приходах Флу (Vg 100, Vg 101), Холе (Vg 103), Саль (Vg 104), Сэрестада (Vg 105) и Бьербу

(Лэркегапет) (Vg 113)⁹. Кроме этих шести надписей с обозначением первой гласной в предлоге *eftir* руной **R** в громадном большинстве надписей из Вэстерьётланда первая гласная в предлоге *eftir* обозначается рунами **e** (самый частый случай), **a** или **i**, что говорит о том, что этим первым гласным в предлоге *eftir* было /æ/ или /e/. Естественно было предположить, что и в шести надписях с написанием **RftiR** начальная руна **R** тоже значила /æ/ или /e/. Однако три надписи из Вэстерьётланда из районов, прилегающих к району с надписями типа **RftiR**, заставляют нас усомниться в этом. Речь идет об обозначении первой гласной в предлоге *eftir* рунами **u** (**uftir** Vg 13 и **uftiR** Vg 75) и **au** (**auftiR** Vg 123), которые свидетельствуют о том, что первой гласной в предлоге *eftir* в этих трех надписях было /ø/. Причем камни с написаниями **u** и **au** и камни с шестью написания **RftiR** стоят сравнительно недалеко друг от друга. Камень из Барне Осака (Vg 123) находится примерно в 36 км к югу от камней из Флу, камень из Вэстра Ерума (Vg 75) в 50 км к востоку от Флу, а самый северный камень из Vg 75 из Лексберга, находящийся в 1 км к югу от Мариестада, в 55 км от камня из Вэстра Ерум. Такое географическое совпадение вряд ли случайно. По-видимому, мы имеем дело в данном случае с изменением *eftir* > *øftir* в части говоров Вэстерьётланда или с работой пришлого рунического мастера, в языке которого это изменение произошло. Кроме того, такая форма встречается и в четырех надписях из Готланда (G 92, G 94, G 215, G 373), для трех надписей из Вэстманланда (Vs 15, Vs 16, Vs 29), двух надписей из Эстерьётланда (Ög 71, Ög 208) и для одной надписи из Естрикланда (Gs 6).

Еще более очевидно произношение первого гласного в предлоге *eftir* как переднего огубленного гласного /øftir/ в части говоров Уппланда. В Уппланде в основном в комуннах Энчёпинг и Уппсала мы обнаруживаем 42 написания предлога *eftir* рунами **y** (34 раза)¹⁰, **u** (6) и **au** (2), что свидетельствует о том, что первой фонемой в этом предлоге в этих надписях было

⁹ Расстояние между Флу и Лэркегапетом 11 км, между Флу и Холе 16 км., между Холе и Сэрестадом 3,7 км., между Сэрестадом и Салом 8,3 км.

¹⁰ **yftiR** U 716 (2), 726, 887, 905, 919, 1015, 1018, 1024, 1025, 1039, 1040, 1057, 1065, 1069, 1111, 1119, 1133; **yfti** — U 719, 767, 795, 887, 1164; **yftR** —U 851, 1042, 1065; **yftir** — U 734, 1135; **yftir** — U 1135, **yftiRr** — U 616; **ybtiR** — U 700; **yiftiR** — U 809; **ytR** — U 825

/ø/. К комунне Энчэпинг примыкает провинция Вэстманланд с двумя написаниями с **u** (Vs 1, 24) и тремя написаниями с **y** (Vs 15, 16, 29). В Эстерьётланде всего *девять* надписей (пять с **u**, две с **y** и две с **au**), предполагающих произношение /øftir/, причем Пять из них расположены в коммуне Мьёльбу (Ög 88, 165, 199, 200, 206), две на границе этой коммунны с коммунной Линчэпинг (Ög 191, 208), и одна на границе Мьёльбу с коммунной Боксхольм (U 71) и только одна надпись из коммуны Норрчэпинг (Ög 151) отдалена от надписей группы Мьёльбу, однако не на очень большое расстояние (70–80 км.).

Рунический мастер Ливстен из Уппланда, который почти никогда не обозначал первую фонему в слове *eftir/efrir* рунами **i**, **e** или **a**, а наряду с **R** использовал для ее обозначения только **y** (пунктированное **u**), см. **yftiR** — 4 раза, **yfti** — 2 раза, что свидетельствует о том, что Ливстен произносил эту фонему как переднее огубленное /ø/ (/øftiR/) — (Brate 1925: 43). Фактическое отсутствие¹¹ на камнях Ливстена обозначения первого гласного в предлоге *eftir* рунами **i**, **e** или **a** и использование форм **yftiR**, **yfti** свидетельствует о том, что и в тех восьми надписях Ливстена, где в начале предлога *eftir* стоит руна **R** (**RftiR** и т. п.), эта руна могла иметь значение /ø/. В надписях, которые приписываются учителю Ливстена Тидкумме, мы наряду с формой **iftiR** (U 691, U 692), встречаем и форму **yftiR** (716), и формы **uftiR** (U 763) и **uftR** (U 764), которые также указывают на произношение /øftiR/.

Причем уппландские камни с **y** расположены в основном только в западной части Уппланда (начиная с номеров U 616 до U 1164). Нет сомнения, что написания типа **yftiR** обозначают произношение первой фонемы этого слова как переднего огубленного гласного, скорее всего /øftər/ или /øwtər/. Такое же произношение предполагает и написание типа **uftiR** (**ufteR**, **ufti**, **uftiR**, **uftir**, **uftR**, **uftr**, **uft**, **uf**...), которое встречается в 18 южношведских¹² и 18 датских надписях¹³. Причем датские

¹¹ Надпись Gs 9 с формами **eftiR** и **eftir** подписана Ливстеном и Балли. Возможно, именно влиянием Балли можно объяснить формы **eftiR** и **eftir**, тем более что вторым предлогом с этим же значением в этой надписи оказывается **at** — любимый предлог Балли (см. ниже).

¹² Ög 151, 191, 199, 200, 206; U 162, 434, 662, 763, 764, 828; Sö 362, Sm SMUS, Vg 13, 75; Vs 1, 24.

¹³ DR 3, 44, 55, 62, 67, 69, 83, 149, 271, 279, 287, 314, 317, 318, 329, 334, 335, 339.

надписи происходят в основном из Ютландии (одна из Южной Ютландии, а семь из Северной Ютландии). 10 надписей происходят из Сконе. Все датские надписи датируются временем 970–1020 гг. По типу надписи (РАК) шведские надписи из Вестергётланда с **u** соответствуют датским и могут быть отнесены самое позднее к началу XI века, хотя встречаются и более поздние надписи (см. Vg. 75). К этой же группе надписей можно отнести и надписи, где первая фонема в предлоге *eftir* обозначается рунами **au** и **ay**. Написания **auftriR**, **auftri**, **auftri**, **ayftriR**, **aytri** мы встречаем в пяти шведских¹⁴ и восьми датских¹⁵ надписях. Причем и в данном случае среди датских надписей преобладают надписи из северной Ютландии (пять надписей) и Сконе (одна надпись). Такие написания свидетельствуют о монофтонгизации дифтонга /au/ (> /ø /) и о качественном совпадении /ø/ < /au/ и с продуктом *i* — умлаута от /o/, и с /ø/, развившемся из /e/ перед губным согласным (/eftir/ > /øftir). Изменение /e/ > /ø/ предопределил огубленный характер следующего за гласным /f/ (/eftiR/ > /øftiR/), что не оставляет сомнения в том, что первым гласным в предлоге *eftir* в подобных надписях был передний огубленный гласный, скорее всего краткое /ø/. Однако в надписях рунического мастера Эрика, надписи которого тоже находятся в комунне Энчёпинг, нет ни одного случая написания предлога с **y**, **u** или даже **R**. Большинство (13 раз) составляют написания с **a-** (**aftir**) и по одному разу **ai** или **i**, т.е. если для языка Ливстена и вероятно Тидкумме мы должны принять произношение *øftiR*, то для языка Эрика следует признать традиционное предположение о преобладании формы с /e/ или /æ/. В отношении некоторых мастеров трудно сказать о форме предлога. Балли, который в подавляющем большинстве случаев использует предлог **at** (в 42 случаях из 46 случаев употребления предлогов со значением «в память о») использует предлог *eftir* только на четырех камнях. На камне U 729 **iftiR**, на камне Vs 24 из Вестманланда **ufteR**, и на камне из Естрикланда Gs 9 наряду **at** еще **eftir** и **eftiR** и на U 1161 **Rbti**, причем надписи на камнях U 729 и Vs 24 подписаны Балли, надпись на камне U 1161 подписан Балли и Фрёстенем и считается, что в ее создании принимал участие и Ливстен (RUNDATA), а надпись на Gs 9 по характеру рисунка считают работой и Балли и Ливстена. Несмотря на некоторое преоблада-

¹⁴ Ög 88, Ög 165C, U 776, U Fv1974; 203, Vg 123.

¹⁵ DR 85, 98, 99, 118, 127, 209, 230, 259.

ние форм, указывающее на произношение **eftiR** / **eftir** (3), форма **ufteR** на камне, подписанном Балли очевидно указывает на произношение *øftiR*.

Кроме того, форма, свидетельствующая о произношении /*øftiR*/ встречается и в четырех надписях из Готланда (G 92, G 94, G 215, G 373), в трех надписях из Вэстманланда (Vs 15, Vs 16, Vs 29), двух надписях из Эстерьётланда (Ög 71, Ög 208) и водной надписи из Естрикланда (Gs 6).

Таким образом, мы видим, что /*ø*/ в предлоге *eftiR* (> /*øftiR*/) могло обозначаться либо как **y**, либо как **u**, либо как **au**. Могла обозначать /*ø*/ и руна **R** в написаниях типа **RftiR** (/*øftiR*/). Первое использование руны **R** для обозначения передней огубленной гласной в предлоге *eftir* /*øftiR*/ **RftiR** мы находим уже в X–XI вв. По-видимому, еще до полного совпадения двух **r** (**r** и **R**) руна **R** обозначала не только второе **r** в середине и конце слова, но и /*ø*/ в предлоге *eftiR* (> /*øftiR*/) в начале слова, в тех областях, где произошла лабиализация /*e*/ перед губными согласными.

Написания предлога *eftir* с **y** **u** **au** (*ø*) в Уппланде, свидетельствующие об изменении /*e*/ > /*ø*/, характерны только для северо-западной части Уппланда и не встречаются в других его частях, а традиционные написания с **i**, **e**, **a** распространены по всему Уппланду, в том числе и на северо-западе¹⁶. В южной и западной части Уппланда, также как и в других шведских провинциях первая руна в предлоге *eftir* — почти всегда **i**, **e** или **a**, что свидетельствует об отсутствии перехода /*eftir*/ > /*øftir*/.

3. Лабиализация /*e*/ перед губными согласными в части древнешведских и древнедатских диалектов

Лабиализация /*e*/ в сочетании с губными согласными встречается и в древнедатском, где часты формы типа *støfte* (stifte), *brystær* (brister), *drøper* (dræper) *lyvær* (lever) (Brøndum-Nielsen 1950, I: 213–218). Причем именно Ютландия была очагом распространения этого изменения. Беннике и Кристенсен в начале XX века отмечали, что для большей части северной Ютландии лабиализация перед губными «является фактически повсеместной» (ibid.). Соответственно многим сохраняющимся nelaби-

¹⁶ 37 надписей с **aftiR** или **aftir**, 16 надписей с **abtiR** или **abtir**, около 40 надписей с **eftiR**, 11 надписей с **eftR**, более 40 надписей с **iftiR**, 12 надписей с **iftir**. Все эти подсчеты относятся к руническим камням северо-западного Уппланда (камни с U 701 по U 1146).

ализованным передним гласным датской литературной нормы (формы в скобках) соответствуют в Ютландии передние огубленные гласные, см.: *sgrøw'* (skrev), *schw'* (stiv), *knyw'* (kniv), *lyw'* (liv), *brøw* (brev), *røw*, *Røw'* (ræv), *gyw't*, *gy.wt* (gifte), *sgrø wt* (skrift) — Bennike, Kristensen 1898–1912, I: 59–60; II. Kort 28. Тексты на ютландских диалектах XX века показывают, что лабиализация передних гласных продолжает оставаться характерной их чертой, ср. особенно диалекты северной, восточной и западной Ютландии, ср. формы *løvvi*¹⁷ (датское литературное *levende*), *skryvv* (skrive), *jyvt* (gift), *bløvven* (bleven), *bløv* (blev), *blyw* (blive), *blywə* (bliwer), *nøvv* (næve), *Lyw* (Livø), *skrøv* (skrev), *drøw* (drev), *dryv* (drive), *lyw* (liv), *blyu* (blive), *skrywæn* (skriveren), *evelskywer* (æbleskiver), *knyu* (kniv) (Jensen 1944; Nielsen 1980: 29–31, 46, 50–62, 80–81, 108, 145), ср. также формы восточноютландского говора Хоульбьерга *blyw* (blive), *dryw* (drive), *skryw* (skrive), *løw* (leve), *gyft sə* (gifte sig), *skywt* (skifte), *hwøwt* (vifte) — Jensen 1944 и западноютландского говора Стаунинга, ср. *bly8.* (blive), *dry8.* (drive), *kny8'* (kniv), *sgry8.* (skrive), *sty8'* (stiv), *sgRø8t* (skrift), *rø8t* (rift) — Sandvad 1931: 13, 15. В современных говорах Сконе и Халланда не происходит такого всеобщего огубления передних гласных как в Ютландии, однако и здесь в отдельных говорах и в отдельных словах мы встречаем огубленные гласные перед или после губных согласных (ср., напр. говоры Льюнитса, Осбу, Луггуде, Рённеберга), ср. формы *søm:a* (simma), *tøm:or* (timmer) — Ingers 1939: 49, 62; *løvər* (lever) — Wigforss 1913.

В диалектах Вестергётланда лабиализация передних гласных в сочетании с губными не достигает той степени распространения, которая была характерна для этого явления в Ютландии, но в некоторых говорах Вестергётланда есть целый ряд примеров лабиализации передних гласных по соседству с губными согласными, см.: *drövj* (driva), *hömm* (hem), *kvöttar* (kvittar), *lörrpa* (lirpa), *vörrke vyrke* (virke), *klyva* (kliva), *löftəkə* (livstykke) — Götling 1940–1941: 147–149, 154. Причем некоторые слова с лабиализацией распространены по всему Вестергётланду, ср. *klöppa* (klippa), *söllver* (silver) — *ibid.*, 149.

Что касается Уппланда, где рунические надписи несомненно свидетельствуют о существовании лабиализации /e/ в предлоге *eftig* в некоторых уппландских диалектах, то современные диалекты показывают лабиализацию только в отдельных

¹⁷ Транскрипция источников.

словах, см., напр. формы *lyvstytyje* (livstycke), *tyu* (tvi) — Schagerström 1945–1949: 9.

3. Выводы

Распространение надписей с **e**, **i** и **a** в слове *eftiR* в областях, где распространены написания с **R**, **y**, **u** и **au**, свидетельствует о том, что и традиционные написания с **e**, **i** и **a** также могли обозначать /ø/. Именно такое сосуществование написаний **eftiR**, **yftiR**, **uftiR** и **RftiR** для обозначения /øftiR/ явилось основанием для появления значения /ē/, /e/ и /æ/ у руны **R**. Мастер рунического письма в областях изменения /eftiR/ > /øftiR/ (**yftiR**, **uftiR**, **auftiR**, **RftiR**), продолжая традицию написания **eftiR**, обозначал руной **e** передний огубленный гласный, и, соответственно, одинаковое значение написаний **eftiR** и **RftiR** могло интерпретироваться мастером, в языке которого не было изменения /e/ > /ø/ в слове *eftiR*, как обозначение /e/ руной **R**. Именно такая реинтерпретация и стала основанием для появления значения /ē/, /æ/ и /e/ у руны **R**.

Можно предположить два центра распространения изменения *eftiR* (> /øftiR/). Более ранний, в Ютландии (прежде всего в Северной Ютландии), откуда это изменение в конце X века, и распространились в Сконе и далее в Швецию, и более поздний центр распространения этого изменения в части диалектов Уппланда.

Литература

- Steblyn-Kamenskiy M. I. 1966: Skandinavskiy rotatizm [Scandinavian rotacizm] // *Oчерки по diaхронической фонологии скандинавских языков*. Leningrad, 1966.
 Стеблин-Каменский М. И. Скандинавский ротацизм // *Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков*. Л., Издательство ЛГУ, 1966, 31–38
- Axelsson J. 1993: *Mellansvenska runnristare. Förteckning över signerade och attribuerade inskrifter*. Institution för nordiska språk, Uppsala universitet 1993.
- Bennike V., Kristensen M., 1898–1912: *Kort over de danske folkemål med forklaringer*. København, Gyldendalske boghandel — Nordisk forlag, 1898–1912.
- Brate E., 1925: *Svenska runnristare*. Akademisk förlag, 1925.
- Brøndum-Nielsen J. 1950: *Gammeldansk grammatik*. Bd 1. Schultz forlag, København, 1950.

- Götlind J. 1940–1941: *Västergötlands folkmål*. Del 1. A.-B. Lundequistska bokhandeln, Uppsala 1940–1941
- Ingers I., 1939: *Studier över det sydvästskånska dialektområdet*. Gleerup, Lund, 1939.
- Jensen E. 1944: *Houlbjergmålet: bidrag til beskrivelse af en østjysk dialect*. Schulz, København, 1944.
- Larsson P. 2002: *Yrrunan. Användning och ljudvärde i nordiska runinskrifter*. Institut för nordiska språk. Uppsala universitet. 2002 (Runrön 17). 245.
- Nielsen N. Å. 1980: *Dansk dialektantologi II. Jydsk*. Hernovs forlag, Odense, 1980.
- Peterson L. 2010: Lexikon över urnordiska personnamn. Uppsala, Institut för språk och folkminnen, 2010 www.sofi.se (23.03.2023)
- Peterson L. 2002: Nordisk runnamnlexikon. Språk- och Folkminnesinstitutet, Uppsala, 2002.
- RUNDATA — Samnordisk runtextdatabas Uppsala Universitet 1996 (продолжающийся проект)
<http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm> (23.03.2023)
- Sandvad H. 1931: *Stauningsmålet*. Aarhusstifts bogtrykkeri, Århus, 1931.
- Schagerström A. 1945–1949. Grammatik över Gräsömålet i Uppland (SvLm 51). Stockholm.
- Spurkland T. 2001. I *begynnelsen var fuþark: norske runer og runeindskrifter*. Skrifter fra Landslaget for norskundervisning 138. Oslo.
- Stille P. 1999: *Runstenar och runristare i det vikingatida Fjædrundraland. En studie i attribuering*. Institutioner för nordiska språk. Uppsala universitet, 1999. (Runrön 13).
- Wigforss E. 1913: *Södra Hallands folkmål*. Norstedt & Söner, 1913.

А. Д. Курилова
Первый МГМУ имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет),
Москва, Россия. akurilova@mail.ru

ИРОНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается трактовка иронии в учебных рукописных руководствах по риторике, составленных в России XVIII века на латинском языке. Отмечается, что авторы руководств уделяли значительное внимание изложению теории тропов и фигур. Как правило, тропы включали в состав учения о словесном выражении, образующего третью часть античного пятичастного риторического канона, но в большинстве случаев данная тема рассматривалась в самом начале курса как одно из начал риторики, без освоения которых невозможно изучение теории красноречия. В статье показано, как авторы рукописных риторик определяют место иронии в классификации тропов и фигур, выделяют и характеризуют её разновидности, указывают функции и возможности употребления иронии в ораторских выступлениях. Уделяется внимание трактовке иронии в античной и новолатинской риторике, определяется связь толкования иронии в рассматриваемых рукописных риториках с предшествующей традицией.

Ключевые слова: риторика, латинский язык, семинарское образование в России XVIII века, ирония.

A. D. Kurilova
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia.
akurilova@mail.ru

Interpretation of irony in Latin handwritten rhetoric books composed in Russia in the 18th century

The article discusses the interpretation of irony in Latin handwritten manuals on rhetoric composed in Russia in the 18th century. It is noted that the authors of the manuals paid considerable attention to the presentation of the theory of tropes and figures. As a rule, it was a part of the doctrine of verbal expression, which forms the third part of the ancient five-part rhetorical canon, but in Russian rhetorical manuals this topic was considered at the very beginning of the course as one of the principles of rhetoric, without mastering which it is impossible to study the theory of eloquence. The article shows how the authors of handwritten rhetoric books determine the place of irony in the classification of tropes and figures, identify and characterize its varieties, indicate the functions and

possibilities of using irony in oratory. Attention is paid to the interpretation of irony in ancient and Neo-Latin rhetoric, and the connection between the interpretation of irony in the considered handwritten rhetoric books and the previous tradition is described.

Keywords: rhetoric, the Latin language, seminary education in 18th century Russia, irony.

Классификации тропов и фигур, сопровождаемой советами по их применению в речах, отведено важное место в риторических руководствах XVIII века, составленных для преподавания в духовных и светских учебных заведениях России. Хотя учение о тропах и фигурах в античной риторике рассматривалось в рамках теории словесного выражения, третьей части риторического канона, в большинстве случаев составители российских руководств считали необходимым познакомить с ними учащихся в самом начале изучения риторики. Так, автор риторики 1766 г. из Нижегородской семинарии вынес эти сведения за пределы канона, расположив раздел о тропах и фигурах в первой части своего руководства, озаглавленной «О началах риторики» (*Pars prima tirocinia eloquentiae continens*) (*Rhetorica* 1766: 12 (об)). Авторы риторик из Коломны (*Praecepta de arte rhetorica* 1761) и Рязани (*Praecepta oratoria* 1759) поместили главы о тропах и фигурах в раздел “*Elocutio*” (словесное выражение), но поменяли местами части античного пятичастного канона, поставив “*Elocutio*” на первое место. Такое расположение материала о тропах и фигурах свидетельствует об основополагающем значении, которое ему придавалось. Без освоения этой риторической «азбуки» считалось невозможным приступить к подготовке ораторского выступления.

Среди тропов, применение которых в речах требовало особого внимания, выделяли метафору, метонимию, синекдоху и иронию. Именно эти тропы называют основными авторы разных руководств (*Rhetorica* 1766: 12 (об); *Basilevicz* 1756: 25 (об)), остальные тропы считая их вариантами (*species*). Составитель вологодской риторики употребляет слово *species* для обозначения основных видов тропов, а их варианты — гиперболу, аллегория, катахрезу, антономасию — определяет как состояния (*affectiones*) (*Nastavleniya* 1764: 27 (об)).

Я. Н. Любарский отмечает «необыкновенную широту» семантического поля *ἔρων / εἰρωνεία* как в античности, так и в византийский период (Lyubarsky 2012b: 461). Если для Аристотеля *εἰρωνεία* означала притворство в сторону преуменьшения, а

притворство в сторону преувеличения определялось словом ἀλαζονεία (Eth. Nic. 1108A 20), то в позднейшей риторике понятие иронии включало в себя оба этих значения с различными семантическими оттенками.

В определениях иронии, приводимых в российских рукописных риториках, так или иначе подчёркивается несоответствие выражения и содержания. Автор нижегородского руководства определяет иронию как притворство в речах (“dissimulatio in oratione”), когда сказанное следует понимать в противоположном значении: “tropus, quod per id, quod dicitur contrarium intellegitur” (Rhetorica 1766: 14 (об)). Развёрнутое определение иронии приводит автор московского руководства 1743–1744 г.: “Ironia quo ad vocem significat illusionem quo ad rem est oratio pronuntiationis gravitate negligens sensum verborum vel est oratio non solum aliud verbis et aliud sensu ostendens sed etiam contrarium significans” («Ирония буквально означает насмешку, а на деле это речь, произносимая серьёзно, но отступающая от смысла слов, или речь, не только передающая словами одно, а по сути выражающая другое, но даже означающая противоположное (сказанному)») (Eloquentia 1743–1744: 17 (об)). В этом определении важно указание на значимость интонации для выражения иронии.

В вопросе о месте иронии в классификации тропов в классической риторике не было единства мнений. Так, многие авторы рассматривали иронию как разновидность (species) аллегории (например, Квинтилиан (*Inst. Orat.* VIII, vi, 54), Элий Донат в сочинении “De tropis” (17a)). Сходство аллегории и иронии отмечает и составитель рукописной риторики из Вологды (Nastavleniya 1764: 31 (об)), однако считает аллгорию состоянием метафоры (Nastavleniya 1764: 31), а иронию — самостоятельным тропом.

Ирония в широком смысле слова понималась как наличие в высказывании имплицитного смысла, весь текст или его фрагмент мог быть окрашен иронией. Такой вид иронии Квинтилиан относил к фигурам, а не к тропам (*Inst. Orat.* IX, i, 7), и в качестве примера наиболее протяжённого проявления иронии привёл жизнь Сократа: “etiam vita universa ironiam habere videatur, qualis est visa Socratis; nam ideo dictus εἴρων, agens imperitum et admiratorem aliorum tanquam sapientium” («кажется, даже целая жизнь может содержать в себе иронию, каковой представляется жизнь Сократа; ведь потому его называли εἴρων (иронистом), что он играл роль несведущего почитателя других

мудрецов») (*Inst. Orat.* IX, ii, 46). Так как, по словам Квинтилиана, всё искусство говорить остроумно заключается в том, чтобы в речи отступать от правильного и истинного: “Et hercule omnis salse dicendi ratio in eo est, ut aliter, quam est rectum verumque, dicatur” (*Inst. orat.* VI, iii, 89), ирония, по определению заключающаяся в придании иного смысла высказыванию, считалась одним из наиболее ярких проявлений остроумия в речи.

Ирония в широком смысле слова часто применялась византийскими авторами. Как показано в работах Я. Н. Любарского, византийские писатели под маской иронистов могли передавать своё скептическое отношение к описываемым событиям. Например, Никита Хониат создавал комический эффект с помощью библейских и гомеровских цитат в высоком стиле, которые контрастировали с реальным масштабом объекта иронии (Lyubarsky 2012a: 453).

Авторы российских рукописных риторических руководств оставляют без внимания подобное широкое толкование иронии, предпочитая рассматривать её как троп с ограниченной областью употребления.

Составитель вологодской риторики, ссылаясь на Квинтилиана, подчеркивает сходство иронии и шутки, а также выделяет несколько разновидностей иронии в градации от наиболее мягкой до наиболее острой — хариентизм, акцизм, сарказм, миктеризм. Данная классификация наиболее близка византийскому пониманию иронии, закреплённому в лексиконе Суды, в котором εἰρωνεία определяется как χλευή ἢ ὑλόκρισις (насмешка или притворство) и уточняется понятиями μικτηρισμὸν, σαρκασμὸν, ἀστεϊσμὸν (Suidae lexicon 1928: Eι 210) (см. Lyubarsky 2012b: 462). Хариентизм, как полагает вологодский автор, заключается в замене резких выражений мягкими ради шутки (“*dura mollioribus verbis per iocum notantur*”) (Nastavleniya 1764: 31). Акцизм, согласно вологодскому ритору, состоит в притворном отклонении наиболее желанного (“*recusans ea, vel dissimulans, quae maxime cupimus*”). Сарказм трактуется как оскорбление несчастных недругами (“*qua miseris inimici insultant*”), а о миктеризме говорится, что он больше проявляется в жестах, чем в словах («*fit gestu magis quam verbis*») (Nastavleniya 1764: 31). Заметим, что в риторике Феофана Прокоповича, послужившей одним из основных источников вологодского руководства, даются несколько иные, более конкретные толкования хариентизма и сарказма. Следует уточнить, что Феофан Прокопович

как тропы, так и фигуры определял словами “schemma” или “figura”. Хариентизм определяется следующим образом: “Charientismus est festivum schemma cum aliquem mordaciter quidem, sed quadam cum amoenitate perstringimus, et est haec figura ad deprimendos perditos homines et maxime superbos” («Хариентизм есть красивая фигура, заключающаяся в том, чтобы ужалить кого-либо больно, но с некоторым изяществом, и служит она для порицания порочных людей, в особенности надменных») (Procopovič 1982: 263). В переводе Г.А. Стратановского учтен несколько иной вариант этого фрагмента, указанный в издании Р. Лахманн как разночтение: “ut scilicet soli illi in quem haec dicitur amarum sit, caeteris auditoribus iucundum et suave videatur: Et est haec figura aptissima ad deprimendos”: «Хариентизм есть остроумная фигура, когда мы, хотя и колко, но всё же с некоторой приятностью кого-нибудь задеваем, так что она, разумеется, причиняет неприятность только тому, к кому относится, другим же слушателям, по-видимому, приятна и доставляет удовольствие. Эта фигура наиболее пригодна для того, чтобы смирять людей развращённых и особенно высокомерных» (Feofan Procopovich 2020: 253). Сарказм, согласно Прокоповичу, состоит в том, чтобы едкой шуткой клеймить нечто позорное и безобразное (“aliquid faedum et deforme cum quodam acerbo ioco exprobramus”) (Procopovič 1982: 277).

Автор нижегородской риторики разновидностью иронии называет антифразис, приводя следующее толкование тропа: “Antiphraasis est rerum denominatio ex indole contraria. ut parcae nonnullis dicuntur, quasi minime parcentes” («Антифразис есть обозначение предметов по противоположному свойству, например, Парками называют наиболее беспощадных») (Rhetorica 1766: 14 (об)). По-видимому, это хрестоматийный пример, он встречается, например, у Доната (17b): “Parcae eo quod nulli parcant” («Парки — потому что никого не щадят»). Этот же пример приводит составитель коломенской риторики (Praecepta de arte rhetorica... 1761: 115). Гиперболу нижегородский ритор также рассматривает как вид иронии, хотя её суть состоит в преувеличении, а не в придании высказыванию противоположного смысла, что противоречит приведённому в этой риторике определению иронии.

Примерами иронии в учебных риториках чаще всего служат высказывания Цицерона. Цицерон пользовался заслуженной репутацией ирониста (ὁ εἴρων), как со ссылкой на Квинтилиана и Макробия называли его ренессансные авторы (Кпox 1989: 34).

Так, в коломенской риторике в качестве примера иронии используется фраза Цицерона из первой Катилинарии: “Nos autem, viri fortes, satis facere rei publicae videmur, si istius furorem ac tela vitemus” (“Нам же, храбрым мужам, кажется, что мы достаточно сделаем для республики, если избежим стрел его ярости») (Cic. *Cat.* I). В нижегородском руководстве примером служит выражение Цицерона “Praeclarum ovium custodem ut ajunt lupum” («Волк, как говорят, замечательный овечий пастух!») (Cic. *Phil.* 3, 11, 27).

Вологодский ритор обращает внимание на функции иронии: “Usus ironiae maximus est, ut in iocis et salibus, ita enim cum mordere volumus, vel nimis stupida adversarii argumenta confutamus” («Ирония чаще всего используется, подобно шуткам и остротам, когда мы хотим уязвить (кого-либо), или опровергаем слишком глупые аргументы противника (Nastavleniya 1764: 30 (об)).

Мануил Базилевич, автор смоленской риторики 1756 г., называет несколько иные функции иронии: “Ironia venustat orationem, recreat auditorem, valet ad contemptum rei alicuius exprimendum” («Ирония украшает речь, освежает слушателя, нужна для выражения презрения к чему-либо») (Basilevicz 1756: 117). Смоленский ритор приводит примеры использования тропов и фигур для амплификации и, в частности, показывает, как с помощью иронии можно амплифицировать тезис “Honores mutant mores”: “Ita est, auditores; ita, credo, censetis; tam validi sunt humeri nostri, ut magnos honores ferre sine mentis aut more corruptione facile possumus” («Так, слушатели; так, верю, вы думаете: так крепки наши плечи, что мы легко можем вынести большие почести без порчи ума и нравов») (Basilevicz 1756: 36 (об)).

В ораторской практике XVIII века ирония употреблялась не очень широко. В наиболее распространённых в то время жанрах эпидейктического красноречия редко прибегали к ироничному тону. Как следует из предписаний риторических руководств, ирония считалась уместной в споре, служила для уязвления противника или выражения к нему презрения, то есть, в большей степени находила применение в практике академического красноречия, в учебных декламациях. Вместе с тем не вызывал сомнения статус иронии как одного из основных тропов.

Литература

- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Smolensk college. 1756 // Russian State Library. F. 733 (Smolen.), № 21.
- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata*. 1743–1744 // Russian State Library. F. 341, № 2136.
- Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приуроченное к пользованию российского юношества в Московской православной академии). 1743–1744. // РГБ. Ф. 341, № 2136.
- Feofan Procopovich 2020: *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig* / tr. by G. A. Stratanovski. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Archeo, 2020.
- Феофан Прокопович. 2020: *Об искусстве риторическом десять книг* / пер. Г. А. Стратановского. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Knox, Dilwyn 1989: *Ironia: medieval and Renaissance ideas on irony*. N.Y.: Columbia University.
- Lyubarsky, Ya. N. 2012a: Byzantine Irony: The Example of Niketas Choniates. In: Lyubarsky Ya. N. *Istoriki i pisateli Vizantii (VI–XII vv.)*. St. Petersburg: Aleteya, 2012, 447–457.
- Любарский, Я. Н. 2012а: Byzantine Irony: The Example of Niketas Choniates. В сб.: Любарский Я. Н. *Историки и писатели Византии (VI–XII вв.)*. СПб.: Алетейя, 2012, 447–457.
- Lyubarsky, Ya. N. 2012b: [Irony among the Byzantines: the example of Michael Psellos]. In: Lyubarsky Ya.N. *Istoriki i pisateli Vizantii (VI–XII vv.)*. St. Petersburg: Aleteya, 2012, 458–473.
- Любарский, Я. Н. 2012б: Ирония у византийцев: пример Михаила Пселла. В сб.: Любарский Я. Н. *Историки и писатели Византии (VI–XII вв.)*. СПб.: Алетейя, 2012, 458–473.
- Nastavleniya 1764: *Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov [Instructions in rhetoric using the examples by Latin authors]*. Vologda seminary. 1764 // Russian State Library. F. 122, № 14.
- Наставления 1764: *Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...* Вологодская семинария. 1764 // РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14.
- Praecepta de arte rhetorica 1761: *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Kolomna seminary. 1761 // Russian State Library. F. 173.1, № 357, 85–193.
- Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. 1761. // РГБ. Ф. 173.1, № 357, 85–193.

- Praecepta oratoria 1759: *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...*Ryazan seminary. 1759 // Russian State Library. F. 194 (К. И. Невоструева), № 43.
- Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. 1759 // РГБ. Ф. 194 (К. И. Невоструева), № 43.
- Procopovič 1982: Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X. *Slavistische Forschungen*. Köln; Wien, 1982.
- Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Kurs lekcij po ritorike, chitannyh v Nizhegorodskoj seminarii [A course of lectures on rhetoric, held at the Nizhny Novgorod Seminary]*. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.
- Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.
- Suidae lexicon 1928: Adler, A. (ed.). *Suidae lexicon*. Leipzig: Teubner, 1928. Bd. 1.

И. А. Ладынин

МГУ им. М.В. Ломоносова/ВШЭ, Москва, Россия. ladynin@mail.ru

ВОЙНА ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ СЕСОСТРИСА СО СКИФАМИ В ТРУДЕ МЕГАСФЕНА*

В контексте перечисления великих правителей прошлого, не сумевших покорить Индию вплоть до времени Александра, Мегасфен изложил сюжет о поражении, которое нанесли скифы египетскому царю Сесострису. По-видимому, он принял версию этого сюжета, отличную от изложенной Гекатеом Абдерским в труде о Египте, так как стремился опровергнуть его данные о покорении Индии египетским царем Сесострисом, как обесценивающие деяния Александра. Также усматривается влияние на труд Мегасфена египетской антиптолемеевской пропаганды.

Ключевые слова: Египет, Сесострис, Мегасфен, Гекатей Абдерский, Птолеми, Селевкиды, историография, пропаганда.

Ivan A. Ladynin

Lomonosov Moscow State University/ HSE, Moscow, Russia. ladynin@mail.ru

The War of the Egyptian King Sesostris against Scythians in Megasthenes' Narrative

The article deals with a noticeably short account about an alleged war waged by the Egyptian king-conqueror of the remote past Sesostris as narrated by Megasthenes in his list of rulers that failed to conquer India before Alexander. The account is quoted at greater length by Strabo (XV. 1.6, p. 686–687) and considerably shorter by Arrian (Ind. 5. 4–6). The king Sesostris approached European Scythia via Caucasian Iberia from Pontus and Thrace but failed to subjugate it and was repulsed by the Scythian king Idanthyrsos as far as Egypt's eastern frontier. The prototype of the story cannot be precisely identified (the author argued previously that it might be the world history by Theopompus) but is evidently alternative to the account of the wars of the Egyptian king Sesoosis by Hecataeus of Abdera (Diod. I. 55). Taking that Hecataeus wrote as early as 310s B.C. and Megasthenes not before the early 3rd century B.C. one can derive that the latter was reluctant to admit the invasion of Hecataeus' Sesoosis in India

* Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. — начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

earlier than Alexander, as devaluing his deeds. Besides there is a possibility that Megasthenes was influenced by an Egyptian anti-Ptolemaic scheme: the preponderance of Egypt had once been overthrown in Sesostris' lifetime but in due course it was restored and so it might happen after the downfall of the Macedonian rule in Egypt. The anti-Ptolemaic trend in Megasthenes' narrative is easily explained with the contradictions between the Seleucid and the Ptolemaic empire that started in the early 3rd century B.C.

Keywords: Egypt, Sesostris, Megasthenes, Hecataeus of Abdera, Ptolemies, Seleucids, historiography, propaganda.

Один из фрагментов «Индики» Мегасфена, посвященный перечислению правителей прошлого, со времен Геракла и Диониса и вплоть до времени Александра, не сумевших покорить Индию (FGrHist. 715. F. 11), содержит следующие сведения:

συναποφαίνεται δὲ πως καὶ Μεγασθένης τῷ λόγῳ τούτῳ κελεύων ἀπιστεῖν ταῖς ἀρχαίαις περὶ Ἰνδῶν ἱστορίαις: οὔτε γὰρ παρ' Ἰνδῶν ἔξω σταλῆναι ποτε στρατιάν, οὔτ' ἐπελθεῖν ἔξωθεν καὶ κρατῆσαι πλὴν τῆς μεθ' Ἡρακλέους καὶ Διονύσου καὶ τῆς νῦν μετὰ Μακεδόνων. καίτοι Σέσωστριν μὲν τὸν Αἰγύπτιον καὶ Τεάρκωνα τὸν Αἰθίοπα ἕως Εὐρώπης προελθεῖν, Ναβοκοδρόσορον δὲ τὸν παρὰ Χαλδαίοις εὐδοκμήσαντα Ἡρακλέους μᾶλλον καὶ ἕως Στηλῶν ἐλάσαι. μέχρι μὲν δὴ δεῦρο καὶ Τεάρκωνα ἀφικέσθαι, ἐκεῖνον δὲ καὶ ἐκ τῆς Ἰβηρίας εἰς τὴν Θράκην καὶ τὸν Πόντον ἀγαγεῖν τὴν στρατιάν: Ἰδάνθουρον δὲ τὸν Σκύθην ἐπιδραμεῖν τῆς Ἀσίας μέχρι Αἰγύπτου: τῆς δὲ Ἰνδικῆς μηδένα τούτων ἄψασθαι: καὶ Σεμίραμιν δ' ἀποθανεῖν πρὸ τῆς ἐπιχειρήσεως: Πέρσας δὲ μισθοφόρους μὲν ἐκ τῆς Ἰνδικῆς μεταπέμψασθαι Ὑδράκας, ἐκεῖ δὲ μὴ στρατεῦσαι, ἀλλ' ἐγγὺς ἐλθεῖν μόνον ἥνικα Κύρος ἤλαυνεν ἐπὶ Μασσαγάτας¹.

«Впрочем, и Мегасфен до некоторой степени согласен с нашим взглядом, так как он предлагает не верить старинным рассказам об индийцах. Ведь никогда индийцы, по его словам, не послали своего войска за пределы страны и никогда [войско] из-за рубежа не нападало и не покоряло их, за исключением военной силы под предводительством Геракла и Диониса, а последнее время — македонян. Впрочем, Сесострис египтянин и Теаркон эфиоп² дошли до Европы. Набокодросор же, который у халдеев прославился еще более Геракла, доходил даже до Столпов; а

¹ *Comm. ad loc.:* Radt 2009: 143–144 (существенной информации для цели настоящей работы нет).

² Царь XXV напатской династии Египта Тахарка (690–664 г. до н.э.; Ladynin 2012).

Сесострис даже из Иберии ходил походом во Фракию и на Понт. Наконец, Иданфирс скиф прошел Азию вплоть до Египта. Однако никто из них, говорит этот писатель, не достигал Индии, и Семирамида умерла, не успев совершить похода. Правда, персы приглашали наемников из Индии — гидраков, — но сами не ходили туда войной, а только подходили близко во время похода Кира на массагетов»³.

οὗτος ὢν ὁ Μεγασθένης λέγει, οὔτε Ἴνδοὺς ἐπιστρατεύσαι οὐδαμοῖσιν ἀνθρώποισιν, οὔτε Ἴνδοῖσιν ἄλλους ἀνθρώπους, ἀλλὰ Σέσωστριν μὲν τὸν Αἰγύπτιον, τῆς Ἀσίας καταστρεψάμενον τὴν πολλήν, ἔστε ἐπὶ τὴν Εὐρώπην σὺν στρατιῇ ἐλάσαντα ὀπίσω ἀπονοστήσαι, Ἰδάνθυρσον δὲ τὸν Σκύθαια ἐκ Σκυθίας ὀρμηθέντα πολλὰ μὲν τῆς Ἀσίας ἔθνεα καταστρέψασθαι, ἐπελθεῖν δὲ καὶ τὴν Αἰγυπτίων γῆν κρατέοντα. Σεμίραμιν δὲ τὴν Ἀσσυρίην ἐπιχειρεῖν μὲν στέλλεσθαι ἐς Ἴνδοὺς, ἀποθανεῖν δὲ πρὶν τέλος ἐπιθεῖναι τοῖσι βουλευμασιν. ἀλλὰ Ἀλεξάνδρον γὰρ στρατεύσαι ἐπὶ Ἴνδοὺς μόνον. καὶ πρὸ Ἀλεξάνδρου Διονύσου μὲν περί πολλὸς λόγος κατέχει ὡς καὶ τούτου στρατεύσαντος ἐς Ἴνδοὺς καὶ καταστρεψαμένου Ἴνδούς, Ἡρακλέος δὲ περί οὐ πολλός.

«Этот самый Мегасфен говорит, что ни на одного человека инды не ходили войной, ни другие люди на индов; даже Сесострис, египтянин, покоривший большую часть Азии, дошедший до Европы, повернул назад; и скиф Иданфирс, выйдя из Скифии, покорил большую часть народов Азии и напав на землю египтян, одолел [ее]. Ассириянка Семирамида собиралась отправиться на индов, однако умерла до того, как осуществила свое решение. Один только Александр ходил на индов. Ходит много рассказов о том, что до Александра Дионис ходил на индов и покорил их; о Геракле же немного рассказов»⁴.

Помимо правителей, перечисленных в этом пассаже Арриана, Мегасфен в передаче Страбона упоминает в этом контексте также Кира, нанимавшего в Индии гидраков, однако нас интересует крайне сжатый рассказ о войнах египетского царя Сесостриса у Арриана. Сюжет о его противостоянии со скифами наиболее известен в его изложении в труде Геродота, где Сесострису приписывается победа над ними (Hdt. II. 103; Lloyd 1988: 21; Obsomer 1989: 45–47, 125–126; Ivantchik 2005:

³ F. 11a = Strabo XV. 1.6, p. 686–687 (пер. по: Stratanovskiy 1964: 641).

⁴ F. 11b = Arr. Ind. 5. 4–8 (скоп. пер. по: Bongard-Levin, Bukharin, Vigasin 2002: 264).

192–198); у Мегасфена же приводится его вариант, предполагающий поражение египетского царя (Ivanchik 2005: 210 и в целом 190–220). Фракия и Понт — это явно достигнутые Сесострисом после покорения всей Азии подступы к Европейской Скифии, которую он не смог покорить; имя Иданфирс было отнесено Геродотом в скифском логосе к царю — противнику Дария I (*Hdt.* IV.120.3) и, видимо, говорит о моделировании прототипа изложения Мегасфена по этому образцу; а обозначенный этим именем царь, очевидно, нанес египтянам поражение и далее преследовал вплоть до их границ (явно до Восточной Дельты). Если это преследование находит параллель в более поздних сведениях Помпея Трога (*Iust.* II. 3.14⁵), то покорение Египта не приписывается скифам нигде, так что кратёонта в этом контексте либо является искажением, идущим от Арриана (что маловероятно), либо должно означать скорее «одержал верх, победил, одолел» (Liddell, Scott, Jones 1996: 991), нежели «покорил».

Очевидно, что для Мегасфена этот сюжет имел второстепенное значение и сведения о нем он взял из какого-то первоисточника (мы допускали, что им мог быть труд Феопомпа: Ladynin 2021). Примечательно, однако, что его изложение по содержанию является яркой антитезой рассказу Гекатея Абдерского (FGrHist. 264) в передаче Диодора Сицилийского⁶ о войнах египетского царя Сесоосиса (тождественного Сесострису других версий традиции) на подступах к Европе (*Diod.* I.55.4–7). Согласно Гекатею и Диодору, Сесоосис также достиг Танаиса на рубеже Азии и Европы (т.е. района Понта) и Фракии, но дальше не пошел, однако его поражение от скифов не упоминается. Говорится лишь, что во Фракии его остановила угроза потери войска из-за нехватки продовольствия и трудностей пути, однако можно думать, что рассказ некоего первоисточника о поражении царя от скифов был

⁵ Сжатая версия Арриана напоминает фразу начала эпитомы Юстина о древних царях египетском Везосисе и скифском Танавсе, первый из которых дошел походом до Понта, а второй до Египта (*Iust.* I. 1.6: *Fuere quidem temporibus antiquiores Vezosis Aegyptius et Scythiae rex Tanaus, quorum alter in Pontum, alter usque Aegyptum excessit*). Однако это сходство может быть и случайным, тем более что у Юстина не упоминается в качестве предела продвижения Везосиса Фракия.

⁶ О зависимости Диодора от Гекатея см.: Burstein 1992: 45, n. 1; Dillery 1998: 256, n. 4; 2015: 23–25; Stephens 2003: 32, n. 35; Gozzoli 2006: 193–194; Ladynin 2017: 221–222.

Гекатеем купирован, так как в ином контексте у него идет речь о крайней укрепленности при Сесоосисе Восточной Дельты (id. 57.2–4), а в рассказе о скифах Диодор упоминает о покорении ими земель вплоть до Нила (Diod. II. 43.4). Имя египетского царя у Гекатея (Сесоосис) дано в ином варианте, чем у Мегасфена, ориентирующегося на его форму, известную еще Геродоту (Сесострис), и этот царь у Гекатея не только завоеватель, но и великий устроитель (Diod. I. 54, 56–58). Если исходный пункт продвижения Сесостриса к пределам Европы — Иберия (явно кавказская), то, видимо, Мегасфен принимает рубеж между Европой и Азией по Фасису, известный Геродоту (Hdt. IV. 45.2; Ivantchik 2005: 212; см. о проходе по долине Фасиса между Иберией и Колхидой: Strab. XI. 3.4; в целом: Ladynin 2012: 31–32) и актуализированный в контексте войн Сесостриса рассказом об оседании там части его войска, давшей начало народу колхов (Hdt. II. 103–105), в то время как Гекатей проводит этот рубеж по Танаису. Соответственно, если Гекатей приписывает Сесоосису покорение Азиатской Скифии, лежавшей, как говорит в другом месте Диодор, между Кавказом и Танаисом (Diod. II. 43.4), то согласно Мегасфену территории от Кавказа до Танаиса должны были остаться непокоренными; правда, по такой логике Мегасфена Иберия должна была быть и начальным пунктом движения Сесостриса, видимо, через Малую Азию и море в Европу к Фракии (Ladynin 2012: 32), а термин «Понт» — видимо, обозначать лежащие к северу от Фракии области Причерноморья (ср. именование этой области «Понтом» в описании полномочий ее наместника при Александре Зопириона в Iust. XII. 2.16)⁷. Наконец, согласно Гекатею, Сесоосис был в Индии, переправился через Ганг и прошел ее вплоть до океана⁸: в контексте труда Мегасфена, как мы видели, категорически отрицавшего чьи-либо, в том числе Сесостриса, вторжения в Индию с мифологических времен до похода Александра, это расхождение с его сведениями особенно заметно и знаменательно. Иными словами, по своему содержанию сообщение Мегасфена о пределах продвижения Сесостриса в Азии последовательно антагонистично изображению того же продвижения у Гекатея Абдерского. Это в любом случае значит, что Мегасфен весьма последовательно ориенти-

⁷ Мы благодарны за это ценное замечание А. А. Немировскому.

⁸ Diod. I. 55.4: καὶ γὰρ τὸν Γάγγην ποταμὸν διέβη καὶ τὴν Ἰνδικὴν ἐπῆλθε πᾶσαν ἕως ὠκεανοῦ.

ровался на некий первоисточник, представлявший альтернативу сведениям Гекатея в этом вопросе; а если Мегасфен знал произведение Гекатея, то он вступал таким образом в сознательную полемику с ним самим (даже если не называл его).

Вопрос о соотношении сведений Мегасфена и Гекатея, соответственно, об Индии и о Египте не раз обсуждался в литературе. Если большинство исследователей (О. Мёррей, К. Карттунен, А. Замбрини) склонялись к тому, что Мегасфен в своем труде ориентировался на сочинение Гекатея, то в отечественной литературе аргументирована противоположная точка зрения М. Д. Бухарина, которую представляется необходимым обсудить (см., с оценкой историографии: Bongard-Levin, Bukharin, Vigasın 2002: 130–135). По мнению этого исследователя, многие известия Гекатея (о мифологической истории Египта, о его обществе, о Ниле) реплицируют известия Мегасфена об Индии, как бы отдавая преимущество Египту. На наш взгляд, такая постановка вопроса в целом уязвима: очевидно, что рассказы о древности и чудесах разных стран будут обладать сходством в изложении близких сюжетов, а оценка того, как эти сюжеты соотносятся между собой «качественно» и «количественно», весьма субъективна. Кроме того, во многом отражением современной исследовательской позиции выглядит и сама презумпция, что такие хорографические произведения «зависят» друг от друга, а не обнаруживают сходство между собой в силу следования единообразным (как традиционным, так и самоочевидным) моделям. Что же касается некоторых конкретных аргументов Бухарина, то, в частности, сообщения Гекатея о продолжительности египетской истории от Осириса и Исиды до Александра в 10000 или 23000 лет (Diod. I. 23.1) близки собственно египетским сведениям Манефона Севеннитского об общей продолжительности правлений мифологических царей Египта в 11000 или 24900 «лунных лет» (месяцев), т. е. в 2206 обычных лет (Manetho, frg. 1.4 Waddell; о том, что Гекатей тоже имеет ввиду «лунные годы», см. Diod. I.26.3–4), и тем самым не сводимы к контрасту с меньшей продолжительностью истории Индии у Мегасфена. Аналогично, едва ли только от Мегасфена Гекатей мог узнать о Ганге: эта река упоминается уже в переданных Аррианом словах Александра (Arr. Anab. V. 26.1), да и трудно себе представить, чтобы об этой реке не зашла речь в ходе знаменитой беседы македонского царя с Чандрагуптой Маурьей о державе Нандов (Plut. Alex. 62.4). Однако наиболее важна подробно обоснован-

ная О. Мёрреем и не теряющая своего значения датировка произведения Гекатея Абдерского 310-ми гг. до н.э., когда оно создавалось в рамках пропагандистских усилий нового хозяина Египта сатрапа Птолемея (Murray 1970: 143-144; Ladynin 2017: 221–222, п. 1). В свою очередь, труд Мегасфена был создан не ранее его путешествия в Паталипутру, т.е. в первые десятилетия III в. до н.э. (Bongard-Levin, Bukharin, Vigasin 2002: 59)⁹, так что сколько-нибудь системная связь между этими произведениями могла иметь место только «от Гекатея к Мегасфену», а не наоборот.

Вместе с тем тот факт, что труд Гекатея Абдерского, очевидно, появился раньше труда Мегасфена и при этом должен был получить серьезную известность¹⁰, делает весьма вероятным то, что Мегасфен этот труд знал, и тем самым его сообщение о Сесострисе является осознанной полемикой с Гекатеем. Мы уже сказали, что наиболее важным для Мегасфена должно было быть оспаривание утверждения о том, что египетский царь завоевал Индию. При этом источник сведений Мегасфена о египетском царе, по всей вероятности, описывал его успешные завоевания в Азии и поражение от скифов, но вообще не упоминал в связи с ним Индию: вывод о том, что Сесострис не покорил Индию на основании того, что в этом первоисточнике сведений об этом не было, сделал сам Мегасфен, причем, как показывает его более подробное и точное цитирование Страбоном, он сделал этот вывод в контексте последовательного оспаривания даже умозрительных допущений, что кто-то из великих завоевателей немифологического прошлого все же в Индию вторгся. Думается, поводом для этого могла стать лишь полемика с чьими-то утверждениями, что такие вторжения все же имели место. При этом мы точно знаем, что Гекатей это утверждал относительно египетского царя-завоевателя, а то, что Мегасфен, согласно как Страбону, так и Арриану, начинает «перебирать» великих завоевателей

⁹ Дж. Диллери менее определенно относит труд Гекатея ко времени около 300 г. до н. э. (Dillery 1998: 256, п. 4), что, однако, тоже раньше вероятной датировки труда Мегасфена.

¹⁰ Мы имеем в виду и его весьма вероятную роль в идеологической подготовке повышения властного статуса сатрапа Птолемея, и то, что рассказ Гекатея о великом царе-завоевателе, видимо, использовался Манефоном (этому сюжету мы посвящаем отдельное исследование, которое планируем опубликовать).

начиная с Сесостриса и его противника-скифа (разумеется, отрицая их вторжения в Индию), подсказывает, что для него значима полемика именно с Гекатеем¹¹.

Однако каков был смысл утверждения о завоевании Индии Сесоосисом для Гекатея? Ответ на этот вопрос известен: если в свое время для египетских информаторов Геродота было актуально противопоставление египетского царя-завоевателя Дарию I как элемент антиперсидской пропаганды (Hdt. II. 110), то Гекатей и его информаторы явно противопоставляли его Александру как превзошедшего дела последнего: если продвижение Александра ограничилось долиной Инда, то Сесоосис, по Гекатею, прошел, как мы видели, Индию насквозь (Lloyd 1988: 36–37; Ivantchik 2005: 196–198, 204). Заметим, что, с одной стороны, такое противопоставление практически исключает возможность существования какой-либо античной традиции о походе египетского царя в Индию до Гекатея, из которой последний мог бы почерпнуть эти сведения: данный мотив мог сложиться только после индийского похода Александра 327–325 гг. до н. э., т. е. незадолго до появления труда Гекатея, видимо, в среде его египетских информаторов, и он был первым, кто этот мотив зафиксировал. С другой стороны, противопоставление Сесоосиса Александру дополнительно подкрепляет отнесение труда Гекатея ко времени сатрапии Птолемея, когда была актуальна косвенная дискредитация македонского царя (например, как покровителя жестокого наместника Египта Клеомена: Ladynin 2013): трудно представить себе, что такая «девальвация» свершений Александра могла иметь место после

¹¹ Можно было бы думать, что Мегасфен полемизировал также и с Ктесием Книдским, приписывавшим вторжение в Индию Семирамиде (F. 1b = Diod. II. 16–19; Llewellyn-Jones, Robson 2010: 126–130). В то же время, согласно Ктесию, ее экспедиция оказалась в конечном счете неудачной: после первоначального успеха Семирамида потерпела поражение при Инде от царя Стабробата, сама была ранена, вынуждена обменяться с ним пленными и отступить в Бактрию, а вскоре после этого умерла (Diod. II.20.1); кроме того, в ходе своей экспедиции она переправилась через Инд только перед битвой со Стапробатом и после поражения в ней отступила. Можно представить себе, как при тенденциозном прочтении этого сообщения оно натолкнуло Мегасфена на мысль, что Семирамида умерла раньше, чем смогла вторгнуться (успешно и все же перейдя Инд) в Индию (см. цитирование Арриана: πρὶν τέλος ἐπιθεῖναι τοῖσι βουλεύμασιν «прежде чем осуществила (свое) решение»).

установления его общегосударственного эпонимного культа в Александрии ок. 290 г. до н. э. (Салева 2016: 40–42). Между тем для Селевка I Никатора, которому служил Мегасфен, постулирование преемственности от Александра и уподобление ему имело особенное значение после его столкновения с Маурьями. Отсутствие реальной связи Селевка, в отличие от Птолемея, с Александром и необходимость доказывать ее при помощи фикций могло порождать и особенно нервное отношение его идеологов к тому, в чем угадывалось обесценивание образа великого македонского царя, особенно в контексте его индийского похода (см. Smirnov 2013: 129–133, с отсылками к литературе; Ogden 2017: 54–67). Примечательно и то, что, согласно той же цитате Страбона, Мегасфен говорил об отсутствии вторжений в Индию с мифологических времен и до «македонян», имея в виду, весьма вероятно, не только Александра, но и воевавшего с Маурьями Селевка. Соответственно, полемика с Гекатеем по вопросу о том, покорил ли египетский царь Индию, на основании не дающего такой информации первоисточника могла быть важна для Мегасфена как раз в порядке «восстановления справедливости» в отношении как Александра, так и Селевка I (см. о возможной презентации последнего как третьего после Диониса и Александра завоевателя Индии: Ogden 2017: 62).

Между тем в произведении Страбона есть и еще один примечательный фрагмент с упоминанием Сесостриса: «Однако переселения карийцев, треров, тевкров и галатов, точно так же как большая часть походов вождей в отдаленные страны (например, Мадия Скифского, Теаркона Эфиопского, Коба Трерского, Сесостриса и Псаммитиха египетских, а также персов от Кира до Ксеркса), не всем одинаково известны» (Strab. I. 3.21, р. 61; пер. по: Stratanovskiy 1964: 68)¹². Едва ли это сообщение основано на одном первоисточнике, однако одновременное упоминание в нем Сесостриса и Теаркона/Тахарки позволяет думать, что к Мегасфену восходит по крайней мере его египетская «составляющая» (включая, видимо, и упоминание «Псаммитиха» – как мы полагали, контаминированной фигуры,

¹² αἱ δὲ τῶν Καρῶν καὶ Τρηρῶν καὶ Τεύκρων μεταναστάσεις καὶ Γαλατῶν, ὁμοῦ δὲ καὶ τῶν ἡγεμόνων οἱ ἐπὶ πολὺ ἐκτοπισμοί, Μάδουός τε τοῦ Σκυθικοῦ καὶ Θεαρκῶ τοῦ Αἰθίοπος καὶ Κώβου τοῦ Τρηρὸς καὶ Σεσώστριος καὶ Ψαμμίτιχου τῶν Αἰγυπτίων καὶ Περσῶν τῶν ἀπὸ Κύρου μέχρι Ξέρξου οὐχ ὁμοίως ἐν ἐτοίμῳ πᾶσιν εἰσιν; *comm. ad loc.* Radt 2006: 170–172.

объединяющей как Псамметиха I, так и Псамметиха II в связи с восстановлением первым целостности и независимости Египта и с наступлением второго в Нубии и Леванте). Как мы опять же уже говорили, смысл этой последовательности имен мог быть следующим: сначала Сесострис осуществил широкие завоевания по всей Азии и стал первым создателем межрегиональной державы; затем, видимо, ввиду наступления скифов он ее утратил; спустя еще значительное время Египет пал жертвой нашествия «эфиопов» — напатских царей, которое было представлено как тягчайшее бедствие в египетской пропаганде середины XXVI династии, периодически актуализировавшейся и позже; наконец, саисский царь Псамметих освободил Египет и возродил его позиции в мире (Ladynin 2012: 37–39). Однако в такой последовательности этапов наступления Египта во внешний мир и его противоположности очевидна египетская инспирация! При этом концепция этой идеологемы нуждалась в образе Сесостриса именно как великого царя-завоевателя, затем утратившего свои владения, и во времена начала эллинизма, когда писал Мегасфен, могла актуализироваться в одном ключе: сейчас Египет потерпел тяжкое поражение, подпав под владычество македонян и греков, но такие дела случались и раньше и оказывались преходящи (как, впрочем, и наступления Египта во внешний мир). Тем самым эта идеологема носила компенсаторный антимакедонский характер и должна была исходить от каких-то кругов египетской элиты, оппозиционных Птолемям в начале их правления (Ladynin 2018: 301–302). Разумеется, мы не можем судить о канале ее проникновения в труд Мегасфена, однако кажется вполне логичным, что она могла и повлиять на отбор им в качестве своего первоисточника некоего произведения, излагавшего сюжет завоеваний Сесостриса альтернативно по сравнению с лоялистом сатрапа Птолемея Гекатея Абдерского. Добавим, кстати, что по-своему оправдано и явное искоренение и из такой трактовки данного сюжета, и из идеологемы «Сесострис-Теаркон-Псаммитих» аспектов великого царя прошлого, связанных не с завоеваниями, а с его устройтельской деятельностью: судя по всему, эти мотивы достаточно активно эксплуатировались в пропаганде Птолемея I, вплоть до принятия им тронного имени «Хеперкара» («Восуществовал двойник Ра») по примеру царя-устроителя *par excellence* Сенусерта I (Ladynin 2017: 89–93), что могло вызвать отторжение по отношению к ним.

В таком случае приходится заключить, что в передаче Мегасфеном сюжета о войнах Сесостриса прослеживается антиптолемеевское настроение. Это может показаться несколько неожиданным, но в действительности объяснимо: после битвы при Ипсе, когда отпала необходимость в союзе против Антигона Монофталма между Птолемеем I и Селевком I, между ними стали накапливаться противоречия в силу геополитической логики соприкосновения их владений. Они должны были в особенности ощущаться с началом экспансии Птолемея в Средиземноморье в 290–280-е гг. до н. э., когда и писал свое произведение об Индии дипломат Селевка I Мегасфен.

Литература

- Bongard-Levin, G. M., Bukharin, M. D., Vigin, A. A. 2002: [*India and the Classical World*]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Бонгард-Левин, Г. М., Бухарин, М. Д., Вигасин, А. А. 2002: *Индия и античный мир*. М.: Восточная литература.
- Burstein, St. M. 1992: Hecataeus of Abdera's History of Egypt. In: Johnson J. H. (ed.). *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond (Studies in Ancient Oriental Civilization 51)*. Chicago: Oriental Institute, 45–49.
- Caneva, St. 2016: *From Alexander to the Theoi Adelphoi. Foundation and Legitimation of a Dynasty*. (*Studia hellenistica* 56). Leuven; Paris; Bristol: Peeters.
- Dillery, J. 1998: Hecataeus of Abdera: Hyperboreans, Egypt, and the Interpretatio Graeca. *Historia*. Bd. 47(3), 255–275.
- Dillery, J. 2015: *Clio's Other Sons: Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt*. Ann Arbor.
- Gozzoli, R.B. 2006: *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180 BC). Trends and Perspectives*. (*Golden House Publications Egyptology* 5). London: Golden House.
- Ivantchik, A. I. 2005: [*On the Eve of Colonization: The North Black Sea Area and the Nomads of the Steppes in the 8th-7th centuries B.C. in the Classical Narratives: Folklore, Fiction and History*. (*Pontus septentrionalis* 3)]. Moscow; Berlin: Paleograf.
- Иванчик, А. И. 2005: *Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история* (*Pontus septentrionalis* 3). М.; Берлин: Палеограф.
- Ladynin, I. A. 2012: [Tearco/Taharqa in Megasthenes' Narrative (FGrHist. 715. F. 11A = Strab. XV.1.6–8)], in: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. 2: Sbornik nauchnykh trudov XVIII Sergeevskikh chteniy [Orient, Europe and America in Antiquity. 2: Proceedings of the 18th Sergeev's Readings]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 29–41.
- Ладынин, И. А. 2012: Таркон/Тахарка в сообщении Мегасфена (FGrHist. 715. F. 11A = Strab. XV.1.6–8), в: *Восток, Европа,*

- Америка в древности. Вып. 2: Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений.* М.: Изд-во Мос. ун-та, 29–41.
- Ladyinin, I. A. 2013: [Cleomenes of Naucratis in Pseudo-Aristotle's *Oeconomica* and the Topoi of the Ancient Egyptian Propaganda]. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. No. 2, 18–40.
- Ладынин, И. А. 2013: Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды. *Вестник древней истории*. № 2, 18–40.
- Ladyinin, I. A. 2017: [“Egypt Rules Again!” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda.* (Works of the Faculty of History, M. V. Lomonosov Moscow State University 84. Series II. Historical Studies 40).]. Moscow; Saint Petersburg: RKhGA.
- Ладынин, И. А. 2017: «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. (Труды Исторического факультета МГУ 84. Сер. II: Исторические исследования 40). М.; СПб.: РХГА.
- Ladyinin, I. A. 2018: [The Beginning of the Macedonian Period in Categories of the Ancient Egyptian Worldview: Some Notes]. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon: Studies and Publications in Ancient History]*. Vol. 18.1. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 296–310.
- Ладынин И. А. 2018: Начало македонского времени в категориях древнеегипетского мировоззрения: некоторые замечания, в: *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 18.1, 296–310.
- Ladyinin, I. A. 2021: [From Maeotis to the Nile: the War between Egyptians and Scythians in the Traditions of Hecataeus of Abdera and Pompeius Trogus]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")]*. Vol. 12/12.
- Ладынин, И. А. 2021: От Меотиды до Нила: война египтян со скифами в традициях Гекатея Абдерского и Помпея Трога. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 12/12.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
- Llewellyn-Jones, Ll., Robson, J. 2010: *Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient*. London; New York.
- Lloyd, A. B. 1988: *Herodotus, Book II. Commentary 99–188 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 43/3)*. Leiden: Brill.
- Murray, O. 1970: Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship. *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 56, 141–171.
- Obsomer, Cl. 1989. *Les campagnes de Sésostris dans Hérodote: essai d'interprétation du texte grec à la lumière des réalités égyptiennes.* (Connaissance de l'Égypte ancienne 1). Bruxelles.

- Ogden, D. 2017: *The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Myth-making in the Ancient World*. Cambridge.
- Radt, St. 2006: *Strabons Geographika. Bd. 5: Buch I–IV: Kommentar*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Radt, St. 2009: *Strabons Geographika. Bd. 8: Buch XIV–XVII: Kommentar*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Smirnov, S. V. 2013: [*The State of Seleucos I (Politics, Economy, Society)*]. (*Aristeas Supplementa V/MMXII*). Moscow: RFSON.
- Смирнов, С. В. 2013: *Государство Селевка I (Политика, экономика, общество)*. (*Aristeas Supplementa V/MMXII*). М.: РФСОН.
- Stephens, S. A. 2003: *Seeing Double: Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria (Hellenistic Culture and Society 37)*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Stratanovskiy, G. A. (transl.) 1964: [*Strabo. Geography in Seventeen Books*]. Moscow: Nauka.
- Стратановский, Г. А. (пер.). 1964: Страбон. География в 17 книгах. М.: Наука.

Н. Б. Ларионова

МГЛУ/ 1-й Московский гос. медицинский университет им. И. М. Сеченова,
Москва, Россия. vorotapystou@yandex.ru

ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАВЫ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА

Энциклопедическое произведение Михаила Пселла «Всеобщее учение» (греч. *Λίδασκαλία Παντοδαπή*, лат. *De omnifaria doctrina*), помимо основных положений по теологии, философии, психологии и астрономии, содержит также ряд глав, посвященных медицинским вопросам и, в частности, гинекологии (гл. 110–115). В этих кратких главах Пселл излагает основные тезисы медицинского знания своего времени в области гинекологии, затрагивая вопросы зачатия, появления на свет мальчиков и девочек, бесплодия, многоплодной беременности, сходства и непохожести детей на своих родителей, а также вопрос питания эмбриона в чреве матери и вопрос о том, является ли эмбрион в этот момент одушевленным. Цель публикации — на примере переведенных с древнегреческого языка глав показать состояние медицинского знания в Византии XI века в области гинекологии.

Ключевые слова: античная медицина, византийская медицина, Михаил Пселл, *Всеобщее учение*, гинекология.

N. B. Larionova

Moscow State Linguistic University/ Sechenov 1st Medical University. Russia.
vorotapystou@yandex.ru

Gynaecological chapters of the *Encyclopaedia* by Michael Psellos

Michael Psellos' encyclopaedic work *De Omnifaria Doctrina* (Greek: *Λίδασκαλία Παντοδαπή*), besides the main points on theology, philosophy, psychology, and astronomy, also contains several chapters on medical matters, and in particular on gynaecology (chapters 110–115). In these brief chapters, Psellos reviews the central themes of medical knowledge of his time in the field of gynaecology, touching on conception, the birth of boys and girls, barrenness, multiple pregnancies, the similarity and dissimilarity of children to their parents, also the question of the nourishment of the embryo in the mother's womb and the question whether the embryo is animated at this point. The purpose of the publication is to show the state of medical knowledge in eleventh-century Byzantium in the field of gynaecology through the example of the chapters translated from the ancient Greek.

Keywords: ancient medicine, Byzantine medicine, Michael Psellos, *De Omnifaria Doctrina*, gynaecology.

Византийский философ XI века, автор работ по теологии, философии, психологии, математике, астрономии Михаил Пселл всегда отличался любовью к различным видам знаний. Не обошел он вниманием и медицину, которой он, помимо упоминания медицинских тем в письмах, посвятил большое стихотворное произведение «Πόνηρα ἰατρικόν» (Michael Psellus 1992: 190–233), а также ряд глав своей энциклопедии «Всеобщее учение» (Michael Psellos 1948; Michael Psellos 1857: 687–782)¹.

Главное сочинение Пселла, посвященное сразу всем отраслям научного знания — «Всеобщее учение»², состоит из 193-х глав, посвященных богословским вопросам, учению о душе, этике, философии, медицине и астрономии. Эта своеобразная «энциклопедия» была написана в подражание как «Философским главам» св. Иоанна Дамаскина, так и другим известным компендиям по философии, медицине и астрономии. Оно представляет собой попытку систематической гармонизации идей поздних неоплатоников афинской школы с христианским учением с целью создания некоего общего универсального христианского представления о мире. Сочинение содержит обширный и систематически излагаемый материал: во-первых, рассматриваются богословские вопросы; затем следует комплекс вопросов об уме, душе и ангелах; рассматриваются и описываются различные виды добродетелей, проблема зла в мире, а также медицинские вопросы — о здоровье, болезни и возрасте, о том, как возникают сны. В конце рассматриваются астрологические темы.

Главным источником медицинских знаний для византийских авторов, таких как Михаил Пселл, всегда являлись сочинения древних античных учителей, в особенности Гиппократ, Галена и Плутарха. Их сочинения передавались следующим поколениям, как в полном виде, так и в форме сборников цитат (Hohlweg 1988: 39–49). Историю возникновения «Всеобщего учения» Михаила Пселла исследовал ее издатель Л. Вестеринк, который показал, что первоначально сочинение представляло собой конспект из Прокла и других неоплатоников, составленный Пселлом для своих лекций в университете Константино-

¹ Историю публикаций творений Михаила Пселла см.: Duffy 2006: 1–12.

² Небольшая богословская часть имеется в переводе на русский язык (Michael Psellos 1998).

поля. В дальнейшем большая часть его была переработана для представления в качестве учебника императору Михаилу Дуке³.

Труды энциклопедического характера по медицине начали возникать с середины IV в., когда медик Орибасий, личный врач императора Юлиана, составил пересказ древних медицинских текстов, положив, таким образом, начало компилятивным энциклопедическим работам, которые на протяжении многих последующих веков представляли собой наиболее характерный вид научной медицинской литературы.

Около середины VI в. Аэций Амидийский, который учился в Александрии и стал выдающимся врачом в Константинополе, составил фундаментальный труд «Шестнадцать книг по медицине». Его труд представлял собой компиляцию, с некоторыми собственными добавками, из более ранних медицинских книг, в частности Галена. Шестнадцатая глава этого труда посвящена вопросам гинекологии.

В VII в. Павел Эгинский, александрийский хирург и акушер, написал свой медицинский учебник, основываясь, в основном, на Орибасии, но с добавлением собственных важных замечаний по хирургии. В то же время Стефан Афинский написал комментарий к произведениям Гиппократов и Галена, а также трактат о действиях лекарств. Подобный комментарий составил и александрийский философ Иоанн Филопон, произведения которого очень заинтересовали арабов.

Во время темных веков медицина не развивалась. Активная литературная деятельность, связанная с медициной, начинается

³ На сложный и неоднозначный путь формирования этого источника указывает Вестеринк, предполагая, что первоначально текст представлял собой личные записи Пселла, не предназначенные для публикации и некритически серьезно дополненные компиляциями из античных авторов его учеником. «Всеобщее учение» первоначально было задумано как обработка *Placita* Псевдо-Плутарха, однако учитывает также сочинения неоплатоников Олимпиодора, Прокла, Плутарха и Порфирия, а также «Эннеадам» Плотина. В отдельных главах заметно критическое отношение к Плотину, а также некоторое недопонимание компилируемых из него текстов, что совершенно непохоже на Пселла и указывает на деятельность его продолжителя. Текст претерпел несколько редакций, в результате которых были заново упорядочены главы и во второй редакции были добавлены главы о Троице (1–14), об уме и душе (21–46), о добродетелях (66–81). См.: Westerink 1959: 2–7; Westerink 1948: 1–11.

с X в. В это время император Константин Порфирородный способствовал сохранению древних медицинских сочинений, возложив на Феофила Нонна составление медицинских энциклопедий, основанных на сочинениях Орибасия (Krumbacher 1981: 611–614).

В XI в. появляется рассматриваемое нами энциклопедическое произведение — «Всеобщее учение» Михаила Пселла, которое затрагивает все стороны научного знания своего времени. В этом произведении 193 главы, из которых 110–115 посвящены гинекологическим вопросам, таким как зачатие, причины рождения мальчиков и девочек, причины бесплодия, рождение двойняшек и тройняшек, сходство и несходство с родителями, питание эмбриона во чреве матери. 115 глава рассматривает философский вопрос, является ли эмбрион живым и одушевленным до своего рождения. Эти главы по своим названиям сходны с гл. 9–16 произведения Псевдо-Плутарха «Placita philosophorum» (Plutarchus 1971: 418–423).

В 110 главе Михаил Пселл описывает, как происходит зачатие. Уже в античные времена такие основоположники медицинской науки, как Гиппократ и Гален, считали, что зачатие происходит при смешении (κράσις) мужского и женского семени (σπέρμα). Для Михаила Пселла биологический механизм зачатия у людей и животных ничем не отличается. Основываясь на знании древних медиков, Пселл указывает, что благоприятным периодом для наступления беременности является время после истечения месячной крови. Это объясняется тем, что матка (μήτρα) женщины, потерявшей часть крови, становится более сухой и, соответственно, пригодной к зачатию (σύλληψις). Согласно представлению Пселла, мужское семя созидает твердые части тела будущего человека — кости (ὀστᾶ), мышцы (νεῦρα), вены (φλέβας), артерии (ἀρτηρίας), а женское семя участвует в формировании жидких структур тела — крови (αἷμα) и двух видов желчи (ἀμφοτέρας τὰς χολάς), о существовании которых писал еще Гиппократ. Некоторые органы формируются и тем, и другим семенем, но в разных пропорциях.

В 111 главе Михаил Пселл описывает, как рождаются мужские и женские особи. Он говорит о том, что, как у мужчин тестикулы являются парным органом, так и у женщин матка имеет правую и левую пазухи (δύο ἔχει κόλπους ὑποδοχέας). Речь, вероятно, идет о фаллопиевых трубах, которые становятся местом принятия мужского семени. Правая тестикула у мужчин — более теплая, а левая — более прохладная. Если мужское семя

попадает в правую пазуху, рождается мальчик, а если в левую — девочка. Если же это правило нарушается, мальчики рождаются более женственными, а девочки — мужеподобными. Здесь, как мы видим, автор пытается объяснить появление женщин, имеющих мужские черты, и мужчин с женственной внешностью и характером.

В 112 главе Пселл задает вопрос, почему женщина не зачинает, несмотря на то, что живет половой жизнью. Среди причин бесплодия он перечисляет не должное состояние матки, заболевания половых органов женщины, анатомические особенности половых органов мужчины или сознательное нежелание мужчины и женщины иметь детей. Заболевание может представлять собой наросты (τύλους) и опухоли (σαρκώσεις) в женских половых органах. Данная глава написана Пселлом на основе 9 главы «Placita Philosophicorum» Псевдо-Плутарха (Plutarchus 1971: 421).

В 113 главе автор ищет ответ на вопрос, почему рождаются двойняшки и тройняшки. Представления автора о том, как и где в организме женщины происходит зачатие, достаточно смутны. Михаил Пселл вслед за другими античными авторами говорит о существовании в организме женщины большого количества пазух (κόλλους) и полостей (κοιλότητες), разделяясь в которых семя может произвести двойняшек или тройняшек. Корень «κόλλ-» в современной клинической терминологии означает «влагалище» (ср. кольпит – воспаление влагалища). Для Пселла κόλλος — это пазуха (фаллопиева труба) внутри женского организма. Кроме того, Пселл указывает на наличие двух более значительных полостей (κοιλότητες) в женской половой системе, которые отделены друг от друга и которые можно принять за яичники. Именно наличие такого количества полостей, пригодных к принятию семени, становится причиной многоплодной беременности. Количество семени, а также плодovitость спермы также, по мнению Пселла, влияет на появление двойняшек. Античная медицина, начиная с Аристотеля, знала такой редкий феномен как суперфетация (вторичное зачатие) у животных. Ссылаясь на мнение Эрасистрата (III в. до н. э.), второго после Гиппократата врача древности, Пселл в качестве одной из причин появления двойняшек совершенно правильно называет феномен суперфетации (τὰς ἐπισυλλήψεις).

В 114 главе Михаил Пселл отвечает на вопрос, когда случается сходство с родителями, а когда непохожесть. Древние врачи не знали про существование генов. Для них зачатие – это

смешение двух семян, мужского и женского (ὅταν οὖν ἄμφω τὰ σπέρματα συκτραθῆ). Таким образом, похожесть или несходство с родителями они объясняли достаточно просто: если мужское и женское семя смешивается в равных пропорциях, то рождается ребенок, имеющий в равной мере сходство и с отцом, и с матерью. Также дети могут быть похожими на одного из родителей или на обоих сразу в зависимости от силы мужского или женского семени. Если мужское семя доминирует над женским, тогда появляется ребенок, похожий на отца, в обратном случае он становится больше похожим на мать. Пселл выдвигает теорию о том, что ребенок может родиться непохожим ни на кого из родителей, если семя теряет свою теплоту. В таком случае, согласно Пселлу, ребенок получает образ того человека, вид которого был представлен в воображении матери.

В 115 главе Михаил Пселл задается вопросом о том, как питается эмбрион в материнском чреве и является ли он живым одушевленным человеком. Отвечая на этот вопрос, Пселл ссылается на мнения Гиппократ, Галена и Порфирия. Первые два автора называли эмбрион живым и одушевленным с момента зачатия и считали, что он питается через рот. Порфирий, напротив, полагал, что в чреве матери эмбрион живет вегетативной жизнью растения, его движения напоминают раскачивания деревьев от ветра, а собственно одушевление происходит уже после рождения (Afonasin 2013: 191).

Михаил Пселл не был практикующим врачом или теоретиком медицины. Его интерес исходил из той предпосылки, что медицина является практической стороной философского учения о человеке. Вклад Пселла в медицинское знание заключается в том, что он обратился к забытым сочинениям древних авторов и стал их популяризатором.

В заключение приводим перевод на русский язык 110–115 глав «Всеобщего учения» Михаила Пселла, выполненный по критическому изданию Л. Вестеринка (Michael Psellos 1948: 60–63).

Как случаются зачатия

Зачатие у животных случается также, как и у людей, когда матка, более сухая в этот период, становится пригодной к принятию семени после того, как месячные увлекают с собой из всего объема чистой крови некоторую ее часть. Также зачатие женщины способствует смачивание матки при совокуплениях. Сама по себе влажность семени не имеет значения, так как

вещество создается при зачатии от мужской спермы. Мужское семя достаточно для твердых частей тела, таких как кости, мышцы, вены, артерии и т. д. А женское — для более влажных частей тела — я имею в виду кровь и оба вида желчи. Либо [органы состоят] из обоих [семян], но одни [части тела] больше содержат в себе мужского, а другие – женского [семени].

111. Как рождаются мужские и женские особи

Как тестикулы делятся на правое и левое, правое — более теплое, а левое — менее, так и матка имеет две пазухи для принятия мужского семени: одну — правую, другую — левую. Когда мужское [семя] теплее, чем женское, то семя, попавшее в правую пазуху, становится мужской особью по причине ее теплоты, а в левую — женской особью по причине ее прохладности. Когда же семя, попавшее в правую пазуху, становится женской особью, то она формируется мужеподобной, и на подбородке растут волосы. А когда [семя], попавшее в левую [пазуху], становится мужской особью, то она становится женеподобной и более мягкой, чем следует. Такие изменения обнаруживаются как у мужчин, так и у женщин.

112. Почему женщина не зачинает, хотя и совокупляется много раз

По многим причинам не зачинает совокупляющаяся женщина. Когда [матка] более теплая, чем следует, или более прохладная, или более сухая или влажная. Либо, когда имеются заболевания половых органов. Или, когда имеются наросты или опухоли. Или, когда она более узкая или маленькая, чем должна быть по природе. Или вследствие именно смещения с мужским семенем она не может зачать. Или вследствие несоразмерности мужского полового органа, то есть, либо кривизны, когда он не способен прямо выбрасывать семя, либо расстояния, либо уклонения. Также из-за случившейся болезни или некоего устройства, которое берет начало с самого рождения. И другие есть причины того, что не зачинают женщины, совокупляющиеся с мужчинами. Также бесплодие часто случается из-за умышленной уловки, когда, либо мужчина, либо женщина повреждают природу семени. Есть и такой вид причин.

113. Почему рождаются двойняшки и тройняшки

Многие причины можно перечислить и для рождения двойняшек и тройняшек: разделение семени или плодовитость спермы в пазухах матки. Ведь матку окружают различные полости,

поэтому, когда в этих полостях разделяется семя, рождаются двойняшки и тройняшки. Также количество истекающего семени часто становится причиной множества зачинаемых. Причем матка имеет много пазух, и две значительные полости, разделенные внутри мембраной, попадая в которые семя плодоносит двойных эмбрионов. К тому же, Эрасистрат объявляет это причиной суперфетаций, как например у неразумных животных. И другие можно было бы назвать причины как те, которые он обнаруживает, так и следуя за древними.

114. Когда случается сходство с родителями, а когда непохожесть

Семя выделяется как от мужчины, так и от женщины. Когда оно выделяется от мужчины, то это является причиной того, почему оно получает себе его же нрав, образ и внешность, и точно так же, когда от матери. Но когда смешиваются оба семени в равных пропорциях, то рождающееся имеет равную схожесть и с мужской, и с женской особью. Когда же мужское начало преодолевает женское, рождаемые становятся похожими на отцов, а когда женское доминирует над мужским — то они воспроизводят мать. Когда же в семени улетучивается теплота, то рождающееся не похоже ни на одного из родителей. Часто случается, что во время беременности женщина воображает некоего мужчину или некую женщину, тогда рождающееся воспроизводит то, что представлялось в воображении.

115. Является ли эмбрион живым и как он питается

В трех книгах я читал об этом вопросе — Гиппократ, Порфирия и Галена. Из них Гиппократ и Гален называют его живым во чреве, и подвижимым душой неразумной — неразумно, а разумной — разумно, питающимся через рот во чреве, ведь в нем есть некоторые соски и отверстия, через которые он питается. А Порфирий много доводов и доказательств приводит в пользу того, что эмбрион не является живым и одушевленным, но наподобие растения взращивается в матке и шевелится не при помощи души, а по природе, как обычно совершают движения деревья и растения. А питается он не через рот, но через плаценту и пупок, поэтому повитухи прежде освобождают новорожденного, чтобы он мог питаться через рот.

Библиография

- Afonasin, E. V. 2013: [Porphyry on the animation of the embryo]. *ΣΧΟΛΗ* 7. 1, 174–236.
- Афонасин, Е. В. 2013: Порфирий об одушевлении эмбриона. *ΣΧΟΛΗ* 7. 1, 174–236.
- Michael Psellos. 1998: Bogoslovskie sochinenija [Theological works]. arhim. Amvrosij (Pogodin). Saint Petersburg. Михаил Пселл. 1998: *Богословские сочинения*. архим. Амвросий (Погодин). СПб.
- Duffy, J. 2006: Dealing with the Psellos Corpus: From Allatius to Westerink and the Bibliotheca Teubneriana, *Reading Michael Psellos*. C. Barber, D. Jenkins. Leiden; Boston, 1–12.
- Hohlweg, A. 1988: Medizinischer „Enzyklopädismus“ und das Πονημα Ιατρικον des Michael Psellos. *Byzantinische Zeitschrift* 1 (81), 39–49.
- Krumbacher, K. 1891: *Geschichte der byzantinischen Literatur: Von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. München.
- Michael Psellos. De omnifaria doctrina, In: *Patrologia Graeca 1857*. Paris. 122, 687–782.
- Michael Psellos. 1948: *De omnifaria doctrina*. L.G. Westerink. Nijmegen: Centrale Drukkerij.
- Michael Psellus. 1992: *Poemata*. L. G. Westerink. Stuttgart, Leipzig: B. G. Teubneri.
- Plutarchus. 1971: *Moralia*. J. Mau. Vol. 5. Leipzig: Teubner.
- Westerink L. G. 1959: Exzerpte aus Proklos' Enneaden-Kommentar bei Psellos. *Byzantinische Zeitschrift* 52, 1–10.
- Westerink L. G. 1948: Introduction. *Psellos Michael. De Omnifaria Doctrina*. L. G. Westerink. Nijmegen: Centrale Drukkerij, 1–11.

СПИСОК АВТОРОВ первой части тома

- Алексеева Алина Алексеевна** — аспирант кафедры классической филологии МГУ им. Ломоносова; преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ. a.alexiana@yandex.ru
- Антонец Екатерина Владимировна** — доктор филол. наук, доцент кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru
- Ахунова Ольга Леонидовна** — доктор филол. наук, гл. науч. сотр., профессор кафедры классической филологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. levinskaja@mail.ru
- Балаховская Александра Сергеевна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия, a.balakhovskaya@gmail.com
- Беликов Алексей Евгеньевич** — канд. филол. н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». belikov.smu@gmail.com
- Богданов Иван Валерьевич** — канд. истор. наук, ведущий науч. сотр. Отдела Древнего Востока ИВР РАН. jwan.bgd@yandex.ru
- Бондарко Николай Александрович** — доктор филол. наук, ведущий науч. сотр., ИЛИ РАН. n-bond@yandex.ru
- Брагинская Нина Владимировна** — доктор истор. наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, профессор кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. lsatissuperque@gmail.com.
- Брайловская Анастасия Андреевна** — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, преподаватель. Москва, Россия. anasta.bray@gmail.com
- Братухин Александр Юрьевич** — д. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru
- Братухина Людмила Викторовна** — канд. филол. наук, доц. кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Loli28@yandex.ru
- Бузурнюк Екатерина Николаевна** — ИМЛИ им. А. М. Горького РАН / ИОН РАНХиГС, Москва, Россия. katerinabuz@gmail.com
- Васева Евгения Витальевна** — ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины. supremejane@gmail.com
- Васильев Андрей Владимирович** — к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, доцент практики ЦСиГН Ун-та ИТМО, учитель истории 610-й гимназии. a.v.vasilyev@spbu.ru

- Верлинский Александр Леонардович** — доктор филол. наук, вед. н. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. verlinsky@mail.ru
- Волошина Оксана Анатольевна** — канд. филол. наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Университет МГУ-ППИ, Шэньдзэнь, Китай. oxanav2005@mail.ru
- Гавриченко Александр Николаевич** — канд. педагогических наук, доцент кафедры теории языкознания и немецкого языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, pr_nz@mail.ru
- Гаврюшева Александра Евгеньевна** — ст. преп., Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. alexandra-gavr@mail.ru
- Голикова Мария Сергеевна** — канд. филос. наук, доц. кафедры классической филологии, Московский гос. лингвистический университет. golikoff@list.ru
- Головин Дмитрий Витальевич** — студент Нац. исследовательского университета «Высшая школа экономики». golowindmitrij@gmail.com
- Горлов Никита Геннадьевич** — сотр. ИЛИ РАН, nikita@iling.spb.ru
- Джаксон Татьяна Николаевна** — доктор ист. наук, гл. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Дзицойты Юрий Альбертович** — канд. филол. наук, профессор, зав. кафедрой осетинской филологии и общего языкознания, Юго-Осетинский государственный университет. Цхинвал, Южная Осетия. dzicc@mail.ru
- Домосилецкая Марина Валентиновна** — канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник, ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru
- Дюбо Борис Анатольевич** — доктор филол. наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург. borisdjubo@yahoo.de
- Елоева Фатима Абисаловна** — доктор филол. наук, вед. научн. сотрудник, ИЛИ РАН. fatimaeloeva@yandex.ru
- Емельянов Владимир Владимирович** — доктор филос. наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ. banshur69@gmail.com
- Желтов Александр Юрьевич** — доктор филол. наук., профессор кафедры африканистики СПбГУ, заведующий отделом этнографии Африки МАЭ РАН, ajujeltov@mail.ru
- Желтова Елена Владимировна** — канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой классической филологии СПбГУ, e.zheltova@spbu.ru
- Жугра Альвина Венедиктовна** — канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия. ajugra@rambler.ru
- Забеллина Елизавета Александровна** — мл. научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. windmill161@gmail.com
- Заика Наталья Михайловна** — канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник, ИЛИ РАН; доц. СПбГУ. n.zaika@spbu.ru
- Зайцев Дмитрий Владимирович** — канд. ист. н., ст. преп. кафедры всеобщей истории ШАГИ РАНХиГС, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Нац. исследовательского ун-та «Московский физико-технический институт», мл. науч. сотр. РГГУ. dmitriyzaits@yandex.ru

- Ибрагимов Ильдар Ильбекович** — кандидат филологических наук, доцент СПбГУ, научный сотрудник, ИЛИ РАН, ibragimov.lectures@yandex.ru
- Иванов Сергей Валентинович** — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, serge0ivanov@gmail.com
- Казанская Мария Николаевна** — канд. филол. наук, ст. н. с., Институт лингвистических исследований РАН; доцент СПбГУ, subura@mail.ru
- Каргальцев Алексей Витальевич** — канд. ист. наук, ст. преп. кафедры истории религии и теологии, РГПУ им. А. И. Герцена, akargaltsev@herzen.spb.ru
- Карпюк Сергей Георгиевич** — доктор ист. наук, гл. науч. сотрудник Института всеобщей истории РАН, ст. науч. сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; профессор РГГУ, oxlos@yandex.ru
- Кисилиер Максим Львович** — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, старший научный сотрудник ИЛИ РАН, m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru
- Козак Вячеслав Викторович** — канд. филол. наук, научн. сотрудник, ИЛИ РАН, viacheslav.kozak@gmail.com
- Корсо Антонио (Corco Antonio)** — Dr. Prof., University of Cyprus, antoniorcorso@hotmail.com
- Корчагин Алексей Олегович** — канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского Гос. Университета им. М. В. Ломоносова, megistos@mail.ru
- Котова Анастасия Викторовна** — канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины, anastakot@gmail.com
- Кошевская Анна Юрьевна** — канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии ИИЯ им. Мориса Тореза МГЛУ, castrensiana@mail.ru
- Круглова Капитолина Владимировна** — аспирантка МГУ им. М. В. Ломоносова, kapitolina93@gmail.com
- Кузнецова Наталья Андреевна** — лаборант отдела «Словарь языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, ku02@yandex.ru
- Кузьменко Юрий Константинович** — доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛИ РАН, jk7559873@gmail.com
- Курилова Анна Дмитриевна** — канд. филол. наук, доц. института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И. М. Сеченова, akurilova@mail.ru
- Ладынин Иван Андреевич** — доктор ист. наук, доц. кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; проф. Школы исторических наук Нац. исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, ladynin@mail.ru
- Ларионова Наталья Богдановна** — канд. культурологии, доцент кафедры классической филологии МГЛУ; ст. преп. Института лингвистики и

- межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского ун-та им. И. М. Сеченова; vorotapystou@yandex.ru
- Ленчиненко Марина Владиславовна** — заведующая сектором личных коллекций Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. lenchmar@rambler.ru
- Любжин Алексей Игоревич** — доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». vultur@mail.ru
- Морозова Мария Сергеевна** — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, morozovamaria86@gmail.com
- Смирнова Анна Сергеевна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, asmirnova@iling.spb.ru.
- Соболев Андрей Николаевич** — доктор филол. наук, проф., гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, sobolev@staff.uni-marburg.de
- Соллик Танги (Solliec Tanguy)** — научный сотрудник Французского национального центра научных исследований (CNRS), сотрудник Междисциплинарного центра по исследованию языков устной традиции и цивилизаций (LACITO). tanguy.solliec@gmail.com
- Яковлева Карина Андреевна** — бакалавр Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), karina.yakovleva2001@mail.ru

Научное издание

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (1) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2023 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. — 698 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 27 (1), 2023).

Indo-European linguistics and classical philology XXVII (1) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. — 698 p.
(= Indo-European Linguistics and Classical Philology, vol. 27 (1), 2023).

Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60970, Выдано Роскомнадзором 05 марта 2015 г.
ISSN 2306-9015 Indoevropskoje žykoznanie i klassičeskaâ filologîâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp230690152701

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 5 июня 2023. Формат 60x88 1/16

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 44. Тираж 500 экз. Заказ № ____.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Тел. (812) 328-16-12

e-mail: iliran@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com